И С Т П А Р Т
ОТДЕЛ ЦК ВКП(6) ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ВКП(6)

ИСКРА

№№ 1–52
1900–1903

ВЫПУСК
I

«ПРИБОЙ» ЛЕНИНГРАД

ИСТПАРТ
ОТДЕЛ ЦК РКП (б) ПО ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ и РКП (б)

ИСКРА

№№ 1 — 52

ДЕКАБРЬ 1900 — НОЯБРЬ 1903

ПОЛНЫЙ ТЕКСТ ПОД РЕДАКЦИЕЙ И С ПРЕДИСЛОВИЕМ
П. ЛЕПЕШИНСКОГО
И СО ВСТУПИТЕЛЬНОЙ СТАТЬЕЙ
Н. КРУПСКОЙ

ВЫПУСК ПЕРВЫЙ

№№ 1—7

РАБОЧЕЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРИБОЙ»
ЛЕНИНГРАД — 1925

ИСТПАРТ
ОТДЕЛ ЦК РКП (б) ПО ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ и РКП (б)

ИСКРА

№№ 1 — 52

ДЕКАБРЬ 1900 — НОЯБРЬ 1903

ПОЛНЫЙ ТЕКСТ ПОД РЕДАКЦИЕЙ И С ПРЕДИСЛОВИЕМ
П. ЛЕПЕШИНСКОГО
И СО ВСТУПИТЕЛЬНОЙ СТАТЬЕЙ
Н. КРУПСКОЙ

ВЫПУСК ПЕРВЫЙ

№№ 1—7

10809

РАБОЧЕЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРИБОЙ»
ЛЕНИНГРАД — 1925

ИСТПАРТ
ОТДЕЛ ЦК РКП (б) ПО ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ и РКП (б)

ИСКРА

№№ 1 — 52

ДЕКАБРЬ 1900 — НОЯБРЬ 1903

ПОЛНЫЙ ТЕКСТ ПОД РЕДАКЦИЕЙ И С ПРЕДИСЛОВИЕМ
П. ЛЕПЕШИНСКОГО
И СО ВСТУПИТЕЛЬНОЙ СТАТЬЕЙ
Н. КРУПСКОЙ

ВЫПУСК ПЕРВЫЙ

№№ 1—7

ÚSTAV DĚJIN KSČ KNIHOVNA

РАБОЧЕЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРИБОЙ»
ЛЕНИНГРАД — 1925

Ленинградский Гублит № 4923. Тираж 10.125 — 11 л. Заказ № 1594.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

Предисловие. *П. Лепешинский* V
О старой «Искре». *Н. Крупская* VII
Листовка «Искры» IX

ИСКРА № 1.

Насущные задачи нашего движения. *Н. Ленин*. 1
Вильгельм Либкнехт. *П. Аксельрод* 3
Китайская война. *Н. Ленин* 5
Новые друзья русского пролетариата. *Л. Мартов* . . . 7
Царское правосудие и царская милость. *Л. Мартов* . . 10
Ко всем рабочим и работницам России (прокламация) . . 13
Из нашей общественной жизни 14
«Просветительные задачи» России на Дальнем Востоке и положение народных учителей . . . . . —
Финляндские дела. *В. М. Смирнов* . . . . . —
Кризис. . . . . —
Письмо из столицы 15
Письмо ссыльного . . . . . —
Расправа с врагом . . . . . —
Студенческие волнения 16
Хроника рабочего движения и письма с фабрик и заводов —
С.-Петербург . . . . . —
Московская губерния 17
Харьков 18
Нижний-Новгород 19
Екатеринбург . . . . . —
Одесса 20
В г. Николаеве . . . . . —
Иностранное обозрение . . . . . —
Итоги международной социал-демократии *П. Аксельрод* . . . . . —
Международный социалистический конгресс в Париже. *Х. Раковский* 23
Из партии 25
Раскол в заграничном Союзе Русских Социал-Демократов . . . . . —
С.-Петербург 26
Почтовый ящик . . . . . —
Примечания . . . . . —

ИСКРА № 2.

На пороге двадцатого века. *Г. Плеханов* 27
Рабочий класс и «русское знамя». *Л. Мартов* 28
Фельетон. Искорки 30
Самодержавие и земство. *П. Струве* 31
Из нашей общественной жизни 33
Новая драма в Якутске . . . . . —
Из Сибири пишут 35
Праздник мракобесия . . . . . —
Юбилей Н. К. Михайловского 36
Из Саратова пишут . . . . . —
Прекращение «Сев. Курьера» . . . . . —
Одесса . . . . . —
На «Великой Сибирской магистрали». *Г. Кржижановский* 38
В спб. лесном институте . . . . . —
Из Кишинева 39

Стр.

Хроника рабочего движения и письма с фабрик и заводов 39
Стачка на Прохоровских рудниках . . . . . —
Москва . . . . . —
Либава 40
Харьков . . . . . —
Безработица . . . . . —
Иностранное обозрение. Итоги международной социал-демократии (продолжение). *П. Аксельрод* 41
Отдача в солдаты 183 студентов. *Н. Ленин* 42
Наша отечественная рептилия 44
Из партии . . . . . —
Почтовый ящик 45
Примечания . . . . . —

ИСКРА № 3.

Бурный месяц. *Л. Мартов* 47
Рабочая партия и крестьянство. *Н. Ленин* 48
Из нашей общественной жизни 51
С.-Петербург . . . . . —
Москва 57
Харьков 59
Киев 60
Казань 61
Псков. *П. Лепешинский* . . . . . —
В хронику общественных протестов 62
Гражданский подвиг мужей науки 63
По поводу современных событий. *В. Засулич* . . . —
Посвящается читателю-другу. *А. Потресов* 66
Хроника рабочего движения и письма с фабрик и заводов 68
Царское утешение безработным . . . . . —
Белосток . . . . . —
Николаев . . . . . —
Из Иваново-Вознесенска . . . . . —
Из партии 69
Почтовый ящик 70
Примечания 71

ИСКРА № 4.

С чего начать? *Н. Ленин* 73
Самодержавие и финансы. *Парвус* 75
Вопросы дня. *Л. Мартов* 76
Самодержавие и земство. *П. Струве* 78
Из нашей общественной жизни. 81
Студенческие волнения . . . . . —
Западная Сибирь 82
Рабочие Прохоровской мануфактуры 83
Новое крепостное право или отчего крестьяне голодают 84
Как рязанский помпадур взял штурмом семинарию . 85
Травля «подозрительных» интеллигентов . . . . . —
Харьков . . . . . —
В хронику общественных протестов . . . . . —
Из Нижнего-Новгорода 86
Ярославль . . . . . —

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Хроника рабочего движения и письма с фабрик и заводов	86
Ярославль	—
Орехово-Зуево	87
Московская губерния	—
Смерть П. Морозова	88
Из Иваново-Вознесенска	—
Кризис и его последствия	—
Иностранное обозрение	—
Первое мая в Арбоне. *Васильев*	89
Письмо из Вены. *В. Вегман*	—
Из партии. Первое мая в России	90
От группы «Искры»	—
В типографии «Искры» напечатано	—
Примечания	92

ИСКРА № 5.

О бессмысленных мечтаниях. *А. Потресов*	93
Новое вино в старых мехах. *Г. Плеханов*	94
Новое побоище. *Л. Мартов*	95
Из нашей общественной жизни	98
Ярославль	—
Учителя и попы в роли жандармов	99
Крамола во Владимире-на-Клязьме	100
Нижний-Новгород	101
Полицейский набег на литературу	102
Секретный документ	—
Побег Пильсудского	—
Хроника рабочего движения и письма с фабрик и заводов	—
Ярославль. Стачка фармацевтов	—
Первое мая в России	103
Почтовый ящик	105
Примечания	—

ИСКРА № 6.

Ценное признание. *Н. Ленин*	107
Из нашей общественной жизни	109
С.-Петербург	—
С.-Петербург	110
Москва	111
Саратов	—
Вильна	114
Вильна	115
«Помилование» студентов	—
Кострома	116
Война социал-демократам!	—
Цензурные безобразия	117
«Новый курс»	—
«Сердечное попечение»	118
Похвальное слово «Московским Ведомостям». *В. Засулич*	110
Хроника рабочего движения и письма с фабрик и заводов	118
С.-Петербург	—
Саратов	119
Воронеж	—
Из Иваново-Вознесенска	120
Из Шуи	121
Из Орехово-Зуева	—
Красноярск	—
Первое мая в Тифлисе	122
Иностранное обозрение	—
Письма из Франции. *В. Даневич-Гуревич*	—
Письмо из Вены. *В. Вегман*	125
Последняя избирательная победа австрийских рабочих	126
Выборы в цюрихский городской совет	127
Болгария	—
Из партии	128
Последние известия	129
Голод идет! *Л. Мартов*	130
Почтовый ящик	131
Примечания	—

ИСКРА № 7.

Уроки кризиса. *Н. Ленин*	133
Слезы старого крокодила. *Л. Мартов*	134
Из нашей общественной жизни	137
Правящая клика в борьбе с «разнузданностью» населения	—
Из деревни	139
В Костроме	140
Вильна	141
В тюремных застенках	—
Инцидент в Екатеринославском земстве	—
«Доброе слово к русскому народу»	142
Высылка из России Джорджа Кеннана	143
Пирамидов умер!	—
Самоновейшее открытие	144
Хроника рабочего движения и письма с фабрик и заводов	—
С.-Петербург	—
В Центральном районе	—
Кострома	—
Саратов	145
Саратов	—
Рабочий в роли попа-увещевателя	146
Симферополь	—
Керчь	—
В хронику стачек в Западном крае	147
Из партии	—
Почтовый ящик	150
Примечания	—

Предисловие.

Переиздание нашей основной старой нелегальной партийной литературы является насущнейшей задачей в деле изучения нашего революционного прошлого. Здесь старая «Искра» занимает одно из самых почетных мест. Ведь это именно она создала важнейшую эпоху в истории РКП, она предопределила все основные моменты и этапы в дальнейшем развертывании большевистской линии революционного марксизма. Поэтому к ней и нужно обращаться, как к первоисточнику, для понимания всего хода развития нашей партии.

Мысль о создании общероссийского революционно-марксистского органа явилась у Владимира Ильича задолго еще до осуществления ее. По крайней мере, еще в Минусинской ссылке В. И. частенько проговаривался перед товарищами о своих планах на этот счет. Весьма возможно, что ему приходило даже на ум использовать провозглашенную на I с'езде партии центральным органом «Рабочую Газету» для указанной цели. Но во всяком случае по окончании ссылки серьезно вопрос о «Рабочей Газете» Ильич перед собой, повидимому, не ставил, а летом 1900 г., на так называемом «Псковском совещании», где, кроме Ильича, Мартова и Потресова, были, между прочим, Струве и Туган-Барановский, речь шла лишь о заново-поставленных заграничных органах, т. е. о будущей «Искре» и «Заре».

Подготовив в России все предпосылки для успеха задуманного дела (поручив ряду товарищей на местах обслуживать «Искру» — и литературно, и материально, и в организационном отношении), В. И. летом же 1900 г. уехал за границу, где быстро договорился с группою «Освобождение Труда» об издании и газеты и журнала. Типография «Искры» была конспиративно оборудована в Мюнхене, куда и переселилась «русская половина» искровской редакции (Ленин, Потресов, под'ехавший весною 1901 г. Мартов и еще позже—секретарь «Искры» — Надежда Константиновна Крупская, сменившая Инну Смидович), отделившись таким образом (территориально) от стариков-заграничников (Плеханова, Аксельрода, Засулич). Впрочем, это было не только территориальное отделение, но и организационное: группа «Искры» не слилась с группой «Освобождение Труда», и обе они продолжали самостоятельное существование, ибо не исключена была возможность идейного разногласия между ними, а быть может — даже и разрыв. Обстоятельства вскоре же показали, что такая опасность действительно существует. Разногласия между Лениным и Плехановым при выработке партийной программы приобрели настолько острый характер, что можно было даже опасаться разрыва. Но они были сравнительно благополучно изжиты, благодаря уступчивости Ильича, шедшей вразрез с установившейся за ним в плехановско-аксельродовских кругах репутации очень неуступчивого человека.

Плеханов настойчиво, но тщетно требовал, чтобы вся редакция «Искры» сгруппировалась в Женеве. Осторожный Ленин предпочитал держаться вдали. И когда в Мюнхене над «Искрою» повисла атмосфера немецкого шпионажа, он и его ближайшие сотрудники перекочевали вместе с типографией не в Женеву, а в Лондон (в начале 1902 года).

И все-таки в старо-искровской, на первый взгляд спевшейся, группке не все обстояло благополучно. Призрак «черной кошки» нет-нет да и промелькнет бывало среди единомышленников. Об этом, между прочим, свидетельствует и тот факт, что перед вторым с'ездом все настойчивее и настойчивее стал выдвигаться вопрос о включении в редакционную шестерку «на всякий случай» седьмого члена редакции. Даже в качестве такого «седьмого» был приглашен уже однажды тов. Троцкий, но вследствие решительного протеста Плеханова эта комбинация была оставлена, а по предложению того же Плеханова выбор пал на Павловича (П. А. Красикова).

Несмотря, однако, на наличность трений среди членов редакции, «Искра» неизменно продолжала импонировать всем окружающим, как выражение «твердокаменной» точки зрения единой группы единомышленников, проводивших совершенно определенную социал-демократическую линию. В сущности говоря, так оно и было на самом деле. Частичные разногласия между руководителями «Искры» не мешали им пока-что итти вместе и общими усилиями проламывать дорогу через толщу препятствий к намеченной цели. А такой общей целью для них было создание из отдельных кусков — крепкой, сплоченной социал-демократической партии рабочего класса, которая могла бы дать бой самодержавию и повести за собой в этот бой все те оппозиционные элементы, которые задыхались в атмосфере политического бесправия. Но, чтобы достигнуть этой цели, нужно было приняться за идейную очистку партии от всякого накопившегося в ней мусора в форме буржуазных уклонов легального марксизма, скрытого и явного оппортунизма «эко-

номистов», бундовского национал-сепаратизма, кустарничества практиков-социал-демократов старого закала и т. д. С другой стороны, надо было постоянно бить врага на внешних фронтах. И вот старая «Искра» представляет великолепное зрелище такой кипучей и многосторонней деятельности. Громовая передовица, направленная против новых подвигов самодержавия, сочетается со статьей, выявляющей взгляд «Искры» на роль и значение студенческого движения, и с фельетоном, засыпающим политическими стрелами постоянно ищущее свой сбежавший «нос» (совсем, как в повести Гоголя) «Рабочее Дело». В отделе «Из нашей общественной жизни» длинной вереницей проходят картинки из русской действительности с ее очень даже «скверными анекдотами» о беззастенчивости русских чиновников, попов, архиереев, губернаторов, полицейских держиморд и «утирающих слезы вдовицам» синих мундиров. Перепадает «на орехи» и эс-эрам... И все это вместе взятое до такой степени проникнуто единством революционно-марксистской мысли, что никто даже из самых непримиримых врагов «Искры» не решался всерьез посылать по ее адресу упрек в эклектизме, в разношерстности или в двойственности ее физиономии.

Правда, это единство в значительной мере достигалось благодаря тому обстоятельству, что дирижерскую палочку в старо-искровском хоре не выпускал из своих рук такой человек, как Владимир Ильич. Как ни капризничал иногда с барской замашкой Плеханов, как ни склонен был иной раз «свихнуться» в сторону не очень политически устойчивый Мартов, тем не менее крепкая воля Ильича, его знаменитый ленинский «кусак», на который так жаловались после с'езда вчерашние члены его редакционной староискровской семьи, его огромный подлинно-диалектический ум, его изумительная интуиция и великолепный революционный темперамент накладывали такой особый отпечаток на старую «Искру», который и обусловил ее историческое «лицо». А это оригинальное «лицо» достойно самого внимательного изучения.

Как только В. И. отошел от своего детища,—живой революционный дух тотчас же отлетел от «Искры». Автор «Шагов» («Шаг вперед — два шага назад») подвел очень удачный итог старой и новой «Искре». «Старая „Искра“,— писал он,—учила истинам революционной борьбы. Новая „Искра“ учит житейской мудрости: уступчивости и уживчивости. Старая „Искра“ была органом воинствующей ортодоксии. Новая „Искра“ преподносит нам отрыжку оппортунизма, главным образом, в вопросах организационных. Старая „Искра“ заслужила себе почетную нелюбовь и русских и западно-европейских оппортунистов. Новая „Искра“ „поумнела“ и скоро перестанет стыдиться похвал, расточаемых по ее адресу крайними оппортунистами. Старая „Искра“ неуклонно шла к своей цели, и слово не расходилось у нее с делом. В новой „Искре“ внутренняя фальшь ее позиции неизбежно порождает — независимо даже от чьей бы то ни было воли и сознания—политическое лицемерие».

«Какой позор! Как они осрамили нашу старую „Искру“!» — гневно восклицает при этом Ильич.

В заключение скажем два слова о технике редакции настоящего издания «Искры». Там, где удалось установить имя автора (на основании ли Каменевского «Указателя с.-д. литературы на русском языке», или по другим каким-нибудь источникам, вроде «Писем П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова»—книга, которую, кстати сказать, я широко использовал для примечаний к номерам «Искры», а отчасти и по личным моим воспоминаниям), — там это имя поставлено под соответствующей статьей в квадратных скобках. Если у меня было какое-нибудь сомнение на этот счет, я отмечал это обстоятельство знаком вопроса при имени предполагаемого автора. Сделанные в конце каждого выпуска примечания к тем или иным местам текста, требовавшим, с моей точки зрения, некоторых пояснений, принадлежат мне.

П. Лепешинский.

О старой «Искре».

(№№ 1 — 52).

«Искра» была детищем Ильича. В годы ссылки обдумал он план вольной издаваемой за границей общерусской газеты.

Он переводил в ссылке книжку Веббов об английском трэд-юнионизме. Эта книга каждой своей строкой говорила о том, как может пропасть задаром энергия рабочего класса даже передовой промышленной страны — такой страны, как Англия, если борьба рабочих будет распыляться, превращаться в борьбу за цеховые привилегии, если она не будет связана воедино общей целью, единой тактикой, если она не превратится из борьбы рабочих отдельных фабрик и заводов со своими хозяевами в борьбу всего рабочего класса данной страны за новый строй. Вести из России говорили о том, что там получают все большее влияние экономисты, которые вовсе не заботятся о том, чтобы борьбу русских рабочих поднять на высшую ступень, пропитать ее великой целью освобождения всех трудящихся, а, напротив, всячески суживают ее, распыляют, превращают ее из борьбы социал-демократической в борьбу трэд-юнионистскую.

Именно в ссылке Ильич, обдумывая задачи русских социал-демократов, все яснее видит, что рабочий класс должен вести не только экономическую борьбу, но и борьбу политическую, что он должен встать во главе борьбы с самодержавием. И для этой цели надо создать непременно общерусскую с.-д. газету, которая освещала бы все события с с.-д. точки зрения, которая разожгла бы пламя борьбы против самодержавия. Возможно ли создать общерусскую газету в России? История с «Рабочей Газетой», утвержденной I Всероссийским

соц.-демократическим с'ездом и не смогшей выйти в России в течение целых двух лет, показала невозможность создания общерусской регулярно выходящей нелегальной газеты в России. Надо издавать газету за границей.

В своей статье «Памяти Герцена» Ильич отмечает, что великая заслуга Герцена—в том, что он создал вольную русскую прессу за границей. «Полярная Звезда» подняла,—писал Владимир Ильич,—традицию декабристов. „Колокол" (1857 — 1867) стал горой за освобождение крестьян. Рабье молчание было нарушено».

Не меньшее значение имели начавшие выходить с 1883 г. за границей издания группы «Освобождение Труда».

Владимир Ильич на себе испытал всю силу их влияния. Теперь пришла очередь осветить — при помощи вольной заграничной прессы — путь борьбы русского рабочего, путь борьбы русского народа. В ссылке еще Владимир Ильич пришел к решению создать за границей общерусскую газету. Он списывается с Мартовым, сосланным на далекий север в Туруханск. Впечатлительный, талантливый Мартов — типичный журналист. Он, по мнению Владимира Ильича, как нельзя лучше подходил именно для газеты. Владимир Ильич не меньше ценил широкую образованность Потресова, жившего в то время в ссылке в Вятской губ.; Владимир Ильич списывается и с ним. После ссылки Ильич и Потресов живут вместе в Пскове, обдумывают вместе план газеты. Они сходятся на том, что необходимо вовлечь в эту работу Плеханова, Аксельрода, Засулич. Они придумывают заглавие газеты: «Искра», придумывают эпиграф: «Из искры возгорится пламя».

Александра Михайловна Калмыкова, которая была на стороне соц.-демократии, знала Потресова с детства, знала Ильича по его питерской работе, дает денег на «Искру».

Ильич вербует корреспондентов для «Искры». Бабушкин, ученик Владимира Ильича по Питеру — питерский рабочий, становится первым рабкором вольной русской социал-демократической прессы. Ильич закрепляет связи с Питером, Москвой, Уфой, Псковом, едет к Сильвину в Ригу, сговаривается с ним. Все товарищи по работе и по ссылке должны были корреспондировать в «Искру» — Ильич умел увлечь их своим планом.

За границу Ильич едет все приготовить заранее. Есть план создать и в России нелегальную типографию, которая печатала бы брошюры, перепечатывала бы из «Искры» отдельные статьи. Целый ряд опорных пунктов организует Ильич в России, прежде чем уехать за границу.

За границей прежде всего едет вместе с Потресовым договариваться с группой «Освобождение Труда». Прожив долгие годы вдалеке от России, члены группы «Освовождение Труда» большого значения газете вначале не придают, плохо верят, что у нее будут связи с Россией, мечтают больше о толстых сборниках. Но в редакцию «Искры» входят.

Без Ильича не было бы «Искры», без «Искры» борьба русских рабочих была бы менее сознательна, менее единодушна, менее пламенна.

Знамя «Искры», развернутое в начале российского рабочего движения, сплачивало больше двух лет вокруг себя ряды борцов. Влияние «Искры» росло с каждым днем.

«Искра» звала рабочих теснее сплотиться, сорганизоваться, яснее осознать, что кругом них делается.

Она будила в рабочих ненависть ко всякой эксплоатации и угнетению, ненависть к рабству, экономическому и политическому. «Искра» звала рабочих на непримиримую борьбу с самодержавием и на такую же непримиримую борьбу с наемным рабством.

«Искра» клеймила убогое понимание задач рабочего класса экономистами, непримиримо боролась с принижением задач борьбы.

«Искра» заняла твердую линию по отношению к русскому либерализму, она разоблачала непоследовательность, трусость либерализма, звала рабочих итти своей дорогой, не доверять либеральным помещикам и фабрикантам, не превращаться в орудие в руках либералов.

Старая «Искра» в целом вела эту линию, но в редакции «Искры» Владимир Ильич занимал наиболее отчетливую, наиболее последовательную, наиболее непримиримую позицию по отношению к либералам. И когда Владимир Ильич ушел из «Искры», «Искра» после 52 номера споткнулась, прежде всего, на отношении к либералам. Глубочайшая вера в силы рабочего класса заставляла Вл. Ильича особо заботливо расшифровывать классовую сущность либерализма, дала ему возможность понять, что до конца борьбу с самодержавием сможет довести только рабочий класс.

Приходилось «Искре» бороться и с зарождавшейся тогда партией эс-эров. Эс-эры борьбу класса стремились подменить борьбой героев-одиночек, на место массовой борьбы они ставили террористические акты. Вопросы пропаганды, вопросы организации они суживали. Главной революционной силой они считали не рабочий класс, а крестьянство. Всюду эс-эры афишировали себя как представителей крестьянства, совершенно не понимая той роли, которую суждено сыграть рабочему классу в деле освобождения всех трудящихся — и крестьянства в том числе; совершенно не понимая роли рабочего класса как организатора борьбы крестьянства, «Искра» боролась с точкой зрения эс-эров. Тут вся редакция «Искры» была солидарна. Некоторые члены редакции готовы были перегнуть палку и игнорировать роль крестьянства в борьбе с самодержавием. Владимир Ильич не игнорировал важность союза рабочих и крестьян, но устанавливал должную перспективу.

«Искра» боролась за единство рабочего движения. Она звала к об'единению рабочих всех национальностей. Она клеймила национальную политику царской власти.

Благодаря «Искре», громко звучал голос социал-демократии.

«Искра» выработала единую программу, программу Российской Соц.-Дем. Рабочей Партии.

Этого не сделал I с'езд партии, этого не сделал бы и II с'езд, если бы основная работа не была проделана «Искрой».

Без продуманной, цельной программы невозможно единство воли партии, невозможна та идейная сплоченность, которая удесятеряет силы партии и, внося сознательность в ряды членов партии, все рабочее движение из стихийного превращает в сознательное.

Программа партии определяет также основы партийной тактики. Конечно, тактика должна быть гибкой и

ориентироваться на текущий момент, но принципиальные ее основы даются программой.

Каждый номер «Искры» указывал на примере, как надо верность принципам социал-демократии сочетать с умением приспособлять свою тактику, не изменяя ее сущности, к условиям момента, как надо строить ее на самом тщательном учете сил, классовых соотношений, тенденций развития.

«Искра» не только указывала цель, пути к этой цели, она указывала, как по этим путям итти. В этом ее громадная заслуга.

Но, кроме всего этого, «Искра» сыграла громадную организационную роль.

В условиях царского режима партия рабочего класса не могла существовать как единая организация без наличия особого аппарата, который крепил бы связи между отдельными организациями, снабжая их нелегальной литературой и, в особенности — периодической вольной общерусской газетой; давал бы им единое централизованное руководство, а с другой стороны — познакомился бы с тем, что в организациях делается, прислушивался бы к голосу жизни, умел бы подсмотреть, нащупать плюсы и минусы движения. Таким аппаратом явилась сеть «агентов» «Искры», обслуживавшая комитеты, об'ezжавшая все города, везде имевшая связи.

Без «Искры» и ее агентов в те времена хронического разгрома с.-д. организаций их работа неминуемо была бы раздробленной, кустарной.

После II с'езда «Искра» перешла в руки меньшевиков.

Начатое «Искрой» дело продолжили «Вперед» и «Пролетарий», издававшиеся за границей. Они шли по пути, проложенному «Искрой».

И еще есть одна заслуга за «Искрой», которую часто забывают. Это — ее влияние на легальные с.-д. газеты. На наших легальных газетах лежит до сих пор печать «Искры». Принципиальная выдержанность, теснейшая связь с партийной организацией, теснейшая связь с рабочими массами, уменье нащупать самые жизненные вопросы, все это — черты нашей легальной партийной печати, унаследованные ею от «Искры».

Н. Крупская.

Россійская
Соціалдемократическая
Рабочая Партія

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя".
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Предпринимая изданіе политической газеты — „Искра", мы считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ о томъ, къ чему мы стремимся и какъ понимаемъ свои задачи.

Мы переживаемъ крайне важный моментъ въ исторіи русскаго рабочаго движенія и русской соціалдемократіи. Послѣдніе годы характеризуются поразительно быстрымъ распространеніемъ соціалдемократическихъ идей среди нашей интеллигенціи, а на встрѣчу этому теченію общественной мысли идетъ самостоятельно возникшее движеніе промышленнаго пролетаріата, который начинаетъ объединяться и бороться противъ своихъ угнетателей, начинаетъ съ жадностью стремиться къ соціализму. Кружки рабочихъ и соціалдемократовъ интеллигентовъ появляются повсюду, распространяются мѣстные агитаціонные листки, растетъ спросъ на соціалдемократическую литературу, далеко обгоняя предложеніе; а усиленныя правительственныя преслѣдованія не въ силахъ удержать этого движенія. Биткомъ набиты тюрьмы, переполнены мѣста ссылки, чуть не каждый мѣсяцъ слышно о „провалахъ" во всѣхъ концахъ Россіи, о поимкѣ транспортовъ, о конфискаціи литературы и типографій, но движеніе все растетъ, захватываетъ все большій районъ, все глубже проникаетъ въ рабочій классъ, все больше привлекаетъ общественное вниманіе. И все экономическое развитіе Россіи, вся исторія русской общественной мысли и русскаго революціоннаго движенія ручаются за то, что соціалдемократическое рабочее движеніе будетъ расти несмотря на всѣ препятствія и въ концѣ концовъ — преодолѣетъ ихъ.

Но, съ другой стороны, главная черта нашего движенія, которая особенно бросается въ глаза въ послѣднее время, — его раздробленность, его, такъ сказать, кустарный характеръ: мѣстные кружки возникаютъ и дѣйствуютъ независимо другъ отъ друга и даже (что особенно важно) независимо отъ кружковъ, дѣйствовавшихъ и дѣйствующихъ въ тѣхъ же центрахъ; не устанавливается традиціи, нѣтъ преемственности, и мѣстная литература всецѣло отражаетъ раздробленность и отсутствіе связи съ тѣмъ, что уже создано русской соціалдемократіей.

Несоотвѣтствіе этой раздробленности съ запросами, вызываемыми силою и широтой движенія, создаетъ по нашему мнѣнію, критическій моментъ въ его развитіи. Въ самомъ движеніи съ неудержимой силой сказывается потребность упрочиться, выработать опредѣленную физіономію и организацію, а между тѣмъ въ средѣ практически дѣйствующихъ соціалдемократовъ необходимость такого перехода къ высшей формѣ движенія сознается далеко не вездѣ. Въ довольно широкихъ кругахъ наблюдается, наоборотъ, шатанье мысли, увлеченіе модной „критикой марксизма" и „бернштеніадой", распространеніе взглядовъ такъ называемаго „экономическаго" направленія и въ неразрывной связи съ этимъ стремленіе задержать движеніе на его низшей стадіи, стремленіе отодвинуть на второй планъ задачу образованія революціонной партіи, ведущей борьбу во главѣ всего народа. Что подобнаго рода шатанье мысли наблюдается среди русскихъ соціалдемократовъ, что узкій практицизмъ, оторванный отъ теоретическаго освѣщенія движенія въ его цѣломъ, грозитъ совратить движеніе на ложную дорогу, это фактъ; въ этомъ не могутъ усомниться люди, непосредственно знакомые съ положеніемъ дѣлъ въ большинствѣ нашихъ организацій. Да есть и литературныя произведенія, подтверждающія это: стоитъ назвать хотя бы „Credo", вызвавшее уже вполнѣ законный протестъ, „Отдѣльное приложеніе къ Рабочей Мысли (сент. 1899)", столь рельефно выразившее тенденцію, проникающую всю газету „Рабочая Мысль", или наконецъ — воззваніе петербургской „Группы Самоосвобожденія Рабочаго Класса", составленное въ духѣ того же „экономизма". И совершенно невѣрно утвержденіе „Рабочаго Дѣла", что „Credo" представляетъ собою не больше какъ мнѣніе единичныхъ лицъ, что направленіе „Рабочей Мысли" выражаетъ лишь сумбурность и безтактность ея редакціи, а не особое направленіе въ самомъ ходѣ русскаго рабочаго движенія.

А рядомъ съ этимъ въ произведеніяхъ писателей, которыхъ читающая публика, съ большимъ или меньшимъ основаніемъ, считала до сихъ поръ видными представителями „легальнаго" марксизма, все болѣе и болѣе обнаруживается поворотъ къ воззрѣніямъ, сближающимся съ буржуазной апологетикой. Результатомъ всего этого и является тотъ разбродъ и та анархія, благодаря которымъ эксъ-марксистъ или вѣрнѣе эксъ-соціалистъ Бернштейнъ, перечисляя свои успѣхи, могъ печатно заявить, не встрѣчая возраженій, будто большинство дѣйствующихъ въ Россіи соціалдемократовъ состоитъ изъ его послѣдователей.

Мы не хотимъ преувеличивать опасность положенія, но закрывать на нее глаза было бы неизмѣримо вреднѣе; вотъ почему мы отъ всей души привѣтствуемъ рѣшеніе „Группы Освобожденія Труда" возобновить ея литературную дѣятельность и начать систематическую борьбу противъ попытокъ извращенія и опошленія соціалдемократизма.

Практическій выводъ изъ всего этого такой: мы, русскіе соціалдемократы, должны сплотиться и направить всѣ усилія на образованіе крѣпкой партіи, борющейся подъ единымъ знаменемъ революціонной соціалдемократіи. Именно эта задача была намѣчена уже Съѣздомъ 1898 года, образовавшимъ Россійскую Соціалдемократическую Рабочую Партію и опубликовавшимъ ея Манифестъ.

Мы признаемъ себя членами этой партіи, вполнѣ раздѣляемъ основныя идеи „Манифеста" и придаемъ ему важное значеніе, какъ открытому заявленію ея цѣлей. Поэтому для насъ, какъ членовъ партіи, вопросъ о ближайшей и непосредственной нашей задачѣ ставится такимъ образомъ: какой планъ дѣятельности должны мы принять, что бы достигнуть возможно болѣе прочнаго возобновленія партіи?

Обычный отвѣтъ на этотъ вопросъ состоитъ въ томъ, что необходимо снова выбрать центральное учрежденіе и поручить ему возобновить органъ партіи. Но въ переживаемый нами періодъ разброда такой простой путь едва-ли былъ бы цѣлесообразенъ.

Создать и упрочить партію значитъ создать и упрочить объединеніе всѣхъ русскихъ соціалдемократовъ, а — по указаннымъ выше причинамъ — такого объединенія нельзя декретировать, его нельзя ввести по одному только рѣшенію какого-либо, скажемъ, собранія представителей, его необходимо выработать. Необходимо выработать, во-первыхъ, прочное идейное объединеніе, исключающее ту разноголосицу и путаницу, которая — будемъ откровенны! — царитъ среди русскихъ соціалдемократовъ въ настоящее время, необходимо закрѣпить это идейное объединеніе партійной программой. Необходимо, во-вторыхъ, выработать организацію, спеціально посвященную сношеніямъ между всѣми центрами движенія, доставкѣ полныхъ и своевременныхъ свѣдѣній о движеніи и правильному снабженію періодической прессой всѣхъ концовъ Россіи. Только тогда, когда выработается такая организація, когда будетъ создана русская соціалистическая почта, партія получитъ прочное существованіе и станетъ реальнымъ фактомъ, а слѣдовательно, и могущественной политической силой. Первой половинѣ этой задачи, т. е. выработкѣ общей, принципіально-выдержанной литературы, способной идейно объединить революціонную соціалдемократію, мы и намѣрены посвятить свои силы, видя въ этомъ насущную потребность современнаго движенія и необходимый подготовительный шагъ къ возстановленію дѣятельности партіи.

Какъ мы уже говорили, идейное объединеніе русскихъ соціалдемократовъ еще надо выработать, для чего необходимо, по нашему мнѣнію, открытое и всестороннее обсужденіе основныхъ принципіальныхъ и тактическихъ вопросовъ, поднятыхъ современными „экономистами", бернштеніанцами и „критиками" Прежде чѣмъ объединяться и для того, чтобы объединиться, мы должны сначала рѣшительно и опредѣленно размежеваться. Иначе наше объединеніе было бы лишь фикціей, прикрывающей существующій разбродъ и мѣшающей его радикальному устраненію. Понятно поэтому, что мы не намѣрены сдѣлать нашъ органъ простымъ складомъ разнообразныхъ воззрѣній. Мы будемъ вести его, наоборотъ, въ духѣ строго опредѣленнаго направленія. Это направленіе можетъ быть выражено словомъ: марксизмъ, и намъ врядъ-ли есть надобность добавлять, что мы стоимъ за послѣдовательное развитіе идей Маркса и Энгельса и рѣшительно отвергаемъ тѣ половинчатыя, расплывчатыя и оппортунистическія поправки, которыя вошли теперь въ такую моду съ легкой руки Эд. Бернштейна, П. Струве и мн. др. Но, обсуждая всѣ вопросы со своей опредѣленной точки зрѣнія, мы вовсе не отвергаемъ полемику между товарищами на страницахъ нашего органа. Открытая полемика предъ всѣми русскими соціалдемократами и сознательными рабочими необходима и желательна для выясненія глубины существующихъ разногласій, для всесторонняго обсужденія спорныхъ вопросовъ, для борьбы съ крайностями, въ которыя неизбѣжно впадаютъ не только представители различныхъ взглядовъ, но даже представители различныхъ мѣстностей или различныхъ „профессій" революціоннаго движенія. Мы считаемъ даже, какъ уже было замѣчено выше, однимъ изъ недочетовъ современнаго движенія отсутствіе открытой полемики между завѣдомо расходящимися взглядами, стремленіе держать подъ спудомъ разногласія, касающіяся очень серьезныхъ вопросовъ.

Мы не станемъ подробно перечислять тѣхъ вопросовъ и темъ, которыя входятъ въ программу нашего органа, ибо эта программа сама собою вытекаетъ изъ общаго понятія о томъ, чѣмъ должна быть издаваемая, при данныхъ условіяхъ, политическая газета.

По мѣрѣ нашихъ силъ мы будемъ стремиться къ тому, чтобы всѣ русскіе товарищи смотрѣли на наше изданіе какъ на свой органъ, въ который каждая группа сообщала бы всѣ свѣдѣнія о движеніи, съ которымъ бы она дѣлилась своимъ опытомъ, своими взглядами, своими запросами на литературу, своей оцѣнкой соціалдемократическихъ изданій, дѣлилась бы, однимъ словомъ, всѣмъ, что она вноситъ въ движеніе и что она выноситъ изъ него. Только при такомъ условіи возможно будетъ созданіе дѣйствительно общерусскаго соціалдемократическаго органа. Только такой органъ способенъ вывести движеніе на широкій путь политической борьбы. „Раздвинуть рамки и расширить содержаніе нашей пропагандистско-агитаціонной и организаторской дѣятельности" — эти слова П. Б. Аксельрода должны стать лозунгомъ, опредѣляющимъ въ ближайшемъ будущемъ дѣятельность русскихъ соціалдемократовъ, и мы принимаемъ этотъ лозунгъ въ программу своего органа.

Мы обращаемъ свой призывъ не только къ соціалистамъ и сознательнымъ рабочимъ. Мы призываемъ также всѣхъ, кого гнететъ и давитъ современный политическій строй, мы предлагаемъ имъ страницы нашихъ изданій для разоблаченія всѣхъ гнусностей русскаго самодержавія.

Кто понимаетъ соціалдемократію, какъ организацію, служащую исключительно стихійной борьбѣ пролетаріата, тотъ можетъ удовлетвориться только мѣстной агитаціей и „чисто-рабочей" литературой. Мы не такъ понимаемъ соціалдемократію: мы понимаемъ ее какъ направленную противъ абсолютизма революціонную партію, неразрывно связанную съ рабочимъ движеніемъ. Только организованный въ такую партію пролетаріатъ, этотъ наиболѣе революціонный классъ современной Россіи, въ состояніи будетъ исполнить лежащую на немъ историческую задачу: объединить подъ своимъ знаменемъ всѣ демократическіе элементы страны и завершить упорную борьбу цѣлаго ряда погибшихъ поколѣній конечнымъ торжествомъ надъ ненавистнымъ режимомъ.

Газета будетъ выходить въ объемѣ около 1—2 печатныхъ листовъ номеръ.

Срокъ выхода, въ виду условій русской нелегальной печати, заранѣе не опредѣляется.

Намъ обѣщаны — сотрудничество нѣсколькихъ выдающихся представителей международной соціалдемократіи, ближайшее участіе Группы Освобожденія Труда (Г. В. Плеханова, П. Б. Аксельрода, В. И. Засуличъ), и поддержка со стороны нѣсколькихъ организацій Россійской Соціалдемократической Рабочей Партіи, а также отдѣльныхъ группъ русскихъ соціалдемократовъ.

Типографія „Искры"

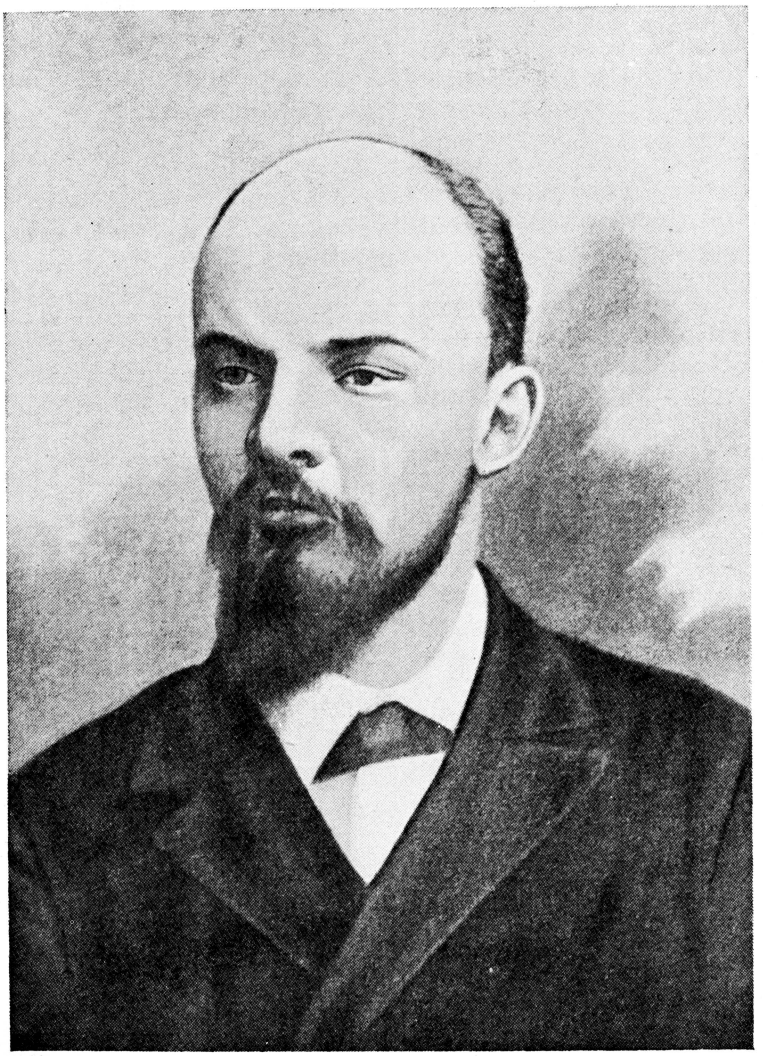
ПРИМЕЧАНИЕ.

Было второе издание как этого «Извещения», так и № 1 «Искры». В этих вторых изданиях, выпущенных, повидимому, в виду того, что первое издание № 1 и «Извещения» быстро разошлось *, обращает на себя внимание подзаголовок: „Центральный Орган Российской Социал-Демократической Рабочей Партии", чего в первых изданиях не было, да и не могло быть, так как старая, до-с'ездовская „Искра" отнюдь не претендовала на титул „Ц. О." Партии. Во втором издании „Извещения" в конце имеется такое замечание: «Так как у нас в настоящее время нет старого заголовка, то мы печатаем об'явление о выходе и № 1 с новым заголовком: „Искра, Центральный Орган Р. С.-Д. Р. П.", прежний заголовок без „Центрального Органа"». Из этого можно заключить, что с таким дефектом, искажающим историческую действительность (порождающим недоразумение относительно претензий первоначальной редакции „Искры" на присвоение ей звания „Ц. О."), № 1 „Искры" и „Извещение" о выходе были перепечатаны новоискровцами (только с № 53 „Искра" стала выходить с подзаголовком: „Центральный Орган" и т. д.).

* Уже в письме от 1/V—1901 г. Мартов сообщает Аксельроду: „№ 1, к сожалению, не можем Вам послать, ибо его нигде, кажется, за границей нет". (См. заграничное издание «Письма П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова», стр. 28).

ИСКРА

№№ 1—7

В. И. Ульянов (Ленин)
организатор „Искры“

Портрет 1901 года

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!"...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину

№ 1 ДЕКАБРЬ 1900 ГОДА № 1

НАСУЩНЫЕ ЗАДАЧИ НАШЕГО ДВИЖЕНИЯ.

Русская социал-демократия не раз уже заявляла, что ближайшей политической задачей русской рабочей партии должно быть ниспровержение самодержавия, завоевание политической свободы. Это заявляли больше 15 лет тому назад представители русской социал-демократии, члены группы «Осв. Труда», это заявили два с половиной года тому назад и представители русских социал-демократических организаций, образовавшие весной 1898 г. Российскую Социал-Демократическую Рабочую Партию. Но, несмотря на эти неоднократные заявления, вопрос о политических задачах социал-демократии в России снова выступает на очередь в настоящее время. Многие представители нашего движения выражают сомнение в правильности указанного решения вопроса. Говорят, что преобладающее значение имеет экономическая борьба, отодвигают на второй план политические задачи пролетариата, суживают и ограничивают эти задачи, заявляют даже, что разговоры об образовании самостоятельной рабочей партии в России просто повторение чужих слов, что рабочим надо вести одну экономическую борьбу, предоставив политику интеллигентам в союзе с либералами. Это последнее заявление нового символа веры (пресловутое credo) сводится уже прямо к признанию русского пролетариата несовершеннолетним и к полному отрицанию социал-демократической программы. А «Рабочая Мысль» (особенно в отдельном приложении) высказалась, в сущности, в том же смысле. Русская социал-демократия переживает период колебаний, период сомнений, доходящих до самоотрицания. С одной стороны, рабочее движение отрывается от социализма; рабочим помогают вести экономическую борьбу, но им вовсе не раз'ясняют при этом или недостаточно раз'ясняют социалистических целей и политических задач всего движения в целом. С другой стороны, социализм отрывается от рабочего движения: русские социалисты опять начинают все больше и больше говорить о том, что борьбу с правительством должна вести одними своими силами интеллигенция, ибо рабочие ограничиваются лишь экономической борьбой.

Троякого рода обстоятельства подготовили, по нашему мнению, почву для этих печальных заявлений. Во-первых, в начале своей деятельности русские социал-демократы ограничились одной кружковой пропагандистской работой. Перейдя к агитации в массах, мы не всегда могли удержаться от того, чтобы не впасть в другую крайность. Во-вторых, в начале своей деятельности нам приходилось очень часто отстаивать свое право на существование в борьбе с народовольцами, которые понимали под «политикой» деятельность, оторванную от рабочего движения, которые суживали политику до одной только заговорщицкой борьбы. Отвергая такую политику, социал-демократы впадали в крайность, отодвигая на второй план политику вообще. В-третьих, разрозненно действуя в местных мелких рабочих кружках, социал-демократы недостаточно обращали внимания на необходимость организации революционной партии, об'единяющей всю деятельность местных групп и дающей возможность правильно поставить революционную работу. А преобладание разрозненной работы естественно связано с преобладанием экономической борьбы.

Все указанные обстоятельства породили увлечение одной стороной движения. «Экономическое» направление (поскольку тут можно говорить о «направлении») создало попытки возвести эту узость в особую теорию, попытки воспользоваться для этой цели модной бернштейниадой, модной «критикой марксизма», проводящей старые буржуазные идеи под новым флагом. Лишь эти попытки породили опасность ослабления связи между русским рабочим движением и русской социал-демократией, как передовым борцом за политическую свободу. И самая насущная задача нашего движения состоит в укреплении этой связи.

Социал-демократия есть соединение рабочего движения с социализмом, ее задача — не пассивное служение рабочему движению на каждой его отдельной стадии, а представительство интересов всего движения в целом, указание этому движению его конечной цели, его политических задач, охрана его политической и идейной самостоятельности. Оторванное от социал-демократии, рабочее движение мельчает и необходимо впадает в буржуазность: ведя одну экономическую борьбу, рабочий класс теряет свою политическую самостоятельность, становится хвостом других партий, изменяет великому завету: «освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих». Во всех странах был такой период, когда рабочее движение и социализм существовали отдельно друг от друга и шли особой дорогой, — и во всех странах такая оторванность приводила к слабости социализма и рабочего движения; во всех странах только соединение социализма с рабочим движением создавало прочную основу и для того и для другого. Но в каждой стране это соединение социализма с рабочим движением вырабатывалось исторически, вырабатывалось особым путем, в зависимости от условий места и времени. В России необходимость соединения социализма и рабочего движения теоретически провозглашена уже давно, но практически это соединение вырабатывается лишь в настоящее время. Процесс этой выработки есть очень трудный процесс, и нет ничего особенно удивительного в том, что он сопровождается разными колебаниями и сомнениями.

Какой же урок вытекает для нас из прошлого?

История всего русского социализма привела к тому, что самой его насущной задачей оказалась борьба против самодержавного правительства, завоевание политической свободы; наше социалистическое движение концентрировалось, так сказать, на борьбе с самодержавием. С другой стороны, история показала, что в России оторванность социалистической мысли от передовых представителей трудящихся классов гораздо больше, чем в других странах, и что при такой оторванности русское революционное движение осуждено на бессилие. Отсюда само собою вытекает та задача, которую призвана осуществить русская социал-демократия: внедрить социалистические идеи и политическое самосознание в массу пролетариата и организовать революционную партию, неразрывно связанную с стихийным рабочим движением. Много уже сделано в этом отношении русской социал-демократией: но еще больше остается сделать. С ростом движения поприще деятельности для социал-демократии становится все шире, работа все разностороннее, все большее число деятелей движения сосредоточивает свои силы на осуществлении различных частных задач, которые выдвигаются повседневными нуждами пропаганды и агитации. Это—явление, совершенно законное и неизбежное, но оно заставляет обращать особое внимание на то, чтобы частные задачи деятельности и отдельные приемы борьбы не возводились в нечто самодовлеющее, чтобы подготовительная работа не возводилась на степень главной и единственной работы.

Содействовать политическому развитию и политической организации рабочего класса — наша главная и основная задача. Всякий, кто отодвигает эту задачу на второй план, кто не подчиняет ей всех частных задач и отдельных приемов борьбы, тот становится на ложный путь и наносит серьезный вред движению.

Отодвигают эту задачу, во-вторых, те, кто суживает содержание и размах политической пропаганды, агитации и организации, кто считает возможным и уместным угощать рабочих „политикой“ только в исключительные моменты их жизни, только в торжественных случаях, кто слишком заботливо разменивает политическую борьбу против самодержавия на требование отдельных уступок от самодержавия и недостаточно заботится о том, чтобы эти требования отдельных уступок возвести в систематическую и бесповоротную борьбу революционной рабочей партии против самодержавия.

«Организуйтесь!», повторяет рабочим на разные лады газета «Рабочая Мысль», повторяют все сторонники «экономического» направления. И мы, конечно, всецело присоединяемся к этому кличу, но мы непременно добавим к нему: организуйтесь не только в общества взаимопомощи, стачечные кассы и рабочие кружки, организуйтесь также и в политическую партию, организуйтесь для решительной борьбы против самодержавного правительства и против всего капиталистического общества. Без такой организации пролетариат неспособен подняться до сознательной классовой борьбы, без такой организации рабочее движение осуждено на бессилие, и одними только кассами, кружками и обществами взаимопомощи рабочему классу никогда не удастся исполнить лежащую на нем великую историческую задачу: освободить себя и весь русский народ от его политического и экономического рабства. Ни один класс в истории не достигал господства, если он не выдвигал своих политических вождей, своих передовых представителей, способных организовать движение и руководить им. И русский рабочий класс показал уже, что он способен выдвигать таких людей: широко разлившаяся борьба русских рабочих за 5—6 последних лет показала, какая масса революционных сил таится в рабочем классе, как самые отчаянные правительственные преследования не уменьшают, а увеличивают число рабочих, рвущихся к социализму, к политическому сознанию и к политической борьбе. С'езд наших товарищей в 1898 г. верно поставил задачу, а не повторил чужие слова, не выразил одно только увлечение «интеллигентов»... И мы должны решительно взяться за выполнение этих задач, поставив на очередь вопрос о программе, организации и тактике партии. Как мы смотрим на основные положения нашей программы, мы уже сказали, а подробно развивать эти положения, здесь, конечно, не место. Вопросам организационным мы намерены посвятить ряд статей в ближайших номерах. Это одни из самых больных наших вопросов. Мы сильно отстали в этом отношении от старых деятелей русского революционного движения, надо прямо признать этот недочет и направить свои силы на выработку более конспиративной постановки дела, на систематическую пропаганду правил ведения дела, приемов надувания жандармов и обход сетей полиции. Надо подготовлять людей, посвящающих революции не одни только свободные вечера, а всю свою жизнь, надо подготовлять организацию настолько крупную, чтобы в ней можно было провести строгое разделение труда между различными видами нашей работы. Что касается, наконец, до вопросов тактики, то мы ограничимся здесь следующим: социал-демократия не связывает себе рук, не суживает своей деятельности одним каким-нибудь, заранее придуманным, планом или приемом политической борьбы, — она признает все средства борьбы, лишь бы они соответствовали наличным силам партии и давали возможность достигать наибольших результатов, достижимых при данных условиях. При крепкой организованной партии отдельная стачка может превратиться в политическую демонстрацию, в политическую победу над правительством. При крепкой организованной партии восстание в отдельной местности может разрастись в победоносную революцию. Мы должны помнить, что борьба с правительством за отдельные требования, отвоевание отдельных уступок, это — только мелкие стычки с неприятелем, это — небольшие схватки на форпостах, а решительная схватка еще впереди. Перед нами стоит во всей своей силе неприятельская крепость, из которой осыпают нас тучи ядер и пуль, уносящие лучших борцов. Мы должны взять эту крепость, и мы возьмем ее, если все силы пробуждающегося пролетариата соединим со всеми силами русских революционеров в одну партию, к которой потянется все, что есть в России живого и честного. И только тогда исполнится великое пророчество русского рабочего-революционера Петра Алексеева: «Подымется мускулистая рука миллионов рабочего люда, и ярмо деспотизма, огражденное солдатскими штыками, разлетится в прах».

[Н. Ленин]

ВИЛЬГЕЛЬМ ЛИБКНЕХТ.

(Родился 29 марта 1826 г., умер 7 августа 1900 г.).

Со смертью старейшего вождя германской социал-демократии революционный пролетариат всего мира лишился одного из своих наиболее замечательных и неутомимых борцов и руководителей. Не даром весть об его внезапной кончине, как громом, поразила передовых рабочих всех цивилизованных стран. Не только из всех концов Германии, но и из других стран Европы, да не одной лишь Европы, а и Америки, Австралии и даже из южной Африки, Японии посланы были сочувственные телеграммы с выражением глубокой скорьби о незаменимой утрате, понесенной международной социал-демократией. Похороны Либкнехта приняли характер и размеры величественной манифестации, в которой приняли участие сотни тысяч, быть может, около миллиона немецких рабочих и представителей рабочих партий Англии, Франции, Австрии, Венгрии, Бельгии, Дании и разных других стран. По единодушным заявлениям всех добросовестных газетных корреспондентов, видевших эту манифестацию, таких грандиозных похорон не удостаивался еще ни один король, ни один император.

Всеобщие глубокие симпатии борющегося пролетариата всего мира к Либкнехту, с такой силой и искренностью выразившиеся по случаю его кончины, приобретены были им многолетней службой делу освобождения рабочего класса, неутомимыми усилиями его на пользу умственного и политического возвышения эксплоатируемых и угнетенных рабочих масс. Представить полную и разностороннюю оценку его заслуг перед международным пролетариатом — значит дать подробное описание его жизни и деятельности, по меньшей мере, начиная с шестидесятых годов, т. е. приблизительно за сорок лет. Но начало его общественной деятельности относится к революции 1848 г., а выработка его убеждений и идеалов, на служение которым он отдал свои способности, началась еще раньше, в те времена, когда в Германии, как теперь в России, не только рабочие, но и буржуазные классы, в особенности образованные их слои, терпели от правительственного произвола и устарелых государственных и общественных порядков. История жизни и деятельности Либкнехта теснейшим образом связана поэтому с историей Германии, а косвенно—с важнейшими моментами и событиями в истории Европы, за период более продолжительный, чем полстолетие. Для того, чтобы представить биографию Либкнехта в таких широких рамках, надобно написать об'емистую книгу. Здесь же мы ограничимся только сообщением нескольких фактов из его полной неутомимой деятельности и борьбы жизни, и, главным образом, из того периода ее, в течение которого он воспитался и подготовился к роли вождя германских рабочих.

* * *

По своему рождению и воспитанию, Либкнехт принадлежит к буржуазии, и именно к тем ее слоям, которые у нас известны под названием «интеллигенция». Как я уже сказал, во времена его детства и юности в Германии господствовало монархическое и полицейское самовластие, от которого больше всего страдали, конечно, низшие городские классы да деревенские массы, находившиеся сверх того под гнетом помещиков; но терпели также и буржуазные классы — торговцы, фабриканты, а в особенности образованные их слои— врачи, адвокаты, учителя, профессора и учащаяся, по преимуществу университетская, молодежь. Вследствие этого буржуазия вообще, а интеллигенция в особенности, проникнута была духом недовольства и оппозиции. Наиболее благородные натуры и горячие головы из интеллигенции проникнуты были сочувствием к народным страданиям, мечтали о таких общественных порядках, при которых не было бы места неравенству и несправедливости, и старались даже распространять свои революционные и социалистические идеи среди рабочих. Внутри самой Германии пропаганда эта велась, конечно, тайно, под страхом строжайших наказаний. Но немецкие рабочие, главным образом, молодые подмастерья, имели тогда обыкновение перекочевывать из одного города в другой и даже из одной страны в другую. Благодаря этому обстоятельству, немецких рабочих в 40-х и 50-х годах можно было встретить сотнями не только в Швейцарии, Франции, Бельгии, соседних с Германией странах, но даже и в Англии. Во всех этих государствах уже до революции 1848 г. были конституционные порядки, дававшие рабочим больший или меньший простор для саморазвития и самодеятельности. Туда направили свои главные усилия те из немецких социалистов и революционеров, которые стремились вызвать среди рабочих сознательное недовольство существующими порядками. Свободные политические учреждения и антиправительственная и социалистическая агитация туземных оппозиционных партий и рабочих союзов в названных странах, конечно, в свою очередь, сильно способствовали умственному и политическому пробуждению немецких пролетариев, на время или надолго водворявшихся там. Результатом этого двойного воздействия на них было то, что Швейцария, напр., уже в 40-х годах покрылась сетью немецких рабочих обществ. Союз коммунистов, образовавшийся в Лондоне и издавший, как известно, знаменитый «Манифест Коммунистической Партии», написанный Марксом и Энгельсом, также состоял, главным образом, из немецких рабочих.

Либкнехт еще на гимназической скамье начал уже проникаться революционными идеями и стремлениями передовой интеллигенции. В гимназии он уже зачитывается сочинениями великого социалиста Сен-Симона. Шестнадцатилетним мальчиком он поступил в университет, получив на выпускном гимназическом экзамене высшие отметки. Но при своем «строптивом» нраве и «неблагонамеренном» образе мыслей, яснее говоря, со своим горячим, независимым характером и республиканскими убеждениями, он не мог ужиться с университетскими порядками. Да и не зачем было ему добиваться диплома, так как он скоро пришел к убеждению, что с его социалистическими идеалами и антиправительственными, чисто республиканскими стремлениями, несовместима не только государственная служба, но и профессорская должность, к которой он сначала собирался готовиться. Придя к такому заключению, юный Либкнехт (ему было 21 год) бросает университет, отправляется в свободную Швейцарию и водворяется в Цюрихе, где для заработка поступает учителем в детскую школу. И вместо лекций университетских профессоров он прилежно посещает в Цюрихе немецкое рабочее общество, но не затем, чтобы поучать членов

этого общества, а наоборот, чтобы самому у них «учиться», чтобы в частых беседах с ними знакомиться с положением, нуждами, потребностями и стремлениями немецкого пролетариата. В этот период его жизни — это было в 1847 г. — на почве бесед с рабочими в цюрихском рабочем союзе началось сближение будущего вождя пролетариата с развитыми, более или менее сознательными, кругами рабочего класса, здесь он впервые начал проникаться интересами последнего и горячим стремлением способствовать его умственному и политическому возвышению.

Очень недолго, однако, продолжалось мирное пребывание Либкнехта в Цюрихе. Давно накоплявшееся недовольство французского народа правлением Людовика-Филиппа, который, сообща с парламентом, покровительствовал денежным королям и вообще богачам на счет рабочих масс и в ущерб других классов, разразилось в феврале 1848 г. восстанием рабочих и низших слоев буржуазии в Париже. Как только до Либкнехта дошла весть о начавшейся в столице Франции великой битве между трудящимися массами и их эксплоататорами, он отправился в Париж, чтобы принять в ней личное участие. Но скоро революционная война распространилась почти по всей Европе и остановилась только у границы полуварварской тогда России, которая, благодаря невежеству и рабскому положению русского народа, своему „богом помазанному" царю, могла играть только роль спасительного оплота для всех реакционных правительств Европы против грозившей им гибели общеевропейской революции. Уже в марте вся Германия охвачена была пламенем революции: повсюду, начиная с самых мелких из ее государств и кончая самым крупным из них, Пруссией, народ волновался, строил баррикады и с оружием в руках восставал против властителей. Либкнехт, разумеется, поспешил на родину, чтобы вступить в ряды сражающихся за народную свободу. Захваченный в Баденском герцогстве во главе своего отряда правительственными войсками, он только благодаря счастливой случайности не был расстрелян. Его продержали, однако, в заточении девять месяцев, ему все еще грозила смертная казнь; но за два дня до суда в Баденском герцогстве, где Либкнехт сидел в тюрьме, вновь вспыхнуло народное восстание, а в некоторых местах и войска перешли на сторону народа. Сам герцог бежал, и неудивительно, что прокурор и судьи не осмелились в такое время осудить отважного юношу, рискнувшего своей головой для защиты с оружием в руках свободы и прав народа против вековых угнетателей его. Но едва только Либкнехт вышел из тюрьмы, он тотчас же присоединился к революционной армии, против которой выступили соединенные силы реакционных правительств Германии, с прусским во главе, чтобы нанести решительное и окончательное поражение защитникам народной свободы. Действительно, армия борцов за свободу и равноправие окончательно разбита и уничтожена была прусскими войсками, а уцелевшим остаткам ее ничего другого не оставалось, как спасаться бегством за границу, в свободные страны. Либкнехту удалось бежать в Швейцарию.

Поселившись в Женеве, он поступил в местное немецкое рабочее общество, но уже не в качестве ученика, а учителя, пропагандиста и организатора. Он читал там лекции по разным политическим вопросам и событиям современности и недавнего прошлого. В то же время он поднял агитацию в пользу об'единения немецких рабочих обществ, существовавших в главных городах Швейцарии, а когда об'единение состоялось, то его выбрали президентом этой общей рабочей организации. Социалистическая пропаганда Либкнехта встретила, однако, отпор со стороны эмигрантов буржуазного или либерально-демократического направления, состоявших членами немецкого рабочего союза или старавшихся влиять на него извне, при посредстве своих сторонников в нем. Они начали войну с Либкнехтом, в которой он, однако, остался победителем. Но деятельность его среди рабочих встревожила и реакционные правительства Европы, в особенности прусское; Либкнехт был поэтому арестован, просидел в тюрьме три месяца и затем, по настоянию этих правительств, выслан был из Швейцарии. Тогда он отправился в Лондон, сблизился там с Марксом и Энгельсом и, в тесном общении с этими великими основателями учений международной социал-демократии, завершил свое социалистическое воспитание, а в борьбе из-за куска хлеба, живя в вечной нужде, часто впроголодь, временами прямо-таки голодая, он окончательно закалил свой характер и выработался в того непреклонного, самоотверженного и неустрашимого борца за освобождение пролетариата, каким знал его весь цивилизованный мир и каким он перейдет в вечную память будущих поколений.

Со вступлением на прусский престол, в 1861 г., Вильгельма I, давшего амнистию так называемым на полицейском жаргоне политическим преступникам, Либкнехт получил возможность вернуться на родину. Он воспользовался этой амнистией, и в 1862 г., после 13-летнего изгнания, мы встречаем его уже в Берлине соредактором «Северо-Германской Газеты», основанной бывшим эмигрантом Брассом, сторонником республиканского государственного строя. Вскоре он принимает деятельное участие в оживившемся тогда рабочем движении и в течение второй половины шестидесятых годов увлекает передовые слои рабочих на тот путь, который обеспечил за ним всемирную славу великого учителя и вождя социалистического пролетариата.

Невозможно в немногих словах рассказать деятельность его в этот бурный период германского рабочего движения. Но некоторое понятие о значении ее можно составить себе, если припомнить следующее.

В начале шестидесятых годов социал-демократическая партия Германии находилась еще в младенческом состоянии, да и численно была она очень слаба. Тем не менее, политические и литературные представители высших классов очень ухаживали за передовыми слоями пролетариата и старались привлечь их на свою сторону. Буржуазия и ее вожди, либералы, находились тогда в борьбе с прусским правительством и поддерживавшей его дворянско-поповской партией, мечтавшей о возвращении к тому «доброму старому времени», когда дворянство и духовенство держали народ в рабстве и умственном мраке. Либеральная партия пользовалась поддержкой и сочувствием в городском пролетариате. Правительственная и дворянско-поповская, т. е. реакционная или консервативная, партия со своей стороны, также заискивала у рабочих, стараясь уверить их, что ее стремления во многом совпадают с их интересами, между тем как стремления либералов совершенно противоположны этим интересам. Консерваторы рассчитывали, таким образом, посеять вражду между рабочими

и либеральной партией, т. е. вызвать раскол в противоправительственном лагере и обессилить его до того, чтобы он перестал быть опасным противником для короны и для других привилегированных сословий — дворянства и духовенства. Нужно сказать, что либералы своей до нелепости враждебной тактикой по отношению к Рабочему Союзу, основанному Лассалем, сами того не желая, подливали масла в огонь и помогали прусскому правительству и консерваторам в их расчетах на рабочее движение.

В конце концов вышло то, что политически наиболее деятельные слои рабочего класса в Германии, вскоре после смерти Лассаля, распались на два враждебных лагеря, из которых один являлся как бы запасной армией для буржуазных демократов и либералов, а другой одной ногой ступил на дорогу, которая могла бы довести его до роли лейб-гвардии на службе реакционеров, т. е. у злейших врагов народного просвещения, свободы и равноправия. Та часть рабочих, которая оставалась в лагере либеральном, являлась в глазах членов лассальянского Союза слепыми орудиями политических вождей эксплоататоров пролетариата, т. е. действовали против интересов своего собственного класса; а либеральные рабочие находили, что лучше итти за либеральной буржуазией, в борьбе ее против правительства, под флагом свободы, чем поступать наоборот, чем поддерживать его против либералов и работать, таким образом, на-руку монархической и дворянско-поповской реакции. Другого выбора, казалось, не было, — и пропасть, образовавшаяся между этими двумя лагерями, была так велика, что о соединении, повидимому, и думать нельзя было.

Соединительный мост между ними был, однако, построен, да и сама пропасть, разделявшая их, была, в конце концов, засыпана. Работа эта была выполнена под знаменем учений Маркса и Энгельса, и главным руководителем в ней явился Вильгельм Либкнехт.

Он одновременно повел неутомимую агитацию и против сближения с реакционерами и против политической опеки либералов. Он об'явил беспощадную войну и тем и другим. Когда вскоре после своего вступления в редакцию «Северо-Германской Газеты» он узнал, что издатель ее продался прусскому правительству и исподтишка старается проводить в ней взгляды последнего, он тотчас же бросил свое место и прервал всякие сношения со своим бывшим товарищем. Бисмарк, ставший незадолго до того времени президентом прусского министерства, через агентов своих предлагал Либкнехту, Марксу и Энгельсу неограниченную свободу пропаганды коммунистических учений в новом правительственном органе и просил только об одном: чтобы они воздерживались от чересчур резких нападений на монархию и правительство и смотрели бы сквозь пальцы, когда в статьях других сотрудников будут высказываться взгляды, сочувственные правительству и монархии; зато на буржуазию и либералов они могли нападать самым беспощадным образом, сколько им угодно. Либкнехт и его друзья с негодованием отвергли эти позорные предложения будущего «железного канцлера». В отместку за это его выслали из Пруссии, где он резко выступал против тех представителей «Общегерманского Рабочего Союза», которые проявляли склонность пойти на удочку правительственной партии. Но из справедливой ненависти против реакции он ни на минуту не забывал противоположности интересов пролетариата и буржуазии и необходимости поэтому освобождения его от политического руководительства и опеки либералов, представляющих интересы буржуазии. Лассалю удалось организовать часть рабочих в самостоятельную партию с особой программой и тактикой; Либкнехт, продолжая дело, начатое его гениальным предшественником, вел неутомимую и смелую борьбу как против опасности, угрожавшей одно время политической самостоятельности тогда еще молодого рабочего движения Германии со стороны реакционных врагов народной свободы, так и против усилий либеральной буржуазии удержать пролетариат от присоединения к этому движению. Вся его жизнь, можно сказать, посвящена была этой борьбе против обоих врагов политической самостоятельности рабочего класса. И редко кому из исторических деятелей довелось в такой мере, как Либкнехту, собственными глазами видеть роскошные плоды своих усилий.

Миллионы немецких рабочих об'единены в самостоятельную революционную силу под знаменем социал-демократии. И в то время, как немецкая буржуазия давно уже позабыла либеральные увлечения своей молодости и в трогательном союзе со своими прежними врагами — с государями, дворянством и духовенством — ополчается против свободы и прогресса, социал-демократическая рабочая партия стоит на страже интересов того и другого, защищая их протих всяких врагов — все равно, под каким бы флагом они ни выступали: под флагом откровенно-бесстыдных реакционеров или под фальшивым флагом лжелибералов. Покойный Либкнехт бесконечно много сделал для создания этой армии и для обеспечения ей прочного существования. В этом — бессмертная заслуга его перед человечеством.

[П. Аксельрод]

КИТАЙСКАЯ ВОЙНА[1].

Россия заканчивает войну с Китаем; мобилизован целый ряд военных округов, затрачены сотни миллионов рублей, десятки тысяч войска отправлены в Китай, дан ряд сражений, одержан ряд побед — побед, правда, не столько над регулярными войсками неприятеля, сколько над китайскими повстанцами и еще более—над безоружными китайцами, которых топили и избивали, не останавливаясь перед умерщвлением детей и женщин, не говоря уже о грабеже дворцов, домов и лавок. И русское правительство, вместе с холопствующими перед ним газетами, торжествует победу, ликует по поводу новых подвигов доблестного воинства, ликует по поводу поражения китайской дикости европейскою культурою, по поводу новых успехов русской «цивилизаторской миссии» на Дальнем Востоке.

Не слышно только во всем этом ликовании голоса сознательных рабочих, этих передовых представителей многомиллионного рабочего народа. А всю тяжесть новых победоносных походов несет на себе именно рабочий народ: у него отнимают работников для отправки за тридевять земель, с него собирают особо повышенные подати на миллионные расходы. Попробуем же разобраться в вопросе: как должны относиться социалисты к этой войне? в чьих интересах она ведется? каково настоящее значение той политики, которой следует русское правительство?

Правительство наше уверяет, прежде всего, что оно даже не ведет войны с Китаем: оно только подавляет восстание, усмиряет мятежников, помогает законному китайскому правительству восстановить законный порядок. Война не об'явлена, но суть дела от этого ни мало не меняется, так как война все равно ведется. Чем же вызвано нападение китайцев на европейцев, этот мятеж, усмиряемый с таким рвением англичанами, французами, немцами, русскими, японцами и проч.? «Враждой желтой расы к белой расе», «ненавистью китайцев к европейской культуре и цивилизации» — уверяют сторонники войны. Да, китайцы действительно ненавидят европейцев, но только каких европейцев они ненавидят и за что? Не европейские народы ненавидят китайцы — с ними у них не было столкновений, а европейских капиталистов и покорные капиталистам европейские правительства. Могли ли китайцы не возненавидеть людей, которые приезжали в Китай только ради наживы, которые пользовались своей хваленой цивилизацией только для обмана, грабежа и насилия, которые вели с Китаем войны для того, чтобы получить право торговать одурманивающим народ опиумом (война Англии и Франции с Китаем в 1856 г.), которые лицемерно прикрывали политику грабежа распространением христианства? Эту политику грабежа давно уже ведут по отношению к Китаю буржуазные правительства Европы, а теперь к ней присоединилось и русское самодержавное правительство. Принято называть эту политику грабежа колониальной политикой. Всякая страна с быстро развивающейся капиталистической промышленностью очень скоро приходит к поискам колоний, т. е. таких стран, в которых слабо развита промышленность, которые отличаются более или менее патриархальным бытом, куда можно сбывать продукты промышленности и наживать на этом хорошие деньги. И ради наживы кучки капиталистов буржуазные правительства вели бесконечные войны, морили полки солдат в нездоровых тропических странах, бросали миллионы собранных с народа денег, доводили население до отчаянных восстаний и до голодной смерти. Вспомните восстание индийских туземцев против Англии и голод в Индии или теперешнюю войну англичан с бурами.

И вот теперь жадные лапы европейских капиталистов потянулись к Китаю. Потянулось чуть ли не прежде всех и русское правительство, которое теперь так распинается о своем «бескорыстии». Оно «бескорыстно» взяло у Китая Порт-Артур и стало строить железную дорогу в Манджурию под охраной русских войск. Одно за другим европейские правительства так усердно принялись грабить, то-бишь, «арендовать» китайские земли, что не даром поднялись толки о разделе Китая. И если называть вещи их настоящим именем, то надо сказать, что европейские правительства (и русское едва ли не первое из них) уже начали раздел Китая. Но они начали раздел не открыто, а исподтишка, как воры. Они принялись обкрадывать Китай, как крадут с мертвеца, а когда этот мнимый мертвец попробовал оказать сопротивление, — они бросились на него, как дикие звери, выжигая целые деревни, топя в Амуре, расстреливая и поднимая на штыки безоружных жителей, их жен и детей. И все эти христианские подвиги сопровождаются криками против дикарей-китайцев, дерзающих поднять руку на цивилизованных европейцев. Занятие Ню-Чжуана и введение русских войск в пределы Манджурии, это — временные меры, заявляет российское самодержавное правительство в своей циркулярной ноте державам от 12 августа 1900 г.; эти меры «вызваны исключительно необходимостью отражать агрессивные действия китайских мятежников»; они «отнюдь не могут свидетельствовать о каких-либо своекорыстных планах, совершенно чуждых политике императ. правительства».

Бедное императорское правительство! Оно так христиански бескорыстно, а его так несправедливо обижают! Оно бескорыстно захватило несколько лет тому назад Порт-Артур и теперь бескорыстно захватывает Манджурию, оно бескорыстно наводнило пограничные с Россией области Китая сворой подрядчиков, инженеров и офицеров, доводивших своим обращением даже известных своею покорностью китайцев до возмущения. На постройке Китайской дороги рабочим-китайцам платили по 10 коп. в день на их содержании — это ли еще не бескорыстие со стороны России?

Но чем же об'яснить, что наше правительство ведет эту безумную политику в Китае? Кому выгодна эта политика? Она выгодна кучке капиталистов-тузов, которые ведут торговые дела с Китаем, кучке фабрикантов, производящих товары на азиатский рынок, кучке подрядчиков, наживающих теперь бешеные деньги на срочных военных заказах (некоторые заводы, производящие предметы вооружения, припасы для войск и т. п., работают теперь во-всю и принанимают сотни новых поденщиков). Такая политика выгодна кучке дворян, занимающих высокие места на гражданской и военной службе. Им нужна политика приключений, потому что в ней можно выслужиться, сделать карьеру, прославить себя «подвигами». Интересам этой кучки капиталистов и чиновных пройдох наше правительство, не колеблясь, приносит в жертву интересы всего народа. Самодержавное царское правительство и в этом случае, как и всегда, оказывается правительством безответственных чиновников, раболепствующих перед тузами-капиталистами и дворянами.

Какая польза русскому рабочему классу и всему рабочему народу от завоеваний в Китае? Тысячи разоренных семей, у которых отняты работники на войну, громадный рост государственных долгов и расходов, увеличение налогов, усиление власти капиталистов—эксплоататоров рабочих, ухудшение положения рабочих, еще большее вымирание крестьянства, голод в Сибири, — вот что обещает принести и уже приносит с собою китайская война. Вся русская печать, все газеты и журналы находятся в рабстве, они не смеют ничего печатать без разрешения правительственных чиновников, — и потому мы не имеем точных сведений о том, во что обходится народу китайская война, но несомненно, что она требует денежных расходов во много сотен миллионов рублей. Есть сведения, что правительство сразу выдало на войну 150 миллионов рублей по неопубликованному указу, да затем текущие расходы на войну поглощают по одному миллиону рублей каждые три или четыре дня. И эти бешеные деньги бросает правительство, которое бесконечно урезывало пособия голодающим крестьянам, торгуясь из-за каждой копейки, которое не находит денег на народное образование, которое, как любой кулак, выжимает соки из рабочих на казенных заводах, из мелких служащих в почтовых учреждениях и проч.! Министр финансов Витте заявлял, что к 1 января 1900 г. в казначействе имеется свободная налич-

ность в 250 милл. руб., — теперь уже этих денег нет, они ушли на войну, правительство ищет займов, увеличивает налоги, отказывается от необходимых расходов за недостатком денег, приостанавливает постройку железных дорог. Царскому правительству грозит банкротство, а оно бросается в политику завоеваний, — политику, которая не только требует громадных денежных средств, но и грозит вовлечь в еще более опасные войны. Набросившиеся на Китай европейские державы начинают уже ссориться из-за дележа добычи, и никто не в состоянии сказать, как кончатся эти ссоры.

Но политика царского правительства в Китае представляет из себя не только надругательство над народными интересами, — она стремится развратить политическое сознание народных масс. Правительства, которые держатся только силой штыков, которым приходится постоянно сдерживать или подавлять народное возмущение, давно уже сознали ту истину, что народного недовольства не устранить ничем; надо попытаться отвлечь это недовольство от правительства на кого-нибудь другого. Разжигают, напр., вражду к евреям: площадные газеты травят евреев, как будто бы еврейский рабочий не страдает точно так же, как русский, от гнета капитала и полицейского правительства. В настоящее время поднят в печати поход против китайцев, кричат о дикой желтой расе, о ее вражде к цивилизации, о просветительных задачах России, о том, с каким воодушевлением идут в бой русские солдаты, и проч. и проч. Пресмыкающиеся перед правительством и перед денежным мешком журналисты из кожи лезут вон, чтобы разжечь ненависть в народе к Китаю. Но китайский народ ничем и никогда не притеснял русского народа: китайский народ сам страдает от тех же зол, от которых изнемогает и русский, — от азиатского правительства, выколачивающего подати с голодающих крестьян и подавляющего военной силой всякое стремление к свободе, — от гнета капитала, пробравшегося и в Срединное Царство.

Русский рабочий класс начинает выбиваться из той политической забитости и темноты, в которой находится масса народа. На всех сознательных рабочих лежит поэтому долг всеми силами восстать против тех, кто разжигает национальную ненависть и отвращает внимание рабочего народа от его истинных врагов. Политика царского правительства в Китае есть преступная политика, еще более разоряющая народ, еще более развращающая и угнетающая его. Царское правительство не только держит наш народ в рабстве, — оно посылает его усмирять другие народы, восстающие против своего рабства (как это было в 1849 г., когда русские войска подавляли революцию в Венгрии). Оно не только помогает русским капиталистам эксплоатировать своих рабочих и связывает руки рабочим, чтобы они не смели соединяться и защищаться, оно посылает солдат грабить другие народы ради интересов кучки богачей и знати. Чтобы избавиться от нового ярма, которое взваливает война на рабочий народ, есть только одно средство: созыв народных представителей, которые положили бы конец самовластию правительства и заставили его считаться с интересами не одной только придворной шайки.

[Н. Ленин]

НОВЫЕ ДРУЗЬЯ РУССКОГО ПРОЛЕТАРИАТА.

Избави нас, боже, от друзей,
а с врагами мы и сами справимся.

(Посвящается „Рабочей Мысли".[2])

Уже давно в цивилизованных странах правительства поняли, что рабочее движение невозможно истребить одними мерами полицейского насилия. С давних пор политика насилия чередуется с политикой развращения рабочего класса путем отклонения его от его истинных целей, путем обмана рабочего класса. Рабочим внушалось, что для улучшения своей участи они должны пойти доверчиво рука об руку с правительством, отказавшись от требования политических прав. В 60-х годах эту политику применял во Франции Наполеон III, а в Германии Бисмарк.

Жизненный опыт убедил западно-европейских рабочих, что знатные господа, предлагающие им руку помощи, на самом деле самые гнусные враги трудящегося народа. Они поняли, что коронованные особы и тунеядствующие дворяне и чиновники не могут быть их союзниками в борьбе с фабрикантами, что никакое улучшение в жизни рабочих непрочно, пока они не пользуются полной политической свободой, которой нельзя добиться, не уничтожив совершенно всевластия царей, дворян и чиновников.

И западно-европейские рабочие, отказавшись от заманчивых предложений правительств, пошли своей дорогой и собственными силами куют свое счастье. Политика развращения рабочего класса всюду потерпела неудачу.

Вместе с развитием в России капитализма, фабричного производства, растет и рабочее движение, а вместе с ростом рабочего движения создается и для наших правителей соблазн попытаться развратить рабочий класс и отклонить его от уже намеченных целей. Но в западно-европейских странах, где уже давно граждане пользуются кое-какой свободой, там, чтобы сблизиться с рабочими и одурачить их, правительство имеет в своих руках такие средства, как парламент, печать, народные собрания. Чтобы развратить рабочих, там министерствам приходилось создавать свои якобы рабочие газеты или подсылать в законно-существующие партии своих людей, которые бы вели на собраниях проповедь союза между рабочими и правительством. В нашем несчастном отечестве единственное место, где правительство может войти в соприкосновение с рабочими, — это кутузка. И благородное дело внесения политического разврата в рабочий класс приходится поручить жандармам. Вполне пригодным человеком для этой высокой цели является Сергей Зубатов. Не старый еще человек, Зубатов уже немало потрудился на благо престола и отечества. Еще юношей подавал он большие надежды. Едва сойдя со школьной скамьи, он в середине 80-х годов втерся в московские кружки и искал сближения с революционерами. Через свою жену он открыл легальную библиотеку, при которой имелось нелегальное отделение, откуда в студенческую и рабочую среду отправлялась революционная литература. Однажды Зубатову было поручено привезти на квартиру к одному деятелю чемодан с нелегальной литературой. Зубатов выполнил поручение, но через несколько часов на квартиру явились жандармы и произвели у упомянутого деятеля обыск, при чем совершенно определенно искали именно чемодан. Чемодана не оказалось, а Зубатова стали остерегаться.

Вскоре после того публика, группирующаяся около библиотеки, была арестована, и при одном из арестов в Петр.-Разумовской Академии Зубатов фигурировал уже в полицейском мундире.

Непосредственно шпионская деятельность Зубатова на этом не кончилась. В 1889 г. он сыграл роль провокатора в деле социально-революционой партии «Самоуправление» и около того же времени он ездил в Шую, где основал рабочий кружок, который потом и предал.

Теперь Зубатов уже достаточно вымарался в грязи шпионского ремесла, чтобы получить право заниматься кровавым делом царского палача. Он поступил в жандармское отделение и стал помощником начальника московского охранного отделения, Бердяева, того самого Бердяева, которого Зубатов теперь в разговоре с социалистами называет «держимордой». Содействуя Бердяеву в работе по искоренению революционного движения, как истый царский чиновник, он не забывал и о своих личных выгодах: чтобы подняться наверх по служебной лестнице, ему нужно было спихнуть Бердяева. Для этого Зубатов предлагает Бердяеву план разгрома московских социалистов, указывает, за кем и как следить, кого взять, где произвести обыск. Бердяев приводит план в исполнение, а Зубатов тем временем подает донос, указывая, что тот сделал такие-то ошибки, того-то не досмотрел, там переусердствовал, а потому и крамолы не истребил. Бердяева удаляют и Зубатова назначают на его место.

Теперь Зубатов занял видный пост — ему предоставлено оберегать спокойствие капиталистов и царское самовластие в самом сердце России. Московским революционерам пришлось столкнуться с очень ловким противником. За время своего трения в рабочих кружках он хорошо изучил революционную среду и ее слабые стороны и теперь с успехом воспользовался своим опытом. В широких размерах стало развиваться в Москве провокаторство. Провалы следуют за провалами. Революционная работа в Москве стала крайне трудною. Провокаторство так развилось, что в публике естественно образовалось крайне подозрительное отношение ко всему и ко всем. Отдельные лица и небольшие кружки, работающие среди рабочих, боятся вступить в сношения друг с другом.

Приходится сознаться, что социал-демократическое движение в Москве, так много обещавшее в 1896—97 гг., в настоящее время переживает период затишья. Конечно, не Зубатову удастся предотвратить его возрождение в будущем.

Зубатов повторяет приемы знаменитого жандарма 80-х годов Судейкина. На-ряду с провокаторством Зубатов широко пользуется средствами развращения попадающих в его лапы неопытных или слабохарактерных людей. С ними он вступает в разговоры, держится по-джентльменски, старается убедить их в том, что он сочувствует рабочему движению, что он очень озабочен смягчением их участи, предлагает всякого рода сделки и соглашения, при которых-де можно и невинность соблюсти и капитал приобрести, т. е. и товарищей не выдать и в то же время получить смягчение участи. Обыкновенно это делается так: обвиняемый соглашается признать кой-какие обвинения, а Зубатов, взамен того, заканчивает дознание и направляет дело в упрощенном охранном порядке на решение мин. внутр. дел; таким образом участь обвиняемых решается в несколько месяцев, вместо обычных двух лет предварительного следствия. Многие идут на эту сделку, а те несговорчивые чудаки, которые не соглашаются на такое полюбовное решение дела между социалистами и жандармами, выделяются из общей массы обвиняемых, и их дело направляется в общем порядке. Один из таких несговорчивых товарищей, недавно прийдя в ссылку, имел сомнительное удовольствие встретить своих бывших товарищей по делу уже кончающими свой срок ссылки, в то время как ему приходилось только ее начинать.

Цель, которую Зубатов преследует при предложении этих сделок, очевидна: ему нужно завести социалистов на скользкий путь мирных переговоров с жандармами. Нужно, чтоб большинство вступило на этот путь: всегда найдутся недогадливые, неумелые, наконец малодушные люди, которые, согласившись сказать *а*, пойдут дальше и проболтают, наконец, всю азбуку; начав с признания того, что, как говорится, «может повредить только мне одному», такой человек начнет мало-по-малу делать такие признания, которые очень и очень повредят другим. Иной пойдет дальше и дойдет до форменного предательства. Ни одно большое московское дело за последние годы не обходилось без самых скандальных предательств со стороны лиц, пользовавшихся прежде доверием товарищей.

А всего важнее то, что, когда многие вступают в такого рода соглашения, создается своего рода атмосфера взаимного недоверия и подозрения, в которой своя своих не познаша, и исчезает всякая возможность сообразить, откуда жандармы почерпали свои знания о деле. Нам, по крайней мере, известен случай, когда не удалось точно установить, был ли провокатором известный господин, именно потому, что почти все обвиняемые вступили в соглашение с Зубатовым и «кое-что» признали, каждый за свой счет. Оказалось невозможным решить, совершило ли заподозренное лицо только такую же сделку или же оно первоначально предало всех и вся.

Это и есть политика Судейкина: внести в революционную среду такой разврат, чтобы трудно было отличить, где кончается товарищ, вступающий в приятельские сношения с жандармами и где начинается форменный предатель и провокатор. Судейкин пытался такой политикой расшатать могучую партию «Нар. Воли». Он обжегся на этом деле. Когда зараза жандармского разврата коснулась сердца партии, Исполнительный Комитет «Народной Воли» смелым ударом положил конец гнусной игре: Судейкин был казнен по распоряжению Исполнит. Комитета. Русские социал-демократы должны направить свои усилия на то, чтобы справиться с провокаторским развратом, не прибегая к политическим убийствам. Будем надеяться, что Зубатов дождется той поры, когда, при свете открытой борьбы за свободу, народ повесит его на одном из московских фонарей.

Успехи, одержанные Зубатовым в Москве, сделали его самым видным деятелем жандармского сыска. Ему стали поручать ведение дел в Твери, Иваново-Вознесенске, Тамбове. С 1898 г. департамент полиции, озабоченный успехами Обще-Еврейского Рабочего Союза, предоставил Зубатову задачу искоренения еврейского рабочего движения.

Зубатовские ищейки подготовили августовский провал 1898 г. в Зап. крае. Были взяты две еврейские типографии, арестована масса лиц. Почти два года предва-

рительного следствия принесло Зубатову сравнительно мало успехов. Тем не менее, по сравнению с местными жандармами, Зубатов кое-чего добился: впервые в процессе Обще-Еврейского Рабочего Союза были случаи оговора: были также случаи заключения сделок упомянутого сорта между Зубатовым и некоторыми обвиняемыми.

Но рабочее движение в Западном крае скоро оправилось от провала и за последние два года приняло открытый политический характер. Организация еврейских рабочих окрепла, и Еврейский Союз, издающий шесть подпольных газет и непрерывно ведущий свою агитационную деятельность, стал внушать правительству все большие опасения.

В марте этого года Зубатов предпринял второй крупный набег на Западный край (Минск и Ковно). Вновь свезена масса арестованных в московскую тюрьму. Пустив в ход обычную тактику, Зубатов в частных разговорах стал уверять арестованных в том, что лишь по недоразумению правительству пришлось встать во враждебные отношения к рабочему движению. Правительство наше, пел Зубатов, не есть правительство классовое, оно не связано с интересами фабрикантов и легко может действовать в интересах рабочих. Для этого нужно только, чтобы рабочие перестали добиваться изменения государственного строя и стремились к улучшению своего экономического положения при существующих порядках. Кассам рабочих и их стачкам наше правительство сочувствует. Если рабочих за эти стачки преследуют, то это не по воле правительства, а по произволу местных чиновников. В таких случаях достаточно сообщить ему, Зубатову, о таких преследованиях, и они прекратятся. Вместо того, чтобы бороться нелегально, еврейские рабочие сделали бы лучше, если бы хлопотали о том, чтобы их тайные кассы были признаны законом. Зубатов обещает полную поддержку в этих хлопотах. Он даже обещал дать 20 тысяч рублей на хлопоты о признании законом союза щетинщиков, который ему очень нравится как организация профессиональная. Заметим, что эта профессиональная организация сознательно примыкает к социал-демократии; между прочим, в майских прокламациях этого года союз открыто выставляет требование конституции.

Освобождая одного из арестованных рабочих, Зубатов на прощание подарил ему «на память» первый том «Капитала» Маркса и заявил, что «разрешает» устраивать кружки саморазвития, лишь бы занятия в них велись по легальным книгам. «Зачем вам Дикштейн, когда у вас есть такие книги, как Богданов?» Кое-кто клюнул на эту удочку Зубатова. Среди организованных еврейских рабочих стали раздаваться речи, показывавшие, что зубатовские предложения о союзе рабочих с царским правительством кое-кого соблазнили. Нашлись люди, которые увлеклись мечтой о признании законом царского правительства теперешних нелегальных стачечных касс (вероятно, бедняги начитались «Раб. Мысли»). Когда вспыхнула в одном месте стачка, некоторые товарищи вступили в частную переписку с Зубатовым по поводу преследований местных полицейских властей. Зубатов по телеграфу дал знать, что правительство приняло к сведению эти сообщения. Стали громко раздаваться голоса о том, что Еврейский Союз должен изменить свою тактику по отношению к царскому правительству.

Центральный Комитет Еврейского Союза счел необходимым в минувшем августе выпустить особую прокламацию, в которой раз'ясняет товарищам всю нелепость и зловредность мечтаний о соглашениях между рабочим классом и Зубатовым, а следовательно и стоящим за его спиной царским правительством. В прокламации выясняется вся невозможность для социал-демократов вступать в сделки с существующим государственным строем и об'является, что каждый, кто будет поддерживать «политические» сношения с Зубатовым, будет опубликован в газетах как провокатор. Центральный Комитет поступил как нельзя более умно, решившись вложить персты в язвы и открыто выступить при первых признаках грозящей внутренней опасности. Такая политика всегда оказывалась самой выгодной. Уже теперь можно с уверенностью сказать, что зубатовский разврат не затронет ядра еврейского рабочего движения. Громадное большинство сознательных еврейских рабочих с негодованием отвергает политику сделок с подлейшим из русских жандармов.

Мы привели всю эту историю в виду того, что она имеет громадное значение для всех русских социал-демократов. Если в настоящее время зубатовская политика применена именно к еврейскому рабочему движению, то это потому, что для этого движения уже прошло то время, когда полиция могла тешить себя надеждой покончить с ним при помощи обычных мер насилия и шпионства. С движением русских рабочих пока еще считают возможным справиться обыкновенными мерами. Но так как эти обыкновенные меры в конце концов, не помогают, то естественно ожидать в ближайшем будущем жандармских попыток развратить сознательную часть русского пролетариата, подобно тому, как теперь пытаются развратить еврейских рабочих. Как бы ни были мы уверены в том, что о здравый смысл русского пролетариата, в конце концов, разобьется эта интрига, мы не должны закрывать глаза на то, что при настоящем положении нашего движения мы гораздо менее подготовлены к успешной борьбе с зубатовщиной, чем еврейские рабочие всего Западного края. Достаточно указать на то, что сплоченность отдельных групп и комитетов Еврейского Союза дала возможность Центральному Комитету сейчас же, как только обнаружилась опасность, выступить с предостережением, имея за собой прочную, большую организацию и несколько постоянных органов печати. У нас ничего подобного нет.

И вот почему новая политика правительства по отношению к борющимся рабочим лишний раз настоятельно доказывает нам, насколько нам важно об'единение всех сознательных товарищей, насколько важна прочная организация и строгая дисциплина. Против попыток внести политический разврат в рабочее движение бороться с успехом может только крепко сплоченная, дисциплинированная и подвижная рабочая партия. Таков первый урок, который нам, русским социал-демократам, дает история современных зубатовских приключений.

Второй урок еще важнее. Мы переживаем минуту, когда приходится ожидать, что наши правящие враги будут систематически развращать политическое сознание русского пролетариата, чтобы отвлечь его от пути сознательной классовой борьбы, чтобы вырыть пропасть между экономической борьбой рабочих масс и стремлениями сознательных рабочих к политической и граждан-

ской свободе. В такую минуту, прежде всего, следует задать себе прямо и решить без всякой излишней самоуверенности вопрос: в какой мере мы обеспечены против того, чтобы зубатовская зараза свила себе более или менее прочное гнездо в рядах борющегося пролетариата? Иначе говоря, настолько ли глубоко политическое сознание в наших рядах, чтобы можно было с уверенностью сказать, что всякие заманчивые предложения встретят всегда и всюду надлежащую оценку и отпор?

Каков бы ни был ответ на этот вопрос, одно для нас ясно: русская социал-демократия подписала бы себе смертный приговор, если бы своевременно не приложила все старания к тому, чтобы зубатовская политика разбилась о политическое самосознание русского пролетариата, как о несокрушимую твердыню.

А из этого следует, что, если мы хотим застраховать наше дело от всяких зубатовских сюрпризов, мы должны самым энергичным образом работать над тем, чтобы росту стихийного движения русских рабочих, направленного на улучшение экономического положения, соответствовал рост их политического самосознания. Способствуя возникновению в пролетариате потребности улучшить свое экономическое положение, мы не можем ни на минуту упустить из виду, что недостаточно вырвать рабочие массы из состояния рабской покорности перед капиталистами, но что столь же важно одновременно работать над освобождением их сознания от гнета вековых политических предрассудков, из которых главные — слепая вера в правительство, в царскую милость и отсутствие сознания себя равноправными гражданами того общества, которое живет трудом рабочего класса. На этой почве политической приниженности и отсутствия гражданского достоинства могут пышным цветом разрастись ядовитые семена зубатовской политики. Только расчищая эту почву глубоким плугом открытой революционной агитации, можно надеяться на то, что массовое движение русских рабочих, борющихся за улучшение экономического положения, не заведет их в тупой переулок, не сделает игрушкой политических шарлатанов худшего сорта.

Освобождение рабочих от всех бед современного строя, в конце концов, сводится к их экономическому освобождению из тисков наемной эксплоатации. Но это экономическое, это социальное освобождение немыслимо раньше, чем рабочие массы не станут из бесправных рабов всемогущей государственной власти равноправными гражданами свободной страны, свободно и на законной почве работающими над делом улучшения своего положения. Экономическая цель рабочего движения поэтому неотделима от политической борьбы, которая одна только может обеспечить достижение этой цели. А потому развитие политического самосознания, революционная пропаганда политической борьбы должны итти рука об руку с экономическим движением рабочего класса. Мы хотим улучшить свое экономическое положение, мы желаем пользоваться всеми благами культуры, которые созданы нашим трудом и нашим искусством, но мы желаем ими пользоваться не как рабы, а как свободные граждане. Свою нынешнюю долю возмущенных голодных невольников мы не станем менять на ту жалкую долю довольных сытых холопов, которую одну только могло бы нам предложить богопомазанное правительство дворян, жандармов и попов. Взамен этой доли мы стремимся к доле свободных граждан свободного государства, которое одно только обеспечит нам и достижение достойного свободных людей экономического положения. Мы стремимся к свободной демократии, через посредство которой достигнем социализма, а на этом пути у нас нет общих дел с правительством дворян, жандармов и попов. Они такой же наш непримиримый враг, как и фабриканты, которых оно поддерживает всеми средствами военного и полицейского насилия.

Не может быть и речи о поднятии нашего положения на фабрике до тех пор, пока за стенами фабрики народные массы бесправны против орды царских чиновников и в государстве царит кнут. Беззаконие и произвол, царящие в государстве, питают и то беззаконие и произвол, которые царят на фабрике. Не улучшив нашего положения как граждан, мы не поднимем своего положения как рабочих. А потому, борясь против фабрикантов, мы не можем вступать в мирные соглашения с самовластными опричниками. Ни царей ни господ! Ни эксплоататоров на фабрике ни тиранов в государстве! — вот боевой девиз рабочего движения.

Только неустанно распространяя в самых широких массах это политическое сознание, русская социал-демократия выполнит свой долг и предохранит русский пролетариат от жестокого похмелья, которое неминуемо наступит за первыми днями опьянения зубатовскими песнями.

Неотложная необходимость революционной пропаганды и агитации, призывающих массы к политической борьбе и не отступающих перед вековыми предрассудками отсталых масс, — вот мораль зубатовской истории.

[Л. Мартов]

ЦАРСКОЕ ПРАВОСУДИЕ И ЦАРСКАЯ МИЛОСТЬ.

Машина царского правосудия работает во-всю. Во всех углах России жандармы возятся с агитаторами и пропагандистами, судебные палаты и окружные суды при закрытых дверях разбирают дела о стачках и фабричных беспорядках, а для разнообразия военный суд в Варшаве чинит расправу над товарищами, виновными в убийстве шпионов и предателей. Все средства царского правосудия к услугам врагов рабочего класса.

Военный суд в Варшаве совершил свое дело, и три процесса об убийстве шпионов закончились, как и надо было ожидать, смертными приговорами для всех девяти обвиняемых. Но они не были казнены. Когда царское правосудие выполнило свою работу, пришла очередь проявиться во всем блеске царской милости. Царское правосудие за убийство шпиона, совершенное раздраженным рабочим, лишает обвиняемого всех тех средств защиты, которые общий суд предоставляет всяком уголовному преступнику, и судит их упрощенным порядком, постановляя кровавый приговор «по законам военного времени». Царская милость заменяет мгновенную смерть на виселице мучительной, долгой смертью в сибирских рудниках. Свидерскому, Возняку и Езиоровскому всемилостивейше дарована бессрочная каторга, Рутковскому, Глинскому и Червинскому — 20, а Карчу, Мрозику и Кравчику

15 лет каторжных работ. Как не воздать хвалу царской милости, так удачно дополняющей царское правосудие!

Царская милость даровала польским товарищам только то, на что они имели право по общим законам Российской империи, да и то не все. За предумышленное убийство по общим законам не полагается бессрочной каторги *, так что товарищи Езиоровский, Возняк и Свидерский наказаны гораздо суровее, чем всякий уголовный убийца.

Простым распоряжением ген.-губернатора преступления, за которые в законе предусмотрено определенное наказание, предаются военному суду, т.-е. простой военной комиссии, которая решает дело по своему произволу, без всякого контроля со стороны сената, ведающего по закону все судебные дела, комиссии, составленной из офицеров, подчиненных тому самому ген.-губернатору, который предал обвиняемых военному суду. А так как всем известно, что воинская дисциплина делает из каждого офицера послушную пешку, исполняющую предписания начальства, то понятно, что военный суд может выносить только такие приговоры, которые ему предпишет генерал-губернатор.

Русский военный суд имеет за собой славную историю. В 1879 г. по приговору одесского военного суда был повешен дворянин Лизогуб только за то, что пожертвовал свое громадное состояние революционному делу. В том же году в Одессе же, по решению военного суда, были повешены социалисты Дробязгин, Малинка и Майданский. Обвинения, выставленные против них, были не такого рода, чтобы приговорить их к смертной казни: по своим стремлениям они не были сторонниками насильственных действий. Но в то время, как они сидели в одесской тюрьме, в Петербурге было совершено покушение на жизнь шефа жандармов Дрентельна. Виновник покушения скрылся, но правительству необходимо было наказать революционную партию, и вот одесских социалистов, отрицавших борьбу путем насильственных действий, казнят потому, что не могут найти действительных виновников таких действий. Эта казнь вызвала негодование всех порядочных людей. Выразителем этого негодования явился один студент, не бывший вовсе революционером, который во время казни приблизился к виселицам и сказал обреченным на смерть слово одобрения. За это слово студент Олеховский был приговорен военным судом к 15-летней каторге. В 1880 г. в Киеве военный суд по приказу ген.-губернатора осудил на смерть юношу Розовского только за распространение прокламаций, т. е. за деяние, которое по закону наказуется тюремным заключением. Розовский не захотел выдать человека, оставившего у него прокламации, и за это должен был умереть. В 1883 г. в Иркутске военный суд приговорил к повешению учителя Неустроева за то, что тот, раздраженный грубостью ген.-губернатора, дал ему пощечину. Неустроев так и был казнен. Около того же времени в Шлиссельбургской крепости были казнены заключенные Мышкин и Минаков тоже за пощечины, данные ими кому-то из начальства тюрьмы. Эти чудовищные приговоры тоже вынесли военные суды. В 1889 г. военный суд в Якутске осудил 30 с лишним политических ссыльных на смерть и каторжные работы за то, что, когда на них без всякого повода напала военная команда и стала колоть их штыками, некоторые из них отстреливались из револьверов, при чем пять мужчин и одна девушка были на месте убиты солдатами. Из осужденных трое были повешены. Когда же по всему миру поднялся по поводу этой бойни шум, то дело было пересмотрено специально посланными чиновниками, и оказалось, что осужденные были жертвой дикой, бесчеловечной бойни, произведенной озверевшими солдатами по приказу властей. Тогда царская милость «простила» оставшихся в живых социалистов и извлекла из каторги *, после того как вся жизнь их была разбита. Только троим повешенным не могла возвратить жизнь всесильная царская милость! В 1892 г. военные суды в Астрахани, Саратове, Юзовке осудили на смерть десятки несчастных рабочих и крестьян за участие в холерных беспорядках, которые, как тогда же было выяснено, были вызваны грубыми и беззаконными мерами полиции. Наконец, в 1899 г. тот же варшавский военный суд приговорил к смерти пять лодзинских рабочих, виновных в том, что пытались взорвать динамитом дом миллионера-фабриканта, при чем ни одна человеческая жизнь не пострадала.

Зато военный суд умеет выносить и кроткие приговоры... когда судит не социалистов и рабочих, а членов своей же клики. В 1896 г. пьяный киевский офицер зарубил шашкой студента; он был приговорен всего лишь к незначительному аресту. В 1899 г. в Ташкенте редактор местной газеты Сморгунер был убит полковником Сташевским за то, что газета Сморгунера обличала преступные дела, совершенные в тех краях военными властями над беззащитным покоренным населением. Полковника Сташевского, виновного в умышленном убийстве безоружного человека, военный суд приговорил к непродолжительному тюремному заключению, а недавно газеты сообщили, что царская милость освободила Сташевского из тюрьмы после короткого заключения, простив ему остающийся срок. За убийство шпиона — смерть, за убийство честного борца за угнетенных — короткое заключение. Рабочего, отомстившего за погубленных братьев, царская милость отправляет на бессрочную каторгу, офицера, мстившего за интересы шайки взяточников, та же царская милость вовсе освобождает от наказания! Рабочему, поднявшему руку на царского шпиона, — смертная казнь! Миллионер Мамонтов, разоривший до тла массу небогатых людей, вложивших свои гроши в его предприятия, обокравший казну, т. е. всех нас, плательщиков податей, — Мамонтов, который, живя в роскоши, около года не платил жалованья почти двум тысячам рабочим Николаевского завода в Иркутской губернии, чем их довел до неслыханной нищеты, этот преступник-капиталист не был предан военному суду: ему пришлось предстать перед обычным судом, судом присяжных, которые его оправдали, приняв во внимание, что в совершенных преступлениях виноват не только Мамонтов, но и министр Витте и другие правительственные сановники, которых царская милость охраняет от всякого суда. Если бы суд присяжных, суд обыкновенных граждан, хотя бы и не из рабочего класса, рассматривал дело об убийстве шпионов,

* По русским законам бессрочная каторга назначается только за убийство родного отца. Может быть царь своим приговором хочет показать, что для русского обывателя шпион должен быть так же дорог, как родной отец?

* Большинство их до сих пор еще состоит под гласным надзором.

если б ему показали, какое зло, какой разврат несут в рабочую среду жандармы и шпионы, сколько жертв они губят, быть может, он не осудил бы тех, кто в справедливом гневе поднял руку на этих гадов.

Рабочие, убившие шпиона, должны сгинуть на каторге! А миллионер-нефтепромышленник из Баку, который не пожелал затратить несколько грошей на принятие необходимых мер предосторожности, последствием чего был несчастный случай на промыслах, стоивший жизни многим рабочим, — этот миллионер отделался несколькими месяцами тюрьмы. За жизнь нескольких рабочих — легкое наказание, за жизнь трех шпионов — лишение жизни девяти рабочих. Вот мера царского правосудия!

Смертные приговоры над Езиоровским и другими польскими товарищами не приведены в исполнение: так выгоднее для царского правительства. Пока ему нужно только запугать рабочих, показать, что в случае дальнейших насилий над священной личностью шпионов оно не остановится и перед виселицами. Обычная слепота русского правительства! Оно не понимает, что тот, кто решается пожертвовать собою для мщения за товарищей, тот не остановится и перед смертью. Оно не понимает, что эти меры застращивания могут вести только к озлоблению и возмущению и что каждая жертва царского правосудия создает десятки решившихся на все мстителей.

Шпионско-провокаторская деятельность жандармерии вызвала за посление годы во многих слоях рабочих наклонность к кровавым мерам борьбы с этой язвой. Кто знает тяжелую обстановку деятельности русского социалиста, кто знает, какие гнусные преступления совершают шпионы его величества, сколько драгоценных сил они губят, как сами завлекают людей в политическое движение, чтобы потом их предать в руки жандармских палачей, — того не удивит жажда мщения, тот не бросит камнем в рабочих, решившихся лучше убить одного негодяя, чем дать ему губить все новые и новые жертвы. Террористическая борьба со шпионами есть неизбежное следствие самой шпионской системы, и пока рабочему классу придется вести борьбу за свое дело подпольно, пока он не получит права открыто соединяться и отстаивать свои интересы, пока над каждым борцом будет тяготеть угроза ссылки и тюрьмы за каждый его шаг, — до тех пор нельзя ожидать прекращения такого террора, как нельзя ожидать и прекращения постоянно повторяющихся насильственных фабричных беспорядков. Вся нравственная ответственность за то и другое падает на тех, кто, отказывая рабочему классу в каких-либо правах для защиты кровных интересов, в то же время на народные деньги пытается развращать рабочих, вербуя через них шпионов и сея через них всякую нравственную порчу в рабочем классе.

Социал-демократия не может увлекаться такими мерами борьбы, как убийство шпионов. Вся надежда социал-демократии — в движении всего рабочего класса, всей ее массы, и такое средство борьбы, которое, по существу, может быть только делом отдельных личностей, ничего не дает делу борьбы за освобождение всего класса. Отдельные личности или отдельные кружки могут видеть в убийстве шпиона средство охранить от гибели ту часть дела, которой они заняты, и спасти от предательства себя и своих ближайших товарищей. Против того, чтобы шпионы могли наносить большой вред делу, рабочая партия должна бороться путем выработки такой крепкой и строгой организации, которой никакие провокаторы не могли бы нанести вреда; против всей шпионской системы мы должны бороться, неустанно раскрывая рабочему классу все ее гнусности, призывая рабочие массы беспощадно травить, бойкотировать и выживать (напр., устраивая стачки с требованием удаления шпиона) с заводов всяких шпионов, предателей и изменников. Эти средства борьбы и действительны и незаменимы по своему агитационному значению. Многие склонны думать, что борьба посредством убийства отдельных шпионов может оказать устрашающее влияние на всю шпионскую братию. Мы не согласны с таким мнением. Если верно, что кровавые меры никогда не могут задавить рабочего движения, а только воспитывают в борцах большую ловкость и умелость, то и обратно, террористические меры против шпионов ведут лишь к тому, что побуждают их действовать более осторожно. Пока правительство может бесконтрольно распоряжаться народными деньгами на наем шпионов, пока капиталистический строй создает повсюду море нищеты, подлости, погони за легкой наживой, до тех пор никакими мерами насилия не остановить грязного потока шпионского разврата. Отдельные личности под влиянием нравственного возмущения могут брать на себя борьбу с единичными представителями гнусного порядка. Партия должна бороться не с единичным явлением, а с той почвой, на которой неизбежно вырастают такие явления. А эта почва — полное бесправие всего русского народа и особенно рабочего класса, самовластие царского правительства и общие условия капиталистического строя, порождающего нищету, невежество и погоню за легкой наживой, хотя бы ценой самой подлой услуги тому, у кого есть деньги.

В интересах борьбы с общими условиями современного строя мы должны использовать и новые проявления царского правосудия и царской милости. Мы не берем на себя ответственности за кровавое отмщение, совершенное некоторыми товарищами против царских шпионов. Но мы не можем считать их преступниками. Для нас они — жертвы современного гнусного порядка, и все наше сочувствие на стороне их, отдавших свою жизнь за то, что они считали полезным для общего дела. И мы должны сделать все возможное, чтобы не дать этому гнусному строю окончательно доконать свои жертвы. Мы должны впредь при всяких подобных случаях добиваться того, чтобы вырвать эти жертвы из рук военного суда, чтобы обеспечить для них тот общий суд, которым пользуется каждый нарушитель общих законов. Мы должны требовать, чтобы жизнь шпиона пользовалась только той защитой закона, которая оберегает жизнь каждого обывателя. Мы должны в каждом отдельном случае применения военного суда открывать русским рабочим массам глаза на чудовищную несправедливость царского правосудия. Пока отдельные товарищи на свой страх и риск совершают террористические деяния против того или другого негодяя, мы, как партия, стоим в стороне. Но когда те же товарищи оказываются в положении жертв самовластного царского правительства, по произволу нарушающего общие законы, тогда их дело становится общим делом всего рабочего класса, и наша партия должна вести агитацию на почве протеста и против исключительных военных судов и против всей шпи-

онско-жандармской системы. И если, как можно ожидать, террористическая борьба будет развиваться вместе с усилением гнета и произвола правительства, то пусть каждый новый факт с его стороны встретится с протестом всего борющегося пролетариата.

Правительство заявило, что намерено расправляться с нами «по законам военного времени». Пусть же весь рабочий класс сознает, наконец, что он обречен на беспощадную войну с существующим строем, на войну, которая не может окончиться ничем иным, как победой одной стороны и уничтожением другой „по законам военного времени".

Для развития в массах этого сознания мы будем пользоваться каждой новой гнусностью нашего правительства, каждый раз должны мы вести агитацию для возбуждения сознательного протеста рабочего класса. Тогда нашему делу на пользу пойдет каждое новое проявление царского правосудия и каждая новая комедия лицемерной царской милости.

[Л. Мартов]

* * *

По поводу военных судов в Варшаве была распространена следующая прокламация:

КО ВСЕМ РАБОЧИМ И РАБОТНИЦАМ РОССИИ!

Товарищи!

Во всех газетах напечатан приказ варшавского ген.-губернатора от 14 июля о том, что варшавские рабочие Франц Свидерский и Валентин Возняк предаются военному суду для суждения по законам военного времени по обвинению в том, что во врмя стачки в Варшаве в начале этого года убили предателя, рабочего Антона Гржешака. А семь других польских рабочих преданы такому же военному суду—рабочий Червинский за то, что, принадлежа к Польской Социалистической Партии, убил шпиона на фабрике, а горнорабочие Езиоровский, Мрозик, Карч, Кравчик, Глинский и Гудковский за то, что убили машиниста, желавшего донести жандармам, что они принадлежат к социалистической партии польских рабочих.

Об этом суде варшавский ген.-губернатор оповещает заранее всех и каждого: все русские рабочие должны знать, что девять польских товарищей будут судиться особым военным судом. Все русские рабочие должны понять и оценить, что значит эта новая ласка русского правительства. Вы знаете, товарищи, что такое военный суд по законам военного времени. Это значит, что несколько грубых офицеров постановят приговор, не слушая об'яснений обвиняемых, не давая им говорить всего, что они захотят, не вызывая тех свидетелей, которые могли бы установить правду в пользу обвиняемых. Обвиняемые не будут вольны выбрать себе защитников; им не дано будет право обжаловать в сенат неправильный приговор военного суда. А приговор этот будет кровавый: по ст. 279 воинского устава, о которой говорится в приказе, нашим польским товарищам грозит смертная казнь через повешение.

Смертная казнь! Вот ради чего правительство решило предать военному суду Свидерского и других. Обычным судом у нас за убийство не назначается смертная казнь. И обыкновенный суд неудобен для правительства в таком деле. Тут обвиняемые смогли бы выставить своих свидетелей, могли бы доказать свою невиновность, если не они убили предателей, а если они участвовали в его убийстве, то они смогли бы об'яснить, за какие дела убит предатель, и суд оправдал бы их или назначил меньшее наказание. Если бы дело разбиралось окружным судом, то раскрылись бы все обстоятельства дела, а это не по душе правительству; ему нужно решить дело в тиши, так, чтобы ни одна хозяйская или правительственная подлость не выплыла на свет божий. Вот почему назначается военный суд. Правительству нужно, чтобы обвиняемые рабочие были повешены. Ему это затем нужно, чтобы запугать вас, товарищи, чтобы устрашить всех нас, которые не несут покорно своей нищеты и борются за лучшую жизнь. Против всех нас направлены эти кровавые угрозы русского правительства, и вот почему уже загодя правительство хвалится тем, что хочет пролить кровь наших братьев, и всей русской земле об'являет, что назначен суд военных палачей для совершения этого гнусного дела. Трупами наших польских товарищей хотят остановить рабочее движение. Чтобы наши фабриканты и такие предатели могли спокойно спать и не боялись за свою шкуру, нужно беззаконно убить наших товарищей, а для этого их отдают такому суду, перед которым они лишены тех прав, что даются всякому вору и убийце.

Правительство не знает, как справиться с рабочим движением, и в бешеной ярости оно хочет кровью залить его. Не за то повесят наших польских товарищей, что они убили шпиона, а для того, чтобы отмстить варшавским рабочим за их дружную и упорную борьбу за рабочее дело. Свирепому царскому правительству недостаточно уже общих законов для борьбы с нами, так вот оно сочиняет новые, чрезвычайные, особенно гнусные законы специально против рабочего класса.

Товарищи! Дело польских товарищей — наше общее дело. Если мы дадим правительству осудить наших товарищей военным судом, то оно всегда и везде будет этим средством расправляться с нами. Дайте только зверю безнаказанно полакомиться свежей кровью, и он разохотится и будет жаждать еще и еще крови. Если мы смолчим, слыша, что повесили рабочих за преданность общему делу, то никто не будет уверен, что его за стачку, за раздачу листков или за побои шпиону или изменнику не станут судить военным судом. Теперь правительство хочет кровавой жертвой угодить польским фабрикантам, завтра оно захочет дать такой же подарок русским фабрикантам.

Товарищи! Наши несчастные братья томятся теперь в варшавской крепости и знают, что уже строются для них виселицы; они знают, что не будет от правительства пощады, что никто не вызволит их из беды, — никто, как их братья — рабочие. Если обвиняемые и впрямь участвовали в убийстве, то не для своей пользы они это сделали, а потому, что думали, что помогут этим общему делу. И мы не можем равнодушно смотреть, как их беззаконно казнит военный суд. Товарищи! мы призываем вас всеми силами, всеми средствами протестовать против военных судов, протестовать против кровавых замыслов царского правительства. Если во всех городах мы заявим массовый общий протест и выразим свое негодование, то правительство увидит, что рабочий люд не дает безнаказанно убивать своих братьев. Мы зовем вас выступить, как один человек, за несчастных варшавских товарищей. Никто, кто сохранил душу живую, не может спать спокойно, зная, что его братья по труду находятся в смертельной опасности. Если мы что-нибудь можем сделать, чтобы предотвратить смерть, мы обязаны это сделать как можно скорее. Только мы — весь рабочий народ — можем сделать это, не проливая крови; если же мы не вмешаемся в дело, то за гибель товарищей станут мстить на свой страх отдельные пылкие люди, которые не захотят снести такого надругательства над законом и правдой, и тогда будет пролито много крови с обеих сторон. Нет, товарищи, мы не должны допустить до этого. У нас есть могучие мирные средства для борьбы, и мы должны ими воспользоваться; где только можно, как только можно, заявляйте о том, что вы присоединяетесь к нашему протесту против кровавых мер нашего правительства. Пусть правительство увидит, что все рабочие затронуты за живое приказом о военном суде, и тогда оно испугается раздражать миллионы рабочих и не посмеет утвердить кровавого приговора. В наших руках находится, может быть, участь наших товарищей, и кто из нас возьмет на себя грех молчать, когда от нашего слова, может быть, зависит, жить им или нет? Смелее товарищи! Протестуйте против военного суда в Варшаве! Всех не перевешают!

1. Устраивайте забастовки и требуйте отмены военных и чрезвычайных судов и пересмотра дела Свидерского и Возняка судом присяжных.

2. Собирайте большие собрания для составления протеста и разрешайте комитетам партии действовать от вашего имени.

3. Собирайте средства для помощи семействам осужденных.

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.
(Типография «Южного Рабочего»).

По имеющимся сведениям, этот листок был распространен в С.-Петербурге, Риге, Либаве, Екатеринославе, Харькове, Киеве, Иваново-Вознесенске, Ярославле, а также, повидимому, в Одессе и Николаеве, сверх того в г. Орше, Могилевской губ., где вслед за тем произведено 20 обысков и 14 арестов.

Пусть послужит этот удачный опыт распространения политического листка ободряющим примером для всех товарищей. Мы приучили рабочих во всех концах России к листкам местного экономического характера. Мы обязаны теперь направить все усилия на создание организации для распространения по всей России листков политического содержания, клеймящих всякую гнусность самодержавия, призывающих весь народ к борьбе за освобождение. Группа «Искры» предлагает в этом отношении свои услуги и свою типографию для всех социал-демократических групп.

ИЗ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

«Просветительные задачи» России на Дальнем Востоке — и положение народных учителей. Наступила зима, и в наших газетах замелькали опять обычные известия об отчаянном положении народных учителей. Все так привыкли уж к этим известиям! Учителя голодают, учителя мерзнут в тех жалких конурах, которые называются квартирами, учителя обивают пороги председателей управ и предводителей дворянства, выпрашивая, точно милостыню, то грошевое жалованье, которое они честно заработали тяжким, истинно каторжным трудом и которое им не платят по месяцам. Потерпите, господа! У России нет денег, она отдала сотни миллионов на китайскую войну и отдаст еще больше. Наши национальные просветительные задачи находятся теперь в Азии, по ту сторону Амура. Вот когда мы перебьем возможно больше китайцев и захватим («арендуем», «оккупируем») возможно больше китайской земли, — тогда все будет хорошо, и просвещение вернется из Китая в Россию.

А помимо материальных лишений, сколько терпят наши народные учителя унижений, под каким строжайшим надзором они находятся, как будто они были неприятельскими шпионами! Уже не говоря о том, как уродуют и ограничивают их преподавательскую деятельность — они не смеют даже собраться компанией: это сейчас об'являют «с'ездом», и сельская «политическая полиция» в лице попов, урядников и волостных старшин засыпает начальство доносами. Русское правительство имеет, должно быть, веские основания считать всякого народного учителя от природы склонным к противоправительственной пропаганде. Не даром в самое последнее время оно позаботилось учредить целую сотню новых должностей инспекторов народных училищ. У нас нет денег на улучшение положения учителей, но на усиление полицейского надзора за учителями у нас всегда найдутся деньги.

Горькая нужда, умственное и нравственное одичание — таков удел главных работников народного просвещения. Бедняги! Вас стараются раз'единить и запугать, вам грозят лишением свободы, одиночной тюрьмой и ссылкой за малейшее участие в политике. Но для всякого из вас, кто не потерял еще способности мыслить, все яснее становится безвыходность его положения, тесная зависимость его принижения от политического принижения всего народа, и вряд ли угрозы полицейскими преследованиями могут быть особенно страшны для людей, лишения которых доходят до голодания, людей, настолько бесправных, что их избивают самодурствующие воротилы деревни. Идите в ряды революционной партии! В вашем положении есть много общего с положением городского пролетариата, которого однако труднее раз'единить и запугать и который уже поднял борьбу за политическое освобождение России. Примыкайте к этой борьбе, старайтесь принести посильную помощь рабочему движению, старайтесь сеять в народе понимание значения и целей этого движения. Не может быть плодотворной деятельности на пользу истинного просвещения народа вне борьбы за его политическую свободу. И не может быть плодотворной борьбы за политическую свободу вне рядов рабочей социалистической партии.

Финляндские дела. В Финляндии продолжается политика насильственного «обрусения». После того, как царь открыто и всенародно нарушил клятву, данную его предшественниками и им самим хранить конституцию Финляндии, преследование всех свобод этого мирного и просвещенного народа принимает все более и более характер дикой травли. Поставлены под строжайший надзор полиции народные собрания, сыплется град предостережений, приостановок, запрещений и всякого рода взысканий на финляндскую печать, вводится обязательность русского языка в делопроизводстве правительственных учреждений, приготовляется уничтожение таможенной самостоятельности Финляндии. Никогда не восставшие против русского правительства финляндцы держатся с поразительной стойкостью, удивляя весь мир шириной и глубиной своего мирного, строго законного протеста. И эта законность точно еще более озлобляет полицейское правительство. Оно наводняет страну шпионами и провокаторами, вызывая на восстание, которое развязало бы ему руки. С испокон века пользовавшихся свободой финляндских граждан оно во что бы то ни стало решило низвести на положение безгласных и бесправных русских обывателей. Правительство решило сравнять всех русских подданых перед лицом самодержца. Ну, что же! Оно достигнет наверняка только одного: оно об'единит всех русских подданных на борьбе против самодержавия. До сих пор революционное движение в России отличалось (частью и теперь отличается) значительной раздробленностью: иноплеменное население окраин либо образовывало совершенно отдельные струи движения, либо вовсе не принимало участия в движении (Остзейский край, Финляндия). Теперь дело начинает изменяться: у всех племен Российского государства растет и крепнет рабочее движение, стремящееся стать социал-демократическим движением. И наше правительство с успехом работает над благодарной задачей собирания и соединения всех этих потоков. Оно хочет централизации и обезличения всех подданных — оно работает над централизацией всех революционных сил. Оно хочет показать, что не потерпит свободы где бы то ни было — оно заставит все более широкие слои русского народа присоединиться к кличу: «Да здравствует свободная Финляндия!», «Да здравствует свободная Россия!».

[В. М. Смирнов]

Кризис. Нам сообщают из обеих столиц о застое промышленных дел, о сокращении фабрикантами производства, об уменьшении рабочего дня. Некоторые фабриканты вводят систему жребия, т. е. удаляют часть рабочих по жребию. Капиталисты во многих местах были бы теперь рады стачкам, чтобы иметь предлог распустить рабочих.

Пусть берегутся поэтому рабочие! Стачка — не единственное средство борьбы, и теперешним тяжелым временем для рабочих мы должны усиленно пользоваться, чтобы наглядными примерами раз'яснять рабочей массе значение социализма и подготовлять ее к более решительной борьбе. Когда дела шли бойко, капиталисты загребали миллионы, биржевые дельцы обогащались на счет рабочего класса и мелких собственников. Рабочие только в немногих случаях и только ценой упорной, стоившей массы жертв, борьбы добивались себе в это время хоть небольшого улучшения своего положения. Теперь наступила пора убытков,— и капиталисты выбрасывают рабочих на улицу. А ведь кризис только еще начинается. Приостановка правитель-

ственных заказов в связи с финансовыми затруднениями казны и увеличение налогов придадут еще более широкий и острый характер безработице. Либо промышленная горячка, обогащение горсти тузов, производство товаров, не находящих сбыта, либо безработица и застой в делах,— таковы неизменные порядки во всех капиталистических странах, в которых земля, заводы, фабрики и орудия труда принадлежат ничтожному числу богатых, а масса народа находится в нищете. И только господство социализма, за который борются сознательные рабочие всех стран, может положить конец этому преступному соединению безумной роскоши и массовой нищеты.

Письмо из столицы. Былого антагонизма ведомств между мин. внутр. дел и мин. финансов больше не замечается. Сипягин в значительной степени ставленник Витте, а Витте с Муравьевым заключили мир, и самым простым способом. Дело было так: осенью 1899 г. Муравьев вплотную подобрался к Витте по делу Мамонтова-Максимова. [Максимов был директором железно-дорожного департамента мин. фин. Этот департамент вполне подчинил все железно-дорожное дело *. Максимов, преследуя одну цель— уменьшение расходов, чтобы доказать доходность до сих пор мало доходных казенных железных дорог, открыто брал взятки (за проведение, напр., под'ездного пути по чьей-нибудь земле)]. Тогда Витте для примирения с Муравьевым просто преподнес ему землю на восточном берегу Черного моря на весьма льготных и выгодных для Муравьева условиях, — и мир был заключен.

Какими приемами руководятся в высших сферах, видно из дела с московским электрическим трамваем. Это дело сильно интересует Москву. Здесь московское купечество, начинающее проявлять стремление к самостоятельности, выступает в новом свете. Дело в том, что Москва хотела выкупить теперешнюю во всех отношениях плохую конку; но одним из крупных ее пайщиков состоит Истомин, de nomine управляющий канцелярией ген.-губернатора, а фактически ген.-губернатор Москвы. (Вел. князь без него, при своей крайней ограниченности, шагу сделать не может, так что все решает Истомин.) Неудивительно поэтому, что мин. внутр. дел выкупа не разрешило. Тогда город решил своими средствами построить параллельную электрическую железную дорогу; но для этого решено было сделать общественный заем в 28 миллионов рублей. Министерство, конечно, опять отказало. Теперь город решил сделать частный заем; на бывшем совещании московские капиталисты подписали уже 16 миллионов. А что для теперешнего шефа этого министерства (Сипягина) грязные делишки не новость, доказывается лучше всего тем, что он был пайщиком того игорного дома, за участие в котором судился жандармский полковник Меронвиль де Сен-Клэр **, сосланный в Архангельск, откуда он, конечно, благополучно бежал за границу.

Нельзя не отметить, что настоящее время характеризуется начинающейся, но довольно стойкой борьбой земской левой и некоторых городов (Тверь, Москва, Харьков, Полтава, Нижний, Вологда, Астрахань и т. д.) с администрацией. В то же время замечаются резкие столкновения низших классов с полицией (Луганский, Бузулукский уезды — аграрные процессы).

Рабочие все более привыкают к отстаиванию своих прав, а приемы борьбы, проявляемые правительством, остаются прежними и все более и более раздражают общество. Такое раздражение вызывает, напр., фиксация земских бюджетов, мера сама по себе совершенно бессмысленная, но возбуждающая недовольство в широких земских кругах. Сипягин при этом дошел до такого «провинциализма», что призывал к себе лиц, подозреваемых в агитации против этого проекта, и допытывал у них: не они ли написали циркулирующую записку против реформы. Ему отвечали: «нет, не писали», — и он оставался в глупом положении.

---

* Хилков — не более как услужливый и бесхарактерный царедворец.

** В сущности этот процесс был замаскирован делом братьев Поповых.

Письмо ссыльного. Товарищи! Настоящее письмо вызвано желанием остановить ваше внимание на одном из актов правительственного насилия, до сих пор не только не использованном, но по странной случайности вовсе не отмеченном нашей нелегальной русской и заграничной печатью; а между тем акт этот, непосредственно касаясь русско-сибирской ссылки, является крайне чувствительным для целой категории политических ссыльных, а именно для рабочих-стачечников, составляющих в настоящее время уже довольно значительный (притом прогрессивно-растущий) процент ссылки. Мы говорим о жестокой и унизительной мере русского правительства, открыто низводящей рабочих-стачечников на степень «лиц порочного поведения» и на этом основании уменьшающей размер пособия, выдаваемого политическим ссыльным в Сибири. (Общий размер пособия в среднем около 9 руб. в мес.; размер пособия стачечникам с января этого года — около трех рублей в месяц; в некоторых же местах Сибири, как напр., в Красноярске, Енисейской губ., стачечники с нового года получают по полтора рубля в месяц.) В Сибири новая правительственная мера, вошедшая в силу с января этого года, применяется, главным образом, в Енисейской губ., куда до сих пор преимущественно ссылают стачечников, рассеивая их по глухим деревушкам по течению Енисея, где часто не существует колоний политических ссыльных, а след., нет места и тому внутреннему уравнению пособий, которое одно могло бы в данном случае служить легальным противодействием грубому правительственному насилию. Низводя рабочего-стачечника на степень уголовного ссыльного или, как формулирует русское правительство, на степень «лица порочного поведения», — исключая его тем самым из разряда политических ссыльных,—упомянутая мера гнетет рабочего еще больше морально, чем материально, и след., как со стороны экономического, так и нравственно-политического своего содержания, должна иметь крупное агитационное значение. Именно в этих целях — в целях политической агитации среди рабочего класса — мы просим вас, товарищи, отметить на страницах наших изданий как упомянутый правительственный акт, так особенно желательность протеста против него в той или иной форме, не только среди ссыльных, но и всего рабочего класса. Прибавляем, что в целях широкой популяризации в массах самого факта и идеи протеста мы признавали бы желательным посвящение данному вопросу отдельного издания в форме самостоятельной и популярной брошюры.

Расправа с врагом. Разные есть враги у русского императорского правительства. Кто мог бы ожидать, напр., что в числе врагов его окажется Императорское Вольно-Экономическое Общество? А оно, несомненно, попало теперь в число врагов, и над ним чинят расправу: приостановлено действие старого устава, запрещено допущение публики, устроен полицейский надзор за читаемыми докладами, назначена комиссия для составления нового, «безвредного» устава (в настоящее время эта комиссия, вероятно, закончила уже свои «работы»). В чем провинилось В.-Экон. Общество? В том, что в него попали люди, осмеливающиеся сочувствовать истинному просвещению и открыто поднимать и обсуждать вопросы о народных бедствиях в России. А всякое такое обсуждение, каким бы рабским языком оно ни велось, всегда является обвинительным актом против русского правительства. Эту простую и тысячу раз подтверждавшуюся на деле истину с похвальной откровенностью проболтал один член И. В.-Э. О-ва. На одном из заседаний его, когда возбуждался вопрос о мерах, вызываемых императорским приказом о «расправе», сей достопочтенный господин (мы не запомнили, к сожалению, его имени) взывал: «не бывать в России конституции». Замечательная логичность и последовательность! В речах на собраниях И. В.-Э. О-ва слышались отдаленнейшие намеки на конституцию, — чтобы доказать, что в России не бывать конституции, надо расправиться с В.-Э. Об-вом. Надо следить за всеми подобными крамольническими намеками, а задача эта становится все труднее. Растут города, развивается потребность во всяческих союзах, поднимается культурный уровень новых слоев населения, — и наше попечи-

тельное правительство начинает прямо метаться от одного очага заразы к другому. Было Юридическое Общество. Пробрались порядочные люди. Стали заикаться о разных правах. О правах? Долой Юридическое Общество! Были комитеты грамотности. Пробрались порядочные люди и доказали, что при желании можно горсточке людей с ничтожными средствами сделать для просвещения народа больше, чем делают тысячи пресмыкающихся чиновников, оберегающих народ от просвещения. Урезать комитеты грамотности! Было В.-Эк. Об-во. Пробрались порядочные люди. Стала ломиться публика на собрания. Отдать под надзор «Вольное» Общество! Бедное правительство! Как ему много дела, как у него много врагов,—и не только прямых врагов, а еще и врагов скрытых, осмеливающихся лишь слегка сочувствовать, осторожно намекать и почтительнейше ходатайствовать!

Для нас, социал-демократов, правительство — прямой враг. Наш долг—извлекать уроки политического воспитания рабочего класса из всякой расправы правительства с мирными и дозволенными законом обществами и учреждениями. Наш долг также всегда напоминать о том, что из врагов нашего врага мы должны уметь выбирать себе союзников.

Студенческие волнения. Нам пишут из Киева от 8-го ноября: «В университете начались волнения по поводу назначения на одну кафедру юридического факультета профессора, который не нравится студентам. Ген.-губернатор пригласил к себе ректора и велел ему удалить профессора, дабы предупредить беспорядки в университете».

Из С.-Петербурга нам доставлен литографированный листок слушательниц высших женских курсов с описанием протеста курсисток против исключения первокурсницы Гусевой за «грубость начальству» (не кланялась инспектрисе, выражала общее неудовольствие ассистентке на экзамене латинского языка, приносила в интернат чужие вещи,—последнее преступление столь же непонятно, сколь ужасны два первые!) Курсистки устроили сходки для протеста и послали депутацию к директору, который заявил, что не может опять принять Гусевой, ибо дело передано в мин. внутр. дел, а за сходки грозил массовыми исключениями без права поступления. Мин. внутр. дел, очевидно, очень мало верит в прочность нашего государственного порядка, потому что оно усмотрело серьезную опасность в этих волнениях: «Через три дня, — читаем мы в листке. — Гусева была выслана административным порядком (в 24 часа) из С.-Петербурга на родину».

«По сведениям, полученным из градоначальства и охранного отделения, выяснилось, что Гусева, не представляя из себя ничего интересного в политическом отношении, высылается по настоянию учебного начальства. Вот факт, комментарии к которому считаем излишними», — заявляет листок.

Мы только что узнали из самых достоверных источников, что в мин. вн. дел усиленно разрабатывается законопроект отдачи в военную службу тех неинтересных в политическом отношении курсисток, которые осмеливаются не кланяться инспектрисе.

P. S. Мы только что получили листок: «От студентов С.-Петербургского университета», за подписью Организационной Комиссии при Спб-ском университете. Листок сообщает, что в Спб-ском университете были две сходки (18 и 20 октября) по поводу высылки Гусевой. На второй сходке было около 900 чел. Ничтожным большинством было решено протестовать не в форме демонстрации, а ограничиться преданием гласности всех подробностей происшествия.

Спб-ские студенты совершенно правы, говоря, что данный случай произвола есть лишь «частичное проявление господствующего режима». Пусть же идут в ряды борцов против режима самовластья все, кому ясна недостаточность одних заявлений протеста.

ХРОНИКА РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

II

ПИСЬМА С ФАБРИК И ЗАВОДОВ[4].

С.-Петербург.

Фабрика Максвеля. Знаменитое избиение максвельцев, храбро защищавшихся от ночного нападения разбойнической полиции, вызвало среди рабочих стремление к еще более решительной и упорной борьбе. Один корреспондент-рабочий этой фабрики пишет: ...«Рабочим и крикнуть нельзя, как их грабят На Руси для этого существует цензура, которая охраняет все подлости, совершающиеся правительством и фабрикантами... Наш враг — царско-полицейский деспотизм, который гнетет рабочих... Товарищи! Постараемся сдвинуть все существующее с места, и вместо старого гнилья создадим новое правление братское, т. е. социальное с царством свободы, равенства и братства». Заметим кстати, что самозащита максвельцев заставила полицию быть поосторожнее. Полиция остерегается теперь арестовывать по ночам с квартиры, а предпочитает вызывать рабочих в контору завода и арестовывать их там. Угощение поленьями и кипятком не прошло даром!»

Фабрика Паля. Какие безобразные санитарные условия встречаются даже в наших крупных столичных фабриках, видно из следующего сообщения рабочего: «Есть у нас товар буксин, работаем его очень гадким утком, грязным, гнилым и не крученым: такого товару буксина много везде на прочих фабриках. Он известен каждому ткачу; он работается у Чешера, на Выборгской стороне, у Воронина, у Митрофанова и на Петербургской стороне, но такого утка плохого нет нигде, как у нас. Если рабочий начнет вдувать нитку в челнок без опаски, то получит целый рот пыли грязной, которая насобирается во время хода нитки в глазке челнока. Каждая шпуля работается полминуты, наработается два вершка. Если сработать кусок в 80 арш., сколько потребуется сработать шпуль, сколько нужно проглотить пыли, гнилой, пахучей? На этом товаре рабочий не может работать более года, делается больным, и в солдаты не пойдешь, если буксина поработаешь. Воздух у нас очень плохой, вентиляции хотя есть, да и те поломанные — не действуют. Паровые трубы проведены под полом: пол грязный, дырявый, в щели набилась грязь, и сверх пола на вершок грязи; когда пустят пар по трубам, грязь, которая на полу и по щелям набилась, начнет испаряться; в это время пол становится горячим, воздух вонючим, хоть беги вон от станков, да бежать некуда».

Императорский фарфоровый завод находится в селе Александровском, близ С.-Петербурга, по Шлиссельбургскому тракту. Он существует уже давно: в год смерти Ал. III ему исполнилось 150 лет, но по случаю траура торжество не состоялось, зато в день коронации всемилостивейше было выдано по рублю на брата.

Завод принадлежит царской фамилии и изготовляет стекло и фарфор исключительно для двора. Он занимает около 200 рабочих и около 100 служащих.

Таким образом, он принадлежит самому богатому капиталисту в России. Особенность этого капиталиста состоит в том, что от его имени издаются все законы в России, которым должны подчиняться не только все подданные, но и он сам.

Закон 1897 г., который издан якобы для того, чтобы ограничить хоть сколько-нибудь произвол хозяев-капиталистов, уничтожить самые вопиющие безобразия на фабриках и заводах, был подписан Николаем II. Интересно посмотреть поэтому, подчинился ли он сам этому закону, уничтожены ли все эти безобразия на его собственном заводе. Нет, не уничтожены. Такой произвол, такие безобразия, какие существуют на императорском фарфоровом заводе, трудно найти на других, даже до 1897 г.

Директор этого завода — генерал Гурьев. Не своими грозными очами, не военными жестами заставляет он трепетать рабочих при своем появлении на завод. Страшен он своею бесконтрольной властью над рабочими. Разве смеет фабричный инспектор явиться на императорский завод? Разве возможно жаловаться кому-нибудь на генерала Гурьева? Еще все помнят, чем кончилась попытка «жаловаться» 15-ти человек точильщиков на директора завода: они явились лично в соответствующее отделение «собственного его величества» кабинета и робко заявили свои претензии. «Как! Скопом бунтовать!», и пошли мои голубчики под конвоем городовых в часть и далее на места жительства.

В настоящее время вот как производится расчет на заводе. Плата на заводе задельная, но генерал систематически сбавляет с «задела» сколько ему вздумается. Выработав известную сумму, рабочий никогда не знает, сколько он получит. Сбавляется 10—15—20 руб., по усмотрению. Иногда почему-либо сбавляется и «задел». Если погода хорошая и генеральская подагра утихает в день получки, рабочие получают сносно; если же туман и дождь, то генерал не знает пощады.

Если генерал считает расценки слишком высокими, сбавь расценки, но вычеты с задела как-то подозрительны. Что-то здесь нечисто. Не даром день ото дня краснеет генеральская подкладка: не под нее ли зашиваются заработанные гроши? Зарабатывают мастеровые 40—50—60 р., но заработок этот редко сполна попадает им в руки. Один рабочий, который прогулял день (видело его начальство пьяным около завода), был посажен на «ползадела» на шесть месяцев. Другой разбил в складе какую-то штучку — «ползадела» на весь год!

Попробуйте примирить эту систему штрафов с положением закона, не допускающего, чтобы сумма штрафов превышала треть заработка и штраф за один прогульный день не превышал рубля (см. ст.ст. 145, 146, 148 Уст. о пром. 1897 г.).

Но верное начальство не все наказывает рабочих, иногда оно их и милует. На фарфоровом заводе оно устроило кассу для рабочих. Удерживается три проц. из заработка, а рабочим выдается 20 руб. на каждое рождение и смерть, 20 руб. на свадьбу и пенсия в случае, если рабочий дослужится на заводе до неспособности продолжать работу. Если рабочий, работая на заводе много лет, не женился и не умер, и уходит с завода работоспособным, он получает фигу. Это, конечно, привязывает рабочих к заводу: прослужив 15—20 лет, рабочий уже не уходит, несмотря на то, что мог бы лучше устроить свою жизнь: ему жалко своих 2.000—3.000 рублей, накопившихся в кассе. С таким рабочим можно не церемониться, можно сбавлять с его задела сколько хочешь, он не уйдет. На императорском фарфоровом заводе сохранились следы... закрепощения.

Касса не обязательна, — о, нет! «Кто не хочет, может не участвовать в ней» — так заявил генерал при начале дела. Когда же один рабочий тут же заявил, что он жениться не собирается и что ему, пожалуй, и нет выгоды участвовать в кассе, генерал ответил: «Подайте мне его паспорт», и «нахала» уволили. У вновь поступающих не спрашивается их желания участвовать в кассе, — просто вычитают три процента.

Чем-то нечистым и здесь пахнет: ведь над генералом нет контроля. Таковы дела на императорском фарфоровом заводе. Страшно подумать, что хозяин этого завода — полный хозяин всей России!

Московская губерния.

Пробуждение кирпичников. Среди различных категорий рабочих, если не наименьшим, то, во всяком случае, чрезвычайно малым вниманием к себе пользуются рабочие кирпичных заводов. Да оно и понятно: кирпичное производство у нас до самого последнего времени стояло на такой примитивной стадии развития своей техники; работа так мало требовала специализации и постоянства состава рабочих, что эти последние скорее походили — да и теперь дело отчасти только начинает изменяться—на поденщиков, чем на настоящих заводских рабочих. В самом деле, что из себя представляет кирпичный рабочий? Это серый, забитый, обедневший, но еще не оторванный от земли крестьянин, выходящий с началом весны из деревенской глуши Тульской, Калужской или Смоленской губ. на летние заработки в качестве заводского рабочего. Большую часть года он проводит в деревне в тисках тех пут, которые она всем своим административно-бытовым укладом налагает на человеческую личность. Что же удивительного в том, что он, исполняя временную, эпизодическую, так сказать роль заводского рабочего, остается по существу тем же забитым, обезличенным крестьянином, каким он является в своей деревне, и не только мирится с удивительным, только русскому крестьянину доступным, минимумом культурной обстановки, но даже иногда сам отказывается от тех крох культурной обстановки, которые предоставляет ему закон? Понятно, что в такой среде всякое движение, всякий симптом нарождающегося сознания классовых интересов и вообще проявление сознательного отношения к своему положению, как рабочего, приобретает особый интерес. Я имею в виду движение рабочих на кирпичных заводах Московской губ. в прошлом и настоящем годах. Движение это создано особенными экономическими осложнениями в кирпичном деле в 1899 г.

Нужно сказать, что вообще в последнее время, под влиянием развития капиталистической промышленности в России и в Московской губернии особенно, кирпичные заводы стали мало-по-малу менять свою физиономию: появились более крупные предприятия с 500—1.000 чел. раб., техника производства усложнилась. Под влиянием технических усложнений дела изменился отчасти рабочий период деятельности заводов; так, напр., большинство новых заводов стали устраивать у себя, вместо простых напольных печей, более сложные гоффманские печи, требующие большой опытности обжигал и могущие работать круглый год. Кое-где заводятся более сложные машины для формовки кирпича; попадаются в последнее время заводы, применяющие при выделке кирпича паровые машины. Словом, кирпичные заводы мало-по-малу капитализируются, если можно так выразиться. Этот процесс не остается без влияния на рабочего, который поневоле должен специализироваться и большую часть года, чем прежде, оставаться в шкуре заводского рабочего. В начале кирпичного сезона 1899 г. на его улице настал праздник. Кирпич, благодаря строительной горячке в Москве и постройке трех железнодорожных линий (Повелецкая, Брянская, Виндавская), поднялся в цене невероятно. За строительной горячкой естественно последовала кирпичноделательная горячка: за один летний сезон 1899 г. в Московской губ. пооткрывалось более 50 сравнительно крупных заводов, рассчитанных на 4.000—5.000 рабочих. Маленьких заводов возникло также не мало. Масса рабочих из той же группы, из которой вербуются кирпичники, потребовалась на железнодорожные земляные работы; повысился спрос на рабочие руки для разработки торфа, который усиленно пошел в ход вследствие вздорожания нефти и донецкого угля. Словом, кирпичник оказался «нарасхват» и понял, что и он тоже имеет некоторые права на хозяйские барыши. В начале мая на большом заводе Якунчикова (близ деревни Черемушки, в 15 верстах от Москвы) рабочие устроили стачку и потребовали повышения заработной платы. Заводчик отказал в прибавке. Работы не возобновлялись несколько дней и, когда, после настойчивых требований рабочих, плата не была повышена, они удалились с завода. Никаких бесчинств со стороны рабочих не было допущено. Стачка на заводе Якунчикова была сигналом. Последовала стачка на заводе Челнокова в Мытищах (более 1.000 рабочих), а затем почти на всех заводах рабочие отказывались приступать к работам. Заводчики упорствовали, а рабочие ходили с завода на завод и, встречая нежелание владельцев повысить платы, не начинали работ. Благодаря такому положению дела, в течение почти двух недель ни один более или менее крупный завод не работал. Наконец, хозяева сдались, и рабочие торжествовали победу. Цена за выделку тысячи кирпичей была повышена с 2 р. 65 к. до 3 р. 10 к. (тысячу кирпичей могут сделать двое рабочих в день). Это внезапно проявившееся, хотя и раньше подготовленное капиталистическим ростом кирпичного

производства, движение, кроме повышения заработков, дало и другие, еще гораздо более ценные результаты: оно положительно переродило рабочего; со времени стачки его трудно узнать: вместо забитого, на все согласного кирпичника, вы видите перед собою требовательного, понимающего свои права человека, находящегося в явной оппозиции к хозяину. И хозяин стал жаловаться, покачивая головой: «Что за народ стал, что за народ! Просто хоть бросай дело!». Недовольство хозяина не ограничилось, однако, одним покачиванием головой, да причитаниями: в мае 1900 г., т. е. в начале нынешнего сезона, все владельцы более или менее крупных кирпичных заводов собрались в Москве на совет и порешили: 1) задатков рабочим не давать; 2) не повышать платы за тысячу кирпичей выше 2 р. 65 к. (старая цена) и 3) каждому из собравшихся внести залог в обеспечение того, что эти условия он выполнит.

Война, однако, не прерывалась в течение всего только что закончившегося сезона. Едва ли найдется много кирпичных заводов в Московской губ., на которых не было последнее лето забастовки, хотя бы на несколько дней.

Всюду рабочие добивались завоеванной в прошлом году платы, но на этот раз, если не полностью, то в огромной степени победа осталась за заводчиками. Кое-где рабочим удалось добиться увеличения платы на 10 коп. с 1.000 кирпичей. Прибавки эти, между прочим, выдавались как бы тайно. без записи в книжку, повидимому, во избежание кары со стороны членов своеобразного синдиката.

Таким образом, второй год борьбы кирпичных рабочих с хозяевами не увенчался полным успехом; в этом сказалось относительное бессилие неорганизованного рабочего движения в борьбе со сплоченным врагом. Какова будет дальнейшая судьба возникшей борьбы, увидим; но уж и эти два года оставили на психике кирпичника-рабочего глубокий след.

С фабрики Раббенек. «В России законы пишутся так, чтобы их легче было обходить». Так совершенно справедливо, к стыду русского правительства, полагают московские фабриканты. Обсчитывать и обмеривать своих покупателей не станет теперь ни один порядочный магазин, тогда как фабриканты — эти хваленые представители отечественной промышленности, эти миллионеры, претендующие на первое место в государстве, систематически обмеривают и обкрадывают своих рабочих.

Сидит, напр., разбойник, по фамилии Раббенек, около станции Щелково Моск.-Ярославской жел. дороги и сосет кровь из крестьянского населения, как вампир. Есть у него красильня с 1.000 рабочих (местных крестьян), там приготовляются разные цветные материи для Персии и Закаспийского края; а теперь он построил новую ткацкую фабрику с разными усовершенствованиями по последнему слову науки; рабочих тоже около тысячи, только большею частью пришлые, бывалые люди. В мае 1900 г. начала работать фабрика, а в августе рабочие уже запротестовали против хозяйских безобразий. Да и не даром! Порядки на фабрике действительно безобразные. Помещения для рабочих крайне неблагоустроенные: рабочие должны платить за керосин, за воду и за всякую мелочь. Продукты они должны брать в лавке хозяина, хотя цены там гораздо выше, чем в других лавках. Так, напр., за второй сорт мяса с костями они платят 17 коп. за фунт, тогда как на стороне они могли бы иметь то же самое за 14—15 коп., а то и дешевле. По книжке рабочему, подводя итоги, присчитывают на одной страничке полкопейки, на другой ¾ копейки и т. д., в общем получаются пятачки и гривенники, а для хозяина довольно-таки кругленькая сумма. Заработная плата назначается одна, а выдается другая; беспрестанные штрафы сокращают ее еще больше. А жизнь все дорожает, и все труднее рабочему пробиться на те гроши, которые платит ему фабрикант из своих миллионов. И вот в августе кучка рабочих, человек в 100, потребовала хозяина на фабрику и заявила ему о том, что их обмеривают, когда они подают работу, обсчитывают приказчики в лавке, и потребовала, на-ряду с расследованием этого обкрадывания, прибавки заработной платы.

Протест был не дружный и далеко не общий, но ведь это была первая попытка отстоять свои права. И хоть немногого добились рабочие в улучшении своего материального положения (только в лавке перестали считать полкопейки за копейку), и хоть это вполне спокойное требование рабочих повлекло за собой арест шести товарищей, которых связали (!) и увезли в Москву, обвиняя их в подстрекательстве к «бунту»,—в нравственном отношении оно подействовало хорошо на рабочих, и недалеко, вероятно, время, когда за первой попыткой последуют другие, более удачные.

Харьков.

Через два дня после провала, бывшего 27—28 октября, здесь распространен следующий листок:

КО ВСЕМ, КТО В ПРАВДУ ВЕРУЕТ!

Вихорь злобы и бешенства носится
Над тобою, страна безответная!

В пятницу (27 октября) и отчасти в субботу (28-го) по всему городу были произведены обыски более чем у 120 человек, арестовано около 30 интеллигентов и около 50 рабочих; не пощадили ни пола, ни возраста; не считались с покоем семейного очага, который будто охраняет наше правительство. Тюрьмы, участки переполнены; арестованным придется сидеть в безобразных камерах, которые занимались пьяницами, золоторотцами. «Так им и надо, — не бунтуй!» — говорят жандармы да шпионы и радостно потирают руки: сделано чистое дельцо! То же произошло и в других городах: Питере, Киеве, Ростове... Отвратительная гадина делается все прожорливее, требует все новых жертв, предчувствуя начало конца. Георгий Победоносец растет не по дням, а по часам, и скоро сотрет главу змия... Кто же этот змий и Георгий Победоносец? Вот уж многие века раскололась наша Русь на две России. Не смешивайте их! Одна, так называемая Россия, это—опричнина; другая, неофициальная, подозреваемая Россия, это—земщина. Опричников—сотни тысяч, земщины—десятки миллионов. Кадило и плеть, красный околыш и двадцатое число, загребущая рука и придворная ливрея, синий мундир и предательский язык — вот опричнина. Ее опора — вековая традиция, египетская тьма, тупая покорность; ее оружие — грубое насилие, ложь и произвол. В ее распоряжении организованная сила и казна. Они называют себя охранителями, истинно русскими людьми, под их гнетом стонет земщина, стонет ободранный, как липка, крестьянин, стонет измученный дешевым и тяжелым трудом рабочий, стонет затравленный интеллигент. И вот все лучшие люди земщины, которые не могут слышать спокойно этот стон, которые стремятся сеять «разумное, честное, вечное», называются крамольниками, врагами России, т. е. опричнины. Это они крамольники, которые говорят: «Наше оружие выковано из духа нового времени, наш меч — наука, наш щит — наша правда, наше знамя — любовь к человеку». Это они крамольники, они, а не опричники, которые нагло прикрывают петербургский и московский комитеты грамотности за то, что они тысячи полезных книг пустили в народ; подвергают опале Московское юридическое общество за то, что оно служило законности; изгоняют профессоров — гордость и славу России: М. Ковалевского, Мечникова, Эрисмана, Милюкова и др. за то, что «они глаголом жгли сердца людей». Это ли не наглая ложь!.. Земщина, куда ты смотришь? Погляди, сколько лучших сынов твоих томятся в застенках. Новиков и Радищев, Пушкин и Лермонтов, Герцен и Лавров, Белинский и Чернышевский, тысячи менее талантливых, но не менее любящих родину, подверглись гонению — «правды ради». Длинными вереницами шли лучшие люди науки, а подлая опричнина намечала все новые жертвы. Но никогда на Руси не обострялась так борьба света и тьмы, как теперь. Тысячи людей по всем городам и весям запираются в тюрьмы, а десятки тысяч идут им на смену. Георгий Победоносец уже восстал! Он сотрет главу змия! Слушай! Георгий Победоносец говорит устами покойного Либкнехта: «Вы хотите затоптать движение? Топчите! Здесь вы затоптали вспыхнувший огонек, но и там, и в другом месте, за вами, перед

вами и кругом вас — повсюду прорываются новые пламенные языки. Это подземный огонь, который вы не потушите. Горит почва, на которой вы стоите. Вы хотите схватить бунтовщиков? Хватайте каждого фабриканта, обогащающегося неоплаченным трудом рабочих; помещика, эксплоатирующего батраков; машину, которая производит революцию в промышленности». Георгий Победоносец прав— движение не затоптать: оно приняло массовый характер, земщина просыпается, внутренняя война кипит по всей линии. Выставляйте же активных борцов, выставляйте братьев и сестер милосердия. Перевязывайте раны вашим борцам. Они снова должны устремиться в бой. Организуйте кружки для сбора средств. В средствах активные борцы нуждались всегда. Все, кто сочувствует, кто считает себя принадлежащим к земщине: врачи, адвокаты, литераторы, студенты, рабочие и проч., помогайте потерпевшим в борьбе. Красный Крест будет посредником между ними и вами!

Нижний-Новгород.

В ночь с 11 на 12 сентября 1900 г. на Сормовских заводах были разбросаны прокламации по случаю годовщины сормовских беспорядков. Вкратце дело это заключалось в следующем: заработная плата на Сормовских заводах выдавалась раз в месяц, в первую субботу после 20-го, но не позже 26-го числа. В субботу 24 июля 1899 г. рабочие ждали выдачи заработанных денег, но оказалось, что директор не получил из Петербурга нужную сумму денег для расчета с рабочими, о чем и об'явил, и предложил харчевые записки на продукты сормовской потребительной лавки. Харчевые записки в большом ходу, но рабочие берут их неохотно, так как товары в лавках и дороже и хуже. На предложение директора завода, Фосса, взять харчевые записки рабочие отказались и настойчиво требовали выдачи заработной платы. Толпа увеличивалась и достигла тысячи человек; кто-то из заводских мальчиков бросил камень в директорскую квартиру; этого было достаточно, чтобы раздраженная толпа начала шуметь, бросать камни и ломать машины и т. д. Вызваны были из города войска (заводы находятся в 7 верстах от Нижнего), но беспорядки кончились раньше, чем прибыли войска 23 августа 1900 г. московской судебной палатой разбиралось дело о сормовских беспорядках, и из 16 обвиняемых 10 приговорены к аресту от трех недель до одного месяца.

Изданная по случаю годовщины этих беспорядков прокламация приглашает требовать прекращения сверхурочных работ, которые заводчики вводят для того, чтобы понизить расценки, пользуясь тем, что рабочие зарабатывают вначале больше прежнего; восстает против обирания рабочих в потребительской лавке (на харчевых записках рабочие теряют до 20 проц., как было доказано на суде); клеймит «лизоблюдов», которые говорили на молебне о своем глубочайшем прискорбии по поводу прошлогодних беспорядков, о прощении и забвении прошлого. Прокламация зовет к дружной борьбе с хозяевами и правительством и указывает на пример заграничных рабочих, которые давно пользуются политическими правами.

* * *

Мы только что получили известие, что в Нижнем волнения на заводах и аресты. Подробности надеемся сообщить в след. №.

Екатеринбург.

Помещаем ниже письмо рабочего одной екатеринбургской типографии о выигранной стачке. Пересылая это письмо, наш корреспондент сопровождает его характеристикой сильно изменившегося за последнее время настроения екатеринбургских типографщиков.

«Есть, напр., здесь типография, — пишет он, — человек в 30—40. Года два тому назад в ней царили самые патриархальные отношения. Заведующий, самодур, обращался с рабочими крайне грубо, никаких законов не признавал. „Как хочу, так и ворочу". Теперь времена переменились, здесь спрос на типографщиков, и они могут выбирать — переходить из одной типографии в другую. Рабочие не спускают теперь заведующему ничего и, чуть что, идут к фабричному инспектору или требуют расчета. Ездил заведующий к губернатору жаловаться, что рабочие уходят. „Как же они уходят,—спрашивает губернатор,— все сразу?" — Нет. — „Ну, так что же я могу сделать? Это показывает только, что у вас рабочим плохо жить". Так и уехал заведующий от губернатора ни с чем. Особенно отличаются ученики. Подростки все бойкие, грамотные, книжку едят, как белый калач. С ними хозяину нет никакого сладу. Заставляет он их, напр., не в рабочие часы разносить корректуры. Сговорились между собой мальчики и заявили хозяину, что корректуры носить не станут, — не их дело, да и занимать их в неурочное время он не может. — „Вон пошли! Заставлю, и ночью будете работать!" — Ну, нет, — заявляет один из мальчиков, — это рабство, а времена рабства прошли, все вперед двигается. Пожалуйте расчет. — „Да вы что! Белены об'елись? Стачку устраиваете?" — Ну, нет, — говорит один из мальчиков, — я читал, какие стачки-то бывают, по две тысячи человек, а мы что же, — всего три мальчика.

«А заведующему без мальчиков нельзя обойтись; перестал он посылать их с корректурами, но принанял еще трех мальчиков и велел метранпажу поскорее подучить их. Метранпаж все настрачивает, но не зевают и старые ученики: „Мы, рабочие, — толкуют они новичкам, — должны дружно держаться!" Зовет хозяин прежних мальчиков и об'являет им расчет, смотрит, и новички тоже расчета требуют. „Вы чего? Сами, ведь, просились: возьми, да возьми, а теперь расчет!" — Что же, что просились, а теперь не хотим служить, раз вы так с нашими товарищами поступаете.— Плюнул заведующий и оставил всех трех мальчиков все работают и корректуры не носят. Да и не только заведующему, а и рабочим старой закваски иногда солоно приходится от учеников. Так, напр., раз один рабочий ударил за что-то ученика. Смотрит, все ученики бросили работу, окружили его, и один из них выступил с речью: „Как вам не стыдно так поступать? Не можете разве словесно об'яснить? Я вам перед всеми рабочими заявляю, что так стыдно поступать". Побежал рабочий жаловаться заведующему, а тот говорит: „Что я с ними, чертями, делать буду?".

«В былые времена, в день тезоименитства заведующего, рабочие подносили ему подарок, а он угощал их. В этом же году часть рабочих отказалась на подарок давать: найдется лучшее употребление деньгам. Заведующий обиделся и не принял подарка от остальных. Так и стоит графинчик с музыкой и вертящимися рюмками в шкапу, весь запыленный, а рабочие подсмеиваются над усердствовавшими товарищами».

Письмо рабочего: «В понедельник, 28 августа, хозяин мастерской, в которой я служу, об'явил рабочим: так как работы поступило много и есть спешный громадный заказ, то необходимо работать праздники до обеда. 29-го был праздник годовой (этот праздник не был внесен в табели внутреннего распорядка), рабочие пришли и проработали до обеда, сильно негодуя. 30 августа раньше работали только до обеда, хотя тоже не внесено в табели. Хозяин об'явил: работать целый день! 30 августа никто не явился на работу, не исключая ни мальчиков, ни престарелых рабочих. Пришел только один депутат об'явить хозяину волю своих товарищей, а эта воля состояла вот в чем: 1) пересмотр табели праздников: те, которые не внесены, внести и засвидетельствовать фабричной инспекцией; 2) всеобщая прибавка жалованья, не исключая никого; 3) ранее трех месяцев не рассчитывать никого, раз хозяин согласился на условия рабочих.

«Депутата угощали водкой, раками, заграничными сигарами, говорили с ним ласково, хотя сами сидели, как на иголках, и часто менялись в лице. Грозили жандармами, кандалами, тюрьмой и кончили тем, что согласились на все условия. Хозяин только повторял: „Ладно, я на все согласен, только принимайтесь за работу скорее". Стачка длилась один день и дала блестящие результаты. Рабочие чувствуют себя бодро, смотрят смело и энергично. „Веди нас, — говорят они, — мы завоюем с тобой города"».

56929В

Письмо из той же типографии от 23 октября: «Теперь у нас две смены, денная и ночная, денная работает 10 часов, а ночная 8 часов. Прибавка жалованья последовала тут же, после соглашения. Кто получал 15 руб., тот переехал на 17, на 20. Обхождение хозяина переменилось до неузнаваемости. Старики-рабочие дивуются. „Вот, брат ты мой, 17 лет работал, как свечка стою, а окромя «ребята», да «ты» — ничего не слыхал, а тут, на поди, «вы», да «господа» только и слышишь". Но рабочие и этим недовольны и расходятся туда, где еще выгоднее, в особенности молодежь. Явился спрос на наши руки, и для молодежи жалованье идет быстрыми скачками: не редкость перешагнуть с 12 на 20 руб., но кто получает 25 — 30, тому перешагнуть на 40 — 45 очень трудно...»

Ткацкая фабрика братьев Макаровых. 20 сентября администрацией фабрики было об'явлено рабочим понижение заработной платы на 10 проц. 36 человек ткачей категорически отказались от работы и заявили в конторе, что они будут жаловаться на все притеснения и обиды, причиняемые рабочим как самими братьями Макаровыми, так и лицами, которым вверен надзор за работами, и не примутся за работу, пока фабричное правление не прибавит сверх бывшей нормы заработной платы еще 20 проц. Кулаки Макаровы, купно с директором, ответили смехом на требования рабочих и об'явили этих 36 человек неслужащими, т. е. просто прогнали с фабрики. Тогда они начали останавливать идущих на работу товарищей речами, чтобы всем не работать, а иногда пускались в ход и кулаки. 21 сентября явилось на работу 15 чел. из 350. Тогда бр. Макаровы, не долго думая, дали знать полиции, а рабочие предупредили жалобой, поданной как местному фабричному инспектору, так и пермскому. В жалобе были выставлены все придирки, незаконные штрафы и неисполнение договоров и обязательств в отношении к ткачам, привезенным из Москвы. Ткачи эти наняты были на 35 руб. жалованья; через три месяца их поставили на сдельную работу и, вместо 35 руб., они заработали не более 22 руб. Присутствие пермского фабричного инспектора и его уговоры уступить рабочим не подействовали на братьев Макаровых. «Закроем лавочку,— говорили они,—а не уступим». Потеряв надежду на пермского фабричного инспектора, рабочие подали жалобу в СПБ., за своими подписями. Подписей было около 300. С 20 сентября длится стачка. Ежедневно происходят жаркие драки стойких рабочих с малодушными и полицией. Жандармерия тоже работает, но без успеха, и которых забирает. то в скором времени выпускает.

Дальнейшие известия: из СПБ-га приехала комиссия из четырех человек, уговорили фабрикантов Макаровых уступить; плата повышена и заплачено за все прогульное время, но в сокращении рабочего времени и в введении третьей смены отказано.

Как только приостановили движение грузов по Сибирской жел. дороге, благодаря китайской войне, Макаровы сбавили расценок на полкопейки с утка, говоря. что товар залеживается и не идет в ход. Сделано это было с согласия рабочих, которые думали, что сбавка временная. В сентябре Макаровы сбавили еще полкопейки. Рабочие отказались от работы. Теперь снова введена прежняя плата.

Комиссия требует с Макаровых за проезд из Петербурга. «Мы вас не требовали, требовали вас рабочие, пускай они и платят». Рабочие говорят: «Мы не робили, нам заплатить нечем». Пришлось заплатить Макаровым.

Одесса.

Война с китайцами пришлась солоно одесским портовым рабочим. Администрация зафрахтовала все коммерческие суда для нагрузки военных пароходов, отправляемых в Китай. При этом вся работа по нагрузке исполнялась солдатами. Масса портовых рабочих осталась без работы. Несколько раз безработные требовали, чтобы им дали хлеба или работы. А когда их просьбы не были уважены, они в день торжественной посадки войск на суда произвели основательный разгром магазинов одесской буржуазии. Хотя во время беспорядков и происходило уничтожение имущества евреев, тем не менее они отличались от обычных «еврейских погромов». На-ряду с еврейскими мещанами и ремесленниками пострадали крупнейшие одесские капиталисты, как христиане, так и евреи. Особенно ожесточенному разгрому подверглась самая богатая улица—Дерибасовская. Теперь одесский градоначальник, ничего не сделавший для того, чтобы не остались без хлеба тысячи портовых рабочих, проявляет чрезвычайную «энергию» в деле подавления «бунта». Арестовав не более, не менее 1.041 чел., он выслал по этапу на родину всех иногородных, местных же жителей подверг аресту на три месяца. Тому же наказанию он подвергает каждый день лиц, виновных «в распространении ложных слухов относительно беспорядков». Таких лиц, судя по приказам, печатаемым в газетах, оказывается очень много. Да не мудрено: тот же градоначальник запретил печатать в одесских газетах что-либо, относящееся до беспорядков. Откуда же публике знать, какие сведения верны и какие представляют «ложные слухи». Повидимому, одесский градоначальник хочет заставить население прекратить всякие разговоры об этих событиях. Что ж? Русский администратор не остановится и перед таким безумным предприятием... Все эти расправы совершаются, конечно, без суда, на основании положения об усиленной охране.

В г. Николаеве, в день 1 мая несколько сот рабочих на Черноморском заводе не работали и торжественно отпраздновали всемирный рабочий праздник. За такое преступление 53 семейства высланы из Николаева по распоряжению губернатора.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРЕНИЕ.

ИТОГИ МЕЖДУНАРОДНОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ.

Наша газета появляется в свет в конце последнего года XIX века, в такой момент, когда социал-демократия всех стран будет стараться дать себе отчет в том, что достигнуто ею с тех пор, как она стала во главе рабочего движения, с какими очередными задачами вступает она в новое столетие и какими силами и средствами располагает она для их решения. В тесных рамках газетной статьи и принимая во внимание недостаточное знакомство большинства русских читателей с историей и современным состоянием международного рабочего движения трудно дать надлежащий всесторонний ответ на все эти вопросы. В предлагаемой статье я ограничиваюсь поэтому попыткой представить лишь общий итог этого движения, и притом главным, почти исключительным образом, с целью выяснить и оправдать перед читателями ту точку зрения, с которой в нашем органе будут оцениваться события, факты, явления освободительной борьбы пролетариата. Мы считаем нужным заранее указать нить, которой будем руководствоваться в лабиринте международной общественной жизни, и установить масштаб, которым будем измерять историческую важность отдельных проявлений ее и поступательного хода освободительной армии рабочего класса. Надеюсь, что читатели не посетуют на нас за то, что мы ради такой цели откладываем обозрение текущих событий до следующих номеров.

I.

Было время, когда одни только «друзья народа» упрекали социал-демократов в том, что они будто ничего не делают для улучшения жизненных условий пролетариата в современном буржуазном обществе, что, стремясь к социалистической революции, они-де совершенно забывают о сегодняшних, неотложных нуждах и интересах рабочих масс. При этом «народолюбивые» враги социал-демократии указывали на рабочее движение Англии, как на пример, достойный всеобщего подражания, как на образец настоящего, истинно разумного, или, как у нас недавно выражались, «чисто» рабочего движения. Что буржуазные ученые, писатели и политики так безусловно превозносили ремесленные и потребительные союзы Англии на счет социал-демократического движения, в этом нет ничего удивительного. В глазах буржуа, хотя бы и самых либеральных и гуманных, союзы эти уже потому заслуживали величайшие похвалы, что не «увлекались» самостоятельной политической борьбой, а наоборот, доверчиво шли за либералами (а иногда, увы! и за консерваторами) — поскольку их члены вообще интересовались политикой — и социализма знать не хотели.

Гораздо удивительнее то, что в последние годы появились господа, которые, под флагом социал-демократии, почти-что повторяют те же мудрые речи и те же упреки по ее адресу, что прежде высказывали явные враги ее. Господа эти, по своим вкусам и стремлениям, не далеки, повидимому, от библейского охотника Исава, который, как известно, за чечевичную похлебку продал свое право первородства. Им хочется, чтобы и рабочие организации, борющиеся теперь под знаменем революционного социализма, отодвинули всякие помыслы о социалистической революции на задний план и сосредоточили все свои усилия и все свое внимание на заботах о сегодняшнем дне, на борьбе за частичные, непосредственные улучшения в жизни рабочих. Если не совсем, то в значительной степени и для них программа и тактика, долгое время господствовавшие в рабочем движении Англии, являются идеалом, который должны бы усвоить рабочие партии всех стран.

Слушая полусоциалистических и явно буржуазных поклонников старых английских рабочих союзов, можно думать, что эти последние бог знает каких громадных улучшений добились для рабочего класса Англии, между тем как социал-демократия, господствующая в рабочем движении большинства всех других стран, не только сама ничего не сумела или даже не хотела добиться для поднятия жизненного уровня представляемого ею пролетариата, но еще и другим мешала плодотворно работать для этой цели. На самом же деле деятельность социал-демократических партий на материке Европы далеко не так безрезультатна и для экономического положения рабочих масс, как это утверждают ее противники, а с другой стороны, результаты, достигнутые английскими рабочими союзами, совсем уж не так велики, как это кажется их безусловным поклонникам и хвалителям. Дело в том, что на успехи этих союзов они смотрят сквозь увеличительные стекла, а на плоды социал-демократического движения — сквозь стекла уменьшительные. Кроме того, они закрывают глаза или нарочно обходят молчанием два обстоятельства, имеющие первостепенное значение для сравнительной оценки результатов рабочего движения Англии и других передовых стран Европы. Как известно, в Англии рабочие начали организованную борьбу со своими эксплоататорами значительно раньше, чем даже во Франции и Германии, не говоря уже об Австрии, Италии, Дании, Швейцарии и т. д. В пятидесятых годах английский пролетариат обладал уже сильными организациями, с огромным числом членов и богатыми кассами, а на материке Европы пролетариат спал еще глубоким сном или, как во Франции, пребывал в оцепенелом состоянии после страшного кровопускания, вынесенного им во время июньского восстания 1848 г. Эпоха современного рабочего движения даже в передовых странах, за исключением Англии, начинается, собственно говоря, около 60-х годов и только в последнее десятилетие оно достигает в некоторых из них той силы и того размера, каких оно достигло в Соединенном Королевстве уже около середины нашего века. При чем же тут социал-демократия? По меньшей мере, странно винить ее за то, что пролетариат, значительно позже выступивший на путь борьбы со своими эксплоататорами, не добился от них еще таких уступок, как в Англии, рабочее движение которой чуть не полвека старше, чем в Германии, Австрии, не говоря уже о других европейских странах.

Но еще более существенным является то обстоятельство, что в период расцвета и упрочнения своих крупнейших рабочих организаций, английский борющийся пролетариат находился в сравнительно более выгодных условиях для достижения непосредственных улучшений в своей жизни, чем пролетариат в главных странах материка Европы в соответствующий период своего развития. Известно, напр., какое влияние имел на положение английских рабочих тот факт, что еще в первые десятилетия последней половины нашего века эти страны, как и Северная Америка, по своему промышленному развитию стояли так далеко позади Англии, что не только не делали ей конкуренции своими промышленными изделиями вне своих границ, но и сами еще покупали и потребляли продукты ее промышленности, служа рынками для их сбыта. Всемирное промышленное господство Англии имело своим непосредственным результатом то, что все новейшие усовершенствования в путях сообщения и перевозки товаров на первых порах повели к очень быстрому увеличению и небывалому расширению производства ее фабрично-заводских продуктов, к возрастанию спроса на рабочие руки и тем самым к улучшению положения рабочих в борьбе с предпринимателями. С другой стороны, и сами предприниматели, благодаря быстрому увеличению своих барышей, легче сдавались на требования рабочих. Они имели возможность за всякое чувствительное увеличение издержек на заработную плату заставлять расплачиваться покупателей их товаров в разных государствах, во всех частях света. Но эта возможность начала быстро исчезать или, по крайней мере, сильно уменьшаться с тех пор, как страны, прежде вывозившие за границу, главным образом, земледельческие продукты, сильно подвинулись вперед в промышленном отношении и, вместо того, чтобы служить рынками для изделий английской промышленности, сами стали производить и вывозить таковые в другие

страны, не исключая самой Англии. В разгоревшейся ожесточенной экономической борьбе между капиталистами не одного только государства, а целого ряда промышленных государств одерживали победу те, которые продавали дешевле свой товар, а расплачиваться за то приходилось уже, главным образом, рабочим. Не пускаясь в дальнейшие подробности, отмечу только, что вследствие сильного развития международной конкуренции, в связи с распространением все более и более усовершенствованных машин и вытеснения взрослых, профессионально подготовленных рабочих необученными ремеслу рабочими, женщинами, подростками и даже детьми, экономическая борьба так называемых ремесленных союзов с предпринимателями стала гораздо труднее, чем в Англии в 50-х и 60-х годах. А хуже всего было то, что около того времени — в 70-х годах — когда рабочее движение на материке Европы начало принимать очень широкие размеры, приобретать большую силу и прочность, около этого самого времени разразился мировой промышленно-торговый кризис, сопровождавшийся застоем в делах, с короткими периодами оживления, вплоть до середины истекающего десятилетия. При таких условиях организованному пролетариату оставался один выход: направить свои главные усилия на борьбу за законодательную защиту рабочих от чрезмерной эксплоатации их предпринимателями. Но и на этот путь у борющихся слоев пролетариата в большинстве европейских государств оказались трудности, частью совсем неизвестные английским рабочим, а частью уравновешивавшиеся одним очень выгодным для них обстоятельством: ожесточенной борьбой торгово-промышленной буржуазии с землевладельцами из-за отмены пошлины на хлеб и враждой, продолжавшейся между ними довольно долго и после отмены этих пошлин.

В Англии, как всем известно, уже больше двух веков существуют конституционные порядки, а к тому времени, когда рабочее движение в ней стало развиваться особенно широко, политическая свобода и верховная власть парламента — в управлении государством — составляли уже прочную, никем неоспариваемую, незыблемую основу политической жизни английского народа. Правда, полного уничтожения всяких ограничений прав составлять союзы для стачек английские рабочие добились лишь в начале 70-х годов. Но, во-первых, и до этого их ремесленные организации все-же пользовались большой свободой. А во-вторых, если им и приходилось временами подвергаться притеснениям и преследованиям, то это вознаграждалось для английских рабочих чрезвычайно широкой свободой отстаивания своих интересов политическими средствами. О такой свободе печати, собраний, уличных манифестаций и т. д., какой они давно уже пользуются, пролетариат Германии, Австрии, Италии и по сию пору понятия не имеет, да и сама Франция в этом отношении стоит еще позади Англии. И вот, на почве такой широкой политической свободы на помощь английским рабочим явилась вражда между господствующими классами из-за высоких ввозных пошлин на иностранный хлеб и сырье. Либеральная партия, отстаивая интересы торгово-промышленной буржуазии, требовала отмены этих пошлин, вдвойне мешавших быстрому расширению фабрично-заводских изделий Англии: они, во-первых, искусственно повышали издержки производства этих изделий, во-вторых, они побуждали другие государства, со своей стороны, совсем запрещать или сильно затруднять ввоз продуктов английской промышленности, облагая их крайне высокими пошлинами. Само собою разумеется, что английские землевладельцы находили чрезвычайно несправедливым такое покушение на их доходы и долго и упорно сопротивлялись требованию фабрикантов и заводчиков. Вражда, разгоревшаяся, таким образом, между либеральными представителями промышленных классов и консервативными представителями землевладельцев, привела, между прочим, к тому, что каждая из этих партий, стараясь выставить себя «другом всего народа», из мести и досады на противника, в том или ином вопросе иногда действительно становилась на сторону рабочих. Так, английскому пролетариату удалось при помощи консервативной, т. е. землевладельческой партии, добиться еще в конце 40-х годов законодательного ограничения рабочего дня десятью часами для подростков и женщин, а после, при помощи либеральной партии, — расширения общего избирательного права.

Нельзя сказать, чтобы недружелюбие и даже взаимная вражда эксплоататорских классов в других странах никогда не оказывали никаких услуг рабочему классу. Известно, что германские рабочие общим избирательным правом (для имперского парламента) в значительной мере обязаны стремлению прусского правительства и дворянско-поповской (консервативной) партии в 60-х годах показать, что не их либеральные противники, а они являются истинными друзьями народа. Но в общем в той же Германии, уже в 70-х годах, особенно с наступлением торгово-промышленного застоя, интересы высших и средних классов толкали их все более и более не к раз'единению, а к сплочению — и притом, главным образом, именно для того, чтобы подавить или задержать рабочее движение. Недостаток места не позволяет мне пускаться здесь в изложение причин этого явления. Я вынужден ограничиться здесь лишь общим указанием на тот факт, что в противоположность английскому пролетариату организованной армии рабочего класса в Германии и Австрии пришлось скоро после появления ее на арене истории вступить в борьбу не с раз'единенными, взаимно-враждующими противниками, а наоборот, с плотной коалицией врагов, в которую вошли не только капиталисты и землевладельцы, богатые буржуа и дворяне, с попами и правительством во главе, но и мелкобуржуазные классы: мелкие торговцы, самостоятельные ремесленники и крестьяне. В большей или меньшей степени подобное же трогательное единение буржуазных классов в борьбе с освободительной армией пролетариата замечалось и в других капиталистических странах, хотя не в такой резкой и отчетливой форме, как в названных империях. Но в этих государствах оно имело особенное, так сказать, специальное значение потому, что состоялось на почве примирения городской и сельской буржуазии с уцелевшими еще остатками монархического самовластия и дворянско-поповских привилегий, т. е. послужила помехой дальнейшему развитию гражданского равноправия и политической свободы, составляющих такую же жизненную необходимость рабочего класса, как воздух для живого существа. Известно, что, опираясь на враждебное социал-демократии боль-

шинство имперского парламента, германское правительство целых 12 лет держало социал-демократию в оковах исключительного закона, преследуя всевозможными карами не только социалистических агитаторов, но и ремесленные союзы и руководителей рабочих в стачках. В подобное же положение поставлен был и австрийский пролетариат. Но в том или ином виде единодушие господствующих классов во вражде к рабочему движению больно давало себя чувствовать пролетариату и в других странах, ставя ему на каждом шагу препятствия для достижения лучших условий существования, какими бы путями он не стремился к этой цели. Экономическая борьба с отдельными предпринимателями нередко оказывалась еще гораздо более трудной и безуспешной, чем попытки производить давление на парламенты путем борьбы политической.

При всем том нельзя сказать, что усилия организованных слоев пролетариата на материке, руководимых социал-демократией, были безуспешны. С точки зрения своих целей и требований, она имеет полное право и даже обязана считать достигнутые этими условиями улучшения крайне незначительными, ничтожными. Но если прилагать к ним масштаб, который односторонние поклонники английских ремесленных союзов применяют для оценки результатов вековых усилий этих союзов, то окажется, что значительно более молодое рабочее движение Германии, Австрии, Франции, Бельгии и др., даже со стороны достигнутых им непосредственных уступок от эксплоататорских классов, не больно далеко отстает от английского. Путем экономической борьбы, стачками и т. д. рабочие разных отраслей промышленности добились в разных местах заметного увеличения своей платы, сокращения рабочего времени — нередко до десяти, а во многих случаях до девяти часов в день — и вообще ограничения произвола и эксплоатации со стороны предпринимателей. А под давлением политической агитации рабочих партий, правительства и парламенты вынуждены были законодательным путем ограничить чувствительным образом эксплоатацию женщин и детей, учредить фабричную инспекцию и надзор за рабочими помещениями в интересах охранения здоровья и предупреждения несчастных случаев при работе. Германский рейхстаг, как известно, уже в 80-х годах ввел государственное страхование рабочих от болезни, увечья и старости. Социал-демократам удалось проникнуть в городские думы, в промысловые суды, их представители заседают (в Германии) и в правлениях городских касс страхования рабочих, и во всех этих общественных учреждениях они отстаивают — и далеко не безуспешно — повседневные интересы рабочих масс, вынуждают другие партии если не удовлетворять все требования социал-демократии, то, по крайней мере, делать им уступки. Повторяю: достигнутые до сих пор уступки и улучшения далеко не отвечают еще жизненным интересам и потребностям всего пролетариата. Но чего достигли до сих пор английские рабочие союзы в результате своего, по меньшей мере семидесятипятилетнего существования, если уж оставить в стороне период рабочего движения в Англии, предшествовавший отмене законов против стачечных организаций?

[П. Аксельрод]

(Окончание в следующем номере.)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ КОНГРЕСС В ПАРИЖЕ.

Ничто не характеризует с такой наглядностью успехов освободительной борьбы рабочего класса, как международные социалистические конгрессы. Они дают возможность наблюдать, сравнивать, обсуждать и выбирать те различные практические приемы, которые служат для укрепления организации и обезпечения борьбы пролетариата.

Последним конгрессом Интернационала был Женевский конгресс 1873 г. Было решено распустить Международное Товарищество Рабочих, потому что оно было уже не в состоянии приводить к единству и направлять деятельность слишком разросшихся национальных социалистических партий. Прошло пять лет до созыва международного конгресса в Париже в 1878 г., во время первой всемирной выставки, устроенной третьей республикой. Этот конгресс не состоялся: полиция арестовала организаторов конгресса, французского социалиста Гэда и его друзей, и выслала иностранных делегатов. Тем не менее, созыв конгресса 1878 г. есть важное явление новейшей истории социалистического движения. Он доказал замечательную живучесть социализма. Утверждали, что во Франции социализм исчез после кровавой расправы с Коммуной. Но социализм на самом деле не только был жив, но выработал себе более прочную и более революционную теоретическую основу.

С 1889 г. конгрессы становятся правильными. Конгресс 1889 г. был созван тоже в Париже по случаю всемирной выставки. В то время, как буржуазия — это некогда «третье сословие» — праздновало столетие великой буржуазной революции 1789 г., пролетариат — это четвертое и последнее сословие — давал в лице своих представителей из всех стран клятву вести борьбу за с в о ю революцию. И установленный этим конгрессом всемирный майский праздник пролетариата стал днем великого смотра социалистических армий, когда клятву бороться до конца повторяют миллионы пробужденных к сознательной жизни работников. На Парижском конгрессе был выработан и принят систематический проект законов об охране труда как взрослых рабочих, так и женщин и детей. От нас, русских социалистов, представителями на этом конгрессе были: теперь покойный ветеран социализма Лавров и наш товарищ Плеханов.

Брюссельский конгресс, который был созван два года спустя, в 1891 г., подтвердил тот принцип, что национальная вражда, милитаризм и антисемитизм представляют из себя лишь различные виды эксплоатации человека человеком и что, след., для уничтожения этих явлений необходимо уничтожить такую эксплоатацию. Но если полное уничтожение зла возможно только посредством коренного преобразования общества, не следует все-таки пренебрегать и теми средствами, которые могут ограничить, уменьшить это зло. Мы подошли, таким образом, к вопросу о практических средствах, — вопросу, которым занимался в особенности Цюрихский конгресс, созванный в 1893 г. Русские социалисты были на нем представлены группой «Освобождение Труда», которая послала свой доклад на Брюссельский конгресс.

Цюрихский конгресс отверг предлагавшиеся некоторыми необдуманные средства устранить войны: военную

стачку (стачку солдат) и всеобщую стачку. Такие средства означали бы лишь растрату пропагандистских сил, они могли бы повести только к массовому избиению социалистов, к повторению Парижской Коммуны, могли бы только отбросить социалистическое движение назад на много лет.

На последнем заседании Цюрихского конгресса мы видели и слышали в последний раз нашего великого учителя Фридриха Энгельса. Невозможно передать тот энтузиазм, с которым был встречен появившийся внезапно на трибуне основатель Интернационала, друг Маркса. Его приветствовали бесчисленными кликами, которые сливались с мужественным мотивом „Пролетарской марсельезы", потрясавшей стеклянные потолки Tonnhalle (залы, где заседал конгресс). Когда, наконец, водворилось молчание, великий старец взволнованным и слабым голосом передал нам завещание Интернационала. И—одно мгновение нам показалось, что перед нами воскресло прошлое, что оно явилось как могучий защитник, предвидевший наше движение и наши нужды, заплативший дорогой ценой за свои собственные ошибки ради того, чтобы сделать наш путь прямым и легким.

Когда мы отправлялись на Лондонский конгресс, этого учителя уже не было. Пепел от его останков покоился в глубинах океана, недалеко от Истебернского берега, с которого он любил наблюдать великую природу. Он умер, но его завещание свято хранится в памяти делегатов, и Лондонский конгресс исполнил один из его советов, порвав решительно и окончательно с анархистами, которые, будучи уже изгнаны под своим собственным именем, нашли все-таки средство пробраться на конгресс в качестве представителей профессиональных (ремесленных) союзов. На Лондонском конгрессе делегаты слышали в последний раз другого представителя геройского поколения 1848 г. — Вильгельма Либкнехта. С его смертью сошел со сцены последний из кормчих, руководивших кораблем социал-демократии с тех пор, как этот корабль был спущен в воду. И теперь пролетариат предоставлен уже своим собственным силам в трудной задаче — обходить те бесчисленные подводные камни, которыми усыпан его путь. Его влияние возросло в колоссальных размерах, и самые его успехи легко могут совратить его на ложный путь.

Парижский конгресс продолжался с 23 по 27 сентября (нов. ст.). Делегаты каждой национальности приветствовали конгресс от имени своих делегаций. От русской делегации говорили Г. Плеханов и Кричевский. Последний прочел письмо сосланных в Сибирь русских, польских и еврейских революционеров, единодушных в ненависти к царизму и к капиталистической эксплоатации. Наш товарищ Плеханов говорил о той великой революционной роли, которую играет и будет играть пролетариат Российской империи в борьбе против царизма — борьбе, в которой заинтересован весь международный пролетариат. «Только пролетариат, — продолжает Плеханов, — дерзнул бросить перчатку правительству, деспотизм которого позорит весь цивилизованный мир».

Мы не можем останавливаться подробно на всех резолюциях конгресса. Ограничимся кратким указанием их и перейдем к главному: к вопросу об участии социалиста в буржуазном министерстве.

Некоторые резолюции конгресса повторяют то, что было уже принято Цюрихским и Лондонским конгрессами; таковы резолюции о милитаризме, о всеобщей стачке, всеобщем избирательном праве, о колониальной политике, о муниципальном (земском и городском, в применении к русским понятиям) социализме. Парижский конгресс подтвердил еще раз необходимость политической свободы, крайнюю важность ее для организации рабочего класса. Всеобщее избирательное право есть, в глазах конгресса, основное право всякой нации располагать собою суверенно (верховно и независимо). Для борьбы с милитаризмом конгресс рекомендует социалистическим партиям различных стран вести пропаганду против милитаризма среди молодежи и обязывает социалистических депутатов отказывать правительствам в каких бы то ни было кредитах на военные нужды, требовать преобразования постоянных армий на народные милиции (ополчения). Чтобы агитация против милитаризма была более успешна, конгресс советует социалистам всех стран вести эту агитацию по одному общему плану.

Другая резолюция конгресса, принятая единогласно, протестует против жестокостей колониальной политики. Отметим, что английские товарищи, Гайндман, Куелч, Керран, высказали по этому поводу решительное осуждение английской политики в Англии и войны с бурами.

Единогласно же была принята конгрессом следующая резолюция, особенно важная для нас, русских: «Конгресс с негодованием предает позору ту дикую политику угнетения, которую преследует русский царизм против польского и финляндского народов; конгресс призывает пролетариев, страдающих под игом самодержавия, соединиться для общей борьбы против этого общего врага демократии и социализма».

Как мы уже заметили выше, главные прения сосредоточились на следующем вопросе: позволительно ли социалисту вступать в буржуазное министерство? Этот вопрос стал до известной степени злободневным вопросом вследствие того, что французский социалист Мильеран вступил министром торговли в кабинет Вальдека Руссо. Этот шаг был сделан в такой момент, когда самому существованию республики грозила опасность, когда необходимо было соединение всех республиканцев какого бы то ни было направления. Хотя социалистическая партия вполне могла помочь защитникам республики, не возлагая на одного из своих членов ответственности за участие в буржуазном министерстве, — тем не менее конгресс принял резолюцию Каутского, составленную в духе примирения. Конгресс поступил так, имея в виду те особенные условия, в которых находится Франция, и не желая подливать масла в огонь тех раздоров, которые идут среди французских социалистов. Резолюция Каутского допускает, или вернее, извиняет вступление в министерство лишь при крайней необходимости и при условии согласия большинства партии на такой шаг. Во всяком случае, такой совершенно исключительный шаг никоим образом не должен быть возводим в систему, как этого хотят Жорес и его друзья. Притом конгресс ясно выразил Мильерану свое неодобрение за упорное желание оставаться в кабинете Вальдека Руссо даже после того, как грозившая республике опасность миновала, — после того, как этот кабинет опозорил себя убийством рабочих в Шалоне и Марти-

нике. Конгресс признал правильность поправки, внесенной товарищем Плехановым к резолюции Каутского. Эта поправка гласит, что социалистический министр должен выйти немедленно из министерства, как только оно оказывается пристрастным в борьбе капитала с трудом.

С практической точки зрения наибольшую важность представляет решение конгресса учредить постоянный международный секретариат. Местонахождением секретариата выбран Брюссель, в котором социалисты имеют свой собственный «Народный Дом». Расходы на содержание секретариата, исчисленные в 10.000 фр., должны быть покрыты социалистами всех стран*. Деятельность секретариата должна состоять в том, чтобы служить посредником между социалистами всех стран, доставлять им все необходимые сведения и, наконец, подготовлять организацию следующего международного конгресса, который должен быть созван через три года в Амстердаме.

Чтобы наш перечень резолюций конгресса не остался неполным, мы должны упомянуть еще о резолюции по вопросу о трестах (тресты или картели, ринги, синдикаты, это — союзы предпринимателей, организующих совместный сбыт или даже производство и сбыт известного продукта). Конгресс смотрит на тресты, как на явление, совершенно неизбежное в современном обществе, как на естественный результат все более растущей капиталистической концентрации. Конгресс выражает лишь пожелание, чтобы государство строго контролировало деятельность трестов и обязывало их периодически печатать отчеты о своих операциях. Наконец, конгресс принял резолюцию по вопросу о тех реформах, которые социалисты должны стараться проводить в своей муниципальной деятельности. Эта последняя резолюция доказывает, что социал-демократия, оставаясь твердой и непримиримой в стремлении к своему идеалу — к социализации средств производства и, след., к полному преобразованию общества — нисколько не пренебрегает тем не менее ни единой, даже самой незначительной реформой, способной и в современном обществе улучшить положение рабочих.

Прения на конгрессе показывают, какую громадную политическую силу представляет из себя социал-демократия в передовых странах. Смущенная непреодолимым ростом социализма, буржуазия начинает менять тактику. Во Франции, напр., она вместо зверского подавления социализма начинает делать маленькие уступки, цель которых состоит в том, чтобы оторвать от социалистической партии все нерешительные и неопределенные элементы. Но если отдельные лица и могут заблуждаться и попадаться в те ловушки, которые им ставят, то весь пролетариат, как класс, не заблудится. Он не запятнает своих идеалов, он не пожертвует своим будущим. Многое еще остается сделать, главная цель все еще остается недостигнутой, но социалисты в праве гордиться и теми результатами, которые уже достигнуты И пусть всех вас, друзья и товарищи, томящиеся в тюрьмах и в изгнании, утешит та мысль, что ваши усилия не пропали даром! Пусть все те, юноши и старцы, которые стоят вне наших рядов, придут к нам, и мы вместе пойдем по дороге, ведущей к светлому будущему! Разве вы не видите, что идея, которая смогла об'единить такую массу пролетариев всех стран, которая могла наполнить их такой непоколебимой верой, такой готовностью на всякие жертвы, — что это великая и благородная идея? Эта идея заслуживает того, чтобы человек отдал на служение ей все свои способности и всю свою жизнь. Соединимтесь же вместе и будем работать и бороться под сенью красного знамени и под звуки пролетарского гимна, с которого начал и которым закончил конгресс свои занятия:

C'est le lutte finale,
Groupons nous et demain
L'internationale
Sera le genre humain*.

[Х. Раковский]

* По решению конгресса, каждая из восьми великих наций должна внести 1000 франков — около 400 руб. на наши деньги. Мы приглашаем поэтому все организации, группы и кружки русских социал-демократов немедленно приступить к сбору денег для этой цели. Направлять деньги можно в нашу газету с указанием их назначения.

Ред.

* Это — последняя борьба. Соединимся же, и международное товарищество рабочих завтра охватит весь человеческий род.

ИЗ ПАРТИИ.

Раскол в заграничном Союзе Русских Социал-Демократов [5].

Весной настоящего года в Швейцарии состоялся с'езд членов Союза Русских Социал-Демократов, приведший к расколу Союза. Меньшинство членов, имея во главе группу «Освобождение Труда», основавшую Союз и бывшую до осени 1898 г. редактором изданий Союза, образовало особую организацию, под названием: «Русская Революционная Организация „Социал-Демократ“». Большинство, в том числе редакция органа «Рабочее Дело», продолжает называть себя Союзом. С'езд русских социал-демократов, бывший весной 1898 г. и образовавший «Российскую Социал-Демократическую Рабочую Партию», признал Союз заграничным представителем нашей партии. Как должны мы смотреть на вопрос о представительстве теперь, когда заграничный Союз раскололся? Мы не станем входить в подробности вопроса о причинах раскола. Отметим лишь неверность столь распространенного и столь тяжкого обвинения, будто Плеханов захватил типографию Союза. На самом деле распорядитель типографии отказался только выдать ее целиком одной из частей расколовшегося Союза, и обе стороны вскоре сами поделили между собой типографию. Наиболее существенен, с нашей точки зрения, тот факт, что «Рабочее Дело» было неправо по существу полемики; оно ошибочно отрицало существование «экономического» направления, оно держалось ошибочной тактики замалчивать крайности этого направления и воздерживаться от открытой борьбы с ним.

В виду этого мы, — нисколько не отрицая заслуг «Рабочего Дела», которое много потрудилось над изданием литературы и организацией доставки ее, — отказываемся признать одну из частей расколовшейся организации заграничным представителем нашей партии. До решения следующего с'езда партии вопрос этот должен остаться открытым. Официальными заграничными представителями русской социал-демократии являются в настоящее время русские члены постоянного международного комитета, учрежденного Парижским международным социалистическим конгрессом осенью н. г. От России в комитет вы-

браны два члена: Г. В. Плеханов и Б. Кричевский (один из редакторов «Раб. Дела»). Пока между обеими фракциями русских социал-демократов не состоится примирения или соглашения, мы намерены вести все относящиеся к представительству России сношения с Г. В. Плехановым. Наконец, мы должны подать свой голос по вопросу о том, кого бы мы желали видеть секретарем от России в постоянном международном комитете. В настоящее время, когда социал-демократию стараются, под знаменем «критики марксизма», развратить буржуазной идеологией и политикой кротости и смирения по отношению к вооруженным с ног до головы врагам (буржуазным правительствам), на этом важном посту особенно необходим человек, способный устоять против течения и сказать влиятельное слово против шатания мысли. По этой причине, а равно и по указанным выше соображениям мы подаем свой голос за Г. В. Плеханова.

С.-Петербург. Нам доставлен печатный листок: «Программа СПБ-го „Союза Борьбы" за освобождение рабочего класса» и «Устав союзной рабочей организации», от октября 1900 г. Недостаток места не позволяет нам, к сожалению, ни напечатать этот документ, ни подробно высказаться о его значении. Мы вернемся непременно к нему, а пока ограничимся замечанием, что он свидетельствует, с одной стороны, о переживании «экономического» направления, направления «Раб. Мысли», а, с другой стороны, о наличности стремления освободиться от узости «экономизма».

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

1. Корреспонденция «Майские дни в Харькове» выйдет особой брошюрой. (Заканчивается печатанием.)
2. От скифов из Волыни пять.

Поправка. На стр. 2, столб. 1, после строки 35 сверху вставить фразу: «Отодвигают же ее, во-первых, те, кто зовет революционеров на борьбу с правительством силами отдельных заговорщических кружков, оторванных от рабочего движения».

Типография «Искры».

ПРИМЕЧАНИЯ.

Прим. 1. Китайская война 1900 г. явилась результатом хищнической политики царского правительства на Дальнем Востоке. Захват Порт-Артура и Далиеньвана после японско-китайской войны 1895 г. под предлогом оказания дружеской помощи Китаю ведет к оккупации Манджурии, где в 1899 г. Россия с помощью французских капиталов начинает под охраной своих войск строить роковую манджурскую дорогу. В 1900 г. вспыхивает боксерское восстание («Большого кулака»), что дает повод России наводнить оккупированную страну многочисленной армией. Вся эта манджурская авантюра привела в 1904—5 гг. к позорной русско-японской войне.

Прим. 2. «Рабочая Мысль»—орган правого крыла «экономистов»—издавалась в 1897—1902 гг. (всего вышло 16 номеров). Главным инициатором и душою издания был латыш рабочий К. А. Кок. В период 1900—1902 г.г. в газете работали Н. Н. Лохов-Ольхин, М. Коган-Гриневич, К. Тахтарев, Н. Алексеев и др. Язвительное посвящение статьи о зубатовщине органу правых экономистов вызвало в среде рабочемыслецев бурю негодования. Отзвуком этого негодования является выпад «Петерб. Союза Борьбы» против «Искры» в № 11—12 «Рабочего Дела».

Прим. 3. Эта прокламация явилась результатом агитации Мартова в бытность его в Полтаве в конце 1900 г.; он об'ездил ряд комитетов (Харьков, Екатеринослав, Крым), чтобы побудить организации к выпуску общеполитического листка за их подписью по поводу предания в Варшаве военному суду 9 польских рабочих по обвинению в убийстве шпионов и предателей. Согласие местных комитетов было получено (в том числе и согласие Петерб. Союза Борьбы, с которым Мартов успел списаться); и соответствующий листок был напечатан в типографии «Южного Рабочего». Перепечатан он был не только в № 1 «Искры», но и в № 3 «Южн. Раб.», а также в № 3 «Листка Рабочего Дела». Есть основания думать, что автором листка был Мартов.

Прим. 4. В 1900 г. рабочее движение в России протекает тихо. Массовые аресты в Екатеринославе, Полтаве, Харькове и ряде других южных городов, разгром комитетов в Москве, Петербурге и Киеве—понижают темп движения до минимума. За десятилетие 1895—1904 гг. наименьший процент стачек и числа стачечников падает именно на 1900 год. Только в Харькове 1 мая произошла колоссальная забастовка, сопровождавшаяся выставлением политических требований (новость по тому времени). В конце года движение обострилось в Польше.

Прим. 5. Первоначальный кружок, из которого образовался «Союз Русских С.-Д.», возник в 1894 г. по инициативе группы «Осв. Труда». С 1898 г. «Союз» перешел в руки «экономистов», которые стали выпускать «сборник для рабочих»—«Рабочее Дело» (под редакцией Кричевского, Теплова [«Сибиряка»] и В. Иваньшина. Позже к руководящей группе рабочедельских литераторов примкнули Мартынов и Акимов). За 1899—1902 гг. всего вышло 12 книжек «Р. Д.» (фактически 9, так как несколько номеров было двойных), а также 8 «Листков Рабочего Дела» в виде брошюр. Окончательный раскол «Союза» произошел на с'езде его в апреле 1900 г. в Женеве. Плеханов и его единомышленники вышли из Союза и образовали новую организацию под названием «Революционная организация Социал-Демократ». Типографией «Раб. Дела» заведывал с.-д. Мих. Сущинский, раньше примыкавший к группе народовольцев «Летучего Листка». Распропагандированный Ю. Невзоровым (Стекловым), он отдал свои симпатии группе «Осв. Труда» и после раскола не поспешил отдать типографию в руки Кричевского и К°, чем способствовал при дележе имущества союза после раскола более справедливому выделу части типографии в пользу плехановцев. Этот эпизод с типографией послужил когда-то поводом к очень склочному и шумному выступлению рабочедельцев против Плеханова, о чем имеется намек и в настоящем сообщении «Искры».

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!"...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину

№ 2 ФЕВРАЛЬ 1901 ГОДА № 2

НА ПОРОГЕ ДВАДЦАТОГО ВЕКА.

Девятнадцатое столетие окончилось. Что дало оно рабочему классу? И чего может ожидать этот класс от начавшегося двадцатого века?

Девятнадцатое столетие ознаменовалось поразительным развитием техники. Производительные силы цивилизованных обществ приняли в течение этого столетия огромные, небывалые размеры. Их рост естественно вел за собою рост общественного богатства. Но быстро растущее богатство цивилизованных стран не устранило существовавшей в них бедности. Напротив. Небывалое развитие производительных сил явилось новым фактором ее увеличения. Это очень метко указано и хорошо об'яснено некоторыми членами английской королевской комиссии, назначенной для исследования причин застоя промышленности и торговли (Trade Depression). В особой записке, которая вошла составною частью в «Заключительный доклад» (Final Report) комиссии, эти члены говорят, что, вследствие роста производительных сил, коренным образом изменились условия существования цивилизованных обществ: прежде главная трудность заключалась для них в редкости и дороговизне предметов необходимости и удобства; а теперь она состоит в том, что, благодаря развитию машинного производства, людям, не имеющим ничего, кроме своей силы (т. е. пролетариям), все труднее становится найти заработок, а следовательно, и средства к жизни.

Это значит, что борьба за жизнь в цивилизованных обществах XIX века становилась тем труднее и ожесточеннее, чем более росли их производительные силы, т. е. чем более увеличивалась материальная возможность изгнания из их среды бедности и связанных с нею страданий.

Бедность порождалась избытком. Это противоречие, на которое указывал еще гениальный Фурье, перешло неразрешенным в двадцатый век. Его устранение составит главнейшую общественную задачу этого последнего.

Чем труднее и ожесточеннее становилась борьба за существование в цивилизованных обществах XIX века, тем более увеличивались для отдельных членов этих обществ шансы нравственного падения и даже полного нравственного одичания. Их преступность росла в общем гораздо быстрее, чем их население, при чем в числе осужденных все более увеличивался процент рецидивистов, наглядно показывая этим полную несостоятельность тех мер, которые принимались цивилизованными обществами для своего нравственного оздоровления.

Таким образом, если рост производительных сил порождал бедность там, где он мог бы создать невиданное прежде материальное довольство, то он же, затрудняя борьбу за существование и усложняя общественную жизнь, — вел к умножению нравственных страданий и нравственной испорченности там, где он мог бы, устранив искушения экономической борьбы за жизнь, дать сильнейший толчок нравственному облагорожению цивилизованного человечества.

Это противоречие тоже не было разрешено XIX веком и тоже целиком перешло в XX-ый.

Что бы ни говорили явные и тайные, корыстные и бескорыстные защитники капитализма, несомненно, что увеличение трудности борьбы за жизнь и это умножение шансов нравственной испорченности означает ухудшение быта рабочих. В этом отношении XIX век был для них неблагоприятен.

Но он был чрезвычайно благоприятен для них в другом отношении. Он дал им — или, по крайней мере, их передовой, наиболее чуткой и развитой части — то, что для них важней всех материальных благ и без чего невозможно коренное улучшение их участи: ясное сознание непримиримой противоположности их интересов с интересами эксплоататоров и твердое убеждение в том, что освобождение рабочих должно и может быть делом самих рабочих.

Подобно тому, как XVI, XVII и XVIII столетия ознаменовались освободительным движением буржуазии, XIX век был веком освободительного движения рабочего класса. В этом заключается главнейшая отличительная черта его культурной истории и драгоценнейшее наследие, переданное им XX веку.

Но между освободительным движением буржуазии и освободительным движением пролетариата есть существенная разница. Освободительное движение буржуазии совершалось в пользу меньшинства. Его торжество не устранило эксплоатации человека человеком, а только изменило ее форму. Освободительное движение рабочего класса совершается в пользу огромного большинства, и его торжество навсегда положит конец эксплоатации одних людей другими. Вот почему победа пролетариата будет в то же время осуществлением самого высокого из всех тех нравственных идеалов, до которых додумалось цивилизованное человечество. Победа рабочего движения, которому многие — умышленно или по недоразумению — приписывают лишь узкие, грубые, «желудочные» цели, будет в действительности величайшим торжеством нравственного идеализма.

Но между борющимся пролетариатом и его великой целью стоит свирепый и близорукий эгоизм высших классов, которые чувствуют себя прекрасно при теперешнем общественном порядке и в лучшем случае могли бы добровольно согласиться лишь на некоторые частные

его переделки. Благодаря этому свирепому и близорукому эгоизму, не мало крови рабочих пролилось в XIX веке и, вероятно, не мало прольется ее и в XX-м. И против этого эгоизма пролетариат имеет лишь одно средство: об'единение своих сил ради завоевания политической власти. Когда рабочий класс тем или иным путем добьется политического господства, тогда консервативное упорство эксплоататоров разобьется о революционную энергию эксплоатируемых, и тогда будут устранены указанные нами противоречия, унаследованные XX веком от XIX-го; царство капитализма будет окончено; начнется эпоха социализма.

Двадцатый век осуществит лучшие, радикальнейшие стремления XIX века. Но как ни твердо уверены мы в победе пролетариата, как ни ясно видим мы стоящую перед ним великую цель, мы не хотим обманывать ни самих себя ни наших читателей. Мы вовсе не думаем, что нас ждет легкая победа. Наоборот, мы хорошо знаем, как тяжел путь, лежащий перед нами. Нас ожидает на нем много частных поражений и тяжелых разочарований. Не мало в течение этого пути разойдется между собой людей, казалось бы, тесно связанных единством одинаковых стремлений. Уже теперь в великом социалистическом движении обнаруживается два различных направления, и, может быть, революционная борьба XX века приведет к тому, что можно будет mutatis mutandis назвать разрывом социал-демократической «Горы» с социал-демократической Жирондой.

Но каковы бы ни были трудности, поражения и разочарования, ожидающие революционный пролетариат в его борьбе, его окончательное торжество не может подлежать сомнению. За него ручается как общий ход социального развития в цивилизованном мире, так и, в особенности, развитие той производительной силы, которую Маркс назвал самою важною из всех: самого рабочего класса. Социалистический идеал все глубже и глубже проникает в среду пролетариата, развивая его мысль и удесятеряя его нравственные силы. Людям, борющимся во имя этого идеала, буржуазия уже в настоящее время может противопоставить лишь голое насилие да бессознательность некоторой — правда, пока еще очень значительной — части трудящихся. Но бессознательность уступит место сознанию, передовые рабочие подтолкнут отсталых, и тогда... тогда буржуазии останется разве уже «непротивление злу насилием», потому что на стороне революционеров будет тогда также и физическая сила.

Так обстоит дело на Западе. А что сказать нам о нашем отечестве? Россия далеко не так богата и далеко не так образована, как западно-европейские страны. Но и в ней общественное развитие не прошло бесследно для социализма, и в ней XIX век завещает XX-му драгоценное наследство: зародыш социал-демократической рабочей партии. Историческая обстановка несомненно очень благоприятна для быстрого развития этого зародыша. Если справедливо то, что одна страна может и должна учиться у других, ее опередивших, то социалистическая Россия может и должна многому научиться у западно-европейских социалистов. Самый главный и ничем незаменимый урок, даваемый нам всей историей западно-европейского социализма, заключается в том, что в каждой данной стране ближайшие задачи и тактика рабочей партии определяются действительными общественными отношениями этой страны. Забывать об этих отношениях, руководствуясь общими положениями социализма, значит покидать почву действительности. Нам, русским социал-демократам, необходимо помнить, что XX век ставит перед нами такую политическую задачу, которая с большею или меньшею полнотою уже решена на Западе; у нас во всей красе цветет то самодержавие, о котором западно-европейские люди знают только понаслышке. Разрушение самодержавия безусловно необходимо для успешного и правильного развития нашей партии. Если между западно-европейскими социалистами и их великой целью стоит эгоизм имущих классов, то между нашей зарождающейся партией и западно-европейской социалистической семьею стоит, подобно китайской стене, самодержавный царь с его полицейским государством. Но нет такой стены, которую не могла бы разрушить человеческая энергия. Русская социал-демократическая партия возьмет на себя инициативу борьбы с абсолютизмом и она нанесет ему смертельный удар, опираясь на более или менее энергичную, прямую или косвенную поддержку всех тех элементов, на которые давит теперь тяжелое, неуклюжее здание неограниченной монархии.

Политическая свобода будет первым крупным культурным завоеванием России XX века.

[Г. Плеханов]

РАБОЧИЙ КЛАСС И «РУССКОЕ ЗНАМЯ».

У нас принято придавать слишком мало значения тому злу, которое вносит в народную жизнь подлая реакционная печать, одна лишь пользующаяся свободой говорить то, что ей надо, в то время как на всякое честное слово надет цензурный намордник. Мы все, конечно, ненавидим «Свет», «Московские Ведомости», «Новое Время» и подобные органы печати, но мы обыкновенно ненавидим в них только представителей враждебных нам классов—дворянства, буржуазии, чиновников. Нам не всегда ясна та вредная роль, которую играет эта печать в деле затемнения народного сознания, в смысле отвлечения все растущих в народе чувств возмущения и протеста в сторону такой борьбы, которая может только вредить народным интересам. У нас сложилась привычка смотреть на сознание рабочих масс как на какую-то чистую доску, на которой «жизнедеятельность», борьба вырисовывает надлежащие идеи, которые агитатору нужно только привести в известный порядок. Началась массовая борьба с капиталистами, зародился в массах протест — этого достаточно, чтобы ручаться за правильное развитие сознания масс. Началась массовая экономическая борьба— и можно быть спокойным за то, что рабочая мысль шаг за шагом освободится от всего наследия веков, от всей лжи одолевших ее предрассудков. Пусть-де только агитатор обуздает свой пыл, пусть не спешит нести массам все то, что он знает: пусть ограничится ясным формулированием того, что уже бессознательно чувствуется массой. Не насилуйте рабочую мысль,—кричат нам с разных сторон,—не спешите раз'яснять рабочим массам те вопросы, понимание которых им еще чуждо, не говорите о политических вопросах, когда масса начала

только бороться за насущный кусок хлеба, не спешите говорить о социализме, когда еще не везде понята необходимость борьбы за сокращение рабочего дня. Жизнь сделает свое,—говорят эти советчики,—будет время, и эти хорошие вещи станут уместны, надо только «медленнее спешить», не забегать вперед.

На деле оказывается, жизнь не медлит. Оказывается, что жизнь-то много сложнее, чем это представляют себе проповедники медленного поспешания. Оказывается, что эта жизнь, создаваемые ею классовые противоречия не только расчищают сознание рабочих масс, но подчас и засоряют, затемняют его: если эта жизнь известными сторонами облегчает агитатору просветительно-революционную работу, то другими сторонами, напротив, затрудняет ее, нагромождая на его пути новые препятствия. Оказывается, что на выработку сознания и чувств массы влияет не одна лишь обстановка фабричного труда, не одни только отношения рабочих к капиталисту; оказывается, что вся та вредная реакционная политическая проповедь, которою занимается известная часть легальной печати, тоже входит в ту «жизнь», которая является школой воспитания рабочей мысли. Те стороны жизни, которые влияют на сознание масс развращающим образом, вечно развиваются, и каждый шаг в распространении в народе грамотности, каждое возрастание умственных запросов рабочего люда ведет за собой, при современных политических условиях, увеличение той порции нравственного яда, который несут в среду читателей «Новое Время», «Свет» и им подобные литературные клоаки.

В городе Харькове существует «патриотическая» газета «Южный Край», которая издавна стоит в первых рядах реакционной печати. Этот достойный товарищ «Московских Ведомостей» получил монопольное право воспитывать сознание харьковского обывателя: в самом деле, в течение 20 лет правительство упорно отказывает кому бы то ни было в праве издавать другую газету в Харькове. Таким образом, «Южный Край» имеет возможность, не встречая возражений, сеять в умах читателей вражду к полякам, немцам и т. д. Известно, что в рабочем классе все более распространяется чтение местных газет. Падая на благоприятную почву вековых предрассудков, семена «патриотической» печати дают плоды. С таким плодом мы хотим познакомить читателей.

Этой осенью на громадной пенько-прядильной и канатной фабрике у станции Новая Бавария под Харьковом произошел пожар, после которого администрация стала массами увольнять рабочих, не взирая на то, что многие из них были выписаны в Харьков из Владимирского района. Возникло, конечно, сильное недовольство, выражением которого явилась следующая, распространенная в конце сентября гектографированная прокламация:

«Братцы! Долго ли еще мы будем терпеть польское иго? Долго ли мы будем подчиняться хамам Коммеру, Вильгу, Ионнзибургу, Мухарскому и всем негодяям, высасывающим из нас все соки! Неужели, братцы, вновь поляки завладели Малороссией, и вся кровь, пролитая русскими за покорение Польши, окажется пролитой даром? Довольно они нас мучили, довольно несправедливо штрафовали, глумились, насмехались над нами. Наши права растоптаны ногами поляков, но мы должны их защищать. Терпеть уже больше не в моготу. Все мы на пожаре работали, одежу жгли, руки уродовали, рисковали своей жизнью, а поляки, наши голубчики, папиросы покуривали, посмеивались, чайком да пивом забавлялись. Мы тушили, работали, а нам и горло промочить не дали! А после что? Им награда, а нам расчет! Хороши хозяева!!! Ведь в Польше поляки не принимают русских на свои фабрики. Зачем же у нас полякам дают преимущества: и плата им больше и награда, а нас как дураков неспособных выставляют? Мы не против царя идем, а против врагов России. И полиция, и жандармы спасибо не скажут, когда узнают, что поляков здесь выдвигают, а своих теснят. Не нам одним приходится бороться со своими директорами: не раз их уже в мешки сажали и по двору так катали, да и другие расправы бывали, и на тот свет их отправляли.

«Собраться нам надо, братцы, поговорить ладком, да обсудить, как нам проучить всю эту польско-жидовскую сволочь.

«Будем действовать дружно! Вперед, братцы!!! Побольше храбрости, и русское знамя снова гордо взовьется на нашей фабрике!!! Долой поляков!!! Вперед на борьбу и победу!!!»

Бедные рабы капитала! Почувствовав потребность бороться против своего врага, они хватаются за его же оружие, за его же язык, за те самые идеи, которые приспешниками капитала вносятся в сознание рабочих. Бедные рабы! Они вечно слышат, вечно читают о „русском знамени“, которое гордо развевается над миллионами порабощенных русским царем иноплеменников, и они захотели почувствовать себя в счастливом положении победителей, захотели потребовать и себе часть плодов этой победы. На каждом шагу представители буржуазии устраивают свои гешефты, играя на «патриотической» струне: русские фабриканты требуют и получают право грабить весь народ во имя интересов «русской промышленности». Под знаменем «Россия для русских» разные слои буржуазии добиваются права оттеснять своих польских, еврейских и иных инородческих соперников в деле расхищения народного достояния. Мудрено ли, что и кое-каким рабочим пришло в голову воспользоваться этим славным знаменем, чтобы во имя русского дела протестовать против грабительских выходок капитала?

Беда лишь та, что то, что буржуазии здорово, пролетариату смерть. Буржуа может себе позволить в погоне за наживой натравлять один народ на другой, сеять национальную вражду только для того, чтобы под шумок красивых фраз о русском знамени урвать процент-другой барыша. Пролетариат не может себе позволить этого, не может потому, что вся его надежда на улучшение жизни—в солидарности, в единении всех рабочих без различия национальностей, и все, что сеет рознь между разными народностями, мешает делу этой солидарности, тормозит рабочее движение. Вы хотите, господа, выехать на том, что не против царя вы идете, а против «врагов россии», на покорение которых русские цари положили не мало крови русского народа (и целое море крови этих самых «врагов»). Да, вы правы: поляки, а вместе с ними финляндцы, евреи, армяне, балтийские немцы, все это—«враги России», т. е. той России, которая живет и жиреет в а ш и м трудом, в а ш и м кровавым потом, которая правит и издает законы, которая строит свое

благополучие на вашей нищете, на вашем бесправии, на вашем невежестве. Но ведь и вы сами, вы, недовольные своей долей, рабочие, вы ведь тоже «враги» этой России; ведь вы точно так же, как поляки и прочие покоренные народы, составляете того «внутреннего врага», против которого держат наготове миллион штыков, которого бить и колоть по первому приказу начальства обязывает солдат военная дисциплина. Только полгода прошло со времени тех майских дней, когда на улицах Харькова вам был дан наглядный урок того, что вы сами становитесь «врагами России», как только начинаете добиваться своих законных прав; только несколько недель прошло с тех пор, как ваши братья, признанные «внутренними врагами» России, пошли в Вятскую губернию за то, что в майские дни мужественно стояли за рабочее дело. Теперь же вы думаете перейти в лагерь царя, полиции и жандармов, чтобы, став вместе с ними под «русское знамя», устроить свои дела на счет «врагов России», так же, как и вы,—рабочих, поляков? Плохой расчет, позорная надежда! Враждуя со своими братьями-рабочими и сближаясь со своими врагами, правителями и эксплоататорами, становясь под их залитое кровью и грязью патриотическое знамя, вы только увеличиваете их силу, которая завтра же обратится против вас, как против самых опасных, самых заклятых «врагов России», той России, которая правит, издает законы и грабит рабочий класс.

Да, это верно, что после пожара в Новой Баварии русских рассчитали, а поляков нет. Но это об'ясняется вовсе не любовью директоров к полякам-рабочим. О нет! Они бы и этих рассчитали с удовольствием. Дело просто в том, что, создавая в Харькове новое производство, капиталисты должны были выписывать рабочих издалека, из Владимирского округа и из Польши. Владимирец пошел на чужбину без всяких разговоров, а польский рабочий договорился сначала о достаточно высокой заработной плате и обеспечил себя контрактом так, чтобы его не могли рассчитать в любую минуту, когда он станет ненужным, как бросают лимон, из которого выжаты все соки. Польские рабочие оказались более предусмотрительными и более требовательными, чем русские. И этому удивляться нечего. Ведь польский пролетариат долгой и упорной борьбой двух десятилетий добился у себя на родине и высшей платы, и более короткого рабочего дня, и лучшего обращения, и как ни плохо все еще его положение, все же с ним не решатся поступать так бесцеремонно, как поступают с его русским собратом. Польский рабочий только справедливо пользуется плодами тех тысяч подчас кровавых жертв, которые он положил на дело своего освобождения, точно так же, как и бельгиец, против которого тоже поднимается иногда безумная вражда непросветленных еще сознанием южно-русских рабочих. Принесите рабочему делу такие же жертвы, боритесь, и тогда вы подниметесь на ту же ступень, на которой теперь стоит польский рабочий. Но не разжигайте себя завистью, глядя на его лучшие условия труда. Делая это, вы, может быть, ухудшите его положение, но свое-то вы погубите, вырыв непроходимую пропасть между собою и другими рабочими, у которых с вами одно общее дело, и истощив свои силы в братоубийственной войне на потеху буржуазии.

Идите к польским рабочим со словом братского союза и взаимного уважения, признайте справедливость затаенной в их груди горькой обиды, понесенной от варварского покорения; признайте за польским народом право искать себе свободы от всякого гнета; откажитесь от всякой солидарности с той Россией чиновников, попов и капиталистов, которая считает поляков «врагами

ФЕЛЬЕТОН

ИСКОРКИ.

Машина свистнула, запыхтела, зашипела — и сдвинулась с места, и поползла... потом пошла все скорей и скорей. В последний раз крикнул что-то с платформы грубый начальнический голос, последний раз мелькнули в окнах электрические огни станции, и поезд вошел в темную, беспросветную осеннюю ночь и стал углубляться в нее все дальше и дальше, пошел все быстрее и быстрее...

Степан откинулся на спинку своего места и так и вперился глазами в темноту. Так же мрачно и скверно было и у него на душе, — чего уж хуже и мрачнее.

Кругом в вагоне народ уже укладывался, слышались последние сонные фразы, кое-кто похрапывал даже; но Степану было не до сна. До сна ли тут, господи?! После этакого-то дня? Такого тяжелого дня не приходилось еще переживать Степану. Чего только не было, господи?! И брань, и тюрьма, и нагайки! И за что?!

И перед глазами его задвигалась и зашумела снова, точно он сейчас видел ее, огромная толпа на дворе фабрики. «Нет, не согласны. Хозяина нам, хозяина!» И видит он снова перед собою грузную фигуру хозяина, шепелявящего что-то с крыльца фабрики заплетающимся языком, не своим голосом; и вылощенное, румяное лицо фабричного инспектора, который твердит что-то о законности, плавно поводя рукой в воздухе.

— Поступайте только вы по закону, и все по закону будет. Становитесь на работу!

— Да, как же, по закону! Это по закону разве, чтобы средь зимы расценки менять? Говорите вы о законе-то много... Как уговор был, так пусть и будет, — и основа чтобы не гнилая! А так не пойдем, не согласны! — кричали рабочие. А мастера промеж народу шныряют, уговаривают. И Фомка-подлец тут же вертится, улещивает, увещает: «Братцы, братцы!» Глаза-то подлые так и бегают, выискивают, где кто громче говорит. Эх, нет хуже своего врага, никого нет хуже Иуды предателя. Как развернулся Степан, как закатил ему в ухо... Тут уж посыпались на него с разных сторон, кто во что горазд... Не уйти бы мерзавцу живым, кабы казаки не подоспели, кабы не нагайки их...

И как сейчас зазвучал в ушах Степана свист нагаек. Он весь задрожал с ног до головы, и кровью налились его глаза... И видит он снова, как врезывается в безоружную толпу конный отряд с шашками, с нагайками, как он давит, мнет ее... И видит он исполосованное нагайкой худое женское лицо и то злое, тупое лицо сытого зверя, которое дает ужасные приказания... И в глухом стоне всей поддавшейся назад, обезумевшей от

отечества», и тогда вы найдете в польских товарищах братский отклик, тогда они пойдут рука об руку с вами на борьбу за рабочее дело.

Недостаточно призывать рабочие массы к борьбе за улучшение их жизни: политической и социалистической агитацией необходимо просвещать их сознание и тем сделать невозможным успех той вредной политической проповеди, которою развращают народную массу легальная и буржуазная печать. Если бы вздумали ограничиться одной только пропагандой экономической борьбы за ближайшие требования, мы рисковали бы тем, что наряду с ростом возмущения против капитала в пролетариате укоренились бы те вековые политические предрассудки, которые вечно питаются влиянием высших классов, воздействующих на народное сознание с высоты престола, с церковного амвона, со школьной кафедры, военной дрессировкой и могучим орудием печатного слова.

[Л. Мартов]

САМОДЕРЖАВИЕ И ЗЕМСТВО[1].

Русская история последних двадцати лет представляет непрерывную летопись реакции. Когда был убит Александр II, Александр III, по совету Победоносцева и Каткова, решил противопоставить геройскому революционному движению народовольцев неуклонную защиту самодержавия всеми, даже самыми зверскими и глупыми средствами. Он преуспел в своей борьбе с русской революцией: его тактика встретила поддержку в имущих классах общества, в дворянстве и крупной буржуазии, а силы революционной организации, не опиравшейся на рабочий класс и расстроенной целым рядом неудач, иссякли в самый решительный момент. Счастливо разделавшись с террористическим движением, Александр III стал давить все то, что хотя бы только в будущем могло быть опасно самодержавию. Всего опаснее, рядом с печатью и университетом, в этом отношении должны были показаться органы местного всесословного самоуправления — земства. Земства, учрежденные в 1864 г. и урезанные в 1890 г., не получили никаких политических полномочий и задач. Но, как органы местного хозяйственного самоуправления, они всегда были заинтересованы в том, чтобы отстаивать независимость свою от чиновничества, которое всячески стремилось связать их по рукам и ногам. Крупное политическое значение земства заключалось и заключается в его сравнительной независимости от власти чиновников. Земству в круге его ведомства нельзя приказать делать то-то и то-то, поступать так, а не этак. Правительство, напр., желает, чтобы школы содержало только духовное ведомство, между тем как земство по закону имеет право учреждать школы, и запретить ему этого прямо нельзя до тех пор, пока не будет отнято у него право ассигновать деньги на народное образование и вообще заботиться о нем. Но правительство всячески постаралось затруднить земству всякое дело, доступное ему по закону. По последнему земскому положению 1890 г. губернатор имеет право приостановить исполнение всякого постановления земских собраний, если он сочтет его незаконным или несоответствующим общим государственным пользам и нуждам или явно нарушающим местные интересы. Окончательное решение о том, законно ли приостановленное губернатором постановление земства, принадлежит сенату (когда губернатор или министр признает постановление незаконным) или комитету министров (когда постановление признается несоответствующим общим

страха толпы звенит в его ушах всего явственнее какой-то рыдающий детский голосок...

— О, черти! Нет на вас управы. У вас и власть и законы! Вы на нас и лестью и плетью!..

Степан подался вперед и глухо застонал. Застонал и оглянулся. Но кругом в вагоне все было тихо; почти все спали, никто не слыхал его. И опять крепко сжав руки на груди, уставился он в окно.

Там все было уныло и мрачно; бесконечно раскинулась перед ним необ'ятная пустынная равнина, и тяжело нависло над ней беспросветное хмурое небо; там и сям печально бежали назад одинокие, темные деревца... Степан глядел, и тоска охватывала все сильнее и сильнее его сердце...

А ведь ничего не было бы, не пришлось бы ему и другим мчаться теперь в разные далекие углы Руси-матушки, и добились бы своего, кабы держались дружно, кабы стали все на том, что порешили. А то, как стали по одному вызывать:

— Ты на работу пойдешь?

— Я по старому расценку... как все...

— Выдать ему расчет. А ты пойдешь?

— Я... как все.

— Выдать расчет.

Так и стоять бы всем на одном. Всех бы не разочли. Работа, небось, спешная. А то:

— Я... что же... Я, коли начальство велит...

— Я... как начальство...

И пошли, и пошли все,—бараны. Сами опять в петлю полезли. А кто стоял твердо, тех забрали и разослали. Со всеми ничего бы не поделали,—и расценок оставили бы. «Бараны, одно слово, бараны», — пробормотал сквозь стиснутые зубы Степан и еще ближе придвинулся к окну.

Ночь, казалось, сгустилась еще темнее, и места кругом пошли еще безлюдней и глуше. Точно по пустыне какой едет Степан... А столбы все мелькают и мелькают, а поезд все бежит и мчит Степана все дальше и дальше.

— Даль-то какая, господи! И не знает он там никого. Еще голодом насидишься. Скоро разве работу найдешь? Замерло сердце у Степана, и с тоской опустил он руки.

Вдруг слабый, быстрый свет мелькнул перед окном. Это искорка вылетела из паровоза, потом опустилась на снег и потухла. Мала была искорка и слаб был ее свет, а все же еще темнее стало вокруг, когда она потухла. Да как же и не потухнуть-то, господи? Ведь все снег и снег кругом, а она слабенькая такая.

Вот вторая летит, тоже сейчас же тухнет, еще одна, другая... Покружившись немного, они падали и тухли,— и тьма после них становилась еще чернее. И сердце Степана сжималось тоскливо, когда он видел, как тухнет огонек за огоньком, и жадно следил он глазами за долее других носившейся в воздухе искоркой и точно

государственным пользам и нуждам или явно нарушающим местные интересы). Таким образом, судьба всех постановлений местных людей зависит от одобрения царских чиновников. Это выдумали министры Александра III. Прежде, при Александре II, самостоятельность земства была несколько больше: тогда, по крайней мере, за министрами и губернаторами не признавалось права решать, вопреки мнению земских людей, в чем состоят местные интересы Миргородского или Коломенского уезда. Николаю II и его министрам, которые в самых робких пожеланиях и верноподданнических просьбах земств в 1895 г. усмотрели чуть-что не открытый бунт против самодержавной власти, показалось мало и тех стеснений, которые наложил на земство Александр III. Они выдумали и выдумывают еще новые. В прошлом году у земства отнято и всецело передано чиновникам заведывание продовольственным делом, т. е. все заботы о снабжении населения хлебом в неурожайные и голодные годы. Земское заведывание этим делом показалось неудобным чиновникам и главным из них — министрам, потому что земства не желали молчать о народной нужде в голодное время, а правительство, у которого всегда есть деньги на пушки, ружья и полицию, вовсе не желает широко отпускать денег на то, чтобы народ не пух от голода. В прошлом же году особенно блюдущие полновластие чиновничества министры: внутренних дел—Сипягин и финансов—Витте (самый умный и самый бесстыжий из всех министров), вопреки мнению большинства Госуд. Совета, которое еще не окончательно потеряло стыд, — подбили царя бросить русскому земству новое бревно под его колеса. Отныне земство не будет иметь права увеличивать свои сметы и налоги больше, как на 3% в год. Сделано это для того, чтобы помешать земству спокойно устраивать школы, библиотеки, больницы, заводить врачей и т. д.: на 3% не разгуляешься. Правительство, которое боится земства, потому что оно—как-никак — состоит из более или менее независимых и полезных людей, не желает, чтобы земство своей полезной деятельностью укреплялось, становилось необходимо и любо населению. Кроме того, есть такие дворянчики, которым смерть не хочется платить на школы и больницы, полезные исключительно крестьянам. Эти дворянчики, пользующиеся от правительства разными подачками и готовые всегда кричать царю «ура» и подлизываться к губернатору, очень много шумели о том, что земство разоряет их в пользу крестьян, и приставали к правительству с тем, чтобы оно избавило их от якобы обременительных земских платежей. Этим верным слугам царя нужно было бросить новую подачку: ради них, между прочим, урезали и без того постылое земство.

А главное: правительство, т. е. чиновники с царем во главе, боится земства! Неровен час, придет время, и земские люди наговорят снова, как они говорили уже и прежде, о том, что России раньше всего и главнее всего нужна с в о б о д а. Ведь, думают себе министры и царь, если в государстве будет не все обстоять благополучно, напр. рабочие начнут не на шутку волноваться, поляки и финляндцы перестанут все сносить, захотят вернуть свои прежние права, то от земств, пожалуй, не отделаешься грубым окриком, как в 1895 г., когда молодой царь обругал приехавших его поздравлять старых земцев за то, что они почти униженно просили его о законности и внимании к земству. В неспокойные минуты—а их не могут не ждать царь и его министры—невесело иметь у себя на шее 34 земских собрания. Такой шум может пойти по земле русской, что царю и министрам станет жарко в Петербурге. Правительство желает все держать в руке, чтобы не только теперь, но и никогда, даже через сто лет ни одна душа не смела

светлее было у него на душе, пока крошечный огонек этот кружился у него перед глазами.

«Вишь, крошечные какие, а светят тоже, — думал он, все следя за ними.— Слабенькие они только, редкие... и мало их, так мало! Как людей настоящих мало на свете», — подумал он, и еще больнее защемило сердце. Вот тьма и охватила и надвинулась со всех сторон так беспросветно и ужасно. И глотает и тушит она всякую искорку, которая смело летит в пространство, — такая маленькая и бессильная, и несет свой слабенький, свой недолгий свет. Тьма душит ее и царит опять надо всем безраздельно. Много, много свету надо, чтобы всю эту тьму покорить, чтобы жилось светлее и лучше людям на свете: что могут сделать тут маленькие искорки? Только разнесутся ветром в разные стороны и потухнут, погибнут... А вокруг все так же серо и беспросветно, как было, останется.

И что-то подступило точно к горлу Степана, и на душе стало еще тоскливее.

«Вишь, сыпятся на снег-то как! Девять, десять,— считал он машинально искры.—Потухнет, и будто ее и не было. Так же и мы все!»

И он думал о старом Матвеиче, который еще смолоду разные такие виды видывал, и о больном Петрухе с его впалой грудью, у которого семья мал-мала меньше, и о Николае, над которым причитала так горько его старая мать... Эти-то свой народ, эти не выдадут, грудью станут, да разнесло народ кого куда, и остался все народ серый да робкий... А эти, настоящие-то, за то, что стояли за товарищей, должны теперь собачью жизнь вести.

«Двадцать, двадцать одна... Ух, сразу кучкой вылетели». Степан сбился и потерял счет, засмотревшись на красивую полоску, которая пронеслась игриво и быстро мимо окна. А вот еще и еще!

Искорки полетели теперь веселее. Они появлялись уже не по одной, а по несколько за-раз, и не робко, как прежде, скользили они в воздухе, а летели довольно долго прямо и смело и тухли уже не так скоро. Но теперь Степан и не замечал, как они тухли. Потому что, когда относилась ветром далеко в сторону и опускалась на снег одна, то перед глазами его мелькали уже еще две, три, пять, еще красивее и больше, и не успевал он заметить, когда потухнут эти, как летят опять новые и новые.

И точно не темна стала ночь, не так скучна и пустынна снежная равнина при быстрых и веселых огоньках; теперь полных потемок уже не оставалось; все сколько-нибудь кружатся бойко и весело искорки, и Степан, следя за ними, забывает окружающий мрак. Развлекают они его точно, и на душе его точно не так уже тоскливо, и мысли в голове кружатся тоже побойчее.

«Ну, что-же! не в лес, чай, едет. Везде нужны руки, бог даст, не пропадет. Работник он хороший,

пикнуть, чтобы на все решительно бралось одобрение царя, т. е. в сущности его чиновников. А если русские люди (хотя бы только одни состоятельные землевладельцы, из которых почти исключительно, к сожалению, до сих пор состоит русское земство) научатся думать и действовать немножко по-своему, начнут местные дела, действительно, сами устраивать, то они постепенно совершенно отобьются от рук. Заведя школы и библиотеки, они научат кое-чему народ, научат хотя бы читать, а человек, который умеет читать, может быть научен всему, может даже сделаться... социалистом и революционером.

Вот почему на борьбу правительства против земства русскому рабочему и русской социал-демократии нельзя смотреть равнодушно. Мы должны быть за все, что хоть сколько-нибудь идет против самовластия чиновников, т. е. против самодержавия царя.

Правительство скрутило теперь земство по рукам и ногам. Но в своем торжестве оно обнаглело и стало беситься с реакциннного жира. Ему мало того, что сделано: оно теперь думает крепкую думу, как бы либо совсем упразднить, либо до тла выхолостить земства, чтобы не только теперешние земцы, но и их сыновья и внуки и правнуки вечно помнили, что Николай II раз навсегда запретил русским людям мечтать о конституции и верноподданнически намекать, что законность и свобода лучше произвола и рабства. О подкопах под русское земство, главную роль в которых играет министр финансов Витте, мы поговорим в другой раз.

[П. Струве]

ИЗ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Новая драма в Якутске. О калашниковской истории еще мало кто знает в России. И немудрено: она разыгралась на далеком сибирском севере, в той проклятой якутской глуши, куда заносит людей не их собственная добрая воля, а неистовство и самодурство царского произвола. Вести оттуда идут целыми длинными и долгими месяцами, — и человек успеет истлеть в могиле, прежде чем мы узнаем о его смерти.

И над Иваном Калашниковым уже давно сибирские метели нанесли курган снега, а мы только теперь, только через полгода, получили сообщение об его ужасной кончине...

Иван Калашников — бывший матрос Добровольного флота. Не с самого рождения он стал дышать морозным воздухом Якутки. Раньше, до 1894 г., он живал в одесском тепле. Это был человек, по отзыву его товарищей, в высшей степени даровитый; с природным умом в нем соединялось широкое развитие; мало того: это был человек, всей душой чувствовавший горечь существования русского рабочего люда, тяготу жизни в горячо любимой им России. Это был природный боец за благо и счастье трудящихся классов. Капиталисты гнетут работников, цари всеми силами поддерживают капиталистов, — значит с теми и с другими трудящиеся классы должны вести непрестанную борьбу. А для этого они, эти классы, должны быть сознательны и организованы. Это ясно понимал Иван Калашников и отдал всю свою твердую волю, кипучую энергию, все свои знания и всю свою жизнь на дело развития самосознания рабочих и на организацию их. Работал он, главным образом, среди своих товарищей-матросов. Развивая самосознание рабочих — книжкой и словом, организуя их — кружками и стачками, он совершал преступление против российских царских законов. Наши законодатели с короной на голове и образками короны на пуговицах и эполетах отлично знают, что нужно всеми силами мешать распространению самосозна-

---

непьющий. Небось, и тут, хоть давно на него косились и мастер-подлец доносил, что он-де „народ мутит", а все же сквозь пальцы глядели, жалели отослать. А потом — он один, а одна голова, известно, „хоть бедна, да одна". Как это не прокормиться? Вот у Семена и ребята на шее, а держался молодцом. Насупился только темнее ночи, а жаловаться не стал. „Чорт, мол, с вами! Хоть подохну, не покорюсь". Вон он какой, Семенушка-то! А ведь когда пришел Семен на фабрику, совсем он непонимающий и смирный был, да и в толк взять не мог, как это не покоряться, когда начальство велит. Тогда почитай что с одним Матвеем Степан и душу отводил. А потом и стал народ подбираться. Как расскажешь все, что к чему и какая причина, так и твердят: правда твоя, мол, правда! Потому у всех наболело, и глаза только надо на их жизнь открыть. Как послушают, идут опять: расскажи, мол, про вчерашнее; дай книжечку, чтобы про это, про самое. И как это ему давеча почудилось, что всех разогнали!? Нет, и Тимофей свой человек, как на гору положиться можно, и Василий парень настоящий; да и еще кой-кто найдется. Всех не вышлешь, все крупинки самым чистым решетом не выловишь! Небось, остались на развод!»

Усмешка мелькнула на губах Степана и распрямился он. А искры за окном все мелькают и мелькают, и все больше и больше становится их. Теперь Степан не только не успевает следить, как они падают и тухнут, но и забыл как-то, что они должны и упасть и потухнуть. Они носятся теперь перед его глазами, вечно светлые, вечно живые и такие смелые, что смотреть становится весело и светлеет на душе. Вот и еще и еще целая пляшущая кучка рассыпалась в разные стороны; вот еще целый ряд пролетает светлой полоской и, кажется, оставляет еще за собой некоторый свет на небе. А на далеком снежном пространстве, почти что куда хватает глаз, разносятся яркие огоньки и садятся направо, налево, целые стаи их кружатся и подпрыгивают прежде, чем сесть на снег, а на них налетают, сталкиваясь и спеша, другие и другие. Они оживили собой всю эту мрачную картину; и такое неустанное и бодрое идет у них движение, что смотреть любо, и глаз не отведешь.

«Вот так же и на земле будет, когда людей настоящих станет больше», — думает Степан, следя с восхищением за догоняющими, за обгоняющими один другой огоньками. Когда вот эдак же пойдут вперед за лучшей долею, за счастьем, да вот эдак же дружно двинутся, не поодиночке, а кучками, толпами, — и смело, смело!.. Когда скажут себе, что тьма лишь потоле страшна, пока сидят в ней, присмирев и уныло, что под сильным движением, под смелым натиском она разлетится и исчезнет, что она может бесследно потушить только слабые, одинокие искорки, и не устоять ей перед общим и дружным светом, — тогда... Уф, как хорошо! — даже громко промолвил Степан, когда широкая блестящая полоса из

ния рабочих. Тюрьмой, Сибирью, каторгой, если надо и смертью, — нечего церемониться!

Калашников именно принадлежал к таким «лиходеям», которым ненавистно порабощение рабочего люда. А поэтому он и был сослан на 10 лет в самые отдаленные места Восточной Сибири (Нижне-Колымск) вместе с другими (Нахамкисом, Цыперовичем и проч.) за то, что они создали в Одессе первую серьезную социал-демократическую организацию рабочих.

Вы представьте себе только, что значит ссылка в Якутскую область. Это все равно, что закопать живого в могилу. Оторвать умного, сознательного человека от людей, тех самых людей, благу и счастью которых он намерен отдать всю свою жизнь, — и бросить его на безлюдье... Отрезать от жизни того, кто полон жажды этой самой жизни, и швырнуть в снежную пустыню... Человека, с глубоким интересом наблюдающего за нарастанием в жизни правды и справедливости, заслать в тридесятое царство наблюдать, как хлопья снега образуют одна за другою громадные снежные горы... Человека, который весь горит желанием протаптывать новые дороги в жизни, закинуть в непроходимую тайгу, закопать в лед и снег. Так закопать, чтобы он жил, не живя и не умирая, стонал без всякой надежды, чтобы стон его донесся до России, проклинал царский произвол, зная, что проклятье так же замерзнет на морозном воздухе Якутки, как замерзают в нем птицы.

Ужасная жизнь! Как должен истерзаться, измучиться человек, обреченный на такое существование! Есть ли в этом человеке, заброшенном в снежную пустыню, хоть одно неизболевшееся место? Он весь — муки и страдания, он весь — боль и раны, напряженные и ноющие нервы. Человек все время находится в таком возбужденном состоянии, что на оскорбление, от какой бы мрази и пакости оно ни шло, он должен ответить гораздо резче, чем человек с неистрепанными нервами.

Некая мразь и пакость нанесла Калашникову оскорбление, и он заплатил за нее своею жизнью.

28 июня 1900 г. через Нижне-Колымск шел паузок с почтой. Калашников под'ехал к нему на лодке и спросил казаков, нет ли ему письма. В ответ на это земский заседатель Иванов, бывший на паузке, сказал какую-то грубость: царский слуга, надо полагать, был в плохом настроении духа и счел для себя возможным сорвать свое неудовольствие на ссыльном. Иванов — человек, у которого никогда не было за душой ничего, кроме мерзости и пошлости, никогда не молившийся иному богу, кроме бога наживы, вдруг ни с того, ни с сего оскорбляет человека, свою жизнь положившего за други своя! Калашников не стерпел и, не обращая внимания на то, что кругом Иванова были казаки, бросился с лодки на паузок; зачем он бросился, он, вероятно, и сам бы не мог сказать себе: может быть, плюнуть в лицо царскому лакею, может быть, и убить его даже — можно ли рассуждать в такую минуту! По распоряжению Иванова, Калашников был связан, и на него со всех сторон посыпались удары чем попало и куда попало, а сам Иванов принялся топтать ногами связанного «врага». Когда «враг» был доведен до полного бесчувствия и избит до полусмерти, его сбросили назад в лодку, и течение реки каким-то чудом доставило его на берег. Через два дня Калашников застрелился. Все это время он ходил сумрачный, ничего не ел и не пил, — что было доказано судебным вскрытием трупа, — и, наконец, не выдержал, не снес побоев какого-то Иванова, который и на человека похож только потому, что у него есть руки, чтобы хапать и драть, и рот, чтобы жевать нахапанное...

Ссыльные товарищи потребовали следствия. Иванов был вытребован исправником и явился в Нижне-Колымск 20 августа. 14 сентября его встретил на улице товарищ Калашникова Ергин, окончивший петербургский университет. Он шел на охоту * и нес ружье, заряженное картечью. Увидев Иванова, он спросил его, что у него произошло с Калашниковым; земский заседатель и на этот раз отвечал дерзостью, и Ергин, всей душой изболевшийся за участь товарища, весь проникнутый чувством мести, сознательно или бессознательно — где уж тут выяснить — щелкнул курком и убил Иванова. Дело происходило в городе около полиции; на выстрел сбежались царские наемники, и, отдавая им себя под арест, Ергин сказал: «Я убил заседателя».

* В это время был лет гусей.

миллиона искорок пронеслась вдруг стремительно и победоносно, осветив, как заревом, небосклон. Тогда добьются, тогда всего добьются, и будет тогда на земле и свет, и правда, и счастье, — да, и счастье!»

А народу настоящего все больше и больше нарождается, даже и на его глазах. За одним идут жадно слушать другие, за теми еще и еще. И кто понял, тот, может, раз-другой оробеет, раз-другой промолчит, но назад уж не пойдет,—нет! И мысль та, раз засевши, все глубже и глубже забираться станет, пока он не сделается совсем своим человеком. Главное — унывать не надо, останавливаться не надо. Везде, где люди, там теперь и гнет, и зло, и неправда, везде надо глаза открывать на это, везде дело есть!

И бодрая улыбка играла уже на губах Степана, когда он все с тою же жадностью следил за искрами. Он видел себя на новом месте, он заводил там новых друзей, он поднимал их на новую борьбу за лучшую долю рабочего люда. И заводил он уже все не попрежнему, а лучше, незаметнее, прочнее. И дело все шло уже не зря, а дружно, толково, смело...

А искры вылетали уже целыми снопами, и нельзя было порой рассмотреть в них отдельных искорок, так тесно, так плотно, целыми полосами неслись они; и полосы эти становились все шире и ярче, все ослепительнее.

— Вот так,—шептал в восторге Степан.—Главное, чтобы так тесно, грудь с грудью, плечо с плечом; целыми ратями, одна за другой, без конца!.. Тогда не потушат, тогда не задавят. Тогда уже вся сила будет у нас, у нас — рабочего люда! И сами добьемся мы для себя светлой зари новой жизни и нового счастья!..

Теперь счастливая улыбка не сходила уже с лица Степана; слабая краска выступила на его щеках, и восторженно глядели его большие глаза на расстилавшуюся за окном картину...

А она была действительно дивно хороша. Громадные снопы света неслись в разные стороны, то рассыпаясь целым каскадом искорок, то заливая чуть не полнеба целыми потоками света. Куда девалась вся мрачность, все безлюдье окружающей картины? Она вся наполнилась жизнью, и движением, и светом. И свет этот все рос, все распространялся, все проникал во все глухие, во все темные уголки и все победоносно заливал собою... И смело и непрестанно мелькали в глазах яркие, бойкие искорки.

— Хорошо, хорошо,—шептал беззвучно, со счастливой улыбкой Степан.

Он очнулся лишь от какого-то толчка. Поезд остановился у большой станции. Это и был тот губернский город, где надо было выходить Степану. Он взял свой узелок и ведро, энергичными шагами пошел, при чуть брезжившем рассвете зимнего утра, по улицам незнакомого, далекого города.

Ергин, по словам знавших его в Петербурге, — человек очень добродушный; трудно бы и предположить даже, что он может кого-либо убить.

Самая жизнь, якутская, проклятая жизнь, заставляет людей прибегать к кровавой расправе, не позволяя им раздумывать, выгодна ли мена недолюдка Иванова на подлинных людей, людей в лучшем смысле этого слова.

Это уже не первая история в Якутске. Их было уже несколько, если не в таком роде, то очень схожих. Да и вообще в России... Чего-чего только не было на нашей несчастной родине. Чего только не приходилось переживать таким, как Калашников, за то, что душу свою, все силы свои, разум, чувство и волю они несут на служение рабочему делу. За это их постигает царская расправа! И после этого находятся еще такие доброжелатели рабочих, которые говорят, что не надо бороться с царским произволом!

Кровь убитых и замученных товарищей призывает к борьбе с царским насильем, без слов говорит, что без этой борьбы вся Россия превратится в кладбище, что лучшие наши силы, наши Калашниковы, изгибнут в далеких снегах в то самое время, когда они так нужны рабочему делу...

Организуйтесь, товарищи, проникайтесь сознанием и всеми силами, всеми средствами боритесь против царя! С вами не только все живые борцы за свободу и счастье трудящихся классов, но и тени борцов, замученных царским произволом.

* * *

Вышеприведенное сообщение о потрясающей драме в Якутске дополняем еще следующими данными:

Несколько дней спустя после избиения Калашникова с ним встретились Ергин и Янович, отправлявшиеся на охоту. Калашников был страшно расстроен и о происшедшем не упомянул ни слова. При нем была берданка; он говорил, что идет на охоту. Немного погодя невдалеке раздался выстрел. Янович бросился по направлению к выстрелу и нашел Калашникова уже умирающим и при нем записку, в которой он обвиняет Иванова в своей смерти...

Негодяй Иванов, этот «цивилизованный» якут, говорят, был раньше секретарем полиции в Верхоянске.

Вот краткие биографические сведения об этих новых жертвах русского правительства.

Александр Александрович Ергин — арестован в СПБ. летом 1896 г. по делу «Лахтинской» типографии и «Группы Народовольцев». Приговорен к двум годам «Крестов» (с зачетом предварительного заключения) и 8 годам ссылки в Восточную Сибирь. Сослан в Колымск, худшее место на земном шаре.

Любовь Владимировна Ергина (урожденная Лазарева), жена его, по тому же делу сослана была в Колымск на 6 лет.

Иван Михайлович Калашников — вольный штурман. Арестован в Одессе в январе 1894 г. (по делу Нахамкиса, Цыперовича и др.). Поступивши матросом на пароход, вел живую пропаганду среди матросов и кочегаров. Арест и ссылка прервали его горячую революционную деятельность. До привлечения своего к одесской рабочей организации склонявшийся к анархическим взглядам, он сделался к 1893 г. убежденным социал-демократом и много поработал в матросском мире, где пользовался большой популярностью. Сослан (после полуторагодичного одиночного заключения) в июле 1895 г. в Колымск, где и погиб так неожиданно.

Мир праху твоему, товарищ! Одесские матросы, помните ли вы вашего пылкого Ваню?

Из Сибири пишут: «Вновь арестован Бычков, говорят, по распоряжению деп. полиции, который давно разыскивал „политического“ Бычкова. В последнее время он проживал и сидел (по делу Махайского) в тюрьме, как мещанин Бычков, имеющий вид на жительство по всей матушке Руси...

«В Вилюйске, в конце сентября или в октябре, был сделан обыск у Розенблюма, по распоряжению из Иркутска; так как у него ничего не оказалось, а найти что-нибудь надо было, — ибо тщательно искали, — то взяли какую-то тетрадку и послали в Иркутск (вероятно, подыскивать хвостик к делу Махайского)

«В августе на паузках прибыло сюда три человека: Гольдман, наборщик типографии „Рабочее Знамя“, взятый в типографии в Белостоке, послан в Намский улус, на 5 лет; Поляк, наборщик, взят в типографии „Рабочей Газеты“ в Екатеринославе, едет в Верхоянск, на 6 лет; туда же едет и Лузин на 5 лет, за анархические, якобы, взгляды. Зимой должны быть товарищи Поляка, назначенные в Колымск и Верхоянск. С делом Поляка связаны и одесские аресты, во всем этом винят одессита Гандера, которого называют провокатором».

Праздник мракобесия. 1 декабря местная газета «Южный Край» с большим торжеством отпраздновала 20-летие своего существования. В течение 20 лет эта газета стояла в первом ряду ревнителей самодержавия, православия и порабощения народа. Издатель ее — Юзефович, еврей, принявший православие и сделавший своей специальностью травлю поляков, евреев, малороссов и всяких других инородцев. Личность достаточно грязная, чтобы считаться «уважаемым деятелем» в той части русской печати, представителями которой являются Грингмут («Моск. Вед.»), Суворин, Пятковский («Наблюдатель»), Комаров, кн. Мещерский и т. п. рыцари «истинно-русского направления». Личность довольно грязная, чтобы пользоваться заслуженным доверием властей, которые, ненавидя мало-мальски честное печатное слово, умеют ценить газету как орудие развращения публики. Свое благоволение к «Южн. Краю» правительство проявило в прошлом году, даровав ему освобождение от предварительной цензуры, которой подчинены все провинциальные газеты. Еще более важную услугу оказывает правительство «Южн. Краю», систематически отказывая в разрешении кому бы то ни было издавать в Харькове другую газету. Харькову, одному из крупнейших провинциальных городов, правительство велит довольствоваться одной, с позволения сказать, газетой. «Вы — нам, а мы — вам», — вот боевой лозунг шайки, владеющей Россией.

При таких обстоятельствах понятно, что юбилей «Южн. Края» превратился в праздник всех ревнителей мракобесия. Отец Иоганн Кронштадтский и харьковский архиерей послали свои приветствия, как представители церкви, исполняющей в деле развращения народного сознания ту же роль, какую выполняет печать гг. Юзефовичей*. «Моск. Вед.» и им подобные издания приветствовали своего достойного собрата. Губернатор и прочие губернские власти поздравляли юбиляра, так холопски служащего делу самодержавия вот уже 20 лет. Несколько профессоров выразили свое уважение Юзефовичу от имени той «науки», которая продает себя тем, у кого в руках ордена, чины, жирные оклады и пенсии. Харьковское купечество послало приветственный адрес верному защитнику капиталистической эксплоатации.

Но в наши дни общественное чествование считается даже у реакционеров неполным, если в нем не принимает участия «простой народ». И чествование Юзефовича также не обошлось без умилительной картины поднесения адресов и подарков от рабочих гнуснейшему врагу рабочего класса. Наборщики «Южн. Края» поднесли Юзефовичу икону и адрес, в котором говорилось, что он для своих рабочих не хозяин, а отец родной. Другой адрес поднесли рассыльные, третий — общество тружеников печатного дела в Харькове, устроившее специальное собрание для чествования Юзефовича и поднесения ему иконы же. Очевидно, жалкие филантропические подачки богатого издателя «Южн. Края» стяжали ему у некоторых ти-

* Перед самым юбилеем «Южн. Край» поместил проповедь преосвященного Амвросия, в которой обличались дешевые народные чайные, устраиваемые обществами трезвости. «Не видим ли мы в них тлетворный дух социализма?» — вопрошал архиерей, сокрушенно прибавляя: — «Дай бог, чтобы мы ошиблись».

пографщиков в Харькове славу «друга рабочих». К несчастью, некоторое расстройство в ходе социал-демократической агитации в Харькове, вызванное непрекращающимися арестами, не дало возможности местным товарищам открыть глаза типографщикам на значение того чествования, в котором они приняли участие по своей бессознательности.

Вечером 1 декабря в помещении редакции «Южн. Края» был назначен парадный обед с участием губернатора и иных светских и духовных властей. К назначенному времени около помещения редакции собралась толпа преимущественно студенческой публики. Множество экземпляров «Южного Края» подверглось торжественному разодранию перед редакцией; студенты подряжали извозчиков, привязывали экземпляр гнусной газеты к хвосту лошади и пускали ее вскачь «чествовать» доблестный орган печати. Появились не менее почтенные чествователи юбиляра — собаки, обернутые в номера «Южн. Края». Толпа перед редакцией все росла. Стали раздаваться крики: «Долой Юзефовича, долой продажную прессу». В окна редакции полетели камни, а затем через образовавшиеся бреши стали залетать в столовую, где обедали важные господа, пузырьки с сернистым водородом и иными пахучими веществами. Обед был испорчен, и знатные гости стали потихоньку улепетывать из неблаговонной редакции. Достойный юбиляр трижды просил губернатора вызвать казаков, которые под конец и явились, но толпа уже расходилась. Говорят, Юзефович подал донос на губернатора, обвиняя его в преступном невмешательстве в демонстрацию.

На другой день на Сумской улице (перед редакцией) громадная толпа смотрела, как стекольщики и маляры уничтожали следы вчерашнего блестящего чествования юбилея ревнителя «самодержавия, православия и народности».

Юбилей Н. К. Михайловского[2]. 14 ноября только что истекшего года литературный Петербург отпраздновал сорокалетие писательской деятельности Николая Константиновича Михайловского. Отпраздновал, можно сказать, при закрытых дверях, потому что злополучной нашей печати циркулярно было предписано не заикаться об этом событии. Молчать по приказанию начальства — привычное дело для русского писателя. Стерпится — слюбится, — говорит пословица. Русский писатель притерпелся до такой степени, что готов слюбиться даже с русской цензурой и покорно нести ее гнетущее ярмо!

Как бы то ни было, однако, чествование состоялось — со множеством застольных речей и тьмою прочитанных адресов. В числе поздравлявших были и марксисты, и наличность марксистских приветствий обратила на себя внимание: сам «виновник торжества» поспешил упомянуть, в одной из ближайших книжек своего журнала, о лестном титуле «честного противника», поднесенном ему некоторыми из этих поздравителей.

Пользуясь случаем, попытаемся и мы охарактеризовать наше отношение к юбиляру-писателю. Г-н Михайловский родился под счастливой звездой: первые литературные шаги его были обвеяны бодрящим воздухом нашего ренессанса, а расцвет этой деятельности пришелся на революционнейшую из эпох в жизни русской интеллигенции. Он дал этой эпохе свою личность, и не однажды на страницах «Отеч. Записок» возвышался голос «профана», как выражение чувств и дум интеллигента-разночинца, интеллигента-социалиста... И с этой самой поры литературное имя его сияет отраженным светом героического времени: семидесятые годы воздали сторицей тому, кто когда-то принес им лучшую часть своего яркого дарования; они сплели его имя со своим и прикрыли присущим им обаянием, прикрыли до такой степени, что долго читатель-друг не замечал и не мог заметить, что он потерял своего писателя. Между «крайней левой» и старым любимцем ее постепенно назревал разрыв: молодое поколение 90-х годов, истомившись в годину реакции, искало разрешающего слова, готовое отдаться тому, кто снимет с него бремя сомнений. А в ответ лишь звучали либерально-минорные речи, без веры, без силы, без страсти, — воистину медь звенящая и кимвал бряцающий. Когда же молодежь услыхала, наконец, будящий призыв и хлынула в рабочую массу, когда все живое потянулось к свету нового учения, у старого писателя не шевельнулось в груди ничего, кроме злобной насмешки, и ненавидящее перо его писало лишь приговоры...

Мы — русские социал-демократы — чтим заслуженного писателя, но в наше отношение к нему невольно примешивается горечь: до сих пор он был — ослепленный противник, наш строгий и несправедливый судья.

Из Саратова пишут, что полиция заарестовала там адрес Н. Михайловскому, подписанный пятью тысячами человек. Адрес был выставлен для подписывания в земском книжном складе; туда явился полицмейстер с целой оравой приставов и околоточных и спросил, где находится адрес. Заведующий складом спросил: «Вы желаете его подписать?» — «Нет, арестовать! — был ответ: — по приказанию губернатора».

Переговоры по телефону с губернатором не помогли, и адрес был увезен.

Саратовский делегат на банкете в честь Михайловского вышел на эстраду с пустым портфелем в руках и показал его публике. Раздались аплодисменты и смех.

— «Горьким смехом посмеюся».

Прекращение «Сев. Курьера». 22 декабря на совещании четырех министров постановлено «совершенно прекратить» издание газеты «Северный Курьер».

Правительственное сообщение обходит молчанием мотивы этого запрещения. Оно, как водится, лаконично, не тратит слов по-пустому; как всякий декрет, говорит: так решено, и баста! — и предлагает почтеннейшей публике молча проглотить преподносимую пилюлю! И публика... проглотит, конечно, эту пилюлю, как проглатывала она уже не раз и не такие пилюли! Проглотит тем легче, что у нее до сих пор не принято бережно обращаться с печатным словом и считать его своим кровным достоянием...

Вольную, действительно вольнолюбивую общественную мысль нельзя запретить, как птицу в клетке, нельзя задушить в об'ятиях цензуры: она найдет себе пути через все затворы и отомстит за поруганную честь...

Для нашего общества, для всей нашей демократии дело чести — найти выход из настоящего позорного положения: если такие безобидные органы, как «Северный Курьер», не терпятся более в среде нашей печати, значит — дело печати окончательно проиграно, в ней нет места живому общественному слову, значит мы пришли к дилемме: il faut se soumettre, ou se démettre — либо отдаться на волю врага («сила ломит и соломушку...»), либо уйти..., но уйти на широкое поле свободной, не знающей цензурной барщины печати и там поднять клич, призывая живых, будя уснувших. Господа, — выбирайте!

Одесса. Одесская либеральная и радикальная публика, подобно публике многих других городов, собралась чествовать юбилей Н. К. Михайловского. Был составлен довольно радикальный адрес, собрано около 1.500 подписей. Местный всемогущий паша, градоначальник Шувалов, распорядился арестовать этот адрес, что и было сделано. Во главе подписей под адресом красовались подписи городского головы Зеленого и начальника порта контр-адмирала Перелешина. По этим примерам можно видеть, в какой среде, между прочим, собирались подписи. Тем более ярко выступает тот факт, что нахальный, беззаконный поступок Шувалова не вызвал никакого протеста. Детушки скушали, ложки утерли, сказали спасибо. И эта дряхлая, трусливая, смиренно выносящая всякое оплевание буржуазная «интеллигенция» смеет высокомерно относиться к пробуждающемуся рабочему движению, смеет упрекать в «узости» социал-демократов, возлагающих свои революционные надежды на пролетариат, передовой слой которого уже теперь стоит бесконечно выше либеральной интеллигенции по степени гражданского муже-

ства и готовности дать отпор тем, кто попирает его права. Сознательные одесские рабочие глубоко возмущены трусливым поведением одесской «интеллигенции» в деле с Шуваловым. Вообще градоначальник старается превзойти своего дикого предшественника, адмирала Зеленого, в деле самодурства и беззакония.

Недавно произошла такая история. В редакцию «Одесского Листка» репортер доставил заметку о том, что один из одесских городовых оказался беглым каторжником.

В силу установившегося в Одессе (конечно, незаконного) порядка, это известие, как относящееся к внутренней жизни полицейской святыни, должно было, кроме общей цензуры, пойти на просмотр полицейского управления. В полицейском управлении его, конечно, сочли невозможным напечатать. Казалось бы, и делу конец. Но нет, это было только начало. Поздно вечером в редакцию является полицейский и требует заведующего отделом. Ему отвечают, что заведующий спит. Полицейский уходит и является через некоторое время с таким заявлением: «На основании положения об усиленной охране градоначальник приказывает разбудить такого-то» (буквально). Ну, раз на основании положения об усиленной охране, то, конечно, русский «интеллигентный» обыватель готов хоть сам себя разложить и высечь. Заведующий пробуждается на основании положения об усиленной охране и, подвергшись допросу полицейского, уже на основании своей собственной подлости и трусости (говорят, этот господин тоже когда-то что-то имел общего с «идеями»), называет полицейскому имя репортера, который доставил опасное для государственного порядка известие о том, что среди просто негодяев, в одесской полиции, служит один, уже побывавший на каторге. Немедленно является полиция на квартиру к репортеру, которого не застает дома. Среди суматохи, вызванной полицейским нашествием, плача жены и детей, пристав ложится на кровать репортера, чтобы подождать его возвращения. Когда репортер явился, ему сначала пришлось выдержать солдатскую ругань пристава, а затем, когда он отказался назвать имя полицейского, от которого узнал полицейский секрет, его посадили в отдельную комнату под присмотром нескольких городовых с угрозой, что, если не назовет до утра имени давшего сведение, то будет препровожден за решетку. Кончилось тем, что репортер назвал какого-то полицейского из охранного отделения.

Воинственный градоначальник не прочь от покровительства рабочему классу. Для тех рабочих, которые склонны сами себе помогать, Шувалов озабочивается приисканием казенной квартиры с решетчатым окном, на тех же, которые готовы доверчиво ждать помощи свыше, он не прочь простереть милостивую руку начальства. В этом году среди ремесленников и отчасти строительных рабочих возникло артельное движение. Был приглашен известный фигляр артельного дела г. Левитский, и дело, казалось, наладилось. Получены субсидии, добыто разрешение начальства, и несколько артелей торжественно открыли свои действия. На открытии присутствовали всевозможные власти с Шуваловым во главе. Шувалов провозгласил тост за всероссийского султана Николая, господа артельщики отвечали тостами за одесского султана Шувалова. Просвещенный султан выразил надежду, что путем организации артелей рабочие улучшат свое положение и освободятся от эксплоатации. Он не прибавил (так как это само собою подразумевалось), что те рабочие, у которых нет средств устроить артели, за всякую попытку иным путем улучшить свое положение и освободиться от эксплоатации, будут иметь удовольствие разговаривать с полицейскими властями не на торжественном обеде, а в тюремной камере. Одним словом, артели начали свое существование под благословением не только русских бернштейнианцев, но и законного начальства. Слава о них пошла далеко. Газета «Северный Курьер» отметила это светлое явление в особой корреспонденции, а г. Левитский высоко поднял свою голову и очень гордится тем, что не одни лишь крестьяне, но и городские рабочие прибегают к нему для организации артелей. Только одесские сознательные рабочие не разделяют общих ликований по поводу артелей. Им пришлось очень скоро увидеть, какое значение могут иметь артели для рабочего движения. Уверовав в устроение своего благополучия мирным путем взаимопомощи, артельщики сейчас же стали во враждебное отношение к рабочему движению. Одна артель поставила правилом, что ее члены не могут участвовать в нелегальном движении. Как же! Иначе подведут артель. Пропаганда улучшения положения рабочих путем артелей столкнулась с пропагандой улучшения положения рабочих путем классовой борьбы...

Невинные интеллигенты — устроители артелей — позаботились ввести в их устав воспрещение принимать наемных рабочих. Но, погони природу в дверь, она влетит в окно. А при капиталистическом производстве природа каждого хозяйственного предприятия, — будь оно артельное, все равно, и хоть бы его устраивали самые благочестивые святоши, — состоит в том, чтобы не упустить благоприятного момента, когда случится найти хороший сбыт своим продуктам; а для того, чтобы суметь справиться с большими заказами, надо иметь в своем распоряжении запас новой рабочей силы. Но как добыть эту новую рабочую силу? Принять в артель новых членов и делиться с ними барышами? Это не так-то приятно, да и накладно: когда экстренные заказы будут выполнены и наступит в делах затишье, каждый лишний пайщик будет означать уменьшение барышей старых членов. А чтобы этого избежать, самое простое средство искать свежую рабочую силу там, где ее всегда вдоволь — на рынке труда. Но ведь по уставу наемных рабочих в артели не полагается. Но если нельзя нанимать рабочих, то можно принимать учеников: и дешевле и спокойнее. И вот одесская артель портных уже пошла по этой торной дороге. Всякого ей успеха!

Но вот беда: едва только артели, затеянные в целях освободить рабочих от эксплоатации так, чтобы воды не замутить, стали освобождать своих собственных членов от работы путем эксплоатации учеников, как одесский градоначальник, насытившись деятельностью социального реформатора, вновь вспомнил о роли полицейского наблюдателя. Артели — оно, конечно, спокойно, а все-таки... как никак, а смахивает на вольные мысли. И вот, по слухам, державный одесский султан уже распорядился: чтобы «у него» новых артелей не возникало. Так вот какое положение: с одной стороны, лестно некоторым деятелям создать «рабочее движение», которое не пришло бы в столкновение с существующими порядками; а с другой— чем более скромное общественное дело затевается, тем проницательнее гг. Шуваловы откапывают в самом нереволюционном деле следы «вольного духа». Что тут поделаешь?

В октябре месяце Одесский Комитет Партии распространил на механическом заводе Литовского прокламацию с призывом к борьбе против предполагавшегося удлинения рабочего дня, за лучшее обращение и за удаление мастера. Прокламация вызвала прекращение работ, и в результате было немедленное удовлетворение требований, даже некоторое сокращение рабочего времени. Вскоре после того была распространена прокламация на кожевенном заводе; наехали жандармы, но ничего не узнали о «подстрекателях». В октябре же была одним лицом распространена собственная прокламация среди служащих конки. Распространитель был арестован и, просидев три недели, выдал того, кто ему помогал в изготовлении прокламации.

В октябре же была распространена в 3.000 экз. прокламация Комитета по поводу бывшего летом еврейского погрома, раз'ясняющая рабочим вред, приносимый национальной враждой интересам рабочего класса.

19 ноября в Кишиневе арестовано 6 рабочих, а 17 ноября там же в больнице умер от тифа возвратившийся недавно из Сибири Наум Лившиц. Покойному было около 25 лет, но он успел уже вынести много преследований за преданность социал-демократическому делу. По ремеслу слесарь он еще в ремесленном училище в Вильне занимался социалистической пропагандой и стоял во главе протестующих против безобразий, царящих в этом учебном заведении, устроенном еврейской буржуазией. За избиение училищного шпиона Лившиц был в 1895 г. исключен из училища. Он стал заниматься пропагандой в кружках саморазвития рабочих в Вильне, а затем переселился

в Белосток с целью содействовать возникшему там социал-демократическому движению. В Белостоке он продержался недолго. В феврале 1896 г. он был арестован по обвинению в держании конспиративной квартиры и гектографировании воззваний. После полутора лет тюремного заключения Лившиц был сослан на три года в Восточную Сибирь. При пересылке его и его товарищей (Гожанского, Любови Айзенштадт и столяра Сегаля) через Вильну, местные рабочие устроили демонстрацию.

Окончив срок ссылки, Лившиц возвращался с горячим желанием возобновить революционную деятельность. Его очень возмущала эволюция нашей легальной марксистской литературы. «Следует сорвать маску с гг. Струве и Туган»а, писал он с дороги из Сибири *. Ему недолго пришлось поработать. Из Вильны, куда он вернулся из ссылки, его выслали, а в Кишиневе, где он перебивался грошевым заработком, он схватил тиф, сведший его в могилу. В лице покойного рабочее движение теряет истинного революционера, пролетария с головы до ног.

На «великой Сибирской магистрали» (письмо из Сибири). Как присмотришься к здешней «обывательщине», так даже диву даешься, «чем тут люди живы?». Сверху до низу все охвачены серой лихорадочной сутолокой, все самым жестоким образом, так или иначе, расплачиваются за скромный кусок хлеба. Все железнодорожное общество резко распадается на два слоя—верх и низ, вся железнодорожная жизнь—на две эры: постройка и эксплоатация. «Постройка!» Вы, наверное, не можете себе представить, читатель, что означает это слово для чиновника железнодооржного ведомства! Некоторое таинственное движение высших «деловых» сфер, порой даже некоторое «мановение» свыше, — и в газетах появляется заметка о благодетельном значении той или другой линии, о будущем под'еме отечественной промышленности или усилении средств отечественного «кулака». Образуется комитет по постройке с высокими, но весьма невозвышенными персонами во главе, пускаются в ход старые знакомства, и вот на поле действия является испытанная свора старых жел.-дорожн. волков, всевозможных «закаленных» в боях хищников-путейцев, инженеров-подрядчиков, а кругом них ретиво и игриво несутся «молодые, да ранние» инженерики, приживальщики, техники, всяческие господа члены железнодорожной профессии «своих». Всех интересует вопрос, кто будет «сам», кто будет господином, начальником работ. Какое ликование, когда обнаруживается, что «сам» — обыкновенно это так и бывает — любит пожить, но не мешает жить и другим. В дикой местности разбиваются станы всей небольшой, но честной компании, действия открываются и... берегись народные миллионы! Да, но ведь везде могут найтись честные люди, везде могут произойти скандалезные обличения? Но, во-первых, г. начальник работ может собственной властью выслать такого обличителя из пределов «вверенного ему района» (дело инженера Юговича с инженером Линевичем), а, во-вторых, честных людей буржуазного мирка так легко обойти! Мало-мальски «приличный», «законный» оклад, а главное — побольше на него черновой технической работы, voilà tout. Везет тогда такая честная кляча, и уже по сторонам не оглядывается—прямо-таки физически не до того. А по сторонам дело кипит. На ровном месте воздвигаются насыпи, и, однако, действительная величина уклонов и под'емов весьма отличается от номинальной, красующейся на путевых табличках. Линия пути выписывает невероятные зигзаги, об'яснить которые можно исключительно желанием строителя пройти мимо данного твердого грунта через данное зыбкое болото. Целые города, вроде, например, Томска, неисповедимыми путями остаются в стороне от главной линии... Каковы доходы гг. построечных воротил, видно хотя бы из того факта, что такие мелкие сошки, как счетоводы, получающие менее ста рублей месячного жалованья, раз'езжают во время постройки на рысаках, проигрывают свыше нескольких тысяч в один вечер в карты. Официально, например, известно, что одна окраска моста в 200 саж. длиной обходилась около 10.000 рублей! В наиболее глухих местечках устраиваются прямо оргии: в Нижнеудинске, например, для одной дамы полусвета устроили (буквально) ванну из шампанского! Заведующий тамошним построечным участком некий инженер Бертанович за три года постройки нажил состояние и купил на берегу Черного моря имение в 140.000 р. стоимостью. В Томске старшины местного клуба должны были официально заявить гг. построечным инженерам, что вход «женам» их возбраняется, так как своим поведением они скандализируют местное общество... Ну, разве не справедливо город Томск обойден магистралью?

А вот еще поучительный факт: бывший построечный начальник движения на Средне-Сибирской жел. дор., некий г. Люде, вошел в стачку с богатым томским купцом Фуксманом, и в результате получился следующий странный ряд явлений: на дороге чрезвычайная нужда в товарных вагонах, следует целый ряд строжайших приказов касательно избежания «простоя» таких вагонов, а в Томске целая флотилия их терпеливо дожидается по целым месяцам распоряжения г. Фуксмана. Зато, когда г. Фуксман соизволит «погрузиться», то его вагоны почему-то идут в первую очередь, идут со всеми поездами, нарушая все правила движения... В конце концов г. Люде «неудобно» стало служить на Сибирской жел. дороге. Идет раз знакомый ему чиновник по улице г. Томска, а мимо него едет реченный г. Люде. Узнал, остановил и крикнул при «свете дня», в присутствии посторонней публики, такую знаменательную тираду: «Здравствуйте, г. Х. Поздравьте, назначен начальником движения на Манджурскую жел. дорогу, и знаете ли, там „контроля" нет!»

В результате всякая постройка оставляет целое море перерасходов, и по Сибирской дороге еще совсем недавно должна была прокатиться комиссия, с тайным советником Михайловым во главе, для исследования того, куда делись двадцать миллионов рублей свыше определенной нормы. Шикарная комиссия преблагополучно проследовала от Питера до Иркутска и обратно, и все обстоит попрежнему.

[Г. Кржижановский (?)]

Недавно в спб. лесном институте произошел следующий случай. Один из студентов долго искал работы и, не находя ничего подходящего, поместил в газете об'явление, где настоятельно просил какого-либо заработка. На другой день он получает письмо, где его приглашают в назначенный день в трактир Палкина. Он должен держать в руках книгу, суб'ект, желающий с ним переговорить, будет также с книгой в руке. Студент берет какой-то технический учебник и отправляется к Палкину. Там он видит в углу какого-то господина, который держит в руках брошюру о «Социализме в России». Они заговаривают, и незнакомец сразу переходит на вопрос о рабочем движении в России. Он вытаскивает из кармана целую кучу нелегальных брошюр, и между прочим, спрашивает студента, не может ли тот передать деньги в Красный Крест. Студент отвечает, что он стоит совершенно в стороне от последнего, но в институте у них ходит по аудитории всегда столько листков, что он сможет найти способ для передачи денег. «Хорошо,—отвечает незнакомец,—теперь я вам, конечно, не могу дать этих денег — я вас совсем не знаю, но впоследствии, когда мы с вами познакомимся, я буду вам передавать деньги как свои собственные, так и моих знакомых, жертвуемые для этой цели».

Они расстаются, сговорясь встретиться на завтра в том же месте, чтобы переговорить о работе, предлагаемой незнакомцем.

На завтра студента таинственно проводят в отдельный кабинет, где вчерашний незнакомец предстает перед ним... в форме жандармского офицера!! Тщательно заперев дверь на замок, он обращается к студенту с пред-

* Приводя это мнение покойного товарища, редакция считает необходимым заметить, что на жизненной сцене, в отличие от театральной, маску носят иногда вследствие искреннего заблуждения. Конечно, общественный вред заблуждения от этого нисколько не уменьшается.

ложением сделаться шпионом за вознаграждение в 50 руб. в месяц. «Но,—предупреждает он,—если вы откажетесь от моего предложения, знайте, что наш разговор должен остаться втайне! В противном случае вы тотчас же будете исключены из института, высланы из Питера, и мы всюду распространим, что вы — шпион. Нам поверят — будьте покойны!»

Игнорируя все угрозы, студент категорически отказывается и отправляется прямо в институт, где рассказывает студентам обо всем происшедшем. Ему вполне верят, и делегация тотчас же отправляется к директору. Директор обещает не только не позволить исключить студента, но и поехать к мин. вн. дел и переговорить с ним, чтобы к его студентам не смели обращаться с подобного рода предложениями... Студенты страшно возбуждены и едва ли позволят выполнить хоть одну из угроз жандарма над своим товарищем... А между тем не дремлют и жандармы. На-днях я встретил одну курсистку, которая заявила мне: «Что вы! все говорят, что этот ваш студент—шпион!»

Из Кишинева. «...В течение последней недели наши обыватели были сильно заинтересованы одним небывалым в летописях Кишинева событием, которое порядком взволновало здешнее сонное царство. Дело в том, что в ноябре 1900 г. среди бела дня были арестованы 8 рабочих, у которых найдено было много нелегальной литературы. Через неделю, к всеобщему удивлению, они были выпущены на свободу. Если тут нет какой-либо западни, то нужно признать поведение жандрамов очень тактичным. Было установлено, что арестованные рабочие не имели никакой связи с интеллигентами. Поэтому было вполне разумно не раздувать дела, чтобы не взбудоражить здешней молодежи, которая, пожалуй, при ином обороте дела могла бы легко притти к заключению, что не только в Одессе, Москве и Петербурге, да еще в нескольких городах, но и в самом Кишиневе существуют некие «элементы», способные к восприятию всякого рода идей Продержи жандармы этих рабочих несколько месяцев в тюрьме, и распространению этого вывода был бы дан сильный толчок. Впрочем, все это одни гипотезы. Тут есть много странного: так, например, эти обыски среди бела дня. Двинулись «синие мундиры» в поход, по словам обывателей, чуть ли не в 9 час. утра и вернулись, забрав 8 военнопленных и значительное количество революционного оружия, в 5 час. вечера».

ХРОНИКА РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ
и
ПИСЬМА С ФАБРИК И ЗАВОДОВ

Стачка на Прохоровских рудниках (на Донце, в нескольких верстах от Юзовки).

Стачка началась из-за понижения заработной платы. 15 сентября было заявлено, что через две недели плата будет понижена, и 3 октября на руднике № 10 вспыхнула стачка, которая затем распространилась и на другие рудники (всего забастовало до 800 человек). Одновременно с понижением заработной платы было об'явлено, что отменяются артельщики. Артельщики были посредниками между рабочими и конторой и иногда наживали с рабочих до 200 рублей в месяц. Эти артельщики (12 человек) принимали также деятельное участие в стачке.

3 октября утром на руднике № 10 рабочие остановили машину, на которой рабочих спускают в шахту, открыли краны от сигнальных гудков и направились к дому директора рудника Бартновского, и вызвали его для переговоров. Невдалеке стояла толпа женщин и детей, семьи рабочих, ожидая исхода переговоров. Между тем, из конторы с Юзовского завода была немедленно вызвана по телефону сотня казаков. Под'ехавшие казаки, не разбирая дела, бросились на толпу женщин и детей и стали хлестать их нагайками. Рабочие побежали на помощь семьям. В это время подоспели рабочие с других шахт, с № 27 и Мищенского; началась свалка; рабочие разгромили контору, повыбрасывали все бумаги, били окна служащих, квартиры которых находились рядом с конторой. Разгром продолжался с утра целый день. Рано утром с поездом приехали казаки из Таганрога и Мокеевского завода с казачьим начальником Калуницким; согнали рабочих в сарай, и там пропустили всех рабочих (человек 300) сквозь строй. Нескольким десяткам рабочих удалось спрятаться в больнице и на станции Мушкетово. Казачьи отряды расправлялись с рабочими два дня, затем 300 человек рабочих угнали в Таганрог, а остальные (человек 50) были спущены на работу в шахты. Казачий отряд поехал затем на № 27 (около Юзовки); там казачий начальник допрашивал рабочих, отыскивая зачинщиков, при чем бил их кулаками в лицо. Казаки раз'езжали по улицам и хлестали нагайками прохожих. Когда казаки ехали с № 10 на № 27, им попалась толпа рабочих, только что нанявшихся и получивших из приемной удостоверение о годности к работе. Калуницкий набросился на толпу с криком: «Вы бунтовать, мошенники!», и началась экзекуция. Когда, после экзекуции, выяснилось, что эти рабочие в стачке не участвовали и только что нанялись на работу, казачий начальник сказал: «Это вам, сукины дети, пусть будет авансом». На остальных трех рудниках рабочих не били, а только хватали и отправляли в Таганрог в тюрьму. В № 10 два человека были захлестаны до полусмерти. Полицейский судебный следователь от имени жандармской власти заявил врачу, что, если он выдаст им свидетельство об истязании, то он будет выслан в 24 часа. Одного рабочего, которого подозревали в том, что он останавливал гудки, из больницы отправили в Таганрог больного. (После стачки при больнице был пожар, и во время пожара сгорела одежда больных; врач не хотел дать больничной одежды для отправки в Таганрог; тогда следователь заявил, что отправят рабочего в Таганрог нагишом.) На № 27 было взято 18 человек, которых выдала артельная кухарка, подслушав их разговор.

Результаты: на № 10 плата была понижена (на 15—20 коп. в день), на остальных рудниках осталась прежняя. Недели через две после стачки жандармский начальник об'езжал все рудники и требовал (в вежливой форме) от инженеров принятия и на поверхностные и на подземные работы «агентов», которые и были приняты. Мотивировал тем, что считает стачку делом рук интеллигенции.

* * *

«Южный Рабочий» (ном. 3, ноябрь 1900 г.), сообщая о вышеописанной забастовке, добавляет: «Такие забастовки становятся все чаще и чаще. По всему району глухой ропот. Усиливается эксплоатация, растет недовольство, и, быть может, вскоре мы будем свидетелями грандиозного движения стотысячной армии шахтеров».

Москва.

В сентябре 1900 г. Московский Комитет Р. С.-Д. Р. П. выпустил гектографированную прокламацию «Memento». Прокламация указывает, что старый вопрос «Что делать?» постоянно встает среди учащейся молодежи и что ответ на этот вопрос дан основателями научного социализма, Марксом и Энгельсом. Прокламация советует молодежи «с большой осторожностью относиться к современным критикам марксизма», «в особенности же к таким удивительно неудачным критическим опытам, каков, напр., опыт Эд. Бернштейна», и зовет на борьбу против «унизительного бесправия всего нашего общества». «Пусть растет и крепнет союз пролетариата с лучшей частью интеллигенции!»

Либава.

В сентябре месяце прошлого года арестовали в Либаве трех сторожей тамошней тюрьмы за социалистическую пропаганду и распространение социалистических брошюр среди арестантов тамошней центральной тюрьмы. При обыске их на дворе находящихся квартир нашли в самом деле латышские социалистические брошюры. Донес на них один из тюремных надзирателей. (Читатель, может быть, еще помнит небывалое событие, когда в г. Либаве в мае 1899 г., во время всеобщей стачки, и городовые отличились: они тоже забастовали 5 мая и послали депутацию к полицмейстеру с просьбой возвысить их скудное жалованье [12 р. 50 к.] на 5 р. Первых трех делегатов полицмейстер сейчас прогнал без всяких разговоров. Но, когда на другой день появилась вновь депутация, состоящая уже из шести городовых, то он согласился возвысить жалованье на 3 руб.). Несколько позже арестовали двух городовых, которых тоже обвиняют в содействии социалистической пропаганде. Всех пять социалистов отправили в митавскую тюрьму, где они и до сих пор сидят.

Оперирующий ныне в Либаве и быстро прославившийся своей деятельностью жандарм Вонсяцкий (польский ренегат и выкрест) известен был литовцам уже тем, что, будучи жандармским поручиком в Сувалкской губ., сеял там несчастия между литовцами и несколько сот семейств разорил, выслав многих из родины, уморив в тюрьме или обратив их в инвалидов. Это — грубый варвар, не отличающийся умом, и лишенный «благородных» чувств. Не будучи в состоянии раскрыть что-нибудь, он начал обыски и аресты в Литве на основании принципа: «считаем полезным». На этом основании были арестованы известные Вонсяцкому латыши. Погром литовцев в Литве принял необ'ятные размеры. Вонсяцкий всякого литовца признает без дальнейших рассуждений политическим преступником. Шпионство сделалось эпидемией. Пьяницы и проч. получили предлог существовать, получая вознаграждение от Вонсяцкого. Они открыто сознаются в своей профессии и требуют дани от обывателей. Данилович, не вознаградивший шпиона Турского, был арестован и сидит до сих пор: ему было подброшено на квартиру поддельное письмо. Обыски были у всех литовцев, признающих себя таковыми. Арестовывали за устройство легальных спектаклей (Янулайтис и Мотирд), брали гимназистов (Белецкий) и пр. Корреспондент сообщает нам (от декабря прошлого года) список 45 пострадавших лиц, прибавляя, что имена многих арестованных неизвестны.

Харьков.

Местный Комитет Росс. С.-Д. Рабочей Партии в прокламации «Ко всем харьковским рабочим» еще раз обращает внимание на бесправие русского народа, выразившееся с особенной наглядностью в преследованиях за 1 мая в Харькове. Но обыски и высылки, тюрьма и ссылка не остановят движения. «Комитет цел и невредим. Помирить нас с неправдой удалось еще меньше. Наоборот, дикие преследования зажгли в нас еще более сильное пламя ненависти к нашим угнетателям». «Как нам не протестовать, как не бороться? Давно и везде кипит эта борьба. Это вековая борьба двух враждебных миров: труда и свободы, с одной стороны, эксплоатации и гнета — с другой. Без этой борьбы не добыто ни одно улучшение в положении порабощенного народа. Сколько горя и слез, сколько страданий и человеческих жизней стоит эта борьба. Сколько благородных борцов за свободу томилось, например, в подземельях парижской Бастилии сто слишком лет тому назад. Не даром томились они: их кровью была куплена свобода Франции. Каждая жертва наносила роковой удар власти королей-тиранов, и теперь во Франции рабочий класс может свободно вести борьбу за свое окончательное освобождение. То же повторилось и в других странах. Только у нас еще осталась варварская власть царя-деспота. Только у нас царский трон еще покоится на порабощении голодного народа, в котором рушится всякое пробуждение сознания. Только у нас возможно заточение в тюрьмы десятков и сотен интеллигентов и рабочих за малейшее стремление к свободе. Так нам ли отказаться от борьбы, нам ли бояться жертв? Нет, товарищи, русские рабочие уже доказали свою способность к дружной борьбе. Окажемся же и мы достойными своих товарищей. Поклянемся выставлять новых борцов на смену выбывших из строя товарищей, будем бороться до конца, пока не победим, пока от дружного напора об'единенных рабочих не рушатся наши Бастилии, не разлетится в прах ярмо деспотизма. А в минуты преследований будем вспоминать знаменитого ученого Галлилея: когда угрозами и пытками невежественные попы, казалось, уже сломили упорство его и думали, что вот он откажется от своего учения о движении земли вокруг солнца — Галлилей, к ужасу своих учителей, бросил им в лицо свое знаменитое: „А она все-таки двигается".

«Товарищи! нас преследуют за то, что мы достойно отпраздновали день 1 мая. Так начнем же теперь готовиться к еще более достойному празднованию следующего 1 мая. И когда наступит светлый праздник рабочего класса, бросим нашим тиранам в лицо смелое: „А она все-таки двигается!"»

* * *

Здесь не прекращаются аресты. Особенно много взято 5 и 14 декабря, большей частью рабочих. Из фамилий известны: Маковский (инженер), Сильверстов (привезен из Риги), Гайденко, Поляков, Белинов (раб.), Григорьев, Богданов, Скрипник, Курилко (оба во второй раз, рабочие). Из арестованных в октябре многие вывезены в уездные тюрьмы: Попов, Кожевников, Бобровский, Шумов и др.— в Изюм, д-р Левин — в Богодухов; большинство же рабочих отправлено в тюрьму у станции Печенеги (знаменитый в 70 гг. «харьковский централ»).

Безработица, как мы указываем ниже, распространяется все шире, и к шахтерам присоединятся, если осуществится предположение «Южного Рабочего», сотни тысяч других рабочих. Пусть припомнят они тогда эти знаменательные слова царского слуги, бившего неповинных рабочих: «Это вам авансом, сукины дети!» Пусть направится это движение безработных против этого дикого бесчинствующего и насильничающего правительства, пусть потребуют от него, чтобы оно отказалось от своего самовластья и созвало народных представителей.

* * *

Безработица становится все сильнее, и сведения о ней приходят отовсюду. В «Южном Рабочем» (№ 3, ноябрь 1900 г.) пишут: «В Екатеринославе, Харькове, Одессе, Николаеве, Мариуполе, Юзовке и других местах— везде сокращение работы, увольнение рабочих десятками и сотнями, везде ужасы нужды, и призрак голодной смерти встает в рабочих поселках... Заработная плата упала до последней степени: дело дошло до того, что на всем юге почти нигде не вырабатывают аккорда... В Юзовке отменены ночные работы (раньше работа производилась безостановочно в три смены). Происходит постепенное увольнение рабочих небольшими партиями... В Николаеве общее число уволенных доходит до 2.000 человек, в Мариуполе — до 600. В особенно широких размерах происходит увольнение в Екатеринославе: некоторые заводы, как, напр., вагонные мастерские Франко-Русского Общества, пользуются этим случаем, чтобы заменить боевой и сознательный состав своих рабочих покорными сермягами. Даже в жел.-дор. мастерских работы сокращены более, чем наполовину, при чем проектированная правительством постройка нового пути Екатеринославской дороги по случаю войны с Китаем отменена». В петербургском «Рабочем Листке» (№ 4, декабрь 1900 г.) читаем: «Сотнями выгоняют наши „кормильцы" и „поильцы" рабочих за ворота, на холод и голод. Как тени ходят по улицам наши безработные товарищи с Волынки, где одну смену рассчитали, от Паля, где половина ночной смены не работает, от Кенига, с Малой Охтенской ткацкой, от Шаво, от Торн-

тона и др. Заработки почти на всех фабриках понижены на 20—30 проц. У Торнтона ткачи вырабатывают от 6—8 руб. в месяц, у Максвеля женщины — 3—4 руб., мужчины — 8—11 руб., у Паля поденщики получают 20 коп. в день и т. п.». Про Костромскую губернию и про Шуйско-Ивановский фабричный район газеты сообщают, что многие фабрики сократили производство и распустили половину или треть рабочих, а оставшимся убавили плату на 30 проц. Увеличиваются воровства и грабежи. Орехово-Зуево переполнено толпами пришлых из разных мест безработных, ютящихся по всевозможным конурам и страшно бедствующих в ожидании какого ни на есть заработка.

Безработица фабричных и заводских рабочих, голодовка крестьян — вот с чем вступает Россия в XX столетие! А министр финансов в докладе о росписи на 1901 г. (мы надеемся еще вернуться к этому докладу) говорит о «благоприятных результатах для нашего государственного хозяйства» и выражает надежду, что «затруднения нашего денежного рынка преходящи». Министра занимает «дороговизна капиталов»: капиталистам трудно доставать деньги на приносящие им прибыль предприятия. Капиталисты без прибыли, — вот в чем главное «затруднение», а вовсе не в том, что миллионы рабочих и крестьян без хлеба и без работы. «Европейские рынки придут в равновесие сами собою», — успокаивает г. Витте. А рабочие перемрут сами собою! Разве они имеют право жить, если их работа не может приносить прибыли капиталистам?

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРЕНИЕ

ИТОГИ МЕЖДУНАРОДНОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ.

(Продолжение.)

Положение меньшинства английских рабочих несомненно улучшилось за последние 50—60 лет. Но этого никак нельзя сказать о тех миллионах рабочего люда, которые теперь, как и прежде, получают совершенно нищенскую, «голодную» заработную плату. Не говорю уже о тех миллионах, которым приходится обращаться к частной и официальной «благотворительности», чтобы только не умереть с голоду. Армии босяков, оборванцев, бродяг, бездомных нищих, не имеющих даже постоянного ночлега, не исчезли с английской почвы; они продолжают существовать, непрерывно пополняясь новыми рекрутами. А от периодической безработицы и чрезмерно длинного рабочего дня (сверхурочные часы) страдают даже и многие из рабочих организованных. Это в хорошее время. А в периоды острых промышленных застоев члены рабочих союзов десятками и даже сотнями тысяч ходят без работы, перебиваются пособиями от своих организаций и истощают таким образом их богатые кассы. Главные завоевания этих организаций на почве экономической борьбы относятся к тому времени, когда английская промышленность пользовалась монополией сбыта во всем мире. Но с тех пор, как рядом с Англией на всемирном рынке начали конкурировать новые промышленные страны, ее организованному пролетариату приходится больше всего напрягать свои силы уже на то, чтобы только отстоять свои старые завоевания, чтобы удержаться хоть на том уровне, которого он достиг в то доброе старое время, когда промышленные изделия Англии не встречали конкуренции на всем земном шаре. О дальнейших улучшениях путем борьбы с предпринимателями мудрено мечтать, когда и достигнутым уже грозит опасность.

Но и своего теперешнего, непрочного и далеко уже не очень блестящего положения организованное меньшинство английского пролетариата достигло в значительной степени на счет большинства неорганизованных масс, путем систематического, настойчивого вытеснения из тех отраслей труда, в которых организации его господствуют, рабочих, не получивших соответствующей профессиональной подготовки. Некоторые союзы принимают в члены и допускают на работу только таких рабочих, которые в течение нескольких лет обучались предварительно данному ремеслу. Таким образом, большие массы наиболее бедного чернорабочего люда искусственно выбрасывались на мостовую или обрекаемы были работать где попало, при самых скверных условиях. Обученные и организованные рабочие достигали своей цели — некоторого улучшения своего положения — ценой ухудшения участи десятков и сотен тысяч рабочих, не имевших возможности приобрести определенное ремесло или профессию. Одна часть пролетариата, меньшая, создавала себе привилегии на счет большинства своих братьев; небольшое возвышение организованного меньшинства куплено было в значительной мере ценой сравнительно еще большего принижения или удержания в прежнем жалком состоянии огромной части остальной рабочей массы.

— Неужели же, однако, — спросит, быть может, читатель, — столь прославленные рабочие союзы Англии совсем-таки не принесли пользы ее пролетариату?—Надлежащим, разносторонним образом ответить на этот вопрос не так легко, как некоторым может казаться. И не с этой целью написаны были предыдущие строки. Я только хотел отметить и подчеркнуть, что в области непосредственных, осязательных улучшений в жизненных условиях рабочих масс результаты рабочего движения в Англии, в окончательном итоге, не выходят из рамок того, что достигнуто социал-демократией в других передовых странах Европы. При сравнительной оценке результатов английского рабочего движения и современного социал-демократического необходимо принять в расчет, кроме того, на что выше указано было, тот факт, что последнему приходится в некоторых странах собственными силами, шаг за шагом, отвоевывать у государственной власти такие общенародные права, какие в Англии завоеваны были совместными усилиями разных классов, вследствие чего ее современные рабочие организации давно уже пользуются этими правами, как готовым наследием прошлого. Да и не в области частных улучшений лежит центр тяжести результатов рабочего движения. Самым важным и существенным из них для Англии я считаю образование огромной организованной силы внутри пролетариата. Но настоящее историческое значение этой силы остается пока в скрытом состоянии, не проявляется наружу и не проявится до тех пор, пока она будет направляться, главным образом, не общеклассовыми, а частными, эгоистическими интересами отдельных, сравнительно привилегированных групп пролетариата. Рабочие организации на материке Европы значительно слабее ремесленных союзов Англии. Но зато деятельность их одухотворена и проникнута идеей классовой солидарности пролетариата, независимо от профессиональных, племенных и даже государственно-национальных различий и перегородок; свои частные,

местные и профессиональные интересы и минутные выгоды они подчиняют общим, основным, международным интересам освобождения пролетариата во всем цивилизованном мире. В этом — великая заслуга социал-демократии, и в успехах ее на пути об'единения рабочих масс в сознательно-классовую международную армию пролетариата лежит центр тяжести достигаемых или уже достигнутых ею результатов.

«Социализм, – справедливо заметил один русский писатель,—только тогда сделался великой исторической силой, когда ему удалось, поняв призвание рабочего класса, стать его наукой и верой» *. Но кто раз'яснил и раз'ясняет рабочим их историческое призвание как класса? Никто иной, как социалисты, или точнее, социал-демократы. И если справедливо, что в знании — сила, то очевидно, что сила рабочего класса должна заключаться, главным образом, в знании своей исторической задачи и средств к ее осуществлению. А если так, то мы имеем полное основание сказать, что и сам пролетариат становится мировой, исторической силой лишь по мере того, как он в своих освободительных усилиях проникается и сознательно руководится учениями социал-демократии, составляющими науку об условиях, путях и средствах его полного и окончательного освобождения. Стало-быть, рост общественной силы рабочего класса и рост исторической силы социализма, т. е. социал-демократии, составляют два неразрывно связанных друг с другом явления или, вернее, одно и то же явление, рассматриваемое с двух сторон. Успехи социал-демократии должны измеряться, прежде всего, распространением ее учений и влиянием в рабочих массах. Но, с другой стороны, чем сильнее они влияют на мысль и образ действий этих масс в их усилиях улучшить свое положение, тем сознательнее они выступают против своих эксплоататоров, тем меньше ошибок они делают, тем целесообразнее выбираемые ими пути и средства для борьбы с господствующими классами и тем, следовательно, больше приближаются они к конечной цели рабочего движения: к полному освобождению рабочего класса путем завоевания им государственной власти. Рост всемирно-исторического значения и силы пролетариата сливается, таким образом, с успехами международного социал-демократического движения. Успехи последнего являются масштабом для измерения первого.

С этой точки зрения попытаемся рассмотреть в следующей статье результаты международного социал-демократического движения [3].

[П. Аксельрод]

ОТДАЧА В СОЛДАТЫ 183 СТУДЕНТОВ. **

11 января в газетах опубликовано правительственное сообщение от мин. народного просвещения об отдаче в солдаты 183 студентов киевского университета «за учинение скопом беспорядков». Временные правила 29 июля 1899 г. — эта угроза студенчеству и обществу — приводятся в исполнение менее, чем через полтора года после их издания, и правительство точно спешит оправдаться за применение невиданной карательной меры, выступая с целым обвинительным актом, не жалея красок на изображение студенческих злодейств.

Злодейство одно другого ужаснее. Летом — общестуденческий с'езд в Одессе с программой организовать все русское студенчество для выражения всякого рода протестов по поводу явлений академической, общественной и политической жизни. За эти преступные политические цели все студенты-делегаты были арестованы, документы отобраны. Но брожение не утихает, а растет и настойчиво обнаруживается во многих высших учебных заведениях. Студенты хотят свободно и самостоятельно обсуждать и ведать свои общие дела. Их начальство, — с тем бездушным формализмом, которым искони отличается русское чиновничество, — отвечает мелкими придирками, доводит недовольство до крайних размеров и невольно наталкивает мысль не погрязшей еще в тине буржуазного прозябания молодежи на протест против всей системы полицейского и чиновнического самовластия.

Киевские студенты требуют удаления профессора, занявшего место уехавшего товарища. Начальство противится, доводит молодежь до «сборищ и демонстраций» и... уступает. Студенты собирают сходку для обсуждения того, почему возможны такие гнусности, как изнасилование двумя белоподкладочниками одной девушки (так гласит слух). Начальство приговаривает главных «виновников» к — карцеру. Те отказываются подчиниться. Их увольняют. Толпа демонстративно провожает на вокзал уволенных. Собирается новая сходка, студенты остаются до вечера, отказываясь уйти, пока не явится ректор. Являются вице-губернатор и начальник жандармского управления с отрядом солдат, окруживших университет и вошедших в аудиторию, и — приглашают ректора. Студенты требуют — вы думаете, может быть, конституции? Нет, они требуют, чтобы не применяли наказание карцером и приняли обратно уволенных. Участников сходки переписывают и распускают по домам.

Вдумайтесь в это поразительное несоответствие между скромностью и безобидностью студенческих требований — и переполохом правительства, которое поступает так, как будто бы топор был уже занесен над опорами его владычества. Ничем так не выдает себя наше «всемогущее» правительство, как этим переполохом. Лучше всяких «преступных воззваний» оно показывает этим—показывает всякому, имеющему глаза, чтобы видеть и уши, чтобы слышать — что оно чувствует себя совершенно непрочным и верит только в силу штыка и нагайки, охраняющих его от народного возмущения. Искушенное опытом десятилетий, правительство твердо убедилось в том, что оно окружено горючим материалом, что достаточно малейшей искорки, достаточно протеста против карцера, чтобы зажечь пожар. А если так, то понятно, что расправа нужна примерная: отдать в солдаты сотни студентов! «Фельдфебеля в Вольтеры дать!» — эта формула нисколько не устарела. Напротив, XX веку суждено увидеть ее настоящее осуществление.

На многие мысли и сопоставления наводит эта новая карательная мера, новая своей попыткой воскресить давным давно отжившее старое. Поколения три тому назад, во времена николаевские, отдача в солдаты была естественным наказанием, вполне соответствовавшим всему строю русского крепостного общества. Дворянчиков отдавали в солдаты, чтобы заставить их служить и выслуживаться

* «По поводу петербургской стачки», «Работник», № 3—4.

** Номер был сверстан, когда появилось правит. сообщение.

до офицера в отмену вольности дворянства. Крестьянина отдавали в солдаты как в долголетнюю каторгу, где его ждали нечеловеческие пытки «зеленой улицы» и т. п. Но вот уже более четверти века, как у нас существует «всеобщая» воинская повинность, введение которой прославлено в свое время как великая демократическая реформа. Всеобщая не на бумаге только, но и на деле воинская повинность, несомненно, есть демократическая реформа: она порывает с сословностью и вводит равноправность граждан. Но если бы это было так на самом деле, разве могла бы тогда отдача в солдаты служить наказанием? И если правительство превращает воинскую повинность в наказание, не доказывает ли оно этим, что мы стоим гораздо ближе к рекрутчине, чем к всеобщей воинской повинности? Временные правила 1899 г. срывают фарисейскую маску и разоблачают азиатскую сущность даже тех наших учреждений, которые всего больше походят на европейские. В сущности, у нас не было и нет всеобщей воинской повинности, потому что привилегии знатного происхождения и богатства создают массу исключений. В сущности, у нас не было и нет ничего похожего на равноправность граждан в военной службе. Наоборот, казарма насквозь пропитана духом самого возмутительного бесправия. Полная беззащитность солдата из крестьян или рабочих, попирание человеческого достоинства, вымогательство, битье, битье и битье. А для тех, у кого есть влиятельные связи и деньги,—льготы и изъятия. Неудивительно, что отдача в эту школу произвола и насилия может быть наказанием, и даже очень тяжелым наказанием, приближающимся к лишению прав. Правительство рассчитывает в этой школе обучить «бунтовщиков» дисциплине. Не ошибается ли оно в своем расчете? Не будет ли школа русской военной службы военной школой для революции? Конечно, не всем студентам под силу пройти полный курс такой школы. Одних сломит тяжелая лямка, погубит столкновение с военными властями, других — слабых и дряблых—запугает казарма, но третьих она закалит, расширит их кругозор, заставит их продумать и прочувствовать их освободительные стремления. Они испытают теперь всю силу произвола и угнетения на собственном опыте, когда все их человеческое достоинство будет поставлено в зависимость от усмотрения фельдфебеля, способного зачастую умышленно поглумиться над «образованным». Они увидят, каково на деле положение простого народа, они изболеются за те надругательства и насилия, которых ежедневными свидетелями заставят их быть, и поймут, что те несправедливости и придирки, от которых страдают студенты, это — капля в море народного угнетения. Кто поймет это, тот выйдет из военной службы с Аннибаловой клятвой борьбы вместе с передовым классом народа за освобождение народа от деспотизма.

Но не меньше жестокости нового наказания возмущает его унизительность. Правительство делает вызов всем, в ком осталось еще чувство порядочности, об'являя протестовавших против произвола студентов простыми дебоширами, — вроде того, как оно об'явило ссыльных рабочих-стачечников—людьми порочного поведения. Взгляните на правительственное сообщение: его пестрят слова: беспорядок, буйства, бесчинства, беззастенчивость, разнузданность. С одной стороны, признание преступных политических целей и стремления к политическим протестам; с другой — третирование студентов, как простых дебоширов, нуждающихся в уроках дисциплины. Это — пощечина русскому общественному мнению, симпатии которого к студенчеству очень хорошо известны правительству. И единственным достойным ответом на это со стороны студенчества было бы исполнение угрозы киевлян, устройство выдержанной и стойкой забастовки всех учащихся во всех высших учебных заведениях с требованием отмены временных правил 29 июля 1899 г.

Но ответить правительству обязано не одно студенчество. Правительство само позаботилось сделать из этого происшествия нечто гораздо большее, чем чисто студенческую историю. Правительство обращается к общественному мнению, точно хвастаясь энергичностью своей расправы, точно издеваясь над всеми освободительными стремлениями. И все сознательные элементы во всех слоях народа обязаны ответить на этот вызов, если они не хотят пасть до положения безгласных молча переносящих оскорбления рабов. А во главе этих сознательных элементов стоят передовые рабочие и неразрывно связанные с ними социал-демократические организации. Рабочий класс постоянно терпит неизмеримо большее угнетение и надругательство от того полицейского самовластия, с которым так резко столкнулись теперь студенты. Рабочий класс поднял уже борьбу за свое освобождение. И он должен помнить, что эта великая борьба возлагает на него великие обязанности, что он не может освободить себя, не освободив всего народа от деспотизма, что он обязан прежде всего и больше всего откликаться на всякий политический протест и оказывать ему всякую поддержку. Лучшие представители наших образованных классов доказали и запечатлели кровью тысяч замученных правительством революционеров свою способность и готовность отрясать от своих ног прах буржуазного общества и итти в ряды социалистов. И тот рабочий недостоин названия социалиста, который может равнодушно смотреть на то, как правительство посылает войско против учащейся молодежи. Студент шел на помощь рабочему, — рабочий должен притти на помощь студенту. Правительство хочет одурачить народ, заявляя, что стремление к политическому протесту есть простое бесчинство. Рабочие должны публично заявить и раз'яснить самым широким массам, что это — ложь, что настоящий очаг насилия, бесчинства и разнузданности — русское самодержавное правительство, самовластие полиции и чиновников.

Как организовать этот протест, это должны решить местные социал-демократические организации и рабочие группы. Раздача, разбрасывание, расклейка листков, устройство собраний, на которые были бы приглашаемы по возможности все классы общества, — таковы наиболее доступные формы протеста. Но было бы желательно, чтобы там, где есть крепкие и прочно поставленные организации, была сделана попытка более широкого и открытого протеста посредством публичной демонстрации. Хорошим образчиком может служить харьковская демонстрация 1 декабря прошлого года перед редакцией «Южного Края». Праздновался юбилей этой паскудной газеты, травящей всякое стремление к свету и свободе, восхваляющей все зверства нашего правительства. Перед редакцией собралась толпа, которая торжественно предавала разодранию номера «Южного Края», привязывала их к

хвостам лошадей, обертывала в них собак, бросала камни и пузырьки с сернистым водородом в окна с кликами: «Долой продажную прессу!» Вот какого чествования, поистине, заслуживают не только редакции продажных газет, но и все наши правительственные учреждения. Юбилей начальственного благоволения празднуют они лишь изредка,—юбилея народной расправы заслуживают они всегда. Всякое проявление правительственного произвола и насилия есть законный повод для такой демонстрации. И пусть открытое заявление правительства о расправе со студентами не останется без открытого ответа со стороны народа.

[Н. Ленин]

НАША ОТЕЧЕСТВЕННАЯ РЕПТИЛИЯ.

Нам сообщают (ручаясь за достоверность известия), что «Сев. Курьер» закрыт по настоянию департамента полиции. Редакции этой газеты ставят в вину, что она, якобы, принимала участие в организации недавно бывшей в театре г. Суворина демонстрации против гнусной и пошлой пьесы гг. Крылова и Литвина (Ефрона). Конечно, ужасное «преступление» требовало примерного возмездия, и департамент полиции не преминул поспешить со своей местью: он прихлопнул злополучную газету, благо четыре министра, чинящих суд и расправу над нашей печатью, всегда готовы оказать ему такого рода «товарищескую» услугу. Враг был истреблен... но «победитель» запачкался кровью: нами только что получено известие о попытке издателя «Сев. Курьера», князя В. В. Барятинского покончить с собой самоубийством... Русское правительство может занести теперь в свой формуляр еще одну новую жертву — кровавый трофей бесславной победы!

В нашей печати один только г. Суворин должен чувствовать себя именинником. Благодаря хлопотам его полицейских друзей, ему невозбранно дано развращать русскую публику — и со сцены и со страниц своей газеты. Монополист печатного слова, он возвышает свой голос, когда вокруг царит вынужденное молчание, и храбро бросает свои обвинения в лицо скрученным противникам. Так было в позапрошлом году после достопамятного избиения студентов, то же самое повторяется и теперь после киевского приговора. «Новое Время» (см. № от 14 января) проливает крокодиловы слезы над этими жертвами «крепостного» бесправия, чтобы тем искуснее пустить шип позмеиному и очернить пострадавшую молодежь. Оно кричит: «Это варварство!» — и кому кричит? Не бюрократии, оказавшейся достойной Аракчеева, а тому самому студенчеству, над которым как раз вершится приговор, поражающий своей «азиатчиной».

Русская демократия должна изыскать средство проучить беззастенчивого публициста, да так проучить, чтобы впредь не повадно было — этой правительственной рептилии!

ИЗ ПАРТИИ

В предыдущем номере «Искры» мы сообщили, что на содержании постоянного международного социалистического секретариата каждая из восьми великих наций должна внести по 1.000 франков. Так значилось в немецком отчете о конгрессе. Теперь нам прислали печатный листок за подписью членов исполнительного бюро, известных вождей бельгийской социал-демократии Ансееля и Вандервельде (и секретаря Сэрви). Из листка видно, что десять главных наций вносят по 800 франков, а остальные — и в том числе Россия — по 200 франков, около 80 руб. на наши деньги.

С января настоящего года в Штутгарте, у известного издателя Г. Дитца, будет выходить научно-политический журнал «Заря», издаваемый и редактируемый несколькими русскими социал-демократами, при ближайшем участии Г. В. Плеханова, П. Б. Аксельрода и В. И. Засулич. Вполне солидарная с нами во взглядах на теоретические и тактические вопросы русской социал-демократии, редакция «Зари» будет выполнять часть той программы, которая изложена в опубликованном нами, одновременно с № 1 «Искры», заявлении «От редакции». В первый номер «Зари» входят, между прочим, статьи: Г. Плеханова: «Еще раз социализм и политическая борьба»; К. Каутского: «Воспоминания»; Старовера: «Что случилось?»; Г. Плеханова: «Критика наших критиков. Ст. 1, ч. I. Нечто о философских упражнениях г. Струве»; Н. Рязанова: «Замечания на программу „Раб. Дела“»; Бывалого: «О старом и новом»; А. Б.: «Чему учит харьковская маевка?»; Г. Плеханова: «Четырнадцатое декабря 1825 г.»; В. Засулич: «Борьба в тюрьме» и др.

Письма, рукописи и деньги на это издание можно направлять из-за границы на адрес Дитца (J. H. W. Dietz Verlag. Stuttgart); из России — к тем лицам, которые имеют связи с «Искрой», и теми способами, какими ведутся сношения с «Искрой».

Вышел третий номер «Южного Рабочего» (ноябрь 1900 г.). Обширный и разносторонне составленный, номер производит особенно хорошее впечатление тем революционным духом, тем широким пониманием задач социал-демократии, которое обнаруживает редакция. Передовая посвящена военным судам в Варшаве и заканчивается горячим призывом «готовиться к решительному бою», «открыто заявлять о нашей ненависти к произволу самодержавия и непоколебимой решимости покончить с ним». Обстоятельно и интересно написаны статьи об экстренном с'езде горнопромышленников в Харькове, о безработице, о наших отношениях к иностранным рабочим, о В. Либкнехте. Прекрасный фельетон «Мститель» и целый ряд корреспонденций с юга России. Приветствуем от души издание наших южных товарищей и желаем ему дальнейших успехов и дальнейших побед над полицией и жандармами.

Вышли два выпуска «Социал-демократической рабочей библиотеки», № 1: «От редакции» (брошюра, излагающая принципы и основные взгляды редакции) и № 2: «Трансвааль и Китай. Две речи Кейр-Гарди и Либкнехта». (Типография «Рабочей Библиотеки», 1900 г.). Наряду с «Южн. Рабочим» это новое издание свидетельствует, что узко-экономическое направление не может удовлетворить русской социал-демократии, что растет и крепнет протест не только против направления «Рабочей Мысли», но и против того эклектического направления, которое пытается занять середину между «экономизмом» и революционной социал-демократией. «Необходимо развивать и воспитывать массу политически, — справедливо говорят авторы первой брошюры, — т. е. научать не только понимать значение ближайших политических требований, но и понимать значение политической борьбы в широком смысле слова... Наше правительство — враг его (рабочего) уже как самодержавное правительство, как форма власти, с которой рабочий вообще не может ужиться, так как она может быть только деспотичной... Способствовать созданию знающих пропагандистов и убежденных агитаторов..., усилению интенсивности рабочего движения и освободительного движения России вообще... вот цель «Рабочей Библиотеки». Некоторые положения брошюры кажутся нам неправильными, напр., что «российской буржуазии пока ничего не остается желать», что «буржуазии дарована у нас некоторая, хотя и жалкая, политическая свобода», но мы не думаем, чтобы дело шло о серьезном разногласии с установившимися взглядами русских социал-демократов. Хочется верить, что мы стоим на пороге нового под'ема нашего

движения и что оно сумеет теперь возвыситься до понимания и до осуществления его великой исторической роли.

СПБ. Союз Борьбы [3], Комитет С.-Д. Р. П. издал четыре «Рабочих Листка» (№№ 1—4, ноябрь — декабрь 1900 г.), напечатанных в собственной типографии и подписанных «Комитетом рабочей организации». Отмеченная нами в предыдущем номере двойственность направления новой программы СПБ. Союза отражается и на этих листках. Пожелаем нашим петербургским товарищам окончательно освободиться от традиций «Рабочей Мысли», пожелаем передовым рабочим столицы скорее освободиться от предрассудка, что руководить рабочим движением должен непременно комитет рабочей организации в отличие от комитета социал-демократической партии, что группы интеллигентов-социалистов суть только «исполнительные группы» при рабочих кружках. Рабочее движение только тогда в состоянии будет достигнуть своей освободительной цели, когда передовые рабочие станут убежденными социал-демократами и активными деятелями революционных организаций, когда они добьются не обособления от социал-демократической революционной интеллигенции, а, напротив, тесного союза с ней.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Мы получили письмо ссыльного рабочего, который просит редакцию от лица нескольких товарищей издать сборник о приемах жандармов при следствии и о правилах, как держаться на допросах. За границей вышла недавно брошюра товарища В. Бахарева: «Как вести себя на допросах», идущая навстречу «назревшей», по справедливому замечанию рабочего, «потребности». В одном из следующих номеров мы надеемся подробно поговорить об этой брошюре и о поднимаемых ею вопросах.

Сообщаем всем товарищам, оказавшим поддержку нашему изданию, что избранный нами способ сношений, представляющий на первый взгляд многие неудобства, оказался вполне целесообразным. Если соблюдать все меры предосторожности, материалы доставляются скоро и аккуратно. Просим корреспондентов: 1) сообщать все и всякие листки и прокламации с добавлением, по возможности, подробностей о распространении их, а также все местные издания и циркулирующие рукописи; 2) сообщать о всяком представляющем общественный интерес происшествии немедленно, никогда не откладывая впредь до получения подробностей или составления особых описаний и т. п., никогда не стесняясь передавать голый и сырой факт; 3) сообщать известное не только из непосредственных наблюдений, но и по рассказам или вестям из других мест, чтобы редакция могла своевременно принять меры к посылке своих агентов и т. п.; 4) изыскивать способ, каким бы редакция могла сноситься с каждым корреспондентом; 5) собирать для передачи редакции все интересные местные издания и отдельные номера местных газет; 6) оговаривать с полной точностью желание, чтобы материал был предан гласности лишь на таких-то и таких-то условиях или без всяких изменений и т. п.

Типография «Искры».

ПРИМЕЧАНИЯ.

Прим. 1. Автор статьи «Самодержавие и земство»—П. Б. Струве, один из самых ярких представителей буржуазного либерализма, эволюционировавший от марксизма к кадетам. Хотя Ленин (Тулин) в значительной мере предугадывал в Струве будущего либерала еще в 1895 г., тем не менее Струве, несмотря на все свои уклоны в сторону бернштейнианства и заигрывания с идеализмом, продолжал еще быть близок к группе Плеханова и Ленина, о чем свидетельствует и факт его сотрудничества в первых №№ «Искры». В 1898 г. он был автором Манифеста о I с'езде. В 1900 году он принимал вместе с Туган-Барановским участие в совещании с.-д-ов во Пскове, где обсуждался вопрос об издании с.-д. органа за границей. Но уже вскоре после его первых выступлений в «Искре» Ленин резко нападает на его предисловие (за подписью Р. Н. С.) к записке Витте: «Самодержавие и земство»—в статье: «Гонители земства и Аннибалы либерализма» (в № 2—3 «Зари»). Плеханов не спешил разделить пессимистического взгляда Ленина на природу Струве и колебался дать свое согласие на напечатание ст. Ленина. Аксельрод лишь отчасти стоял в этом случае на точке зрения Плеханова и сделал только ряд своих замечаний к статье Ленина. Этот последний ответил письмом к Аксельроду от 26/VII 1901 г., что все (подчеркнуто Лениным) указания Аксельрода и Плеханова на необходимость смягчения выражений он принял во внимание и везде такие смягчения сделал: «Вообще, — говорит он в письме, — я вовсе не так уже упорен насчет смягчений частных, но принципиально не могу только отказаться от мысли о нашем праве (и нашей обязанности) разнести Р. Н. С. за его политическое жонглерство. Он именно политический жонглер — в этом меня окончательно убедило чтение и перечитывание предисловия, и в свою критику я внес все, что дали нам последние месяцы (т. е. Verhandlungen * с «теленком», попытки договора ** etc. Так сказать, душу отводил, сводя счеты с этим суб'ектом. Выяснение вопроса о конституционности земства я считал центром тяжести всей статьи. «Земский» либерализм, это — в области воздействия на общество—то же самое, что экономизм — в области воздействия на рабочего. И ту и другую область мы должны преследовать». (См. «Письма П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова», стр. 51).

Прим. 2. Михайловский Н. К. род. в 1842 г., умер в 1904 г. Сотрудник и редактор «Отеч. Записок» (1869—85 гг.). Потом сотрудничал в «Сев. Вестнике» и «Русской Мысли». С начала 90-х годов становится во главе «Русского Богатства». Он является главным выразителем взглядов народничества 80-х и 90-х годов («эпигонов» старого народничества). В области философского обоснования народничества он является сторонником так наз. «суб'ективного метода». В средине 90-х годов он становится мишенью представителей марксизма, пробившего себе путь в легальную печать, и подпадает под град полемических стрел Плеханова (Бельтов, Волгин), Ленина (Тулин — Вл. Ильин), Струве и др. марксистов. После этого звезда его сразу меркнет.

---

* Переговоры. *П. Л.*

** В начале лета 1901 г. Струве вместе с Богучарским вел в Мюнхене переговоры с «Искрой». Был даже составлен договор между группой «Заря» и «Искры» и «группой демократической оппозиции» (текст договора приведен в ст. А. Н. Потресова—в «Обществ. движении», т. I, стр. 615—616). Договор не получил осуществления, и Струве окончательно откатился в сторону буржуазной либеральной оппозиции, став во главе «Освобождения». «Теленок»—прозвище, которое Засулич дала П. Струве. *П. Л.*

Прим. 3. Предполагалась еще одна статья Аксельрода на ту же тему, но она почему-то в «Искре» не появилась.

Прим. 4. Издание «Зари» в качестве легального журнала, «терпимого» с точки зрения немецкой цензуры, было не только территориально отделено от конспиративного издания нелегальной «Искры» («Заря» выходила открыто в Штуттгарте, а «Искра» печаталась в Мюнхене — в конспиративной искровской типографии), но и с формальной стороны. Издатель журнала—германский с.-д. Дитц – из осторожности тщательно уничтожал в журнале все намеки на то, что между «Зарей» и «Искрой» есть какое-нибудь родство. Придирчивая цензура Дитца иногда очень раздражала искровцев. По поводу, напр., одной непомещенной Дитцом статьи Аксельрода Ленин писал (от 20/III 1901 г.) этому последнему: «С „Зарей" неприятность. Этот капризный барин Дитц решительно отверг Вашу статейку, убоявшись ссылок на „Искру", усмотрев запах „групп" * и сославшись на то, что и Бебель, и Зингер (пайщики его G. m. b. H.) побаиваются и т. п. Пришлось, к величайшему нашему сожалению, отказаться от Вашей статьи, поместив вместо нее пару слов „к читателям". Ужасно неприятна эта новая цензура! И обложка пострадала: вычеркнули даже „несколько русских с.-д." **. Когда-то мы избавимся от „опеки" этих Dreckgenoss'ов?!» (См. «Письма Акс. и Мартова», стр. 19).

Прим. 5. «Спб. Союз Борьбы за освобождение рабочего класса» был организован Влад. Ильичем в 1895 г. Самое название это усвоено организацией в декабре 1895 г. по предложению Мартова. В 1896 г. все крупные с.-д. организации стали принимать то же название (Московский Союз Борьбы, Киевский и т. д.). В 1901—903 гг. большинство организаций стали называться просто комитетами, и только петербургская организация удержала название «Союза» до II с'езда Партии. В Петербурге же образовался «Комитет Рабочей Организации», который был продолжением петерб. организации «рабочемысленцев». Сначала «Ком. Раб. Организации» существовал самостоятельно, а в октябре 1900 г. об'единился с «Союзом».

---

* Ленин имеет в виду неразрешенные германские организации. *П. Л.*

** В подзаголовке: «Социаль-демократический научно-политический журнал». Издается при ближайшем участии Г. В. Плеханова, В. И. Засулич и П. Б. Аксельрода. *П. Л.*

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!"...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину

№ 3 АПРЕЛЬ 1901 ГОДА № 3

БУРНЫЙ МЕСЯЦ.

Русское общество уже теперь должно было убедиться в том, что реакционная дерзость самодержавного правительства не имеет никаких пределов, кроме активного революционного сопротивления граждан, что политическая дряблость управляемых только питает безумное стремление управляющих стереть с лица земли все, что хоть отдаленно напоминает о праве, о законности, о свободе. Без всяких видимых поводов, в силу одного только ненасытного стремления упразднить все зародыши самодеятельности населения, правительство повело против последнего атаку по всей линии: поход на Финляндию, поход на народную школу, поход на земство, поход на печать, поход на университеты. В конец развращенное слабым отпором русского общества, правительство дерзнуло, наконец, бросить ему в лицо один за другим два дерзких вызова: насильно бросить в казарму две сотни юношей, виновных в нарушении порядка в университете, и торжественно осудить популярнейшего писателя, всемирную славу России. Безумие угнетателей часто оказывает услуги делу свободы. Правительство Николая II захотело окончательно задушить русское общество, оно вызвало первый взрыв революционной бури. Высказанное нами в прошлом номере пожелание, чтобы рабочие пришли на помощь студентам в поднятой ими борьбе против правительства, осуществилось ранее, чем нас успели обругать за него те, кто в подобных стремлениях готовы усмотреть «народовольческие» затеи, недостойные представителей рабочего движения. В ряде крупных демонстраций в Петербурге, Москве, Харькове, Киеве и Белостоке русские рабочие самым недвусмысленным образом показали, что готовы плечо о плечо с революционными элементами «общества» активно бороться против гнета самодержавия. На обе безумные выходки зарвавшегося правительства — отдачу студентов в солдаты и торжественное отлучение Толстого — пролетариат громко ответил выражением своей солидарности и с «бунтующими» студентами и с отлученным писателем.

Активное участие рабочих в политических демонстрациях бурного месяца придало им совершенно особое значение и открыло новую эпоху в русской истории. Печать всех стран Западной Европы отмечает этот исторический факт. Теперь от политической зрелости русского общества будет зависеть, сумеет ли оно понять этот факт и извлечь из него все практические следствия, сумеет ли оно усилить, опираясь на помощь пролетариата, революционный размах своей борьбы с азиатским самодержавием и проявить достаточную энергию не только в обороне, но и в прямом нападении на ненавистный строй. Борцам за свободу теперь уже непозволительно опасаться, что они останутся одиноки в своей борьбе, что они не найдут поддержки в народных массах. И организованный пролетариат получил теперь право надеяться, что «общество» поймет, наконец, политический смысл ведущейся им борьбы и что оно признает первенствующее политическое значение рабочего движения в современной России.

Для нас, социал-демократов, события, имевшие место в феврале и марте, имеют особое значение. Ими, надо надеяться, окончательно решен практически терзавший в последние годы нашу партию спор о том, может ли наш пролетариат в данное время вести политическую борьбу, или может ли такая борьба возникнуть иначе, как непосредственно на почве стачечного движения. Мы — сторонники революционной политической борьбы пролетариата — можем торжествовать: русский пролетариат доказал своим близоруким друзьям правоту той точки зрения, которую мы отстаивали. Помимо своих руководителей *, пролетариат ринулся в бой, когда увидел, что радикальная часть общества готова не на шутку помериться с правительством. Этого факта уже нельзя замолчать, с ним придется считаться волей-неволей, и русская социал-демократия должна будет поставить в основу своей практической деятельности это явное стремление рабочих масс принять активное участие в освободительной борьбе всей русской демократии; она должна будет сделать это, если не пожелает остаться за бортом, если не пожелает передать своего права на руководство движением пролетариата другим политическим силам.

Но участие русского пролетариата в русской освободительной борьбе будет тем плодотворнее для его классовых интересов, для его конечных целей, а вместе с тем и для интересов демократической свободы, чем сознательнее будут бороться политически рабочие массы, чем самостоятельнее будут они проводить в общем политическом движении свою политику. Если для всех недовольных элементов русского общества в начавшейся борьбе дело идет, главным образом, об обуздании невыносимого полицейского самодержавия, то для пролетариата в его классовых интересах, в интересах его конечных целей и в интересах непосредственного улучшения его положения необходимо низвержение самодержавия и основание свободной демократии, обеспечивающей пролетариату легальную защиту его классовых интересов. И первый долг русской социал-демократии в ее будничной работе, дать такое политическое воспитание пролетариату, чтобы в критические моменты, какими являются переживаемые нами дни, он сумел ясно и резко выразить в общем хоре недовольных эту свою ноту. Надо при-

* Только в Харькове и особенно в Киеве социал-демократические организации активно содействовали вовлечению рабочих в демонстрации последнего времени.

знать, что с этой точки зрения события февральских и мартовских дней наглядно показали, что нашей партии еще много осталось работать в указанном направлении. И остается пожелать, чтоб она немедленно и повсюду с удвоенной энергией приступила к этой благодарной работе.

Те же события показали соответствующие недостатки и нашей организации. Приспособленные к пропаганде и к повседневной агитации, наши организации не пригодны еще к тому, чтобы руководить массовыми демонстрациями, благодаря чему последние много теряют в силе и оформленности. События, подобные только что пережитым нами, конечно, случаются не часто; но во 1-х, надо ожидать, что они будут становиться все чаще; а во 2-х, как бы они ни были редки, партия должна быть готова к ним, чтобы всегда суметь с наименьшей затратой жертв добиться наибольших результатов. При лучшей организации никакие полицейские ухищрения не помешали бы рабочим явиться в назначенный час в назначенное место; при лучшей подготовке организованных сил толпа не оказалась бы так беспомощной, когда войска стали подвергать ее избиению. При надлежащей организации удалось бы все протестовавшие массы сконцентрировать в одном пункте и рассеянную в одном месте толпу собрать в другом. При наличности такой организации можно было бы в ходе манифестации направлять внимание толпы на новые и новые поводы для выражения своего протеста и на каждый акт произвола и насилия властей отвечать актом революционного насилия против, скажем, правительственных зданий или органов мракобесия. Одним словом, чтобы бороться с правительством на площадях и улицах, наша партия должна реформировать свою организацию. Но та же реформа организации необходима и для выполнения более широкой агитационно-политической работы.

На массовые народные протесты царское правительство ответило мерами кровавого насилия, избиением и убийством безоружных людей, опубликованием плана военной кампании против непокорного населения крупных центров (см. циркуляр Сипягина от 12 марта). Тысячами жертв правительство пытается, конечно, отомстить за то, что оно пережило за эти дни, за позорный побег царя из своей столицы в день 4 марта, за освистание его высочайшего наместника в Москве. Всеми этими мерами правительство не сможет залечить той глубокой, кровью сочащейся раны, которую оно получило в эти дни. Как бы ни бесновалась реакция, того, что сделано, она не отнимет у революции,—она не уничтожит состоявшегося сближения между радикальной интеллигенцией и народными массами на почве революционной борьбы, она не отнимет у народа той революционной выучки, которую он приобрел в этот месяц, она не сможет погасить ярко блеснувшего в эти дни общего сознания того, насколько непримиримо враждебны, бесконечно чужды друг другу два столкнувшихся мира — старая Россия, мир казацкой нагайки и полицейского насилия, мир ханжей святейшего синода, мечтающих о кострах для еретиков и их сочинений, мир продажных ученых и продажной печати, защищаемых от народа вооруженной силой, и мир свободной мысли и пролетарского энтузиазма, молодая, рвущаяся к свету и к свободе Россия. А потому, какие бы новые удары ни ждали в ближайшем будущем борцов за свободу, как бы ни казалось тягостно могущее наступить затишье после только-что разыгравшейся бури, нам не придется падать духом, не придется сомневаться в будущем нашего дела. Ненавистные цепи, сковывающие молодую Россию, уже надорваны; еще ряд героических усилий, и они разлетятся в прах. Как бы ни повлияли на массу новые реакционные меры правительства, мы смело можем смотреть в лицо будущему и обратиться к товарищам со словами поэта:

Пускай же сгущаются мрак и ненастье,
Пусть дикая пурга о смерти поет,
Верь в молодость, верь в ее силу и счастье,
Зови ее словом отважным вперед.

[Л. Мартов]

РАБОЧАЯ ПАРТИЯ И КРЕСТЬЯНСТВО [1].

Минуло сорок лет со времени освобождения крестьян. Вполне естественно, что наше общество с особенным одушевлением празднует день 19 февраля — день падения старой крепостной России, начало эпохи, которая сулила народу свободу и благосостояние. Но не надо забывать, что в хвалебных речах празднующих на-ряду с искренней враждой к крепостничеству и всем его проявлениям есть масса лицемерия. Насквозь лицемерна и лжива та оценка «великой» реформы, которая стала у нас ходячей: «освобождение крестьян с землей при помощи государственного выкупа». А на самом деле это было освобождение крестьян от земли, потому что от тех наделов, которыми в течение веков владели крестьяне, были сделаны громадные отрезки, а сотни тысяч крестьян были совсем обезземелены — посажены на четвертной или нищенский надел. На самом деле, крестьяне были ограблены вдвойне: мало того, что у них отрезали землю, их заставили еще платить «выкуп» за оставленную им и всегда бывшую в их владении землю, и притом выкупная цена земли была назначена гораздо выше действительной ее цены. Сами помещики десять лет спустя после освобождения признавались перед правительственными чиновниками, исследовавшими положение сельского хозяйства, что крестьян заставили платить не только за свою землю, но и за свою свободу. И взявши выкуп за личное освобождение, крестьян все же не сделали свободными людьми: их оставили на 20 лет временно обязанными, их оставили — и они по сию пору остаются — низшим сословием, подлежащим розге, платящим особые подати, не смеющим свободно выйти из полукрепостной общины, свободно распорядиться своей землей, свободно поселиться в любой местности государства. Не о великодушии правительства свидетельствует наша крестьянская реформа; напротив, она является величайшим историческим примером того, до какой степени изгаженным выходит всякое дело из рук самодержавного правительства. Под давлением военного поражения, страшных финансовых затруднений и грозных возмущений крестьян правительство прямо-таки вынуждено было освободить их. Сам царь признался, что надо освобождать сверху, пока не стали освобождать снизу. Но, взявшись за освобождение, правительство сделало все возможное и невозможное, чтобы удовлетворить алчность «обижаемых» крепостников; правительство не остановилось даже перед

такой гнусностью, как подтасовка людей, призванных осуществить реформу, — хотя эти люди были призваны из числа дворян же! Мировые посредники первого призыва были распущены и заменены людьми, неспособными отказать крепостникам в об'егоривании крестьян и при самом размежевании земли. И великая реформа не могла быть приведена в исполнение без помощи военных экзекуций и расстреливания крестьян, отказывавшихся принимать уставные грамоты. Не удивительно, что лучшие люди того времени, сдавленные цензурным намордником, встретили эту великую реформу проклятием молчания...

«Освобожденный» от барщины крестьянин вышел из рук реформатора таким забитым, обобранным, приниженным, привязанным к своему наделу, что ему ничего не оставалось, как «добровольно» итти на барщину. И мужик стал обрабатывать землю своего прежнего барина, «арендуя» у него свои же отрезные земли, подряжаясь зимой — за ссуду хлеба голодающей семье — на летнюю работу. Отработки и кабала — вот чем оказался на деле тот «свободный труд», призвать на который «божие благословение» приглашал крестьянина манифест, составленный попом-иезуитом.

А к этому помещичьему гнету, сохраненному благодаря великодушию создавших и осуществлявших реформу чиновников, прибавился еще гнет капитала. Власть денег, придавившая даже, напр., французского крестьянина, освобожденного от помещичьей власти не жалкой, половинчатой реформой, а могучей народной революцией, — эта власть денег всей своей тяжестью обрушилась на нашего полукрепостного мужика. Доставать деньги нужно было во что бы то ни стало: и на уплату податей, увеличенных благодетельной реформой, и на наем земли, и на покупку тех нищенских продуктов фабричной промышленности, которые стали вытеснять домашние продукты крестьянина, и на покупку хлеба и проч. Власть денег не только придавила, но и расколола крестьянство: громадная масса неуклонно разорялась и превращалась в пролетариев, меньшинство выделяло кучки немногочисленных, но цепких кулаков и хозяйственных мужиков, прибиравших к рукам и крестьянское хозяйство и крестьянские земли, составляющих кадры нарождающейся сельской буржуазии. Все пореформенное сорокалетие есть один сплошной процесс этого раскрестьянивания, процесс медленного, мучительного вымирания. Крестьянин был доведен до нищенского уровня жизни: он помещался вместе со скотиной, одевался в рубище, кормился лебедой; крестьянин бежал от своего надела, когда только было куда бежать, даже *откупаясь* от надела, платя тому, кто соглашался взять надел, платежи с которого превышали его доходность. Крестьяне голодали хронически и десятками тысяч умирали от голода и эпидемий во время неурожаев, которые возвращались все чаще и чаще.

Так стоит дело в нашей деревне и сейчас. Спрашивается, в чем искать выхода и какими средствами добиваться улучшения участи крестьянина? От гнета капитала мелкое крестьянство может избавиться, только примыкая к рабочему движению, помогая ему в его борьбе за социалистический строй, за превращение земли, как и других средств производства (фабрик, заводов, машин и пр.) в общественную собственность. Пытаться спасти крестьянство защитой мелкого хозяйства и мелкой собственности от натиска капитализма значило бы бесполезно задерживать общественное развитие, обманывать крестьянина иллюзией возможного и при капитализме благосостояния, раз'единять трудящиеся классы, создавая меньшинству привилегированное положение за счет большинства. Вот почему социал-демократы всегда будут бороться против таких бессмысленных и вредных учреждений, как неотчуждаемость крестьянских наделов, круговая порука, запрещение свободного выхода из крестьянской общины и свободного приема в нее лиц каких угодно сословий! Но наш крестьянин страдает, как мы видели, не только и даже не столько от гнета капитала, сколько от гнета помещиков и от остатков крепостничества. Беспощадная борьба против этих пут, неизмеримо ухудшающих положение крестьянства и связывающих его по рукам и ногам, не только возможна, но и необходима в интересах всего общественного развития страны, ибо безысходная нищета, темнота, бесправие и приниженность мужика кладет на все порядки нашего отечества отпечаток азиатчины. И социал-демократия не исполнила бы своего долга, если бы не оказала всей и всяческой поддержки этой борьбе. Такая поддержка должна выразиться, коротко говоря, *во внесении классовой борьбы в деревню*.

Мы видели, что в современной русской деревне совмещаются двоякого рода классовые противоположности: во-первых, между сельскими рабочими и сельскими предпринимателями, во-вторых, между всем крестьянством и всем помещичьим классом. Первая противоположность развивается и растет, вторая постепенно ослабевает. Первая — вся еще в будущем, вторая — в значительной степени уже в прошлом. И несмотря на это, для современных русских социал-демократов именно вторая противоположность имеет наиболее существенное и наиболее практически важное значение. Что мы должны пользоваться всеми представляющимися нам поводами для развития классового самосознания в сельско-хозяйственных наемных рабочих, что мы должны обратить внимание поэтому на переселение в деревню городских рабочих (напр., механиков, занимаемых при паровых молотилках и т. п.), на рынки найма сельско-хозяйственных рабочих — это понятно само собой, это аксиома для всякого социал-демократа.

Но наши сельские рабочие еще слишком крепко связаны с крестьянством, над ними слишком еще тяготеют общекрестьянские бедствия, и поэтому общенационального значения движение сельских рабочих никак не может получить ни теперь, ни в ближайшем будущем. Наоборот, вопрос о сметании остатков крепостничества, о вытравлении из всех порядков русского государства духа сословной неравноправности и приниженния десятков миллионов «простонародья», — этот вопрос уже сейчас имеет общенациональное значение, и партия, претендующая на роль передового борца за свободу, не может отстраниться от этого вопроса.

Признание бедствий крестьянина сделалось теперь (в более или менее общей форме) почти всеобщим, фраза о «недостатках» реформы 1861 г. и о необходимости государственной помощи стала ходячей истиной. Наш долг указывать на то, что эти бедствия происходят именно от классового угнетения крестьянства, что правительство — верный защитник классов угнетателей, что не помощи от него, а избавления от его гнета, завое-

вания политической свободы должны добиваться те, кто искренно и серьезно хочет коренного улучшения положения крестьян. Говорят о чрезмерной высоте выкупных платежей, о благодетельной мере понижения и пересрочки их правительством. Мы скажем на это, что все эти выкупные платежи — не что иное, как прикрытое законными формами и чиновническими фразами ограбление крестьян помещиками и правительством, не что иное, как дань крепостникам за освобождение их рабов. Мы выдвинем требование немедленной и полной отмены выкупных платежей и оброчных сборов, требование вернуть народу те сотни миллионов, которые годами выколачивало царское правительство для удовлетворения аппетитов рабовладельцев. Говорят о малоземелии крестьян, о необходимости государственной помощи для расширения крестьянского землевладения. Мы скажем на это, что именно б л а г о д а р я государственной помощи — помощи помещикам, разумеется, — крестьяне лишились в такой массе случаев необходимейшей для них земли. Мы выдвинем требование вернуть крестьянам те отрезки, посредством которых продолжает держаться подневольный, кабальный, барщинный, т. е. на деле тот же крепостной труд. Мы выдвинем требование учредить крестьянские комитеты для исправления тех вопиющих несправедливостей, которые наделали по отношению к освобождаемым рабам учрежденные царской властью дворянские комитеты. Мы потребуем учреждения судов, которые бы имели право понижать безмерно высокую плату за землю, взимаемую помещиками, благодаря безвыходности положения крестьян, — судов, перед которыми крестьянин имел бы право преследовать за ростовщичество тех, кто заключает кабальные сделки, пользуясь крайней нуждой другого. Мы будем стараться всегда и по всяким поводам раз'яснять крестьянам, что люди, говорящие им об опеке или помощи от современного государства, либо дурачки, либо шарлатаны и худшие враги их, что крестьянству нужно прежде всего избавление от произвола и гнета власти чиновников, нужно прежде всего признание их полной и безусловной равноправности во всех отношениях со всеми другими сословиями, полной свободы передвижения и переселения, свободы распоряжения землей, свободы распоряжения всеми мирскими делами и мирскими доходами. Самые обыденные факты из жизни любой русской деревни могут дать всегда тысячи поводов для агитации во имя указанных требований. Эта агитация должна исходить из местных, конкретных, наиболее назревших нужд крестьян, но не останавливаться на этих нуждах, а неустанно расширять кругозор крестьян, неустанно развивать их политическое сознание, указывать на особое место, занимаемое в государстве помещиками и крестьянами, указывать на единственное средство избавления деревни от висящего над ней гнета произвола и угнетения — созыв народных представителей, низвержение самовластья чиновников. Нелепо и вздорно утверждение, будто это требование политической свободы недоступно сознанию рабочих: не только рабочие, пережившие годы прямой борьбы с фабрикантами и полицией, постоянно видящие произвольные аресты и преследования лучших из их рядов, не только эти зараженные уже социализмом рабочие, но и всякий толковый крестьянин, хоть сколько-нибудь задумывающийся над тем, что он видит вокруг себя, в состоянии будет понять и усвоить, за что борются рабочие, усвоить идею земского собора, освобождающего всю страну от всевластия ненавистных чиновников. И агитация на почве непосредственных и наиболее насущных нужд крестьянства только тогда будет в состоянии исполнить свою задачу — внести классовую борьбу в деревню, когда с каждым разоблачением того или другого «экономического» зла она сумеет связать определенные политические требования.

Но спрашивается, может ли социал-демократическая рабочая партия внести в свою программу требования, подобные вышеуказанным? Может ли она на себя взять агитацию в крестьянстве? Не поведет ли это к тому, что мы разбросаемся и направим в сторону от главного и единственно надежного русла движения наши революционные силы, и без того столь немногочисленные?

Такие возражения основаны на недоразумении. Да, мы непременно должны внести в свою программу требования об освобождении нашей деревни от всех пережитков рабства, требования, способные вызвать в лучшей части крестьянства, если не самостоятельную политическую борьбу, то сознательную поддержку освободительной борьбы рабочего класса. Мы сделали бы ошибку, если бы стали отстаивать меры, способные задержать общественное развитие, или искусственно оградить мелкое крестьянство от роста капитализма, от развития крупного производства, но еще более гибельна была бы ошибка, если бы мы не сумели воспользоваться рабочим движением для распространения в крестьянстве тех демократических требований, которых не исполнила реформа 19 февраля 1861 г., благодаря ее искажению помещиками и чиновниками. Включить такие требования необходимо для нашей партии, если она хочет встать во главе всего народа на борьбу с самодержавием *. Но такое включение вовсе не предполагает, чтобы мы стали звать активные революционные силы из города в деревню. Об этом не может быть и речи. Не подлежит никакому сомнению, что все боевые элементы партии должны стремиться к городам и фабрично-заводским центрам, что только промышленный пролетариат способен на бесповоротную и массовую борьбу против самодержавия, что только этот пролетариат способен вынести на своих плечах такие средства борьбы, как устройство открытой демонстрации или постановка правильно выходящей и широко распространяемой н а р о д н о й политической газеты. Не для того, чтобы отозвать из города в деревню убежденных социал-демократов, не для того, чтобы приковать их к деревне, должны мы внести в свою программу крестьянские требования — нет, а для того, чтобы дать руководство для деятельности тем силам, которые н е м о г у т найти себе приложение иначе, как в деревне, для того, чтобы использовать для дела демократии и политической борьбы за свободу те связи с деревней, которые в силу обстоятельств имеются у немалого числа преданных социал-демократии интеллигентов и рабочих и которые по необходимости расширяются и растут вместе с ростом дви-

* Проект социал-демократической программы со включением вышеуказанных требований составлен уже нами. Мы надеемся после обсуждения и переработки этого проекта при содействии гр. «Осв. Тр.» опубликовать в одном из ближайших номеров проект программы нашей партии.

жения. Мы давно уже переросли ту стадию, когда мы были маленьким отрядом добровольцев, когда весь запас социал-демократических сил исчерпывался кружками молодежи, поголовно «ходивших к рабочим». Наше движение располагает теперь целой армией, армией рабочих, затронутых борьбой за социализм и за свободу,—армией интеллигентов, принимавших и принимающих участие в движении и разбросанных уже в настоящее время по всем концам России, — армией сочувствующих, с верой и надеждой взирающих на рабочее движение и готовых оказать ему тысячи услуг. И перед нами стоит великая задача: организовать все эти армии, организовать так, чтобы мы способны были не только устраивать мимолетные вспышки, не только наносить врагу случайные, разрозненные (и потому неопасные) удары, а преследовать врага неуклонной, упорной и выдержанной борьбой по всей линии, травить самодержавное правительство везде, где оно сеет угнетение и пожинает ненависть. А разве возможно достигнуть этой цели, не занося в многомиллионную массу крестьянства семена классовой борьбы и политического сознания? И не говорите, что такое занесение невозможно: оно не только возможно, оно уже происходит, оно идет тысячами путей, ускользающего от нашего внимания и нашего воздействия. Оно пойдет неизмеримо шире и быстрей, когда мы сумеем дать лозунг для такого воздействия и выкинем знамя освобождения русского крестьянства от всех остатков позорного крепостного права. Приходящий в города деревенский люд и теперь уже с любопытством и интересом присматривается к непонятной для него борьбе рабочих и разносит весть о ней по всяким захолустьям. Мы можем и должны добиться того, что это любопытство сторонних зрителей будет сменяться если не полным пониманием, то хотя смутным сознанием того, что рабочие борются за интересы всего народа, будет сменяться все большим и большим сочувствием к их борьбе. А тогда — день победы революционной рабочей партии над полицейским правительством будет приближаться с нежданно-негаданной для нас самих быстротою.

[Н. Ленин]

ИЗ

НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ[2]

Подавляющее значение за последние месяцы приобрели у нас студенческое движение и народные демонстрации во многих городах. Приводим описания этих событий, составленные на основании около ста сообщений, присланных в редакцию «Искры». Мы шлем горячую благодарность всем корреспондентам, а также лицам, приславшим нам всяческие листки и материалы, и усердно просим их продолжать и расширять свое сотрудничество.

С.-Петербург.

Хронику событий за февраль и начало марта приходится начать с того правительственного сообщения (11 января) об отдаче студентов-киевлян в солдаты, которое мы отметили в № 2 «Искры». Наши указания, что это не чисто студенческий вопрос, что он должен вызвать массовую студенческую забастовку и демонстрации с участием всех классов общества и рабочими во главе их, оправдались в полной мере.

Протест против отдачи студентов в солдаты быстро разгорался в петербургском студенчестве. В большинстве высших учебных заведений — ряд сходок. Принимаются резолюции об устройстве обструкции, о требовании отмены «временных правил». Напр., такое требование пред'явили 25 января представители организованного петербургского студенчества (университета, высших женских курсов, институтов: горного, лесного, электротехнического, путей сообщения, женск. медицинского, рождественских курсов, военно-медицинской академии, академии художеств). Ссылаясь на временные правила и на пущенные уже в ход (в Казани) нагайки, они грозили правительству, что оно «разбудит наших отцов, матерей, братьев, сестер, как разбудило уже часть народных масс—рабочих». Выходит масса листков и бюллетеней. Мы не станем утомлять внимание читателей перечислением всех этих листков, доставленных в редакцию. Отметим две характерные черты: с одной стороны, некоторое уныние и угнетенное настроение студенчества, многие представители которого запуганы азиатским наказанием. «Право, темнее времени не помню, душно стало», сообщает один корреспондент от конца января, после того как участь 183 киевских студентов разделили 27 петербургских. «Настроение такое удрученное, так запуганы все, что теперь, что хочешь делай, все пройдет без возражений». Борьба между радикальным студенчеством («обструкционистами», т. е. стоявшими за стачку и обструкцию) и «благоразумными», стоявшими за подчинение и не желавшими рисковать своей буржуазной карьерой, обострялась иногда до того, что грозили облить друг друга кислотой и т. п. Начальство старалось разжечь этот раскол, взывая в своих об'явлениях к «серьезным умам», приглашая студентов быть «скромнее» (об'явление попечителя спб. учебного округа Сонина от 6 февраля). Студенты, не мирящиеся с раболепством, отвечали горячим протестом против «Боголепова и К°», провозглашали: «Вперед, товарищи, полно молчать!. Помните, что приговор истории страшнее и ужаснее приговора временной комиссии» (Бюлл. № 6, от 6 февраля). Другая черта— рост сочувствия к студентам среди тех, кому не грозила отдача в солдаты и среди общества вообще. Студенты военно-мед. академии на сходке 30 января единогласно решают подать петицию об освобождении отданных в солдаты студентов, о предоставлении права сходок. Слушательницы высших женских курсов на сходке 3 февраля предлагают забастовать, горячо протестуют против «временных правил». Ходит по рукам гектографированное письмо за подписью «Мать», клеймящее, с одной стороны, произвол Победоносцевых, Сипягиных, Боголеповых, дошедших до бессмысленной, наглой жестокости, — с другой стороны, унизительное молчание «русского общества, умеющего только терпеть, молчать и трепетать». Распространяется стихотворение студента «Тогда и теперь» (1 февраля, 1899 — 1901), зовущее на борьбу, возмущающееся малодушием массы, позволяющей обращать храм науки в «тюрьму, в казарму для солдат». Унывавшие студенты боялись верить в свои силы, не зная, что возбуждение и дух борьбы проникают и в другие классы общества.

Правительство не могло, конечно, не видеть, что брожение растет. Аресты следовали за арестами, тюрьмы переполнялись. По делу об умеренной «верноподданной» петиции царю об отмене «временных правил» взяли известного историка, писателя Милюкова. Обыски были у многих писателей. «Обычных» арестов в ночь с 9 на 10 февраля было до 50. Необходимо добавить, что политика правительства начала уже проявлять признаки шатания: не то подавлять, не то итти на уступки, или, вернее, обмануть уступками. Последнее выразилось — правда, очень слабо — в проводах новобранцам-студентам, устроенных военным министром, который жал руки всем этим низшим чинам, говорил им оболряющие речи и просил в случае каких-либо затруднений обращаться к нему. Читатели благоволят сопоставить с этим помещаемую ниже корреспонденцию из Пскова.

Возбуждение усиливалось. Реакционная печать («Гражданин», «Московские Ведомости») только подливала масла в огонь, доказывая с отвратительным лицемерием Иудушки, что в отдаче студентов в солдаты нет ничего жестокого, что эта мера свидетельствует о попечитель-

ности правительства, желающего отечески исправить легкомысленных юношей... Можно себе представить, каким издевательством над лежачим и связанным противником звучали такие речи! Но лежачие стали подниматься, а связанным помогла развязать себе руки у л и ц а.

14 февраля раздался выстрел П. В. Карповича, сразивший ненавистного министра нар. просвещения Боголепова. Все сочувствовали Карповичу, и когда, напр., директор женских курсов, Раев, с группой профессоров поспешил выразить сочувствие умирающему Боголепову, — группа курсисток выпуска 1893 г. выпустила листок (от 21 февраля), клеймящий «карьерные расчеты» и «низкий поступок» раболепства перед «гнусным деятелем».

В широкой публике усиленно заговорили о повторении революционного террора. Но, — как совершенно справедливо заметил «Злободневный Листок» (СПБ., тип. «Свободной Русской Прессы», № 2, от 2 марта),—«этот взгляд представляется совершенно ошибочным. Живая история не знает заученных дословных повторений... Теперешний наш самодержец — чего, какой идеи он является воплощением?! Разве это не простой п о д с т а в н о й председатель правления бюрократического предприятия?.. Задача теперь... не в том, чтобы уничтожить этот „миропомазанный штемпель“ (листок говорит, что самодержец напоминает собой каучуковый штемпель с буквами „быть по сему“), а в том, чтобы взять его из рук бюрократии в свои руки». Понятно само собою, что для осуществления такой задачи настоятельно необходимо политическое действие м а с с ы. И вся революционная работа последних лет, шедшая под знаменем социал-демократии, естественно толкала мысль передовой учащейся молодежи на план у л и ч н о й д е м о н с т р а ц и и, план привлечения к протесту (путем его расширения) всех классов общества вообще и рабочих в частности. Одним из выражений этой мысли явился февральский листок, изданный кассой взаимопомощи студентов спб. университета и напечатанный в тип. «Союз Борьбы»[8]. «Решение университетского вопроса,—справедливо писали авторы,—надо искать в решении более широкого и неотложного вопроса — вопроса о расширении политических рамок для русской общественной жизни... Насильникам надо противопоставить силу... А эта сила уже растет, ее выдвигает сама жизнь, в ней лежит залог лучшего будущего. Быстро располагается она по стране, охватывая ее все цепче и крепче, грозная, пока бессознательная. Но пробудись в ней сознание — и конец абсолютизму, конец замаскированному рабству». А какое же лучшее средство расширения университетского вопроса и пробуждения сознания в грозной народной силе, как не вынесение протеста на улицу, перед толпой народа? И план устройства открытой демонстрации был принят вожаками движения.

Решено было собраться к Казанскому собору 19 февраля. По расчетам инициаторов, в манифестации должно было участвовать свыше 2.000 человек студентов и курсисток. Впрочем, с 17 на 18 число было арестовано 26 человек, в том числе шесть человек «делегатов» с печатными воззваниями относительно манифестации, так что уверенность в исполнимости этой последней сильно пошатнулась, и манифестация была отменена. Тем не менее 19 февраля к Казанскому собору пришло чел. 200 — 300 (по другим сведениям до 400) учащейся молодежи. Часть их зашла в собор, а часть расположилась на скамейках около собора. Когда в церкви ничего интересного не оказалось, все вышли на улицу и, соединившись с толпой, которая сохраняла выжидательное положение возле собора, повернули на Невский. В это время масса конных и пеших полицейских оцепили толпу манифестантов и следовали с нею вдоль по Невскому. Толпа шла с пением Марсельезы («Вставай, поднимайся, рабочий народ!»). Около здания думы конные полицейские врезались в толпу демонстрантов с очевидным намерением свернуть шествие в переулок (между думой и Милютинскими рядами). Молодежь, прижатая к зданию думы, стала отталкиваться от напиравших полицейских, а те, ничто же сумняшися, пустили в ход кулаки и стали наносить жестокие удары направо и налево. Собравшаяся публика кричала городовым: «Вы не имеете права бить!», а те отвечали: «Нам приказано». Толпа демонстрантов состояла, главным образом, из женщин-рождественок и медичек. Раздался отчаянный крик. Эту дикую сцену из окна думы наблюдало несколько человек (в том числе и городской голова Лелянов) и выражали свое сильнейшее негодование против полиции, а с одной из барышен, наблюдавшей оттуда за всем происходившим, случилось острое помешательство. «Девиц до того били, сообщает один корреспондент, что гостиннодворские приказчики стали заступаться за них. Среди публики многим делалось дурно». Неслись вопли, крики: «Бьют, бьют!» Посторонней публики около демонстрации собралось около 5 — 6 тысяч. Вмешалась толпа. Грозило очень крупным побоищем. В это время явился градоначальник Клейгельс и попросил (сначала было «потребовал», но вследствие протеста толпы должен был требование свести на вежливую просьбу) войти во двор. Тут во дворе демонстранты были переписаны. Часть студентов, стоявших вне цепи, пыталась присоединиться к демонстрантам, но Клейгельс, пропустив человек пять, отказался затем от такого опасного приема. На заявление молодежи, что ее били, Клейгельс выразил недоверие к этому факту («моя-де полиция не дерется») и жалобу принять отказался, предоставив пострадавшим искать законных путей для выражения своего протеста. Все переписанные и многие из окружавших отправились в ближайший участок и там требовали составить протокол. В конце концов составили жалобу на действия полиции и отправили ее с каким-то студентом-медиком к прокурору. Как говорят, Клейгельс призывал к себе этого медика и дал ему понять, что жалобы на полицию никогда ни к чему не приводят (пример-де тому эпизод в истории 1899 г.). И действительно, прокурор, сначала любезно выслушавший жалобу от студентов, потом изменил свой тон: вы, говорит, бунтовщики, и вашу жалобу я направил к градоначальнику. Рассказывают (по другой версии), что Клейгельс принял заявление о действиях полиции и в ответ прочитал место из одной русской книжки, в которой описывается, как бьют полисмэны в Англии манифестантов. Маленькое различие упустил г. Клейгельс между свободной Англией и бесправной Россией: то, что в Англии бьют за нарушение порядка публикой, а в России бьет нарушающая порядок полиция.

Вот еще выдержка из сообщения лица, бывшего очевидцем события: «Выходя 19 февраля из Казанского собора, чтобы отпразиться домой, я увидела, что площадь перед собором с левой стороны окружает отряд городовых и конных жандармов... Около Милютиных рядов я заметила, что сзади появились околоточные, которые стали загораживать тротуар: какой-то прохожий выразил неудовольствие, что ему преграждают дорогу. Оглянувшись, я увидела, что околоточный, любезно склонившись и указывая на видневшуюся впереди толпу учащейся молодежи, спросил с иронией: „К какой партии вам угодно примкнуть, к той или к этой?“ Этот наглый вопрос, конечно, принуждал всякого просто приличного человека сделать решительный выбор. Но, зная, кто именно составляет «ту партию», во всяком случае, не желая „примкнуть“ к партии полиции, я, не оглядываясь больше, поспешила присоединиться к идущим впереди. Едва я их достигла, как сзади и сбоку уже вплотную подступил отряд городовых, которые шли ровными рядами. Передние скрестили на груди руки и выставили вперед локти, а вся масса отряда дружным натиском двигалась на толпу. Когда же дальнейшее движение сделалось почти немыслимо, началась кулачная расправа. Не изменяя общего положения рук, городовые поднимали сжатый кулак правой руки, сгибая руку в локте и снова разгибая ее, опускали кулак прямо перед собой, не разбирая, куда и на что он попадет; движение кулаков было правильно, одновременно, равномерно; в этом был виден выработанный метод, чувствовалась организованная система кулачного натиска. Ни негодующие крики студентов: „Не сметь трогать женщин!“, ни посиневшие от давки лица с выкатившимися глазами, ни возможность катастрофы перед огромными зеркальными стеклами магазинов—ничто не останавливало непрерывного, безобразно жестокого натиска городовых»...

Этот первый опыт манифестации показал, что сочувствие публики обеспечено студенчеству, выступающему против произвола царского самодержавия, — и в то же

время он показал, от каких причин зависит сравнительная неудача 19 февраля. Отсутствие революционной организации сказалось на том, что демонстрацию наполовину отменили, и не все о ней знали. Отсутствие рабочих обусловило сравнительно малое число присутствовавших: демонстрация не могла получить характера народной схватки с полицией: никто не позаботился о том, чтобы наряду со студенческими требованиями были выставлены более широкие требования. Всем этим об'ясняется, что настроение революционного Петербурга после 19 февраля было двойственное: с одной стороны, сознание, что путь демонстрации—единственно верный путь, с другой—неуверенность в успехе. На 28 февраля — день юбилея газеты «Чего изволите» («Нового Времени») — была назначена демонстрация в Эртелевом переулке. Группа инициаторов особым листком приглашала почтить достойным образом 25-летний юбилей почтенного Алексея Сергеевича Суворина, с успехом возводившего в принцип беспринципность, сделавшего блестящую карьеру на подхалимстве и лакействе перед правительством. Демонстрация не удалась, и опять-таки по тем же самым причинам. Полиции собралось больше, чем молодежи. Шпалерами стояли по всему Литейному, Мало-Итальянской. Толпу разделили на части и разогнали. Часть была переписана. Говорят, весь переулок был усыпан обрывками «Нового Времени». Таким образом, и эта неудача демонстрации была относительной: известный результат был, несомненно, достигнут. Чтобы убедиться в этом, достаточно прочитать следующую картинку, набросанную одним из участников празднества: «Итак, Суворин имел огромный материальный успех. Его оба сына стали также участвовать в редакции газеты, и за династией Суворина обеспечено владычество. Я слышал пение дьякона, слышал приветственные речи, на которые старик Суворин отвечал рукопожатием или поцелуем в щеку ораторов. Пили шампанское. Я стоял вблизи окна и смотрел на улицу. И что же? Отряды конных и пеших полицейских снуют по короткой улице. Человек 60 стоит около дома. Я заинтересовываюсь. На противоположной стороне улицы я вижу небольшую кучку студентов, громко смеющихся и жестикулирующих. Теперь-то мне стала понятна эта овация со стороны полиции. Петербургские студенты не ладят с Сувориным с тех пор, как он в одном из своих остроумных „маленьких писем", два года тому назад. шутя отнесся к студенческим беспорядкам и осудил их. Повидимому, учащаяся молодежь по-своему хотела почтить юбиляра: кошачьим концертом, битьем стекол и т. п. маленькими шутками. Через некоторое время я оставил гостеприимный дом, в котором шампанское лилось сегодня рекой. Эртелевский переулок охранялся полицией, а студентов не было видно. С обоих концов, со стороны Бассейной и Итальянской, улица была оцеплена. На Бассейной жандармский офицер раз'езжал на коне перед цепью городовых. Никого не пропускали. В честь Суворина было вызвано по меньшей мере 200 полицейских, которые, видно, очень были довольны. Я спросил первого попавшегося толстяка-надзирателя, снабжены ли его молодцы нагайками, и он многозначительно улыбнулся мне в ответ. „Милая овация в честь Суворина", говорил я себе мысленно, продолжая путь. В это время явился всемогущий генерал Клейгельс, чтоб самолично смотреть за порядком. Кругом не видать было ни одного студента, но полиция стойко и храбро оставалась на месте. На самом деле, несколько сот студентов и студенток с различных сторон направились к Эртелеву переулку, но разошлись, увидав, что он оцеплен и что полицейские с нагайками охраняют царство Суворина, как грозный архангел врата рая».

Нельзя не выразить сожаления по поводу бездействия соц.-дем. «Союза Борьбы» в СПБ. Ком. Росс. Соц.-Дем. Раб. Партии. Позволительно ли было соц.-дем. не откликнуться на студенческое движение, не обратиться к рабочим с раз'яснением его, не призывать рабочих на демонстрацию против правительства Клейгельсов и Боголеповых? Очевидно, здесь сказались печальные плоды той пропаганды, которая так усердно велась в СПБ. последние два-три года: с одной стороны, «экономисты» усердно приглашали «незабегать вперед» против неразвитых масс и ничего не делали для развития революционной организации и политического воспитания рабочих; с другой стороны, столичные «критики» и «бернштейнианцы» играли на-руку «экономистам» своим «разносом» ортодоксального марксизма[3].

Бездеятельность социал-демократии не могла не отразиться на движении, которому не была обеспечена поддержка со стороны организованных передовиков рабочего класса. Целый ряд сообщений говорит о духе уныния и безнадежности. «Настроение тяжелое, — пишут, например, от 2 марта, — никто как-то не надеется на хороший исход». К счастью, события в Харькове и Москве, описываемые нами ниже, подняли дух и в СПБ. «Как только в Питере стали известны харьковские события, — пишет один корреспондент, — началось волнение среди студентов». «Московские и харьковские события,—сообщает другой,—сильно подогрели утихнувшее было возбуждение среди молодежи». Мы ясно видим здесь, как массовое участие рабочих в демонстрации, характеризующее происшествия в Харькове и Москве, вдохнули новую жизнь в движение интеллигентной молодежи и побудили ее к более решительным и революционным действиям, составившим эпоху в народном движении против самодержавия.

Новая демонстрация была первоначально назначена на 3 марта, день суда над Карповичем. Но так как суд был отложен (очевидно, не только вследствие смерти Боголепова, но и из опасения народной демонстрации), то демонстрацию перенесли на 4 марта. Печатная прокламация «К о в с е м» от имени «Совета союза об'единенных землячеств и студенческих организаций», помеченная днем двадцатилетней годовщины убийства Александра II, 1 марта 1901 г., заявляла, что «полицейский режим достиг своего кульминационного пункта... Протест живой части общества против мракобесия правительства, против собственного бесправия и рабства... начинает выходить на реальную почву... студенческие протесты нашли себе, наконец, поддержку и сочувствие среди разных слоев общества. Мы... выступая на защиту попранных прав человека и на борьбу за них на общественно-политическом поприще, обращаемся ко всем слоям общества».

Четвертое марта, наверное, долго будут помнить не одни петербуржцы, но и все русское общество.

Все знали о демонстрации и, после события 19 февраля, не делали себе иллюзий, знали, на что идут. «Настроение молодежи было подавленное; вечером в субботу, прощаясь со знакомыми и товарищами, молодежь произносила свое „до завтра, до?" таким тоном, точно она шла на то, на что она и пошла в действительности! Одна девочка-курсистка молила: „Господи, хоть бы мне утром захворать завтра", и все-таки пошла. Со всех сторон было это томление перед „завтра", и суббота тянулась так мучительно долго, так много переслушалось и перевиделось, так много передумалось за это накануне».

Ровно в 12 часов в воскресенье из собора, который был полон народу, все демонстранты вышли на паперть. Вся площадь перед собором представляла море голов. Нелегко было определить число демонстрантов: показания очевидцев различны и восходят от 3-х тысяч до 15-ти. Сюда не входит, конечно, масса публики посторонней, окружавшей со всех сторон демонстрантов. «Зрителей была масса, — пишет один корреспондент, — несравненно более, чем демонстрантов». Был пущен шар и подняты на площади два знамени, белое и красное (последнее поднято было, как сообщает один корреспондент-очевидец, рабочими). Надписи на знамени гласили: «Долой временные правила!». Была, говорят, и надпись с требованием свободы слова. Один технолог (по другому сообщению лесник), стал говорить толпе речь. Он изложил нынешнее положение вещей, указал на ненормальность существующего режима, на необходимость изменить русский политический строй и закончил словами: «Да здравствует законность, долой временные правила!» Публика выражала свою солидарность криками «ура», «согласны» и т. п. Продолжалось это недолго, но зрелище было внушительное. В публике разбрасывались тучи прокламаций, в разных концах читались вслух листки. Зрители — главным образом, сочувствующие—совсем придвинулись к демонстрантам. Порядок был полный и, «сначала, — сообщает очевидец, — дело шло почти по-европейски».

Но «европейский стиль сменился русским удивительно быстро». Очень скоро после того, как выкинут был флаг, проехал в коляске Клейгельс. Он с улыбкой оглядел публику, пересел на лошадь и — дал знак. Открыли ворота соседних домов—и массы полиции и войска окружили собор. На площадь выехала кавалькада казаков на крупных горячих лошадях и прямо поехала на середину. «Толпа хлынула в разные стороны, — пишет один корреспондент, — частью к Невскому. Казаки повернулись фронтом к собору. Толпа сжалась к собору. И пока толпа теснилась, казаки плотной линией двинулись вперед. Не было никаких намеков на переговоры с толпой, ни увещания; никто не слышал даже простого предупреждения об атаке или предложения разойтись. Да и уйти было некуда — сзади был собор — и некогда: все дело произошло так быстро, что не было времени одуматься. Казаки ехали с нагайками в руках; когда толпе нельзя было отступать и сжиматься, они под'ехали вплотную и разом начали хлестать всех, кто был перед ними. Крупные рыжие кони прямо грудью давят людей, горячатся, встают на дыбы, а здоровенные казаки с тупыми, зверскими лицами, перегнувшись вперед, размахивают нагайками, и слышно только какое-то щелканье». «Есаул скомандовал: „в нагайки!“,— пишет другой, — и сам первый ринулся, показывая пример своим подчиненным; со всего размаха он ударил первого попавшегося студента, который покачнулся и упал. За есаулом двинулся вахмистр, нанося удары и правой рукой и левой, хватая за шиворот студентов и бросая их под ноги. Сотня последовала за ними. Сначала все стихло, все как будто бы не верили, что бьют нагайками совершенно беззащитных людей. Страшный голос нарушил тишину: какая-то женщина упала в истерике. Отрезанная и отгороженная частью казаков публика рыдала, кричала, но помочь не могла. Свистали нагайки, стучали дубины городовых по головам несопротивлявшихся, опешивших студентов. „Да не может быть! — крикнул находившийся в толпе полковник, что это бьют нагайками; это стук копыт по мостовой“. Молча раздвинулась публика, и полковник очутился лицом к лицу с расправой. В ужасе полковник схватился за голову и, как безумный, побежал по улице. Между тем студенты, окруженные со всех сторон, против входа в колонны, стали отступать к Казанскому собору, где в это время как раз совершалось богослужение и священник выносил св. дары. И вот, у выхода из церкви, между колоннами, где написано: „Грядый во имя господне!“ совершался последний акт гнуснейшего насилия. Свистели нагайки, под ударами которых студенты падали ряд за рядом. Слышался свист и треск обрушившихся на головы дубин. Казакам отдан был приказ отступить, и за дело принялись спешившиеся. Не знаю, что было лучше: казаки хоть в кровь разбирали, а городовые на-смерть били; били прямо по лицу и головам. Одному упавшему с разбитой головой студенту, видно, наступили на шею, он страшно бился и хрипел, очевидно, в предсмертной агонии. Толпой овладела паника, и она бросилась в храм. Озверели и студенты, выломали перила. „Коли бить, так на-смерть“. Самозащита удесятерила их силы, и городовые принуждены были отступить. Страшно становилось за человека, когда он доведен до безумия невозможностью что-либо противопоставить ударам дубины, кроме рук. Один из наиболее свирепых городовых, с налитыми кровью глазами, с громадной дубиной, оступился о лежащего студента. К городовому подлетел студент-медик, мелькнул в воздухе обломок оглобли, и рухнул городовой. А в соборе между тем городовые били смертным боем несчастных курсисток, думавших найти защиту у священников, которые, вместо того, чтобы останавливать с крестом в руках эту бойню, заперлись в алтаре. Городовые хватали курсисток за волосы и били их о стены головами. Туда ворвались студенты и высвобождали несчастных избиваемых. Один технолог, отрезанный от этой кучки казаками, пытался прорваться сквозь цепь; наконец, видя, как под опустившейся дубиной упал его брат и брызнула не то кровь, не то мозг, сошел тут же с ума».

Понятно само собой, что каждый очевидец мог рассказывать только о небольшой части сцены, виденной им непосредственно. Мы считаем необходимым, поэтому, привести еще несколько рассказов.

...«В толпу врезались городовые, которые дрались шашками, не вынутыми из ножен. Этими шашками они, однако, так били, что в конце половина дралась только кусками. Многие студенты повырывали нагайки, отломали куски шашек и защищались ими. Это была подготовленная, организованная бойня; о ней долго будут помнить. В самый разгар бойни меня столкнули с паперти вниз, и я упал на какого-то человека, который, очевидно, тоже упал сверху. В это время вниз с паперти сносили убитого студента. Когда я подбежал к нему, он еще хрипел. Мы с одним студентом разорвали на нем рубашку, стали натирать ему грудь снегом, голову также терли, но он у нас на руках весь задрожал и вытянулся; через несколько минут лицо его совершенно потемнело; весь он как-то закостенел. После этого мы все, спихнутые вниз, могли опять подняться наверх. В это время конница наехала и с задней стороны собора. Массе, сбитой с паперти, избитой нагайками и шашками, некуда было деваться; ее стала топтать конница. Я сам видел, как конница наехала на медика, который перед этим был свален городовым, который его, уже лежачего, бил шашкой; на моих же глазах наехали на какую-то очень прилично одетую барышню, на какого-то не то кучера, не то крестьянина. В это время я сам получил удар и упал без чувств. Очнулся в сквере, на снегу, среди хлопотавшей около меня публики. Этим я избежал ареста. Рабочие на площади вели себя молодцами. Они разломали деревянную лестницу собора, и этими кусками дерева дрались из последних сил. Рабочих на площади было, однако, сравнительно мало, так как с ночи рабочие районы были оцеплены войсками, и рабочие не могли в большом количестве попасть на площадь; попала на площадь лишь небольшая часть, живущая в городе».

«Крик стоял такой, — пишет один очевидец, — что за несколько кварталов слышно было. Какая-то курсистка крикнула что-то налезавшему на нее казаку; тот поднял ее за волосы и поволок; потом ее замяли лошадьми. Кто она? Может быть, та самая, что хотела захворать тифом. Часть народа бросилась было сперва в собор, думая дать многим приют и не дать казакам возможность оцепить остальных; но в соборе могли поместиться немногие, и публика сама стала выходить оттуда, когда показались раненые, которых вносили в собор товарищи же. Это еще больше подлило масла в огонь. Между тем в другие двери стали входить полицейские и выдавливать публику из собора с такой силой, что сходить с паперти уже нельзя было: кто прямо валился, а кто успевал еще соскочить с паперти (вы знаете, ведь она выше роста человеческого) и либо падал и на него валились другие, либо его счастливо подхватывали свои же, либо он попадал в руки полицейских, которые его избивали. Убитых четверо, наверно; троих из них подмяли лошадьми, и уже лежачих добивали. Били кого попало и куда попало; хватали за волосы, волокли; женщины там были без шляп, растерзанные. Полиция сама хватала студентов и сбрасывала с паперти навстречу стоявшим внизу полицейским, которые их били».

«Казаки били нагайками всех, кого могли достать, — сообщает одна курсистка, — первой упала какая-то старушка, вышедшая из церкви; в толпе были дети... Вот несколько студентов снесли с паперти лесника, которому шашкой попало по шее. На мой взгляд он был мертв. Страшный вопль раздался вокруг. В полицию полетел град каменьев, комков снега; их бросали студенты, мастеровые и мальчишки. Шашка с одной стороны, — почти безоружная толпа, с другой... Вот вывели одного медика с разбитой головой; посадили на извозчика и увезли нашу курсистку, все лицо в крови, смотреть страшно. Горняку одному здесь же перевязали голову: вся в крови. Знакомый универсант подошел: через все лицо багровые полосы от нагайки. У другого горняка через нос и обе щеки шрам. Перечисляю всех, кого видела собственными глазами».

«Два господина подвели курсистку, которая была почти в обмороке, к священнику собора (я его знаю) с просьбой отвести девушку в безопасное место, где бы ей дали пить. Служитель бога отвечал с свирепым видом: „Я не помогаю бунтовщикам!“ Я это сам слыхал. Через не-

сколько минут этот мерзавец, смеясь, разговаривал с несколькими пьяными жандармскими офицерами посредине площади, очищенной от публики кавалерией».

Другая корреспондентка, пришедшая на площадь Казанского собора около 12 час., пишет между прочим: «Справа от себя я услышала особый звук хлестанья и щелканья и увидела казаков в красных шапках, которые шли рядом (читатель припомнит, что приехавшие на лошадях казаки потом спешились) и били нагайками вправо и влево. Удар пришелся по платью курсистки, которая стояла за два человека от меня, и следующий удар должен был прийтись на меня, так как казаки надвигались на меня. Противно и унизительно было ожидать этого удара сдавленному в толпе человеку, бороться тут было невозможно. Но в это время толпа наперла и подняла меня на паперть. Тут не было еще красных шапок, они были ниже. Но толпою меня оттеснило вправо, т. е. к левой стороне, к левой колоннаде, и тут я увидела безобразную сцену на паперти. Казак хлестнул какого-то студента без шапки, хлестнул раз-другой по голове, студент упал; тогда трое казаков наклонились над ним и били его нагайками. Затем вдруг все стихло, и пронесся шопот: „Убит". Видно было, как несли что то, виден был верх кареты внизу у левой колоны. Говорят, его положили в карету и увезли, но я уже не видала его. Толпа напором снова придавила меня к правой колоннаде, к двери собора. Все время был визг, крик: „Бьют!", хлест нагаек. Тут раздался крик: „В собор!", но пошли ли в собор, я не видела. Видела только, что две-три красные шапки вошли в дверь собора, и слышала крик. Я думала, что бьют в соборе. Но, говорят, там не били, и теперь я думаю, что казаки занесли туда раненого. Меня выперли на правую колоннаду, по которой я побежала к Невскому, чтобы посмотреть, свободен ли выход. Увидав, что да, я бросилась назад и стала звать всех за собою, чтобы соединиться с товарищами на Невском... Толпа человек в 25 пошла за мной, но мы встретили двух страстно возбужденных медиков, которые крикнули: „К товарищам, которых бьют!", и мы снова все бросились назад. Там уже позади колоннады продолжали бить нагайками. На самой колоннаде я видела четырех городовых, которые гонялись за медиком и, поймав его, сбросили с колоннады вниз на камни, но он вскочил и убежал. Тогда эти же городовые с зверскими лицами стали давить технолога, которого тоже скинули вниз. Что с ним было, не видела... В других местах шла борьба и с городовыми, которые шашками в ножнах били. Многие видели совершенно избитых людей, лежавших без движения. Городовые нападали по несколько человек на одного, сбрасывали и били».

Не подлежит, таким образом, никакому сомнению, что это была организованная, подготовленная бойня. Власти предусмотрительно приготовили даже заранее 50 карет Красного Креста для раненых. Эти кареты приехали вместе с казаками. «Были такие сцены,—сообщает «Злободневный Листок» № 3, от 5 марта: — несколько городовых держат студента, а казак хлещет его нагайкой» *. Хоть и мало, а досталось все же и полиции: казацкий офицер получил удар по голове и сейчас же свалился; жандармский офицер был тяжело ранен и упал с лошади. Несколько городовых и казаков были ранены.

Несомненно, демонстрация представила бы из себя не простое избиение народа, а сражение с народом, если бы социалистические и социал-демократические группы и кружки обратились с специальной прокламацией к рабочим, организовали рассылку делегатов к ним и сообщение вестей с поля сражения, организовали местные демонстрации по окраинам, частью для отвлечения полиции, частью для того, чтобы не оставлять в бездействии тех, кто никак не мог попасть на Казанскую площадь. К несчастью, петербургские социал-демократы оказались, как уже заметили, не на высоте задачи (отчасти вследствие распространения среди них экономизма и бернштейнианства, отчасти, может быть, вследствие массовых провалов незадолго до события). Но рабочие все-таки были на демонстрации и, кроме того, рабочие — что особенно важно — шли на демонстрацию, но были задержаны войсками. Ни с Нарвской заставы, ни с Шлиссельбургского тракта рабочих не пустила полиция: туда были даже посланы войска, чтобы остановить идущую на демонстрацию рабочую массу, при чем произошла схватка, в которой многие были ранены. Другой корреспондент тоже сообщает, что был ряд стычек с казаками. «Рабочие, — пишет один корреспондент, — опоздали на демонстрацию вследствие приостановки конки (конечно, умышленной). Они пришли пешком на Петербургскую сторону только к 6 час. вечера». «У Нарвской заставы, — пишет другой, — стояли 4 роты солдат и не пускали рабочих».

Сочувствие публики к студентам обнаруживалось не раз и самыми различными способами. Варварское избиение возмущало всех. «Какой-то молодой офицер (кажется, гвардеец), — сообщает очевидец, — весь бледный выскочил вперед и крикнул: „Стой!" казакам. Казачий офицер под'ехал к нему недовольный, они оба заспорили — не знаю о чем. Офицер-гвардеец буквально скрежетал зубами и крикнул: „Ну, это мы еще посмотрим!"; казак все-таки от'ехал (неясно, от'ехал ли казак назад или от'ехал, чтобы продолжать избиение). Из публики слышались крики: „Долой нагайки, что вы делаете, негодяи?"».

Что действия полиции возмущали даже весьма высокопоставленных лиц и вызывали их вмешательство, это доказывает сообщение наших газет, что «государь император об'являет строгий выговор члену Государственного Совета, генерал-лейтенанту князю Вяземскому, за вмешательство в действия полиции при прекращении уличных беспорядков». Нельзя не поблагодарить правительство за опубликование этого выговора, показывающего всем и каждому солидарность царя с градоначальником, казаками и городовыми.

Демонстрация кончилась тем, что полицейские, избив массу народа, стали окружать и арестовывать отдельные группы: оцепляли, записывали и загоняли во двор Учетного банка, в Казанскую часть, во двор Гостиного двора. Зацепили, говорят, кучку военных, человек шесть, и повели тоже. Одно уже шествие оцепленных групп (иногда тысячи в две) выходило порядочной демонстрацией.

Как долго продолжалось побоище, — трудно определить. Но волнение на Невском продолжалось до вечера. «Вокруг собора стояли конные отряды, вдоль тротуаров— цепь полиции и казаков. Иногда собиралась кучка студентов, вступала в перебранку или кричала: „Долой нагайки!" Казаки и полиция делали атаку, оцепляли кучку и уводили. По временам отряды в'езжали на тротуар и медленно проезжали вдоль, сметая публику и затем каким-то маневром оттесняя ее в одну из поперечных улиц; но как только отряд повертывался назад, толпа снова заливала тротуар. Улицы, ведущие к собору, и ближайшие поперечные улицы с другой стороны Невского, были заняты отрядами. То и дело патрули проезжали по улицам». «Казаки, — сообщает другой очевидец, — раз'езжали по Невскому до 11-ти часов вечера, и еще публика была там».

Правительство могло торжествовать победу. Что оно не было уверено в ней, видно из того, что царь обратился в бегство и ускакал со всей своей семьей в Царское Село. Уезжая, он сказал, говорят, чтобы бунт был во что бы то ни стало, какими угодно средствами усмирен, и что больше ему ни до чего нет дела. Как видно из приведенных выше фактов, Клейгельс поступал по этому именно рецепту, да и выговор Вяземскому показывает, что отношение царя было именно таково. Клейгельс прехладнокровно распоряжался побоищем и в заключение, — по свидетельству «Злободневного Листка» (№ 3) — громко произнес: «До-

* Нельзя умолчать, что в этом живом и интересном листке есть звучащая либеральной фраза: «Полиция не может допускать уличных демонстраций — это понятно. Разве нельзя было оцепить всех собравшихся и переписать их или арестовать»... Что «нельзя допускать» выхода граждан «скопом» на улицу, процессий и речей к публике, это «понятно» только с точки зрения людей, привыкших к политическому бесправию и рабству. И если полиция дошла (не в первый и не в последний раз) до избиения и убийства граждан, протестовавших против этого рабства, то надо призывать не полицию к тому, чтобы она мирно оцепляла, записывала и арестовывала, а народ — к тому, чтобы он поднялся весь на борьбу с полицией, чтобы на гнусную расправу с беззащитной молодежью и женщинами он ответил расправой с царским правительством.

стойно же мы их встретили!» Один старый писатель, удерживая полицию от зверства, был сшиблен с ног, и его ударили по лицу. Когда он, увидев Клейгельса, спросил его, зачем допускают подобные вещи, тот ответил: «А зачем вы сюда попали?» Вечером Клейгельс телеграфировал в Царское Село: «Бунт в С.-Петербурге усмирен».

Известно изречение, что бунт есть неудавшаяся революция, а революция — удавшийся бунт. Демонстрация 4 марта не была, конечно, ни бунтом, ни революционным восстанием, но правительство—надо отдать ему справедливость—сделало с своей стороны все возможное, чтобы расширить и углубить ее значение, удесятерить «подавлением бунта» всеобщее недовольство и тем приблизить в громадной степени момент, когда подобные демонстрации станут действительно опасным и вовсе не осужденным на неудачу «бунтом».

Можно ли подвести итог жертвам 4 марта? В данный момент мы в состоянии сообщить лишь очень неопределенные данные. Число убитых определяют в 6—8 человек. Называют студентов-медиков Анненского и Тимофеевского, говорят, что не найден студент Могилянский, убит лесник Донцов, студент Петерс, студентка Забиякина (кажется), лесгафтичка Беляева *. О том, чтобы пересчитать раненых, не может быть и речи: известно, что из писателей ранены Струве, Пешехонов (сброшен с лестницы), Анненский. К убитым и раненым прибавились арестованные, число которых определяется (по некоторым сообщениям) до 1.050 чел.: 252 в Литовском замке, 339 курсисток в Спасской части, затем в Василеостровской, в Коломенской, Казанской, в пересыльной тюрьме, и в Крестах на Выборгской стороне. Взяты, между прочим, писатели Струве и Туган-Барановский.

Таковы приблизительные данные о павших в бою. Настроение Петербурга — напряженное, «электрическое». Ожидают новых демонстраций. «Не пьем, не едим как следует», — говорил 7 марта один очевидец побоища. Правительственное сообщение (опубликованное 6 марта в газетах) поразило своей ложью даже людей высшего общества, и там готовится (?) заявление о возмутительных действиях полиции 4 марта и о лжи правительственного сообщения. Что общество не высшее возмущено до глубины души, что доказывает письмо 45 литераторов (к которым потом присоединилось еще 34 писателя, подписавших, как и предыдущие, свои фамилии) к редакторам русских газет и опубликованное в заграничных газетах. Русские газеты не решились, конечно, напечатать этого письма, и оно распространялось по рукам. В нем выразилось негодование по поводу этого зверского, заранее подготовленного избиения, по поводу вынужденного молчания печати, по поводу отчаянного положения страны, отданной в полное распоряжение кулакам и нагайкам. Что касается до петербургского общества вообще, то оно поголовно было осведомлено о событии 4 марта, и сочувствовало демонстрантам. «Чтобы обелить себя, — сообщает один корреспондент, — полиция, через участки, по всей вероятности, распустила слух, будто избиение вызвано тем, что студенты позволили себе курить внутри собора, стоять в нем в шапках и вообще надругались над святыней. Этот маневр возвратил ей сочувствие кухарок— и только. Остальная публика частью не поверила полиции, частью расспросами на месте убедилась в противном и, к чести ее, если не выразила прямого сочувствия студентам, то порицала полицию. На частных квартирах состоялись заседания, на которых были выработаны петиции министру внутренних дел, затем подписаны и поданы». Заметим, что и реакционная печать подхватила эту полицейскую ложь о бесчинстве студентов в церкви. Кто именно бесчинствовал в соборе — ясно из приведенных выше описаний.

На студенчество впечатление этой демонстрации было огромное. До нее многие студенты института путей сообщения, гражданских инженеров, лесного, в.-медицинской академии относились скептически к студенческим беспорядкам, а теперь было единодушно решено во всех этих высших учебных заведениях прекратить посещение лекций. И не только студенты, но даже все профессора отказываются теперь читать лекции. По двум сообщениям, происходят уличные демонстрации около тюрем, и полиция не в силах справиться с демонстрантами.

Царское правительство, видимо, испытывает некоторое колебание. Преемника Боголепову не назначают, и в обществе упорно говорят, что экстренный совет министров, собравшийся 4 марта в Царском Селе, постановил не применять дальше «временных правил». С другой стороны правительство выпускает лживое и невероятно наглое сообщение о «беспорядках» в С.-Петербурге, Москве, Харькове, приводя в восторг реакционную печать прямотой и твердостью тона, — царь об'являет выговор Вяземскому, министр внутренних дел опубликовывает циркуляр (от 12 марта) с критикой действий полиции при уличных беспорядках и с наставлением как следует расправляться. Министр требует большей «быстроты и решительности», министр недоволен «медлительностью властей», министр вынужден признать (бедняжка!), что «беспорядки» представляли из себя «подготовлявшиеся заранее демонстрации», против которых недостаточны «слабые увещания». Против «скопищ, не желающих разойтись», пытающихся оказывать сопротивление, против лиц, которые начнут «произносить речи», — необходимо «безотлагательное применение самых решительных мер», отличающихся «в высшей степени энергическим характером». Особенно доволен г. министр казаками: «Своевременный вызов кавалерии, — вещает он в назидание всем чинам полиции и в поучение всем российским верноподданным, — не исключительно в целях употребления оружия» (читай: в целях употребления нагаек; слог г. министра так же тяжел, как удары казацких нагаек) «представляется иногда весьма соответственным и желательным».

Мы усердно советуем всем читать и перечитывать этот интереснейший циркуляр. Это — настоящий план кампании, план военных действий правительства против народа, начавшего выносить на улицу свой протест и свое возмущение.

Давайте же и мы, социалисты, вырабатывать и осуществлять свой план кампании, план военных действий народа против правительства. Пусть будет этот план рассчитан не на единичный и случайный удар, а на систематическую упорную борьбу.

Петербургские рабочие, помните о майской демонстрации! Помните о людях, убитых, раненых и арестованных 4 марта: эти люди восстали против вашего злейшего врага, против полицейского самовластия, которое держит русских рабочих и весь русский народ в угнетенном, униженном, бесправном состоянии. Петербургские рабочие, помните о майской демонстрации, постарайтесь дать надлежащий ответ правительству зверства и насилия!

* * *

P. S. Эти строки были уже написаны, когда мы получили сведения о событиях после 4 марта. Сведения эти вполне подтверждают данную выше оценку деятельности местных социал-демократов, не выпустивших ни одного листка к рабочим. После 4 марта только соединенные группы «Социалист» и «Рабочее Знамя» [4] выпустили воззвания к спб. рабочим, приглашая на демонстрацию 11 марта. Собрание студенческих делегатов высказалось против демонстрации: тут сказалось, с одной стороны, то, что лучшие силы радикальной молодежи были разбиты 4 марта, с другой — влияние слухов, что «временные правила» применяться не будут. «Союз Борьбы» был тоже против демонстрации, и она была отменена. Таким образом, либерально-умеренная часть интеллигентной молодежи и «экономически» настроенная часть социал-демократов оказались, как и следовало ожидать и как давно предсказывали противники «экономистов» и «критиков», на одной стороне и пересилили понесших громадный урон социал-демократов-революционеров. Но рабочие — это особенно отрадно отметить — не послушались все же речей успокоения. Настроенные революционно, они массами шли в город в воскресенье 11 марта, заполнили улицы и с минуты на минуту ждали призыва к борьбе. А борьба гро-

* По последним известиям, сообщение о том, что были убитые, опровергается.

зила не шуточная, потому что все силы петербургской полиции и местных частей войска были мобилизованы, и готовилась, по всем слухам, стрельба в народ. Долго ждали рабочие и, наконец, разошлись, осыпая справедливыми упреками студентов и умеренных социал-демократов за их робость и бездеятельность. Рабочие заявили о своей готовности к борьбе, и пусть послужит одиннадцатое марта еще новым уроком и предостережением для петербургских социал-демократов.

Москва.

В Москве в течение всего января в университете происходило брожение под влиянием известий о петерб. и киевских событиях. Большинство, несомненно, было запугано угрозой отдачи в солдаты, и его было трудно расшевелить. 19 января появилась гектографированная прокламация «Что делать» за подписью «Московские товарищи», призывавшая студентов не следовать примеру трусливого общества. Прокламация приглашала к забастовке с пред'явлением требований «возврата всех товарищей» и отмены «временных правил». 29 января состоялась сходка 317 студентов в актовом зале. Приглашенный ректор отказался явиться «по болезни». Сходка решила послать депутацию к ректору с требованием освобождения отданных в солдаты киевлян и отмены «временных правил», присоединив сюда обычные студенческие требования: возвращения устава 63 года и права сходок. Участники сходки были переписаны, а ректор отказался говорить с депутацией. На 3 февраля была назначена вторая сходка. Явившись в университет, студенты нашли все двери запертыми. Толпа студентов пошла по Никитской улице с пением студенческих песен. К толпе присоединились любопытные, а полиция отнеслась к демонстрантам совершенно равнодушно, не вмешиваясь в их шествие. При неорганизованности и случайности демонстрации, такое отношение полиции поставило студентов в недоумение; они не знали что делать и мало-по-малу разошлись. Все переписанные на сходке 29 января студенты были преданы суду университетского начальства.

Постановленная сходкой 29 января забастовка **не была применена**. Масса студенчества не пристала к движению. 2 февраля появилась прокламация «Исполнительного Комитета об'единенных землячеств и организаций в измененном составе», которая засвидетельствовала «неуспех забастовки, вследствие присутствия в университете узко-консервативного элемента». Приняв меры к созыву новой сходки, «Исполнительный Комитет» об'явил 19 февраля, что, по произведенному подсчету, число желающих назначения сходки достигло 917, и назначил собрание на пятницу 23 февраля, в 12 часов дня, во дворе перед актовым залом университета.

Сходка 23 января явилась поворотным пунктом в ходе московских событий. С одной стороны, полученные из Петербурга и Харькова известия о демонстрациях 19 февраля и о жестокостях, произведенных полицией и казаками, вызвали более сильное возбуждение в более широких кругах студенчества; с другой стороны, верный союзник русской революции — правительственная администрация — постаралась вынести студенческое движение на улицу и тем придать ему значение политического события первостепенной важности.

О событиях 23 февраля нам пишут:

«23 февраля с 12 часов дня на Моховой стала собираться толпа народа, и часам к двум народу собралось так много, что улица была заперта. Городовых и жандармов масса. Еще больше публики. Студенты Петровской академии, межевого института и масса курсисток. Техников почти нет. Часть студентов находится во дворе, но большинство их видно на улице. Никакого крику и скандалов нет. Полиция замечательно вежлива. Со всех сторон летят прокламации. Педеля из-за угла записывают тех, кто кажется им подозрительным. Помощников инспектора не видно. Простояв некоторое время на улице и во дворе, студенты и курсистки решили войти в зал. Число сходчиков было, как говорят, до 600; из них до 103 курсисток Когда сходка состоялась, жандармы окружили университет и оттеснили толпу. Часть студентов отказалась разойтись и была отправлена в манеж. Кроме того, кучки студентов то и дело забирали в манеж, но на них смотрели сквозь пальцы, и большинству удавалось удрать. Вообще отношения между студентами и полицией довольно мирные. Студенты смеются и об'являют приставам, что они (т. е. пристава) действуют скопом, городовые просят студентов собрать им „на-чай", так как они несут лишнюю обязанность. Мальчишки из Охотного, видя оживление, догадываются, что, вероятно, приехал царь. Полиция просит посторонних разойтись. Какой-то рыжий с длинными волосами суб'ект пользуется особой привилегией у околоточных; некоторые догадываются, что это шпион, и просят удалить его, что поневоле и приходится сделать. Настроение приподнимается все выше и выше. Наконец, сходка заканчивается, и появляется полотенце с огромной надписью, наверное не знаю какой, или «обструкция» или «отмена временных правил». Впрочем, эта надпись вскоре была убрана самими студентами. Решено послать депутатов к ректору и попечителю, но так как они их наверное не примут, то предпринять целый ряд уличных демонстраций. Требования: возвратить киевских солдат, отменить „временные правила" и требовать устава 63 года. После этого полиция окружила всех сходчиков и забрала в манеж. Теперь самое эффектное: по пути в манеж толпа студентов прорывает цепь городовых и вырывает человек 50 сходчиков. Когда „бунтовщики" были заперты в манеж, туда же был загнан целый полк солдат и конных жандармов. Публика не думала расходиться, а стояла до поздней ночи».

В манеже арестованные отказались назвать полиции свои фамилии. Были приглашены педеля установить личность задержанных. Вскоре после этого полиция предложила заключенным разделиться на группы по 50 человек и отправиться под конвоем: мужчинам в пересыльную тюрьму, а женщинам — по домам. Свистки, смех и крики были ответом на это предложение. Обер-полицмейстер Трепов пригрозил не давать заключенным пищи, пока не согласятся итти в тюрьму. На заключенных эта угроза не подействовала, и они заставили дать себе 200 хлебов и поставить самовар. Пищи этой оказалось недостаточно. Вообще содержались заключенные в манеже отвратительно. Вот что пишет один из заключенных:

«Не дали даже соломы для спанья, и спать пришлось на мерзлой голой земле. Воздух в манеже от присутствия нескольких тысяч человек и 300 лошадей (нас охраняло 1.500 человек войска и 300 казаков) стал такой спертый, что со многими начали делаться судорожные припадки. Все это мы сообщили окружавшей манеж громадной толпе народа и тем сделали из любопытных — манифестантов».

И действительно, народная толпа приняла живейшее участие в студентах. «Когда студентов вывели из университета, чтобы вести в манеж, громкое „ура" огласило всю площадь. Кричали не только студенты, но и посторонние (**рабочие**, девушки и т. д.). Тысячная толпа не расходилась до самого вечера».

Пока в манеже полиция вела пререкания с заключенными, вокруг манежа «собиралась все большая и большая толпа. Полиция и конные жандармы ничего не могли с ней сделать. Только прибывший полк солдат помог разогнать толпу и многих рассадить по участкам».

Под влиянием рассказов сидящих в манеже о том, что там делается, толпа стала приходить в возбуждение, начались отдельные стычки с полицией, и вслед затем стали появляться кареты скорой медицинской помощи. В толпе слышались требования выпустить заключенных, и «солдаты должны были взять ружья наперевес, чтобы удержать бушующую массу».

В ночь на 24 февраля полиция произвела массу обысков.

24 февраля студенты опять собрались на сходку к университету, но их не пустили. К 12 часам на площади собралась толпа в две тысячи человек. «В час дня толпа, состоявшая уже не из одних студентов, перешла к манежу, где сидели заключенные накануне. Толпа стала требовать, чтобы ее пустили в манеж. Из манежа выскочил отряд солдат и начал бить прикладами. С другой стороны, приска-

кавший отряд казаков с полковником во главе стал давить толпу лошадьми. В ответ раздались крики негодования. Мастеровые свистели в свистки, освобождали арестованных студентов, громко ругали полицию. Часть толпы пошла по направлению к Тверскому бульвару до генерал-губернаторского дома, смяв стоявшую там цепь городовых. Появились казаки и разогнали толпу. Вечером толпа демонстрировала перед домом обер-полицмейстера. Вечером опять площадь перед манежем была запружена народом. Среди нее была масса фабричных и мастеровых. К 11 часам ночи группа мастеровых бросилась с криком к дверям манежа, выломала наружные двери, но затем была оттеснена. Под напором казаков толпа побежала мимо манежа, разбивая стекла. Бивших стекла арестовали (трех человек), но толпа их отбила». При этой свалке казаки действовали усердно нагайками. Толпа была разогнана, и часть ее снова собралась у старого университета, но, оттиснутая к Тверской, с пением прошла до генерал-губернаторского дома и была рассеяна. Остатки ее собрались около театра и с пением прошлись по Петровке. У редакции «Московских Ведомостей» были конные жандармы и охраняли ее. Толпа, двигавшаяся по Тверской, состояла, главным образом, из рабочих; из них, по слухам, арестовано до 280 человек. В ночь на 25 февраля сидевших в манеже студентов под сильным конвоем отправили в тюрьму.

В воскресенье 25 февраля возбуждение достигло высшей степени, и десятки тысяч народа приняли участие в противоправительственных демонстрациях. В первый раз Москва видела такое массовое проявление народного протеста. С утра стали собираться толпы у университета. После полудня большая толпа, в числе которой были рабочие Прохоровской мануфактуры, двинулась по Никитской и Тверскому бульвару с пением. На середине Тверского бульвара встретились казаки. Толпа устроила баррикаду из бульварных скамеек и задержала натиск казаков, мчавшихся во весь опор. Громким свистом и ругательствами толпа выражала свое презрение казакам. Вдруг раздались крики, что сзади толпу оцепили городовые. Толпа ринулась назад и прорвала цепь городовых, при чем происходило целое побоище. Толпа отбивала тех, кого полиция пыталась задержать, и не более десятка лиц осталось в руках полиции. Наконец, полиции удалось рассеять толпу. В течение всего дня громадные толпы, состоявшие преимущественно из рабочих, демонстрировали по улицам, особенно по Лубянке, по Тверскому бульвару, Мясницкому и Никитскому. Приводим письмо одной корреспондентки, бывшей очевидцем одной из таких демонстраций около 4 часов дня «...Мы дошли до Кузнецкого моста, где нам представилась чудная картина: весь Кузнецкий мост до Лубянки был залит сплошной массой народа, почти исключительно фабричными и мастеровыми, незначительным количеством студентов и массой уличных мальчишек; вся эта толпа свистала, кричала „ура“, размахивала платками и бросала шапки; но, как ураган, налетели жандармы, которые разбили толпу на несколько групп, и мы пошли на Лубянскую площадь. Здесь было арестовано несколько студентов, толпа бросилась их отбивать, избила пристава и, когда он спрятался в ресторане, разбила в последнем окна. Здесь публика увидела Л. Н. Толстого (это было как раз в день появления в газетах его отлучения от церкви), толпа устроила Толстому овацию и с криками: „ура, Лев Николаевич“ проводила его по Рождественке, где по его просьбе усадила на извозчика. Я вышла на Цветной бульвар, который был усеян народом; полиция старалась разбивать толпу на маленькие кучки и не допускать до Тверской, а направлять ее в переулки, но толпа, уменьшаясь на одном месте, вырастала, подобно голове гидры, в вдвое большем количестве в другом».

Другой очевидец пишет: «В 4 часа я подошел к Тверской. Театральная площадь была вся залита толпой, буквально залита. Толпа двигалась по Тверской к дому генерал-губернатора. Прискакавшие казаки загородили путь. Тогда толпа по переулку направилась на Неглинный проезд, оттуда на Кузнецкий. Надо вам сказать, что толпа проявляла удивительную дисциплинированность. Она не разбегалась при виде городовых и казаков, а встречала их единодушным гиканием, свистом и ругательствами. Она или следовала единодушно указаниям вожаков („сплотись! направо! вперед!“), которые всегда находились из среды интеллигентных рабочих (студенты почти совсем не принимали участия), или ясно давала знать свое несогласие с вожаками и заставляла их переменять направление. На Неглинном казаки раз'единили толпу на 3 части. Я имею сведения только про первую часть, другие совершали демонстрацию по другим улицам... Первая часть двинулась к политехническому музею, где ожидалась сходка студентов, но потом повернула по направлению к Мясницкой. Каждого студента, которого толпа встречала, она приветствовала киданием шапок, криками сочувствия и приглашением присоединиться. В случае согласия (которое, кстати, бывало очень редко), толпа поднимала его на „ура“, аплодировала и т. д., а в противном случае она провожала его смехом и свистом... Приставов, даже отдельно идущих, толпа освистывала, закидывала твердыми предметами и заставляла быстро удирать со своих постов. За все время толпа не только не разрушила ни одной лавки, но, если мальчишки позволяли себе разбивать фонари, толпа не пускала их, при чем раздавались крики: „Потом будут писать про нас, что мы просто буянили“, „все равно с нас потом налогами сдерут“ и т. д.

«Пройдя Мясницкую, толпа двинулась на бульвар. Тут она все росла и росла, и, когда была недалеко от Тверского (один бульвар отделял), народу было не меньше 8.000 человек. Студентов было, может быть, несколько человек, — не больше. Перед редакцией „Моск. Ведомостей“ толпа остановилась. Рабочие решили разрушить редакцию. Но тут прискакали казаки и городовые. Казаки с нагайками и пиками раз'единили толпу на четыре части, а городовые начали избивать (в буквальном смысле слова) отдельных лиц из толпы, замеченных как вожаков. Толпа забрасывала снежками и льдинами казаков, заставила офицера уехать на самый зад, но городовые, под защитой казаков, буквально избивали толпу, встречая, положим, и хороший отпор. На Тверской улице и Страстной площади в воздухе стоял свист от нагаек. Били нагайками не только казаки, но и жандармы. В этот же день был устроен кошачий концерт перед домом генерал-губернатора. Во дворе дома ген.-губернатора до сих пор день и ночь сидит масса казаков и городовых. В воскресенье же толпы ходили и по другим улицам. Около университета целый день стояла тысячная толпа».

Третий очевидец рассказывает: «Рабочие (ремесленники) довольно энергично сочувствовали студентам. На толпу в 6 — 8 тысяч человек приходилось 100 — 150 студентов, управлявших этой толпой, сдерживать каковую было крайне трудно. Полиция так прямо трепетала в воскресенье».

Еще в одном сообщении читаем: «По Трубецкой площади шла толпа около 7.000 чел., при чем пела песни, а впереди несли красное знамя, конечно, довольно примитивное, сделанное, говорят, из рубашки». А в другом сообщении так описывается воскресная манифестация у дома ген.-губернатора: «В его окна летели яблоки и апельсины, мальчики свистели в заранее им розданные свистульки; концерт был такой, что великий князь думал, что наступила революция». Толпа кричала: «Да здравствует князь Ходынский». «Все имевшиеся в Москве войска, полиция, жандармы, казаки ничего не могли поделать с манифестантами. На атаку казаками публики, последняя ответила на Тверской баррикадами; кое-где появились и революционные знамена. Войскам были розданы боевые патроны, но пустить их в дело не решились». До трех часов ночи толпы рабочих ходили по улицам (по сведениям нашего корреспондента в пяти местах происходили эти демонстрации), местами били фонари, стекла и полицию. На Мясницкой, после драки с полицией, до 300 человек арестовали, загнав во двор дома Стахеева. В течение вечера толпы студентов и рабочих ходили к дому Толстого приветствовать отлученного синодом борца за свободу совести. Толстой говорил народу речь. По имеющимся сведениям, он отозвался с сочувствием о студенческой за-

бастовке, рекомендовал настойчивость в начатой борьбе и сообщил, что, как ему известно, в высших сферах склонны отменить «временные правила».

В следующие дни волнение продолжалось. Чрезвычайные меры, принятые полицией (в том числе масса арестов на дому, произведенных жандармами), воспрепятствовали новым демонстрациям. В понедельник 26 февраля произошло еще столкновение толпы с полицией в Охотном ряду: в борьбе с полицией студентам помогали охотнорядцы, эти искони прославленные защитники «престол-отечества». Переход этой части московского населения на сторону политического протеста представляет весьма знаменательный факт. Уж если охотнорядцы готовы содействовать политической борьбе, то можно надеяться, что недалеко то время, когда в ней примут участие и наши «экономисты». Благодаря усиленным полицейским мерам, не удалась в Москве демонстрация, назначенная на 4 марта. Военная сила не допустила повторить события 23—26 февраля. Были отдельные столкновения с полицией, немало демонстрантов арестовано.

25 февраля появилось удивительное воззвание студенческого «Исполнительного Комитета», настоятельно приглашающее студентов не участвовать в уличных демонстрациях, так как, дескать, надо приберечь силы для проведения «обструкции» в университете. Студенты-де добились уже выражения симпатий публики, а потому дальнейшее участие их в демонстрациях нежелательно. По верному замечанию одного из корреспондентов, «Исполнительный Комитет» проявил в данном случае «дикое непонимание», стремясь искусственно сузить движение, расширившееся далеко за пределы студенческой борьбы. Гг. сторонники «только студенческого» движения наивно вообразили, что народная толпа манифестировала, жертвуя собой и, подвергаясь расправам солдат только для того, чтобы показать сочувствие студентам, повлиять на правительство и удалиться сейчас со сцены, предоставив далее студентам чинно улаживать свои университетские дела. Гг. представители «Исполнительного Комитета» испугались развития студенческого протеста в политическое движение и пожелали поставить его опять на профессиональную почву, что на самом деле только ослабило бы его силу. Обычная либеральная близорукость!

Но и эта либеральная половинчатость представится недосягаемо высокой политической мудростью, если ее сопоставить с поведением московских профессоров, выпустивших 27 февраля свое гнусное воззвание, о котором мы подробнее говорим ниже. В ответ на это послание появились две прокламации студентов: одна в Москве, другая в Киеве. Московская написана довольно умеренно и бледно; киевская гораздо сильней.

Как бы то ни было, готовое замереть движение московских студентов ожило, войдя в соприкосновение «с улицей». Улица придала ему ту силу, которой ему недоставало, она усилила его влияние на равнодушную часть студентов. Московские высшие учебные заведения, наконец, стали, и начальство и не пытается применять к студентам-стачечникам «временные правила».

А, вместе с тем, студенческое движение, выйдя на улицу и вызвав наружу протест широких слоев городского населения (главным образом пролетариата), неожиданно послужило поводом к революционным событиям. В «сердце России», в первопрестольной столице народная толпа открыто выражала свою ненависть к администрации, освистала высшего представителя власти. В твердыне русского самодержавия представитель царствующей фамилии вынужден лесом штыков и пик защищать свой дворец от нападений рабочего люда. В благочестивой православной матушке-Москве тысячи рабочих приветствовали великого борца против православного мракобесия, только что преданного анафеме первосвященниками православной церкви. Господствующему порядку нанесена глубокая рана в самое сердце, он потерпел серьезное нравственное поражение. Революционное пламя лизнуло своими языками обомшелые стены самых неприступных его твердынь, и близок день, когда эти твердыни беспомощно рухнут.

Харьков.

С возобновлением занятий после рождественских каникул передовая часть харьковского студенчества проявила лихорадочную деятельность, стремясь сплотить массу учащихся на почве протеста против расправы со студентами в Киеве и Петербурге. Организация универсантов и технологов выпускала почти ежедневно по несколько листков, перепечатывая прокламации, появившиеся в других городах, пытаясь сообщить массе студентов возбуждение, царившее уже в Петербурге и в Киеве. В течение целого месяца эти попытки были бесплодны. Только в ветеринарном институте студенты выражали готовность забастовать, если другие учебные заведения приступят к действию. В технологическом и особенно в университете настроение было подавленное. Страх об'ял массу студентов. Было немало случаев позорного дезертирства с поля битвы: многие студенты медлили возвращаться после каникул в Харьков, другие спешно брали отпуски (которые, кстати сказать, инспекция давала очень охотно) и без оглядки удирали из Харькова, ссылаясь перед товарищами на мнимое известие об опасной болезни родителей и т. п. предлоги. Назначавшиеся сходки совершенно не удавались или были слишком малолюдны, чтобы постановить решение. Университетская инспекция совершенно истомилась в напряженном ожидании, чем кончится эта канитель, так что даже просила студентов решить раз навсегда, будет забастовка или нет.

Из массы распространенных в этот период листков отметим крайне пылко и красноречиво написанное воззвание «Союзного Совета» и «Организационного Комитета студентов-технологов» с эпиграфом из Горького: «О, смелый сокол! в бою с врагом истек ты кровью...» Воззвание призывало на сходку и выставляло требования: отмену «временных правил» и возвращения 183 осужденных киевлян.

4 февраля «Союзный Совет» выпустил «открытое письмо» к профессорам, извещая о том, что на 5 февраля назначена забастовка, и приглашая профессоров не читать лекций.

За это время распространены две революционные прокламации. Первая — от «Центрального Комитета Русской Социал-Демократической Партии»; другая—от недавно образовавшейся «Партии Социалистов-Революционеров».

Назначенная на 5 февраля студенческая забастовка не состоялась в виду полного равнодушия массы студентов. В воззвании, помеченном 8 февраля 1901 г., «группа студентов харьковского университета» обращается с горьким упреком к студентам, не поддержавшим движения, и к профессорам, которые «не ушли из храма науки, после того, как в нем была обнажена солдатская шашка». Заканчивая словом ободрения пострадавшим товарищам, которые остались одинокими в борьбе, воззвание выражает надежду на то, что «через несколько лет соберется с силами честное студенчество и снова подымется, быть может, неодиноко». Таким образом, застрельщики студенческого движения потеряли всякую надежду на организацию борьбы на чисто-профессиональной, узко-студенческой почве.

Но, оставшись изолированной в учебных заведениях, радикальная часть учащейся молодежи не сложила оружия и воспользовалась первым представившимся поводом для того, чтобы вынести свой одинокий протест на улицу. А на улице этот протест сразу принял общенародный и, следовательно, политический характер, и улица, откликнувшись на него, придала ему удесятеренную силу.

Студенты решили устроить демонстрацию у собора в день 19 февраля, по поводу сорокалетия освобождения крестьян. По этому поводу распространены две прокламации от организации технологов и ветеринаров. За несколько дней до этого дня некоторые рабочие группы обратились к местному комитету Росс. Социал-Дем. Партии с просьбой распространить на заводах листок по поводу сорокалетия реформы. Гектографированный листок был составлен и распространен (часть задержана полицией). Одновременно другая социал-демократическая организация — харьковский «Союз Борьбы» распространил подобное же печатное воззвание. Рабочие, таким образом, были

подготовлены. К сожалению, студенты не послушались советов устроить демонстрацию вечером, когда и рабочие и служащая интеллигенция более свободны. К двенадцати часам дня небольшая группа студентов собралась в соборе. Выйдя из собора, студенты направились к университету и запели «Дубинушку». Немедленно все ворота и входы в университет были заперты. Тогда студенты, в сопровождении уже многочисленной публики, направились вниз по Университетской улице с пением. В виду малочисленности собравшихся, демонстранты хотели-было расходиться, когда на них налетели казаки и, рассыпая удары нагайками направо и налево, окружили человек 40—50 студентов. К этому времени публики набралось уже много, в том числе мастеровые. Некоторые из них пытались прорвать цепь казаков, но безуспешно. Удары плетьми сыпались беспощадно. Били, не разбирая, очень жестоко. Побоище произвело потрясающее впечатление на публику: дамы падали в обморок, с одним из студентов начался эпилептический припадок. Арестованных повели в часть по Никольской площади. Масса публики следовала за ними и окружила часть, куда были введены задержанные студенты. Через некоторое время казаки незаметно обошли толпу с тыла и оцепили еще человек 60 студентов и четырех дам.

Слух об аресте студентов распространился по городу и, начиная с шести часов, публика стала собираться по Сумской улице около театра, в расстоянии одного квартала от помещения части, куда были отведены студенты. Скоро раздалось пение «Дубинушки». В шесть часов из двора части выехали казаки и поскакали к театру. Публика встретила их шиканием и свистом. Толпа заполнила тротуары и мостовую. Движение экипажей по этой части Сумской прекратилось. Около театра казаки оцепили человек 70 студентов и направились с ними к части, сопровождаемые публикой. В 7 часов веч. к театру прибыла с барабанным боем рота пехоты. К этому времени публике стало уже известно, что рабочие паровозостроительного завода направились к месту сборища. Часть их (равно как железнодорожных рабочих) была оцеплена и задержана, другие обошли место демонстрации и позже вечером неожиданно хлынули в значительном количестве на площадь перед театром. Сюда же явились рабочие мелких харьковских заводов и ремесленники. К ночи студенты и вообще интеллигенция терялись уже среди рабочих. Толпа пела «Марсельезу», «Дубинушку», «Волю» и другие песни. Во время пения внезапно из двора редакции «Южного Края» налетел на толпу отряд казаков и без всякого предупреждения пустил в ход нагайки. Били даже женщин, стоявших на тротуаре и смотревших на толпу. Многие были при этом ранены. Народ подался, но рабочие бросились к изгороди сквера и, разломав ее, вооружились дрекольем. Весьма активную роль при этом играли мальчишки. Один из них выкинул на длинном шесте красное знамя, которое было смято бросившейся в его сторону полицией. Казакам дан был приказ обнажить шашки, что они и сделали. Позже уже били и шашками плашмя. Толпа все нарастала, пение не прекращалось, в отдельных местах произносились речи, которые было трудно расслышать за неумолчным шумом толпы. В течение всего вечера (до полуночи) там и сям происходили набеги казаков на толпу и схватки ее с царским воинством. На площади казаки еще стеснялись несколько, но если атакованная толпа бросалась врассыпную по прилегающим улицам, то казаки, преследуя беглецов, подвергали их варварскому избиению. Толпа кричала казакам: «Вон от нас, азиаты!» Раздался голос: «Бить Юзефовича!» (редактора знаменитого «Южного Края»), и толпа, как один человек, бросилась к редакции, но была отбита казаками. Чувствовалось отсутствие организованного отряда, который оформил бы демонстрацию и придал бы ей более стройный вид. К ночи, наконец, удалось войскам очистить Сумскую улицу. О впечатлении, произведенном на население демонстрацией, и о внешнем ее виде нам пишут, между прочим: «Необходимо отметить, что толпа все время вела себя благопристойно, хотя „солидная“ публика ожидала, что рабочие начнут бить стекла в магазинах, задирать прохожих и т. п. Ничего этого не было и в помине... Весь Харьков только и живет тем, что „происходило на Сумской“. По самым захолустным улицам слышны разговоры простого народа на тему о причинах столкновения. Все в один голос называют годовщину освобождения крестьян: „Наших дедов били 40 лет тому назад, когда крепостные были, теперь студенты об этом вспомнили, и вот их теперь бьют“... Купцы ругали казаков: „Шли бы лучше на немцев воевать, чем на своих, чтоб вас“... и т. д.».

Очевидцы рассказывают такую сценку во время столкновения. Толстый лабазник сказал: «Мерзавцы студенты». Услыхав это, дюжий рабочий растолкал толпу и с криком: «Ага, мерзавцы!» на глазах сочувствующей публики поколотил почтенного буржуа.

Арестованных (до 200 человек) освободили 23 февраля, кроме 18 студентов и бывшего офицера Ильинского, которые, по словам губернатора, замешаны в политические дела. В университете и других учебных заведениях началась забастовка.

После демонстрации Харьковский Комитет Российской Социал-Демократической Партии выпустил подробную прокламацию к обществу, в которой раз'ясняет смысл происшедших событий. Отметив историческое значение первого выступления массы русских рабочих на путь открытого выражения политического протеста, Харьковский Комитет привлекает внимание «политически зрелых слоев русского общества» к рабочему движению, как к главной политической силе, способной сокрушить самодержавие. Прокламация заканчивается приглашением содействовать всеми средствами политической организации рабочего класса. Можно только приветствовать эту попытку харьковских товарищей использовать происшедшее событие в интересах политического воздействия социал-демократии на все борющиеся с правительством элементы.

Мы очень сожалеем, что этот обзор событий нам приходится закончить указанием на новый пример политического недомыслия наших либеральных союзников. В прокламации, изданной под свежим впечатлением дня 19 февраля и подписанной «товарищами студентами», мы встречаем трогательный рассказ о том, как угнетенные насилиями правительства харьковские студенты пожелали перенестись в светлое прошлое, о котором им говорил день 19 февраля, и пошли молиться за «царя-освободителя», каковое их благонамеренное пожелание казаки наградили нагайками. Смеем уверить гг. харьковских студентов, что власть царской нагайки будет длиться над ними тем дольше, чем более они будут коснеть в нелепой вере в разных «царей-освободителей», все царствование которых залито кровью «освобожденных» крестьян и борцов за блага крестьянства. Весь смысл чествования дня 19 февраля недовольными элементами исчезает, если его превратить в чествование памяти того царя, который и в крестьянской реформе, как и во всей своей политике, показал себя орудием класса эксплоататоров в их стремлении заново закабалить поневоле освобожденный народ. Чествовать день 19 февраля, как начало освобождения России от ее общего закрепощения, безусловно следует, но мы бы советовали в этот день крепче помнить не о никогда не существовавших царях-освободителях, а о тяготеющих до сих пор над нами царях-угнетателях. Если бы харьковские студенты-либералы больше думали о последних, они не употребили бы в своем листке нелепой фразы о том, что их били нагайками «вопреки запрету молодого царя». Не говоря уже о том, что такого запрета вовсе не было, мы спросим вас, гг. студенты, а как вы себя почувствуете, если вас изобьют заведомо по желанию «молодого царя?» Или в этом случае боль от удара нагайкой покажется вам более приятной?

Киев.

Самым характерным в ходе студенческого движения в Киеве является резкая борьба между радикальной частью студенчества и буржуазно-консервативными элементами, тормозившими движение и выступавшими довольно решительно и сплоченно. Этим элементам удалось дважды (в январе и середине марта) провалить в политехникуме предложение о присоединении к забастовке; им же удалось в университете не допустить до «беспорядков» в те-

чение всего февраля и половины марта. В свою очередь передовая часть студенчества выступала здесь радикальнее, чем в других городах, о чем свидетельствует, например, воззвание группы «независимых обструкционистов», выпущенное в начале движения, и прокламация «Союзного Совета» по поводу убийства Боголепова, выражающая полное сочувствие Карповичу.

Еще 31 января Киевский Комитет Российской Социал-Демократической Партии распространил печатное воззвание ко всем рабочим «по поводу студенческих беспорядков», в котором раз'яснялось политическое значение студенческого протеста. Когда в Киев дошли известия о петербургских, московских и харьковских демонстрациях, Киевский Комитет взял на себя инициативу такой же демонстрации в Киеве и особым воззванием пригласил рабочих явиться в воскресенье 11 марта в 12 часов дня на Крещатик. Демонстрация, в которой участвовали и студенты, прошла блистательно. Колоссальная толпа рабочих (говорят до 15 тысяч) стройно двигалась по Крещатику с красным знаменем и с пением «Марсельезы». Никаких крупных столкновений с властями не произошло. Подробности этой замечательной демонстрации сообщим, когда будем располагать достаточно проверенными сведениями о ней. Здесь же ограничимся поздравлением киевским товарищам, оказавшим своим смелым шагом великую услугу нашей партии. Пожелаем, чтобы организованные товарищи в других местах в ближайшем будущем проявили такую же революционную энергию и понимание тактики, соответствующей действительным интересам русского пролетариата.

* * *

Студенческое движение перекинулось и в остальные университетские центры: в Казань, Томск, Ригу, Юрьев, Варшаву (Ветеринарный институт), Одессу. В Одессе арестовано до 100 человек, в Казани несколько десятков (отчасти по рабочему делу), в Риге тоже. Все учебные заведения закрыты по распоряжению министра до пасхи. Надеемся в следующем номере сообщить более подробные сведения.

* * *

В прокламации от 17 марта Киевский Комитет так описывает демонстрацию. «День 11 марта. Улицы заполнены народом. Под звуки революционных песен, прерываемых криками „ура“, строго спокойно двигаются тысячные толпы демонстрантов; здесь сошлись все, без различия профессий, пола, возраста, национальностей, — ремесленники, фабрично-заводские и чернорабочие, мужчины и женщины, старики и подростки, русские, поляки и евреи. На всех лицах — одушевление, в глазах — восторженный порыв к свету и справедливости, страстное желание жить, жить так, как жить подобает человеку, а не придавленному рабу. Это не бурная вспышка, не бесформенный бунт, движимый слепой ненавистью. Это продуманное, спокойное и организованное движение к иным порядкам, к новой жизни, основанной на началах свободы, равенства и справедливости. В одухотворенности — его мощь. В организованности — залог дальнейших успехов. Товарищи! Нам предстоят еще долгие годы упорной борьбы, но мы владеем теперь сильным оружием—массовым протестом, демонстрацией. При каждом новом злоупотреблении царского правительства мы будем громко протестовать против беззакония во имя человечности и справедливости».

Казань.

О демонстрации в Казани пишут: «11 марта здесь была демонстрация, правда, скромная. Но все же другие города могут сказать: „Даже Казань!“. Если бы не предусмотрительность полиции, она носила бы другой характер . Еще накануне были оцеплены два главных завода и дамба, соединяющая город со слободой, так как боялись, что придут рабочие. И они, действительно, приняли бы участие, если бы не эта предусмотрительность. Были попытки прорвать цепь, но безуспешно; как говорили (это еще не проверено), многие рабочие (до 60 человек) избиты. Должны были принять участие булочники и ремесленники. Но в ночь на 11-е арестовано до 40 булочников на сходке, где они порешили 11-го забастовать и присоединиться к демонстрации. На главной улице было много студентов и публики. Не успели они еще соединиться и сорганизоваться, как налетела конная и пешая полиция и оцепила почти без предупреждения и без разбору около 150 чел. Простояли часа два. Пропели весь репертуар песен. Было несколько попыток прорвать цепь, но сил было мало. До избиения не дошло, хотя случаи насилия, как всегда, были. Затем пришли войска (!) и с помпой отвели арестованных в часть. Теперь некоторых выпустили, часть переведена в пересыльную тюрьму, часть в частные номера, нанятые для того полицией».

Псков.

Отданных в солдаты петербургских студентов препроводили почти всех (только троих отправили в Ямбург) в Псков для предварительного обучения дисциплине, недели на четыре, после чего предполагается рассортировать их по разным местам. Многие из присланных страдают физическими недостатками (много, например, с совершенно слабым зрением, один паралитик и т. д.); между ними много несовершеннолетних (20-ти лет, а есть даже 19-ти и 18-ти лет). Сначала положение студентов было сравнительно сносно. Офицеры при первой встрече отнеслись к ним хорошо, но об'явили, что, будучи людьми подначальными, они обязаны будут относиться к ним, как к простым рядовым, не допуская никаких льгот и привилегий. Скоро, однако, положение студентов существенно изменилось к худшему, что было вызвано распоряжением какого-то казацкого генерала, приезжавшего для ревизии. Студентам запрещено было брать обеды из офицерского собрания и приказано было довольствоваться из общего котла. Отлучки в город были затруднены, и даже свидания друг с другом стали очень нелегким делом. Издан был приказ, предписывавший ближайшему начальству студентов и даже солдатам говорить студентам «ты», при чем предупреждалось, что нарушение этого правила повлечет за собой строгое наказание. Студентам запрещено было отвечать на вопросы не только нижних чинов, но и офицеров относительно всего того, что имеет прямое или косвенное отношение к их недавнему прошлому. В город начали отпускать с большим трудом: под присмотром так называемых дядек, и притом только до девяти часов вечера Особенно неприятны отношения к студентам низшего военного начальства их: унтер-офицеров, фельдфебелей, их дядек и т. д. Дело в том, что за всякий дефект у студентов-солдат отвечают их дядьки и учителя: если студент не по всем правилам искусства застегнул пояс, под арест садят дядьку; если он не так шагнул, как желательно какому-нибудь командиру, — опять-таки отвечает дядька. И вот эти дядьки, совершенно терроризованные, более чем косо смотрят на первоисточник своих страданий, т. е. на пришельцев. К этому нужно еще прибавить, что отсутствие точной регламентации взаимоотношений между опальными солдатами и остальным военным миром дает громадный простор для элемента личного усмотрения и вообще для произвола не только офицерских чинов, но и фельдфебелей, унтер-офицеров и других мелких сошек, так что нередко постоянный надзор и, так сказать, каторжный режим определяется усмотрением этих последних. В общем, однако, главный тон задает полковой командир, так что в разных полках положение студентов различно. Они размещены здесь в трех полках: в Иркутском, Енисейском и Омском, не более двух человек в роте. Особенно тяжело положение студентов в Омском полку, командир которого, Данилов, успел уже «прославиться» своим чисто азиатским отношением к студентам. Из страха перед ним, со студентами обращаются грубо и те из полковой иерархии, которые в глубине души ничего не имеют против них.

Неприятности для студентов начались здесь с самого дня их приезда. На первом же смотру омский полковой командир произнес перед всем полком речь, в которой предупредительно напомнил им, что студенты — простые рядовые, и потому нечего обращать внимания на их образование. «Ваше образование немного стоит, — заявил он им, — Вы должны забыть о своем прошлом и должны сделаться настоящими солдатами... С вас сняли штатское платье, — теперь мы вышибем из вас штатский дух... К вам ездят, о вас соболезнуют: на-днях мать одного из вас явилась ко мне и говорила, что хочет выписать сюда отца. Передайте вашим родным и другим посетителям, что им приезжать совершенно незачем... В казарменной жизни нет ничего ужасного, поэтому нечего и соболезновать».

Через несколько дней в полку случилась экзекуция: проштрафовавшегося солдатика должны были наказывать розгами: напрасно студент той роты, которая должна была присутствовать на экзекуции, хотел под тем или иным предлогом уклониться от ужасного зрелища: позаботились о том, чтобы он был как можно ближе к омерзительной сцене.

На втором смотру один из студентов Омского полка, Териан, благодаря слабой мускулатуре правой руки, не мог долго продержать ружья в горизонтальном положении. Командир полка, заподозрив студента в притворстве, вырвал у него ружье, толкнул и, обозвав «негодяем», велел посадить его (конечно, и дядьку тоже) под арест. Через несколько минут, очевидно, сознав, что он хватил через край, псковский бурбон приказал «расследовать» это дело и отменить арест студента. Медицинское освидетельствование показало, что студент действительно не может держать долго ружья.

Вообще положение студентов-солдат, если иметь в виду только здешних, очень тягостное. Их человеческому достоинству приходится страдать на каждом шагу. Все они в один голос утверждают, что иное заключение было бы раем сравнительно с солдатчиной.

Нужно, впрочем, заметить, что все они бодры и не унывают. О себе они неохотно даже распространяются и с лихорадочным нетерпением ждут вестей из разных концов России: идут ли вслед за ними товарищи, просветляется ли темный горизонт русской общественной жизни?

Неужели большинство русских офицеров не возмутится позорным клеймом, накладываемым на них поведением Данилова?

[П. Лепешинский]

В хронику общественных протестов.

Ряд возмутительных беззаконий царского правительства заставил, наконец, протестовать наше буржуазное общество. С удовольствием отмечаем факты, свидетельствующие о политическом пробуждении русского общества.

С февраля стали собирать по всей России подписи под либеральной петицией царю по поводу студенческих волнений. Петиция говорит против знаменитых «временных правил», клеймит политику Боголепова и заканчивает просьбой «оказать доверие общественному мнению» и призвать общество к «свободному и благотворному участию в делах родной страны». По сообщениям корреспондентов, подписи под петицией собираются ходко. После великого избиения 4 марта, эта петиция была опубликована в английской газете «Times» с указанием, что она исходит от некоторых профессоров и сенаторов.

Побоище 4 марта послужило поводом к целому ряду протестов. Как известно из газет, член Государственного Совета, ген.-лейтенант князь Вяземский на самом месте побоища мужественно протестовал против полицейских безобразий, за что удостоился высочайшего выговора. Пусть утешится князь Вяземский — перед судом истории и общественного мнения это царское обругание почетнее, чем все знаки царской милости, заработанные им на службе самодержавию. Нам пишут, что сверх того, Вяземский выслан за границу.

Немедленно после побоища 45 литераторов составили свое известное заявление, беспощадно клеймящее царское правительство, намеренно совершившее гнусную бойню. Позднее к этому заявлению присоединились еще 34 литератора. Заявление это, разосланное в редакции газет, опубликовано в заграничной и подпольной печати.

9 марта «Союз взаимопомощи русских писателей» уполномочил свой комитет подать министру внутренних дел заявление о совершенных в день 4 марта над членами Союза насилиях. То же заявление было подано и министру юстиции с приложением просьбы об ускорении пересмотра законов о печати, делающих невозможным для печати спокойным обсуждением общественных вопросов предотвращать события, подобные мартовским. Сверх того, Союз просил впредь до этого пересмотра «снять запрет, препятствующий обсуждению в печати вопросов о причинах студенческих волнений».

В ответ на эти заявления комитет «Союза писателей» получил такую бумагу от 12 марта: «По распоряжению г. министра внутренних дел... Союз взаимопомощи русских писателей закрыт, о чем об'являю комитету для сведения и соответствующих распоряжений».

7 марта заслуженный профессор института путей сообщения, действительный статский советник Белелюбский, подал градоначальнику Клейгельсу подробное заявление о происшедшей 4 марта бойне. Белелюбский указывает на то, что, вопреки заявлению «Правительственного Вестника», «грубая сила, в лице казаков и городовых, действовала без предупреждения». Переходя затем к «временным правилам», послужившим причиной беспорядков, Белелюбский приглашает Клейгельса исправить случившееся «по недоразумению», испросить у царя отмену «временных правил» и освободить всех арестованных. За это обращение к петербургскому паше Белелюбский выслан из столицы. Поведение этого старого профессора особенно выигрывает при сравнении с поведением тех университетских профессоров, которые сами участвовали в совещаниях об отдаче студентов в солдаты.

12 марта известный академик А. С. Фаминцын внес в Академию наук «предложение» такого рода. Указав на то, что пункт 61 устава Академии позволяет академику в свободное время заниматься другими делами, «соответствующими его званию», почтенный академик поднимает вопрос, какие занятия следует считать соответствующими высокому званию академика. «Несовместимою со званием академика представляется мне деятельность в качестве попечителя Н. Я. Сонина. Как известно, Н. Я. Сонин состоит во главе „особого совещания“ — судилища над молодежью. Под всеми административными распоряжениями Н. Я. Сонин подписывается не только в качестве попечителя, но и как ординарный академик, что может подать повод лицам, не близко знакомым с делом, к ошибочному заключению о причастности Академии к административной деятельности академика Сонина». А. С. Фаминцын заканчивает утверждением, что «деятельность академика Сонина в качестве попечителя не соответствует ни достоинству Академии, ни званию ординарного академика», и приглашает Академию высказать свое мнение об этом вопросе. Решение Академии нам еще неизвестно.

Поздравляем петербургского попечителя, академика Сонина, с публично полученной пощечиной. Можно желать только успеха попыткам действовать на зарвавшихся опричников самодержавия выражением общественного презрения.

Наконец, отметим опубликованное 14 марта заявление очевидцев «зверских действий полиции 4 марта». Заявление утверждает, что «правительственное сообщение о поведении публики и учащейся молодежи заведомо лживо». Отмечая всю лживость рассказа о мнимом бесчинстве студентов в соборе, очевидцы утверждают, что «Клейгельс устроил учащейся молодежи ловушку». Со слов самих казаков очевидцы заявляют, что офицеры накануне внушали рядовым, что студенты хотят убить царя, а потому их надо бить без пощады, и что утром 4 марта полицию и казаков напаивали водкой. После описания са-

мого избиения заявление кончается таким призывом: «Общество должно решительно, единодушно протестовать всеми средствами против полицейского террора и избиения своих детей. Оно нравственно обязано требовать отмены „временных правил“, требовать строгого расследования событий 4 марта..., требовать суда над Клейгельсом, как человеком, совершившим преступление с заранее обдуманным намерением».

Посмотрим, сумеет ли общество не успокоиться до тех пор, пока все эти требования не будут удовлетворены, и не продать своих святых прав за первые иезуитски-кроткие слова «с высоты престола».

Гражданский подвиг мужей науки.

Русская публика привыкла ничему не удивляться, однако, и ее поразило воззвание московских профессоров к студентам, появившееся 26 февраля в «Русских» и «Московских Ведомостях», якобы от имени 72 профессоров, бывших в заседании совета университета, на котором это воззвание обсуждалось. На самом деле, как следует из письма нескольких профессоров, полученного позже в «Московских Ведомостях», это произведение принято всего 57 профессорами, — цифра во всяком случае почтенная. Жрецы науки позорно молчали, когда правительство сдало киевских и петербургских студентов в солдаты, хотя не могли не знать, что этот акт должен будет вызвать студенческие беспорядки; они не ответили на эту гнусность правительства единственно достойной мерой — коллективным выходом в отставку. Но когда протест охватил массу студентов, когда он завоевал сочувствие общества, когда народная масса в Харькове и Москве вступилась в дело студентов, московские профессора вылезли из своих уютных кабинетов и выступили открыто в роли защитников порядка, коварно задумав внести раскол в студенческую среду. Под личиной забот о бедных студентах они предостерегают против тех подстрекателей, которые «запутывают и намеренно ухудшают и без того нелегкое положение» студентов, которые «навязывают вам новое (!), несвойственное студенту слово и деяние — „забастовка“» и проч. в том же духе. Призывая студентов вернуться к занятиям, профессора берутся тогда «содействовать» приведению в порядок университетских дел. Все это и многое другое изложено Суворинским тоном, представляя поистине Иудушкино пустословие. Само собою разумеется, что своим воззванием профессора ничего не пожали, кроме всеобщего презрения, выразившегося в резких листках московских, киевских и харьковских студентов.

Политически-мыслящей части студенчества этот гнусный документ должен был открыть глаза на то, какую нравственную порчу вносит в храм науки самодержавный режим, как убивает он в профессорской среде всякую гражданскую порядочность. Выставляя требование восстановления устава 1863 г., имеющее, между прочим, целью нравственное оздоровление профессорской среды, студенты должны понять, что каждый политический режим создает с в о и университетские порядки, и режим Победоносцевых и Боголеповых неминуемо связан с теперешним строем университетской жизни. Вот почему чисто профессиональная борьба студентов за лучшие университетские порядки должна стать политической борьбой за общую реформу нашего общественного строя.

Профессорская среда ответила на студенческий протест гнусным нападением с тылу, попыткой оклеветать лучшую часть студенчества и внести в нее раскол. А народная масса поддержала студентов и придала их движению политическое значение. Пусть убедятся студенты, что, только соединившись с этой массой, только присоединив свой частный протест к общему протесту рабочего класса против источника всего нашего общественного зла и всякой нравственной заразы, они станут действительной силой. Пусть явятся в день 1 мая поддержать требования рабочих!

С особенным удовольствием помещаем присланную нам В. И. Засулич статью, которая, мы надеемся, будет содействовать правильной постановке в наших революционных кругах вновь выплывающего вопроса о терроре.

ПО ПОВОДУ СОВРЕМЕННЫХ СОБЫТИЙ.

Правительство затеяло борьбу со студентами, бесполезную и бессмысленную даже с точки зрения усовершенствования самодержавия и вырастило из этой борьбы такое широкое политическое брожение, какого никогда еще не переживала Россия. В самом деле: студенческие волнения длятся уже 40 лет, в течение всего пореформенного периода. Правительству давно пора привыкнуть к мысли, что, что бы ни выделывало оно с университетами, сплошь спокойного студенчества ему не дождаться. А с другой стороны, тот же сорокалетний опыт должен бы доказать правительству, что одни чисто студенческие волнения большого зла ему не причинят. Все привыкли к тому, что студенты периодически волнуются, а их за это исключают и высылают; благоразумнее, казалось бы, быть в этой области консервативным.

Трудно об'яснить „временные правила“ чем-нибудь иным, кроме намерения и здесь, как везде, приблизиться по возможности к дореформенным порядкам. Студенческих волнений при Николае I не было, а если бы они были, студентов непременно отдавали бы в солдаты: — надо попробовать отдавать.

Правда, послужившие поводом к этой рефо́рме волнения 1899 г. были единодушнее, чем когда-либо, но ведь и нагайки, пущенные в ход против искусственно собранной мирной толпы студентов, тоже были сравнительно новы и совершенно неожиданны. Во всяком случае, киевская сходка, к участникам которой впервые применены жестокие „правила“, ничем не выдавалась из ряда бесчисленных сходок, тянущихся с самого начала шестидесятых годов.

Но если киевляне только воспользовались своим естественным правом сходок, от которого никогда не отрекалась лучшая часть студенчества, то приговор над ними сделал все дальнейшие протесты о б я з а т е л ь н ы м и, а следовательно, и неизбежными. Их требовал закон, писанный в совести, в сердце каждого человека. Их требовало чувство солидарности — самое элементарное и в то же время самое основное, самое необходимое общественное чувство. Его не приходится внушать людям; оно само собою вспыхивает всюду, где коллективность сталкивается с враждебной силой. Оно при всяких волнениях проявляется у крестьян, у рабочих, — не только у организованных, борющихся рабочих, а у первых попавшихся, при первом же столкновении с хозяевами. Чтобы истребить в себе это чувство, нужно долголетнее упражнение в его подавлении, надо много софизмов, много резонирующей трусости, называемой «практической мудростью», о которой с таким справедливым презрением говорится в некоторых студенческих прокламациях.

У студентов нет этой мудрости и быть не может по той простой причине, что, к счастью, она не передается по наследству, а в каждом поколении приобретается личным упражнением.

«Бросить в такую минуту товарищей, полных доверия к нам, нельзя! Это нечестно, бессердечно!» Эти простые слова одного из московских студенческих воззваний

выражают непосредственное чувство всякого честного и не бессердечного человека. Оно шевелилось, наверное, и у большинства студентов, сперва колебавшихся присоединиться к протестующим товарищам. Новые приговоры, новые жестокости, усиливая чувство, вели к новым и новым протестам.

Что протесты будут, знали все, знало, конечно, и правительство; совершая свою жестокость над киевлянами, оно не могло не знать, что впереди предстоит неопределенная, как лавина растущая масса жестокостей. И на все это предстояло молча и сложа руки смотреть нашему образованному обществу, доведшего себя долголетним упражнением в подавлении всякого помысла об активном вмешательстве в общественную жизнь до полной, казалось бы, атрофии всякой деятельной энергии. Но на этот раз правительство задело такие чувства, которые нельзя заглушить никаким упражнением, заставило многих сказать себе то, что так хорошо выразила одна «мать» в лежащем перед нами открытом письме, отвечающем на вопрос: «Кто виноват?»

«Виноваты мы, — отвечает она. — Мы безропотно живем без того, без чего немыслимо существование мало-мальски культурного общества: без свободы слова, неприкосновенности личности, неприкосновенности жилища. Этой нашей безропотности надо подыскивать унизительное для нас оправдание: мы не дозрели до всего этого... Но нет оправдания нашему молчанию и покорности там, где мычит и протестует даже животное... Человек, прежде чем взять щенка или котенка, оглядывается, где собака или кошка. Победоносцевы не оглядываются, им не с чем считаться. Кого бояться? Общества? Они знают ему цену, презирают и плюют на него. Правы ли они? Да! Тысячу раз да! Мы — хамы, рабы, лакеи, мы заслужили все это; мы заслужили и то, что наши дети могут нам бросить... свое проклятие за их загубленные молодые жизни: они будут правы».

Это — крик невыносимой боли, и трудно усомниться в том, что эту боль разделяют очень многие, а понимают все, не запродавшие раз навсегда своего языка полиции.

В этой атмосфере боли и злобы, мучительного бездействия и молчания выстрел студента Карповича, пожертвовавшего собою за то, чтобы отомстить за товарищей, не мог не вызвать самого горячего, всеобщего сочувствия. Когда ничем нельзя помешать совершающемуся на глазах злодейству, чувство мести становится самым законным общественным чувством.

Но студенческий протест, все разрастаясь, сломал, наконец, окружающую его полицейскую стену общего молчания и бездействия. С одной стороны, он вышел на улицу *, и улица в лице рабочих и разношерстного городского разночинства встретила протестующее студенчество с самым горячим сочувствием и с полной готовностью разделить с ними, где возможно, предназначенные для него нагайки.

С другой стороны, протест поднялся вверх и заставил, наконец, зашевелиться и заговорить такие сферы нашего образованного общества, которые встречали все предыдущие контр-реформы одним лишь «благородным молчанием». В первый раз правительство наткнулось на громкое негодование против одного из своих мероприятий, выраженное значительным большинством всех слоев населения, хоть что-нибудь знающих об этом мероприятии, и в первый раз никакие свирепости, ни нагайки, ни аресты не в состоянии водворить обычного молчания. Уже несколько лет под-ряд такое же бессилие, несомненно, чувствует специальное ведомство, занятое истреблением нелегальной рабочей прессы и организаций. Все это продолжает существовать и множиться, несмотря на беспрерывные аресты, во много раз превышающие самые крупные облавы 70-х и начала 80-х гг., так что иной раз и сажать-то некуда. Но эта безуспешная борьба с ростом сознания и об'единения рабочего класса шла до сих пор где-то глухо, глубоко и далеко, так что для Европы, для почтенной чистой публики и даже для самых высших правительственных сфер под картиной русской жизни, — если смотреть на нее, хорошенько прижмурив глаза, — продолжала красоваться надпись: «На Шипке все спокойно». Теперь надпись сорвана, и «временные правила», по всему вероятию, будут отменены. Уж слишком неприятно и невыгодно для правительства продолжать доказывать и себе самому и всему миру, что оно успело так раздражить широкие слои сознательного населения, что у них страх прошел, что они предпочитают риск всяких кар повиновению.

Писатели, внесшие свои имена в почетный ряд подписей под свидетельским показанием всему миру о зверствах у Казанского собора, говорят, что их ужасает будущее страны, отданной на жертву кулакам и нагайкам, а нам их мужественное заявление кажется одним из признаков того, что лучшее будущее гораздо ближе, чем можно было думать месяц тому назад. Они говорят далее, что давно уже лишены возможности исполнять свой долг перед родиной, но в ту минуту, когда они писали свое заявление, они его выполняли. Весь вопрос в том, заснут ли снова силы, разбуженные применением „временных правил“, или сохранят раз приобретенную энергию.

---

* В Москве, собственно, сама улица, в лице рабочих, без зова и без сговора, вышла на защиту студентов, загнанных в манеж за сходку в стенах университета. Двадцать три года тому назад московская улица (в частности мясники), избив толпу студентов, была возведена за это Катковым в представительницы «русского народа», ответившего, будто бы, этим избиением на «скандал, устроенный петербургской либеральной интеллигенцией». Теперь московская улица из «представительниц народа» будет, конечно, разжалована. Она сама стала более, чем «либеральной», и если бы полиции и удалось подыскать сколько-нибудь пригодных мясников, рабочие им даже и шевельнуться не дали бы, так как не особенно пугались даже казаков и жандармов. Реакционная пресса продолжает, однако, громить студентов от имени народа, очевидно, деревенского, не высказавшего своего мнения о «временных правилах». Это самая наглая и очевидная клевета на крестьян. Они не высказались и не выскажутся просто потому, что не знают, в чем дело. Но и деревенские парни, деревенские отцы и матери, представив себе своих детей отданными в солдаты, без очереди, несмотря на болезни, на несовершеннолетие, отданных за то, что собрались на сходку обсудить свое дело, за то, что не захотели «выдавать своих», нашли бы, что это несправедливо. А если бы они узнали затем, что невинно наказанные студенты должны жить в казарме как зачумленные, что против них восстанавливают остальных солдат, а им запрещают хоть слово сказать в свою защиту, многие бабы расплакались бы от жалости и все нашли бы, что это лютые, живодерские «правила». Что это так, знает и само правительство. Зачем же иначе возмутительное запрещение отвечать на вопросы как офицеров, так и обмундированных мужиков?

Уже несколько лет, как Россия вступила в эпоху под'ема, несравненно более широкого, чем закончившийся 20 лет тому назад, но и теперь успех этих освободительных потуг можно считать обеспеченным лишь в том случае, если вся освободительная работа не будет сброшена на плечи одних только передовых слоев рабочего класса и революционной молодежи, если в этой работе примут то или иное посильное участие все враги различных видов нагайки.

Но рядом с вестями, говорящими о громадном расширении политического движения, нам попадаются на каждом шагу такие сообщения о том, что в «публике», среди «мирных либералов», «простых обывателей» слышатся теперь надежды, предсказания и пожелания, чтобы возобновился снова «террор», которым закончилось революционное движение 70-х годов. Это говорит, повидимому, о том же самом широком возбуждении, и тем не менее укрепление таких надежд имело бы, по нашему мнению, противоположную тенденцию: суживать, а не расширять поле битвы.

Единичные акты самопожертвования, как выстрел Карповича, не исходящие ни от какой организованной силы, не могут сосредоточивать на себе общественных надежд. На них нельзя рассчитывать. Это не акты борьбы, а лишь выражение общего озлобления и боли, вызываемой особенно ненавистными проявлениями самовластия. Предумышленные, конечно, со стороны действующих индивидуумов, они инстинктивны, но предумышлены со стороны солидаризирующихся с ними общественных элементов, которые своим неудержимым, горячим сочувствием признают эти действия за выражение своего накипевшего чувства. Такие выстрелы не могут заменить собою в умах сочувствующих какой бы то ни было другой освободительной деятельности.

Нечто совершенно иное представляет собою террор, входящий в программу организованной группы в качестве способа борьбы за свободу и представляющийся окружающей террористов сочувственной среде путем к освобождению. Мы глубоко убеждены, что в настоящий момент такой террор, если бы на нем начали сосредоточиваться общественные надежды, не только не усилил бы освободительного движения, а наоборот, ослабил бы его.

Не потому, конечно, почему Бисмарку оказались выгодными покушения Геделя и Нобилинга, а полиция Наполеона III хлопотала по временам о примерных заговорах. Наполеону нужны были предлоги для введения тех или иных «временных постановлений»; Бисмарку не удалось бы без покушений провести через рейхстаг исключительные законы. Но Россия и так живет под всевозможными чрезвычайными, исключительными и временными постановлениями, и за долгий период такой подавленности общественного настроения, какой только может пожелать любой деспотизм, ни одно из ненавистнейших «временных правил» не было отменено, а все те учреждения, какими только дорожили русские люди не полицейского образа мыслей, подверглись изуродованию и уничтожению. Русским нечего охранять и нечего терять, кроме цепей. Если об этом еще мог быть вопрос в 60-х годах, то уж никак не теперь.

Террор кажется нам неподходящим в настоящий момент способом действия не сам по себе, а по своему неизбежному психическому влиянию на окружающую среду.

Враг русской свободы, которого нужно убить прежде всего, при котором не помогут никакие убийства, это — сохранение предписанного правительством молчания и бездействия, это — повиновение таким приказам, которые ни в каком случае не могут считаться законами, а лишь враждебными мероприятиями правительства против той растущей части россиян, которая по его же собственному убеждению не может не желать его европеизации.

Такими мерами борьбы, а не законами, являются все указы и приказы относительно печати, собраний, союзов, преподавания и учения. Лет 30—40 тому назад эта борьба против роста сознания и об'единения россиян, против развития в них самодеятельности и энергии была чувствительна почти исключительно лишь людям, получившим среднее образование; теперь она ведется против всего рабочего класса и в значительной степени распространяется на крестьян, посредством всяких препятствий распространению и улучшению школ, сельских библиотек, народных чтений, путем нелепых каталогов и преследования сельских учителей. Сломить широким и всесторонним неповиновением все эти рогатки, настроенные правительством между потребностями его подданных и их сознанием, с одной стороны, и между самими подданными, с другой, должно быть, не может не быть первым шагом по пути к освобождению. Чем большее число россиян отбросит рогатки, тем легче и безопаснее будет становиться всестороннее сопротивление насилиям правительства. Но для этого необходимо, чтобы исчезло очень распространенное мнение, что «не стоит рисковать по пустякам», необходимо убеждение, что в деле разрушения созданных правительством преград политическому сознанию и об'единению его подданных нет пустяков, а нужно и важно все, что вопреки насилию создает гласность, создает свободную печать, тайные политические союзы и подготовленные всем этим политические манифестации, громкие заявления об'единяющейся общественной воли.

Во всем этом каждый шаг, каждое действие так же необходимо, как необходима для жизни организма каждая капля обращающейся в его жилах крови. Последний решающий момент освобождения не делается, он обыкновенно случается, но эта случайность подготовляется и становится неизбежной вследствие развившейся, вопреки всем рогаткам, активности, энергии общества, его воле стать свободным*.

* За последние полтора века такие же рогатки против «просвещения» и об'единения своих подданных строили все пережившие себя правительства континентальной Европы, и всюду они заранее опрокидывались стремившимся к свободе населением. Чуть не вся литература французского «просвещения» печаталась в Голландии и, несмотря на сжигание книг и на Бастилию, жадно читалась во Франции. Меттерниховская Австрия почти перестала читать книги, не запрещенные австрийской цензурой. Вся континентальная Европа первой половины девятнадцатого века кишела тайными обществами, от сравнительно умеренных до самых крайних.

И у нас за последние годы рабочие имеют свободную печать, в их среде не прерываются организации. Все это еще далеко не совершенно и оставляет желать очень многого относительно как качества, так и количества, но страх перед запрещенной начальством книжкой убит безвозвратно, и спрос на нее во много раз превышает удовлетворение. Когда волнуются студенты, и они тоже создают свою гласность бюллетеней, свои комитеты. Если наша широкая интеллигентная публика обыкновенно обходится без свободной печати, то причина этого заключается лишь в недостатке активности и энергии. Развитие по-

Вот этому-то свободному развитию общественной активности и энергии террор не только не содействует, а по самому существу своему не может не ставить психологических препятствий, если он представляется путем к освобождению и начинает сосредоточивать на себе общественные надежды.

Террор, несомненно, очень волновал все жаждущее свободы русское общество, но это было пассивное волнение, самодовлеющее, не толкающее к действию, сродни эстетическому волнению, вызываемому великими художественными произведениями. Иной либеральный обыватель мог плакать от умиления перед геройством террористов, но его собственной жажды деятельности и способности к риску это не увеличивало. Между героями и им была пропасть. Действующими террористами, по самой сути дела, могли быть лишь очень немногие, исключительные по своей энергии, бесстрашию, конспиративной ловкости и опытности люди, а самая сила впечатления, производимого их делами, заставляла бледнеть и терять привлекательность все другие дела, начавшие казаться «пустяками». Вся активность, вся энергия сосредоточилась в горсти героев, дух борьбы не разливался вширь по мере ее заострения, а находил исход лишь в сочувствии, в вере в «Исполнительный Комитет»: он освободит.

При таком направлении общественной энергии не создавалось силы, которая могла бы воспользоваться некоторым психическим расстройством, произведенным террором в правительстве, так как уж этого-то ни в каком случае не могла сделать нелегальная организация террористов. А сужение революционного под'ема, как бы ни было сильно обострение, само по себе вело к его истощению. Передача борьбы за освобождение в руки горсти героев, какой бы сверхчеловеческой силой они ни обладали, не только не вредит самодержавию, а сама является следствием чувств и понятий, унаследованных от самодержавия. Его верные слуги обязаны думать, что все дела родной страны, ее законы и учреждения зависят всецело от высшего начальства,—в принципе от одного человека, — а остальные подданные могут по собственной инициативе только «ура» кричать. Но если сторонники свободы, предоставляя ее завоевания горсти героев, оставляют за собой лишь то же самое «ура» в глубине души или в разговоре с приятелями, — разве это не наследие самодержавия?

А с другой стороны, мне вспоминается один разговор в «Братьях Карамазовых» между Иваном и Алешей. Иван спрашивает брата, может ли он допустить, чтобы люди, если бы для их счастья нужно было «замучить одно только крохотное созданьице, одного ребеночка», могли согласиться на это. Алеша отвечает, что на это согласиться нельзя.

Ответить утвердительно на вопрос Ивана, сказать, что «счастье» (или избавление от длящегося бедствия, называемого самодержавием) стоит страдания, с полным правом могут все те, но т о л ь к о те — не правда ли?—кто себя ставит рядом с «ребеночком», кто на себя готов взять долю и работы, и риска, и страдания, коли понадобится. У героев террористов было много поклонников, но им одним досталось не только все дело, но и все страдание. Еще счастливы были те, кого казнили немедленно, но что вынесли остальные, которых год за годом замучивали в Шлиссельбурге! Их поредевшие остатки и теперь еще доживают там у могил замученных товарищей...

Хорошо, если бы все, кому хочется теперь возобновления террора, спросили себя: что будут они делать во время террора и где будут во время расплаты за него?

* * *

Двадцать слишком лет тому назад террор зародился на почве безнадежности разбудить крестьян. Для многих из террористов он был лишь оружием отчаяния, заставляющего отдавать жизнь за то только, чтобы, по выражению Степняка, заставить корчиться удава, сдавливающего своими петлями тело России.

В настоящий момент русским людям, желающим свободы, нет никаких причин отчаиваться. Нужно только, чтобы все сторонники свободы, все враги нагайки поняли, что на этот раз победа возможна, если все они примут в борьбе то или иное посильное участие, что нечестно и бессердечно смотреть на борьбу сложа руки, что — с ними или без них — она пойдет своим чередом — к победе, если все захотят ей содействовать, — к новым «восьмидесятым годам», к новому (временному, конечно) торжеству спокойствия, царствовавшему на Шипке, если общая задача будет свалена на плечи одного отборного передового отряда.

В. Засулич.

* * *

Посвящается читателю-другу.

«Паче всего люби родную литературу и звание литератора предпочитай всякому другому», — писал Салтыков, умирая, своему сыну.

Мы сказали бы так: превыше всего ставь достоинство и честь с в о б о д н о й человеческой речи и, любя родную литературу, звание р е в о л ю ц и о н е р а предпочитай всякому другому.

История печатного слова в России — скорбная история бесконечных поношений и утонченного издевательства. В самодержавном застенке неустанно пытали и пытают музу русского писателя — «эту бледную, в крови, кнутом иссеченную музу». И если порой — в кои-веки — ей легче становится жить и вольготней дышать, то лишь потому, что где-то раздалось — властно и страстно — р е в о л ю ц и о н н о е «с л о в о и д е л о». Обратитесь к прошлому: в «вольностях» «Современника» и «Русского Слова», в цензурной реформе 1865 г. вы услышите явственный звон герценовского «Колокола». И если в 1880 — 1881 гг. на литературу нежданно пахнуло мимолетной «весной», то знайте — это народовольческая когорта самоотверженных пронеслась блестящим, но скоро меркнущим метеором по темному небу русской действительности.

пулярной рабочей литературы встречает задержки в простом недостатке материальных средств. Таких задержек не могла бы встретить литература, в которой нуждалась бы несравненно более зажиточная интеллигентная публика. Если такой литературы нет, то только потому, что потребность в ней еще не переросла привычной трусости и инерции.

Куда же оно скрылось, это вещее слово, где обаяние подполья? Не подлежит сомнению, в наше смутное время тревожных ожиданий и колеблющихся надежд революционер — не в фаворе, его действие происходит за кулисами исторической сцены, не слышимое и не видимое большою публикой, и слово его не гудит, сзывая свободных духом людей,

Как колокол на башне вечевой
Во дни торжеств и бед народных!

Серое время, мелкие люди, — еще недавно слышался ропот. Какой то исторический антракт: былое завершилось катастрофой, грядущее сбирается с силами. Бродят стихии, вершится кротовая работа, но когда же, когда настанет момент, и тайное сделается явным, и вялость антракта уступит место героизму всероссийской трагедии?

Нам, русским социал-демократам, не мешало бы призадуматься над доносящимся ропотом. Правые вчера, мы можем оказаться виноватыми завтра и, не став рулевыми движения, захлебнуться в его бурных волнах.

Дети мрачной годины, мы вышли когда-то на работу при брезжущем свете едва занимавшегося утра. Все спало вокруг или бормотало спросонья, когда мы начали строительство. Камень за камнем возводили мы здание, крепили фундамент и, нащупывая каждый свой шаг, проторяли дорогу, подвигаясь вперед, к увенчанию нашего здания.

Вместе с грудой разбитых иллюзий нам досталась в наследие от прошлого память о тех, чья...

Песнь бесследно пролетела
И до народа не дошла...

Тени погибающих стояли перед нами, немолчно звенело в ушах: слава застрельщикам, первым борцам, увлекающим массы и вдохновляемым ими. Но зато — горе тем, кто замкнется в кружках, изойдет в партизанском геройстве. Их встретит — сдержанный шопот либеральных похвал, и проводит в могилу — лобзание Иуды. В решительную минуту раб выдаст героя и юркнет в свою теплую нору... Становитесь в шеренги великого войска, стройно и в ногу идущего к цели. Все за одного и один за всех: воинствующий пролетариат постоит за себя, отомстит свои жертвы...

Русская жизнь — аморфное целое, над которым парит дух наглого хищника и самодержца - бюрократа. В атмосфере еле тлеющего сознания и сознающего себя бессилия протекал — медленно, но верно — процесс кристаллизации нового общественного элемента. Конечно, стороннему наблюдателю (из породы строгих критиков) видны были одни неприглядные формы и серые краски процесса: какая скука, какая проза! Копейка на рубль — и это лозунг!..

И в то самое время, как платонический любовник революционной эстетики будировал растущее движение, социал-демократу было по горло работы — в лаборатории русской революции. Так много мелкой, невидной, но засасывающей работы, что не всегда удавалось ему, когда нужно, взглянуть за стены своей лаборатории. Его глаз, прикованный к одному месту и обостренный в уловлении деталей, становился порой близоруким и терял общественную перспективу. Но эта беда была полубедой до тех пор, пока безысходный, казалось, застой мертвил все живое, луч сознания пробирался ползком в обывательские головы, и каждый «сверчок» на Руси знал только «шесток», дарованный ему — от начальства. Тогда лаборатория была — целый мир, самодовлеющий и цельный.

Положение стало иным, лишь только забродило кругом. Свист казацкой нагайки действительнее красноречивых речей и сознательней пения — любой революционной сирены. Пробив толстую кору равнодушия, он «ударил по сердцам с неведомой силой» и всколыхнул обывательскую трясину. Вопрос о «правах человека и гражданина», политический вопрос, встал — ярко и неотразимо — перед пестрой толпой негодующего люда. Он встал перед студентом, забритым в солдаты; перед рабочим, пришедшим платить свой долг молодежи; перед писателем, наказанным за то, что в нем заговорил голос чести; перед всем тем народом, не желавшим бесстрастно созерцать человеческую бойню и за это — избитым. Он встал — и взвалил на социал-демократа тяжелую ношу. Кому много дано, с того много спросится. Годами слагавшейся социал-демократии дано то, чего не имеет никто — в среде русской оппозиции: даны элементы организации. Придя к перекрестку, на котором сошлись многообразные пути общественного движения, социал-демократия должна учесть свой баланс и подвести итог приобретенному. Окажется ли она на высоте положения, вровень ответственному моменту переживаемой истории? В ее руках бесценное орудие — пресса — заостренное и отточенное на зло самодержавно-чиновной клике. Передовой пролетариат эмансипировал себя от цензурной указки, ему надлежит понести теперь эту свободу и другим — в среду всех недовольных. А для этого надо — усовершенствовать орудие, приведя его в соответствие с усложненной задачей, — надо уметь вонзать нож анализа во все изгибы действительности, надо уметь отражать многогранность ее — под своим углом зрения. Готова ли к этому социал-демократия?

Газетное дело — хоровое дело, оно спорится в руках не солистов, а запевал подхватывающего хора. И плохо придется певцу - писателю, который не услышит за собой согласной поддержки хористов-читателей. Читатель-друг, читатель-сотрудник — необходимый устой писателя: болеет один, хворает другой, страдает все целое. Как Салтыков молил когда-то читателя: друг, защити! так и теперь социал-демократу - писателю приходится взывать: друг, помоги, вперяй свой пытливый взор во все живущее и неси свободному станку сконцентрированную боль, подслушанный стон, страдальческий крик твоей родины. Шире кругозор, надо вдаль учиться смотреть!

И только тогда, когда социал-демократия во всеоружии подойдет к узловому пункту истории, раздастся опять давно забытое вещее слово, и революционера будут чтить на Руси все те, кому дорого имя — свобода!

[А. Потресов]

ХРОНИКА РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ
И
ПИСЬМА С ФАБРИК И ЗАВОДОВ

Царское утешение безработным. Безработица на юге все растет. Как сообщает корреспондент «Нового Времени», к 15 января только в Бахмутском и Славяносербском уездах насчитывалось около десяти тысяч безработных. В начале же февраля, когда надежды углепромышленников на улучшение дел не оправдались, число безработных «стало увеличиваться не по дням, а по часам». Как сообщает корреспондент упомянутой газеты, «для более точного выяснения причин безработицы», екатеринославский губернатор гр. Келлер созвал в Горловке с'езд «из осведомленных лиц, близко стоящих к горнозаводской промышленности». Но, вероятно, для того, чтобы с'езд не доискался слишком «точно» действительных причин безработицы, граф Келлер сказал перед открытием его: «При проезде его величество государь император изволил выразить уверенность, что уменьшение производительности фабрик, заводов и каменноугольных копей должно считать заминкой в производстве, но никак не кризисом, и что заминка эта временная». Утешьтесь, безработные! Его величество уверено, что вы голодаете не по причине промышленного кризиса, а только по случаю «заминки»! Это великое утешение. Когда в 1891—92 гг голодало 40 миллионов крестьян, правительство воспретило употреблять слово «голод», заменив его «недородом». Это обстоятельство не помешало крестьянам помирать от голодного тифа. Но рабочие, в отличие от крестьян, умеют отвечать на голодовку не только смертью, но и бунтами. Вот почему, не довольствуясь заменой слова «кризис» более успокоительным «заминка», правительство, в лице графа Келлера, приняло меры к очищению Екатеринославской губернии от беспокойной толпы безработных, особенно неудобной перед первым мая, или, как выражаются либеральные «Русские Ведомости», «приняло меры к облегчению нужды». Именно, граф Келлер предложил всех уже рассчитанных рабочих и тех, которые будут рассчитаны до 14 марта, перевезти бесплатно на места родины. Мера эта принята с'ездом. Говоря проще, от безработицы царское правительство помогает рабочим бесплатной высылкой их на родину, где они могут беспрепятственно голодать, никого не смущая своим видом и не вызывая опасений о нарушении общественного порядка. Будьте спокойны, безработные! Его величество уверено, что это только «временная заминка»; по окончании ее капиталисты гостеприимно пригласят вас обратно, а торговцы живым товаром — подрядчики — охотно снабдят вас деньгами на — уже платный — обратный проезд с места родины!

Белосток. 4 марта Белосток был в первый раз свидетелем большой уличной демонстрации — хоронили еврейского щетинщика Высоцкого, умершего от чахотки. В похоронной процессии приняло участие до двух тысяч человек. Гроб был украшен красной лентой с еврейской надписью: «Социалисты — борцу за свободу». На главной улице, Николаевской, по которой направилась процессия, запели революционные песни. Около тюрьмы к песням присоединились возгласы: «Долой самодержавие! Да здравствует социализм!». День был праздничный, и на улицах замечалось необычное оживление. Большая толпа примкнула к процессии и проводила ее до самого кладбища, за несколько верст от города. Жандармерия и полиция растерялись и не знали что делать. На кладбище были произнесены революционные речи. В одной из них упоминалось, между прочим, и об убийстве Боголепова. Отдав последний долг товарищу, все с пением повернули назад к городу. Только тогда полиция решилась, наконец, вмешаться и сделала попытку разогнать собравшихся. Произошло небольшое столкновение, и был арестован один рабочий. В городе только и речи, что о демонстрации. Впечатление сильнейшее. Сочувствие всех кругов на стороне рабочих.

Николаев. На прошлой неделе (15 или 16 марта) в нашем коммерческом порту произошла стачка рабочих, занятых нагрузкой зернового хлеба на иностранных пароходах. Грузовые рабочие формируются отчасти из босяков или лиц, не нашедших себе заработка; немало лиц из местного населения занимаются этим делом с ранней молодости. Обыкновенно рабочие нанимаются подрядчиками, у которых работают по целым годам и которые, благодаря этому, сильно наживаются, а некоторые составили себе очень изрядные состояния. Нанимаются рабочие через приказчиков в трактирах часа в три утра и работают до позднего вечера с небольшим перерывом для завтрака и часовым отдыхом для обеда. Плата поденная колеблется от 1 до 2½ рублей, иногда летом доходя в горячую пору до 3—4 руб. Расчет производится в трактире в тот же или на другой день, при чем не обходится довольно часто без обмана в виде недодачи следуемых по условию денег, которые распределяются по карманам приказчиков или самого подрядчика.

Работа очень тяжелая. Мешки в 5—8 пудов приходится снимать с повозки себе на плечи, нести их в согнутом положении по сходням на протяжении 7—8 сажен и на высоту 2—3 саж. и затем ссыпать зерно в трюм, не спуская с плеч мешка. Работа на солнце и под непогодой крайне однообразная и утомительная и вдобавок причиняющая болезнь глаз и легких массой пыли, которая сыплется с мешков. Всю зиму у нас не было грузки. Лишь на прошлой неделе появилась работа срочная. Берг, самый крупный из подрядчиков, получил предложение представить 300 чел. рабочих. Он нанял их по 1 р. 20 к. в день. Началась работа, но вдруг около полудня все бросили работу, собрались на площади около пристани, и здесь начались разговоры о том, что следует увеличить плату до двух рублей (ведь, добились же марсельские, почему же и нам не попытаться? — говорили рабочие), работать только до гудка (до 6 часов вечера), наем и расплату производить не в трактирах, а на пристани. Требования эти были устно пред'явлены самому подрядчику Бергу. Тот сначала прикинулся непонимающим, а потом стал всячески застращивать рабочих, но те не поддавались. И подрядчику в виду срочности грузки ничего не оставалось, как уступить. Но он, конечно, не мог им простить своей уступки. Возмущенный упорством рабочих, он обратился за содействием к полиции. И на другой день чуть свет на пристани появились чины, которые начали было усовещать рабочих, но, видя их стойкость, оставили их в покое. Тем временем рабочие, имея в виду угрозу Берга выписать рабочих из других городов, решили не допускать конкуренции, и в случае, если бы появились конкуренты, предложить им работать на тех же условиях, иначе не допускать их к работе. Выбрали старосту, который распределял бы работу, устанавливал бы очередь, наблюдал бы за исполнением условий. Рабочие придумали было еще больше повысить заработную плату. Узнав об этом через своих приказчиков, подрядчик Берг попробовал воздействовать вновь на рабочих, но услыхал от одного из них: «Ведь, вам, очевидно, выгодно, если вы уступили». Тут подрядчик совсем потерял терпение. Понимаете, — говорит он, — он мне сказал: вам выгодно—и «очевидно». Это «очевидно» не давало ему покоя, и он решил облегчить себя в кабинете жандармского управления. Полковник принял большое участие в его горе. Берг указал как на виновника всего этого на рабочего Половинкина, которого рабочие выбрали в старосты. Жандармский полковник не заставил себя долго просить, и Половинкин 18 марта был арестован, а затем отправлен на родину в Тверскую губернию. Но дело все-таки продолжается. Рабочие получают по два рубля в день, нанимаются на пристани и работают только до свистка. А очередь они сами между собой распределяют.

Из Иваново-Вознесенска нам пишут: «18 января у нас на Бакулинской фабрике было маленькое столкновение с заведующим фабрикой Грязновым и помощником фабричного инспектора Капица. Поводом послужило частое задержание заработков, далее понижение расценков, вызванное введением новых сортов тканей, грубое обращение и частые штрафы. Все переговоры с г. Гряз-

новым не привели ни к чему. На наше требование, чтобы расценки при выработке новых сортов ткани были немедленно вывешены, что иначе рабочие рискуют вместо обычных 15—18 руб. вырабатывать всего рублей семь в месяц, Грязнов ответил довольно вызывающе: „Ну, и будете работать за 7 руб., коли не дам больше". Тогда мы потребовали к себе помощника фабричного инспектора. На это Грязнов ответил с иронией: „Вызывайте и помощника; все равно будет по-моему". В тот же день приехал помощник фабричного инспектора, который при виде громадного числа собравшихся рабочих пришел в ярость и набросился на нас с пеной у рта. Конечно, мы, рабочие, этого не испугались и заявили ему об обязанностях фабричного инспектора и о том, чтобы он разобрал дело по существу. Выборные (чел. 15) пред'явили Капице такие требования: 1) своевременная выдача заработной платы; 2) уравнять заработок на новой работе так, чтобы общий месячный заработок не понизился: уничтожение товара „саручи", как очень вредно отзывающегося на здоровье рабочих; 3) сокращение штрафов, чтобы штрафы налагались исключительно за небрежность; 4) более наблюдать за чистотой отхожего места и улучшить гигиенические условия; 5) удалить заведующего (он же и мастер) за очень дурное отношение к рабочим. Все это помощник инспектора записал, дав ответ в уклончивой форме - мол, поговорю об этом с хозяином фабрики, а вы ступайте работать. На другой день мы напрасно ожидали помощника в назначенное время, — он не явился, и пришлось опять вызывать его. На этот раз помощник инспектора уже не кричал на нас, как накануне, а старался втолковать рабочим покорность и рабское подчинение хозяину и его заведующему Грязнову, ибо этого, мол, требует закон. „По закону вы не имеете права жаловаться и требовать от хозяина поступков, которые он находит для себя нежелательными. Вы должны принять те расценки, которые он вам предлагает, а кто не желает, пусть заявит расчет и пусть не мешает работать другим". Относительно штрафов помощник инспектора сказал, что на нашей фабрике штрафуют совсем мало, что на других фабриках штрафуют гораздо больше; отхожее место тоже прекрасно, и если и есть грязь, то он, инспектор, видел еще более грязные и худшие; заведующий Грязнов, по словам помощника инспектора, оказался очень хорошим человеком. На это рабочие ответили ему, что, если он не уберет от них Грязнова, то они сами постараются сделать это. Так отнесся к нашим требованиям приставленный правительством защитник рабочего класса. Но рабочие стояли на своем и целую неделю почти ежедневно вызывали помощника инспектора, что последнему очень надоело. В конце концов г. Капица принял самые суровые меры против рабочих, и хотя рабочие указывали ему, что он помощник фабричного инспектора, а не полицейский чиновник, он все-таки призвал полицмейстера, который явился с казаками. Кончилось все же тем, что удовлетворили часть рабочих требований, уплатили по-старому расценку по день заявления и дали некоторые обещания».

* * *

Мы можем посоветовать товарищам, которым приходится иметь дело с такими фабричными инспекторами, как Капица, бойкотировать их, т.-е. отказываться об'яснять им свои жалобы, указывая на их полицейский образ действий. Капиталисты давно завели обычай сообщать своим собратьям списки тех рабочих, которые уволены за непокорный нрав, для того, чтобы их никуда не принимали. Поступайте таким же образом, товарищи, и обращайтесь к собратьям по труду на других фабриках с предложением не иметь дела с гг. Капицами, которым рабочие должны об'яснять, что они поставлены не полицейскими, а наблюдателями за исполнением законов фабрикантами. Такой же образ действий рекомендуем по отношению к полицмейстерам, которые являются с казаками туда, где и в помине нет каких-либо беспорядков. Отказывайтесь об'ясняться с полицией о своих нуждах и заявляйте, что об этом будете разговаривать с чинами инспекции (теми, которые захотят вести себя как инспектора, а не как полицейские) только тогда, когда полиция уберется во-свояси. Если полиция не уйдет, советуем в подобных случаях поступать так: прекратить всякие разговоры о своем недовольстве и работать спокойно, пока полиция не удалится, а когда она это сделает, снова браться за свое и вызывать инспекцию. В заключение добавим, что русские рабочие только тогда добьются того, чтобы фабричная инспекция исполняла свой долг, когда инспектора, как все другие чиновники, будут зависеть не от министров, как теперь, а от выбранного всенародно и всем государством управляющего Земского Собора (парламента) и когда рабочие будут иметь свободу собраний и печати, чтобы всенародно клеймить и держать в узде рьяных лакеев капитала, как разные гг. Капицы.

ИЗ ПАРТИИ

Петербургский «Комитет Рабочей Организации» продолжает издавать свой периодический «Листок». Нам доставлены номера 5—8. Содержание этих листков носит в себе следы критического момента, переживаемого петербургскими рабочими, как и рабочими большей части России. Безработица и общий застой в производстве должны были необходимо отозваться полной приостановкой того стачечного движения, которое до сих пор составляло главное основание деятельности наших местных организаций, определяя собой и содержание их агитации. Перед фактом повсеместного общего ухудшения положения рабочих масс и массовой безработицы совершенно бледнеют факты частных столкновений труда с капиталом, поглощавшие до сих пор главное внимание наших товарищей-практиков. Пришлось направить агитацию на основные вопросы положения рабочего класса, на вопросы о классовой борьбе в целом, о ее конечных целях и ближайших общих задачах русского рабочего движения. Таким образом, сама жизнь вынуждает практических деятелей партии стать на путь такой агитации, которая исходит из основных моментов классового положения пролетариата и освещает в сознании масс исторический смысл их социальной борьбы. Издаваемые «Комитетом Рабочей Организации» листки в этом отношении носят характер, совершенно отличный от того, каким отличались прокламации «Союза Борьбы» за последние два-три года.

Само собой разумеется, что все наше сочувствие на стороне такой широкой агитации. Но мы полагаем, что та тактика, которой в настоящее время старается держаться «Комитет Рабочей Организации», уместна и необходима не только в моменты кризиса, но что она должна определять содержание агитации, ведущейся всякой местной организацией, в моменты расцвета промышленности так же, как и в период застоя. Только такая широкая и принципиально выдержанная тактика, постоянно ведущаяся передовым отрядом рабочего движения, способствует социалистическому и политическому развитию рабочих масс. Напротив, тактика, которой держались до сих пор петербургские товарищи из «Союза Борьбы», тактика, всецело обусловленная частными столкновениями рабочих с капиталистами на почве частных вопросов профессионального характера, должна была сделать как самые массы, так и их передовой отряд — организованные группы — неподготовленными к твердой и решительной агитации, ставшей очевидной для всех необходимостью в момент общего кризиса.

Именно об этой неподготовленности с.-петербургской организации к успешному организационному использованию условий, созданных для рабочего класса безработицей, и свидетельствуют листки петербургского «Комитета». Мы видим несомненное стремление освободиться от узости исключительно стачечного движения, вкоренившегося в петербургских деятелях за последние годы. Чувствуется, что мысль рвется за эти тесные пределы в поисках более действительных средств борьбы. И в то же время замечается, что люди не выяснили самим себе достаточно твердо, какие средства борьбы применимы в настоящее время для русского пролетариата.

В первых листках мы замечаем один голый призыв рабочих масс к организации, при чем ближайшие цели этой организации формулируются еще в старом духе «Раб. Мысли» — борьба с капиталистами путем стачек за лучшие условия труда в данной отрасли. В листке № 5 (декабрь 1900 г.), об'ясняя рабочим невозможность стачки во время промышленного застоя, «Комитет» предлагает рабочим организоваться и переждать, пока наступит новый под'ем промышленности (почему-то ожидавшийся после рождественского праздника), чтобы тогда устроить всеобщую стачку. При этом предполагается выставить самые разнообразные требования: от сокращения рабочего дня до улучшения санитарных условий труда и от «прав устраивать потребительные лавки» до свободы стачек, союзов и собраний.

В листке № 6 (январь 1901 г.) «Комитет», предвидя возможность продления безработицы, указывает рабочим на другое средство борьбы, пригодное и во время застоя — манифестация, о которой подробнее говорится в № 7, при чем ясно поставлено уже основное политическое требование рабочего класса — «право участия в составлении и издании законов и в управлении государством при посредстве своих выборных». Но этот призыв к манифестации стоит в резком противоречии с советами, которые «Комитет», следуя учению «Раб. Мысли», давал в своих первых листках. Там он, призывая к стачке, отвергал всякую публичную демонстрацию, ссылаясь на знаменитый отзыв Клейгельса о том, что он справится с 10.000 рабочих, вышедших на улицу, и ничего не поделает против нескольких десятков рабочих, сидящих по домам.

Таким образом, «Комитет Петербургской Организации», повидимому, отражает в своей агитационной литературе тот ход развития, который прошло сознание петербургских рабочих масс в течение периода промышленного кризиса. Но передовой организационный отряд рабочего класса не может ограничиться такою ролью пассивного выразителя понимания вовлеченных в движение масс. Он должен стоять на высоте понимания всего рабочего движения в целом, и только в этом случае он может играть активную роль в руководстве движением масс. Он должен неустанно и неумолчно излагать массам социал-демократическую программу, пропагандировать и применять все пригодные для движения тактические приемы, и каждый критический момент должен его заставать готовым к действию.

Если бы петербургский «Комитет» приступил к своей деятельности вполне вооруженным в этом отношении, если бы, прежде всего, в период, предшествовавший его возникновению, среди рабочих С.-Петербурга выработалось более глубокое понимание основных задач нашего движения, несомненно, что его политическая агитация за прошедшую зиму привела бы к более заметным результатам. Тогда бы и политический кризис, вызванный студенческим движением и так удачно совпавший с кризисом экономическим, не застал бы врасплох авангард петербургских рабочих, и последний сумел бы встать во главе тех рабочих масс, которые приняли участие в противоправительственных демонстрациях 20 февраля и 4 марта и придать участию этих масс более сознательный характер.

Листок № 8, изданный ко дню 19 февраля, выгодно отличается от всех прочих как яркостью изложения, так и серьезностью политической мысли. Пожелаем «Комитету Петербургской Рабочей Организации» поскорее оправиться от ударов, нанесенных жандармерией, и усиленной принципиально выдержанной агитацией наверстать то, что упущено петербургским рабочим движением в период нераздельного господства в нем «экономистов» «Рабочей Мысли».

С удовольствием отмечаем, что «Комитет» выпустил прокламацию по поводу демонстрации 4 марта, в которой петербургские рабочие призываются применять этот способ борьбы за политическую свободу.

Вышедший в марте № 4 «Южного Рабочего» — такое же отрадное явление в нашей нелегальной печати, как и № 3, имевший громадный успех повсюду в России. Все статьи, написанные на самые разнообразные темы, проникнуты одним и тем же строго выдержанным направлением; как социалистические, так и политические цели движения подчеркиваются при рассмотрении каждого вопроса. Передовая статья призывает южно-русских рабочих к активной политической борьбе посредством манифестаций и всеобщей стачки и заканчивается приглашением готовиться к майскому празднику. Живо написанная статья «Кто виноват» (почему падает заработная плата на южно-русских заводах) подводит итоги развитию южно-русской промышленности за последнее десятилетие, закончившемуся кризисом, и рассматривает, как отразился этот ход развития на рабочих. Статья о неприкосновенности личности в России призывает к борьбе с самодержавием «за лучшую долю рабочих, за освобождение деревни от последних цепей рабства, за победу света над мраком и невежеством, за свободу, равенство и братство народов». Отметим, что статьи на такие темы — новое, очень симпатичное явление в нашей рабочей печати. Статьи «XIX век» дает сжато и вместе с тем достаточно полно составленный обзор социальной эволюции в протекшем веке. Весьма богат отдел корреспонденций.

Нет никакого сомнения, что новый тип агитационной печати, созданный «Южным Рабочим», подвергнется многим нападкам. Мы советуем южным товарищам не смущаться этими нападками и продолжать свое дело, так как они стоят на верной дороге. Советуем им не верить, будто бы их газета по серьезности содержания не соответствует уровню понимания русских рабочих масс, советуем не обращать внимания на требование стать «доступнее». Насколько мы знаем, «Южн. Рабочий» пользуется большим успехом среди рабочих, которые, очевидно, о своей способности понимать политическую литературу держатся несколько иного мнения, чем их друзья — интеллигенты известного толка.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Получено редакцией «Искры»: от Монаха 1.500 р.; от Ф. Я. У. 150 р.; от его приятеля 200 р., одним из петербургских представителей «Искры» собрано 387 р. 50 к. (Ежемесячные взносы: Л. Г. Яза я., ф., м. 18 р М. А. П. за я., ф. 20 р.; Т. О. за я., ф., м. 9 р.; П. О. за я., ф., м. 9 р.; Х. О. за м. 3 р.; - - - за м. 1 р.; через Ч. за м. 75 р.; Леля за м. 5 р.; сбор 53 р., то же 34 р., то же 15 р., W. 75 р.; Т. И. 10 р.; Т. И. 5 р.; участники манифестации 4 марта 25 р.; Бб. 11 р.; за литературу 15 р., то же 4 р. 50. Всего приход 387 р. 50 к., расход 17 р., деньги еще не получены. Из Манчестера 19 р. (2 ф. ст.).

В кассу организации «Искры» поступило с 1 сентября 1900 г. по 1 марта 1901 г.: из Киева 35 р.; из С. 10 р.; из П. 15 р. 20 к.; из Харькова 3 р. 25 к.; из Сибири 50 р. (в том числе от «Общества помощи политическим ссыльным и активному делу» 41 р.); с Кавказа 25 р.; из М-вы через П. 40 р.; из СПБ. 440 р. 30 к. (через М. 284 р. 10 к., трудовые 26 р. 20 к., А. Б. и М. 90 р., через Я. 15 р., через Т. 25 р.). Итого 618 р. 75 к.

Редакция «Зари» просит нас напечатать, что ею получено: из Парижа 350 фр. (в том числе 325 фр. от пар. гр. сод. и 25 фр. от старого народовольца), из Америки через Аксельрода 250 фр., из Женевы от организации «Социал-Демократ» 150 фр.

2а3б. Все получаем. Спасибо. Пишите.

Отложены, по недостатку места, статьи «Самодержавие и финансы», «Самодержавие и земство» и «Иностранное обозрение».

Типография «Искры».

ПРИМЕЧАНИЯ.

Прим. 1. Статья Ленина: «Рабочая партия и крестьянство» кажется случайной и затушеванной остальным содержанием номера, посвященного злобе дня — бурному выступлению студенческой молодежи на путь борьбы. На самом же деле именно ленинская статья представляет центр тяжести в номере. Она возбудила самый живой интерес среди рабочих и крестьянских масс. И действительно, в ней настолько полно и отчетливо изложена точка зрения «Искры» на крестьянский вопрос, что она является лучшим, исчерпывающим комментарием к принятой на II с'езде аграрной программе.

Прим. 2. Этот отдел был составлен гл. обр. Мартовым (см. «Письма Аксельрода и Мартова», стр. 23).

Прим. 3. Относительно роли «Союза» в студенческом движении этого времени Мартов в письме к Аксельроду пишет: «„Петерб. Союз Борьбы", который, медленно эволюционируя за последнее время влево, дошел теперь, приблизительно, до позиции, занимаемой правым крылом „Раб. Дела",—этот „Союз" констатировал в последних событиях полное свое политическое бессилие. На демонстрацию 4 марта он не звал рабочих, ограничившись только тем, что „довел до сведения" о приглашении студенческого комитета».

Прим. 4. Группа «Социалист» образовалась летом 1900 г. из остатков «группы 20», разгромленной жандармами (от нее уцелели Н. Иорданский и П. Щеголев). В группу «Социалист» вошли Б. Савинков, П. Рутенберг, Е. Бройдо-Гордон и др. Хотя возникновение этой группы можно было бы рассматривать как результат недовольства некоторой части социалистической интеллигенции «экономическим» уклоном официальных с.-д. организаций, тем не менее собственная физиономия группы имела в высшей степени неопределенный характер. Достаточно сказать, что она обращалась за литературным содействием к таким лицам, как В. И. Семевский, П. Н. Милюков, В. Португалов, Струве, Туган-Барановский и т. п. Один из видных ее деятелей, Б. Савинков (впоследствии правый эс-эр и злейший враг Советской России), требовал сближения с народническими группами. На время удельный вес группы очень увеличился в виду связи ее с возникшей в это время в Вильне типографией «Рабочей Библиотеки». Группа «Рабочей Библиотеки» успела уже нашуметь, выпустив 4—5 брошюрок, но, благодаря провокации известного Гуровича, была в январе 1901 г. разгромлена, а несколько месяцев спустя та же участь постигла и гр. «Социалист».

Незадолго перед своим концом гр. «Социалист» вела переговоры с другой такого же рода «блуждающей кометой»—группой «Рабочее Знамя». Эта последняя возникла в 1897—98 гг. из оппозиционных кружков белостокской организации Бунда, группой питерских с.-д-ов, а также киевских. Вдохновителем и инициатором группы «Раб. Зн.» был рабочий—ювелир Михаил Лурье. Он не был солидарен с киевской группой «Раб. Газеты», подготовлявший I С'езд Партии, и решил одновременно с попыткой киевлян создать самостоятельную партию под именем «Русской с.-д. партии». Особенность «Партии», которая создалась около «Рабочего Знамени», заключалась в том, что она «экономическому» направлению многих других с.-д. организаций резко противопоставила свой уклон в сторону политической борьбы. С перерывами группа просуществовала до 1901 г., выпустив 3 номера (первый и 3-й в России и 2-й в Лондоне), а также ряд брошюр. Наиболее видными ее деятелями, кроме М. Лурье, были — Арон Лурье, И. М. Ромм, С. Антропов, В. П. Ногин, С. О. Ежов-Цедербаум (брат Мартова), А. Сольц и др. В 1901 г. большинство из них примкнуло к группе «Искры». Антропов и Ногин, прибывшие из Лондона в Россию в 1901 г., как агенты «Искры», скоро были выслежены и арестованы.

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!"...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину

№ 4 МАЙ 1901 ГОДА № 4

С ЧЕГО НАЧАТЬ?[1]

Вопрос «что делать?» за последние годы с особенной силой выдвигается перед русскими социал-демократами. Речь идет не о выборе пути (как это было в конце 80-х и начале 90-х годов), а о том, какие практические шаги и как именно должны мы сделать на известном пути. Речь идет о системе и плане практической деятельности. И надо признать, что этот основной для практической партии вопрос о характере и способах борьбы остается у нас все еще нерешенным, возбуждает все еще серьезные разногласия, обнаруживающие прискорбную неустойчивость и шатание мысли. С одной стороны, далеко еще не умерло «экономическое» направление, старающееся обкарнать и сузить работу политической организации и агитации. С другой стороны, попрежнему гордо поднимает голову направление беспринципного эклектизма, подделывающегося под каждое новое «веяние», не умеющего отличать запросов минуты от основных задач и постоянных нужд движения в его целом. Как известно, такое направление свило себе гнездо в «Рабочем Деле». Его последнее «программное» заявление—громкая статья под громким заглавием «Исторический поворот» (номер 6 «Листка Раб. Дела»)—особенно наглядно подтверждает сделанную характеристику. Еще вчера мы заигрывали с «экономизмом», негодовали по поводу решительного осуждения «Раб. Мысли», «смягчали» плехановскую постановку вопроса о борьбе с самодержавием, — а сегодня мы уже цитируем слова Либкнехта: «Если обстоятельства изменятся в 24 часа, то нужно и тактику изменить в 24 часа», мы уже говорим о «крепкой боевой организации» для прямой атаки, для штурма на самодержавие, о «широкой революционной политической (вот уж как энергично: и революционной и политической!) агитации в массе», о «неустанном призыве к уличному протесту», об «устройстве уличных манифестаций резко (sic!) политического характера» и проч., и т. п., и т. д.

Мы могли бы, пожалуй, выразить удовольствие по поводу того, что «Раб. Дело» так быстро усвоило выдвинутую нами уже в первом номере «Искры» программу создания крепкой организованной партии, направленной на завоевание не только отдельных уступок, но и самой крепости самодержавия, но отсутствие у усвоивших всякой твердой точки зрения способно испортить все удовольствие.

Имя Либкнехта «Раб. Дело», конечно, приемлет всуе. В 24 часа можно изменить тактику агитации по какому-нибудь специальному вопросу, тактику проведения какой-нибудь детали партийной организации, а изменить не только в 24 часа, но хотя бы даже в 24 месяца свои взгляды на то, нужна ли вообще, всегда и безусловно боевая организация и политическая агитация в массе, могут только люди без всяких устоев. Смешно ссылаться на различие обстановки, на смену периодов: работать над созданием боевой организации и ведением политической агитации обязательно при какой-угодно «серой, мирной» обстановке, в период какого-угодно «упадка революционного духа» — более того: именно при такой обстановке и в такие периоды особенно необходима указанная работа, ибо в моменты взрывов и вспышек поздно уже создавать организацию; она должна быть наготове, чтобы сразу развернуть свою деятельность. «Изменить в 24 часа тактику»! Да для того, чтобы изменить тактику, надо прежде иметь тактику, а если нет крепкой организации, искушенной в политической борьбе при всякой обстановке и во всякие периоды, то не может быть и речи о том систематическом, освещенном твердыми принципами и неуклонно проводимом плане деятельности, который только и заслуживает названия тактики. Посмотрите в самом деле: нам говорят уже, что «исторический момент» выдвинул перед нашей партией «совершенно новый» вопрос — о терроре. Вчера «совершенно новый» был вопрос о политической организации и агитации, сегодня — вопрос о терроре. Не странно ли слышать, как люди, до такой степени не помнящие родства, рассуждают о коренном изменении тактики?

К счастью, «Раб. Дело» не право. Вопрос о терроре совершенно не новый вопрос, и нам достаточно вкратце напомнить установившиеся взгляды русской социал-демократии.

Принципиально мы никогда не отказывались и не можем отказываться от террора. Это — одно из военных действий, которое может быть вполне пригодно и даже необходимо в известный момент сражения, при известном состоянии войска и при известных условиях. Но суть дела именно в том, что террор выдвигается в настоящее время отнюдь не как одна из операций действующей армии, тесно связанная и сообразованная со всей системой борьбы, а как самостоятельное и независимое от всякой армии средство единичного нападения. Да при отсутствии центральной и слабости местных революционных организаций террор и не может быть ничем иным. Вот поэтому-то мы решительно об'являем такое средство борьбы при данных обстоятельствах несвоевременным, нецелесообразным, отвлекающим наиболее активных борцов от их настоящей, наиболее важной в интересах всего движения задачи, дезорганизующим не правительственные, а революционные силы. Вспомните последние события: на наших глазах широкие массы городских рабочих и городского «простонародья» рвутся к борьбе,

а у революционеров не оказывается штаба руководителей и организаторов. Не грозит ли при таких условиях уход самых энергичных революционеров в террор ослаблением тех боевых отрядов, на которые только и можно возлагать серьезные надежды? Не грозит ли это разрывом связи между революционными организациями и теми разрозненными массами недовольных, протестующих и готовых к борьбе, которые слабы именно своею разрозненностью? А ведь в этой связи единственный залог нашего успеха. Мы далеки от мысли отрицать всякое значение за отдельными героическими ударами, но наш долг — со всей энергией предостеречь от увлечения террором, от признания его главным и основным средством борьбы, к чему так сильно склоняются в настоящее время очень и очень многие. Террор никогда не может стать заурядным военным действием: в лучшем случае он пригоден лишь как один из приемов решительного штурма. Спрашивается, можем ли мы в данный момент звать на такой штурм? «Раб. Дело», повидимому, думает, что да. По крайней мере оно восклицает: «Стройтесь в штурмовые колонны!» Но это опять-таки усердие не по разуму. Главная масса наших военных сил — добровольцы и повстанцы. Постоянного войска есть у нас лишь несколько небольших отрядов, да и те не мобилизованы, не связаны между собой, не приучены строиться в военные колонны вообще, а не то что в штурмовые колонны. При таких условиях для всякого, кто способен обозреть общие условия нашей борьбы, не забывая о нем при каждом «повороте» исторического хода событий, — должно быть ясно, что лозунгом нашим в данный момент не может быть «итти на штурм», а должно быть: «устроить правильную осаду неприятельской крепости». Другими словами: непосредственной задачей нашей партии не может быть призыв всех наличных сил теперь же к атаке, а должен быть призыв к выработке революционной организации, способной об'единить все силы и руководить движением не только по названию, но на самом деле, т. е. быть всегда готовой к поддержке всякого протеста и всякой вспышки, пользуясь ими для умножения и укрепления военных сил, годных для решительного боя.

Урок февральских и мартовских событий так внушителен, что вряд ли можно встретить теперь принципиальные возражения против такого вывода. Но от нас требуется в настоящее время не принципиальное, а практическое решение вопроса. Требуется не только усвоить себе, какая именно организация, для какой именно работы необходима, — требуется выработать известный план организации, чтобы к постройке ее могло быть приступлено со всех сторон. В виду неотложной важности вопроса мы решаемся, с своей стороны, предложить вниманию товарищей набросок плана, подробнее развиваемого нами в подготовляемой к печати брошюре.

По нашему мнению, исходным пунктом деятельности, первым практическим шагом к созданию желаемой организации, наконец, основной нитью, держась которой мы могли бы неуклонно развивать, углублять и расширять эту организацию, — должна быть постановка общерусской политической газеты. Нам нужна прежде всего газета,— без нее невозможно то систематическое ведение принципиально выдержанной и всесторонней пропаганды и агитации, которое составляет постоянную и главную задачу социал-демократии вообще и особенно насущную задачу настоящего момента, когда интерес к политике, к вопросам социализма пробужден в наиболее широких слоях населения. И никогда не чувствовалась с такой силой, как теперь, потребность в том, чтобы дополнить раздробленную агитацию посредством личного воздействия местных листков, брошюр и пр. той обобщенной и регулярной агитацией, которую можно вести только при помощи периодической прессы. Вряд ли будет преувеличением сказать, что степень частоты и регулярности выхода (и распространения) газеты может служить наиболее точным мерилом того, насколько солидно поставлена у нас эта самая первоначальная и самая насущная отрасль нашей военной деятельности. Далее, нам нужна именно общерусская газета. Если мы не сумеем и пока мы не сумеем об'единить наше воздействие на народ и на правительство посредством печатного слова, — будет утопией мысль об об'единении других, более сложных, трудных, но зато и более решительных способов воздействия. Наше движение и в идейном и в практическом, организационном отношении всего более страдает от своей раздробленности, от того, что громадное большинство социал-демократов почти всецело поглощенО чисто местной работой, суживающей и их кругозор, и размах их деятельности, и их конспиративную сноровку и подготовленность. Именно в этой раздробленности следует искать наиболее глубоких корней той неустойчивости и того шатания, о которых мы говорили выше. И первым шагом вперед по пути избавления от этого недостатка, по пути превращения нескольких местных движений в единое общерусское движение, должна быть постановка общерусской газеты. Наконец, нам нужна непременно политическая газета. Без политического органа немыслимо в современной Европе движение, заслуживающее названия политического. Без него абсолютно неисполнима наша задача — сконцентрировать все элементы политического недовольства и протеста, оплодотворить ими революционное движение пролетариата. Мы сделали первый шаг, мы пробудили в рабочем классе страсть «экономических», фабричных обличений. Мы должны сделать следующий шаг: пробудить во всех сколько-нибудь сознательных слоях народа страсть политических обличений. Не надо смущаться тем, что политически обличительные голоса так слабы, редки и робки в настоящее время. Причина этого — отнюдь не повальное примирение с полицейским произволом. Причина—та, что у людей, способных и готовых обличать, нет трибуны, с которой бы они могли говорить, — нет аудитории, страстно слушающей и ободряющей ораторов, — что они не видят нигде в народе такой силы, к которой бы стоило труда обращаться с жалобой на «всемогущее» русское правительство. И теперь все это изменяется с громадной быстротой. Такая сила есть, это — революционный пролетариат, он доказал уже свою готовность не только слушать и поддерживать призыв к политической борьбе, но и смело бросаться на борьбу. Мы в состоянии теперь, и мы обязаны создать трибуну для всенародного обличения царского правительства; такой трибуной должна быть социал-демократическая газета. Русский рабочий класс, в отличие от других классов

и слоев русского общества, проявляет постоянный интерес к политическому знанию, пред'являет постоянно (а не только в периоды особого возбуждения) громадный спрос на нелегальную литературу. При таком массовом спросе, при начавшейся уже выработке опытных революционных руководителей, при той сконцентрированности рабочего класса, которая делает его фактическим господином в рабочих кварталах большого города, в заводском поселке, в фабричном местечке, — постановка политической газеты есть дело вполне посильное для пролетариата. А через посредство пролетариата газета проникнет в ряды городского мещанства, сельских кустарей и крестьян и станет настоящей народной политической газетой.

Роль газеты не ограничивается, однако, одним распространением идей, одним политическим воспитанием и привлечением политических союзников. Газета — не только коллективный пропагандист и коллективный агитатор, но также и коллективный организатор. В этом последнем отношении ее можно сравнить с лесами, которые строются вокруг возводимого здания, намечают контуры постройки, облегчают сношения между отдельными строителями, помогают им распределять работу и обозревать общие результаты, достигнутые организованным трудом. При помощи газеты и в связи с ней сама собой будет складываться постоянная организация, занятая не только местной, но и регулярной общей работой, приучающей своих членов внимательно следить за политическими событиями, оценивать их значение и их влияние на разные слои населения, вырабатывать целесообразные способы воздействия на эти события со стороны революционной партии. Одна уже техническая задача — обеспечить правильное снабжение газеты материалами и правильное распространение ее — заставляет создать сеть местных агентов единой партии, агентов, находящихся в живых сношениях друг с другом, знающих общее положение дел, привыкающих регулярно исполнять дробные функции общерусской работы, пробующих свои силы на организации тех или иных революционных действий. Эта сеть агентов * будет остовом именно такой организации, которая нам нужна: достаточно крупной, чтобы охватить всю страну; достаточно широкой и разносторонней, чтобы провести строгое и детальное разделение труда; достаточно выдержанной, чтобы уметь при всяких обстоятельствах, при всяких «поворотах» и неожиданностях вести неуклонно свою работу; достаточно гибкой, чтобы уметь, с одной стороны, уклониться от сражения в открытом поле с подавляющим своею силою неприятелем, когда он собрал на одном пункте все силы, а с другой стороны, чтобы уметь пользоваться неповоротливостью этого неприятеля и нападать на него там и тогда, где всего менее ожидают нападения. Сегодня перед нами встала сравнительно легкая задача поддержать студентов, демонстрирующих на улицах больших городов. Завтра встанет, может быть, более трудная задача — например поддержать движение безработных в известном районе. Послезавтра мы должны оказаться на своем посту, чтобы принять революционное участие в крестьянском бунте. Сегодня мы должны воспользоваться тем обострением политического положения, которое создало правительство походом на земство. Завтра мы должны поддержать возмущение населения против того или другого зарвавшегося царского башибузука и помочь — посредством бойкота, травли, манифестации и т. п. — проучить его так, чтобы он принужден был к открытому отступлению. Такую степень боевой готовности можно выработать только на постоянной деятельности, занимающей регулярное войско. И если мы соединим свои силы на ведении общей газеты, то такая работа подготовит и выдвинет не только наиболее умелых пропагандистов, но и наиболее искусных организаторов, наиболее талантливых политических вождей партии, способных в нужную минуту дать лозунг к решительному бою и руководить им.

В заключение — пару слов во избежание возможного недоразумения. Мы говорили все время только о систематической, планомерной подготовке, но мы отнюдь не хотели этим сказать, что самодержавие может пасть исключительно от правильной осады или организованного штурма. Такой взгляд был бы нелепым доктринерством. Напротив, вполне возможно и исторически гораздо более вероятно, что самодержавие падет под давлением одного из тех стихийных взрывов или непредвиденных политических осложнений, которые постоянно грозят со всех сторон. Но ни одна политическая партия, не впадая в авантюризм, не может строить своей деятельности в расчете на такие взрывы и осложнения. Мы должны итти своим путем, неуклонно делать свою систематическую работу, и, чем меньше будем мы рассчитывать на неожиданности, тем больше вероятия, что нас не застанут врасплох никакие «исторические повороты».

[Н. Ленин]

* Понятно само собой, что такие агенты могли бы работать успешно только при условии полной близости их к местным комитетам (группам, кружкам) нашей партии. Да и вообще весь намечаемый нами план осуществим, конечно, лишь при самой активной поддержке комитетов, которые не раз делали шаги к об'единению партии и которые — мы уверены — добьются этого об'единения не сегодня, так завтра, не в той, так в другой форме.

САМОДЕРЖАВИЕ И ФИНАНСЫ.

Покуда русская жандармерия, усердствуя в борьбе против крамолы переполняет тюрьмы, русское правительство само подтачивает основы абсолютизма. Центр этой разрушительной деятельности — министерство финансов.

Господин Витте недавно хвастался перед Европой тем, что в России нет парламента и что поэтому могущественное правительство может поступать по произволу, не считаясь ни с какой оппозицией. Но не считаясь с политической оппозицией, русское правительство тем более принуждено считаться — с настроением биржи. Какая зависимость более унизительна и более связывает: зависимость от избранных представителей народа или зависимость от фирмы Ротшильд и от французских банков. Подпись царя-самодержца не имеет на денежном рынке никакой силы, если она не подкреплена подписью потомков Мейера Амшеля Ротшильда.

А биржа именно потому и относится так недоверчиво к русскому правительству, что оно не подлежит никакому парламентскому контролю. Буржуазия Западной

Европы знает по собственному долгому опыту, что только отчетность перед парламентом может пролить полный свет на финансовое положение государства. Да и как, напр., немецким капиталистам доверять публикациям русского министерства финансов, когда они знают, что в Пруссии от 1821 до 1848 г. на-ряду с публиковавшимися бюджетами существовали тайные, разнившиеся от первых на многие миллионы! Ведь даже от каждого акционерного общества требуется публичная отчетность: оно обязано публиковать свой баланс, его правление стоит под контролем избранного комитета и т. д., — так как же не требовать контроля над финансами государства, оперирующего тысячами миллионов, имеющего самые многоразличные, количественно легко поддающиеся изменениям источники доходов и расходов? Потому и не доверяют.

Эту связь между кредитоспособностью государства и парламентаризмом нашему правительству не раз приходилось чувствовать. Наглядный пример — денежная реформа. Лет 15, начиная с 1884 г., казна копила золото. Всякими правдами и неправдами собрала она большую сумму, воспользовавшись в особенности французскими конверсиями. Затем перечеканили монету, сделав из двух полуимпериалов три, иначе говоря, об'явили банкротство: платили за рубль 66 коп. Увеличив номинальную стоимость золотой монеты, нетрудно было уничтожать кредитные билеты, которых и так был большой излишек. И вот, наконец, было достигнуто громадное покрытие кредитных билетов золотом. К концу 1897 г. в казначействе и Государственном банке было 1.315 милл. рублей, а кредитных билетов было в обращении всего 930 милл. Положение, казалось бы, чрезвычайно солидное. В Германии, Франции, даже в Англии соотношение между запасом золота и обращением кредитных билетов гораздо менее благоприятно. Но как только был введен обязательный обмен на золото, золото стало исчезать из Государственного банка. Течет золото, как из дыры в мешке, и ничем его нельзя удержать. Начиная с 1897 г. уничтожили на 369 милл. рублей кредитных билетов, а золота ушло из Государственного банка около 600 милл., если даже не считать золота, приобретенного за это время правительством. Запас золота к 16 января 1901 г. был всего только 738 милл., т. е. он был уже почти на 170 милл. меньше, чем осенью 1892 г. во время страшного голода. Если считать на старую валюту, то у нас уже опять образовался долг по кредитным билетам в 140 миллионов, т. е. столько выпущено бумажек без покрытия золотом. А золото все уходит, целыми вагонами увозят его за границу. Понятно поэтому, что сам Витте стал сильно беспокоиться, до того даже, что заявляет об этом публично. В своем докладе о росписи государственных доходов и расходов на 1901 г. он свидетельствует, что это «неблагоприятный факт, заслуживающий серьезного внимания». Чтобы об'яснить такое явление, он ссылается на общие причины стеснения денежного рынка. Но не об'яснил он вот чего: в то время, как в других государствах уменьшению золотого запаса эмиссионных банков, т. е. увеличению количества золота в обращении, соответствует увеличению обращения банковых знаков, что вполне понятно, раз общая потребность в деньгах увеличилась, у нас как раз наоборот — золото уходит, а кредитки возвращаются в банк. Несмотря на то, что количество кредитных билетов против прежнего уменьшено на полмиллиона, в кассе Государственного банка накопляется кредитных рублей больше, чем когда бы то ни было. В настоящее время от 10 до 20 проц. всех кредитных рублей находятся в кассах Государственного банка, количество до монетной реформы совершенно небывалое. Значит, публика требует не просто денег, а требует — золота.

ВОПРОСЫ ДНЯ.

Кое-что о терроре. Как иногда люди «поворачивают».

По словам «Раб. Дела», переживаемый нами «исторический момент выдвинул также перед нашей партией совершенно новый (курсив наш) вопрос. Выстрелы Карповича и Лаговского и сочувствие, которое они встретили в рядах молодежи и всех (?) революционных элементов, ясно показывают, что белый террор царского правительства снова, с неотвратимой силой закона природы, создает почву для красного террора революционеров». «Рабочее Дело», в виду этого, приглашает «наши партийные организации» сообща решить вопрос о своем отношении к террору.

Вопрос о терроре, столь «новый» для «Раб. Дела», далеко не нов для русской социал-демократии.

В начале 80-х годов громадное большинство русских революционеров было уверено в том, что политическая борьба в России возможна только в виде террористической борьбы заговорщической партии. На чем была основана эта уверенность? На неудаче предшествовавших попыток русских революционеров вызвать широкое революционное движение народа помощью пропаганды и агитации в его среде. Мы знаем теперь, что было причиной этой неудачи. Те народные массы, к которым обращались революционеры семидесятых годов (крестьянская масса), не представляли собой силы, способной на революционную борьбу с существующим строем. Тот же класс, который такой силой мог стать — пролетариат, был еще слишком незрел, а программа русских революционеров того времени не позволяла использовать и той степени революционного развития, которую пролетариат уже достиг. С другой стороны, движение либеральных слоев «общества» тогда, как и теперь, не могло вообще представить самостоятельной революционной силы. Поэтому революционная партия естественно склонялась к мысли о совершении политической революции собственными силами, помощью единственно доступного кучке заговорщиков средства — политического террора. По мысли революционеров того времени, систематический террор должен был расстроить правительственную организацию (дезорганизовать правительство), ослабить обаяние его власти в глазах недовольных, но неспособных к революционному движению слоев населения, запугать правительство и принудить его к уступкам. Само собой разумеется, что эта цель могла быть достигнута тем легче, чем более проявлялось бы в резких формах недовольство разных слоев населения. Поэтому народовольцы очень ценили всякое общественное движение и особенно надеялись на движение рабочих. Но во всяком таком проявлении общественного движения масс они видели только вспомогатель-

Цель монетной реформы — обеспечить денежное обращение кредитных билетов по установленному курсу; между тем оказывается, что золотой размен вообще вытесняет кредитки из обращения. Конечно, банк старается пустить бумажки опять в ход, а они возвращаются обратно в обмен на золото — в публике становится золота все больше, в банке все меньше. Если не задержать этого процесса, то, очевидно, золото из банка совершенно исчезнет. Весь расчет правительства был в том, что в России, как и в других странах, установится определенное соотношение между количеством золота и количеством кредиток в обращении; запас золота нужен был бы тогда только для того, чтобы покрывать временные отклонения от нормы. Почему же в России эффект получается совсем другой? Да потому, что в денежном обращении кредитных билетов важен момент доверия, а так как доверие к финансовым операциям русского правительства равняется нулю, то и оказывается тенденция свести находящиеся в обращении кредитные билеты на нуль. Золото в руках — это обеспечение, кредитные же билеты — вексель на правительство, а векселю какая цена? Сегодня рубль за рубль, а завтра, по указу его императорского величества, которому не приходится считаться с парламентарной оппозицией, за рубль полтину! Удивительно ли после этого, что купцы предпочитают золото?

Положение министерства финансов чрезвычайно затруднительное. Введя золотую валюту, оно приняло на себя обязательства перед Европой. Отменить теперь золотой размен значит окончательно погубить кредит. А не отменить, — где взять золото? Нужен заграничный заем. А так как новый заем до крайности необходим, то г. Витте в своем докладе с необыкновенным много- и пустословием распространяется о том, что занимать деньги не следует. Кому это он пыль в глаза пускает, неизвестно, может быть, Николаю II, но только европейскую публику ему на этот раз обмануть не удалось. Западно-европейские газеты в течение прошлого лета неоднократно сообщали о неудачных попытках русского министерства финансов заключить заем. Известно, что Витте с этой целью ездил два раза в Париж, а его финансовый агент Ротштейн—за тем же в Нью-Йорк. Увы, напрасно! Банки ставят невозможные условия. Но если уже и французский денежный рынок закрывается перед царским правительством, так куда же броситься? Лондонская биржа уже давно держит себя в стороне от русских займов, берлинская закрылась в 80-х годах и затем, хотя небольшими количествами и покупает русские займы, но в общем воспользовалась конверсиями, чтобы сплавить русские ценности в Париж. Так где же взять золота?

А заем нужен, ой, как нужен! Без займа, вместо того, чтобы пополнить кассы банка, казначейство само тащит из него золото. Текущий счет казначейства в Государственном банке уменьшился против прошлого года более чем на 250 милл. рублей. Обыкновенно банковый счет казначейства в начале года — приблизительно до конца февраля — увеличивается, а теперь он уже с середины января идет на понижение: 8 января было 307½ милл. рублей, 16-го уже только 291, против прошлого года на 266 милл. меньше. Таможенный доход понизился, сахарный тоже. А главное, доход питейный и от винной монополии находятся в очень сомнительном положении. Хотя выручка вина против прошлого года к 1 декабря 1900 г. была выше всего на миллион ведер, но спиртных запасов было больше на 7 милл. ведер,— значит, застой в продаже вина. А между тем кабацкий доход — главная опора русского бюджета. Но как же потреблению водки не уменьшиться, когда по деревням голод? Однако же, несмотря на голод, с мужиков по-

---

ную силу, способную усилить дезорганизацию правительства, главные же удары его организации должна была наносить заговорщическая борьба, в которой террор был главным средством.

Надежды террористов, как известно, не оправдались, и революционная мысль должна была вернуться к идее народного движения, как единственной силы, способной сломить организованную силу государства. Но это не было простым возвращением к народническим идеям 70-х годов. Подвергнув критическому пересмотру все основания народнической и народовольческой программы, революционная мысль в лице группы «Освоб. Труда» нашла основной рычаг революционного развития в процессе развития классовых противоречий и вызываемой ими классовой борьбы и основную силу русской революции — в пролетариате, в единственном классе, способном создать общенародное политическое движение и повести успешную борьбу за политическую свободу и социализм.

Русская социал-демократия выросла и развилась в борьбе с тем направлением русской социально-революционной мысли, для которой всякая политическая борьба в России сводилась к террору. Как удивились бы, узнав о «новизне» вопроса о терроре для социал-демократов «Раб. Дела» те народовольцы 80-х и 90-х годов, которые на почве именно этого вопроса остались за флагом в борьбе с русскими социал-демократами! Как посмеются, узнав об этой «новизне», те петербургские рабочие, которые в начале 90-х годов выработали свое политическое мировоззрение в борьбе с народовольческим направлением, в борьбе, практический смысл которой сводился к вопросу: террор или политическое движение пролетариата?

В то время, как народовольцы не видели в России других средств активной политической борьбы, кроме террора, применяемого заговорщической партией, социал-демократы доказывали, что, развивая и организуя классовую борьбу пролетариата, они содействуют выработке из него такой политической силы, которая в известный момент сможет рядом активных нападений на государственный строй расшатать его и вынудить или взять с боя уступки народным требованиям.

Первая часть поставленной себе социал-демократами задачи была выполнена. Широкой волной разлилось по России рабочее движение, идеи классовой борьбы проникли во все слои пролетариата, социал-демократия стала единственной сильной революционной партией, от старых революционных направлений не осталось почти и следа. И что же? В тот самый момент, когда ей предстояло, повидимому, перейти к организации систематической активной политической борьбы с существующим строем, — в этот самый момент в среде русских социалистов, в том числе и среди рабочих, вновь возникают симпатии

дати выколачивали: с удельных еще к 1 ноября собрали больше годового оклада, с государственных—больше девяти десятых оклада, а с бывших помещичьих—три четверти. Высасыванием последних соков из мужика, спаиванием народа да хищническим хозяйством на железных дорогах только еще и пополняют кассы казначейства.

Да и то наличных денег давно уже не хватает. Остаются невыполненными из года в год сметные назначения обыкновенного бюджета. От 1 января по 1 ноября 1900 г. было истрачено 120 милл. рублей по сметным назначениям прежних лет, а по чрезвычайному бюджету 63 милл. А так как к 1 января 1900 г. было по крайней мере на 300 милл. рублей остатков, то, следовательно, еще и после 1 ноября 1900 г. осталось невыполненных расходов по назначениям от 1 января 1899 г. и предыдущих лет 117 миллионов! Сколько осталось невыполненным из бюджета 1900 г., неизвестно, но, судя по всему, наверное не мало. К тому же были экстренные, неожиданные расходы. Витте отчисляет на покрытие расходов, вызванных на Дальнем Востоке, 62 милл. рублей. Однако же он сам заявляет, что этим далеко не исчерпываются понесенные потери. Сумма поставлена маленькая, чтобы не отягчать бюджета. Но платить-то ведь все-таки придется! Между тем военные расходы еще не закончены, они продолжаются и теперь, и сумма их растет со дня на день. А сколько растеряно да разграблено вследствие приостановки в постройке сибирской железной дороги! Вообще на постройку этой дороги больше денег нет. В прошлом году на сооружение дороги и на покупку подвижного материала ассигновано было 70 милл. рублей, а в нынешнем—10! А тут еще голод в Сибири, дороговизна на хлеб! Голод вообще требует от правительства затрат. Дать умереть мужикам, с кого же после этого подати брать? Сейчас $5^1/_2$ милл. ассигновали. А как-то еще к весне будет?

В прошлом году, от конца февраля до начала октября, банковый счет казначейства понизился на 230 милл. Если в нынешнем году повторится то же самое, то от денежных запасов казначейства в банке останутся каких-нибудь 50 или 60 миллионов. Вместе с тем это увеличит отлив золота из Государственного банка. Золотой размен связал казначейство с Государственным банком неразрывными узами, и вот общими усилиями готовится двойной кризис: финансовый и денежный!

Разве только опять удастся сделать заем! Уже много лет главная опора русского самодержавия — республиканская французская буржуазия. Допустим, что и на этот раз удастся вывернуться, но все же положение становится все более затруднительным. Если сосчитать чистые государственные расходы России, то почти треть из них уходит на уплату процентов по займам. 275 милл. рублей в год платежей по займам! Перед этим все остальное отодвинется на задний план, остаются невыполненными самые насущные государственные потребности, уж не говоря о культурных задачах. Куда же это ведет? Ответ дает—Турция. Парламентаризм или политическое разложение и рабство перед биржей — такова дилемма!

[Парвус]

САМОДЕРЖАВИЕ И ЗЕМСТВО.

В ном. 2 „Искры“ мы уже указали, что душой правительственных планов, направленных на полное упразднение земства, является министр финансов статс-секретарь Витте. В 1889 г. он выступил с обширной запиской, в которой, возражая против предложенного бывшим министром внутренних дел Горемыкиным введения земских учреждений в Западном крае, доказывает, что сохранение сколько-нибудь независимого местного самоуправле-

к террору как орудию политической борьбы, и для многих социал-демократов вопрос о терроре выплывает как «совершенно новый» вопрос. Где кроется причина этого странного явления?

Ее не трудно увидеть. Рост террористических стремлений в русском революционном движении последних лет идет параллельно с тем упадком революционного настроения русской социал-демократии, который замечается с 1898 г., по мере развития в ней «экономического» направления и «критики марксизма». Социал-демократическое движение, уже достигшее той высоты развития, на которой оно пыталось сложиться в политическую партию с определенной политической задачей ближайшего будущего, начинает видимо падать, разменяваться на частности. На место веры в близость решительной битвы с самодержавием выступает уверенность в том, что для очень долгого периода деятельность борцов рабочего движения может сводиться только к будничной борьбе за частичные улучшения положения рабочего класса, на место убеждения в первенствующей роли, которую русский пролетариат должен играть в общенародной борьбе с самодержавием, становится молчаливое признание того, что пролетариат может только своей чисто экономической борьбой расшатать существующий строй, производить в нем более или менее значительный «беспорядок», активно же работать над его преобразованием должно либеральное «общество». Это убеждение легло в основу программы известного «credo», программы, которая далеко не является таким продуктом недомыслия отдельных лиц, каким его хотело представить «Раб. Дело», но выражает наиболее резко логические выводы из взглядов, ставших популярными среди очень многих товарищей. Исключительно-экономическая практика соц.-демократов обусловливает перенос политических задач современности на либеральную интеллигенцию (см. Аксельрод, Письмо в ред. «Раб. Дела»).

Но не всем дано принизить свое политическое мировоззрение до веры в революционные способности русского либерализма. Те, кто не мог возложить все свои политические надежды на либеральное общество, те революционеры, которые неспособны были самодовольно углубиться в агитацию по поводу «копейки на рубль», но которые в то же время заразились модным недоверием к политическим способностям русского рабочего класса, должны были искать выхода в прежней революционной программе — программе борьбы с самодержавием путем заговора, т. е. в терроре.

Вот почему «новый» для «Раб. Дела» вопрос о терроре представляет для нас тот старый вопрос, о котором велся спор русской социал-демократией лет десять и более тому назад, вопрос о том, «кто совершит политическую революцию в России?» — революционная ли

ния несовместимо с поддержанием самодержавия. Земство должно быть либо прямо упразднено, либо совершенно подчинено бюрократии. Земству, — развивает г. Витте, — необходимо присуще стремление получить политическое значение, из органа местного хозяйственного самоуправления стать независимым и равноправным с монархом органом государственной власти. Другими словами, земство есть зародыш народного представительства, конституции. Этот зародыш очень слаб, еле заметен, но в нем таятся зачатки опасного для самодержавия будущего, и потому земство подлежит политической казни. Г. Витте оставляет неясным, желает ли он прямо отсечь голову земству или готовить ему медленную смерть, но во всяком случае земство должно пасть. Ясно, что ненавистно в земстве таким представителям самодержавной бюрократии, как Витте. Ненавистна им его независимость, теперь скрытая или дающая себя знать в неопасных для самодержавия мелочах, но в критический момент могущая прорваться сразу и найти себе в земских учреждениях организованное орудие.

Любопытно и в высшей степени знаменательно, с каким вниманием верховные стражи самодержавной бюрократии ловят каждое проявление земской независимости, как тщательно они доискиваются политического смысла в каждом, даже самом робком, шаге и заявлении земских людей. В этом внимании выражается у одних ясное сознание, у других смутное, еще безотчетное чувство, что пышное здание бюрократического произвола подточено изнутри, что самодержавная бюрократия исчерпала свои силы и исполнила все свои исторические задачи; что для того, чтобы сохранить свою позицию, ей нужно быть всегда на-чеку. Исторические силы, враждебные самодержавной бюрократии, настолько выросли, что стоит представителям ее зазеваться, для того чтобы потерять равновесие и начать катиться по наклонной плоскости к месту, на котором явственно начертана зловещая надпись: конституция.

Для характеристики этого положения вещей мы приведем из записки Витте некоторые места, посвященные уяснению политической роли преобразованного по положению 1890 г. земства. Конституционные стремления земства, как известно, выразились более или менее ярко в эпоху народовольческого террора, в конце 70-х и начале 80-х годов. Охарактеризовав земскую агитацию этой эпохи и выяснив ее значение, г. Витте ставит вопрос: исчезла ли с изданием положения 1890 г. политическая тенденция земств, их стремление к участию в законодательной деятельности? Отвечая на этот вопрос, г. Витте напоминает об «адресах, поданных по случаю восшествия на престол благополучно царствующего государя императора, адресах, в которых довольно ясно сказалось прежнее, но затаенное ныне стремление земства выйти из сферы местных дел, ему предоставленных». «Все адреса, поданные земствами в 1894 — 95 гг., не были результатом случайного увлечения мимолетной идеей, они были прямым следствием удобного, по их мнению, момента для выражения все той же мысли земцев о необходимости добиться участия в законодательстве и центральном управлении. Эта мысль, несомненно, не умерла еще в среде земской и поныне, да по самой природе вещей и не может умереть». Красноречивое указание на это,— по словам г. Витте, — имеется во всеподданнейших отчетах тверского губернатора, который указал, что «борьба с земской оппозицией составляет тяжелую задачу местной администрации и что от председательствующих в земских собраниях предводителей дворянства требуется иногда даже „гражданское мужество“ (sic!) для выполнения конфиденциальных циркуляров мин. внутренних дел о предметах, которых земские учреждения не должны касаться». Г. Витте решительно отвергает заверения мин. внутрен-

---

интеллигенция с ее активным орудием борьбы — террором и ее пассивными вспомогательными силами — либеральной оппозицией и бессистемными «беспорядками» народных масс или же революционный пролетариат, ведущий политическую борьбу под знаменем социал-демократии, организующий, осмысливающий и об'единяющий все помимо него бессильные движения протеста разных слоев народа?

Нам скажут, что никто из современных террористов не ставит именно так вопроса, что сторонники террора смотрят на себя только как на застрельщиков общенародного движения и, лишь опираясь на последнее, надеются достигнуть путем террора победы над правительством (см. брошюру «Свобода», изданную в 1900 г. «Рабочей партией политического освобождения России» или «Наши задачи» «Союза социалистов-революционеров»).

На это мы отвечаем, что не иначе ставила вопрос о терроре и партия «Народной Воли», что не мешало ее террору в силу внутренней логики, присущей этому средству борьбы, быть на деле отрицанием всякого народного движения. По мысли террористов, террористическая борьба есть только одно из орудий низвержения самодержавия, но примененное на деле это орудие неизбежно препятствует развитию того самого народного движения, которое и террористы считают необходимым.

Чтобы быть успешным, политическое движение народных масс должно совершаться под руководством строго-организованной, сплоченной и деятельной революционной партии. Наиболее активные, энергичные, самоотверженные люди уходят из области пропагандистско-агитационной и организационной деятельности, замыкаются в тесном кругу террористической организации и, покидая остальную массу революционных сил, способствуют ослаблению среди них интереса к будничной, не блестящей работе среди народа. Требуя страшного напряжения революционной энергии, террористическая борьба быстро истощает силы революционнной партии. Наконец, террор обладает свойством вызывать подражание и под влиянием производимого им впечатления в самом рабочем движении должна развиваться бунтарски-террористическая струя в форме бессистемных убийств всякого рода врагов рабочего движения вплоть до мастеров и фабрикантов.

Значит ли это, что мы всегда и вообще безусловные противники террора? Отнюдь нет. Еще в проекте программы группы «Освоб. Труда» (1885 г.) было сказано, что в момент решительной борьбы с самодержавием рабочая партия прибегнет ко всем пригодным средствам, а в случае надобности не остановится и перед террором. Этот момент решительного нападения на самодержавие будет дан целым рядом совпавших условий, из которых имеющие самое решительное значение не зависят от воли каких-либо организованных сил. В 1897 г. П. Б. Аксельрод, говоря об этом в «Ответе» молодым

них дел, будто после земского положения 1890 г. «исчез даже призрак политических стремлений». «Политическая тенденция, — заявляет г. Витте, — с основания земских учреждений до самого последнего времени то подавлялась, то снова воскресала, но несомненно, что ею отмечена 35-летняя история нашего земства». Министр финансов смеется над утверждением г. Горемыкина, будто «все конституционные стремления земств сводились к пустой шумливой оппозиции губернскому начальству нескольких крикунов и политиканов в немногих уездах». Это говорится либо неискренно, либо по незнакомству с «разнородным и богатым секретным материалом, который имеется в делах министерства внутренних дел». Если даже просто подсчитать все те земства, которыми прямо или косвенно заявлялись ходатайства о допущении их к участию в законодательстве, то получится не несколько уездов, а не менее половины всех земских губерний. Но если ознакомиться с содержанием ходатайств и принять во внимание, при каких условиях и какими мерами предотвращались подобные же заявления в других губерниях, то станет довольно ясно, что земское движение в пользу земского собора много серьезней «пустой, шумливой оппозиции губернскому начальству». «Во главе движения шли, конечно, вожаки („крикуны и политиканы", как их характеризует министр внутренних дел), но если за этими „политиканами" так дружно шло огромное большинство самых благородных, самых благонамеренных земцев, то не служит ли уже одно это доказательством, что в самой постановке земского дела что-то неладно, что в нем есть какая-то несообразность, какое-то политическое несоответствие всему государственному строю, и что надо серьезно подумать, прежде чем переносить земские учреждения на обильные всякими политическими брожениями окраины». «Движение, проявившееся в земствах после введения в действие закона 1890 г.», являясь «более мягким по внешней форме», «по внутреннему своему содержанию» представляется г. Витте «более знаменательным, чем даже резкое движение 1879—1883 гг.». Г. министр финансов указывает на то, что «законом 1890 г. земству дана сословная окраска, усилен в собраниях правительственный элемент, что в состав губернских земских собраний введены все уездные предводители дворянства и земские начальники, и если такое обезличенное сословно-бюрократическое земство продолжает тем не менее проявлять политическую тенденцию, то над этим следовало бы призадуматься» (курсив наш).

Да, над этим следует призадуматься и нам, решительным противникам самодержавия. Сыск о политической неблагонадежности земства, ежедневно, так сказать, по обязанностям службы, практикуемой министром внутренних дел и его слугами—губернаторами, и тот же сыск, единовременно произведенный с затратой «ученого аппарата» министром финансов в об'емистой записке, доказывает неопровержимо, что правительство боится и вынуждено бояться всякой, даже самой умеренной и еле заметной оппозиции. Этот страх с поразительной ясностью обнаруживает внутреннюю слабость самодержавно-бюрократического произвола, гнетущего Россию. А те меры, которые самодержавной бюрократии подсказывает этот страх, меры окончательного упразднения всякой тени общественной самодеятельности даже имущих классов, изобличают и для самого слепого взора всю отвратительную гнусность этого отжившего режима.

Что из этого следует?

Наш первейший и злейший враг — самодержавие сильно только своим физическим и техническим превосходством над нами. Но оно поражено неизлечимой

товарищам, высказал следующие мысли, на которые мы советуем обратить самое серьезное внимание наших читателей.

«У нас упускают из виду, что окончательный удар враждебному режиму наносят чаще всего силы и события, лежащие вне власти действующей партии. Голод, эпидемия, сильный экономический кризис, внешняя война и финансовая несостоятельность—вот что чаще всего наносит реакции последний удар. Но для того, чтобы революционные элементы могли воспользоваться критическим моментом в жизни самодержавного государства, борьба их с абсолютизмом должна представлять собою процесс выработки общественных сил, которые сумели бы в этот момент сознательно и энергично отстаивать демократическую конституцию. Подготовить же эту силу возможно только путем энергичной и неустанной пропагандистской и организационно-организаторской деятельности среди рабочих. Только таким образом может образоваться рабочая организация, которая, благодаря своему тесному союзу с революционной интеллигенцией, с одной стороны, и глубоким корням в крестьянско-рабочей массе—с другой,—быстро сумеет выступить руководительницей последней для обеспечения народу возможно более широких политических прав».

Но чтобы ко времени такого политического кризиса быть готовой к решительной атаке против царизма, социал-демократия должна неустанно развивать политическую деятельность рабочего класса, упражнять его политические способности в постоянной борьбе с существующим строем на почве каждого отдельного проявления произвола и гнета, должна не в собственном только представлении, а в сознании всех недовольных элементов стать передовым отрядом движения, от которого не один рабочий класс, но и все остальные недовольные классы ждут сигнала к решительной атаке и от которого все они охотно принимают данный ей для этой атаки лозунг ближайших требований. И вот, когда социал-демократия достигла такого значения, когда она, ведя за собой все недовольные общественные элементы, подает сигнал к такой общей атаке на царизм, тогда она в выборе средств для этой атаки будет руководствоваться исключительно соображениями целесообразности, и в случае, если найдет нужным, применит и террор, как, может быть, прибегнет к вооруженным восстаниям. А чтобы быть в состоянии определить, настал ли такой решительный момент, чтобы иметь право взять на свою ответственность применение и пропаганду таких крайних революционных приемов борьбы, — для этого социал-демократия должна иметь единую волю, должна уметь передать эту волю всем под ее влиянием находящимся общественным силам, следовательно, опять-таки должна подчинить своему влиянию все недовольные настоящим общественные силы. А все это предполагает существование крепкой и в постоянной

внутренней слабостью и осуждено на смерть своей собственной гнусностью. Что будет с самодержавием, когда перед ним окажется не только «мягкая» оппозиция «сословно-бюрократического земства», но встанет во весь рост революционная социал-демократия и раздастся «железная поступь» собравшихся по ее зову русских рабочих батальонов? Тогда, гг. земцы, бросьте и вы «мягкие» речи и скажите приличествующее случаю резкое и твердое слово. Оно пригодится, а за нами уже дело не станет.

Долой самодержавную бюрократию!

[П. Струве]

ИЗ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Студенческие волнения. — Назначение Ванновского. После выстрела Карповича и уличных демонстраций правительство заговорило со студентами по-новому. Действие «временных правил» приостановлено, и на место убитого Боголепова приглашен ген. Ванновский. В рескрипте, данном на его имя, перепуганный царь говорит о необходимости вложить «сердечное попечение» в дело воспитания юношества. Сердечное попечение — это можно! — отвечает вымуштрованный генерал и тотчас же отдает «приказ» по своему ведомству: чтобы в 24 часа все прониклись сердечным попечением!

Российские газеты не замедлили возликовать по случаю этих «сердечных» фраз. Возликовали одновременно и либеральные газеты и органы мракобесия. Первые ликуют и об'ясняют: сердечное попечение — это означает ослабление казарменного режима в университетах, отмену «временных правил», дарование студентам и профессорам свободы самоуправления. Реакционные газеты ликуют и возражают: сердечное попечение — это значит: ограждение студентов от тлетворного влияния разных лжеучений и собственных увлечений, усиление отеческого надзора за студентами, воспитание юношества в духе православия и самодержавия, избавление университета от разночинской бедноты, вносящей в среду благовоспитанной молодежи семена грубых чувств недовольства... И обе стороны обличают друг друга в ложном толковании прекрасных слов «возлюбленного монарха».

Которая же сторона права и чего следует ожидать от «сердечного попечения» ген. Ванновского?

В свое время ген. Ванновский в должности военного министра заместил либерального Милютина и совершил «коренную реформу» военно-учебных заведений, которые при его предшественнике заразились «свободным духом». Военные гимназии были заменены кадетскими корпусами, военная молодежь была «подтянута» и офицерство «очищено» от всяких порядочных элементов. В 80-х годах Ванновский был достойным соратником Победоносцева, Д. Толстого и Делянова.

В 1899 г. Ванновский был назначен председателем Особого Совещания для расследования дела о студенческих беспорядках. Доклад, представленный Ванновским царю о результатах расследования, издан за границей «Раб. Знаменем». Надо признать, что в этом докладе дана чрезвычайно беспристрастная картина беспорядков, как она могла отразиться в генеральском мозгу. В числе «общих причин беспорядков» генерал отметил «разобщенность студентов между собой», т. е. отсутствие права сходок и союзов, отметил «недостатки университетского устава 1884 г.», но тут же отметил и «переполнение университетов», о котором так вопят «Моск. Вед.», и «отсутствие надзора за молодежью» (все еще мало!) и «недостаточную осмотрительность при выборе профессоров, в числе которых попадаются люди лжелиберального направления». Правительство не замедлило принять во внимание те заключения из доклада ген. Ванновского, которые совпадали с его собственными видами и тотчас же усилило инспекцию, удалило десятки профессоров и принялo меры к прекращению «переполнения» университетов.

На помощь Ванновскому назначен сенатор Мещанинов, бывший до сих пор главным начальником тюремного управления. Это как нельзя более целесообразно: если водворять в просвещении «порядок» призван боевой гене-

---

политической борьбе развившейся организации, вполне спевшейся с теми массами, среди которых она ведет свою повседневную агитацию.

При таких условиях систематический террор, примененный в момент революционного кризиса, был бы проявлением достигшей высшего напряжения революционной энергии того общественного движения, во главе которого сумели стать социал-демократы.

Не то мы видим теперь. Радостное чувство, с которым встретили выстрел Карповича многие революционные и оппозиционные элементы, просто констатировало общее недоверие к способности представительницы рабочего класса — социал-демократии — стать теперь застрельщицей и передовым отрядом современного общественного движения. Поэтому, если бы выстрел Карповича послужил исходным пунктом для нового похода русских революционеров, этот поход был бы признанием отсутствия в рабочем классе той степени революционности и сознательности, которая сделала бы его способным стать во главе общественного движения.

«Раб. Дело» право, говоря, что белый террор правительства создает почву для красного террора революционеров. Но сила, создающая этот террор, вовсе не «неотвратима», как выражается „Раб. Дело"; она, напротив, может быть отвращена, но отвращена только активной работой социал-демократов над созданием действительно-революционного и сознательно-политического движения пролетариата. Последний, заняв подобающее ему место в рядах активных борцов против самодержавия, придаст им именно ту силу, которая излечит их от традиционной веры в террор, как главнейшее средство политической борьбы в России.

В этом отношении политический кризис последних месяцев застал наше движение врасплох. А потому для тех социал-демократов, которые никогда не теряли уверенности в исторической задаче русского пролетариата, «совершенно новый вопрос», выдвигаемый последними событиями, принимает такой вид: «Что делать для того, чтобы организовать пролетариат в политическую силу, которую каждый новый кризис застанет в состоянии боевой готовности?»

«Раб. Дело», повидимому, очень просто решило этот вопрос. Оно рекомендует «переменить в 24 часа тактику» и для начала в 24 часа выбросило за борт всю ту политическую мудрость, которую проповедывало в течение всего своего существования. Но, как и следовало ожидать, оно в новой позиции проявило те же легкомыслие и неосновательность, которыми отличалось при прежней своей тактике. Лозунгом старой тактики было «медленным шагом, робким зигзагом тише вперед!» через отдельные «стадии» борьбы, сначала за мелкие экономические требования, потом за отдельные политические права и — по получении оных —

рал, то в помощники ему всего более годится тюремщик.

Новые «умиротворители» начали с попытки провести студентов красивыми словами. В подражание Витте и Ковалевскому, которые этим приемом ухитрились на некоторое время задержать ход волнений в учебных заведениях их ведомства, они созвали официальную сходку для решения вопроса: быть или не быть забастовке. Расчет простой: на такой сходке явятся все трусы и золотая молодежь, отсутствовавшая на «тайных» сходках, и их голоса дадут перевес в пользу «благоразумного» решения. Но после битвы 4 марта и этот маневр мог помочь. Студенты решили не приступать к экзаменам до осени, чтобы дождаться возвращения товарищей, отданных в солдаты. На это решение, продиктованное чувством товарищеской солидарности, «сердечное попечение» Ванновского ответило отказом отложить экзамены. Студенты порешили экзаменов не держать. Новое министерство село в лужу. Не помогли и гнусные речи газет («СПБ. Ведомости»), старавшихся внести в студенческую среду раскол увещаниями не мешать министерству в предпринимаемой им реформе, не затруднять его положение радикальными и необдуманными решениями и т. п.

Очень, очень боимся, что политика «сердечного попечения» ничего, кроме нового срама, не принесет русскому правительству.

———

Западная Сибирь. Петербургская бойня, «временные правила», массовые ссылки и вообще всякие репрессии правительства кнута и нагайки вызвали возмущение и протест даже в глухих сибирских городах. В Екатеринбурге забастовка женской фельдшерской школы, горного училища; сходки почти не прекращаются, возмущение растет. В Иркутске закрыта семинария. В Томске в мае 1900 г. у двух гимназистов найдены были запрещенные книжки; при допросах они сказали, что книжки получены от одного бывшего студента. В виде наказания этот студент посажен теперь на месяц в тюрьму. В ноябре или декабре 1900 г. воспитанники семинарии, измученные поповским гнетом, ужасным режимом, постоянными выключениями товарищей из заведения, выключениями за чтение книжек, не нравящихся ректору, за подозрительные знакомства и т. п., расклеили по городу прокламации, взывающие за помощью к обществу, за спасением от шпионов попов. Перепуганные попы во главе со здешним слабоумным епископом Макарием дали знать в Петербург. Из Петербурга пришла ревизия и производила дознание. Виновных не нашли, но строгости увеличились. В последних числах февраля 1900 г. были произведены обыски у рабочих, главным образом, у типографщиков. Обыскали чел. 12—13, взято двое, многих рабочих таскают на допросы и стараются установить связи с интеллигенцией. Причина обысков, как говорят, кроется в сильном распространении в последнее время среди рабочих нелегальной рабочей литературы. Уже давно в здешнем университете и технологическом институте после известий из Киева о волнениях среди студентов началось брожение. Были сходки, но студенты, стоявшие за забастовку, были в меньшинстве. После же правительственного сообщения от 4 марта студенты поднялись. 7 марта на сходке технологи единодушно порешили забастовать, и 8 марта ни один технолог не явился на лекции. Институт был закрыт до 12 марта, восемь человек было исключено без права поступления, а остальные с правом подавать прошения до 12-го Наступило 12-ое. Прошений никто не подал, и институт закрыт теперь на неопределенное время. В университете, начиная с 8 марта, беспрерывно шли сходки. Настроение под влиянием постоянно получавшихся сведений из других университетских городов и особенно из Питера, делалось все более возбужденным, и количество студентов, стоящих за забастовку, все увеличивалось. 10 марта на общей сходке студентов и технологов, после прочтения бюллетеней из Питера, было решено выразить протест правительству за его гнусные деяния в форме уличной манифестации. 11 марта, в 4 часа дня, студенты и технологи в количестве 250 чел. собрались за городом, где после нескольких речей, тесно сомкнувшись, с пением революционных песен двинулись на главные улицы города. Чем дальше они двигались, тем больше росла толпа. При входе на главную улицу к ним присоединилось сто человек рабочих, много семинаристов, курсисток повивального института и масса людей разного положения. Шествие продолжалось 2½ часа с остановками, во время которых говорились речи и раздавались прокламации.

за конституцию. Теперь все «стадии» полетели за борт, всем русским рабочим, в какой бы «стадии» они ни находились, рекомендуется требовать Земского Собора и, выставляя эти требования, совершать манифестации во что бы то ни стало. На каждое насилие правительства отвечать насилием, арестованных освобождать! Кровь требует крови! (см. «Листок Союза Заграничн. Социал-Демократов» март, 1901 г.). Удивительный, поистине, «исторический поворот»! Когда представители так называемого «старого» направления в социал-демократии требовали, чтобы во главу политической агитации ставилось требование демократической конституции, тогда им самодовольно возражали, что это было бы «непрактично» и что это требование можно будет поставить только тогда, когда пролетариат пройдет школу борьбы за отдельные политические требования и частью добьется их от самодержавия. Когда майский листок, изданный Центральным Комитетом Российской Партии, выставил в числе майских требований конституцию, основанную на всеобщем, равном, прямом избирательном праве, то этот листок, как содержащий «утопические» требования, был подвергнут травле «экономистов», и «Раб. Дело» играло им в руку, систематически уверяя публику, что никакой борьбы двух направлений в русской социал-демократии нет, что все дело в «стадиях» борьбы, не противоречащих одна другой. Когда П. Аксельрод указывал на необходимость вовлечь в круг практической агитации те вопросы, в которых интересы пролетариата совпадают с интересами других недовольных классов общества, когда он приглашал социал-демократию освоивать рабочие массы с борьбой этих классов против царизма, тогда «Раб. Дело» смеялось над его надеждами на «либеральных помещиков». Когда «Южный Рабочий» поставил открыто своей задачей подготовлять рабочих к решительной революционной схватке с царизмом, то отстаиваемые «Раб. Делом» от нападок «стариков» «молодые» товарищи об'явили «Южн. Рабочий» бунтарским органом, а кислосладкая рецензия «Раб. Дела» об этом органе не сказала ни да, ни нет той редакционной программе, которою новая газета бросила вызов пропагандистам ходьбы «медленным шагом».

И вот теперь, когда вихрь событий застал врасплох мало организованное наше движение, когда перед местными практиками стала во всей грамадности трудная задача с незначительными наличными силами овладеть движением и оформить его — в этот момент «Раб. Дело», бесстрашно забыв все свое прошлое, впервые повторило за другими: вперед! вперед! за Земский Собор; и к этому прибавило совершенно некстати: «на насилие отвечать насилием!»

Но, господа, если на деле окажется, что наши рабочие массы недостаточно прониклись сознанием важности Земского Собора и не станут энергично под выставляемое знамя, то на кого падет ответственность за эту неудачу?

ции, приглашающие публику присоединиться к манифестантам. Толпа все росла, сочувствие обывателей огромное. Вид города был необычайный, движение экипажей прекратилось, публика толпами присоединялась к манифестантам, читая нарасхват прокламации. Студенты терялись среди публики, публика приветствовала манифестантов, а рабочие мечтали вслух о такой же рабочей манифестации. Трехтысячная толпа так напугала полицию и жандармов, что стали бить в набат; это увеличило торжественность минуты, но публику не разогнало, а увеличило. В городе до сих пор только и говорят, что о манифестации, и сочувствие к протестующим растет. Письма из Петербурга читаются нарасхват и перепечатываются. Тактика полиции во время манифестации была странная: малое количество полиции или их растерянность от неожиданности, но они сопровождали во все время шествия студентов и публику, но никого не задерживали, не переписывали, и мещане даже в испуге говорили, что студенты куда-то ведут полицию, очевидно, на вокзал, куда-то их отправляют, чтобы не мешали. Были и курьезы. Когда студенты собрались за городом, то полицмейстер послал разузнать, где у них сходка, в черте ли города или за чертой; переговоры между приставом и полицмейстером шли по телефону, и студенты следили и слышали все, и когда появилась на месте сходки полиция и стала шарить по земле, ища черту города, то студенты стали кричать, что они за чертой города, что городская полиция их не смеет трогать, что это дело уездной полиции; а полицмейстер, узнав, что сходка за чертой города, успокоился и велел только известить уездную полицию. Но когда студенты направились к городу, то городская полиция присоединилась к ним. Теперь начались аресты и высылки. Пока арестовано 11 человек технологов и один обыватель; после нескольких дней содержания в пересыльной тюрьме их выслали. Приговоры строгие. Высылали в Якутск, Сретенск, Читу и т. п.; свиданий не давали, денег не хотели принимать. Жестокое, бесчеловечное отношение дошло до того, что ехавшему в Якутск отказали передать одежду, белье и деньги, и он в летнем пальто отправлен в Якутск. Студентов еще не брали: на-днях ждут высылок и арестов. Говорят, что, кроме студентов, будут привлекать и публику, участвовавшую в манифестации.

Прибавлю, что после манифестации 12 марта была применена обструкция, а 13 марта университет закрыт на неопределенное время. Идут сборы денег среди публики в пользу высланных.

———

Рабочие Прохоровской мануфактуры поднесли Льву Николаевичу Толстому по поводу отлучения от церкви след. адрес:

Глубокочтимый и дорогой Лев Николаевич!

Благодаря посланию синода, мы сегодня решили прийти к Вам и высказать сочувствие от всех здравомыслящих рабочих. По некоторым размышлениям мы решили изложить Вам письменно цель своего посещения, потому что высказать устно иногда бывает труднее, чем на бумаге. Кроме того, мы потому надумали писать, что, может быть, Вам будет скорее и легче прочитать, чем выслушать.

Мы, рабочие, глубоко сочувствуем за несправедливое осуждение Вас синода, т. е. нескольких людей, называющих себя в гордом заблуждении «церковью христовой», как будто остальные миллионы не члены того великого общества, которое называет себя христианами. Мы, русские люди, — простые работники, чувствуем и понимаем чуть ли не глубже истины христова завета, чем члены святейшего синода. Не Вас должно отлучать от церкви христовой, а тех, которые сами не идут в царствие божие и других не пускают. Мы понимаем, что Ваши литературные произведения направлены не для ниспровержения великих истин, а, напротив, для раз'яснения их. Но мы знаем также, что во все времена люди, стоявшие на стороне благочестия, и великие вожди народа по пути человеколюбия и правды всегда были отчуждаемы от себя теми, которые попирают ногами свободу, добродетель и честь. Сам великий учитель наш не за то ли пострадал на кресте? Но то было время, а теперь иное. В наши дни даже чернь и та понимает и то, чего не понимало передовое человечество.

Ваше слово не на бесплодную почву упало, — оно пройдет из века в век на спасение человечества от мно-

---

Если делаемый вами призыв встретится с противодействием тех товарищей, которые от вас же усвоили себе теорию пресловутых «стадий» политической борьбы, и они откажутся «сразу» поддержать это требование, и вместо полного единогласия ваш призыв встретит недоумелые вопросы и вызовет новые раздоры,—что тогда делать? Если окажется, что те течения, которые вы до сих пор брали под свою защиту, глубоко проникли в сознание многих деятелей, и в ответ на призыв бороться вместе с интеллигенцией вы услышите: «Наше дело сторона, да здравствует рабочее движение!», в каком положении очутитесь вы тогда? А если — в чем мы не сомневаемся — дезорганизованность наших сил требует в настоящий момент от нас крайней осторожности в приглашении масс манифестировать во что бы то ни стало как раз в то время, когда враги наши организовали и напрягли все силы, то при таком положении дел легкомысленный призыв из-за границы: «освобождайте арестованных!», «отвечайте на насилие насилием!» и всякие «кровавые» речи могут иметь последствием компрометирование социал-демократии, взваливание на нее ответственности за могущую иметь место бойню рабочих.

Нет! Такая истерическая нервность, подкрепленная полной несостоятельностью в понимании задач партии, может только вредить развитию нашего дела, и наша обязанность обратить внимание товарищей на то, что все эти речи прикрываются фирмой «Заграничного Комитета Российской Социал-Демократической Рабочей Партии». Наш собственный ответ на вопрос «что делать?» читатель найдет в особой статье в этом же номере. Здесь мы подчеркнем только один вывод. Чтобы достигнуть сплочения всех социалистически-революционных сил вокруг рабочего движения и его авангарда—социал-демократии, мы должны бороться с той дезорганизацией революционных сил, к которой грозит привести новый под'ем террористических настроений. А для этого наша партия должна доказать на деле жизнеспособность социал-демократического рабочего движения, как главной политической силы, способной сокрушить самодержавие. В каком бы положении ни застали нас нахлынувшие события, как бы мало мы ни были организованы, мы должны сделать все возможное, чтобы рабочий класс и социал-демократия исполнили в данный момент свой политический долг. Но чтобы выполнить этот долг, надо не опьянять себя громкими фразами, не закрывать глаза на ошибки прошлого и не удваивать принесенного ими вреда новыми противоположными ошибками. И пусть «исторический поворот» в 180 градусов, произведенный «Раб. Делом» при громе литавров, докажет неверующим, что политическая партия без твердой программы и принципиально выдержанной тактики обречена на полную беспомощность в каждый решительный момент. *[Л. Мартов]*

гих соблазнов. А мы чтим Вас как великого человека, которому воздвигается нерукотворный памятник в наших сердцах.

* * *

Оригинал этого документа гектографирован.

Новое крепостное право или отчего крестьяне голодают. Нам прислано письмо солдата из голодающей Бессарабской губернии. Корреспондент сообщает, что копия этого письма послана еще и в другие редакции. Тем не менее, в виду чрезвычайного интереса, представляемого письмом, мы помещаем его на столбцах «Искры».

Христос воскресе!

Дорогой папа! Давно уже собираюсь тебе написать, да все или недосуг, или что-либо помешает. В начале этого месяца мне пришлось участвовать в усмирении бунта в селе Трифонештах в 35 верстах от Сорок (об этом, вероятно, было в газетах и ты читал). Дело было так: в два часа ночи меня пришел и сбудил солдат, не об'ясняя причины, приказал возможно скорее вставать и итти седлать при полной боевой. Придя в конюшню, я узнал от вахмистра, что в Трифонештах бунт и что вытребовано для усмирения такового два эскадрона солдат нашего полка. Нам выдали по 15 боевых патронов на человека, затем к четырем часам мы выстроились, и нам была прочтена речь подполковником, в которой он говорил, что мы идем не на настоящую войну, чтобы без приказания начальников оружие не обнажалось и чтобы никто, упаси бог, не посмел в случае даже крайности рубить острием шашки, а бить или плоской стороной или плашмя, затем, если будет приказано дать залп по бунтовщикам, то с особенным вниманием слушать, как это будет приказано, и стрелять над головами, чтобы, боже упаси, никаких несчастных случаев не было и т. д. и т. д. в том же роде. Когда речь свою он кончил (а говорил он около получаса), мы выступили, и, несмотря на невозможно грязную дорогу и дождь, который нам все время сопутствовал, мы к десяти часам были уже на месте. Не доезжая до Трифонешт верст на пять, с горки было уже видно, что возле помещичьего дома было скопление народа, человек 500 — 600, которые таковой окружили со всех сторон. В'ехав в деревню, мы уже думали, что этим дело и ограничится и что, увидав нас, народ немедленно рассеется; но не тут-то было: увидав, что мы себе рысцей приближаемся к ним, они устремились плотной массой на нас бегом. Тогда трубач сыграл атаку, и мы сомкнутым строем понеслись на бунтующихся полным карьером, чтобы смять их конями. Это, как и надо было ожидать, произвело между нашим неприятелем (как называют солдаты) панику, и они бросились бежать, кто куда мог; благодаря смятению между мужиками, и нам удалось их окружить, а часть, величиною в два взвода, бросилась догонять успевших разбежаться, при этом оказывавшим сопротивление порядком-таки влетело от озверевших солдат, которые били нещадно тупыми концами шашки; грешный человек, и я избил одного парня почти до потери сознания. Дело было так: я во взводе был назначен за старшего и, взяв одно отделение, пустился с ним догонять бегущих и поймал восемь человек бегущих и без особенно сильных сопротивлений с их-ней стороны доставил их к командиру (который с остальными людьми эскадрона оцепил главные силы бунтовавшихся) и пустился догонять других, но тут вышло дело, которого я никак не мог предполагать. Один парень, к которому я подскакал с двумя солдатами, остановился с вилами в оборонительной позе и прежде, чем я успел опомниться, пустил их в меня, так как я ехал впереди всех, но на счастье особого вреда мне не принес, ибо я успел увернуться, и вилы вонзились возле самого моего тела, прорвав полушубок и мундир, которые были на мне надеты; я освирепел и избил его шашкой так, что его отливали водой. Бегство молдаван и наша атака производили, как говорил исправник, величественную картину. Несмотря на всю серьезность этого момента, масса было курьезного: так, некоторые, боясь солдат, бросались в воду и стояли в реке по грудь, откуда их пришлось вытаскивать, другие прятались в хлевы, в виноградники, в курятники, в погреба, откуда их приходилось извлекать, часто весьма неделикатно. Затем, когда нам удалось собрать всех бунтовавшихся воедино, исправник обратился к ним с речью на молдавском языке, говорил он грозно и долго, и многие молдаване прочувствовались и прослезились, другие же упали на колени и о чем-то просили. Все это вместе взятое производило очень грустную картину. Плачущие старики на коленях, грозный исправник и солдаты в конном строю с шашками на-голо окружают тесным кольцом всех. Простояв сутки в Трифонештах и забрав четырнадцать человек главных зачинщиков, эскадрон двинулся обратно в Сороки, оставив два взвода солдат в Трифонештах во избежание повторения подобного; в числе других пришлось остаться и мне. Там мы простояли десять дней и за это время успел узнать все подробности бунта. Дело заключается в следующем. В Трифонештах живет помещик, он же земский начальник и владелец земли почти всех Трифонешт. Крестьяне частью раньше, частью теперь, благодаря постоянным неурожаям, продали ему землю и сами постепенно сделались его рабами, задолжав ему. Так как земли своей у них нет, то они работали на помещика, получая за каждую десятину, которую обработают (запашут, засеют, скосят и вымолотят), два рубля деньгами и половину урожая, т. е. мерка зерна помещику и мерка им. При таких условиях существовать было еще возможно, но с прошлого года помещик стал платить иначе, т. е. два рубля и зерна три мерки ему, а одна мерка крестьянам. Хлеба, благодаря этому, хватило только до рождества, и три деревни голодали (Трифонешты, Фрумушики и Севирево), скот продали, на заработки итти некуда: в Бессарабии и без них довольно голодного люда, а в Россию поехать — языка не знают, что тут делать? И стали они проситься, чтобы земский начальник отпустил их на Амур. Земский начальник их сперва отговаривал (боясь ли потерять дешевых работников или по другим каким-либо причинам). Наконец, его заставили с'ездить к губернатору; губернатор тоже отказал. Тогда крестьяне просили выдать им письменное удостоверение от земского начальника в том, что в его ходатайстве губернатор отказал и на каких основаниях. Земский в этом отказал. Тогда они собрались в числе 660 человек у его дома и ждали, пока он на это согласится. Вели себя они мирно, не проявляя ничего буйного, всех выпускали и впускали в дом, не препятствуя ни земскому, ни его семье ничем, только уверяли, что не уйдут, пока земский над ними не смилуется и не даст им просимого, ибо голодать им все равно где, дома ли, где еще жена и дети есть просят, или во дворе помещика. Земский усмотрел в этом бунт и боясь, как бы они чего-нибудь не учинили, вытребовал солдат, а молдаване, увидя, что на них (мирных жителей) движутся войска, понятное дело, возмутились и не хотели даваться в руки без боя, полагая, что их будут пороть, но все они были почти безоружны, если не считать вооружением палки, с которыми крестьяне всюду привыкли ходить. По уходе эскадронов на сходке были выбраны пять человек, которые поехали в Петербург ходатайствовать перед государем лично. Прожив десять дней между ними, можно лично убедиться в бедственном их положении; напр., за стол садится семья, состоящая из отца, матери и четырех детей, из которых старшему пятнадцать лет, и на стол подается миска супу, который варен из воды, луку и перцу, затем подается миска мамалыги, которой не хватило бы на одного хорошего едока, и фунта четыре кукурузного хлеба, — вот обед, а если прибавить сюда еще два фунта хлеба, то это будет пища на сутки для четырех человек, но эту роскошь далеко не все могут себе позволять, большая часть питается только хлебом и водою и то впроголодь. Относительно лошадей (у кого таковые еще есть) и говорить нечего, это положительно ходячие скелеты. Я жил в хате у одного старовера, выходца из Черниговской губ. Богатый мужик-кулак, у которого и овцы, и коровы, и лошади, — все есть и всего достать можно... Два офицера, которые с нами остались, жили у помещика, мне же, как я ни хлопотал, не удалось пристроиться ни к помещику, ни к кому-либо другому, исключая старовера,

как единственного зажиточного мужика. Хотя я и мало сидел дома, а от скуки ходил больше по селу и знакомился с жизнью и бытом тамошних крестьян. Из захваченных нами четырнадцати человек четверо осуждены на три года в военную тюрьму, а остальные шесть человек на меньшие сроки и в разные ведомства, четыре же человека оправданы.

Прожито мною в Трифонештах 21 рубль, да благодаря своему глупому мягкосердечию роздал беднякам, которым есть было нечего, около восьми рублей, и то не наличными деньгами, а покупал им хлеб и муку, за это меня никто, положим, не оправдает, да уж очень жалко видеть людей, которые чуть не умирают с голоду, в то время как сам и молочка выпьешь и яичко с'ешь, и пообедаешь сытно, а тут сделаешь хоть одно доброе дело, о котором ни в коем случае раскаиваться не будешь. Каких картин там насмотрелся, рассказывать не буду, ибо три дня будешь писать, всего не опишешь, а лучше, если ты интересуешься подробностями, расскажу по приезде домой.

Как рязанский помпадур взял штурмом семинарию. В Рязани разыгрался семинарский бунт, конечно, на почве специфических условий семинарской бурсы: не хватило хлеба и хорошего обращения. «Бунт» продолжался три дня. Финал завершен воздействием полиции, во главе с вице-губернатором. 12 марта в час ночи вице-губернатор, сопровождаемый нарядом полиции и пожарной команды с зажженными факелами, пытался войти внутрь семинарии, но сначала ему это не удалось: в него чем-то запустили, и он отступил. Но после короткого совещания с семинарским начальством и служителями насчет задних ходов, была отряжена команда для вступления в семинарию с заднего хода. Семинаристы старались сломать железную лестницу, ведущую к ним на второй этаж, и тем не допустить к ним полицию, но безуспешно. После того, как команда пробралась к парадному крыльцу и отворила его, вошел вице-губернатор с остальной свитой. По их удалении, их напутствовали шиканьем и криком: «Да здравствует свобода семинарии! Долой ректора!». Теперь семинария прикрыта и часть бунтовщиков выслана на родину. Присутствовавшие при финале попы (в толпе) горевали о том, что они ничего не могут сделать для защиты своих детей.

Травля «подозрительных» интеллигентов.

Совершенно секретно.

М. В. Д.
Ардатовский уездный исправник.
30 сентября 1901 г.
№ 136.

Гг. исполнительным чиновникам ардатовской полиции.

По крайне серьезным обстоятельствам предлагаю вам, мил. гос., усилить совершенно негласный надзор за всеми лицами, имеющими какие-либо сношения с крестьянами, как-то: докторами, учителями, акушерками, фельдшерами, техниками и т. п. всякими интеллигентными лицами, а также (в особенности) за всеми лицами, приехавшими из других мест и состоящими в учебных заведениях. За появлением между крестьян каких-либо брошюр или книжек усилить самый строжайший надзор. Затем, что будет вами замечено сомнительного в благовидности поведения означенных лиц или появления брошюр или книг сомнительного характера, немедленно мне доносить для совместного обсуждения всего вами замеченного.

Для достижения строгого надзора за вышеизложенным рекомендую установить знакомство со священниками, конечно, не наталкивая их заметным образом на желание ваше добыть нужные сведения. Во всяком случае ни под каким видом не вверять этого надзора урядникам, поручив им, однако, строго наблюдать за всеми лицами, прибывшими в их участок, о которых докладывать вам не позднее суток по их прибытии. Лица, не принадлежащие к составу населения стана, безусловно должны все прописываться, пред'являя по требованию вашему или урядника свои виды на жительство.

При этом поставляю вам, м. г., в известность, что вышеизложенный надзор не должен быть кратковременным, а непрерывно постоянный. Если по обстоятельствам дела будет замечено небрежное или невнимательное отношение к изложенному надзору, то вы, м. г., рискуете потерять свою службу.

Подлинный подписал:
Исправник Ив. Самосудов.

Харьков. Приводим некоторые выписки из одного частного письма из Харькова от 22 апреля, сообщающего характерные подробности о вечерней демонстрации 19 февраля в этом городе:

«Хотя утреннее побоище и демонстрация должны были, казалось, вызвать массовый протест студентов, тем не менее собравшаяся в шесть часов вечера около участка толпа студентов была далеко не многочисленна. Эта кучка умоляла товарищей не расходиться, а еще немножко подождать, сама не зная, чего же им было и откуда ждать. Эта горсточка людей, отчаявшихся в успехе агитации среди харьковских студентов, буквально ловила «коллег» за рукава, только чтобы набрать какую-нибудь сотню демонстрантов. Я сама видела в 6 час. вечера, как их мало было около участка. И вот еще минута, другая, идут рабочие, идет толпа в 200–300 чел.,—и картина внезапно меняется! Теперь все бегут со всех улиц и переулков на звуки грянувшей „Дубинушки“, теперь оглушительный свист несется уже сразу из сотен грудей, и масса, как лава, мчится вперед, разливаясь все шире и гуще по площади и улице. Откуда что взялось, не поймешь ни за что. Тут все перемешалось: рабочие, студенты, дамы, господа, прислуга, офицеры, мальчишки... Все слились в стремительном порыве вперед, все охвачены общим чувством громкого, свободного, молодого протеста, у всех вспыхивает в груди радостное, поднимающее чувство свободы, воли и могущества массы. Но вот казаки! И вся сила негодования и ненависти уже многотысячной толпы разражается в новых раскатах протестующих криков и свиста. Мелькнули нагайки, началось это подлое избиение беззащитных, и нет больше „публики“ — кругом тысячи возмущенных, негодующих, протестующих, демонстрантов... На другой день после демонстрации все в один голос повторяли, что никто не ожидал такого успеха. На рабочих не могли рассчитывать хотя бы уже потому, что день был непраздничный, а ведь они-то и „вывезли“!.. А мне теперь до тоски хочется снова попасть в такую громадную толпу, слышать этот рев ее, свист и крик негодования. Какая мощь чувствуется в сплотившейся массе, и если бы хоть простые дубины ей в руки — сама нечистая сила дьявола дрогнула бы перед нею, а не только эта поганая свора пьяных зверей!»

В хронику общественных протестов. Мин. вн. дел подано заявление, подписанное 95 лицами, по поводу мартовских событий в Петербурге. Разоблачая лживость сведений, помещенных в «правительственном сообщении» о побоище 4 марта, протестующие спрашивают: «Кому нужно было это бесцельное избиение людей на улицах столицы? Кто были виновниками этого зверского избиения молодежи? Люди, сознающие свой гражданский долг, не могут молчать. Мы сознаем этот долг и заявляем, что только отмена „временных правил“ устранит ближайшую причину теперешних студенческих волнений. Только суд над виновными в избиении 4 марта, кто бы ни были эти виновные, успокоит возмущенную общественную совесть».

В числе подписавшихся находим имена, известные в литературе (Анненский, Рубакин, Воронцов, Потапенко, Мякотин, Фальборк, Чарнолусский, Ганейзер, Пешехонов, Куприянова, Никонов, Вересаев, Пантелеев, Арсеньев, М. Энгельгардт, Венгеров, Вайнберг, Михайловский); несколько профессоров (Лесгафт, Бауман и др.), адвокатов (Люстиг, Карабчевский, Герард, бр. Бернштам, Вейнберг,

Свешников, Стасов), академиков (Бекетов и Шахматов) и президента Вольно-Экономического Общества гр. Гейдена. Министерство внутренних дел ответило на эту петицию со свойственным ему остроумием: занесло большинство подписавшихся в список, у которых перед 1 мая произведены обыски. Многие из обысканных арестованы (Бернштамы, Мякотин, Корнилов). Разумеется, при этом правительство преследовало самые мелкие цели: наделать неприятностей тем лицам, которые заведомо для него далеки от всякой «подпольной» деятельности, но которые осмелились возвысить голос протеста. Мы надеемся, что эта мелкая мстительность правительства приведет к полезному результату: в сознании либеральной части общества день пролетарского праздника станет днем сведения счетов между правительством и в с е м и его врагами.

Из Нижнего-Новгорода сообщают: «Отсюда подают петицию об амнистировании всех замешанных в беспорядках студентов. Говорят, что в годовщину безвременно погибшего Ливена студенты-нижегородцы вздумали было произвести демонстрацию. Но сметливая администрация разрешила им сходку на день демонстрации (8 апреля). На сходку были приглашены и представители разных ведомств (писатели, чиновники, председатель управы и проч.), в числе 72 человек. Была и публика. Дело происходило во всесословном клубе. Постановлено большинством голосов: демонстрации не производить, а взамен этого послать вышеупомянутую петицию. Собрание было со своим председателем, двумя секретарями, баллотировочным ящиком и протоколистами. В случае, если общество откажется подписываться под петицией, студенты удерживают за собою право устроить демонстрацию».

Ярославль. Общестуденческое движение задело краешком и ярославский Демидовский лицей. Всех студентов в лицее 715 чел. До этого года жизнь лицеистов протекала мирно (если не считать неудачную попытку одного студента устроить забастовку в 1899 г.). Отношения между студентами и инспекцией были чисто-семейного характера, а директора лицея Шпилевского студенты считали своим отцом, милостиво предоставляющим своим детям безобразничать сколько угодно. Насколько у студентов лицея (кстати сказать, некоторые обыватели, свидетели уличных «демонстративных» безобразий лицеистов, называют лицей музеем, да и сами лицеисты не стыдятся называть этим именем свою alma mater) мало развито сознание своего собственного достоинства, можно видеть из следующей истории, которую можно озаглавить так: слияние чистой науки с грязной полицией. В середине февраля этого года лицей праздновал сорокалетие ученой деятельности своего профессора и директора Шпилевского. Казалось бы, какое отношение этот чисто университетский праздник имеет к губернатору и жандармскому полковнику, полицмейстеру и всем присным, однако, в актовом зале мы с удивлением увидели не только сих почтенных мужей, но и их помощников. Не преминул отдать долг уважения ученой деятельности Шпилевского и местный агент сыскной полиции Сундуков, увешанный медалями за свои многочисленные услуги царю и отечеству. Наивные лицеисты не понимали, что в храме науки не место полиции. Так было до 4 марта. События этого дня сразу всколыхнули сонную душу лицеиста. Он заволновался. Были выпущены две прокламации: 7 и 8 марта за подписью Ярославского Исполнительного Комитета (?). На 9 марта была назначена сходка. Явилось до 250 студентов; были приняты все три пункта требований всего студенчества. Но тут явился директор, который сначала упрашивал отечески студентов разойтись, а затем стал кричать, и когда студенты отказались разойтись, велел их переписать. Переписано было 155 человек. На следующий день снова была сходка; но директор-отец, после приказа разойтись, немедля вызвал войска, и тут-то лицеисты на своих шкурах узнали его отеческое попечение. Солдаты с ружьями вошли в лицей и группами уводили студентов в близлежащие казармы. Арестовано было 83 человека. Ночью они были переведены в арестантские роты, где и были размещены в двух больших камерах. Держали в заключении две недели, после чего разослали по разным городишкам. Семь студентов выделили из общей массы, как зачинщиков, и посадили в тюрьму, в одиночные камеры. В настоящее время и эти высланы. На-днях об'явлен приговор: уволено на год и на два 15 студентов; остальных подвергли различным административным взысканиям.

* * *

Перед пасхой были арестованы два студента; обвинялись они в том, что будто бы они писали анонимные ругательные письма предержащим властям. Взяли их по показанию инспектора лицея, который сказал про них, что больше-де некому, кроме них: они вдвоем постоянно вместе, ведут себя как-то подозрительно тихо. И вот, на основании того, что они ведут себя т и х о, а это инспектому кажется п о д о з р и т е л ь н ы м, их держали в заключении 5 дней, затем освободили.

* * *

Местные власти давно уже подбирались к статистике. Студенческие волнения и аресты 12 студентов, работавших в бюро, дали повод администрации вмешаться во внутреннюю жизнь его. На следующий день после арестов, т. е. 11 марта, в бюро является член управы, чиновник особых поручений при губернаторе и переодетый жандармский писарь. Прежде всего компания спросила гектографские чернила. После осмотра их нашли, что они не походят на те, какими написаны прокламации. Затем осмотрели столы всех арестованных студентов. Конечно, ничего не нашли. Но вице-губернатор (губернатор ездил в Петербург с докладом о текущих делах г. Ярославля) не успокоился, призвал к себе заведующего бюро и, заявивши, что «времена теперь строгие: реакция в полной силе», предложил ему произнести нравственную очистку бюро, требуя от него, чтобы он впредь принимал студентов со строгим выбором, так, чтобы о них нельзя было и подумать, что они могут когда-либо оказаться неблагонадежными. Глупый поручик (вице-губернатор — поручик в отставке) не сообразил, что сыскная полиция еще не нашла способа следить за мыслями, за душою человека.

ХРОНИКА РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ
и
ПИСЬМА С ФАБРИК И ЗАВОДОВ.

Ярославль. Рабочее движение в Ярославле, раз начавшись, не могло, конечно, заглохнуть, несмотря на все усилия полиции. Полиция не дремала. Особенно много потрудился здесь начальник сыскного отделения (он же пристав 4-ой части), некто Петровский, горячий сторонник зубатовской политики. Как известно, система Зубатова состоит в том, чтобы среди рабочих поселить взаимное недоверие, вводя в их среду своих клевретов, которые сначала прикидываются ярыми революционерами, а затем оказываются предателями. Петровский стал подыскивать себе помощника, и выбор его скоро остановился на одном рабочем, Федоре Дорофееве. Неглупый парень, уже раз привлекавшийся (по делу технолога Носкова), он быстро устроил кружок из рабочих, нанял квартиру для занятий и затем, когда узнал все, что нужно, предал. Аресты были 12 января. Арестованы — студенты Демидовского лицея: Ив. Гр. Наумов 4-го курса (выпущен через две недели после ареста), Ярославцев, Алекс. Вас., 3-го курса и Алекс. Петрович Доливо-Добровольский 2-го курса (оба еще сидят), гимназист 8-го класса Ярославской гимназии Вас. Алекс. Носков (выпущен 14 апреля), учительница городского начального училища Ан. Дм. Бобенко (выпущена 25 февраля), слесарь (он же ученик здешнего Пастуховского технического училища) Никаноров (выпущен через две недели), рабочие: Ив. Исаев Короткин и Федор Семе-

нухин (оба еще сидят). Взят был и Ф. Дорофеев (выпущен в начале апреля). Все арестованные обвинялись в пропаганде среди рабочих, показаний не давали почти никаких, и жандармерии, несмотря на все усилия, не удалось создать «дело». Дело, по словам жандармского ротмистра, присланного из Москвы для ведения следствия, яйца выеденного не стоит. А уж как старались жандармы: грозили каторгой (некоторые обвинялись по 250 ст., которая говорит о 15-летней каторге), мучили допросами в жандармском управлении и тюрьме, вызывали свидетелей по всякому незначительному поводу, устраивали очную ставку с Дорофеевым. В настоящее время, говорят, прокурором московской судебной палаты дело отослано в Петербург. Но все усилия царской полиции заглушить рабочее движение остаются безуспешными. В начале марта 1901 г. забастовала Норская мануфактура из-за предполагаемого понижения расценок на лето. Бросили работу две трети всех рабочих (всего около пяти тысяч). 11 марта было арестовано 12 рабочих с Норской фабрики, шедших группою в Ярославль на ярмарку. Обвиняются они в том, что будто бы они шли в город с целью устроить демонстрацию, поднявши массу фабричного народа, гулявшего в то время по ярмарке. Забастовка окончилась, по слухам, неудачно для рабочих: расценки не повысили. Перед пасхой на той же фабрике ходили листки местного характера, которые подняли на ноги всю полицию. Арестов не было. На Ярославской мануфактуре тоже неспокойно из-за расценок. Передавали, что 57 человек тягали на допрос в жандармское управление. Арестов не было, администрация фабрики, испугавшись волнений, увеличила расценки.

* * *

По недостатку места откладываем до следующего номера другие интересные сообщения нашего ярославского корреспондента.

Орехово-Зуево (местечко Никольское). Раньше, чем приступить к описанию больничных порядков у Саввы Морозова, считаю нужным сказать несколько слов, характеризующих местное положение. Для нас, орехово-зуевских рабочих, небезынтересно познакомить через рабочую газету «Искра» как своих рабочих, так и рабочих других городов и других профессий с нашими, иногда чудовищными порядками. Не говоря уже о том, что всякий сознательный рабочий должен интересоваться рабочим вопросом, но есть много людей, которые сами не рабочие, а все же интересуются этим вопросом и сочувствуют классовому рабочему движению... Как бы ни держали нас в невежестве своими хитросплетенными софизмами пресловутые попы, идущие рука об руку с капиталистами и властями русского правительства, — рабочие все же видят свое жалкое рабское положение.

В местечке Никольском работает до 25 тысяч человек у двух фабрикантов: Викулы и Саввы Морозовых; а все население Орехова состоит из 40 тысяч человек, живущих на расстоянии девяти квадратных верст. И при таком количестве и такой скученности населения рабочее движение, тем не менее, очень тихое и сонное; эта сонность происходит, главным образом, от полной умственной голодовки. У нас нет литературы, которая встречается в столицах и других больших городах, к нам не попадают и рабочие из таких городов, и, благодаря этому, мы не знаем, где и как ведется дело. Взяться же самим у нас не хватает смелости и, отчасти, знания. Вот образчик наших порядков и нашего материального положения, который мы приводим без всяких преувеличений и в полном согласии с фактами.

У нас есть две больницы: одна Викулы, другая Саввы Морозова. Постараюсь описать больницу для рабочих Саввы Морозова. Больница находится около чугунолитейного завода (завод служит для фабрики) и жилых рабочих помещений (казарм). Место вредное и для жилых помещений, а для больницы тем более. Морозов сдал свою больницу за известную сумму одному эскулапу, доктору Базелевичу. С больными доктор Базелевич обращается как настоящий живодер. Труды его даром не пропадают: он отлично умеет сдирать шкуру с изнеможенных рабочих. Чаю и сахару больным не полагается, а есть только кипяток и тот только до шести часов вечера. Пища очень скверная и то не в достаточном количестве. К ужину подают кислые щи или другую такую же похлебку. Больные голодают в буквальном смысле слова. Только те и сыты, которых навещают родные и знакомые. В виду полуголодного содержания больных, Базелевич не возбраняет приносить в больницу все, а потому родные несут и кислую капусту, и селедки, и хлеб, и квас,—одним словом, все, что есть. Кормят больных по несколько (4—5) человек из одной посуды за-раз. Белье содержится очень грязно, и всегда можно заметить на простынях и наволочках очень сомнительные пятна. Вот как рассказывает один рабочий о своем посещении: «Раз я пришел в числе посетителей в больницу. Подходя к знакомому, я обратил внимание на рядом лежащего больного. Это был молодой человек в длинной грязной рубахе, в коротких грязных кальсонах и разных чулках (один белый, другой красный). Больной страдал ногами. Когда я беседовал, то молодой человек жадным, измученным взглядом смотрел на меня и, наконец, произнес: „Ради Христа, дай кусочек хлебца, я чуть не умираю с голода, так как меня никто не посещает“».

Лечение в больнице возмутительное — одной водой и дешевенькими порошками. Сам Базелевич очень редко принимает больных. Он нанял двух врачей, а сам только следит за выдачей лекарств.

Тут же существует родильный приют, который замечателен своей нелюбовью к пациенткам — больных принимают только дня за два до родов, отговариваясь тем, что они слишком рано приходят есть хозяйские харчи. В январе этого года был такой возмутительный случай: акушерка отослала назад домой беременную женщину. Отойдя немного от больницы, женщина родила на дороге.

Как видите, товарищи, наше положение в больнице у Саввы Морозова не из приятных. Наше здоровье, наши силы превратились в частицу морозовских миллионов. Морозов богатеет, а мы принуждены проводить последние дни жизни, протягивая руку за куском хлеба. Ну, а если мы попадем в богадельню? В следующем письме мы увидим, чего можно ожидать там.

Московская губерния. Условия работы на недавно основанной фабрике акционерного общества при сельце Сетуни, Московского уезда, дали уже повод к двум забастовкам, происшедшим в сентябре и ноябре 1900 года. Вот некоторые подробности.

Фабрика основана летом 1900 г. Первое время на ней работало всего человек 15. После число рабочих увеличилось до 80. Сначала рабочие получали поденную плату, но вскоре хозяева фабрики в своих выгодах перевели поденную плату на сдельную. Дело в том, что неусовершенствованные машины часто разлаживались, основы с ручных сновальней приходилось клеить руками, а это отнимало много времени. Рабочие очень скоро увидели, что при таких условиях невозможно работать сдельно. Но напрасно они несколько раз просили снова установить месячную плату, хозяева отвечали категорическим отказом. Тогда рабочие решили забастовать, и 15-го сентября никто не пошел на работу. Рабочие требовали установления помесячной платы и повышения ее до 25 руб. Забастовка продолжалась две недели. Кончилось тем, что администрация фабрики предложила работающим на машинах 17 р. в месяц и ручным ткачам 20 руб.

После первой стачки на фабрику было набрано много новых рабочих, но и они, проработав около двух месяцев, стали роптать на слишком низкую заработную плату и фабричные порядки. Наконец, они отправились к заведующему, Юлию Ивановичу, и заявили ему следующие требования: 1) сменить мастеров, не знающих русского языка, 2) давать хорошие инструменты, 3) устроить на дворе фонари для идущих на ночную смену и 4) повысить заработную плату. «Хорошо, ребятушки,—ответил им заведующий, все—исправлю, все сделаю по-вашему, идите, не беспокойтесь». Рабочие продолжали работать, но, видя, что все остается попрежнему, опять через несколько дней

повторили свое требование Опять много обещаний на словах и ничего на деле. Выведенные из терпения рабочие решили, наконец, 28 ноября прекратить работу. К ним явился заведующий и стал уговаривать стать на работу, обещая опять выполнить все их требования. Но на этот раз рабочие не поддались на удочку и наотрез отказались выйти на работу до тех пор, пока не исполнят их требований. Так прошло два дня. Приезжал исправник Тимофеев и тоже уговаривал рабочих встать на работу. Он приезжал пять раз и, наконец, заявил: «Кто не хочет итти на работу, берите расчет». Рабочие ответили, что возьмут расчет только при условии, если им выдадут по 18 руб. в месяц. Когда же и на это последовал отказ, они отправились на телеграф и послали великому князю Сергею одну, а потом, видя, что никто не едет, вторую и третью телеграмму. Кроме того, они послали двух ходатаев в Москву, но те были арестованы по дороге. Наконец, приехал ад'ютант вел. князя, записал требования рабочих и уехал. А через несколько часов трое рабочих были вызваны якобы к допросу и тоже посажены в тюрьму. Ад'ютант приехал через несколько дней опять и сказал следующее: «Братцы, теперь я ваших подстрекателей арестовал и вам ничего не остается больше, как встать на работу». — «Если бы нам и всем пришлось сесть в тюрьму, — отвечали рабочие, — и тогда бы мы не отказались от своих требований». — «Видно, среди вас еще остались козлы,—возразил ад'ютант,—да не много их; а остальные— все овцы. Дорого бы я заплатил, если бы кто-нибудь указал мне этих козлов». На другой день на фабрику наехала полиция: жандармы, урядники, человек 50, и оставались на фабрике четыре дня. 12 декабря опять приехал ад'ютант вел. князя, потом становой пристав, земский начальник и фабричный инспектор. Они собрали рабочих и стали вызывать по фамилиям, записывать тех, кто продолжал упорствовать. Согласившихся итти на работу оказалось всего человек 15. Остальных усадили на 30 розвальней и в сопровождении урядников отвезли в тюрьму. Там они просидели 22 дня, а потом этапом были отправлены на родину. Так заступился вел. князь за обижаемых рабочих.

Смерть П. Морозова. В начале января в Сычевке, Смоленской губернии, умер от болезни, нажитой в тюрьме, петербургский агитатор Петр Морозов (ткач). В 1894 г. Морозов был арестован в Петербурге и, после полутора года заключения в провинциальной тюрьме, был сослан в 1896 г. в Вологодскую губернию на три года. По окончании ссылки Морозов поехал в Екатеринослав и, несмотря на совершенно расшатанное здоровье и тягостные условия труда, за который ему пришлось взяться (он поступил кочегаром на завод), тотчас же принялся за революционную работу. По какой-то случайности он очень скоро (перед 19 апреля 1899 г.) был снова арестован с несколькими стами прокламаций. Пребывание в екатеринославской тюрьме его добило окончательно. Летом 1900 г. Морозова, уже безнадежно больного, выпустили и выслали в город Сычевку. Покойный принадлежал к числу лучших агитаторов нашего движения.

Из Иваново-Вознесенска сообщают ряд фактов, свидетельствующих о крайне тяжелом положении рабочих, вызванном промышленным кризисом. На прядильной фабрике тов. Иваново-Вознесенской мануфактуры (занимающей 5.000 раб.), начиная с 9 октября стоит почти каждую смену половина ватерных машин (их всего 144), а рабочим платят всего только за половину простоя. В месяц пропадает плата за целых четыре дня. На ткацкой фабрике того же общества стали давать плохой материал, понизивший заработок с 11 р. до 9 р. в месяц в среднем; для отдельных рабочих плата упала до 6 руб. Требование рабочих об улучшении материала не было удовлетворено, при чем во время об'яснения с рабочими хозяин А. Зубков заявил: «Когда нам приходится работать в убыток! Чорт с ней, с фабрикой и со всем производством, когда у нас не идут товары».

На плохой материал жалуются также с фабрики Бурылина (900 чел.). За недостатком основы, машины часто стоят, а за простой рабочим не платят. Для удлинения рабочего дня переводят по усмотрению часы. Для части рабочих рабочее время увеличено с 9 до 11½ часов. В железнодорожных мастерских (около 300 чел.) также произвольно переводятся часы, налагаются несправедливые штрафы, неправильно выдаются пенсионные деньги. 2 февраля уволили рабочего за то, что он задремал за работой. А задремал он потому, что проработал без сна двое суток.

В двадцатых числах марта в Ив.-Вознесенске распространен листок местного комитета партии по поводу волнений на фабрике Бакулина, описанных в № 3 «Искры».

Кризис и его последствия. Кризис все разрастается. В Петербурге, Москве, Туле, Ив.-Вознесенском районе работы сокращаются. В последнее время застой охватил и бакинские нефтяные промыслы, и бакинский губернатор телеграфировал астраханскому о необходимости задержать движение безработных в Баку. А в Астрахани и без того скопление безработных. Нищета и обострение эксплоатации во всех видах вызывают крайне напряженное настроение в этих толпах голодного люда. Несомненно, известия о политических волнениях в Петербурге, Москве и Харькове еще усилили это настроение, и апрель ознаменовался целым рядом беспорядков.

Первые беспорядки произошли 9 марта в посаде Горловке, Екатеринославской губ., где шахтеры стали требовать выдачи им бесплатных свидетельств для проезда на родину и, получив отказ, произвели разгром лавок и нападение на полицейское управление. К пасхе настроение масс везде было настолько серьезное, что власти опубликовали распоряжение о воспрещении сходок и демонстраций (на основании положения об охране) в Кронштадте, Одессе, Николаеве, Севастополе, Екатеринославской губ., области Войска Донского, не говоря уже о тех местах, где происходили демонстрации в марте. Сверх того, мин. вн. дел воспретил устройство праздничных увеселений (балаганов), так как уличные беспорядки частью возникают в таких местах скопления праздничной публики. Однако, в Кишиневе именно это воспрещение вызвало беспорядки, завершившиеся погромом еврейских лавок. В Киеве произошли весьма бурные беспорядки, вызванные усердием одного из солдат, назначенных для пополнения полиции. Во время беспорядков несколько полицейских ранено ножами. В Екатеринославе тоже произошел разгром еврейских лавок. В Астрахани происходили бурные столкновения между рабочими, пришедшими из деревни, и городскими босяками. В Таганроге во время пасхи дважды происходили крупные беспорядки с нападением на чинов полиции. В гор. Сочи на Кавказе беспорядки приняли форму нападения на турок, а потом на имеретин. В Одессе для предотвращения беспорядков администрация арестовала до двух тысяч обитателей ночлежных домов и продержала город в течение праздников на военном положении. То же было и в Саратове, где ожидались серьезные волнения.

С 1881 г. начало каждого десятилетия отмечается в России «беспорядками» городской голытьбы. Этот многочисленный класс населения, прикасающийся с рабочим пролетариатом, доставит современному порядку еще не мало хлопот и огорчений. Никакие драконовские меры не умиротворят этого люда. «Чистая публика» должна убедиться, что от последствий буйных вспышек голытьбы ее могут оградить только два условия: правильно развивающееся и не преследуемое законом рабочее движение, при котором возможно смягчение бедствий, вызванных безработицей, и такой политический строй, при котором голодный бедняк не будет на каждом шагу раздражаем полицейским произволом.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРЕНИЕ.

Русские события последних месяцев обратили на себя общее внимание в Европе. Возмущение образом действий русского правительства по отношению к студентам и радостное изумление по поводу смелого выступления русских рабочих на путь политической борьбы охватили револю-

ционный пролетариат и либеральную интеллигенцию в Зап. Европе. Профессора и студенты почти всех стран опубликовали свои протесты против царского правительства и выразили сочувствие русским борцам за свободу. Рабочие и студенты устраивали многолюдные собрания для выражения солидарности с ведущейся в России борьбой. Г. Плеханов и Б. Кричевский, в качестве русских делегатов в международном социалистическом секретариате, обратились в последний с предложением издать манифест ко всем рабочим по поводу русских событий. В воззвании от 25 апреля секретариат пригласил рабочих всех стран в резолюциях, принимаемых на майских собраниях, приветствовать русских борцов. В Австрии, Бельгии, Швейцарии, Франции, Швеции были устроены специальные собрания для выражения протеста против русского правительства. Так, Г. Плеханов пишет нам, что ему, по приглашению бернского рабочего союза, пришлось говорить на собрании, созванном специально для протеста против русского царизма. Одушевление швейцарских рабочих, слушавших сообщение о росте революционного движения в России, было громадно. После обеда в устроенной рабочими первомайской процессии несли, среди других знамен, также два транспаранта с надписями: «Долой русский царизм! Да здравствует русское революционное движение!» Газеты сообщали, что русский посланник пред'явил швейцарскому правительству формальный протест против этого. Принимая во внимание, что транспаранты несли швейцарские граждане, нельзя не признать, что этот протест является выражением той наглости, которую обыкновенно позволяет себе русское правительство по отношению к слабым. Если бы дело было в Англии, то, разумеется, русские дипломаты не позволили бы себе ничего подобного. Ниже приводим письмо товарища Васильева об одном из таких собраний в Швейцарии. Васильев—наш соотечественник, уже давно покинувший Россию и вступивший в ряды швейцарской социал-демократии, где он приобрел заслуженную известность.

ПЕРВОЕ МАЯ В АРБОНЕ.

Арбон — это маленький городишко или, если хотите, большая деревня на Боденском озере. В Арбоне несколько фабрик, и арбонские рабочие могут гордиться своей организацией. Это маленький оазис организации. В то время, когда во всей Швейцарии только 18 процентов рабочих сплочены в союзы, около 80 процентов рабочих Арбона соединены узами солидарности в семи обществах, и эти семь обществ сплочены в арбонском рабочем союзе. Занедолго до 1 мая были здесь выборы в совет общины, и рабочие провели двух своих социалистических кандидатов.

В этом-то Арбоне я должен был говорить на рабочем митинге первого мая.

Приехав в городок, я был удивлен праздничным видом его. Весь город был украшен флагами, не только дома бедняков, но и виллы богачей. Я был удивлен. Оказалось, что рабочие в своем воззвании по поводу рабочей международной демонстрации первого мая просили «сограждан» украсить город. И — эта просьба была уважена! Рабочие стали крепким союзом, и — сила вызывает уважение — эти развевающиеся флаги выражали новое отношение граждан других классов к рабочему классу.

Фабрики (машинные и вязальные) стояли целый день закрытыми. Утром был концерт на площади... После обеда на этой площади собрались в «военном порядке» батальоны арбонских рабочих. Вот, под звуки марша, с развевающимися знаменами двинулись мы процессией... Обойдя весь город, остановились перед входом в громадный зал, в котором я должен был говорить... Зал был набит битком рабочими и любопытными... Я был увлечен этой толпой и говорил более двух часов о нашем великом деле, о значении нашей международной демонстрации... Любо было глядеть, с каким вниманием и сочувствием слушали меня, глаза слушателей, работниц и рабочих, блистали, разгорались и вспыхивали, зажигая говорящего. Вот я заговорил под конец о движении русских рабочих... при каких тяжелых невозможных условиях должен бороться русский пролетариат за свое освобождение... И все же борьба идет!

Сплошной массой поднялись все слушатели, когда президент союза арбонских рабочих прочел резолюцию, выражающую сочувствие русскому борющемуся пролетариату и студенчеству... Это протягивалась братская рука, это бились, как одно, сотни рабочих сердец через тысячи верст в страну, где не сияет солнце политической свободы, а свистит кнут и нагайка.

Васильев

ПИСЬМО ИЗ ВЕНЫ.

На восьмом интернациональном конгрессе противников алкоголизма, состоявшемся в Вене в средних числах апреля сего года, присутствовал, среди делегатов других европейских стран, и представитель русского правительства, граф Скаржинский. Слушая его реферат: «Русские официальные общества трезвости и народные праздники, как средство борьбы против алкоголизма», можно было подумать, что дело идет о наикультурнейшей стране Европы. Чего только, судя по реферату гр. Скаржинского, русское правительство не делает для просвещения своего народа и для отвлечения его от вредных спиртных напитков! Не говоря уже о введении монополии на продажу алкоголя, имевшем исключительно целью уменьшить пьянство в России, русское правительство тратит ежегодно 3.000.000 руб. на устройство обществ трезвости, публичных библиотек, чайных, народных праздников и театров; кроме того, различные графы и князья берут на себя часто чтение рефератов о вредном влиянии спиртных напитков на здоровье человека, при чем распространяют среди присутствующих брошюры, написанные на ту же тему. Само собою понятно, что русское правительство, благодаря этим радикальным мерам, достигло наилучших результатов в борьбе с алкоголизмом, и стоит только, по мнению гр. Скаржинского, Западной Европе последовать примеру России в этом отношении, как алкогольный вопрос исчезнет с лица земли.

Графу Скаржинскому ответил австрийский студент Георг Григорович.

«Я не хочу, — начал свою речь Григорович, — чтобы граф Скаржинский уехал из Вены, не узнав настоящего отношения Зап. Европы к так называемым социальным реформам России. Гр. Скаржинский в таких ярких красках описал нам меры, принимаемые русским правительством в борьбе против злоупотребления спиртными напитками, что Россия должна нам казаться каким-то раем... Но, если русское правительство ввело монополию на продажу спиртных напитков, то из этого еще не следует, что оно имеет право монополизировать просвещение русского народа и пропаганду против злоупотребления алкоголем. Если бы против алкоголя и всех связанных с ним последствий агитировал не гр. Скаржинский, а гр. Толстой, то русское правительство сослало бы его в Ясную Поляну, а когда молодые, даровитые люди, следуя своему идеальному порыву, хотят просветить русский народ, научить его грамоте, — их арестовывают и сажают в тюрьмы, как преступников. Если же граф Скаржинский распространяет среди русских крестьян и рабочих брошюры о последствиях злоупотребления алкоголем, то он делает это, по всей вероятности, для остальной Европы и этого конгресса, так как русский народ их читать не умеет. Очень возможно, что графу Скаржинскому, подобно многим другим правительственным лицам, совершенно неизвестны настоящие условия русской жизни (гр. Скаржинский делает возбужденно какое-то замечание президенту); это видно из его утверждения, что „в России еще ни один мужик не умер с голоду". Да и не удивительно: ведь русская пресса меньше всего должна касаться самой России. Я советую поэтому графу Скаржинскому прочесть книгу „Голодающая Россия" Лемана и Парвуса — здесь, у нас, он может ее читать — в ней он найдет много поучительного материала для себя».

Говоря далее об антиалкоголистическом движении в Буковине, Григорович рассказывает, что там одновременно с обществами трезвости, устраиваются общества,

имеющие целью научить крестьян грамоте. «Не мешало бы и русскому правительству, — продолжает он, — последовать нашему примеру. Вместо того, чтобы массами арестовывать студентов, пусть русское правительство их просит, — да, просит, чтобы они просвещали русский народ и научили его грамоте. Тогда и только тогда граф Скаржинский с успехом сможет распространять брошюры о вредном влиянии алкоголя». Громкие, в продолжение двух минут не прекращавшиеся, аплодисменты показали, что мнение, высказанное Григоровичем, разделялось всеми присутствовавшими на конгрессе.

Бледный и весь дрожа от волнения, граф Скаржинский просит слова.

«Я не намерен, — сказал он, — отвечать на речь, имеющую чисто политическую подкладку. Я хочу верить, что бюро этого конгресса, как и австрийское правительство пригласили нас сюда не для того, чтобы говорить нам такие неприятные вещи. Я по личному опыту знаю, каким гостеприимством отличается Австрия, и только потому охотно согласился на предложение русского правительства послать меня на этот конгресс в качестве делегата». (Слабые аплодисменты и сильное шиканье.)

Охотно верю графу Скаржинскому, что правда, сказанная ему г. Григоровичем, была ему, по меньшей мере, «неприятна».

[В. Вегман]

ИЗ ПАРТИИ

ПЕРВОЕ МАЯ В РОССИИ.

Если русская социал-демократия усиленно готовилась в этом году к маевке, то правительство, повидимому, напрягало все свои силы, чтобы воспрепятствовать демонстрациям. В Петербурге 18 апреля произведен еще неслыханный у нас полицейский разгром. Число арестованных считают в 300, обысков произведено не то 600, не то 800. На одном Путиловском заводе взято 50 рабочих. Предполагавшаяся на 22 апреля рабочая демонстрация не удалась. Зато блестящую демонстрацию устроило правительство: по Невскому продефилировало несколько полков солдат. «Шпионство и предательство висят в воздухе», пишут нам из Петербурга.

В Польше и Литве была распространена масса майских листков. «Социал-демократия в царстве Польском и Литве» издала одну майскую прокламацию на польском языке и одну на немецком, сверх того специальный листок к польским рабочим о последних событиях в России, особый листок к булочникам и майский номер своего органа «Рабочее Обозрение». В статье, посвященной русским событиям, говорится: «В день первого мая мы обязаны демонстрацией против царизма показать нашу солидарность с нашими братьями, русскими революционерами».

«Общееврейский Рабочий Союз» издал майский номер «Голоса Рабочего» и майскую прокламацию. Польская социал-демократическая партия «Пролетариат» тоже обратилась к рабочим с прокламацией по поводу первого мая, в которой приглашала рабочих не устраивать демонстраций, а ограничиться прекращением работ. Партия указывает на то, что демонстрации уносят слишком много жертв. Нам точка зрения новой польской партии представляется ошибочной.

Днем демонстрации в Варшаве было назначено воскресенье перед первым мая нового стиля (15 апреля). Демонстрация произошла на Маршалковской улице. Демонстрантов было, по сообщению Варшавского Комитета Польской Соц.-Дем. Партии, до 15 тысяч. Происходили столкновения с полицией, и несколько десятков человек арестовано. По варшавским улицам раз'езжают казаки; завидев кучку человек в 5—6, они тотчас же в нее врезываются и разбивают ее.

О демонстрации в Двинске нам сообщают такие подробности: вечером 15-го по городу были расклеены, разбросаны по лавкам, улицам, фарбикам и мастерским прокламации: русская общепартийная (изд. «Южн. Раб.»), в количестве 150 экз., и еврейские: 1) общая от «Евр. Раб. Союза»; 2) от организации приказчиков и 3) от местного комитета, всего до 2.000 экз. 18 апреля (1 мая) с пяти часов утра вся полиция была на ногах, по городу ходили патрули солдат. Во всех мастерских и на фабриках (спичечной—около 1.000 чел.—и двух фабриках венской мебели и др.) еврейские рабочие или вовсе не работали с утра, или бросали работу в обед; не работало также много христиан. Утром полиция забрала до 40 рабочих на бирже и отправила их в тюрьму. Обыватели ожидали «бунта». Часов в пять вечера появились на улицах толпы рабочих, сопровождаемые тысячной публикой. Они направились на «Невский проспект», где им, однако, не удалось соединиться, так как солдаты деятельно разгоняли их, при чем досталось и посторонним. Рассеяв рабочих и забрав 170 человек, из которых добрую треть составляли любопытные, солдаты расположились на площади, сложив ружья в козлы. Очевидно, предполагали, что все уже кончено. Между тем, рабочие стали собираться на другой из главных улиц — Рижской, а потом с пением «Марсельезы» и с красным знаменем двинулись по ней. Их было около 700 чел. Любопытных было еще более. Беспрепятственно прошли они всю Рижскую улицу, свернули на Мясницкую и, пройдя ее всю, вернулись назад, и только когда на Рижской появились конные артиллеристы и солдаты, они понемногу рассеялись.

Из 170 взятых выпущены все, кроме 40, которые подвергнуты тюремному заключению на срок от одного до трех месяцев, повидимому, в административном порядке.

17 апреля полицмейстер обратился к военным властям с просьбой, чтобы 18-го весь день при госпитале дежурил врач на случай столкновения войск с рабочими.

Из Вильны о демонстрации нам пишет очевидец: На 14 (27-ое) апреля Виленским Комитетом была назначена демонстрация в 8 час. вечера в Пушкинском сквере, в конце Большой улицы. Начиная с 7 час, стали стекаться в назначенное место толпы участников. Но, так как по вечерам, особенно субботним, в этом саду гуляет масса публики, — буржуазной и «плебейской», — то долгое время демонстранты не обращали на себя особенного внимания. Неизвестно, была ли предупреждена полиция,—особых с ее стороны приготовлений не было, хотя, вопреки обыкновению по саду расхаживали двое городовых, двое околоточных, а среди гуляющих был и полицмейстер. Число участников трудно определить, так как в сплошную массу они ни разу не столпились; во всяком случае, было несколько сот человек, безусловно больше пятисот, но меньше тысячи. Многие из демонстрантов носили красные галстухи, рубахи, блузы, юбки и проч. Часам к восьми, когда демонстранты стали ходить взад и вперед довольно большими группами, публика, — между прочим, численно превосходившая демонстрантов,—заметила, в чем дело; стали раздаваться тревожные возгласы: «Да, ведь, сегодня 1 мая». — «Нет, ведь, 1 мая „они“ празднуют 19-го».— «Ну, а значит, в этом году им приказали раньше, у них ведь тоже начальство есть». — «Смотрите, вот „союзные“ пошли, в красном». — «Это, должно быть, репетиция». — «Вот сволочи (слова одного офицера), они нам хотят показать свой протест: вы вот ничего не делаете, да в роскошных нарядах приходите сюда гулять и веселиться, — так мы расстроим ваше веселье, покажем, что мы тоже хотим жить получше и бороться, пока не победим». Это и много другого интересного я слыхал, все время находясь среди буржуазной публики и прислушиваясь к разговорам. — Ровно в 8 час. часть демонстрантов сгустилась около дома ген.-губернатора и стала кричать «ура»; сейчас же туда устремилась полиция и хотела отрезать эту часть демонстрантов от остальных и от публики. Но так как полиции было очень мало, это ей не удалось, демонстранты прорезались и направились к выходу из сада на Большую улицу, по которой и двинулись с криками «ура». Публикой овладела паника, в одну минуту сад опустел, у выходов из сада началась невозможная давка; выбравшиеся из сада останавливались у ограды и смотрели, что будет. По саду со всех ног бежали десятки демонстрантов, чтобы присоединиться к их массе, за ними городовые, свистевшие на весь город. Сбежалось с соседних улиц несколько городовых, стали бить первых по-

павшихся и оттаскивать от толпы, после чего в сопровождении дворников отправляли в участок. Демонстранты не только безучастно к этому относились, но когда прибежало еще несколько городовых и 3—5 жандармов (пеших), они, прокричав еще несколько раз «ура», стали быстро скрываться в соседние улицы и подворотни или же сходили на тротуар и смешивались с публикой. Таким образом, в 8¼ демонстранты рассеялись, пройдя саж. 100 до Благовещенской улицы. Из толпы было выхвачено до 20 чел.; арестовано также двое студентов, которые, встретив городового и дворника, ведущих в участок какого-то рабочего, пытались отбить его. В 8½ час. на Большой улице появился один казак, разгонявший публику, и по улице стал ходить взад и вперед отряд солдат (человек 50), без оружия и офицеров.

На другой и следующие дни по Большой и другим улицам раз'езжали казаки, у недостаточно элегантно одетых евреев городовые отбирают палки, которые десятками отправляют в полицию. Повидимому, власти ждут повторения демонстрации 18 апреля. Весь город говорит о происшедшем. После демонстрации были распространены (но не расклеены) прокламации Бунда: две — на еврейском языке, к рабочим и приказчикам, и одна — на русском.

Демонстрация вообще вышла неудачная. При лучшем руководстве она могла бы продолжаться гораздо дольше, успели бы спеть песни и проч., потому что полиции почти не было, и когда к концу сбежались городовые и жандармы, то их тоже было весьма немного и действовали они без определенного плана, никем не руководимые. Видевшие прошлогоднюю демонстрацию говорят, что она была лучше — дольше продолжалась, пели песни; участников было не меньше, хотя были будни. Во время демонстрации взято всего 12 человек, из которых двоих выпустили. 18-го в очень многих мастерских не было работ, в еврейских почти во всех, у христиан — в немногих. Вечером была вечеринка рабочих.

Участвовали в этой демонстрации, главным образом, еврейские рабочие. Поляки и литовцы пытались организовать демонстрацию 18 апреля на Немецкой улице. Но уже в 7½ час. вечера на улице появился эскадрон казаков во главе с полицмейстером, которые в'езжали на тротуары и били кого попало. По Немецкой улице закрыли все магазины и дворы, чтобы нигде не было убежища. Побито много обывателей, не принимавших никакого участия в демонстрации.

Сообщают еще о демонстрациях в Ковно, Креславке (Витебской губ.) и Сморгони (Виленской губ.).

22 апреля, в воскресенье, в Тифлисе несколько сот рабочих пытались устроить демонстрацию. При нападении полиции произошла свалка, и, по словам газет, из толпы стреляли в полицию. Толпа была рассеяна, и многие арестованы, в том числе один студент и три курсистки из числа высланных из Петербурга.

Из Казани перед 18 апреля было выслано 60 чел., переписанных во время местной демонстрации 11 марта. В Самаре и Саратове войска были наготове весь день. В Саратове и Нижнем-Новгороде были неудачные попытки демонстрации.

* * *

Петербургский «Союз» распространил перед первым мая две печатные прокламации к рабочим и к «обществу» с приглашением на демонстрацию в день 22 апреля. Приводим прокламацию к «обществу»:

К РУССКОМУ ОБЩЕСТВУ.

Россия переживает знаменательное время. Долго накопившееся в сердцах чувство неудовлетворенности современным государственным строем вдруг прорвалось наружу и широким потоком разлилось по всем слоям русского общества. Самые «благонамеренные» люди начинают понимать, что самодержавие преследует исключительно свои узкие, личные цели, идущие прямо в разрез с счастьем, культурой и благом родины. Само самодержавие усердно и успешно работает над тем, чтобы подорвать к себе последнюю тень доверия и уважения. Правительственные сообщения, которым уже перестали верить самые наивные простаки; цвет русской молодежи, сдаваемый в солдаты; величайший писатель, гордость России, отлученный от церкви; князь Вяземский, получающий от царя строгий выговор за то, что пытался остановить противозаконность, разбойничье нападение на безоружную толпу; ужасный голод на юге России и в Сибири; беспомощность десятков тысяч рабочих, выброшенных на мостовую вследствие кризиса, и лживые утверждения, что «все благополучно»; поруганный закон, полная безгласность общества, полная неответственность царских чиновников и, как венец всего — последний циркуляр мин. внутренних дел, откровенно провозглашающий безграничное самодержавие полицейского кулака, перед которым смиренно должны преклониться все, без различия «звания и положения».

Мы, русские рабочие, горьким и долгим опытом научены, как мало до нас дела самодержавию; над нами все время занесен самодержавный кулак, и он обрушивается на наши спины, как только мы пробуем словом или делом заявить, что нам живется не сладко. Для всех слоев русского общества ближайшую, насущнейшую нужду составляет политическая свобода. В день 1 мая (18 апреля) мы ставим ее во главе наших требований и зовем под наши знамена всех, кто не хочет быть бесправным рабом. Демонстрация состоится в воскресенье 22 апреля, на Невском, в 12 часов дня.

Комитет СПБ. Союза Борьбы за Освобождение Рабочего Класса.
СПБ. Комитет Российской Социал-демократической Рабочей Партии.

ОТ ГРУППЫ «ИСКРЫ».

Товарищи! Мы не назначаем пока платы за нашу газету, ибо не решаемся еще обязаться доставлять ее всем подписчикам. В настоящее время подготовляется к печати пятый номер, и мы сделаем все от нас зависящее, чтобы газета выходила более правильно и возможно более часто. Но для этого необходимы очень крупные средства, и мы просим всех, в чьи руки попадет «Искра», устраивать денежные сборы на ее поддержку. Революционное издание только тогда станет прочно, когда оно будет окупать себя, а для этого необходимо, чтобы каждый читатель оказывал, по мере своих средств, материальную помощь.

В типографии «Искры» напечатано:

1. «От редакции». Листок о задачах наших изданий.
2. «Искра» № 1, декабрь 1900 г.
3. «Майские дни в Харькове», январь 1901 г. Корреспонденция Харьковского Комитета Росс. С.-Д. Р. П., с предисловием редакции «Искры».
4. «Женщина-работница», февраль 1901 г.
5. «Искра» № 2, февраль 1901 г.
6. Первое мая. Листок Российской Соц.-Дем. Раб. Партии, изданный «Искрой».
7. Листок «Искры» (о последних событиях), апрель 1901 г.
8. «Искра» № 3, апрель 1901 г.

Типография «Искры».

ПРИМЕЧАНИЯ.

Прим. 1. Статья Ленина «С чего начать?» является изложением организационного и тактического плана «Искры», впоследствии более разработанного в книге Ленина «Что делать?» Во всяком случае она послужила исходной точкой для всей дальнейшей полемики между «Рабочим Делом» и «Искрой». Это она именно заставила Кричевского усмотреть (в № 10 «Раб. Дела») основную разницу между направлением «Искры» и «Раб. Дела», заключающуюся в том, что первая делает ставку (с точки зрения Кричевского — одиозную) на «тактику - план», а второе больше стоит на точке зрения «тактики-процесса». Начинается статья Ленина с полемики, направленной против «Раб. Дела», которое до такой степени было гальванизировано «бурным месяцем» студенческих волнений, что заговорило вдруг о повороте с.-демократической тактики на 180° и о штурме на самодержавие, при чем над методом террора оно задумалось, как над «новым вопросом» с очень соблазнительными перспективами... Опасность увлечения революционной интеллигенции террором была настолько велика, что против двусмысленного отношения со стороны некоторых с.-демократов к вопросу о терроре «Искра» должна была выступить с резкой отповедью *. Этому вопросу была посвящена статья Засулич в № 3 «Искры» (к сожалению, В. И. Засулич сбилась на карамазовскую этическую оценку террора — можно ли для счастья человечества пожертвовать жизнью хоть одного ребеночка; это—не искровская постановка вопроса), фельетон Мартова «Вопросы дня» в № 4 «Искры» и статья «С чего начать», где в коротких словах автором дан самый отчетливый и подлинный революционно-марксистский взгляд на вопрос о терроре.

Прим. 2. Парвус (А. А. Гельфанд) родился в России, в молодых годах эмигрировал за границу и стал играть видную роль, как один из публицистов левого крыла германской с.-демократии. Его сотрудничество в «Искре» и «Заре» считалось ценным. В 1905 г., вернувшись в Россию, он вместе с Троцким редактирует газету «Русская Жизнь». Арестованный по делу Совета Рабочих Депутатов (второго), он успел однако бежать, жил в Турции, занялся коммерцией, а в годы войны стал ярым оборонцем.

Прим. 3. Д-р Васильев—участник движения 70-х годов, эмигрировал заграницу и был деятелем швейцарской с.-демократии. После Февральской революции 17-го года примкнул к группе «Единство».

---

* Мартов писал Аксельроду по поводу «Раб. Дела» в письме от 1 мая 1901 г.: «Да! „литературное кувыркание" женевского с.-дского „Чего изволите?" производит свое действие: польские „пролетариатцы", повидимому, увлеклись их кивками в сторону терроризма и — вопреки обещанию возить нашу литературу — возят литературу „Рабочего Дела"» (См. «Письма Аксельрода и Мартова», стр. 28).

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!"...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину

№ 5. ИЮНЬ 1901 ГОДА. № 5.

О БЕССМЫСЛЕННЫХ МЕЧТАНИЯХ.

17 января 1895 г. только что усевшийся на прародительском троне молодой человек сказал речь, удивившую мир и смутившую «верноподданных» земцев. Едва оперившийся птенец, свободный от наук, кроме разве «науки страсти нежной», он поучал поседелых в житейских передрягах «излюбленных людей» трезвому реализму, тщете утопий. «Бессмысленные мечтания!» — крикнул он молчавшей толпе запуганных людей. Зрелище было странное, дикое и в высокой мере неприличное. Но — увы! устами младенцев говорит иногда сама истина: молодой человек был прав и бессознательно нащупал больное место нашей общественности.

Либерального толка русский обыватель любит помечтать, вожделеет конституции и даже готов — при закрытых дверях и спущенных шторах — промежду себя и присных себе «пущать революцию».

Наступит пора — Россия станет свободна. Но как, каким образом, чьими усилиями — темно и неведомо. Побьют ли нас немцы, и мы, как после крымского погрома, очутимся у порога «великих реформ», голод ли дезорганизует правительство, революционеры ли заставят «предержащую власть» пойти на уступки, сама ли эта власть внезапно подобреет — кто его знает? Наш либеральный фантазер, строя химеры и уповая на «глад, трус, потоп и нашествие иноплеменных», крепко помнит одно, что он, обыватель, Иван Петрович, — сторонний зритель, а никак не участник событий; он не прочь покрасоваться в заключительном апофеозе, но не намерен быть действующим лицом тяжелой исторической драмы. Слов нет: плод политической «выучки» сладок, зато корень «учения» горек, а участок — так близок!.. Фантазия обывателя растет — стремительно и неудержимо: чем меньше «поступков», тем больше возможности отдаться «чарованью красных вымыслов». С напряженным вниманием следит он за дуновением сверху, за интригами двора и чиновными перемещениями. В своем уме он раскладывает граппасьянс из общеизвестных бюрократических фигур: вот уйдет один, умрет другой, попадет в министры третий и — игра выиграна, граппасьянс удался. При всяком удобном и неудобном случае прежде, как и теперь, в эпоху «диктатуры сердца» шесть с половиною лет тому назад, как и в настоящие бурные дни, его «бессмысленно мечтательный» взор обращен к вершине российского здания — один милостивый кивок оттуда с высоты, и он готов забыть поругание и предать своих лучших сынов. Когда-то библейский Исав за чечевичную похлебку отдал право своего первородства. Поступок был скверный, но похлебка вкусная, и с'ел он ее без остатка. Современные Исавы продают свою честь и выдают своих ближних за один лишь з а п а х похлебки. Ее еще нет, реальной, подлинной похлебки, но где-то как будто ею запахло... и обыватель растаял. Его били и бьют, в три погибели гнут, — ему все нипочем и все еще мало! Стоило раздаться словам «высочайшего рескрипта» от 25 марта о внесении «в дело воспитания русского юношества», «умудренного опытом разума и сердечного о нем попечения», чтобы обывательское сердце взыграло, а уста его трубадуров стали извергать иудушкино пустословие.

Дело школьной и университетской реформы в надежных руках — сподвижник царя-миротворца принадлежит нам по праву, — говорят «охранители»: сиятельный князь-«Гражданин» и московское отродье Каткова.

Нет, нет! — вопит обыватель в свой газетный рупор,— генерал наш! «опасения напрасны»! — Ни один из министров еще «не ставил так высоко общественного и государственного значения университетов», побольше доверия генералу, и успех венчает дело. «С высоты трона раздался призыв к участию в жизни школы, семьи и общества», и «печать, как голос общественной мысли, не может попрежнему оставаться безмолвным свидетелем событий, пассивным зрителем чужих ошибок, заблуждений и недоразумений». А потому: скорее на помощь к молодежи, ей надо освободиться от влияния «крайних и непримиримо настроенных деятелей», которые «благожелательную заботу правительства о молодежи» толкуют «как победу молодежи над правительством». Пусть студенты не упорствуют, а идут на экзамены, они «могут быть совершенно спокойны за участь своих сотоварищей, которых пока еще не видят среди себя»*. Пусть будут они только паиньки, на старших глядя, — ведь старшие так многого достигли своим примерным поведением!

Цитированные нами «благонамеренные речи» принадлежат органу гг. Сазонова, Леонида Оболенского и иных достославных мужей, органу, недавно возведенному реакционной прессой в чин «лидера русского либерализма». Мы не слишком высокого мнения о русском либерализме и о его политической зрелости, но мы все же не хотим взвалить на него всю ответственность за подвиги доблестных «россиян». Конечно, не будь цензурных «усекновений», теплой компании отставных нововременцев и «народников министерства внутр. дел», компании, расцветшей под благословением мамонтовских капиталов, не занимать бы того места в нашей печати, которое она занимает в настоящее время. Конечно, «Россия» и теперь является не «лидером», а просто от-

* См. «Россия» от 8 апреля и 5 мая, статьи «Перед дверьми университетов» и «Напрасные опасения».

голоском, «эховой» газетой. Но для многоголовой гидры, именуемой обывателем, для широких слоев читателя, еще только начинающего с азов и, однако, затронутого уже «свободомыслием», быть может, не найдется лучшего выразителя его настроений, чем это взбунтовавшееся чадо суворинского заведения. Уже одно появление его — два года тому назад — на горизонте нашей ежедневной печати знаменовало собою нечто, не лишенное общественной важности; оно было симптомом подвинувшегося разложения нововременских и прочих устоев, чутким барометром, указующим на «переменно» в головах обывательской массы: от ходового газетного товара потребовалось клеймо принадлежности к цеху свободомыслия. Обладая нововременскими талантами, «Россия» быстро вошла в моду и стала одним из патентованных органов русского обывателя.

«Россия» бессмысленно мечтает. Но «мечтания» «мечтаниям» рознь. Одно дело — читатель-простец, а другое — писатель-лукавец. Одно дело — не разбирающийся в политической грамоте Иван Петрович, ищущий избавления от «египетских казней» самодержавия во всех стихиях земных и небесных, а другое — сложившийся общественный деятель, выкидывающий на своем знамени «бессмысленные мечтания», в которые он и сам не верит. Да, лукавец не верит или верит только наполовину в добрую волю заправил России. Он лицемерит и лжет, потому что лицемерие и ложь увольняют его от борьбы и упрочивают его положение. Лицемерие и ложь возводит он в систему и бестрепетной рукой сеет разврат в среду простеца.

Бедный князь-«Гражданин» сильно обеспокоен либеральными аллюрами «России» — ему мерещится призрак покойного «Голоса», и он бьет тревогу. Успокойтесь, сиятельный князь, и вложите свой меч в ножны. Вы сердитесь только потому, что вы все еще старый романтик и действуете нахрапом там, где требуется «деликатное обращение». Взгляните на тех, кто стоят у руля и верховодят в России: они трезвее, реалистичнее вас и знают цену обывательской прессе. Бывают моменты, когда кнут устал бить, истрепалась нагайка, когда требуется слегка погладить побитого, — конечно, не давая ему серьезного удовлетворения, — и отвлечь его внимание. Тогда те, кому ведать сие надлежит, обращаются не к вам, сиятельный князь, и не к вашему московскому собрату, а к той части нашей ежедневной печати, у которой имеется доступ к сердцам обывателей. Тогда приводится в действие нововременская или иная машинка, тогда кличется клич добровольцам — газетных дел мастерам, и открывается предохранительный клапан — громоотвод «бессмысленных мечтаний». Потому что надо же понять, наконец, что делу консерватизма «бессмысленные мечтания» оказывают бесконечно большие услуги, чем все эти княжеские речи.

Бессмысленно мечтающий обыватель не умеет и — главное — не желает бороться; он вечно гоняется за «блуждающим огоньком» надежды и всего больше боится его потерять. Ах, только бы не упустить, ах, только бы кто не помешал, и особенно эти — «крайние и непримиримо настроенные» элементы: суют свой нос и непременно испортят все дело. И наш «мечтатель» начинает не на шутку сердиться на тех, кто на собственном загорбке испытал всю боль и тягость «прогресса».

Что за беда, что сотни и тысячи борцов за свободу томятся по тюрьмам и идут в изгнание; что за беда, что виновник мартовской бойни Клейгельс совершает разбойничьи набеги на литературу и в отместку за всеподданнейшие петиции и коллективные протесты рыщет по редакционным кабинетам; что за беда, что отбываю-

НОВОЕ ВИНО В СТАРЫХ МЕХАХ[1].

В первом номере газеты социалистов-революционеров «Революционная Россия» мы прочитали, между прочим, заметку: «Обзор революционных изданий», в которой говорится, что в русской революционной мысли совершается теперь «предсказанный» издателями «Рев. России» «поворот в сторону принципов эпохи Народной Воли»*. Хотя в эпоху «Народной Воли» различные общественные партии придерживались различных принципов, но мы поняли указанное замечание в том смысле, что русская революционная мысль направляется теперь в сторону так называемого народовольства. Нас очень удивило и, по правде сказать, не мало обеспокоило это замечание. С одной стороны, никаких признаков поворота (точнее было бы сказать: возврата) революционной мысли к принципам народовольства мы не замечали, а, с другой стороны, «Р. Р.» говорит об этом, предсказанном ею, повороте с такою непоколебимою уверенностью, что у нас возникло сомнение. Неужели же мы слона-то и не заметили? Неужели мы проглядели такое важное общественное явление? Чтобы ответить себе на эти тревожные вопросы, мы с удвоенным вниманием стали следить за русской революционной литературой. При этом нас больше всего интересовали издания тех людей, которые не только не проглядели вышеупомянутого поворота, но даже и предсказали его. Так, мы очень обрадовались, когда нам доставили «Манифест Партии Социалистов-Революционеров», выработанный на с'езде представителей об'единенных групп этой партии. Мы были уверены, что именно и особенно здесь станет заметным для нас поворот, предсказанный издателями «Р. Р.» Мы прочитали «Манифест» и... обманулись в своих ожиданиях. В нем нет и следа, нет и тени «предсказанного» поворота. Совершенно напротив! Он представляет собою самое ясное и самое яркое свидетельство в пользу того, — давно уже кажущегося нам бесспорным, — положения, что русская революционная мысль все больше и больше направляется в сторону принципов русской социал-демократии. Мысль авторов «Манифеста» вплотную подошла к этим принципам. Удивительно тут только то, что ни издатели «Рев. России», ни авторы «Манифеста» этого как будто совсем не замечают.

Партия «Народной Воли» была, как известно, «партией» заговорщиков. В этом легко убедится всякий толковый человек, внимательно прочитав записку: «Подготовительная работа партии», напечатанную в «Календаре Народной Воли». В этой записке мы читаем, что партия должна подготовляться к восстанию, которое, по всей вероятности, будет облегчено сочетанием благоприятных для революционеров обстоятельств: народным бунтом,

* Курсив наш.

щие солдатчину студенты не выносят позорной неволи и кончают жизнь, спуская курок револьвера; что за беда, что льется кровь рабочего человека и с юга несется запретный, заглушаемый стон голодного крестьянина; что за беда, что реакция идет полным ходом, сметая остатки нашего призрачного самоуправления и налагая узду за уздой на просвещенье народа. Он будет все же мечтать и паки мечтать, наш политический Митрофан, наш жалкий обыватель Манилов. Пусть гибнут ряды за рядами истинных граждан России — он будет пассивно глазеть, того не разумея, что политические права не даруются народу, а берутся им с бою, вырываются зубами, и что каждый шаг по пути к освобождению России оплачивается человеческими жертвами.

[А. Потресов]

НОВОЕ ПОБОИЩЕ.

Повидимому, мы переживаем момент, когда наше рабочее движение опять с неудержимой силой приводит к тем обостренным столкновениям, которые так пугают правительство и имущие классы, так ободряют и радуют социалистов. Да, нас ободряют и радуют эти столкновения, несмотря на громадное число жертв военной расправы, потому что своим сопротивлением рабочий класс доказывает, что он не мирится со своим положением, не хочет оставаться рабом, не подчиняется молча насилию и произволу. Современный порядок всегда и неизбежно, даже при самом мирном течении дел, возлагает на рабочий класс бесчисленные жертвы. Тысячи и десятки тысяч людей, трудящихся всю жизнь над созданием чужого богатства, гибнут от голодовок и от постоянного недоедания, умирают преждевременно от болезней, порождаемых отвратительными условиями труда, нищенской обстановкой жилищ, недостатком отдыха. И стократ заслуживает названия героя тот, кто предпочитает лучше умереть в прямой борьбе с защитниками и оберегателями этого гнусного порядка, чем умирать медленной смертью забитой, надорванной и покорной клячи. Мы вовсе не хотим сказать, что рукопашная с полицией есть лучшая форма борьбы. Напротив, мы всегда указывали рабочим, что в их же интересах сделать борьбу более спокойной и выдержанной, постараться направить всякое недовольство на поддержку организованной борьбы революционной партии. Но главным источником, питающим революционную социал-демократию, является именно тот дух протеста в рабочих массах, который при окружающем рабочих гнете и насилии не может не прорываться от времени до времени в отчаяных вспышках. Эти вспышки пробуждают к сознательной жизни самые широкие слои задавленных нуждою и темнотою рабочих, распространяют в них дух благородной ненависти к угнетателям и врагам свободы. И вот почему известие о таком побоище, какое было, напр., 7 мая на Обуховском заводе, заставляет нас воскликнуть: «Рабочее восстание подавлено, да здравствует рабочее восстание!»

Было время, и сравнительно очень недавнее, когда рабочие восстания являлись редким исключением, вызывались только какими-нибудь особыми условиями. Теперь не то. Несколько лет тому назад мы переживали период процветания промышленности, когда торговые дела шли бойко, спрос на рабочих был большой. И тем не менее рабочие устраивали ряд стачек, добиваясь лучших условий труда: рабочие поняли, что они должны не упускать момента, должны пользоваться именно тем вре-

---

неудачной войной, государственным банкротством и т. п. Эти соображения, разумеется, еще не заключают в себе ничего такого, что давало бы нам право назвать народовольцев заговорщиками par excellence (по преимуществу). Но дальше в той же записке идут строки, ставящие очень большую точку над очень выпуклым і. Именно, там сказано вот что:

«Каждым из таких благоприятных стечений обстоятельств партия должна своевременно воспользоваться, но при своей подготовительной работе она не должна на них возлагать всех своих надежд. Партия обязана исполнить свои задачи во что бы то ни стало, а потому свою подготовку должна вести так, чтобы не оказаться ниже роли даже при самых худших, самых трудных условиях.

«Такие наиболее неблагоприятные условия представляются именно в том случае, если партии придется самой начинать восстание, а не присоединиться к народному движению, и если притом нет вдобавок никаких экстраординарных благоприятных случайностей, облегчающих первое нападение. К такому-то положению вещей мы и должны быть приготовлены. Партия должна иметь силы создать сама себе благоприятный момент действия, начать дело и довести его до конца. Искусно выполненная система террористических предприятий, одновременно уничтожающих 10—15 человек — столпов современного правительства, приведет правительство в панику, лишит его единства действий и в то же время возбудит народные массы, т. е. создаст удобный момент для нападения. Пользуясь этим моментом, заранее собранные боевые силы начинают восстание и пытаются овладеть главнейшими правительственными учреждениями. Такое нападение легко может увенчаться успехом, если партия обеспечит себе возможность двинуть на помощь первым застрельщикам сколько-нибудь значительные массы рабочих и проч. Для успеха точно так же необходимо подготовить себе положение в провинциях, достаточно прочное для того, чтобы или поднять их при первом известии о перевороте, или хоть удержать в нейтралитете. Точно так же следует заранее обезопасить восстание от помощи правительству со стороны европейских держав и т. д. и т. д. Вообще подготовительная работа партии должна выполнить все, что необходимо для успеха восстания, начатого партией даже без всяких экстраординарных благоприятных условий, т. е. при таком приблизительном положении, в каком находится Россия в настоящее время».

Все это по-своему очень хорошо, умно и последовательно. Но всякий видит, что это совершенно заговорщицкая программа действий, и если бы в русской революционной мысли действительно совершился поворот, «предсказанный» и приветствуемый органом соц.-революционеров, то соц.-революционеры тоже предложили бы нам программу действий, с большим или меньшим искусством приспособленную к заговору. Но их манифест предлагает нечто совсем другое. Он выдвигает на первое место агитационную деятельность в фабрично-заводской рабочей среде и следующим образом определяет задачи этой деятельности:

менем, когда прибыли фабрикантов особенно высоки и их легче принудить к уступкам. Но вот процветание сменилось кризисом: товары не идут с рук у фабрикантов, прибыли их уменьшаются, увеличивается число банкротств, фабрики сокращают производство, распускают рабочих, которые массами оказываются на улице без куска хлеба. Рабочим приходится отчаянно бороться уже не за улучшение своего положения, а за сохранение старого, за уменьшение тех потерь, которые взваливает на них фабрикант. Таким образом, рабочее движение углубляется и расширяется: сначала борьба в исключительных отдельных случаях, потом упорная и непрерывная борьба во время оживления промышленных дел и бойкого хода торговли, наконец — такая же непрерывная и упорная борьба во время кризиса. Теперь мы можем уже сказать, что рабочее движение стало постоянным явлением нашей жизни, что оно будет расти при всяких условиях.

Но смена промышленного оживления кризисом научит рабочих не только тому, что об'единенная борьба стала для них постоянной необходимостью. Эта смена разрушит также те вредные иллюзии, которые начали уже образовываться в период процветания промышленности. Кое-где рабочим сравнительно легко удавалось вынуждать у хозяев уступки посредством стачек, и значение этой «экономической» борьбы стали преувеличивать, стали забывать о том, что профессиональным (цеховым) союзам рабочих и стачкам удается в лучшем случае только отстоять несколько более выгодные условия продажи товара: рабочей силы. Цеховые союзы и стачки бессильны помочь, когда этот «товар» в силу кризиса не находит спроса, бессильны изменить те условия, которые превращают рабочую силу в товар, осуждают массы трудящихся на самую тяжелую нужду и безработицу. Чтобы изменить эти условия, необходима революционная борьба со всем современным общественным и политическим строем, и промышленный кризис заставит многих и многих рабочих убедиться в справедливости этой истины.

Вернемся к побоищу 7 мая. Мы приводим ниже имеющиеся у нас сведения о майских стачках и волнениях рабочих Петербурга. Здесь же разберем полицейское сообщение о побоище 7 мая. В последнее время мы уже немного приучены к правительственным (полицейским тож) сообщениям о стачках, демонстрациях, столкновениях с войсками; мы имеем уже теперь изрядный материал для суждения о степени достоверности таких сообщений, мы можем иногда по дыму полицейской лжи догадываться об огне народного возмущения.

«7 сего мая, — гласит официальное сообщение, — после обеденного перерыва, на Обуховском сталелитейном заводе в селе Александровском, по Шлиссельбургскому тракту, около 200 раб. разных отделений завода прекратили работу и, при об'яснении с помощником начальника завода подполковником Ивановым, пред'явили разные неосновательные требования».

Если рабочие прекратили работу без предупреждения за две недели — допустив, что прекращение работ не было вызвано беззакониями со стороны хозяев, как это случается очень не редко, — то это даже по русскому законодательству (которое в последнее время систематически дополнялось и усиливалось против рабочих) составляет простой полицейский проступок, подсудный мировому. Но русское правительство все больше попадает в смешное положение со своими строгостями: с одной стороны, издаются законы, устанавливающие новые преступления (напр., самовольный отказ от работы или участие в скопище, повреждающем чужое

«Социалистическая партия должна взять на себя руководящую роль, об'единяя отдельные вспышки и чисто стихийные проявления народного недовольства в одно стройное целое; она должна воспользоваться этой борьбой в целях агитационных, подчеркивая и формулируя выводы, которые подсказываются самим ходом событий, и постоянно раздвигать ее рамки новыми требованиями политического и правового характера».

Это как-раз та политическая агитация, на необходимость которой так часто указывали русские социал-демократические писатели* и которой русские социал-демократы занимались — теперь это можно сказать, не боясь преувеличения — с очень заметным успехом. Такая деятельность безусловно необходима, и мы чрезвычайно рады тому, что соц.-революционеры «поворачивают» в ее сторону.

«Мы убеждены, — так резюмируют свою мысль авторы «Манифеста», — что руководимые партией демонстрации, протесты, стачки и целый ряд других проявлений коллективного недовольства существующими общественными отношениями, постепенно усиливаясь и захватывая все более и более широкие массы народа, расшатают полицейско-бюрократическое государство и приведут его к полному падению».

Если такое убеждение есть признак «поворота в сторону принципов эпохи «Народной Воли», то несомненно, что этот поворот был сделан еще социал-демократической группой «Освобождение Труда», которая с самого возникновения своего, в 1883 г., не переставала доказывать, что лишь все более и более расширяющееся движение народной массы может положить конец существованию русского абсолютизма. Народовольцы обвиняли группу «Освобождение Труда» в том, что ее пропаганда шла в разрез с принципами «Народной Воли.» Социал-революционеры думают, как видно, что это обвинение было совершенно неосновательно.

«В странах деспотических, — говорит «Манифест», — по самому ходу вещей социалистические группы должны стремиться к тайной и строго конспиративной организации ядра партии, ограниченного по своему составу и численности».

Это справедливо, но и в этом нет никакого «поворота в сторону эпохи „Народной Воли“». Необходимость «тайной и строго конспиративной организации ядра партии» сознавалась русскими революционерами уже в то время, когда никто еще не думал о «принципах „Народной Воли“». Чтобы не заходить слишком далеко, укажем на «тайную», «строго конспиративную» и централистическую организацию «Земля и Воля» семидесятых годов. Что же касается русских соц.-демократов, то надо сказать правду, многие из них до сих пор не вполне сознали, до какой степени полезна подобная организация. В этом состоит

* О ней см., напр., в брошюре Г. Плеханова. «О задачах социалистов в борьбе с голодом в России», Женева, 1892.

имущество или насильственно противодействующем вооруженной силе), повышается наказание за стачки и пр., с другой стороны — теряется и физическая и политическая возможность применять эти законы и налагать законосообразные наказания. Нет физической возможности тянуть к ответу за отказ от работы, за стачку, за «скопище» тысячи и десятки тысяч людей. Нет политической возможности устраивать в каждом таком случае судебное разбирательство, ибо как ни подстраивай состав суда, как ни кастрируй гласность, все же хоть тень суда останется и, конечно, — «суда» не над рабочими, а над правительством. И вот уголовные законы, изданные с прямой целью облегчить политическую борьбу правительства с пролетариатом (и в то же время прикрыть ее политический характер посредством «государственных» соображений об «общественном порядке» и т. п.), неумолимо оттесняются на задний план прямой политической борьбой, открытой уличной схваткой. «Правосудие» сбрасывает с себя маску беспристрастия и возвышенности и обращается в бегство, предоставляя поле действия полиции, жандармам и казакам, которых угощают камнями.

Вспомните, в самом деле, эту ссылку правительства на «требования» рабочих. С точки зрения закона, прекращение работы есть проступок независимо от того, какие были требования рабочих. Но правительство именно потеряло уже возможность становиться на почву того самого закона, который оно так недавно издало, и расправу «своими средствиями» оно старается оправдать, заявляя, что требования рабочих были неосновательны. А кто был судьей в этом вопросе? Подполковник Иванов, помощник начальника завода, т. е. то самое начальство, на которое рабочие и жаловались! Неудивительно, что на такие обяснения власть имущих рабочие отвечают камнями!

И вот, когда рабочие вышли все на улицу, остановив движение конки, началась уже настоящая баталия. Рабочие бились, видимо, изо всех сил, ибо им удалось дважды отбить нападение полиции, жандармов, конной стражи и вооруженной команды завода* — и это, несмотря на то, что единственным оружием рабочих были камни. Правда, «несколько выстрелов» раздалось и из толпы, — если верить полицейскому сообщению, — но ранен этими выстрелами никто не был. Зато камни летели «градом», при чем рабочие проявляли не только упорство сопротивления, но и находчивость, уменье сразу приспособиться к условиям и выбрать лучшую форму борьбы. Они заняли соседние дворы и осыпали царских башибузуков камнями из-за заборов, так что даже после трех залпов, которыми был убит один (будто бы только один?) рабочий и ранено восемь (?) (один умер на другой день), даже после этого, несмотря на бегство толпы, сражение еще продолжалось, и вытребованные роты Омского пехотного полка должны были «очищать от рабочих» соседние дворы [2].

Правительство победило. Но каждая такая победа будет неуклонно приближать его окончательное поражение. Каждая битва с народом будет увеличивать

* Кстати. Правительственное сообщение заявляет, что «вооруженная команда завода» «находилась уже наготове во дворе завода», тогда как жандармы, конная стража и городовые были вызваны лишь впоследствии. С какого же времени и почему держали наготове во дворе завода вооруженную команду? Не с первого ли мая? Не ожидали ли рабочей демонстрации? Этого мы не знаем, но несомненно, что правительство умышленно скрывает имеющиеся у него фактические данные о том, чем вызывалось и как росло недовольство и возбуждение рабочих.

слабая сторона русской социал-демократии, мешающая ей играть ту влиятельную роль в общественной жизни, которая принадлежит ей по праву. Горький опыт каждый день и каждый час указывает нам на необходимость полного и решительного устранения этой коренной причины нашей относительной слабости. И мы, конечно, сумеем разделаться с нею. Но когда мы разделаемся с нею, то очень ошибутся те, которые вообразят, что мы поворачиваем «в сторону принципов эпохи „Народной Воли“»: тайная, строго конспиративная и централистическая организации необходима для всякой революционной партии, энергично борющейся при современных русских условиях; она не может быть названа отличительной особенностью какой-нибудь из этих партий.

Пойдем дальше. «Манифест» говорит:

> «Мы убеждены, что без сочувствия и поддержки (со стороны) крестьянства класс фабрично-заводских и вообще промышленных рабочих не в состоянии сломить силу русского правительства и добиться хотя бы одной только политической свободы, не говоря уже об экономическом преобразовании общества*. И мы должны признать, что революционная деятельность среди крестьянства вполне возможна в настоящее время, так как внутри этого сословия уже образовались многочисленные группы, в такой же степени заинтересованные в уничтожении существующего экономического и политического строя, как и промышленный пролетариат».

* Мы думаем, что даже в промышленных центрах социалистическое движение может и должно охватить не одних только «промышленных рабочих», но вообще весь пролетариат, все трудящееся и эксплоатируемое население этих центров. Поэтому мы считаем, что неправильно выражаются те, которые говорят об одних промышленных рабочих: они придают этим сравнительно узкое выражение очень широкой мысли.

В эпоху «господства принципов „Народной Воли“» революционеры рассуждали совершенно иначе.

> «Привлечение в организацию отдельных лиц из крестьянства, способных к ней примкнуть, конечно, всегда признавалось желательным, — говорит записка о «подготовительной работе (народовольческой) партии»... — Но что касается организации в настоящее время в массе крестьянства, то она признавалась в эпоху составления программы (партии «Народной Воли») совершенной фантазией, и, если мы не ошибаемся, дальнейшая практика не могла изменить в этом отношении мнений наших социалистов».

Неужели авторы «Манифеста» не видят, что и здесь они «поворачивают» от народовольческих принципов, а не «в сторону» их?

Но соц.-революционеры не «поворачивают» также и «в сторону» народников семидесятых годов. Они очень далеки от мысли о сосредоточии всех революционных сил в деревне.

> «Как ни важна и необходима революционная деятельность в деревне, — говорят они, — мы в настоя-

число возмущенных и готовых к бою рабочих, будет выдвигать более опытных, лучше вооруженных, смелее действующих вожаков. По какому плану должны стараться действовать вожаки,—об этом нам уже приходилось высказываться. На безусловную необходимость крепкой революционной организации мы уже не раз указывали. Но по поводу таких событий, как 7 мая, надо также не упускать из виду следующее.

В последнее время много говорили о том, что уличная борьба против современного войска невозможна и безнадежна; особенно настаивали на этом те «критические» умники, которые выдавали старый хлам буржуазной учености за новые выводы беспристрастной науки, извращая при этом слова Энгельса, говорившего, и притом с оговорками, только о временной тактике немецких социал-демократов. Мы видим даже на примере отдельной схватки, что все эти толки совершенно вздорны. Уличная борьба возможна, безнадежно не положение борцов, а положение правительства, если ему придется иметь дело с населением не одного только завода. Рабочие при схватке 7 мая не имели ничего, кромей камней, — и уж, конечно, не запрещение же градоначальника помешает им в следующий раз запастись другим оружием. Рабочие были неподготовлены, и их было только $3^1/_2$ тысячи, и тем не менее они отбивали несколько сотен конной стражи, жандармерии, городовых и пехоты. Вспомните, легко ли удался полиции штурм одного дома ном. 63 по Шлиссельбургскому тракту! Подумайте, легко ли будет «очистить от рабочих» не два-три двора и дома, а целые рабочие кварталы Петербурга! Не придется ли также, когда дело дойдет до решительной борьбы, «очищать» столичные дома и дворы не только от рабочих, но и от всех тех, кто не забыл гнусной бойни 4 марта, кто не примирился с полицейским правительством, а только запуган им и не верит еще в свои силы?

Товарищи! Постарайтесь собрать имена всех убитых и раненых 7 мая. Пусть все рабочие столицы чтят память их и готовятся к новой решительной борьбе с полицейским правительством за народную свободу!

[Л. Мартов]

ИЗ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Ярославль. XX век внес какую-то живительную струю в серую и спокойную жизнь города Ярославля. Обыватель заволновался непривычным для него страхом перед совершающимися событиями, ожили местные разночинцы, а полиция, дотоле мирно почивавшая на казенных квартирах, вдруг проснулась и стала спешно затыкать щели, образовавшиеся в прочном здании обывательской приниженности.

В начале января 1901 г. произошло жаркое сражение между губернатором и разночинцами, окончившееся для последних победой с потереей двух людей «убитыми». Поводом к об'явлению войны со стороны губернатора послужило следующее обстоятельство. Местный губернатор Штюрмер, бывший председатель тверской управы по назначению, сыпавший в то время направо и налево либеральные мысли и слова, не освободился еще и теперь от своей симпатии к просвещению, но он любит быть первым во всех просветительных начинаниях, чтобы ничего в этой области не делалось помимо его воли, и раз кто-нибудь становится ему на пути, он мстит и мстит самым низким способом. Дело об учреждении в Ярославле общества учащих и учивших покажет читателю те способы, к которым не стыдится прибегать г. Штюрмер. Как и везде, он и в этом случае не преминул выразить свои симпатии новому обществу и пожелал провести в члены

щее время, по чисто тактическим соображениям, будем стремиться концентрировать свои наличные силы в городах, — главным образом, в виду большей культурности городского рабочего населения сравнительно с сельским и большей продуктивности работы в этой среде».

Это очень похоже на выработанный гр. «Освобожд. Труда» проект программы русских социал-демократов, где выставляется ряд требований долженствующих проложить «широкий путь для сближения рабочей партии с земледельческим населением», но где указывается в то же время, что работа революционеров «должна быть прежде всего направлена на более развитой слой трудящегося населения, каким и являются промышленные рабочие».

Вообще взгляд соц.-революционеров на революционную деятельность почти до мелочей совпадает со взглядом группы «Освобождение Труда». Так, напр., «Манифест» говорит:

«Что же касается самого контингента лиц, которые могли бы вести пропаганду и агитацию в деревне, то таковыми мы считаем, с одной стороны, известную часть интеллигенции, по условиям своей частной жизни вынужденную постоянно жить в деревне, а также тех промышленных рабочих, которые переходят из городов на фабрики и заводы, расположенные в сельских местностях, или же, живя постоянно в городе и сохраняя в то же время связь с деревней, более или менее часто посещают последнюю».

Проект программы, предложенный гр. «Осв. Труда», высказывает надежду, что

«выброшенный из деревни в качестве обнищавшего члена общины, пролетарий при подходящих обстоятельствах вернется в нее социал-демократическим агитатором».

А о лицах, по условиям своей частной жизни вынужденных постоянно жить в деревне, проект говорит:

«Само собою разумеется, что даже в настоящее время люди, находящиеся в непосредственном соприкосновении с крестьянством, могли бы своей деятельностью в его среде оказать важную услугу социалистическому движению в России. Социал-демократы не только не оттолкнут от себя таких людей, но приложат все старание, чтобы согласиться с ними в основных принципах и приемах своей деятельности».

Соц.-революционеры говорят в своем «Манифесте», что хотя буржуазия и враждебна им по самой сущности своих интересов, но нельзя, однако, отрицать того факта, что вопрос о политической свободе составляет ту общую почву, на которой социалистическая партия сходится с передовой частью «третьего сословия». Это так же верно, как почти все, что говорят они. Но и здесь они высказываются не как народовольцы, а как социал-демократы.

Чтобы убедиться в этом, пусть они прочтут посвященные тактическим вопросам брошюры П. Аксельрода

правления своих кандидатов, но местная публика (разночинцы тож) сплотилась и провела своих кандидатов. Конечно, губернатору была не по вкусу такая вольность разночинцев, и он начинает мстить. Через несколько дней после выборов двум служащим в земстве, статистику Садикову и секретарю школьной комиссии Минаеву, было предложено оставить службу без об'яснения причин. При об'яснении с председателем управы (он служит по назначению и представляет из себя типичного труса-чиновника, готового на всякую подлость в угоду властям) выяснилось, что причиной такой немилости является тот факт, что эти лица были выбраны в члены названного общества и что будто бы они допускали на выборах незаконную агитацию. Минаева уволили немедленно, как человека, против которого губернатор уже давно точил зубы. Садикову же было предложено выбирать одно из двух: либо отказаться от должности члена правления и остаться на службе, или же убираться из бюро. Губернатор, видимо, сознавал незаконность своего поступка и потому официально не выставил никаких мотивов для увольнения: он «повлиял» на председателя, а председатель «рад стараться». И вот получается любопытное письмо от председателя управы, б е з п о д п и с и, где Садикову предлагается отказаться от должности члена правления, и тогда-де его можно оставить в бюро. Садиков отказался, и его уволили. Характерно, что и теперь, когда Садиков уже больше не служит, ему все еще предлагается войти в позорную сделку. После этой истории председатель управы, всегда готовый к услугам губернатора, в своем желании услужить перешел всякие границы. В одном доме он серьезно говорил, что думает вывесить в управе об'явление, чтобы служащие управы не принимали никакого участия в разных обществах и комиссиях, и только когда ему указали, что этим он ставит все разрешенные общества в положение незаконных, тогда он отказался от своего «благородного» намерения.

* * *

У ч и т е л я и п о п ы в р о л и ж а н д а р м о в. На стороне полиции, о подвигах которой мы уже писали, оказались наши педагоги, во главе с директором гимназии, взяточником Высоцким. Вскоре после арестов 12 января он призывает одного ученика, у родителей которого жил один из арестованных, и учиняет форменный допрос: кто бывал у арестованного, как фамилии их и т. д. Растерявшийся ученик рассказал все, что знал. Конечно, обо всем этом директором немедленно было доложено кому следует. Были и еще подобные случаи.

Не лучше и инспектор мужской гимназии Красовский. Вот какую речь произнес он по поводу смерти купца Носкова, отца арестованного гимназиста Носкова. «Сегодня скончался именитый гражданин гор. Ярославля А. В. Носков. Виновниками его смерти являются его сынки, которые своим преступным поведением преждевременно свели его в могилу». Закончил инспектор свою речь евангельским изречением: «Дети, любите своих родителей!»

Другие учителя помогают полиции, воспитывая своих учениц по домострою. Учитель женской гимназии Первухин, преподающий там словесность, произнес напутственную речь в 7 классе. «В своем преподавании я всегда старался выдвинуть на первый план женский вопрос (который он излагал по домострою), знакомить вас с идеалом женщины, который рельефно обрисован в сочинениях Победоносцева».

Не дремлют у нас и попы, эти первые и самые верные слуги царско-полицейской политики. Вот несколько фактов.

На панихиде по Боголепове священник старался доказать ученицам женской гимназии, что убийство это — дело личной мести, так как Карпович дважды был уволен из университета. Перед общественным долгом личные счеты должны смолкнуть, — окончил свою речь служитель бога, не стесняющийся бесстыдно клеветать на юношу-героя.

На репитиции закона божьего в женской гимназии священник спрашивал ученицу: «Кто у нас еретик?». Ученица молчит. Священник ругается: «На экзамене должны сказать — Лев Толстой».

На страстной неделе священник ярославской мужской гимназии исповедывал ученика 4—5 класса. В числе вопросов, предложенных гимназисту, был и такой: «Не читал ли ты нелегальных книг?» — «Читал!» — «От кого получал?» — «От такого-то». — «Не давал ли кому-ни-

---

и сопоставят защищаемый в них взгляд на борьбу за политическую свободу со взглядом, высказанным в статье «Чего нам ждать от революции?», напечатанной во второй книжке «Вестника Народной Воли».

Правда, в «Манифесте» соц.-революционеров есть мысли, вернее — о д н а м ы с л ь, способная вызвать резкие возражения со стороны русских социал-демократов: мы имеем в виду замечание о том, что современная нам с е л ь с к а я о б щ и н а может облегчить работу революционеров в деревне,

> «т. к. всякие союзы и организации, на какой бы почве они ни возникали, создают известную общность интересов тех групп населения, которые входят в их состав, и следовательно, представляют благоприятные условия для воздействия на эти группы».

Это, во-первых, очень не ясно; а во-вторых, это п р о т и в о р е ч и т всему тому, что говорит «М а н и ф е с т» о положении современной русской деревни. В самом деле, авторы «Манифеста» сами указывают на то, что крестьянство распалось теперь на три группы: 1) сельский пролетариат, 2) мелкую сельскую буржуазию, «систематически эксплоатирующую в своем хозяйстве наемный труд», и 3) малоземельное крестьянство. Мы вполне согласны с тем, что «политические и правовые интересы» этого последнего слоя «вполне совпадают (как это говорит «Манифест» и как это говорила гр. «О. Т.») с политическими и правовыми интересами пролетариата», но мы не можем понять, какую «о б щ н о с т ь интересов» создает община между сельской буржуазией, эксплоатирующей сельский пролетариат, и пролетариатом, составляющим об'ект ее эксплоатации. В этом пункте соц.-революционеры мыслят еще очень неясно; тут они еще не свели концов с концами; но и тут нельзя говорить, что они «поворачивают» к принципам Народной Воли. Нет, вернее будет сказать, что в этом месте заметно влияние на них н а р о д н и ч е с т в а, не замечавшего расслоения деревенской массы.

Но за исключением одного этого места, весь остальной «Манифест» представляет собою изложение принципов русской социал-демократии, и мы не понимаем, как могли его авторы не догадаться об этом или найти нужным скрывать это. Может быть, их ввели в заблуждение т е с о ц и а л - д е м к р а т и ч е с к и е н е д о р о с л и, которые отрицали политическую борьбу и видели ненавистное им народовольство во всяком нападении на самодержавие? Но, чтобы судить о русской социал-демократии, надо иметь в виду взрослых и серьезных ее представителей. А эти последние д а в н о у ж е рекомендуют русским социалистам ту самую программу действий, к какой «поворачивают» т е п е р ь авторы «Манифеста». Соц.-революционеры представляют собою плоть от плоти и кость от костей русских социал-демократов. Вот почему им надо соединиться с ними, а не «поворачивать» от них в сторону во всех отношениях почтенной, но уже без-

будь?» — «Давал». — «Читать самому грех еще не большой, а вот другим-то давать не годится», — закончил свою исповедь батюшка. На следующий день он доложил обо всем директору; последний вызвал всех на допрос. Финал неизвестен.

Учительница Сиротского дома исповедывалась в сиротской домовой церкви у законоучителя женской гимназии. Как она смотрит на религию и читала ли Толстого, спросил ее священник. — «Читала, и по-моему он верно смотрит на религию», отвечала она. На следующий день учительница явилась вместе со своим классом к причастию. Поп, увидя ее, подозвал к себе и сказал: «Я еще не кончил вчерашнего разговора; после беседы я вас причащу». Учительница ушла и заперлась в своей комнате. По окончании причастия священник велел позвать ее, но она отказалась выйти. Тогда он сам направился к ней со св. дарами, но она и ему не открыла дверей. Начальница сделала строгий выговор учительнице за ее убеждения (священник ей все рассказал). Учительница же послала жалобу к архиерею на попа за разглашение им исповедной тайны. Что было там, неизвестно, только через две недели получился приказ от архиерея причастить ее. А губернатор, который раньше хотел ее уволить, прислал начальнице бумагу, что ее можно оставить и что история эта пусть останется между ними.

И к этим педагогам-сыщикам, педагогам-доносчикам обращается теперь правительство с лицемерными фразами о «сердечном попечении»! В атмосфере полицейского всевластия «сердечное попечение» может быть только полицейским чтением в сердцах.

Крамола во Владимире-на-Клязьме. Эти два понятия как-то плохо вяжутся между собой. Как, в этом захолустном чиновничьем городе, в этом мертвом царстве мещанского застоя и обывательской забитости... и вдруг «крамола». А между тем «крамола» была, ее отыскали не так давно и искоренили верные слуги престола царева, опричники. Крамольники — местные земские статистики, а крамола их заключается в посылке демонстративной телеграммы петербургскому статистику Анненскому. Давно уже косились на статистиков губернатор и другие власть имущие. Нюх у них, что ли, такой! Но давно уже эти туземные «звездочеты» поставили земскую статистику под знак неблагонадежности. Земской статистики у нас вообще не любят. Не любит ее правительство, как не любит оно всего, что есть на Руси честного, независимого; не с руки оно и капиталистам — всем этим Саввам и Викулам Морозовым, потому что она вскрывает и выводит на свет божий все их плутни и обирание рабочего люда, — не любят еще и потому, что статистика связана с оценкой фабрик и заводов, а эта оценка — больное место наших Кит Китычей. Не даром во время последней сессии они все силы прилагали, чтобы избавиться от земской оценки. Удары один за другим сыпались на статистику в форме постоянных неутверждений губернатором статистиков, в выжимании неприятных его превосходительству лиц и проч. и проч. Все это были лишь мелкие стычки, мелкие уколы перед решительными действиями. Местная администрация ждала только случая — и случай пришел: как ни убог наш город, а и к нам долетели вести из Питера о знаменитой мартовской бойне в Петербурге, долетела весть о том, что в числе пострадавших оказался один из старейших земских статистиков — Анненский. Тотчас же была составлена и послана телеграмма с выражением ему сочувствия не только как известному статистику, но и борцу за свободу. Подписались 16 статистиков. Копия была доставлена начальником телеграфного отдела губернатору. Демонстративное содержание и тон телеграммы ясны и очевидны, и не требуется дальнейших доказательств, что крамола свила себе прочное гнездо во вверенной губернии... Так или приблизительно так должен был подумать губернатор. Решено принять быстрые и решительные меры для искоренения очага заразы. Решено действовать быстро, без послаблений, согласно последней инструкции шефа всероссийской опричины, Сипягина. «В тюрьму их, я покажу им телеграммы!»—взревел помпадур. Кто-то из свиты его осмелился робко заявить, что, во-первых, надо справиться, есть ли в тюрьме свободные места, а, во-вторых, это произведет слишком сильную сенсацию в городе. Кончилось тем, что губернатор потребовал от управы немедленного увольнения «крамольников». Сказано, сделано. Управа покорно преклонилась перед губернаторской волей и уволила всех статистиков— всего 16 чел. Быстрота и натиск, достойные Александра Македонского, но только зачем же стулья ломать? По странной иронии судьбы, — всякий раз, когда правительство и его прихвостни пытаются сплеча разрубить гордиев узел, они не только не разрубают узла, но еще больше запутывают его. Так и в данном случае. Губернаторский «локаут» превратился в стачку. Увольнение 16 статистиков привело к фактическому закрытию бюро... счетчики остались без руководителей и не могут работать. Паша сгоряча не сообразил этого. Он, видимо, не думал, что увольнение 16 статистиков повлечет за собою закрытие всей статистики; счетчики, с уходом статистиков, тоже разбрелись, некому работать, бюро стоит. А ведь остановлена оценка земли по всей губернии, на эту работу ушло много денег из земского сундука. Положение земской управы не из завидных; все попытки пригласить иногородних статистиков терпели полное фиаско и повсюду следуют категорические отказы служить в земстве, которое не умеет отстаивать интересы своих служащих. По всей статистике раздался клич: товарищи, не идите во Владимирское земство! Клич делает свое дело. Управу это не на шутку тревожит: работы лежат неоконченными, материалы гниют в архиве, а в перспективе земское собрание, которое того и гляди потребует отчета о состоянии оценочных работ, о причине увольнения статистиков. Неудобство такого положения понял и паша. Закопошилась жандармерия с полковником Злобиным во главе и выступила в роли... посредника между уволенными и губернатором. Жандарм явился на квартиры к некоторым статистикам и предлагал им снова подать прошение о поступлении на службу в бюро. Миссия эта потерпела полное фиаско. Статистики категорически отказались от этой новой милости. Потерпев неудачу в попытке склонить

возвратно отжившей революционной старины. Или они боятся, соединившись с нами, «изменить знамени»? Но наше знамя есть красное знамя революционного пролетариата всех цивилизованных стран, и стать под него не значит изменить славной памяти погибших русских революционеров. Совершенно наоборот, тот, кто сражается теперь в России под этим знаменем, продолжает то, что было существенного в работе этих героических борцов, отказываясь только от их ошибок, вызванных условиями места и времени. Неужели соц.-революционеры думают, что они нравственно обязаны называться как Перовская и Желябов в такое время, когда Перовская и Желябов, наверное, назвались бы иначе *?

[Г. Плеханов]

---

* Говорим: называться, потому что думают соц.-революционеры по-нынешнему, т. е. как социал-демократы. А с другой стороны, даже и назвать себя народовольцами социалисты-революционеры не решаются, но в таком случае их речь о «повороте» в сторону народовольства утрачивает последнюю тень смысла.

«забастовщиков» к примирению, жандармерия поняла, что она уклонилась от исполнения своего истинного и настоящего дела и попыталась создать «дело» о телеграмме. Начались допросы и вызовы в жандармское управление. Кроткими увещаниями и грубыми запугиваниями пытались они выудить зачинщиков и инициаторов телеграммы. На помощь полиции и жандармерии в ее «плодотворной деятельности» явился — как это всегда бывает в провинции — обыватель-доброволец. «Столп» туземного либерализма, Георгий Александрович Смирнов — член управы. Этот господин, по предложению губернатора, отбирал у уволенных их автографы для сличения их с рукой телеграммы, но и в этом все стремления жандармерии потерпели крушение, и отыскать инициаторов не удалось. Какая же из всего этого мораль? Для кого, читатель? Для земства — это вразумительный урок необходимости самой настойчивой и упорной борьбы с административным вмешательством, хотя бы уже по одному тому, что такое вмешательство очень и очень отзывается на карманах земских плательщиков. Для правительства — это лишняя иллюстрация его бессилия даже тогда, когда оно побеждает. А статистикам лишний раз приходится убедиться, что вне революционной борьбы в рядах борющегося за свободу рабочего люда нет и не может быть успешной борьбы. Идите же, товарищи, в эти ряды от «демонстративных телеграмм» к более активным действиям. Ваши же собственные интересы — интересы свободы — властно требуют этого. Идите же. Вы не будете раскаиваться.

Нижний-Новгород. Приводим дополнительные сведения о тех событиях в Н.-Н., которые изложены вкратце в последнем номере «Искры».

7 апреля в Н.-Новгороде в помещении всесословного клуба в 12 час. дня состоялось совещание учащейся молодежи с представителями местного общества. Присутствовали лица, занимающие видные должности на государственной и общественной службе, литераторы, представители адвокатуры, врачи, педагоги. Предметом совещания была уличная демонстрация, назначенная на 8 апреля. Вступительною речью председателя вопрос был поставлен так: участники протеста против официально признанного теперь ненормальным положения остаются уволенными, высланными, отданными в солдаты; как может местное студенчество и сочувствующая ему часть общества реагировать на этот факт? В начале заседания ораторы из студентов настаивали на устройстве демонстрации, но было предложено и другое средство: подача петиции. Представители общества, признавая подачу петиции уместной и необходимой, высказывались против уличной демонстрации. Указывая на высказанную представителями общества готовность активно выступить в защиту студенчества, многие из студентов стали высказываться за отказ от демонстрации 8 апреля.

Вопрос о петиции был поставлен так: возможна ли петиция и согласны ли присутствующие содействовать успеху ее? Единогласно вопрос был решен в положительном смысле. После этого баллотировка вопроса о демонстрации дала следующие результаты: представители общества: за демонстрацию—19 гол., против—53 гол.; учащиеся: за демонстрацию—30 гол., против—50 гол.

Единогласно была принята следующая формулировка постановления студентов: «Ожидая от нижегородского общества обещанных нам сегодня активных шагов для достижения главной цели, за которую борятся в настоящее время студенты, т. е. полной амнистии всех пострадавших в студенческом движении, мы отказываемся от решения устроить демонстрацию 8 апреля».

После взаимного выражения благодарности, закрывая собрание, председатель высказал пожелание: «Чтобы это первое в России свободное собрание отцов и детей было не последним!.. »

Заседание было закрыто в 2 ч. 45 м.

Приводим текст петиции.

ПЕТИЦИЯ МИНИСТРУ НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ.

Ваше высокопревосходительство!

Знаменательные слова высочайшего рескрипта, коим вы призваны на трудный пост министра народного просвещения, разнесшие по России радостную весть о предположенном коренном пересмотре и исправлении учебного строя, громко призывают русское общество в лице родителей и семей помочь успеху давно и горячо желанной обществом реформы. Слова эти, успокаивая сердца и умы, измученные и смятенные трагическими событиями в жизни учащейся молодежи, в то же время устанавливают грустный факт ненормальности строя академической жизни в стране, и, таким образом, просто и верно об'ясняют причину тех массовых волнений, которые с роковой последовательностью все чаще и чаще возникают в среде нашего юношества. Вполне об'яснимые несовершенством нашего учебного строя, волнения эти властно охватывают учащуюся молодежь и заставляют ее тратить энергию, столь дорогую и так необходимую отечеству, на противодействие тем условиям, которые возбуждают всеобщее недовольство и препятствуют им прилежно учиться и работать для блага родины. Во главе студенческих движений становятся наиболее даровитые и энергичные из наших детей, именно те, из которых, — при условии устранения ненормальностей учебного строя, — выработались бы богатые знаниями и сильные духом деятели, выражаясь словами высочайшего «рескрипта», «твердая и верная надежда отечества и стойкая опора его в будущем».

Это именно та молодежь, которая всегда так геройски просто, с таким самозабвением идет на борьбу с голодом, эпидемиями, невежеством и неправдой; это те пионеры культуры, которые, окончив курс наук, уходят в глухие углы нашей земли, долгие годы одиноко работают там, внося в глухую и невежественную жизнь сел и деревень свет знания и безропотно умирают на своих постах; это наши доктора, судьи, учителя, земские деятели, чиновники, адвокаты, люди, от которых наша страна в праве ждать плодотворной деятельности на почве культуры и которые вполне способны оправдать надежды, возлагаемые на них обществом и государством. Участие в волнениях повлекло для множества подобных людей более или менее тяжелые кары, иногда на всю жизнь прекращающие для них доступ к образованию; таким образом, общество и государство навсегда лишаются услуг этих в высокой степени полезных деятелей. За последние годы Россия лишилась множества молодых сил, частью отданных в солдаты на основании «временных правил», частью исключенных из высших учебных заведений без права поступления навсегда, или на определенные сроки, частью подвергнутых административным взысканиям и лишенных стипендий, пособий к продолжению образования. Эти печальные факты не могут не отразиться в русской жизни оскудением в ней честных, искренне преданных делу жизни образованных работников.

Страна наша не настолько богата людьми, чтобы можно было без ущерба для интересов ее жертвовать сотнями молодежи ради охранения того строя, который ныне с высоты престола признан ненормальным и подлежащим коренному изменению.

Горячая любовь к родине, искреннее наше желание счастья ей, наше глубокое убеждение в ее великом будущем внушают нам смелость обратиться к вашему высокопревосходительству с почтительнейшим ходатайством повергнуть к стопам его величества государя императора горячую просьбу — даровать полную амнистию всем лицам, так или иначе причастным к печальным событиям, происходившим за последние годы в среде учащейся молодежи.

Этот факт величайшей государственной мудрости, как проявление забот его величества о благе родины и счастьи русского народа, положит конец одному из самых печальных явлений в русской жизни, умиротворит юные, увлекающиеся, но наиболее отзывчивые сердца, смягчит великую скорбь родителей о погибших детях и непременно будет вписан на лучших страницах русской исторической летописи.

Таковы полные данные о проявлении протеста в нижегородском обществе. Не можем не добавить, с своей стороны, что председатель был совершенно не прав, назвав в заключительной речи это собрание «свободным». Во-первых, как мы уже указали в № 4 «Искры», сметливая администрация разрешила сходку именно ради того, чтобы оттянуть (а, может быть, и провалить) решение устроить демонстрацию. Во-вторых, состав собрания был явно не свободен, а искусственен, ибо преобладали лица, занимающие, — употребляя характерное полицейское выражение, — «определенное общественное положение». С которых это пор «свободным» называется собрание, подстроенное администрацией для того, чтобы голоса крайние были подавлены голосами приглашенных умеренных? Русские либералы искони отличаются талантливой способностью принимать за чистую монету иезуитские фразы и мошеннические ухищрения русского правительства, но мы отнюдь не намерены поддерживать такие иллюзии. Россия дожила, слава богу, до такого времени, когда свободной может быть названа только открытая народная сходка, собранная не по разрешению и не по расчету полиции, доступная для всякого желающего. А на такой сходке раздался бы всегда и голос сознательных рабочих, не так доверчиво относящихся к правительству.

Полицейский набег на литературу. Правительственный застенок дошел до пароксизма давно невиданного бешенства: он рвет и мечет и творит расправу над мирными литераторами, над старыми профессорами и учеными, над известными либеральными земцами, и творит ее так, как будто бы имел перед собой страшных «потрясателей основ», заправских опасных людей. Он мелочно мстит тем людям, которые не остались безучастными зрителями приснопамятной мартовской бойни и в трудный общественный момент возвысил свой голос протеста.

В прошлом номере «Искры» мы уже указывали на повальные обыски 18 апреля, на полицейские набеги на редакции «Жизни» и «Мира Божьего». Сейчас нам приходится пополнить мартиролог литературы следующими данными: один из редакторов «Жизни», В. А. Поссе, редактор-издатель того же журнала, земский деятель М. С. Ермолаев и сотрудник «Жизни» прис. пов. А. А. Никонов, высылаются на три года под гласный надзор с воспрещением жительства в 25 губерниях и частях губерний. На таких же условиях высылаются на два года: секретарь Вольно-Экономического Общества Кулябко-Корецкий (у него даже не производилось обыска), известный тверской земец, прис. пов. Ф. И. Родичев (был в числе тверской депутации 1895 г. и вместе с Головачевым не был принят Николаем II), весьма популярный профессор анатомии, директор курсов и основатель биологического института в Петербурге П. Ф. Лесгафт, статистик Караваев, муж и жена Мурриновы (он — литератор, она — имела книжный склад в Москве, закрытый по распоряжению правительства), М. Гурович, и, наконец, Бальмонт, известный переводчик Шелли и один из главных представителей так называемой «декадентской поэзии». Той же каре еще раньше подверглись П. Струве и М. Туган-Барановский; профессора Милюков и Мякотин, а также М. Горький еще сидят.

Читая этот список, приходится воскликнуть: велика, должно быть, злобствующая растерянность русского правительства, если оно не останавливается перед такими мерами! Без суда, даже без обычной административно-судебной процедуры, ускоренным порядком, соблюдая лишь быстроту и натиск, оно вышвыривает людей из привычной им обстановки, не считаясь ни с чем и не внемля ничему. Пусть оно продолжает в том же духе: кто сеет ветер, пожнет непременно бурю!

Секретный документ. Обращаем внимание читателей на появившуюся у Дитца в Штуттгарте записку Витте, напечатанную «Зарей». Направленная против проекта бывшего мин. вн. дел Горемыкина о введении земств в неземских губерниях, «Записка» интересна как документ, бесстыдно разоблачающий сокровеннейшие вожделения наших правителей. Мы надеемся подробно поговорить в ближайшем номере нашей газеты об этом замечательном документе, равно как и о предисловии к нему г. Н. Р. С.[3]. Это предисловие, обнаруживая в его авторе понимание политического значения русского рабочего движения, во всех остальных отношениях отличается обычной, характерной для наших либералов незрелостью политической мысли.

Побег И. Пильсудского. Среди печальных известий о новых и новых насилиях жандармов, особенно радостное чувство вызывает такой необычайный факт удачи революционеров, каким является побег товарища Пильсудского из предварительного заключения в больнице Николая Чудотворца в СПБ.

Тов. Иосиф Пильсудский пробыл пять лет в Якутской обл., куда был административно сослан в связи с делом 1 марта 1887 г., в числе активных участников которого был его брат Бронислав, сосланный на каторгу на Сахалин. Вернувшись из ссылки, Иосиф Пильсудский примкнул к Польской Соц. Партии и перешел на нелегальное положение. В конце 1899 г. Пильсудский вместе с тремя другими лицами был арестован в Лодзи в тайной типографии «Работника», редактором которой он состоял. Несколько месяцев назад Пильсудский был переведен в петербургскую больницу Николая Чудотворца на испытание, как душевно-больной. В ту же больницу поступил вскоре Мазуркевич, «доктор» из Варшавы, который и «увез» мнимобольного из-под заключения. По сведениям иностранных газет, Пильсудский и «доктор» уже прибыли в Лондон.

Поздравляем Польскую Социалистическую Партию с удачным исходом этого мастерского удара царскому правительству, напоминающего самые блестящие страницы героического прошлого нашего революционного движения[4].

ХРОНИКА РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ
и
ПИСЬМА С ФАБРИК И ЗАВОДОВ

Ярославль. Стачка фармацевтов. Движение рабочих за улучшение своего положения с фабрик и заводов начинает переходить в более культурную среду. Я хочу поговорить о движении фармацевтов. Всем известны условия работы этих тружеников: 12 — 14 часов работы в день, не считая дежурств по ночам по очереди (правда, им дается один день в неделю свободный), плохая пища (едят и пьют тут же наскоро, во время работы), плохие жилищные условия, грубое обращение хозяев, низкая заработная плата (ученики 15 руб., помощники провизора 30 — 45 руб., что при требовании хорошо одеваться далеко не достаточно). Уже давно бродило недовольство среди фармацевтов, но последнему не придавалось никакого значения. 25 марта 1901 г. фармацевты аптеки Фишер (бывш. Шнейдер), будучи недовольны завтраком, обратились к хозяину с просьбой улучшить им пищу, жилище, переменить с ними грубое обращение (об уменьшении рабочего дня они не упоминали, опасаясь, что их заявление будет принято за стачку). В ответ на их просьбу Фишер через одного из фармацевтов строго заявил, что завтрак их считает хорошим и что, если они недовольны им, то могут уходить. Тогда 14 человек, каждый в отдельности, заявили Фишеру, что они отработают, согласно закону, две недели и потом уйдут. Хозяин принял заявление служащих и в продолжение 4 — 5 дней не разговаривал с ними. Затем фармацевты заявили Фишеру, что, так как они со службы от него ушли, то могут поступить к нему только на новых условиях (две смены по семи часов, столовые

деньги). Фишер, не желая уступать, стал искать служащих, но тщетно. В Москве, куда он ездил за фармацевтами, возникло аналогичное движение. Конечно, никто не согласился ехать к аптекарю-эксплоататору. Истекал двухнедельный срок. Фишер метался, не зная что делать. Настало воскресенье 8 апреля, последний день срока. Фармацевты заявили, что со следующего дня они не будут работать. Положение принципала было критическое. Г. Фишер (а также и его супруга) прибегал к разным средствам, чтобы фармацевты отказались от своих требований. Он угрожал им полицией, арестами, указывая на Москву, где за движение среди фармацевтов было арестовано 16 чел. и т. п. Наконец, он привлек на свою сторону «достойного собрата», врачебного инспектора Буховцева. Последний 9 апреля отправил в аптеку Фишера частного пристава от губернского правления с предписанием фармацевтам немедленно приступить к работе. Те, конечно, отказались, так как силою их никто не мог заставить работать в аптеке Фишера. Частный пристав составил протокол, почему фармацевты отказались работать. Причины ухода были выставлены следующие: скверная пища, тесное помещение и грубое обращение. Впоследствии протокол куда-то исчез. Фишеру ничего не оставалось, как уступить. Таким образом, фармацевты не только добились улучшения пищи и жилища, но даже сокращения рабочего дня наполовину: вместо 14 час., они будут работать лишь 7 час. в две смены (первая смена от 8 час. утра до 3 час., вторая — от 3 час. до 10 веч.). Привет вам, товарищи! В добрый час! Помните только о своей солидарности со всем трудящимся людом.

ПЕРВОЕ МАЯ В РОССИИ.

Петербург. Празднование маевки послужило здесь поводом к двум крупным столкновениям рабочих с вооруженной силой. Первого мая (по русскому стилю) забастовали рабочие Выборгской стороны (как говорят, на всех фабриках). 4 мая рабочие нескольких фабрик направились в город с целью устроить демонстрацию. У Сампсониевского моста им заградила дорогу конная и пешая полиция. Рабочие пустили в ход ножи и камни. Бой длился несколько часов. В результате, как нам пишут, до 70 раненых с обеих сторон, есть и убитые; несколько сот человек арестовано. Приводим письмо одной работницы, написанное под свежим впечатлением только что случившегося. Автор пишет знакомому интеллигенту, сообщая о смерти товарища В. Из письма видно, какое тяжелое впечатление произвело на рабочих отсутствие в критический момент социал-демократических организаций, разгромленных апрельскими погромами. Отсюда — необходимость для рабочих «самим решать», самим брать на себя ответственность за такой шаг, как попытка демонстрировать; отсюда и раздражение против «интеллигентов», которые, будучи или высланы (как товарищ, которому письмо адресовано) или арестованы (как товарищ А.), не могли притти на помощь рабочим в майские дни. Автор, конечно, чувствует, что соц.-демократические организации неповинны в том, что к надлежащему моменту они были разбиты, но думается нам, за несправедливыми упреками его письма встает справедливый вопрос: почему петербургские товарищи так долго откладывали рабочую демонстрацию и, вместо того, чтобы со всей энергией действовать в марте, оттянули дело до мая, дав возможность полиции собраться с силами и нанести петербургскому пролетариату предварительное поражение разгромом его организованного авангарда?

Вот это письмо:

«Не примите мое письмо за малодушие, я очень измучилась и не знаю, что делать... Вы, наверное, знаете, что у нас был бунт, и что В. нет больше. Я не видела его с 29-го, и он говорил мне тогда, что, вероятно, первого у них работать не будут. Я как услыхала, что на Выборгской битва, бросила работу, побежала туда, к мосту пройти нельзя было: женщин сами рабочие не пускали, я стала ждать В. на квартире, а он больше не приходил. Я уж справлялась в казарме о нем, ничего не говорят, в Охранке тоже... или убили его или ранили до смерти... Другие говорили, что видели, как он был впереди, это он крикнул: „Да здравствует революция!“ и как потом упал. Полиция не ушла, пока все не отступили, и кто не мог встать, подбирали сами.

«Вы не знаете, как мне обидно, и это одинаково всем нам, всем очень хотелось пройтись на Невский или в город, уж очень горько умирать, как собакам, в угле, чтобы никто не видал даже, это, верно, такая доля у рабочих, чтобы умирать не на людях: верно, и красной смерти для них жалко. А еще обидно то, что всю зиму к нам ходили и из-за нас спорили, а как раз теперь никого не оказалось. Вы уехали, А. нет, и никого нет вместо него. В. все говорил, что им самим нужно решать, и что это страшно, а умирать не страшно! И мне все думается, может, если кто из вас был, все было бы не так, вы бы по-другому решили, и В. жив бы был. И мне все думается, когда В. и другие умирали, вы приятно проводили время, а к А. жена пришла или еще что-нибудь. Я знаю, вы не виноваты, это просто кому не везет, только посудите сами, ведь, обидно...

«Вот что еще я хотела сказать вам: хоть и очень многих у нас взяли, может, их нет больше совсем, а все-таки мы твердо стоять будем. Вы не смотрите, что за работу взялись, теперь такое время, что на бросании работы никто стоять не будет: теперь всем нужно больше, всем на улицу хочется. Б. (уцелевший рабочий) говорил, что жаль, что знамени у них не было. Другой раз и знамя будет и пистолетов достанут: на камнях да ножах далеко не уедешь, как начнут штыками колоть.

«Я думаю, что лучше ничего бы не было, и мне за это стыдно: вот я и помянула про малодушие. Не сердитесь за мои жестокие слова, это мое горе говорит, а я хорошо понимаю, что это все к лучшему, и другим говорю, и многие у нас думают, что это уж к концу идет, только мне не верится: уж очень скоро. Б. говорит, что другой раз еще лучше все будет, и только бранится, что листков нет и что никто не приходит — он уж даже сам листок сочинил. Я думаю, вы не рассердитесь, что я все написала, ведь, вы сами сказали, чтоб писать, когда очень трудно станет, или когда не справлюсь, а уже труднее нынешнего не придумаешь».

* * *

На Обуховском (казенном) заводе 1 мая на работу не вышло 300 человек. Начальство завода стало увольнять этих «преступников» группами по 10 чел. К 7 мая уволенных набралось 70 чел. Рабочие просили начальство об обратном приеме уволенных и о некоторых улучшениях условий труда. Когда начальство ответило отказом, рабочие остановили машины и в количестве 3.600 чел. высыпали на Шлиссельбургский тракт. Дальнейшие подробности известны из полицейского сообщения. Полиция своим вызывающим поведением привела к форменной битве, в которой рабочие проявили поразительную стойкость и мужество. Как нам сообщают, убито 6 рабочих. Убитых и арестованных ночью отвезли в город на пароходе. После бойни начальник завода пригласил депутацию от рабочих для переговоров.

Харьков. 1 мая весь день было спокойно. Вечером в 9½ час. в университетском саду собралась кучка молодежи, человек 30 рабочих и столько же девиц и студентов. Пели «Дубинушку», «Волю» и т. д., затем кричали: «8-часовой рабочий день! Да здравствует 1 мая! Долой самодержавие!». Кто-то предложил выйти на Сумскую — пошли. Прошли всю Сумскую вниз до площади. Обе стороны по тротуарам были заняты массой любопытных, которые шествовали за передовой кучкой, тщательно избегая быть на одной стороне с ними. Прошли мимо театра, где, конечно, полиция обратила внимание. Сейчас было дано знать, и как только дошли до площади и постояли там с четверть часа, пропев еще раз «Дубинушку» и «Волю» и прокричав: «Долой царя, долой самодержавие», как появилась полиция. Полициймейстер задыхающимся го-

лосом бормотал: «Разойдитесь, господа, разойдитесь», размахивая при этом довольно деликатно рукой. Околоточные убеждали публику разойтись, говоря, что из всего этого не выйдет ничего хорошего. Публика вняла их мольбам и частью разбрелась, частью пошла назад. Полиция ее провожала, не давая ей останавливаться. Когда шли назад, университетский сад был закрыт. К 11 часам на Николаевской площади показались войска, а по Сумской проехали казаки.

Во время инцидента на площади один из приставов злорадно торжествующим тоном сказал: «Господа интеллигенция, да разойдитесь же, ведь, тут рабочих-то всего 20 человек».

В рабочих кварталах демонстрации не было.

Прокламация Киевского Комитета Партии сообщает о том, что 1 мая тысячи киевских рабочих бросили работу. Демонстрации Киевский Комитет не назначал. Тем не менее, 6 мая киевские рабочие пытались устроить противоправительственную демонстрацию, при чем подверглись полицейскому избиению. Протестуя против последнего, Киевский Комитет в то же время отзывается о демонстрантах, как о «рабочих, не принадлежащих к братской семье рабочих всего мира или не вполне сознавших свои интересы» и что «членов Рабочей Партии среди них почти не было». Не зная о том, кто были инициаторами демонстрации 6 мая, мы все же должны заметить, что при современном дроблении русских социал-демократических сил, более чем неуместно всех, не принадлежащих к комитетам нашей партии, ставить «вне братской семьи рабочих всего мира».

В дополнение к тому, что передано в правительственном сообщении о демонстрации в Тифлисе, сообщают, что, кроме толпы на базарной площади, другая, в тысячу человек, собралась на проспекте и пыталась соединиться с первой, но неудачно. «Красный значек», о котором говорится в правительственном сообщении о демонстрации на базарной площади, был красным знаменем с портретами Маркса, Энгельса и Либкнехта и с надписью: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Знамя красовалось около 15—20 минут.

Иваново-Вознесенск. 18 апреля были распространены: листки местного комитета с описанием праздника первого мая и требованием восьмичасового рабочего дня и политической свободы, общий листок Российской Социал-Демократической Партии, и, кроме того, другие майские брошюры. Публика (рабочие) принимает все это с большим интересом. Настроение возбужденное, масса спору, особенно по вопросу о самодержавии. Очень многие (чуть не большинство) согласны с прокламациями. Первого мая (русского) предполагали повторить, но не были доставлены обещанные общероссийские листки, а доставленные в большом количестве листки узко-экономического характера, приготовленные для нашего города за нашей подписью с требованием девятичасового рабочего дня и суда присяжных над стачечниками, мы принуждены были уничтожить, как не удовлетворяющие наш комитет своим содержанием. Газета «Искра» распространяется и нравится рабочим, почему наша касса решила четверть своих доходов отдавать на «Искру». Первого мая на одной (самой крупной) фабрике рабочие собирались было бросить работу и прогуляться, но сильно помешало этому присутствие в большом количестве вооруженных ружьями казаков.

От Социал-Демократической Партии в Польше и Литве нами получено следующее сообщение:

Варшава. В этом году перед первым мая здешняя администрация под влиянием русских волнений в марте была усерднее, чем всегда. Начиная с февраля, по нескольку раз в неделю происходили аресты и обыски. Чтобы больше запугать массы, еще в начале февраля исполняющий должность ген.-губернатора Подгородников распространяет об'явление во всем Царстве Польском, запрещая в нем уличные сходки и грозя участникам таковых трехмесячным тюремным заключением и денежным штрафом. Вскоре после этого появились прокламации Польского Комитета Социал-Демократической Партии в Польше и Литве, в которых рабочие призывались ответить на об'явление Подгородникова торжественной майской демонстрацией и заняться подготовкой к ней. В вышедшем в марте «Рабочем Курьере» партия опять напоминает о первом мая. В свою очередь хлопочет и полиция. По ее настоянию уже за четыре недели до первого мая фабрики и мануфактуры, принимая рабочих, брали с них слово не участвовать в демонстрации. С 20 апреля дворники призывались в участки, где им об'являлось: если кто из дворников поймает человека, расклеивающего прокламации, то ему будет выдано 5 руб. награды. Если же на каком-нибудь доме будут найдены прокламации, то дворник платит 10 руб. штрафу и высылается из Варшавы. Несмотря на это, 26-го и 27 апреля в Варшаве и во всех больших городах Польши и Литвы были расклеены № 4 (майский) «Рабочего Обозрения» (всего 2.500 экз. во всем крае), воззвания администрации партии (всего 12 тыс.) и, кроме того, изданные Варшавским Комитетом приглашения на демонстрацию на Маршалковскую улицу около Венского вокзала в воскресенье вечером в пять час., 28 апреля (10.000) и — по распоряжению профессионального союза булочников — майские воззвания к булочникам (600 экз.). В воскресенье с утра Варшава приняла вид лагеря. В старом месте демонстрации, на Уяздовских аллеях была масса казаков, но публики собралось немного. Около 12 час. по Маршалковской было заметно оживление. Около двух часов прошел полк пехоты с музыкой. Видно было, как по дворам прятались отряды казаков. Через каждые несколько домов стояла куча городовых и околоточных. Вдоль улицы раз'езжали конные патрули. Около пяти часов в Иерусалимских аллеях стали собираться рабочие. В начале шестого можно было насчитать до 15 тыс. Полиция не разгоняла и не позволяла двигаться вперед. На пытавшихся итти вперед бросились выехавшие из дворов казаки с нагайками. В начале восьмого между частью демонстрантов, двинувшихся к Саксонскому саду, и полицией началась свалка. В это время большинство собравшихся, в числе около 12.000, воспользовавшись моментом, прорвали цепь и пошли вдоль по Маршалковской к Саксонскому саду, развернувши и поднявши красное знамя. Шествие было два раза прерываемо. Все же большинство дошло до Королевской улицы, где к ним присоединилась новая толпа рабочих; и здесь было поднято красное знамя и раздался возглас: «Да здравствует конституция!». В ответ на это, с Маршалковской и Королевской улиц послышалось оглушительное «ура». После этого рабочие стали расходиться. Арестовано лишь несколько десятков человек.

Лодзь переживает в настоящее время страшный кризис особенно в хлопчатобумажной промышленности; тысячи рабочих ходят без работы, другие ждут расчет. Настроение повсюду угнетенное. В виду этого Лодзинский Комитет С.-Д. Партии Царства Польского и Литвы, после продолжительных колебаний, решил устроить демонстрацию самого мирного характера, скорее, как говорили рабочие, репетицию майской демонстрации следующего года. Полиция, однако, как всегда, была настороже. Полицмейстер Хржановский в течение месяца зазывал к себе дворников, делал им наставления, как они должны вести себя перед первым мая. В начале апреля появилось в городе несколько сотен казаков; их можно было встретить в большом количестве на каждой почти улице. Штат полиции был усилен. Несмотря на это, Лодзинскому Комитету удалось распространить уже 26 апреля майский номер «Рабочего Обозрения» и майские воззвания на польском и немецком языках. В день же 28-го (15-го) апреля в пять ча-

сов пополудни на главной улице — Петровской, — согласно уговору, сошлись слишком 30.000 рабочих. Полиция вела себя спокойно, но старалась вызвать скандал со стороны рабочих. Шпионы разыгрывали комедию, арестуя друг друга и полагая, что, таким образом, выведут рабочих из себя и побудят освобождать арестованных. Но собравшиеся рабочие мирно прогуливались по тротуарам и когда заметили, что приток рабочих уменьшился, а число полицейских и казаков прибывает и что процессии не удастся устроить без крупных жертв, стали расходиться, убежденные, что, если в этом году явилось 30.000, следующий год тем более удастся устроить демонстрацию, соответствующую размерам города.

Дополнение. Перед первым мая (по русскому календарю) дворникам были розданы нагайки и ремни, и казаки и полиция были наготове. Полиция всеми силами старалась провоцировать рабочих около первого мая, желая произвести избиение, которое могло бы повести за собою реакцию на несколько лет, как это было в 1892 г. Но это не удалось, так как рабочие решили сохранить силы на будущий год.

Ковно. До 1 мая (н. ст.) было распространено 1.200 прокламаций Польской Соц.-Дем. Партии на польском, литовском и немецком языках. 1 мая (н. ст.) близ здания мужской гимназии собралось около 600 польских и еврейских рабочих, которые и прогуливались по улице несколько часов. Когда послышались крики: «Да здравствует конституция!», неподготовленная полиция начала очень миролюбиво успокаивать публику и просила расходиться. Гулянье продолжалось еще около часу: затем рабочие разошлись по домам. 12 мая (н. ст.) на улице арестованы были: банковский чиновник Ревковский и две портнихи: Пиотровская и Бялопиотровская. При арестованных найдено много прокламаций.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Южным отделом организации «Искры» получено: от «Всадника» 79 р.; М. Ком. за лит. 18 р.; М-вы от молод. 32 р.; то же 69 р. 75 коп.; Пет. Ком. за лит. 85 р.; от знакомой 5 р.; Х—в от мол. 50 р.; М. З. 3 р.; провинции 7 р. 55 к.; С. и Х. 10 р.; от юноши 7 р. Итого: 366 р. 30 коп.

Получено от «друзей-читателей» 41 р. 42 к.; «из волжской столицы» 10 р.; от Л. 40 р.

370 руб. от петербургского представителя «Искры» получены редакцией.

Типография «Искры».

ПРИМЕЧАНИЯ.

Прим. 1. Эта статья свидетельствует (вопреки ходячему мнению), что «Искра» не спешила встретить представителей нового народничества враждебно и не высказывала заранее недоверия к их революционности. Наоборот, она сделала сначала прямую попытку найти точки соприкосновения с этими возможными ее попутчиками. Только приблизительно через год, внимательно приглядевшись к физиономии эс-эров, «Искра» начинает войну с ними (первым в поход выступает в № 20 «Искры», тот же Плеханов — в статье «Смерть Сипягина и наши агитационные задачи», но это выступление не имеет еще сногсшибательного характера: оно еще очень мягко и осторожно).

Прим. 2. На самом деле знаменитая Обуховская бойня имела более печальные последствия; убитых было 6 рабочих и 8 тяжело ранено. После военной расправы с рабочими началась судебная расправа: 37 человек были преданы суду, из них двое были приговорены к каторжным работам, 20 человек — к арестантским ротам и 7 — к тюремному заключению.

Прим. 3. Н. Р. С., автор предисловия к записке Витте, — П. Б. Струве, еще в предыдущем (4-м) номере «Искры» выступает с чисто искровской фразеологией: «Что будет с самодержавием, когда перед ним... встанет во весь рост революционная социал-демократия и раздастся „железная поступь“ собравшихся по ее зову русских рабочих батальонов? Тогда, гг. земцы, бросьте и вы „мягкие“ речи и скажите приличествующее случаю резкое, твердое слово»... Но времена быстро меняются, и уже в следующем (5-м) номере его ответственное предисловие к записке Витте квалифицируется как отличающееся «характерной для наших либералов незрелостью политической мысли».

Прим. 4. Этот когда-то «тов. Иосиф Пильсудский» — тот самый Пильсудский, который поддерживает сейчас всеми доступными для него средствами нужный для польской буржуазии «порядок» в стране и помогает палачам расправляться с польским пролетариатом.

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!"...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину

№ 6 ИЮЛЬ 1901 ГОДА № 6

ЦЕННОЕ ПРИЗНАНИЕ.

Рабочие волнения в последнее время снова заставили повсюду усиленно говорить о себе. Обеспокоились и правящие сферы, обеспокоились не на шутку: это можно видеть из того, что сочли необходимым «покарать» приостановкой на одну неделю даже такую архиблагонамеренную, всегда угодничающую перед начальством газету, как «Новое Время»[1], за его статью в ном. 9051 (от 11 мая) «По поводу рабочих беспорядков». Кара вызвана, конечно, не содержанием статьи, которая преисполнена самых добрых чувств по отношению к правительству, самой искренной заботливости о его интересах. Опасным признано всякое обсуждение этих «волнующих общество» событий, всякое упоминание об их распространении и их важности. Приводимый нами ниже тайный циркуляр (от 11 же мая) о том, чтобы печатать статьи о беспорядках на наших фабриках и заводах и об отношениях рабочих к хозяевам только с разрешения департамента полиции, доказывает лучше всяких рассуждений, насколько само правительство склонно считать рабочие волнения событием государственной важности. И статья «Нов. Вр.» представляет особый интерес именно потому, что в ней намечается целая государственная программа, которая, в сущности, целиком сводится к тому, чтобы потушить недовольство посредством нескольких мелких и частью лживых подачек, снабженных громкой вывеской попечительности, сердечности и т. п. и дающих повод усилить чиновничий надзор. Но это не новая программа воплощает в себе, можно сказать, «предельную» мудрость современных государственных людей и даже не в одной только России, а и на Западе: в обществе, основанном на частной собственности, на порабощении миллионов неимущих и трудящихся кучке богачей, правительство не может не быть вернейшим другом и союзником эксплоататоров, вернейшим стражем их владычества. А для того, чтобы быть надежным стражем, недостаточно в наше время пушек, штыков и нагаек: надо постараться внушить эксплоатируемым, что правительство стоит выше классов, что оно служит не интересам дворян и буржуазии, а интересам справедливости, что оно печется о защите слабых и бедных против богатых и сильных и т. п. Наполеон III во Франции, Бисмарк и Вильгельм II в Германии положили не мало труда на такое заигрывание с рабочими. Но в Европе, при существовании более или менее свободной печати и народного представительства, избирательной борьбы и сложившихся политических партий, все эти лицемерные проделки разоблачались слишком быстро. В Азии, в том числе и в России, так забиты и невежественны народные массы, так сильны предрассудки, поддерживающие веру в царя-батюшку, что подобные проделки пользуются большим успехом. И вот одним из весьма характерных признаков того, что и в Россию проникает европейский дух, служит неудача подобной политики в последние 10 — 20 лет. Пускали в ход эту политику много и много раз, и всегда оказывалось, что через несколько лет после издания какого-либо «попечительного» (будто бы попечительного) закона о рабочих, дело снова приходило в прежнее положение — увеличивалось число недовольных рабочих, росло брожение, усиливались волнения — опять с шумом и треском выдвигается «попечительная» политика, гремят пышные фразы о сердечном попечении к рабочим, издается какой-нибудь закон, в котором на алтын пользы рабочим и на целковый — пустых и лживых слов, — и через несколько лет повторяется старая история. Правительство вертится, как белка в колесе, оно из кожи лезет, чтобы заткнуть то здесь, то там недовольство рабочих какой-нибудь тряпичкой, а недовольство прорывается в другом месте и еще сильней.

В самом деле, припомните самые крупные вехи, знаменующие историю «рабочего законодательства» в России. В конце 70-х годов происходят очень крупные стачки в Петербурге[2], социалистами делается попытка воспользоваться случаем для усиления агитации. Александр III включает в свою так назыв. «народную» (а на самом деле дворянско-полицейскую) политику фабричное законодательство. В 1882 году учреждается фабричная инспекция, которая публиковала даже сначала свои отчеты. Правительству, конечно, отчеты не понравились, и оно прекратило печатанье их. Законы о фабричном надзоре оказались именно тряпичкой. Наступает 1884—1885 год. Кризис в промышленности вызывает громадное движение рабочих и ряд самых бурных стачек в Центральном районе (особенно замечательна Морозовская стачка). Снова выдвигают «попечительную» политику — на этот раз с особенной силой выдвигал ее Катков в «Моск. Вед.». Катков рвет и мечет по поводу того, что морозовских стачечников отдали под суд присяжных, он называет сто один вопрос, поставленный судом на разрешение присяжных, — «сто одним салютационным выстрелом в честь показавшегося на Руси рабочего вопроса», но он требует в то же время, чтобы «государство» заступилось за рабочих, запретило те безобразные штрафы, которые взорвали, наконец, морозовских ткачей. Выходит закон 1886 г., усиливающий во много раз фабричный надзор и запрещающий произвольные штрафы в пользу фабриканта. Проходит десять лет, и новый взрыв рабочих волнений. Стачки 1895 г.[3] и особенно громадная стачка 1896 г. наводят трепет на правительство (особенно потому, что с рабочими теперь уже систематически идут рука об руку социал-демократы), и оно с невиданной прежде быстротой издает «попечительный» закон (2 июня

1897 г.[4] о сокращении рабочего дня; в коммиссии, обсуждавшей этот закон, чиновники министерства внутренних дел, и директор департамента полиции в том числе, во весь голос кричат: необходимо, чтобы фабричные рабочие видели в правительстве постоянного защитника, справедливого и милосердного покровителя (см. брошюру: «Тайные документы, относящиеся к закону 2 июня 1897 г.»). А попечительный закон, между тем, под сурдинкой всячески урезывается и отменяется циркулярами того же правительства. Наступает новый промышленный кризис: рабочие в сотый раз убеждаются, что никакие «попечения» полицейского правительства не могут дать им серьезного облегчения и свободы самим заботиться о себе, новые волнения и уличные битвы, — новое беспокойство правительства — новые полицейские речи о «государственной попечительности», изрекаемые на этот раз в газете «Новое Время». И не надоест это вам, господа, воду в решете носить?

Нет, правительству никогда, конечно, не надоест повторять свои попытки запугать непримиримых рабочих и подманить к себе какой-либо подачкой тех, кто послабее, поглупее и потрусливее. Но и нам никогда не надоест разоблачать истинный смысл этих попыток, разоблачать тех «государственных» мужей, которые сегодня кричат о попечительности, после того как они вчера приказывали солдатам стрелять в рабочих, — которые вчера заявляли о своей справедливости и покровительстве рабочим, а сегодня хватают и хватают для полицейской расправы без суда лучших людей и из рабочих и из интеллигентов. И поэтому мы считаем нужным остановиться на «государственной программе» «Нового Времени» заранее, прежде чем появился какой-нибудь еще новый «попечительный» закон. Да и те признания, которые делает при этом такой «авторитетный» в области нашей внутренней политики орган, заслуживают внимания.

«Новое время» вынуждено признать, что «прискорбные явления в сфере рабочего вопроса» — не случайность. Конечно, виноваты тут и социалисты (газета избегает этого страшного слова, предпочитая более глухо говорить о «вредных лжеучениях», о «пропаганде противогосударственных и противообщественных идей»), но... но почему же это именно социалисты пользуются успехом в рабочей среде? «Новое Время», конечно, не упускает случая обругать рабочих: они так «неразвиты и невежественны», что охотнее слушают вредную для полицейского благополучия проповедь социалистов. Виноваты, значит, и социалисты и рабочие, — с этими виноватыми жандармы и ведут давным-давно отчаянную войну, наполняя тюрьмы и места ссылки. Не помогает. Очевидно, есть такие условия в положении фабрично-заводских рабочих, которые «вызывают и поддерживают недовольство своим настоящим положением» и таким образом «благоприятствуют успеху» социализма. «Тяжелый труд фабрично-заводского рабочего в крайне малоблагоприятной житейской обстановке дает ему не более того, чтобы кормиться, пока в силах работать, а при всякой случайности, когда он на более или менее продолжительное время остается без работы, он оказывается в том беспомощном положении, о котором, напр., на-днях сообщалось в газетах про рабочих на бакинских нефтяных промыслах». Таким образом сторонники правительства должны признать, что успех социализма об'ясняется действительно плохим положением рабочих. Но признается это очень неопределенно и уклончиво, с такими оговорками, которые ясно показывают, что ни самомалейшего намерения затронуть «священную собственность» капиталистов, гнетущую рабочих, не может и быть у подобного рода людей. «К сожалению, — пишет «Нов. Вр.», — мы слишком мало знаем фактическое положение вещей в сфере рабочего вопроса у нас в России». Да, к сожалению! И мало знаем «мы» именно потому, что позволяем полицейскому правительству держать в рабстве всю печать, затыкать рот всякому честному обличению наших безобразий. Зато вот «мы» стараемся направить ненависть рабочего человека не на азиатское правительство, а на «инородцев»: «Новое Время» кивает на «инородческие заводские администрации», называет их «грубыми и жадными». Такой выходкой можно поймать на удочку только самых неразвитых и темных рабочих, которые думают, что вся беда идет «от немца» или «от жида», которые не знают, что и немецкие и еврейские рабочие соединяются для борьбы со своими немецкими и еврейскими эксплоататорами. Да даже и не знающие этого рабочие видят из тысячи случаев, что всех «жаднее» и бесцеремоннее русские капиталисты, всех «грубее» русская полиция и русское правительство.

Интересно также сожаление «Нового Времени», что рабочий уж не так темен и не так покорен, как крестьянин. «Новое Время» плачет о том, что рабочий «отрывается от своих деревенских гнезд», что «в фабрично-заводских районах скапливаются сборные массы», что «сельчанин отрывается от села с его скромными (вот в чем суть-то), но самостоятельными общественно-экономическими интересами и отношениями». Как же не плакать в самом деле? «Сельчанин» привязан к своему гнезду и из боязни потерять это гнездо не решается пред'явить требование своему помещику, припугнуть его стачкой и т. п.; сельчанин не знает порядков в других местах, интересуется только своей деревушкой (сторонники правительства про это и говорят: «самостоятельные интересы» сельчанина; знает сверчок свой шесток, не сует носа в политику — что может быть приятнее для начальства?), — а в этой деревушке местная пиявка, помещик или кулак, знает всех наперечет, и все от отцов еще и дедов переняли холопскую науку подчинения, и некому пробудить в них сознание. А на фабрике народ «сборный», к гнезду не привязанный (все равно где работать), виды видавший, смелый, интересующийся всем на свете.

Несмотря на это горестное превращение скромного мужика в сознательного рабочего, наши полицейские мудрецы надеются еще провести рабочую массу посредством «государственной попечительности о благоустройстве быта рабочих». «Новое Время» подкрепляет эту надежду следующим избитым рассуждением: «Гордый и всесильный на Западе, капитализм у нас — пока еще слабый ребенок, могущий ходить только на помочах, и водит его на помочах правительство»... Ну, этой старой песенке о всемогуществе власти поверит разве только скромный крестьянин! Рабочий же слишком часто видит, как капиталисты «водят на помочах» полицейских и духовных, военных и статских чиновников. И вот, — продолжает «Новое Время», — все дело в том, чтобы правительство «настояло» на улучшении быта рабочих,

т. е. потребовало бы от фабрикантов этого улучшения. Видите, как просто: приказать — и дело в шляпе. Но просто это только сказать, а на деле приказания начальства, даже самые «скромные», вроде устройства больниц при фабриках, не исполняются капиталистами по целым десятилетиям. Да и не посмеет правительство ничего серьезного потребовать от капиталистов, не нарушая «священной» частной собственности. Да и не захочет правительство серьезного улучшения быта рабочих, потому что оно само в тысяче случаев является хозяином, обсчитывает и притесняет и рабочих Обуховского завода, и сотен других заводов, и десятки тысяч почтовых, железнодорожных служащих и проч. и проч. «Новое Время» и само чувствует, что в приказания нашего правительства никто не поверит, и оно старается найти себе опору в возвышенных исторических примерах. Это следует сделать, — говорит оно про улучшение быта рабочих, — «подобно тому, как полвека назад правительство взяло в свои руки крестьянский вопрос, руководствуясь мудрым убеждением, что лучше преобразованиями сверху предупредить требование таковых снизу, чем дожидаться последнего».

Вот это действительно ценное признание! Перед освобождением крестьян царь намекал дворянам на народное восстание, говоря: лучше освобождать сверху, чем ждать, когда станут сами освобождать себя снизу. И вот теперь прислужничающая правительству газета признается, что настроение рабочих внушает ей не меньше страха, чем настроение крестьян «перед волей». «Лучше сверху, чем снизу!» Глубоко заблуждаются газетные лакеи самодержавия, находя «подобие» между тогдашним и теперешним требованием преобразований. Крестьяне требовали отмены крепостного права, ничего не имея против царской власти и веря в царя. Рабочие восстановлены прежде всего и больше всего против правительства, рабочие видят, что их бесправие перед полицейским самодержавием связывает их по рукам и ногам в борьбе с капиталистами, и рабочие требуют поэтому свободы от правительственного самовластия и правительственного бесчинства. Рабочие волнуются тоже «перед волей», — но это будет воля всего народа, вырывающего политическую свободу у деспотизма.

* * *

Знаете ли, какой величайшей реформой хотят заткнуть недовольство рабочих и проявить к ним «государственную попечительность»? Если верить довольно упорным слухам,— идет борьба министерства финансов с министерством внутренних дел: последнее требует, чтобы фабричную инспекцию передали в его ведомство, уверяя, что тогда она меньше будет потакать капиталистам и больше заботиться о рабочих, предупреждая этим волнения. Пусть готовятся рабочие к новой царской милости: фабричные инспектора оденут новые мундиры и будут зачислены по другому ведомству (вероятно, с повышением содержания) и притом по тому самому ведомству, которое так давно и так любовно (особенно департамент полиции) печется о рабочих.

[Н. Ленин]

ИЗ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

С.-Петербург. Нам пишут: «О судьбе „Жизни“ вы, конечно, знаете, но любопытны здесь подробности. В числе арестованных находилась вся редакция и много сотрудников. Через некоторое время Поссе, Ермолаев, Муринов и др. были выпущены на все четыре стороны, при чем у первых двух не было даже ни одного допроса (это факт). Просто выпустили. Хорошо! Проходит еще некоторое время, зовут в охранку человек десять (Муринова с женой, Поссе, Ермолаева, Гуровича, фактического издателя „Начала“, Родичева, Караваева, Кулябко-Корецкого, секретаря В.-Э. Об., у которого даже обыска перед этим не было, проф. Лесгафта и др.) и об'являют всем им, что они высылаются из Питера, Москвы, университетских городов и других мест (некоторым исключено до 29 губерний) на два и на три года. В это же время сидел в тюрьме М. Горький, но, благодаря его болезни и хлопотам за него, он теперь освобожден. Из сотрудников „Жизни“ в тюрьме остался, кажется один только секретарь редакции Горюшин. Начинаются хлопоты о спасении „Жизни“. Из главного управления по делам печати поступает совершенно беззаконное распоряжение в типографию, чтобы работы по печатанию майской книжки журнала были приостановлены. В то же время цензор отказывается просматривать гранки. Шаховского спрашивают, на каком основании все это делается. Он виляет, ссылается на высылку Ермолаева, который-де теперь не может быть редактором. Берутся за цензурный устав. Там сказано, что редактор может быть отрешен от должности в трех случаях: если он по суду лишен прав состояния; если он утратил полную гражданскую правоспособность (т. е. надо полагать, сошел с ума или что-нибудь в этом роде); если самовластно скрылся за границу. Ни под одну из этих категорий Ермолаева подвести нельзя, а между тем его отрешили от редакторства. Кто? На каком основании? Шаховской снова виляет. Ведь это незаконно, говорят ему.—Да, незаконно, — отвечает князь, Значит, вы участвуете в незаконном деле? — Я—труба, по которой передаются распоряжения сверху вниз. Решили представить на утверждение другого редактора, представили, хлопотали, и в результате четыре министра... Отрешил же Ермолаева от должности редактора, как оказывается, все тот же всемогущий департамент полиции. Чтобы дать вам понятие о цинизме, с которым нынче ведутся дела, расскажу вам следующее: за статью о рабочих беспорядках „Новое Время“ было, как вам известно, закрыто на неделю. После этого по редакциям бесцензурных изданий был разослан такой секретный циркуляр:

«„11 мая 1901 г. распоряжением от 8 мая 1896 года и 4 января 1897 г. периодическим изданиям воспрещено печатать статьи, трактующие о беспорядках на наших фабриках и заводах и об отношениях рабочих к их хозяевам. Редакции повременных изданий, повидимому, истолковали это распоряжение в том смысле, что им не дозволяется печатать не только статей по рабочему вопросу, но и никаких сведений о происшедших на фабриках и заводах беспорядках, а равно и всяких нарушений общественного порядка и спокойствия. Между тем, г. министр внутр. дел не имел в виду столь распространительного толкования указанного распоряжения. Не находя нужным совершенно возбранять оглашение вышеупомянутых сведений, его высокопревосходительство считает, однако, необходимым, чтобы указанные происшествия излагались в строгом согласии с действительностью. В виду сего все сведения о случаях нарушения общественного порядка и спокойствия ранее опубликования их в повременных изданиях должны быть представляемы для проверки их фактической точности в департамент полиции и могут быть затем напечатаны лишь с разрешения последнего. О всем вышеизложенном главное управление по делам печати, по приказанию г. мин. внутр. дел, доводит до сведения гг. редакторов повременных изданий».

Как видите, главным управлением по делам печати стал теперь фактически департамент полиции.

«Отмечу также еще циркуляр от того же 11 мая: „Главное управление по делам печати подтверждает необходимость неуклонного исполнения распоряжения мин. вн. дел о непечатании статей по поводу растраты в импер. женск. патриотич. общ., кроме оглашения самого факта растраты". Здесь дело идет, как говорят, о краже в 350 тысяч рублей, совершенной камергером Якунчиковым, Евдокимовым и другими.

«Вот каково современное „житьишко", как говорил покойный сатирик. Но что замечательно, так это повсеместно чрезвычайно бодрое общественное настроение. Я не пишу вам ничего о рабочих беспорядках, потому что о них ходят только всякие слухи, и в среде, где я вращаюсь, ничего доподлинно неизвестно. Известно только, что они приняли очень значительные размеры.

«На-днях выпустили Милюкова, Мякотина, Сабинину и Вл. Бернштама „впредь до окончания дела".

«Из Петербурга их, конечно, высылают».

С.-Петербург, 28 мая. Арестованных за время с 18 по 23 апреля было так много, что обычных мест заключения не хватало, и многие были размещены по полицейским частям. Женщины (27 чел.) посажены в Спасскую часть и оттуда постепенно переводятся в дом предварительного заключения, по мере освобождения в нем камер. В настоящее время в Спасской части осталось 11 политических заключенных. Условия их заключения подробно описаны в письме от 1 мая, обращенном к обществу. Теперь мы расскажем лишь об одном эпизоде из их жизни.

10 мая одна из заключенных послала прокурору судебной палаты заявление, в котором просила избавить ее, переводом в другую тюрьму, от вида тех насилий со стороны полиции, какие ей приходится наблюдать в участке, напоминающем своими порядками застенок. Дело в том, что полицейские нравы не дают заключенным в Спасской части забыть о них ни на минуту. Они всюду назойливо лезут в глаза и невыносимо расстраивают нервы. В окна камер заключенных несутся вопли мужчин и женщин, стоны доносятся из карцеров, дикие сцены глумления над человеческой личностью разыгрываются перед заключенными во время прогулок. Для иллюстрации приведем, из массы других, случай, происшедший 9 мая, далеко не самый яркий, но подробнее других известный нам. Во время прогулки заключенных, к участку под'езжает дворник с каким-то суб'ектом, который в сильном возбуждении говорит: «Я ничего не делал. За что меня!». Привезенного немедленно затаскивают в участок, откуда непосредственно затем раздаются отчаянные вопли и крики о помощи. Минут через 15—20 полицейский служитель с дворником выводят его через двор в «холодную». Одежда на нем уже вся истерзана, лицо распухло. Он идет согнувшись, задыхается, стонет и говорит, обращаясь ко всем, находящимся во дворе «Смотрите, что здесь со мной сделали!». А за это "го провожатые, на глазах у всех, сваливают его с ног ударами кулаков и волочат по земле. Полицейские чины, находящиеся во дворе (помощник смотрителя арестного дома, городовые и пр.) смотрят на все совершенно равнодушно, даже более того: когда один из посторонних крикнул: «Да за что вы бьете человека? Ведь он не сопротивляется, а идет», то и его схватывают двое полицейских и силой уводят в участок (надо думать, для составления протокола о чем-нибудь, вроде «оскорбления полиции при исполнении служебных обязанностей» или «нарушения общественной тишины и спокойствия»).

Результат заявления, поданного прокурору, оказался совершенно неожиданным для заключенных. 23 мая в Спасскую часть приехал полицмейстер Лебедев. Ознакомившись, какие именно факты имела в виду заключенная, характеризуя участок, как застенок, он заявил, что «надо устранять от барышен тяжелые впечатления», и отдал приказание... ограничить место прогулок политических заключенных задним двором, где сосредоточены люки, мусорные ямы и ретирады и — что всего любопытнее — где помещается и самый участок (до тех пор разрешалось гулять во всем дворе). Своим распоряжением полицмейстер, очевидно, рассчитывал заставить заключенных отказаться от прогулок и таким образом устранить от них возможность «вмешиваться в чужие дела» (его слова), — и он достиг цели: прогулки, разрешения которых заключенные добились с таким трудом, и которые несколько смягчали тяжесть их заключения в темных и душных камерах Спасской части,—прекратились с 23 мая.

ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО «МОСКОВСКИМ ВЕДОМОСТЯМ»[5].

Жаль, что «Московские Ведомости» находят мало читателей вне круга лиц, «высоко держащих правительственное знамя». Это — очень полезная газета, поучительная даже тогда, когда лжет на врагов правительства, и совершенно незаменимая, когда говорит об интересах этого правительства и о принципах самодержавия такую правду, которой вы не услышите ни от умеренных сторонников «принципа», ни от либералов. Одни из половинчатых сторонников самодержавия стараются отмежевать его от деспотизма, другие прикрашивают его «принцип» будто бы требующий, чтобы нужды и желания народа доходили до трона, с высоты которого царь (в принципе) удовлетворяет их.

«Моск. Вед.» восхваляют не это прикрашенное самодержавие, существующее лишь в курсах государственного права или в воображении славянофилов, а наше реальное самодержавие в том самом виде, в каком, после временных уклонений, оно возродилось при Александре III, решив существовать во что бы то ни стало, не стесняясь ничьими потребностями и не допуская никаких разговоров о нуждах или желаниях. Самодержавное правительство, не без основания утверждают «Моск. Вед.», должно править по собственной мысли и воле и делать то, что «находит нужным, независимо от того, требовали этого или не требовали внеправительственные политиканы. Если народ, по мнению правительства, действительно испытывал те или другие нужды, то удовлетворение этих нужд должно было последовать задолго до пред'явления каких-либо требований, и в таком случае не было бы уступкой». Всякой не только уступки, даже видимости ее, правительство должно избегать во что бы то ни стало. Уступка с его стороны «была бы огромной ошибкой, если бы даже требование улицы было резонно, ибо... если оно исполняет голос улицы, то улица и должна быть властью. По крайней мере, при откровенном признании этой власти голос улицы будет исполняться не в виде „уступок", т. е. не с задержками, не с отговорками, а прямо и быстро».

Нельзя не признать логичности этого рассуждения, взятого нами из статьи «Урок истории» («Моск. Вед.», 12 апреля 1901 г.). Для всякого человека, смотрящего на дело с точки зрения интересов народа, из этого логичного рассуждения может быть лишь тот вывод, что в быстро развивающейся стране, с беспрерывно изменяющимися условиями существования и разрастающимися общественными потребностями, самодержавие не может существовать, и власть должна перейти к представителям населения всех городских и деревенских улиц.

Для «Моск. Вед.», стоящих на точке зрения правительства и вполне резонно отделяющих его интересы от

Москва. Сообщают о следующем инциденте, имевшем место в здешнем университете. Сын московского профессора графа Комаровского, окончив университет, был оставлен ассистентом при каферде проф. Новгородцева. Не желая терять драгоценного времени, он вместе с тем поступил на службу в московскую цензуру, о чем имел нахальство заявить Новгородцеву. Последний заявил, что считает занятия под его руководством и службу в цензуре несовместимыми, так как, готовясь к профессуре, Комаровский вместе с тем готовится говорить с кафедры о свободе общественной жизни, свободе мысли и печати, цензура же как раз подавляет все это, и предложил ему выбрать одно из двух. Комаровский выбрал цензуру и прекратил занятия у Новгородцева. Встретившись с деканом юридического факультета (кажется Алексеев), он рассказал ему о происшедшем. Тот возмутился и продиктовал ему письмо к Новгородцеву приблизительно такого содержания: «Серьезно поразмыслив над предложенным Вами мне вопросе о совместимости обоих моих занятий, я пришел к положительному решению и потому продолжаю себя считать ассистентом при Вашей кафедре». Мало того. Встретившись с Новгородцевым, декан стал его упрекать в том, что он, состоя на государственной службе, следовательно будучи чиновником, осмелился критиковать другое государственное учреждение — цензуру, и таким образом подрывать основы. Новгородцев резко ответил, что, считая цензуру вредным учреждением, он не может позволить своему ассистенту служить в ней. Тогда декан заявил, что должен заявить об этом совету факультета, что и сделал. Совет постановил подавляющим большинством довести о таковом поступке Новгородцева до сведения министра народного просвещения.

Саратов. Перепечатываем два следующие сообщения из гектографированного журнала «Непримиримый».

«Конституционный» адрес думских либералов и г. Немировский. Рескрипт царя от 25 марта, данный на имя Ванновского, был встречен печатью и обществом необычно горячими приветствиями: все возликовало и умилилось, — не только либеральные круги, но даже и студенчество. Студенты повсеместно решили «ждать» и «дать время» новому министру провести в жизнь высочайшие предначертания. Как сообщают из Петербурга, только немногие были настолько сильны, чтобы просто «ждать», не давая никаких авансов, большинство же заранее выразило доверие новому министерству и в виде аванса стало держать экзамены... Если таково настроение учащейся молодежи, то чего же ждать от нашего «просвещенного либерального общества»? Совесть его была уязвлена тем острым характером, какой приняли студенческие волнения. Казалось невозможным и постыдным оставаться спокойным свидетелем развертывавшихся с необычайной для русского быстротой событий. Надо было реагировать на них, стыдно было оставлять своих собственных детей беззащитными перед казацкой нагайкой и кулаками полицейских. И вот просвещенное общество стало протестовать. Протестовало оно в тысяче форм, посылая адресы Толстому и Вяземскому, еще раз Вяземскому и опять Толстому, составляя и распространяя многочисленные ответы московским профессорам: наконец, — это верх гражданского мужества — подписывая петиции на имя царя. Впрочем, эта последняя форма реакции на события оказалась не по плечу русскому обществу. Под одной из таковых петиций в Петербурге было собрано не более сотни подписей; в Москве их было очень мало, еще меньше в Саратове. У нас было пущено два подписных листа: один в «высшем» обществе, другой в «средних» кругах. В «высшем» обществе дело сначала пошло было на лад: дали свои подписи очень видные представители саратовской родовой и денежной аристократии. Это было под свежим впечатлением 19 февраля и 4 марта. Но скоро последовало еще более свежее впечатление: высочайший выговор Вяземскому и... лист с подписями пропал без вести. «Средние круги» одни тоже не решились продолжать дело, и оно окончательно рухнуло. Но во всяком случае совесть просвещенного общества была неспокойна. Оно усиленно искало путей и невинность соблюсти и капитал, если не приобрести, то сохранить. Вот тут-то и подоспел рескрипт на имя Ванновского и дал давно желанное успокоение взволнованной совести. В самом деле, с высоты престола признаны коренные пороки нашего школьного дела и обещаны радикальные преобразования. Чего же больше?

интересов всего «внеправительственного» населения или, вернее, не признающих за населением ни малейшего права иметь какие бы то ни было общественные потребности, кроме единой, всепоглощающей потребности в «сильной самодержавной власти», естественный вывод из рассуждения тот, что, в интересах самосохранения, правительство должно больше всего заботиться о полном молчании «внеправительственной» России. Отсюда необходимость возможно большего сокращения народного образования, самоуправления, печати, правосудия; необходимость чем дальше, тем меньше стеснять себя положительными законами, так как с законами в руках, как бы ни была упрощена процедура их издания, не угоняешься за всеми проявлениями «внеправительственного» настроения, становящиеся по мере развития страны все многочисленнее и разнообразнее. Когда правительство принялось сокращать все зародыши этих элементарнейших благ, «Моск. Вед.» неизменно сопровождали его сокрушительную деятельность раз'яснением несовместимости благ с прочностью самодержавия. Они всегда изображали эту форму правительства в самом мрачном, в самом безнадежном для населения виде.

Зато «на зло уму, наперекор стихиям» защитой правительства с точки зрения интересов населения занялась либеральная пресса, упорно исповедуя свою веру в благие намерения правительства. С тех пор, как началась ломка «великих реформ», между оставленными в живых органами либеральной прессы и «Моск. Вед.» завелась самая противоестественная полемика. Проникнут в печать известия о том или ином реакционном проекте, «Моск. Вед.» радостно приветствуют новый кнут, которым правительство намерено искоренить то или иное благо, а либеральная пресса возражает, что реакционная газета извращает благие намерения правительства, что если такие-то фразы проекта понять так-то, кнут окажется маленькой плеточкой, что за целость блага ручается мудрая заботливость о нем правительства и проч. Но «Моск. Вед.» всегда оказывались правыми, кнут оказывался кнутом, а от блага оставалось одно приятное воспоминание, что, впрочем, ни на волос не изменяло тактики либеральной прессы. Она упорно продолжала приписывать правительству несуществующие, но желательные с ее точки зрения свойства, а «Моск. Вед.» продолжали противопоставлять этим фантазиям реальное самодержавие, подчинившее все и вся единой заботе о своей собственной «незыблемости».

Но если либералы идеализировали и продолжают идеализировать правительство, то «Моск. Вед.», в свою очередь, идеализируют все внеправительственные элементы русского общества, изображая их такими, какими они должны бы быть, если бы относились к интересам населения с той же горячностью, с какой «Моск. Вед.» относятся к интересам самодержавного правительства.

Надо, значит, ждать и надеяться. Заметьте, не все так глупы, чтобы надеяться; более умные, те прямо заявляют, что нельзя же дать конституцию в министерстве народного просвещения и оставить все по-старому в общих порядках; а так как общие порядки не обещают перемениться, то ничего существенного не может быть принято и в области народного образования. Но все считают нужным «ждать»: пора же в самом деле отдохнуть от сделанных усилий и пережитых треволнений. Самые умные и самые смелые из гласных саратовской думы пошли, однако, дальше. Им пришла в голову «гениальная» мысль: воспользоваться самим рескриптом, чтобы под видом «всеподданнейшей благодарности» попросить конституции. Но зная, что с восторжествовавшими на последних выборах купцами о конституции разговарить не очень-то удобно, они решили свой намек на конституцию так запутать в радужные туманы «беспредельной верноподданнической благодарности» и так прикрыть мистическим облаком «неисповедимого промысла божия», чтобы никто ничего не понял. «Наши купцы-то простофили: ничего не поймут, одурманенные треском мистической и верноподданнической реторики, думали коварные либералы, — а там наверху разберут, что в розах благодарности не обошлось без шипов либеральной петиции».

Вот вкратце содержание этого любопытного документа. Начав с выражения «глубочайшей радости» и «беспредельной благодарности», либералы указывают, что за тысячелетнюю историю России государи неоднократно в затруднительных случаях «обращались к содействию своего народа», и что русская земля «при таких условиях» не только с честью выходила из затруднения, но даже «приобрела новую славу, благодаря единению царя с народом». В нынешних обстоятельствах либералы «усматривают неисповедимый промысел божий» и надеются, что при реформе школы «голос общества будет принят во внимание», что доверие, выраженное государем обществу, не может не отразиться на всех других сторонах русской жизни, что «рескрипт 25 марта сделался залогом лучшего будущего, началом новой эры для молодых и старых, бедных и богатых, для всего русского во всех отношениях».

Но где тонко, там и рвется. И притом рвется с двух сторон. Во-первых, среди нашей радикальствующей интеллигенции нашлись простаки, возмутившиеся редакцией адреса и вообразившие, что, если дума не примет сразу адреса, а поручит выработку его особой комиссии, то эта последняя выработает лучший адрес. И вот эти мудрецы принялись агитировать среди знакомых им гласных в пользу передачи этого адреса в комиссию, что, действительно, и случилось, хотя, может быть, совсем не вследствие стараний наших политических младенцев. Во-вторых, коварные либералы совсем не приняли в соображение, что у купцов есть тоже очень тонкие люди, сами искусившиеся некогда в составлении «либеральных» адресов, вроде нового городского головы Немировского, в то время еще не получившего утверждения. Не будь его, адрес был бы принят почти без изменения даже и в комиссии. Возражений он вызвал очень немного. Самое существенное — со стороны священника Л. Владыкина — было направлено против того самого «промысла божия», под флагом которого либералы надеялись провести контрабандным путем «затруднения и бедствия» последних месяцев. Но острый взор протоиерея (ревностного защитника всех клерикальных поползновений в земстве и думе, но в то же время сторонника многих начинаний, входящих в программу либералов) рассмотрел контрабанду и под этим, казалось, наиблагонадежнейшим флагом. «Как! — воскликнул он,— это в чем же вы видите промысел божий? В том, что стреляли в Победоносцева и... забросали весь Саратов прокламациями?». Но, провалив «промысел божий», Владыкин отстаивал адрес во всех остальных пунктах против другого проекта прис. пов. Н. Соколова, славословившего царя и строго порицавшего студентов *. Другое возражение против проекта адреса исходило от лидера купеческой партии Селиванова и подкапывалось под «новую эру». «Это что еще такое, новая эра, новая эра? — восклицал «хозяин» города.—Это очень уж похоже на новую веру какую-то». Но это возражение, хотя и исходило из очень авторитетного источника, вызвало только веселость. Еще несколько второстепенных поправок, и проект адреса был

* В конце концов этот второй проект нашел только одного защитника в лице... жлавшего своего утверждения Немировского, так как даже автор от него отказался и нашел первый проект лучшим.

Написанные с вдохновением, такие изображения того, что должно быть, производят ободряющее впечатление, а иногда в форме предостережения правительства против козней его идеализированных врагов, содержат также очень полезные для этих врагов советы и указания.

К таким удачным во многих отношениях произведениям нельзя не причислить статью под заглавием: «Caveant consules!», помещенную в «Моск. Вед.» 5 и 6 апреля нынешнего года. «Во вновь переживаемую нами смутную эпоху,—говорит автор,—долг каждого не скрывать волнующие его мысли». Поэтому, «вопреки опасению возбудить гнев на себя, а может быть и более» (чьего гнева опасается автор, остается невыясненным), он пишет свою предостерегающую статью, начиная ее тоже с «урока истории», для которого считает «вполне достаточным вспомнить наши семидесятые годы» и «диктатуру сердца», когда даже чиновники ждали «пресловутого увенчания здания». «Новое царствование,—продолжает автор,—коренным образом изменило курс русского правительства... совершенно разбило конституционные бредни и незыблемо утвердило в России самодержавное начало... Вся деятельность проникается вполне неуклонным характером. Учреждается институт земских начальников... В реформах земского и городского управления проводится тот же принцип усиления власти и начала сословности. Органы печати, наиболее смущавшие восприимчивые головы, подвергаются полному воспрещению, а за остальными устанавливается более бдительный надзор». Университеты доводятся до такого состояния, что «является возможность царствующей императорской чете неоднократно осчастливить их своим посещением... и в результате благополучие, спокойствие... благоденствие под скипетром самодержца».

Автор и «верит и знает», что и теперешний самодержец неуклонно держится системы своего родителя, но тем не менее на Руси появились «независящие от верховной власти уклонения от заветов царя - миротворца».

Начинается перечисление «уклонений», и вдруг оказывается, что, несмотря на все неуклонные мероприятия, «земские, городские и иные общественные собрания продолжают считать себя не частью правительства, а чем-то особенным, вне его стоящим и настроенным враждебно против администрации. Дворянство день ото дня исчезает... Число держащих высоко правительственное знамя быстро умаляется перед количеством лиц, стремящихся к революционным принципам свободы и равенства». «Большинство нашей периодической печати явно на стороне противоправительственной, несколько органов—флюгерной системы (удачный эпитет!) и лишь самое ограниченное количество—консервативного направления». Провинция ненавидит администрацию и не желает читать ничего, кроме изданий противоправительственного направления. Цензура не помогает. «При строгости цензора газета получает ореол мученичества. Вообще в провинциальных городах местный печатный орган находится как

уже, казалось, у тихой пристани. Как вдруг... пришел запоздавший в комиссию Немировский. Пришел и сразу показал всем воочию «конституцию» в адресе, а за конституцией — длинная справка с историей, судьба тверского адреса и Унковского, Вятка, места не столь отдаленные и т. д. и т. д. Тоном умудренного жизнью старца, познавшего тщету молодых увлечений, вспоминал он и историю того саратовского адреса, в составлении которого и сам некогда (после 1 марта 1881 г.) играл роль хитроумного Улисса *. В результате всех этих исторических справок получилось нравоучение: никогда не следует просить у царя больше, чем он дает. Этим только спугнешь реформу, которая уже готова была осуществиться, да и сам-то попадешь, пожалуй, в Вятку. Русская реформа, как и всякая другая дичь, садится только на то озеро, вокруг которого не видно охотника; как только показался вблизи охотник, готовый воспользоваться реформой для расширения своих прав, реформа снимается и улетает. Последнее сравнение, впрочем, не принадлежит самому Немировскому, но точно передает его «политическую» или скорее «политичную» теорию.

Тщетно старались либералы спасти «конституцию», доказывая, что ее в проекте адреса совсем нет, что фразу «доверие... не может отразиться и на других сторонах жизни» можно понимать и не в смысле конституции, а в том, что молодое поколение, воспитанное в новых школах, внесет новый дух и в другие сферы жизни. Отлично знающий все «коварства» либералов, Немировский ловит их на словах и предлагает соответствующую поправку. В результате его «мастерской» работы из адреса исчезает всякий «либеральный дух», и не остается ничего, кроме радости, благодарности да беспричинной окрыленности надеждами. Исчезли «молодые и старые, бедные и богатые», исчезла «другие стороны жизни» и «все отношения»... Адрес заключен строго в рамки школьного вопроса. Но и в этом своем виде он все еще не нравится Немировскому. Правда, он его подписал и, конечно, «не возьмет своей подписи назад» (а жаль!); но на бирже среди купцов он все еще находил его слишком либеральным и пророчил, что купцы его не подпишут. Несмотря на эти внушения, адрес был подписан и отправлен.

За периодом «бессмысленных мечтаний» о распространении доверия «и на другие стороны жизни» наступила эпоха деловой разработки реформы. Открылась она предложениями гласного гр. Нессельроде и докладом прис. повер. В. И. Соколова. Этот доклад всеми считается прекрасным и «действительно содержит много справедливых мыслей» (см. «Сар. Дн.», № 91). Мне показались характерными вступительные слова доклада: «Высокомилостивые, исполненные доверия к обществу слова рескрипта дали мне смелость утверждать, что попечение о детях, возлагаемое высочайшею волею на семьи и родителей, обязанных верноподданнически содействовать начинаниям монарха, должно выражаться, между прочим, и в почтительном доведении до сведения высшего начальства о недостатках нашего учебного строя и средствах к их устранению». Это уж, как будто, слишком—выводить обязанности родителей печись о своих детях из царской власти. Будьте, господа, холопами, да знайте меру! И все это холопство для того, чтобы оправдать свою смелость «почтительно доводить до сведения высшего начальства». Где уж тут набраться смелости для требования конституции?!

* * *

Чествование ветеринарного врача Федора Курицына. В наше время, среди «современной смуты», характеризующейся полной нравственной беспринципностью, отсутствием твердых моральных норм, разграничивающих честного от бесчестного, простую услугу и компромисс от прямой подлости и холопства, — даже

* Вот наиболее характерные отрывки из адреса 1881 г., составленного Немировским: «Повели же, великий государь, твоему народу стать вокруг твоего трона твердым и несокрушимым оплотом его; призови ныне, государь, верных сынов твоей страны к подножию твоего престола. И верь, государь, в беспредельной преданности русского народа своему царю, в безграничности любви его к своему отечеству, в нравственных и умственных силах твоего народа, в правдивой и свободной речи его ты обретешь ту всесиделяющую силу, ту несокрушимую твердыню, о которую в прах разобьются все злодейские начинания».

бы в одном лагере с интеллигенцией против общего их врага—высшего правительства с его местными представителями».

Огромное «уклонение» оказалось и в деревнях. «Щедрость» правительства в годы неурожаев принесла здесь больше вреда, чем сами неурожаи, внушив населению надежду на «даровое кормление». Эти неурожаи дают богатый материал для наполнения газет «раздирающими сердце описаниями, переполненными всевозможными вымыслами. Здравый голос местных властей (отрицающих нужду в ссудах) служит основанием внушать населению, что со стороны долженствующих печься о нем встречается не только равнодушие, но и злорадство... Лицам, мечтающим о наступлении момента, когда народ не будет ходатайствовать о выдаче ссуд, а будет требовать хлеба, народное бедствие, как недород хлебов, послужило одним из средств дискредитировать в его глазах правительство».

Уже «послужило», как видите. Хорошо бы устами «Моск. Вед.» да мед пить.

Но разве не полезный совет всем тем, кому дороги интересы крестьян, заключается в последних строках? Разве не следовало бы раз'яснить крестьянам действительное отношение к их бедствию «верховного правительства и его местных представителей»? Ведь для этого достаточно было бы распространять в голодающих местностях те номера реакционных газет, «Моск. Вед.» в особенности, где отрицается серьезность бедствия, помощь крестьянам признается вредной, сами крестьяне обвиняются в ленности; где каждая строчка дышит враждой как к крестьянам, так и к тем добрым людям, которые несут им во время бедствия посильную помощь.

Поскольку правительство уже дискредитировалось в глазах крестьян, оно сделало это своими собственными усилиями, урезыванием ссуд, закрытием столовых, высылками тех, кто помогает голодающим. Но несомненно, что крестьян обязательно познакомить также и с соответствующей этой практике теорией голодовок, преподаваемой «Моск. Вед.». До сих пор этого не было сделано, но пусть не беспокоится почтенная газета, этот долг, как и все другие, будет выполнен, если не либеральной, то революционной частью внеправительственного лагеря.

Сплоченный лагерь всей интеллигенции вместе с прессой «против их общего врага — высшего правительства с его местными представителями» тоже принадлежит к области должного, но еще не существующего. С другой стороны, в нарисованной «Моск. Вед.» отрадной картине отсутствует самая важная отличительная черта «вновь переживаемой нами смутной эпохи». В ней нет упоминания о росте революционного духа в рабочем классе, о ярко проявившемся антиполицейском, сочувственном «преступным манифестациям», настроении всего населения больших городских центров. От «Моск. Вед.», так охотно преподносящих «уроки», почерпнутые из «истории» европейских

люди интеллигентные совершают нередко такие поступки, участвуют в таких делах, за которые им самим потом приходится краснеть и каяться.

Недавно уезжал из Саратова местный земский ветеринар Курицын, и его «товарищи» устроили ему торжественный прощальный обед. В среде этих товарищей оказались, между прочим, Оболдуев, Бердов, Романов, Виноградов и много других.

Напомним читателям, что за личность Курицын, удостоившийся «обеда» от своих почтенных коллег.

Вот что читаем мы в биографии Попко, помещенной в № 3 «С Родины на Родину»: «Курицын, тогда еще студент, был арестован по так называемому Елисаветградскому делу. Сидел он в одесской тюрьме, болтая немного по своему делу, но, однако, первое время совсем мерзавцем назвать его было нельзя. Но вот „хронически" сидеть надоело Курицыну, и он предложил свои услуги жандармскому управлению. Особенно ценных сведений он не мог сообщить, но мог предать своих товарищей, что и сделал: благодаря ему повесили В. Малинку и Ив. Хробязгина. Дабы сделать услуги Курицына более полезными, его садят в одну камеру с одним из вновь арестованных по делу Чубарова. Курицын постарался выведать у него все, что тот знал, и сообщил полученные таким путем сведения жандармскому управлению. По делу Чубарова были казнены Лизогуб, Чубаров и Давиденко... Попко, против которого не имелось никаких улик, пошел, благодаря Курицыну, на вечную каторгу» (см. стр. 177 и 179).

Близкий товарищ Попко [6], вместе с ним бывший на Каре, заканчивая его биографию, не может снова не вспомнить о предателе. «Такие люди гибнут, а мерзавцы, как Курицын, — живы. Живы, злорадствуют, торжествуют и своею одною преступною жизнью позорят и заражают русскую землю... Быть может, кому-нибудь из нас еще суждено увидеть далекую родину. Пусть такой счастливец вспомнит, что убийца Б. Лизогуба, Г. Попко, В. Малинка, И. Хробязгина и многих других еще жив и... да не дрогнет его рука. Помните, что трупы страдальцев вопиют об отмщении».

И вот этого-то Курицына чествовали недавно у нас в Саратове люди, считающиеся интеллигентными... Что же! Может быть, прошлое Курицына забыто? Но такие факты, как предание на смерть своих товарищей, как сознательное шпионство, не могут, не должны забываться, — они кладут клеймо позора на всю жизнь человека и делают его презренным для всякого, в ком есть хоть капля порядочности и чувства собственного достоинства.

Может быть, в течение своей долгой служебной деятельности Курицын успел зарекомендовать себя перед своими коллегами как хороший врач и товарищ? И этого нет. Еще никем не забыты слухи, ходившие в городе по поводу операций Курицына с закупкой лошадей для голодающих крестьян. Сами же врачи, присутствовавшие на обеде, могли бы не мало порассказать о темных фактах из деятельности Курицына... Сами же они отзываются о нем, как о человеке сомнительной честности; по их собственному отзыву, нет низости, какую бы не мог совершить Курицын: подвести товарища по службе, «подставить ножку», наговорить, набросить подозрение в «политической неблагонадежности» перед общей администрацией и ближайшим земским начальством, — на все это, по их мнению, способен Курицын!.. И после всего этого они устраивают ему торжественные проводы. Мало того. Серьезно обсуждают проект поднесения ему альбома с собственными карточками!.. Мы отказываемся оценить по достоинству нечистоплотность и распущенность, выказанную саратовскими ветеринарами в чествовании человека, которого они не уважают, за которым сами не признают элементарной честности и порядочности и на прошлом которого лежит позорное пятно предательства.

Вильна. В субботу 9 июня в Ошмянский уезд были вытребованы из Вильны войска для усмирения «бунта» крестьян. Отправлено два батальона пехоты и две сотни казаков. Губернатор, задержанный в городе министром юстиции, поехал туда через два дня. Подробности пока неизвестны, знаю только, что «бунт» охватил 32 деревни. Губернатор вернулся в четверг 14-го.

революций, не могло укрыться громадное, решающее значение этого нового у нас явления. Не их вина, если до сих пор они еще не воспели его с свойственной им силой. Воспеть, очевидно, мешают циркуляры главного управления по делам печати.

Одна из реакционных газет — «Гражданин» или «Моск. Вед.» — недавно высчитала, что за последние десятилетия число врагов самодержавия выросло в 99 раз. Где их прежде была тысяча, теперь сотня тысяч. Прогрессия, конечно, произвольная, но едва ли преувеличенная. И это ускоренное возрастание произошло именно в ту эпоху, когда, «изменивши коренным образом свой курс», правительство «незыблемо утвердило в России самодержавное начало», когда вся его деятельность была и остается «проникнутой вполне неуклонным характером». Но возрастание совершалось и в уклончивое царствование Александра II и при неуклонном Николае I. Это возрастание не может, очевидно, быть остановлено никаким правительственным «курсом»: не тот или иной «курс», а самое существование самодержавия с каждым десятилетием становится невыносимым все более и более широким слоям пробуждающейся России.

Самодержавное правительство находится теперь в положении колдуна в сказке Гоголя «Страшная месть». Колдун узнал, что конец ждет его на вершине Карпатских гор. Он садится на коня и едет в противоположную от этих гор сторону, долго едет и вдруг, всмотревшись, различает на горизонте очертания страшных для него гор. Он поворачивает коня и что есть силы скачет целую ночь в противоположную сторону, а на рассвете замечает, что уже поднялся над первыми уступами роковых гор. Колдун мечется, вертится и с каждым скачком коня, в какую бы сторону он ни направил его курс, оказывается все ближе и ближе к вершине.

Из собственных же статей «Моск. Вед.» ясно, что не поможет никакой «курс» и русскому самодержавию. Они правы, утверждая, что всякие «уступки» вызывают новые требования, но и «неуклонность» по меньшей мере не препятствует усиленному накоплению революционных сил, неизбежно вступающих в борьбу. И если прежде, когда дух борьбы веял лишь над ручьями и речками сперва дворянской, а потом разночинской интеллигенции, еще можно было надеяться утомить, обессилить, выловить ее численно ограниченные силы, то теперь, когда он подул уже над безбрежным морем народных масс, такие «мечтания» становятся совершенно «бессмысленными». Моря полицейским ковшом не вычерпаешь.

Приступая к освобождению крестьян, Александр II сказал, что лучше начать его сверху, чем ждать снизу, и несомненно, что для помещиков это было лучше: им не пришлось поплатиться ничем, кроме «прав» на насилия над личностью крестьянина. Можно допустить, что это было «лучше» и для части взрослого в то время крестьянского поколения. Борьба за «освобождение снизу»

Вильна. Приводим, с сохранением орфографии, следующий документик:

Его Высокородию, г. Приставу 6-го Стана Виленскаго у.

Домовладельца Дворянина Ивана Бонаветуриева Завадскаго, живущаго 6. Стана по Смоленской улице в соб. доме,

Заявление.

Ваше Высокородие, примите в уважение настоящее мое заявление, а именно об известных уже вам нападениях на мой дом мою семью, и моих Подмастерьев, с 1-го сего мая месяца когда Вы изволили подать мне помощ от насильственных Бродяг Стачников-Социялов, которые не понесли никакого от властей наказания.

То таковые повторились более серьезными, даже едва некоторые из подмастерьев моих, при помощи женщин избежали от смерти, которая могла постигнуть их от Бродяг-Социялов ножами и кинжалами, которые снаряды выданные им из Главнаго Депо их Социяльнаго Управления, жертвою могли быть, Викентии Мехович, и Станислав Блажевич, на которых они нападали даже в чужой квартире у Проживающаго в моем доме мастера Остроуха, главный вожак таковой партии Социялов, проживающий на Новом Строении в доме Бараковскаго, Сапожник Викентий Остроух, у Котораго сказанные Самозванцы Бродяги работают, сказанный Остроух напитанный духом против Правительства и его законных прав подобрав Шайку подсудимых, и безпритонных волокит-Социялов, нападает на истинно мирных работников, согласно Прокламациям 1-го сего мая, дабы бросали работу, а слились бы за одно, рука за руку, и выступить против Монарших прав.

Таковое нападение повторились сегодня во главе Вождя Викентия Остроуха, который присутствовал при чутьли не исходах Викентия Мировича и Станислава Блажевича.

Главные виновники, Эдуард Остроух, Михаил Дехтерев, Владимир Дубов, Александр Федоров и другие подобранные которых они должны при спросе показать.

А потому прошу покорно Вашего Высокородия, так как первый и прямой Начальник, прошу Вашего благосклонного совета, куда обратиться с защитою для меня, моего дома так равно и моих подмастерьев кроме того по их Социяльных заявлениях, что мне заявителю и моему работнику Бржезинскому неминуемая смерть...

«Помилование» студентов. Когда русского обывателя чрезвычайно удручает какое-нибудь «мероприятие» начальства, с которым необходимо бороться, но бороться не хочется, — тогда он имеет обыкновение утешать себя надеждой на какое-нибудь событие, которое внезапно изменит настроение властей. За последние годы таким экстренным событием, от которого чают всякого рода милостей, стало приращение царского семейства. Вот ужо родится наследник, и царь «манифест» об'явит, — утешает себя обыватель. И — удивительное дело — всякий раз, как обывателю нужно искать утешения в беде, царица оказывается на высоте положения, на пути к «разрешению». Но как только дело доходит до «разрешения», обыватель оказывается разочарованным: вместо наследника, он получает новую княжну, и осуществление его пламенных надежд откладывается до следующего раза. И с горечью читает он слова: «Таковое нашего императорского дома приращение приемля новою милостью на нас и народ наш изливаемой»...

После того, как ген. Ванновский стал водворять «сердечное попечение», обыватель почувствовал необходимость успокоиться от волнений бурных месяцев и с упованием смотреть в очи начальства. Но для того, чтобы успокоиться, нужно было освободиться от мучительного кошмара — от картины сотен юношей, изнывающих в казармах. Убедившись, что «министр сердечного попечения» не спешит освободить их от солдатской лямки, обыватель решил терпеливо ждать «разрешения». «Царица-то, говорят, опять... видно, будет манифест. Надо терпеливо ждать!». Не знаем, уверовали ли студенты в обывательские упования, но только и они решили «годить» со своим требованием и в ожидании возвращения изгнанных товарищей возобновили свои занятия. Порядок был водворен.

могла затянуться, могла стоить массы жизней... Но нет ни малейшего сомнения, что для следующего же крестьянского поколения было бы неизмеримо лучше, если бы освобождение пришло снизу. Не было бы в таком случае ни отрезков от наделов, ни выкупных платежей, не было бы земских начальников и всего того сверхштатного бесправия, которым пользуется крестьянин даже по сравнению с остальными сословиями бесправной России. Над сознавшим свою силу и доказавшим ее крестьянством так измываться никто не посмел бы и думать.

Для полицейской партии тоже было бы лучше, если бы освобождение от самодержавия совершилось путем «уступок». Постепенное устранение самых кричащих, самых безобразных его проявлений ослабляло бы накопляющуюся ненависть, партия могла бы постепенно стушеваться, не поплатившись за свои грехи. Но зато чем упорнее будет сопротивляться самодержавие, чем продолжительнее будет борьба, тем больше накопится ненависти и тем полнее сметет эта ненависть все связанное со старым порядком. Больше будет отвоевано у будущего, полнее осуществится демократия, с большим сознанием своей силы вступит в новый политический строй трудящееся население России, легче будут дальнейшие задачи социал-демократии.

Но если для распоряжающейся царем бюрократическо-полицейской партии существует два пути к разлуке с самодержавием, то для нас, для врагов самодержавия, нет и быть не может иного пути, кроме неуклонной борьбы; одним же из необходимейших средств борьбы является политическая агитация. А кто лучше «Моск. Вед.» умеет показать злостную подкладку каждого правительственного мероприятия? Кто лучше их умеет оголять самодержавие от всех покровов, срывать все фиговые листки, налепляемые на него либеральной и полулиберальной прессой, и выставлять на позорище всю циничную наготу его «принципа»? Их статьи о голоде могут в то же время служить незаменимым пособием для политической агитации среди крестьян. Не можем поэтому не пожелать «Моск. Вед.» побольше читателей из всех слоев внеправительственной России. Но для этого необходимо, чтобы почтенную газету почаще посещало вдохновение. В спокойные промежутки она нестерпимо скучна, и читать ее нет ни малейшей возможности. Но о мотивах для вдохновения в «переживаемую нами смутную эпоху» будет заботиться сама жизнь.

[В. Засулич]

Но вот и желанное событие: наследника, правда, не оказалось, но зато мы обогатились великой княжной. И на этот раз, против обыкновения, появился-таки «манифест». Но что дал этот манифест студентам? Юноши, которые по семейному положению или телесным недостаткам не подлежали зачислению в войска, от службы освобождены, прочие восстановлены в своих правах по отбыванию воинской повинности, т. е. все будут одинаково служить два года, независимо от срока наказания, наложенного на них согласно «временным правилам». Однако, одно существенное право они потеряли: право служить только по окончании курса наук. Да, но это право они потеряли потому, что исключены из университета. Так! именно так! Царская «милость» подверждает исключение двухсот студентов за участие в тех волнениях, которые, по признанию самого правительства, были следствием ненормального состояния учебного строя. Итак, «милость» не зашла так далеко, чтобы удовлетворить требование, которое студенты поставили условием возвращения своего к занятиям; требование, чтобы все удаленные товарищи были возвращены в университет. Что же скажут те либеральные Балалайкины, которые после известного рескрипта Ванновскому лезли из кожи вон, чтобы убедить студентов сейчас же прекратить забастовку, так как-де к осени все их изгнанные товарищи будут возвращены?

Ну что-ж! Может быть, студенты порешат ждать нового «нашего императорского дома приращения», которое принесет новые «милости»? А пока жертвы Боголепова будут продолжать маршировать «на законном основании», а «временные правила» останутся в силе, как естественное дополнение к «сердечному попечению».

Кострома. В апреле месяце, опасаясь празднования 1 мая, костромской жандармский начальник, полковник Кемпе, переведенный сюда из Ревеля, где он разыскивал «социализм» в женской гимназии, водя на допросы гимназисток приготовительного класса, решил, что называется, «с корнем вырвать крамолу» в Костроме. На этот раз он не отважился уже искать «вредный дух» по ревельскому примеру среди гимназисток, а задумал попытать счастья в иной среде, — именно, среди рабочих и служащих в земстве. И вот в Костроме начался ряд обысков и арестов, было взято около 30 человек. Но и тут не повезло бедному Кемпе. Почти все арестованные оказались людьми, к революционной деятельности непричастными, никого и ничего не знающими; так например, один мелкий чиновник, ничем, кроме пьянства, не занимавшийся и от роду не видавший ни одной нелегальной книжки, был взят и продержан около месяца в тюрьме только за то, что жандармские унтера видали часто его пьянствующим с рабочими, с которыми ему, так как он жил в фабричном районе города, понятно, приходилось часто сталкиваться в трактирах. Затем, рассчитывая, повидимому, застать в одном месте майское собрание, жандармы нашли лишь сидящую за водкой пьяную компанию, которую и арестовали, хотя и принуждены были через два часа всех выпустить, кроме хозяина квартиры, которого почему-то до сих пор держат в тюрьме.

Увидав, что попал не туда, куда следует, Кемпе ужасно переконфузился: на допросах он ужасно путается, видимо, сам не знает спрашивать, благодаря чему произошло не мало курьезных инцидентов. Однако, было не мало и печального. Так, продержав одного ни в чем неповинного человека в тюрьме три недели, Кемпе, воспользовавшись его незнанием правил для сидящих в предварительном заключении, запретил ему давать что-либо, кроме библии; затем, вообразив, что в городе существует общество, оказывающее помощь политическим заключенным, он запретил передачу с'естного и денег в тюрьму, если они идут не от родственников арестованных; наконец, ворвавшись ночью, чтобы арестовать одного тоже ни к чему не причастного человека жандармы сильно напугали его беременную жену, так что с нею произошли преждевременные роды; сам этот господин все еще в тюрьме, благодаря чему потерял место. При обысках Кемпе обнаруживает полное невежество; так, например, он забрал в одном месте «Фабрику» Дементьева, приняв ее за нелегальную, потому что на ней не стояло «дозволено цензурой».

В Костроме только и разговоров, что об арестах, причем «глупость Кемпе» сделалась злобой дня. Но своим усердием не по разуму дурак-жандарм оказал костромским социал-демократам услугу: арестовав и привлекши к допросам многих рабочих, он тем самым заставил заинтересоваться массу рабочих вопросами «за что это людей берут?», «что это за первое мая?» и т. п., чем значительно облегчил пропаганду. Вообще, после погрома, как среди рабочих, так и среди других слоев населения, значительно увеличился интерес к нелегальной литературе.

Особенное подозрение Кемпе навлекли на себя почему-то земские статистики, так что только семи из них разрешено ехать на исследование в уезд. В число неблагонадежных, которые лишены этого права, попал даже сам заведующий статистикой.

Носятся слухи, что много народа взято также в Кинешемском и Нерехетском уездах.

Вот список взятых в Костроме: Егор Иванов, служащий в книжном складе губернского земства, бывший рабочий; братья Прянишниковы, статистик и конторщик, Скрыпкин; садовник; Алексеев, чиновник губернского правления; Загайный, статистик; Горский и Кутуков, высланные московские студенты; Медиакритский, высланный харьковский студент; Грейберт Глеб; Ляпкин и Федоровский Владимир, ученики слесарно-технического училища; Соколов Сергей, слесарь в том же училище; Буянов Василий хозяин мастерской, был раньше рабочим в Петербурге; Плугин и Луков, портные (оба во второй раз); Риттер, наборщик; Коленцев, садовник; рабочие: Смирнов, Алексеев, Кирсанов, Фролов, сестры Семеновы и еще несколько рабочих, фамилии которых не выяснены.

По старому делу (1900 г.) вышли приговоры: статистику Третьякову два года Астраханской губ., рабочему Плугину два года Вятской губ., рабочим Лукову и Лаврову один год надзора, рабочему Румянцеву два месяца тюрьмы и год надзора, рабочему Белову три месяца тюрьмы и надзор, рабочему Анучину два месяца тюрьмы и надзор. Все, кроме двух последних, сидели в предварительном заключении от 2 до 4 месяцев.

Война социал-демократам! Нам доставлена копия воззвания, распространяемого за подписью «истинно-русского патриота, любящего своего императора и отечество, ненавидящего социал-демократов, заводского рабочего крестьянина Степ. Демид. Зенченко». Приводим текст этого любопытного изделия.

Января 3 дня 1901 г., Петроград, Шлиссельбургский проспект, село Смоленское, дом № 75, кв. 35.

Господа Русския Социал-Демократы! Читая Ваши листки «подпольныя» и газеты прямо приходишь в недоумение.

Ведь это прямо вымысел! — напр. в ном. 3 рабочего листка ноябр. 1900 года в 29 строки от верха приведены слова Императора. Чтоже Вы хотите нас уверить, что Император сказал это? О, нет! неверим. Наш Император любящий свой верный народ разве скажет это!? Никогда! Не буду говорить о суде над Максвельцами, также об случае на невском заводе с рабочим описанным в ном. 9 газеты «рабочая мысль» за 1900 год сентябрь месяц. Но скажу одно: Брасте Ваши мечты при помощи рабочих поднять красное знамя? Все это напрасно! Вы думаете, что это рабочии под влиянием ваших печатных произведений делают стачки? Нет! Хотя и придется рабочему стачку сделать, то он ее делает просто изза иногда недоразумения между хозяином и рабочими в экономическом отношении, но ничуть в Политическом как вам снится!!!

А хотя и удается Вам на свою сторону привлечь несколько рабочих, так, это и то благодаря их не просвещению! Но нас сотни тысяч рабочих, которыя верны своим традициям и ни под каким видом не возмутся за красный «штандар» ведь Вы все поляки и евреи? Неправдали?

а! Слюнявыя либералы? Вам политических и гражданских прав!? бросьте!.. Вы думаете, что дорого Вам стоющия подпольныя произведения Вам приносят пользу! наверпякали каждый прочтет и сознает — брехня! Вы только нас губите.. оставте ради бога?.. Я не шпион, а просто рабочий заводский. Я действую самостоятельно против Вас и имею тысячи последователей. У нас скоро организуется такой комитет из рабочих, который будет вести борьбу против социал-демократов словом и по средством печатных брошюр дозвол. цензурой.

Истинно русский патриот Любящий своего Императора и отечество, ненавидящий соц.-демокр. заводский рабочий крестьянин.

Степан Демидович Зенченко.

P. S. Письма, возражения и проч. можете здресовать по выше указанному адресу. Нестесняйтесь, и живущ. в Петербурге, донесено не будет, писать можно на всех языках исключ. китайского.

Воззвание сие помечено 3 января. Через четыре месяца после его возникновения на том самом Шлиссельбургском проспекте, где обитает г. Зенченко, «малое недоразумение в экономическом отношении» у рабочих Обуховского завода привело к дикому нападению царских башибузуков, сопровождавшемуся кровопролитием. Как об'яснит г. Зенченко это «недоразумение»?

Но кто же такой этот г. Зенченко, столь торжественно об'явивший войну социал-демократам и обещающий организовать целый рабочий «комитет» для борьбы с крамолой? Он уверяет нас, что он не шпион и действует самостоятельно, имея тысячи последователей. Очень может быть, что он и впрямь не шпион, но плохо уже и то, что ему приходится начинать свою политическую деятельность с уверения в своей «самостоятельности»... от охранного отделения.

Как бы то ни было, а война об'явлена. О брошюрах фирмы «истинно-русский патриот и компания» мы пока не слышали, но зато прочли в газетах о приветствии, посланном г. Зенченко раненому (ныне умершему) Боголепову. Г. Зенченко писал: «Глубоко пораженные горестной вестью о преступном покушении на жизнь вашего высокопревосходительства, заводские рабочие Петербурга — Невской пригородной местности воссылают молитвы о скорейшем исцелении вашем. Да подаст вам господь многие лета продолжать вашу просветительную деятельность на благо России».

Молитвы г. Зенченко не были приняты во внимание небом, может быть, потому, что они лживо представлены от имени «заводских рабочих» целого района. Мы, напротив, знаем, что рабочие в Петербурге вообще, и на Шлиссельбургском тракте в частности, очень сочувствовали Карповичу и являлись 11 марта на Невский с целью демонстрировать тоже, вероятно, не в пользу гг. Боголеповых. Нехорошо, нехорошо, г. Зенченко, начинать свою политическую карьеру с подлога и всуе призывать имя петербургского пролетариата!

Г. Зенченко божится, что он не шпион. Однако, для шпиона Зубатова такой «истинно-русский патриот» чистая находка. Обращаем поэтому внимание петербургских товарищей на нового рыцаря борьбы с социал-демократией *. Адрес его, обязательно сообщенный в воззвании: Шлиссельбургский просп., село Смоленское, дом № 75, кв. 35.

Цензурные безобразия. Прибегая все чаще к закрытию неприятных ему органов печати упрощенным порядком без последовательных «предостережений», наше правительство может спокойно отказаться от воздействия на печать обычным способом. Изданный на-днях закон о давности для предостережений представляет кость, брошенную литературе после того, как ее отдали в полное распоряжение четырех министров. Отныне, если после одного или двух предостережений газета просуществовала известный срок (один год или два) без новых «воздействий», предостережения с нее снимаются. Но раз узаконен способ закрытия газет без всяких предостережений, какое может иметь значение эта «милость»? А между тем «либеральные» лакеи «Новостей», «Бирж. Вед.» и им подобных газет радостно взывали по поводу этих «облегчений». Этот вой был тем противнее, что он раздался над трупом только-что погубленной «Жизни», судьба которой должна бы служить предостережением для освобожденных от «предостережений» газет.

В лице «Жизни» прекращен подцензурный журнал, в котором ни одна строка не появлялась без просмотра со стороны цензурного ведомства. И все-таки оказалось необходимым его запретить, при чем повод для закрытия был необыкновенный: не та или другая статья повела к каре, а факт ареста многих сотрудников этого журнала в апреле этого года.

Однако, если мы вдумаемся в причины самого ареста сотрудников «Жизни», то не сможем отрешиться от впечатления, что он в значительной степени обусловлен самым направлением журнала. Особая строгость, проявленная к сотрудникам «Жизни», как еще ранее к гг. Струве и Туган-Барановскому, об'ясняется не фактом их участия в последних событиях, но тем особенным значением, которое наше правительство стало в последние годы придавать марксистскому направлению. Значение, приобретенное в нашей общественной жизни рабочим движением и социал-демократией, отразилось на отношении правительства к марксистской литературе, как бы бледна она ни была. Все издания, которые за последние четыре года были закрыты в необычном порядке («Новое Слово», «Начало», «Северный Курьер», «Жизнь»), в той или иной степени были прикосновенны к марксизму, а следовательно, отвечали перед правительством за успехи социал-демократического рабочего движения.

С одной стороны, сотрудники «Жизни» подвергаются арестам и высылкам потому, что они причастны к марксизму; с другой стороны, журнал закрыт не за «вредное направление», но по случаю ареста сотрудников. Удивительная логика! Но какое дело до логики правительству, уверенному, что убийство печатного органа сойдет ему даром, не вызвав протеста в равнодушной публике.

Как бы то ни было, а в легальной литературе заткнута последняя щель, через которую идеи социал-демократии могли — хотя бы и в обесцвеченном виде — выходить на свет божий. Тем более важное значение приобретает нелегальная социалистическая печать.

«Новый курс». Только что получено известие о новом проявлении зубатовской политики. На-днях в Минске среди приказчиков было распространено воззвание, направленное против господствующего среди них обычая воровать товар из магазинов и указывающее, что это несовместимо с сознательной борьбой против хозяйской эксплоатации. Тогда, через два-три дня, в городе было расклеено подписанное местным жандармским полковником Васильевым поззвание к приказчикам, в котором он высказывает сочувствие к такого рода деятельности более развитых из их среды, но выражает свое удивление по поводу того, что они делают это нелегально, рискуя подвергнуться преследованиям и проч., тогда как стоит им обратиться к нему, и он с удовольствием предоставит им губернскую типографию... В заключение Васильев приглашает всех приказчиков на собрание, имеющее состояться в субботу 16-го под его председательством. На собрание (кажется, в думе) пришло до 500 приказчиков и десяток-другой хозяев. Кроме Васильева, присутствовал губернатор и полицмейстер. Васильев открыл собрание весьма теплой речью, в которой доказывал, что правительство весьма благосклонно относится к попыткам масс улучшить условия своего существования, но напрасно непримиримо настроенные элементы придают этим попыткам политическую окраску. Он неизменно будет содействовать всем

* Еще до своего выступления с «политическим» приветствием г. Зенченко жаловался в письме в редакцию «Нового Времени» на то, что одно его появление в приличной одежде вызвало среди рабочих подозрение, не «агент» ли он. Как, однако, печально, что на челе «истинно-русского патриота» явственно видна Каинова печать!

попытками приказчиков улучшить свою жизнь и на первый раз предлагает им выбрать комиссию для обсуждения их насущнейших нужд. Выбрана комиссия из 15 приказчиков и 10 хозяев. В ответ на заявление Васильева раздались сочувственные речи, вполне подчеркивающие его точку зрения. Раздались также голоса, требующие издания закона о закрытии магазинов не позже 9-ти часов вечера, но комиссия тут же высказалась против, рекомендуя обратиться к хозяевам с коллективной просьбой об этом. Васильев любезно предоставил свою квартиру для заседаний комиссии. Первое заседание, под его председательством, состоялось в воскресенье. Тактика Васильева встретила в мелкобуржуазно настроенной массе приказчиков полное сочувствие и признание. Агитаторы, только недавно начавшие оказывать на нее влияние, совершенно оставлены, отношение к ним резко враждебное.

«Сердечное попечение» понимается директором первой Виленской гимназии вполне согласно с духом наших порядков. Перед самым окончанием экзаменов к директору был вызван ученик-еврей, долженствовавший получить золотую медаль. При весьма парадной обстановке директор обратился к гимназисту с указанием на то, что ему известно его участие в кружках и т. п., что он имеет основание предполагать и худшее и что поэтому он предлагает ему на выбор: или дать слово, что он никогда не будет принимать участия в студенческом движении и вообще в революционных делах, или же лишиться золотой медали (что в настоящее время лишает еврея возможности поступить в университет). Юнец дал слово.

ХРОНИКА РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ
и
ПИСЬМА С ФАБРИК И ЗАВОДОВ

С.-Петербург. Приводим имеющиеся у нас сведения о рабочих волнениях в Петербурге в течение мая и июня. На Выборгской стороне началось на ткацкой фабрике Чешера. Была решена забастовка. Причина недовольства: дурная питьевая вода, отсутствие какой-бы то ни было вентиляции, отсутствие какого-то инструмента для перерезывания ниток при работе: приходилось перекусывать нитку зубами, что причиняло сильные порезы губ и щек; выставлено было, между прочим, требование восьмичасового рабочего дня. Вторая смена рабочих (исключительно мужчин) осталась по окончании работы ночевать на фабрике с целью не допустить первую смену к работе. Утром это было исполнено, и вся толпа двинулась к другим соседним фабрикам, приглашая их присоединиться, при чем иногда пускали в ход камни, побуждая оставить работу. Примкнуло несколько фабрик: Вороненская мануфактура, Сампсониевская, завод Лесснера и др. Была вызвана полиция, казаки, войска. Началась драка между противными сторонами. Два переулка были забаррикадированы. Полиция и солдаты провозились несколько часов, прежде чем ворвались туда. Рабочие, живущие в доме № 9 по Форбесову переулку, выдержали правильную осаду и долго отбивались, швыряя из окон в осаждавших камни и т. п. Когда солдаты и полиция ворвались в дом, произошли обычные сцены. Схватывали, волокли и сбрасывали с лестниц, внизу подхватывала полиция, била и присоединяла к оцепленной арестованной уже толпе. Ружейных залпов не было, били кулаками, ногами, холодным оружием. Солдаты оказывали деятельную помощь полиции. Масса раненых. Число убитых неизвестно; в свалке зарублено двое ребят. Главный фабричный инспектор Лебедев, по сути своей подлец и жандарм, не был допущен к переговорам с толпой; полиция резко заявила ему, что теперь здесь ее дело, а не его. Лебедев обижен и жаловался Ковалевскому в департаменте. На другой день были вывешены подписанные Клейгельсом приглашения приняться с 12 час. за работу, с предупреждением в противном случае об увольнении. Текст везде одинаковый. 7 мая было уже все тихо, хотя работа не начиналась. Аресты шли усиленные среди рабочих. После седьмого встали на работу.

Обуховский завод. Первого мая часть рабочих какой-то из мастерских не явилась на работу, за что и была уволена вовсе с завода исправляющим обязанности управляющего полковником Ивановым (управляющий Власьев был с первого мая в отпуску). Товарищи уволенных заявили, что они уйдут тоже, если не будет отменено это распоряжение. Иванов ответил, что они могут уходить, он-де найдет рабочих сколько угодно. Тогда поднялись остальные мастерские с тем же требованием. Иванов не уступал, и все решили забастовать. Дали сами гудок о прекращении работы и высыпали толпами на улицу. К шести часам вечера к забастовщикам присоединились рабочие Александровского сталелитейного завода (Берта). Держали себя тихо и, может быть, так бы и обошлось, если бы Иванов, угрожая и ругаясь площадными словами, не потребовал по телефону войска и всю свору казаков и жандармов. Толпа заволновалась и, разобрав мостовую, вооружилась камнями и чем попало, приготовляясь к отпору. Возбуждение росло и при виде полиции перешло в действие: полетели камни, и началась свалка: полиция пустила в ход шашки.

Подростки помогали рабочим, подавая камни; масса ребят арестована по этому случаю. Полагают, что их выпорят в участках и отпустят. Сперва пришли батальоны, квартировавшие в районе Обуховского завода; все они большей частью переродились и перекумились с местным населением. Затем пришли войска из города, драка не прекращалась... Было сделано три залпа без предупреждения разойтись. Много раненых, есть и убитые. Сколько, точно не знаю. Вызвали Власьева, случайно бывшего, кажется в Петергофе. Он приехал. Рабочие отнеслись к нему хорошо и кричали: «Вами, ваше превосходительство, мы очень довольны, уберите от нас только подлеца Иванова». (Квартира Власьева смежная с квартирой Иванова, в квартире Иванова не осталось неразбитым ни одного стекла, тогда как у Власьева нет даже трещины ни в одном окне). Власьев просил успокоиться: 1) немедленно приняться за работу, 2) выбрать депутатов от каждой мастерской, 3) поручился за безопасность выбранных депутатов, 4) потребовал, чтобы лица посторонние немедленно оставили завод, в противном случае они будут выданы полиции, 5) о требованиях доложит в министерство и о результатах об'явит всем, 6) депутаты должны быть выбраны к субботе, а в пятницу приступить к работе. Рабочие согласились. В субботу явились депутаты и представили требования в 14 пунктах. Всех пунктов не помню, но вот главные: 1) восьмичасовой рабочий день, 2) удаление Иванова и несколько других мастеров, 3) вежливое обращение мастеров с рабочими, 4) правильная расценка, 5) уменьшение штрафов, 6) отчет в штрафном капитале, 7) возвращение всех уволенных за это время Ивановым. Власьев прибавил еще 15-ый пункт: страхование рабочих.

Один петербургский городовой так рассказывает об Обуховской бойне: началось с того, что стачечники стали бить рабочих, не бросивших работу. Когда же появилась полиция, то и те и другие соединились и бросились на нее. На протяжении почти полуверсты была разобрана мостовая, и камни тучей летели в полицию. Вызванные солдаты сделали 8 залпов (40 чел., след. 320 выстрелов), убитых 3, тяжело раненых 8. Такое сравнительно небольшое число раненых и убитых, несмотря на то, что толпа тесным кольцом окружала солдат и была от них в нескольких шагах, городовой об'ясняет тем, что большинство солдат стреляло нарочно выше голов или в бок, в стены завода. «Надо креста на шее не иметь, чтобы стрелять в своего брата. Только скоты как следует стреляли» — подлинные слова городового *. Другой корреспондент также рассказывает

* От того же городового удалось узнать следующие подробности о событии 4 марта: начальство считало демонстрацию 4 марта настоящей революцией. Перед от-

о том, как в дер. Волынкиной (за Нарвской заставой) рабочие, учинившие между собою драку, соединились, как только появилась полиция, и бросились на нее. Говорят, при этом убито двое городовых.

Семянниковский завод. Там было так: Первого мая рабочие явились к управляющему с просьбой, чтобы не было в этот день вовсе работ. Управляющий ответил, что не может запретить праздновать желающим, но что гудок на работу будет в обычное время. По гудку на работу явилось из 5.000 лишь 1.500, после 12 час. к ним прибавилось еще 300, и больше ничего. Все обошлось мирно, и даже не было, говорят, штрафов неработавшим первого мая. Через несколько дней произошла забастовка; рабочим было предложено высказать требования через выборных депутатов. В числе требований были: 1) восьмичасовой рабочий день, 2) отмена обысков при приходе и уходе с работы, ибо это оскорбительно. На рассмотрение этих требований начальство заводское просило двухнедельный срок. За работу принялись. В пятницу перед Троицей остановились Паль, Семянниковский опять, Чугунный завод. Общее требование: работа по субботам до двух часов и плата за весь день. На фабрике Гука была забастовка с требованием повышения расценок. Рабочие выбили стекла. Вызваны усиленные наряды полиции, масса жандармов, казаки, приготовлены и, кажется, уже вызваны были войска. Рабочие держали себя спокойно, столкновений пока не было, но наблюдается очень грустное явление: драки между рабочими, желающими работать, и нежелающими сейчас приступить к ней. Другое грустное явление: поднимаются группами, в лучшем случае целой фабрикой, о массовой забастовке нет и помину, и полиции легко подавлять в одиночку вспыхивающие протесты. Полное отсутствие интеллигенции и страшная нужда в ее руководительстве и совете. Интеллигентов ищут, но кто засажен, кто имеет хвост.

На Путиловском заводе пока спокойно, администрация заблаговременно просила полицию принять «меры пресечения», что и было сделано. — Была стачка на Николаевском вокзале, в железнодорожных мастерских. Рабочие требовали возобновления уничтоженных сверхурочных работ (!), так как их обычный заработок не достаточен для пропитания (50 коп. в день). Обещание удовлетворить (еще бы!) такое скромное требование прекратило стачку.

30 мая начались волнения на Балтийском судостроительном заводе. Рабочие забастовали, требуя восьмичасового рабочего дня и, по слухам, прекращения сдачи заказов морского министерства иностраным верфям. Балтийцы двинулись к соседним заводам, из которых гвоздильный и фабоика Пализена примкнули к ним и пошли на остров в город. У Николаевского моста произошла довольно жестокая свалка с полицией, рабочие были отбиты. К стачке после примкнула часть рабочих Франко-Русского завода.

Говорят, что Клейгельс хотел выслать всех забастовщиков, но этому воспротивилась заводская администрация и морское министерство. Опять замечается грустное явление: раскол между рабочими и драки по этому поводу.

Саратов. Недели две тому назад у нас появилась «Рабочая Газета». Вышло уже два номера *. Вся до последней строки писана рабочими и вообще пока еще интеллигенция не принимала в ее издании никакого участия. Любопытна тем, что с первого же номера говорит о социализме и политической свободе. Первое мая (русское и заграничное) прошло спокойно и не отмечено никаким выдающимся фактом. За несколько дней до 1-го и 18-го (след., два раза) были распространены и расклеены на местных фабриках и заводах прокламации от группы социалистов-революционеров, приглашающих рабочих праздновать первое мая. За городом собралось около 50 рабочих (интеллигенции не было, т. е. ее не приглашали). Пришло бы и больше, да организаторы так законспирировали место, что несколько групп рабочих так и не могли попасть куда следует. Было порядочно новичков. Но в общем собрание было не из удачных. На вопрос некоторых из рабочих, почему не пригласили интеллигентов, один из «развитых» и распропагандированных (в духе «Раб. Мысли») рабочих ответил, что в этом нет никакой надобности, что вообще интеллигенция не должна мешаться в рабочие дела и т. д. По этому поводу возник спор на тему: должна ли интеллигенция вмешиваться в рабочее движение, и в конце концов этот вопрос был решен положительно. Большая часть публики осталась недовольна этим собранием и решила в следующее воскресение собраться еще в большем количестве, но слухи об этом предполагавшемся собрании начали циркулировать настолько усиленно по городу, что достигли ушей полиции, и в результате—в этот день в местность, где предполагалось собрание, назначен был наряд. В виду такого положения дел собрание не состоялось.

За последнее время вообще среди местных рабочих велась некоторыми приезжими петербургскими рабочими пропаганда в духе «Раб. Мысли»: отрицание необходимости борьбы за политическую свободу, значения интеллигенции для рабочего движения и проч. Но, повидимому, эта пропаганда успеха не имела.

Перед пасхой была произведена масса обысков (до 30), но безрезультатно. Причиной послужила предполагавшаяся на второй день пасхи манифестация. С этой целью было распространено до 500 прокламаций. Полицией были приняты самые энергичные меры. Между прочим был вызван Уральский казачий полк, солдатам был отдан приказ спать не раздеваясь, вооруженными. Слежение за интеллигенцией было усилено. Многих молодых людей, шедших по улице с книгами, околоточные останавливали и требовали сопровождать их в участок для производства у них обыска, что и приводилось в исполнение. Около этого же времени было произведено несколько обысков по деревням у крестьян, как говорят, по доносу попа.

Воронеж. Общество Юго-Восточных железных дорог с усердием практиковало систему «поощрения» рабочих к более усердной работе обещанием наградных на рождество и пасху. Когда же результат достигался и спешное время обилия работ проходило, всегда оказывалось, что в «нынешний раз» наградных не будет, списки-де отслуживших три года, имеющих право на награду, еще не проверены. Так продолжалось из года в год, так было и в нынешнем году. В последних числах марта было заявлено, что наградных опять не выдадут. На этот раз не выгорело. Рабочие решились напомнить... Требование о выдаче наградных за три года было одновременно пред'явлено во всех главных мастерских: в Луганске, Орле, Воронеже, Борисоглебске. К ним же присоединились козловские и тамбовские мастерские, всего до 8.000 чел. Время было выбрано удачно. У всех в памяти были только-что прошедшие мартовские дни. Под'ем возмущенного духа с одной стороны и под'ем трусости с другой замечался везде. В такое время командующим лицам не хотелось разгорячать страстей. Рабочие в тот же день получили ответ, что требование их будет удовлетворено. Стачка продолжалась всего несколько часов. Жандармские власти принимали деятельное участие в «успокоении», стараясь, чтобы требования были удовлетворены. «Держи нос по ветру».

Интересно, что, когда конторщики попросили, в свою очередь, награды, им ответили: «Зачем же вам давать, вы ведь не требовали». Правильно!

Выдав наградные, начальство затосковало и начало искать корень зла. Жандармы уверяли, что тут не без влияния. В воронежских мастерских было намечено до ста

правлением городовых на площадь из Александровской части им было роздано по 36 патронов, и полицмейстер сказал речь, в которой предупреждал, что, может быть, многим из них не придется вернуться назад, а лечь костьми за царя. Кончив, он перецеловал весь отряд.

* В настоящее время вышли номера 3 и 4.

человек, и им стали выдавать расчет якобы за сокращением работ. Тут подоспел май месяц. Стало замечаться волнение. Незадолго перед тем в селе Урезовке, по распоряжению губернатора, была произведена экзекуция над 26 крестьянами за неповиновение властям. Рабочие не остались равнодушны к этому поруганию личности, и среди них ходили толки, что надо выразить протест. События общественной жизни вообще находят отклик среди рабочих. Напр., номера газет с описанием Обуховской истории покупались, читались и обсуждались. В этот день чувствовалось что-то хорошее, бодрое. Масляные, грязные лица как-то торжественно улыбались, и верилось, что рабочие не испугаются жертв. Первого мая южные рабочие вообще празднуют, и начальство к этому привыкло. Не желая, чтобы рабочие сами бросили работу, оно пошло даже на то, что вывесило в прошлом году такое об'явление: «По случаю первого мая сегодня работы производиться не будут». Нынче пронесся слух, что рабочие намереваются устроить демонстрацию на Дворянской улице (главная в городе). Дня за два, за три до первого мая к одному рабочему подходит жандарм. «Что-то у вас затевается?» — «А что?» — «Как что? не слыхал, что ли?» — «Ничего не слыхал». — «Знаем мы! Нас не проведешь! А зачем музыку наняли? Пройтись хотите? Смотрите, всех разнесем». Так вот как ждали, даже с музыкой! 1 мая прошло тихо. Стали ждать 15-го. Начальство волновалось. По Дворянской гуляли офицеры в походной форме. Неуклюжий жандармский полковник Добрянский грациозно гарцовал на коне, чувствуя себя героем. То и дело проезжал полицмейстер со своим неизменным гайдуком, скачущим на низкорослой лошадке. Жандармы метались, как ошпаренные крысы. Вообще проявляли деятельность. Из канцелярии управления писали донесения. Четырем ротам (480 солдат) был отдан приказ быть наготове, но причины этого солдатам не об'ясняли. Было выдано по 30 боевых патронов на брата. Целый день солдат держали под ружьем. Ночью и то спали в полной форме. Полковник Коротоякского батальона произнес речь: «Ты его предупреди раз, предупреди два, третий не предупреждай — бей его, сукина сына». Бить не пришлось, ибо ничего не произошло. Начальство произвело переполох и тем показало, что не совсем хорошо себя чувствует. Протест не вылился, но это не значит, что он не выльется.

———

Из Иваново-Вознесенска сообщают о целом ряде мелких фабричных протестов, которые показывают, что обострение нужды, вызванное кризисом, и ведущаяся местными социал-демократами агитация не проходит бесследно.

После пасхи 12 рабочих на ткацкой фабрике Зубкова, уволенных за неспокойный нрав, потребовали и добились от фабрики уплаты за две недели, как это требуется законом. Как водится, фабричный инспектор не только не поддержал законное требование рабочих, но и пытался запугать их окриками и бранью. Только настойчивость рабочих, грозивших жалобой на самого инспектора, побудило этого «охранителя закона» исполнить свой долг.

На фабрике Дмитрия Бурылина рабочие отбили попытку фабриканта отнять у них праздник 8 мая (Ивана Богослова), доселе бывший на этой фабрике нерабочим днем. Там же женщины пытались добиться повышения своей заработной платы, но безуспешно.

На фабрике А. И. Гарелина 4 июня все рабочие отправились к фабричному инспектору и пред'явили ему требование об удалении надоевшего им табельщика. Требование было пред'явлено настолько энергично, что фабричный инспектор посоветовал управляющему его удовлетворить, что и было в конце концов исполнено.

На чугуно-литейном заводе Калашникова (200 чел.) сокращение расценков привело к уменьшению заработков вдвое. 15 мая натянутое положение между литейщиками и администрацией завода приняло самый острый характер. Получив месячный расчет, литейщики, в количестве 70 человек, заявили о своем нежелании заключать договор на условиях, предлагаемых администрацией завода, и потребовали возвращения к старым условиям — полугодовому найму (вместо месячного) и зимним расценкам. Заводоуправление отказало в требовании литейщиков, угрожая заместить их рабочими из других городов. Литейщики дружно отказались от возобновления найма и отправились к фабричному инспектору просить о посредничестве. Фабричный инспектор отказался от всякого вмешательства в это дело, так как-де хозяин имеет право изменять принятую систему найма и расценки. Заводоуправление стало вербовать рабочих в Шуе и Москве. Из Москвы выписано было 10 рабочих, от которых при найме скрыли, что зовут на места стачечников. Обещан им был хороший заработок — 75—80 руб. и больше в месяц. Но когда москвичи прибыли в Ив.-Вознесенск и увидали, на какую роль их приглашают, они заявили иваново-вознесенцам, что привезены обманом и если бы знали о стачке, то не приехали бы. «С этого времени между ивановцами и москвичами установилась полная солидарность, и вскоре же москвичи отправились к фабричному инспектору с жалобой на завод. И хозяева, боясь осложнений, тут же отправили одного из беспокойных литейщиков обратно в Москву».

В Шуе нанятые было литейщики, как только узнали о стачке, отказались ехать. Тогда Калашниковский завод сдал часть своих неотложных заказов заводу анонимного общества в Шуе, администрация которого состоит в родстве с администрацией завода Калашникова. Рабочие зав. Калашникова обратились к Ив.-Вознесенскому Комитету Соц.-Дем. Партии с просьбой о воздействии на шуйских рабочих. Комитетом были выпущены прокламации к рабочим завода анонимного общества. Прокламации вызвали забастовку, и рабочие потребовали, чтобы от Калашникова заказы не принимались. Администрация обещала удовлетворить это требование, приглашая не прерывать работы и ожидать приезда хозяина. По приезде последнего рабочие получили «угощение» водкой, а те из них, которые не работали до приезда хозяина, получили расчет либо штраф.

Стачка на Калашниковском заводе продолжалась полторы недели и кончилась частичной уступкой — повышением расценков до зимней нормы. Москвичи отправились домой, и калашниковские литейщики устроили им сбор на дорогу. «Хозяйские забегалки, — пишет корреспондент, — ознакомили своих рабочих с москвичами и тем оказали им некоторую услугу, показав, что экономические потребности здешних рабочих много ниже, чем в других городах».

Понятно, что все эти проявления протеста не могли не вызвать вмешательства царских опричников. «Полиция, — пишут нам,—за последнее время стала особенно чутка и наблюдательна за рабочими, а первого мая не было места, где бы не встретился полицейский». В ночь с 17 на 18 мая над Иваново-Вознесенском пронесся жандармский ураган, который выразился в аресте девятнадцати человек рабочих. Из арестованных удалось узнать следующие фамилии: Г. Ляпин, Н. Голоухов, Белов, Королев, Филипов, Жаров, Баринов, Боголапов, Макруев, Воробьев, Соколов, Гаравин. Арестованные содержатся частью в местной тюрьме и по фабричным арестантским. Таскают многих в тюрьму на допрос; из них задержали троих. Дело ведут местный полицмейстер и жандармский ротмистр, ведут очень глупо, подчас забирают безграмотных. Интересно, нам удалось узнать, — что за несколько времени перед арестом Баринов был приглашен к полицмейстеру, который предлагал ему поступить к жандармам в шпионы. Баринов отказался, говоря, что его все знают и могут скоро прикрыть. На это в утешение полицмейстер предлагает два-три револьвера, но и это не соблазнило Баринова. Спустя два дня Баринова уже приглашает жандармский ротмистр, который уже предлагает рублей на 5 больше, чем полицмейстер (последний предлагал 15 рублей) и просит Баринова, чтобы он указал главных деятелей. Баринов отказался. Теперь его арестовали, очевидно, подозревая, что он самый главный.

Не знаем, жалеет ли Баринов, что он не получил 15 р., но зато уверены, что ротмистр и полицмейстер очень жалеют, что за 15 р. им не удалось узнать главного.

Просят остерегаться конторщика Колычева на фабр. Гарелина (черный, сутуловатый, говорит басом). Будучи однажды арестован, рассказал все, что знал, благодаря чему многих забрали.

* * *

Хотя услуга нам при нужде дорога,
Но за нее не всяк умеет взяться...

Именно такого рода услугу оказала рабочим Иваново-Вознесенска для первого мая в прошлом году с.-петербургская организация, а в нынешнем году в этом же направлении трудились, очевидно, другие доброжелатели. К стыду первых должны признать, что они были скромнее нынешних доброжелателей, но все же мы не думали сообщать о том, что было в прошлом году, если бы и в этом году не было такого же печального поползновения.

В прошлом году доставили в Иваново-Вознесенск достаточное количество майских листков из Петербурга. Доставили, но не дали совета, как наилучше распространить эти листки. И вот местные рабочие, не работавшие раньше листками, разделили на несколько человек эти листки и, придя к фабрике, стали раздавать выходившим рабочим упомянутые листки. (Способ очень хорош в будущем и, может, им очень воспользуются, но там, где только начинают такую деятельность, это невозможно по очень многим соображениям). Конечно, раздать им удалось достаточное количество, но в конце концов их всех забрали и отправили к жандармам. Дальше — процесс, и почти все арестованные выдавали, а некоторые наговорили больше, чем знали сами. Это было бы полбеды, если бы сами листки стоили, чтобы их распространять. Но тут-то и есть самая главная беда. Оказалось, что распространенные листки вызывали негодование рабочих против тех же листков. И это очень понятно: в Иваново-Вознесенске работают девять часов чуть ли не на всех фабриках (хотя и не все рабочие), а им предлагают требовать девятичасового рабочего дня... Эх, господа составители, писатели и доброжелатели, этак можно очень много натворить пакостей рабочим!!

В нынешнем году был доставлен также листок в готовом виде и в большом количестве и это, может, будет повторяться еще и еще, и не только в Иваново-Вознесенске, а и в других местах, и вот почему я, рабочий, п р о т е с т у ю против такой скверной (извините за выражение!) постановки дела! Против таких отживших и предосудительных приемов!

Раньше, чем напечатать и доставить листок, его нужно доставить для обсуждения местной рабочей организации, какая бы она ни была, и если она его одобрит, то она, наверное, его и распространит, и тогда не повторится такое печальное явление, как с листком в Иваново-Вознесенске, который доставлен был для распространения, а не доставлен был для обсуждения. Благодаря этому, его как будто доставили для того, чтобы уничтожить не только как неудовлетворяющий, но и как в р е д н ы й листок. И в самом деле, выставить требование девятичасового рабочего дня, когда здесь работают столько часов — разве этим возможно заинтересовать рабочих?! Опять же требовать суда присяжных над стачечниками! Разве это не есть смешная ирония? Это значит, что мы будем признавать справедливым преследование стачек. Для нас нужен не суд присяжных над стачечниками, а полная свобода стачек, — даже больше, — покровительство стачечников. Очень жаль, что уничтожены все упомянутые листки. Мы не преминули бы познакомить с полным подлинником.

Р а б о ч и й з а р а б о ч и х.

Из Ш у и пишут о возмутительных порядках на ситценапечатной, ткацкой и прядильной фабрике Павлова (до 3.000 чел.). На этой фабрике хозяин с сыновьями в полном смысле слова развратники, и один из сыновей доразвратничался до сумасшествия и теперь находится в психическом недомогании и получил дурную болезнь. Благодаря всему этому, трудно какой-нибудь девушке остаться в полной безопасности от этих наглых, бесстыдных представителей русского капитализма и столпов отечественного правительства. Хозяин имеет особых работниц, которые стараются совращать молодых девушек. Из фабрики Павлов сделал своего рода гарем. Глядя на хозяина и его подлых сыновей, и служащие позволяют себе мерзости... На фабрике есть много станков, покрытых рогожами, потому что хозяин боится нанимать на свою фабрику мужчин из страха перед бунтом, женщины же на этих станках работать не могут по недостатку физической силы.

У всякой работницы и работника сердце ноет от тех порядков, которые творятся на фабрике Павлова.

* * *

Из того же города сообщают: «У нас в городе недавно были обыски и аресты. Арестовывают ночью, и теперь есть у жандармского ротмистра целое дело. Конечно, в других городах арестовывают, потому что находят подпольные книжки и газеты, и у нас арестуют потому, что находят цензурные книги, хотя бы одну или две. И вот на допросе, чинимом жандармским ротмистром, он вопрошает:

«— Это у тебя зачем?

«— Читать купил.

«— А почему купил именно эту, а не житье? или: почему читаешь, а не спишь? или: не ведешь такой бесстыдный образ жизни, как он, шуйский ротмистр. Он, ротмистр с фабрикантом Павловым напивается до положения грязной свиньи и потом в таком виде целуются публично и изливают свои взаимные чувства на глазах удивленной публики. Павлов же для таких случаев приказывает которой-нибудь свахе (таких он имеет несколько на своей фабрике) приготовить такую-то девушку, и это выполняется, точно речь шла о том, как зажарить цыпленка. И это делают представители русского капитала и представители жандармской власти. И потому-то они стараются удержать в темноте массу, поэтому нельзя рабочему пройти по городу с книгой под мышкой, чтобы таковую не вырвал полицейский и не посмотрел: „Это что за книга?“ Это особенно бывает часто около читальни.

«Раз представитель капитала Павлов, представитель правительства жандармский ротмистр, представитель русских попов-инквизиторов Евлампий отправились с целью напиться до осатанения за много верст от Шуи. И точно что напились (были, конечно, с ними и другие), начали безобразить и чуть не подрались. Потом все заставляли попа Евлампия задать в своем поповском балахоне плясового трепака, но поп Евлампий, напившись, сделался строптив и ни за что не хотел итти плясать. Тогда разгневанные друзья выгнали пьяного попа, и поп уже верст девять отмахал к Шуе (по какой-то случайности не завалился в канаву), и только на десятой версте догнала много спустя посланная подвода и довезла строптивого попа до дома».

Из О р е х о в о - З у е в а нам пишут: «19 марта в местечке Никольском были произведены аресты. Арестован Рудаков, выпущенный через несколько дней. Обыски сделаны у Ивана ткача и Агафона уборщика, по слухам также в доме Солнцева. Причина такого набега, как нам удалось узнать, — деятельность шпиона провокатора Ниткина (настоящая фамилия Дмитриев). Этот Дмитриев был привезен новым директором фабрики Викулы Морозова Скобелевым месяцев восемь тому назад. Он и действует с ведома Скобелева, получая от него деньги на разные расходы. Дмитриев-Никитин живет среди рабочих в казарме. Приметы: лет 33, рост выше среднего, плотного телосложения, большой лоб, мутные серые глаза, говорит мягко, при разговоре на лбу делаются морщины, смотрит исподлобья».

К р а с н о я р с к. 17 апреля по городу были расклеены прокламации сибирским рабочим. Всего содержания я не напишу вам, так как оно очень велико, вот только отрывок. Вначале говорится о студенческих беспорядках и о средствах, которыми полиция не гнушается подавлять их. Далее говорится о празднике первого мая и рабочие призываются пройти по главным улицам города со знаменами, на которых будут выставлены такие требования: 1) чтобы страна управлялась по законам, составленным избранными

от всего народа лицами, а не по произволу царя и его приспешников, как это делается теперь; 2) чтобы выбирать и быть избранными могли люди не только богатые, но все без исключения жители России в одинаковой степени; 3) чтобы подача голосов при выборах производилась тайно, иначе лица власть имущие могут оказывать влияние на избирателей или подчиненных (напр., предприниматели на своих рабочих) и проводить в законодательное собрание своих кандидатов; 4) чтобы все желающие могли свободно собираться для каких угодно целей и свободно устраивать всякого рода общества; 5) чтобы каждый мог свободно держаться веры, которую он находит наиболее правильной. 6) чтобы каждый мог в публичных речах и в печати высказывать свои взгляды по всем без исключения вопросам; 7) чтобы никто не мог быть арестован и выслан без постановления суда.

«Без всех этих прав мы никогда не добьемся улучшения своей жизни, а потому напряжем все свои силы, чтобы добиться их... Итак, товарищи, время теперь удобное: смело и дружно пойдем на борьбу с самодержавием, общими силами преодолеем все препятствия и выйдем из этой борьбы победителями».

Вот вкратце содержание прокламации. Но никакой демонстрации не произошло.

В другом сообщении из Сибири нам пишут, что упомянутые листки были распространены во всех крупных сибирских городах, как-то: Томск, Омск, Красноярск, Иркутск, Благовещенск. В этих листках после «выяснения значения первого мая и политических требований — восьмичасового рабочего дня, свободы собраний, слова и т. д.—указывалось на важность соединения с широкой протестующей публикой, на образование одного общего революционного потока». 18 апреля в некоторых мастерских (в Томске) рабочие бросили работу с 12 час. дня. Первого мая по русскому стилю были снова распространены листки как среди рабочих, так и в публике вообще. Часть листков напечатана в типографии.

———

Первое мая в Тифлисе. Событие, бывшее в воскресение 22 апреля (ст. стиля) в Тифлисе, является исторически-знаменательным для всего Кавказа: с этого дня на Кавказе начинается открытое революционное движение. Уже 3—4 года, как тифлисские сознательные рабочие начали сплачиваться под общим рабочим знаменем и начали соединенными силами вести борьбу против господствующих классов и против настоящего государственного строя. Кто мог предположить, что вчерашний трус, неопытный и неграмотный армянин или грузин рабочий — сегодня герой, готовый проливать свою кровь и итти на мучение за общее святое дело? И они как нельзя лучше доказали это 22 апреля.

Прежде всего нужно заметить, что с недавнего времени началась усиленная и энергичная социалистическая пропаганда среди рабочих кружков, хорошо организованных, а рабочие собрания, беседы о рабочем вопросе и распространение в громадном количестве брошюр между русскими, грузинскими и армянскими рабочими, — все это имело значительное влияние на рост и развитие рабочей партии. Праздник первого мая также имел воспитательное значение для рабочих. Этот праздник за последние годы совершался за городом, далеко от полиции и от глаз администрации. В прошлом году, напр., несмотря на отвратительную дождливую погоду, более 400 рабочих разных национальностей праздновали первое мая за 4 версты от города на открытом воздухе в одном ущелье. В этом же году местный комитет решил отпраздновать первое мая, устроив торжественную манифестацию в городе. Этого хотели и сами рабочие, но не того хотела администрация: начались ежедневные аресты, обыски. В настоящее время Метехский замок и губернская тюрьма переполнены арестованными рабочими и социалистами; число их доходит до нескольких сотен, а, может быть, и до тысячи: факт тот, что сажать больше некуда, и новых арестованных отправляют в военную тюрьму. От последних движений в больших городах наше идиотское правительство совсем потеряло голову. Представьте себе, что оно еще за неделю до 22 апреля расставило драгун и казаков вокруг железнодорожных и городских мастерских и заводов, чтобы нагнать страх на рабочих и заставить их таким образом отказаться от празднования первого мая. Но рабочие не испугались: они решили отпраздновать свой праздник во что бы то ни стало. День празника — 22 апреля (первое воскресенье после первого мая), а место сборища — Солдатский базар в центре города. Оттуда кортеж должен был направиться по Пушкинской улице на Эриванскую площадь, а потом на Дворцовую улицу и Головинский проспект. В назначенное время число собравшихся рабочих достигло до 3.000 чел. Сигнал был дан, и красное рабочее знамя поднялось и заколыхалось в воздухе; на нем были портреты Маркса, Лассаля и Энгельса и надписи на грузинском, армянском и русском языках: «Рабочие всех стран соединяйтесь!», «Да здравствует восьмичасовая работа!». При виде знамени раздались громовые голоса: «Да здравствует республика, да здравствует свобода, да здравствует восьмичасовая работа!». Администрации было известно о манифестации, и она заранее приняла свои меры: как только процессия двинулась, со всех сторон на участников ее набросились жандармы и сыщики, имея во главе известного своим зверством жандармского капитана Лаврова, полицейские и солдаты. Они били манифестантов нагайками и обнаженным шашками, у рабочих же почти ничего не было, кроме мускулистых рук для самозащиты. Невозможно описать ту возмутительную картину, которая получалась при поголовном избиении манифестантов. Страшная паника настала во всем городе. В некоторых местах остановилась конка: кучера соскакивали и бежали к месту побоища на помощь к своим братьям рабочим. Отчаянная борьба продолжалась три четверти часа; за это время много крови было пролито, много раненых пало! Вот падает раненый рабочий; он весь в крови; полицейские начинают топтать его ногами, а он, не переставая, продолжает кричать: «Да здравствует социализм, да здравствует восьмичасовая работа!». В другом месте одна женщина (там было несколько женщин манифестанток), увидев зверские удары одного пристава, с яростью напала на него, разорвала на нем мундир и целыми клоками стала вырывать у него волосы. Атлет-знаменоносец Аракел (армянин) схватывает одной рукой обнаженную шашку, поднятую над его головой, и ломает ее на две части. Рабочий Махарадзе (грузин), получив три раны саблей, выстрелил несколько раз из револьвера и ранил двух городовых. Пристав Гедеванов тяжело ранен. Сам полицмейстер Ковалев, получив сильные удары в ногу вынужден был слезть с лошади и сесть в экипаж. Вскоре явились казаки, а за ними губернатор. Манифестанты были рассеяны. Целых три дня после того Тифлис был на военном положении. Арестованных много, хотя официальная газета «Кавказ» сообщает, будто их всего 41 человек. Немецкий студент, защищавший рабочих, получил тяжелые раны от полицейских и умер (?) в тюрьме.

Тифлис, май 1901 г.

От редакции «Дрошак».

Орган армянской федеративной революционной партии.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРЕНИЕ

ПИСЬМА ИЗ ФРАНЦИИ.

Письмо первое.

То, что предвидели все, кто внимательно следил за развитием французской социалистической партии в последние годы, осуществилось: лионский конгресс завершился новым расколом партии, вторым по счету в течение года и, вероятно, не последним. Мы не принадлежим к числу тех, кто проливает по этому поводу слезы, хотя и понимаем, что необходимым условием успешной

борьбы пролетариата является об'единение всех его сил, ибо вне об'единения нет и не может быть планомерной социалистической борьбы. Ампутация всегда болезненна. Но подобно тому, как человеческий организм иногда оживает и расцветает после необходимой хирургической операции, так и революционная партия, чтобы быть в состоянии развивать и утилизировать все свои силы, чтобы укрепить свою оборонительную и наступательную позицию, вынуждена иногда круто порвать с элементами, задерживающими ее развитие, отвлекающими ее от той цели, которую она себе ставит, подтачивающими и ослабляющими ее революционную энергию. Именно такой момент переживает, по нашему мнению, в настоящее время французская социалистическая партия.

Процесс сплочения социалистических сил, начавшийся в 1892 г. и завершившийся полным об'единением их на общем конгрессе 1899 г., происходил при условиях исключительно благоприятных для роста социалистической партии. Но эти же условия были неблагоприятны в том отношении, что бросили в ряды партии значительное число элементов, по существу не признававших самое основание социалистических теории и практики — принцип классовой борьбы. Об'единенная партия оказалась слишком разнородной, чтобы сохранить то единство цели и то единство практической деятельности, без которого немыслима ни одна партия, в особенности партия революционная. В недрах об'единенной партии оказались, в сущности, две совершенно различные партии, из которых одна—громаднейшее большинство—оставалась верна традициям революционного социализма, т. е. оставалась на почве классовой борьбы, а другая — незначительное меньшинство — стала проповедывать антиреволюционную теорию «сотрудничества классов». Этим основным разногласием обусловливалось их различное понимание всей постановки партийной деятельности. Обе они одинаково признавали необходимость реформ, т. е. необходимость добиваться такого улучшения положения рабочего класса, которое возможно в буржуазном обществе, но в то время, как революционеры считали необходимым прежде всего отстаивать отдельное и самостоятельное существование классовой рабочей социалистической партии и оценивали всякие реформы лишь постольку, поскольку они способны укрепить оборонительную и наступательную позицию пролетариата в его борьбе за социализм, — в глазах других эти реформы составляли цель, являлись сами по себе благом, для достижения которого рекомендовалось постоянное сотрудничество с «соседними» демократическими партиями. Тогда как первые требовали, чтобы социалистическая партия руководилась во всей своей деятельности тем основным положением социалистической программы, по которому интересы пролетариата глубоко враждебны интересам всех фракций буржуазии (хотя это не отрицает возможности временных союзов с той или другой фракцией на почве определенных вопросов),—другие рекомендовали постоянную совместную деятельность более или менее демократически настроенной буржуазией, что предполагает существование постоянных общих интересов—и политических и экономических — у пролетариата и у этих фракций буржуазии.

Естественно, что на первых же шагах практического применения этих направлений между ними должны обнаружиться такие глубокие разногласия, которые заставят их распрощаться и обособиться в отдельные организации. Бернштейн может ужиться рядом с Каутским в одной и той же партии лишь до тех пор, пока бернштейнианство является только, если можно так выразиться, общей теорией компромиссов. Но как только социально-политические условия дадут возможность бернштейнианству начать осуществляться в практических мероприятиях, между его направлением и направлением революционной социал-демократии неизбежно должен произойти раскол. Мильерандизм — это практика бернштейнианства; вот почему он не мог ужиться рядом с революционным социализмом Гэда, Вальяна, Лафарга и мног. друг.

На какой почве вырос мильерандизм во Франции? Вопрос этот слишком обширный, и ответить на него достаточно подробно здесь нет никакой возможности. Но ответить на него необходимо, ибо иначе трудно разобраться в той сложной сети сталкивающихся и переплетающихся течений, которые приходится в настоящее время наблюдать в глубоко интересной и поучительной жизни французской социалистической партии.

Выше я сказал, что процесс сплочения социалистических сил во Франции происходил при условиях, исключительно благоприятных для роста социалистической партии. Вернее будет даже сказать, что именно под влиянием этих условий и начался, происходил и завершился этот процесс. Это было в начале девяностых годов. Между крупной городской и сельской буржуазией состоялся компромисс на почве экономической, компромисс, за которым вскоре последовало соглашение и на почве политической. Это соглашение знаменует собою начало самой мрачной реакции третьей республики, — реакции и политической и социальной. Демократические свободы, добытые столь дорогой ценой, стали явно попираться; все попытки самодеятельности пролетариата жестоко и систематически преследовались; вся экономическая политика оппортунистских правителей явно стремилась служить интересам одного лишь крупного капитала. И в это-то время в стране, где мелкая буржуазия столь многочисленна, где экономическое положение этого класса становилось все более и более шатким и непрочным, не было никакой организованной буржуазно-демократической партии, которая явилась бы выразительницей интересов этого класса, которая выработала бы программу его экономических требований. Антиклерикальная демагогия одних, туманная декламация против «монополий» и «финансовых феодалов» других, да общая сонливость и дряблость всех — вот к чему свелась программа и деятельность некогда воинственной радикальной партии, не говоря уже о том, что большинство шефов этой мертвой партии скомпрометированы были в разных грязных «панамах» и проч.

Это отсутствие борьбы между промышленной буржуазией и землевладельческим классом, с одной стороны, и отсутствие организованной буржуазно-демократической партии, с другой, ставило социалистическую партию в исключительно-благоприятное положение, но в то же время требовало от нее большой осторожности. Социалистическая партия, выразительница интересов пролетариата, явилась единственной деятельной, активной защитницей демократического строя. Помимо того, так как выставленная ею программа-минимум была по существу лишь расширенной программой прежней радикальной

партии, то она силою вещей оказалась не только революционной партией пролетариата, но и единственной реформаторской партией, к которой поэтому стали тяготеть наиболее прогрессивные, наиболее деятельные элементы радикальной буржуазии.

Такая сложная, ответственная роль могла быть выполнена лишь об'единенной партией, и с тех пор об'единение действительно начало осуществляться, сперва в парламенте, потом постепенно и в стране. Приступив к выполнению своей роли бодро и энергично, выставив в парламенте ряд блестящих талантов, борясь с реакцией изо дня в день, не уступая ей ни одной пяди без боя, социалистическая партия вскоре привлекла к себе симпатии всей демократии. Социализм вошел в моду. Всякий, кто недоволен был существующим, кто желал реформ, стал называть себя социалистом. Постепенно стали стираться границы—по существу столь глубокие—между революционным социализмом и буржуазным демократизмом. Тогда по требованию старых революционеров решено было вновь прорезать эту границу, — и Мильеран произнес свою известную речь - программу в avenue Saint-Mandé, с именем которой с тех пор связана эта памятная речь. Речь эта была произнесена в 1896 г., т. е. через три года после того, как составилась парламентская социалистическая группа. Речь эта была крайне умеренная, как мы сейчас увидим, но в ней были перечислены три основные пункта интернациональной социал-демократии: признание принципа классовой борьбы, интернационального характера социалистической борьбы и необходимости социализации средств производства и обмена. Когда парламентская группа через несколько дней решила, со своей стороны, принять эти 3 пункта социалистической программы, 15 депутатов протестовали против этого и вышли из группы, заявив, что, хотя они и социалисты, но никогда не признают ни принципа классовой борьбы, ни интернационализма, ни коллективизма. Факт этот достаточно характеризует тот «социализм», который был тогда в моде во Франции. Как бы то ни было, партия отделалась от значительной части вторгшихся в нее мелкобуржуазных элементов.

Но и сам Мильеран, произнесший эту речь, был тоже своеобразным «социалистом». И в речи Saint-Mandé и во всех других своих программных речах Мильеран неизменно заявлял себя принципиальным противником революционного образа действия. Он ожидал осуществления социализма путем мирных и постепенных законодательных реформ. Социализация средств производства должна была, по его мнению, совершаться постепенно, по мере того, как одна отрасль производства за другою будет «созревать» для такого превращения. Социалистическая партия была в его глазах не независимой, отдельно от других партий существующей партией пролетариата, а «крайним левым флангом общей демократической партии». «Против олигархической и плутократической партии,—говорил он в 1898 г.,—стоит партия демократии, оставшаяся верной республиканским идеям и желающая, чтобы республиканская форма правления принесла все свои плоды: во главе ее идет социалистическая партия». И эта последняя должна в своей программе - минимум выставлять не специфические требования пролетариата, а требования таких реформ, на которых м о г л и б ы с о й т и с ь в с е п а р т и и, — и в числе таких реформ Мильеран выставил, напр. в 1898 г. требование двухлетней военной службы и учреждение пенсионных касс для старцев и немощных. Выставляя такую программу «реформ», — заключал он, — «социалистическая партия произведет сильное впечатление и представит неопровержимое доказательство, что о н а я в л я е т с я в настоящем смысле слова п а р т и е й п р а в и т е л ь с т в е н н о й».

Неудивительно, что человека, который, «признавая» основные принципы социал-демократии, в то же самое время делал подобные заявления, — давно уже подозревали (как это признают теперь в печати Вальян, Гэд и мног. др.) в стремлении стать министром. И действительно, когда понадобилось ликвидировать дело Дрейфуса и буржуазии нужно было дать место в министерстве представителям «социализма», она обратилась к человеку, в глазах которого социалистическая партия была «в полном смысле слова правительственной партией». И Мильеран сделался министром.

Как только это вступление социалиста в министерство сделалось известным, революционеры очень энергично запротестовали. Неизбежным следствием этого акта должен был быть раскол. Тогда со всех сторон стали требовать, чтобы созван был общий с'езд всех социалистических организаций и чтобы на этом с'езде был решен, между прочим, и вопрос о Мильеране. С'езд состоялся в декабре 1899 г. Об'единение было вотировано, но вопрос о Мильеране не был решен окончательно. Была принята принципиальная резолюция, гласившая, что принцип классовой борьбы не допускает вступления социалиста в буржуазное министерство, — и только. Когда один из участников с'езда предложил, чтобы с'езд обратился с требованием к Мильерану либо покинуть министерство, либо выступить из партии, то это предложение даже не было поставлено на голосование. С'езд ограничился своим принципиальным заявлением. Все сторонники Мильерана торжественно заявили, что подчиняются решениям большинства.

Но когда участники с'езда раз'ехались по домам, все пошло по - старому. Постановление с'езда толковалось сторонниками Мильерана в том смысле, что в б у д у щ е м ни один социалист не может вступать в министерство без разрешения партии, но т. к. Мильеран вступил в министерство до того, как состоялось это постановление, то оно на него не распространяется. Вопрос этот по-прежнему разделял партию на два непримиримые лагеря, и с'езду 1900 г. предстояло снова вернуться к нему. Так как на первом с'езде за революционную тактику высказалось огромнейшее большинство делегатов, то сторонники Мильерана в несколько раз увеличили число своих групп путем разделения более крупных организаций на множество мелких и привлечения большого числа профессиональных синдикатов и радикальных организаций: в то время, как на с'езде 1899 г. было представлено 1200 мандатов, с'езд 1900 г. насчитывал их свыше 2800. Большинство оказалось на стороне приверженцев Жореса и Мильерана, и вся Французская Рабочая Партия («гедисты»), наиболее сильная и дисциплинированная партия во Франции, предпочла покинуть с'езд и порвать с партией, в которой открыто торжествовал мильерановский оппортунизм.

Несмотря на уход гедистов, их единомышленники (соц.-революционная партия—бывшие бланкисты—и не-

которые автономные организации) остались на с'езде, чтобы попытаться найти почву, на которой могли бы сойтись все социалисты. В течение десяти месяцев они оставались в пределах партии, рассчитывая, что удастся все-таки изгнать из партии оппортунизм мильерандистов. Последнюю попытку они сделали на лионском конгрессе.

О том, что произошло на этом конгрессе, как и об его последствиях, я скажу в следующем письме.

[В. Даневич-Гуревич]

ПИСЬМО ИЗ ВЕНЫ.

Февральские и мартовские события в России не могли пройти незаметно для австрийского рабочего класса и передового австрийского студенчества. Сейчас после того, как киевские студенты были отданы в солдаты, во Львове собрались в одном ресторане все руссинские студенты и сообща выработали, напечатали и разослали во все студенческие кружки Австрии протест против варварства русского деспотизма. Кроме того, руссинские студенты составили на малорусском языке следующий адрес русскому передовому студенчеству, который они просят нас опубликовать в газете «Искра» «Товарищи! Последние события в русских университетах тронули до глубины души всю украинскую молодежь Австрии. Они опять показали нам все варварство и одичалость российских порядков, полицейские инстинкты и низкий моральный уровень университетских властей и отсталость той обстановки, среди которой приходится жить большой части украинской молодежи и всему студенчеству русского государства. Признавая всю необходимость и трудность борьбы, которую вы подняли для защиты своей чести и человеческих прав, мы высказываем наши симпатии и глубокое уважение тем товарищам, которые пали жертвами в этой борьбе. Мы, отделенные от вас солдатским кордоном, не можем прийти в ваши ряды и принять участие в той сечи, в которой вы падаете под ударом вражьих рук. Мы, к сожалению, осуждены в бездействии ожидать здесь известий с поля битвы! Но мы более чем убеждены, что борьба эта скоро окончится для вас полной победой, а потому от всей души поздравляем вас и восклицаем: счастливой борьбы, товарищи! Львов (Лемберг), 24 марта н. ст. 1901 г.»

Вскоре в Праге чешскими студентами-радикалами был учрежден комитет, на который была возложена обязанность заняться организацией во всех университетских городах Австро-Венгрии студенческих митингов для выражения симпатии русским борцам за свободу и для протеста против жестокой расправы, учиненной царскими опричниками в Петербурге и других русских городах. Решено было, чтобы митинги состоялись по всем городам в один и тот же день, но австрийская полиция, напуганная, как видно, женевской демонстрацией против русского консула, начала запрещать устройство подобных митингов, мотивируя свое запрещение 1) тем, что «нечего причинять обиды соседнему государству, с которым мы живем в мире» и 2)—студенческие кружки все научные, а устраиваемые ими митинги носят политический характер, что законом не разрешается. Иначе посмотрело на это дело общество. Оно явилось на помощь студентам. В Праге союз социал-политиков созвал от своего имени собрание, на котором дал возможность чешским студентам выразить свое отношение к рускому рабочему и к русскому студенческому движению, с одной стороны, и к царизму — с другой. Политика русского царя подвергалась здесь такой резкой критике, что полицейский комиссар распустил собрание. С криками: «Долой русского царя! Да здравствует революция в России! Да здравствует русский рабочий народ!» студенты вывалили на улицу, стараясь демонстративно пройтись мимо русского консульства. К студентам присоединились рабочие, возвращавшиеся в свою очередь с собрания, на котором парламентский депутат Игнатий Дашинский, хорошо знакомый с Россией (в одном из русских острогов ему пришлось просидеть полтора года за политическую агитацию среди поляков), говорил о положении дел в России. Демонстрация принимала грандиозные размеры, и полиции с большим трудом удалось рассеять толпу и помешать ей добраться до помещения русского консульства.

Венские студенты назначили свой митинг на 26 апреля. Полиция его не разрешила. Тогда этот же митинг был созван на 29 апреля политической рабочей организацией третьего участка города Вены. Митинг состоялся в первоклассном и самом большом по своим размерам ресторане Ронахера. Народу—большей частью студентов—собралось свыше 3.000. Зал не мог вместить всех желавших принять участие в протесте против порядков, существующих в России. Сюда же пришли и некоторые профессора и приват-доценты венского университета. После речей представителей студенчества, выразивших горячее сочувствие своим русским коллегам и русским рабочим, борющимся против царского деспотизма, на трибуну взошел депутат парламента Энгельберт Пернерсторфер, который начал проводить параллели между современным русским студенчеством и студенчеством австрийским 1848 г. и нынешним. Его речь произвела на всех присутствующих сильное впечатление. «С радостью отмечаю тот факт, — сказал он,—что венское студенчество оставило в стороне свою партийность, свое политическое разногласие и свои национальные распри, как только дело коснулось манифестации в пользу свободы». Только одна незначительная группа проживающих в Вене австрийских студентов сербов-националистов, все еще убежденных вследствие своей наивности и недальновидности в том, что русский царь со своими солдатами спасет их от австро-венгерского гнета и даст им автономию, заявила в лице одного студента свою несолидарность с протестом в той его форме, какую он принял на этом митинге. Крики: «Долой! Будет!» заставили оратора сойти с трибуны, не кончив своей речи. От имени венских рабочих говорили на этом митинге депутат парламента Вильгельм Элленбоген. «Поступок русского правительства против Толстого, — говорил он, есть пощечина, данная русским абсолютизмом европейской культуре. Кровь, пролитая в Петербурге, — наша кровь: не чужды нам люди, борющиеся в России, мы их хорошо знаем; это люди, которые прошли ту же школу, что и мы: школу порабощения. Несколько лет тому

назад царь обратился ко всему образованному миру с предложением устроить повсеместный мир. Он ждет ответа, и мы его даем ему: пусть устроится раньше мир в твоем собственном государстве!» От имени польской колонии в Вене говорил один студент-технолог. «Я уполномочен,— сказал он,— от имени поляков выразить протест против поступка студентов-поляков варшавского университета, которые, руководствуясь каким-то узким, ничем не об'яснимым национальным шовинизмом, отказались во вред собственному делу принимать участие в общем протесте студентов русских университетов. В борьбе с абсолютизмом все национальности должны итти рука об руку, и только в таком случае борьба эта будет успешна. Надеемся, что польские студенты в России поняли свою оплошность и впредь будут знать, как им поступать!».

Митинг закончился к полуночи. С пением революционных песен толпа медленно очищала место собрания. Раздавались крики: «Долой русского царя! Да здравствует социальная революция!»... На улице масса конных и пеших полицейских. Произведено несколько арестов. Толпа широко раскинулась по всему центру Вены. Полиция направила все усилия к тому, чтобы отстоять консульство и не допустить к нему демонстрантов. Одному моему знакомому все-таки удалось разными закоулками пробраться туда, и вот что он мне потом рассказал: «У ворот консульства двое городовых, на углах улицы конные и пешие патрули, прохожим воспрещают останавливаться, в помещении консульства, несмотря на поздний час, светло. У ворот стоит сам консул, окруженный всей своей дворней. Два человека, которых я видел на митинге, ведут с ним оживленный разговор, как видно, рассказывают ему все, что видели и слышали на митинге. Я хотел было подойти поближе, но подоспевший полицейский приказал мне удалиться»...

Венский митинг произвел огромное впечатление, так что даже легальная русская печать не могла обойти его молчанием, хотя, как поступили, напр., царские «С. Петербургские Вед.» (см. ном. 116, от 30 апреля), старались загладить впечатление протеста наивным уверением, будто митинг был устроен одними немцами и евреями. Что недостатка в славянах и даже романах (румыны, итальянцы) на митинге не было, это факт. Факт также и то, что преобладали немцы и евреи, как заявляет «Нов. Время». Но гг. Суворины и Трубецкие, ведь смешно и ожидать, чтобы на митинге студентов немецкого университета преобладал славянский или романский элемент. А за доказательством того, что и славянские народы перестают видеть в русском царе поборника правды, прогресса и культуры, что и они изверились в благие обещания русского деспота и что и их симпатии находятся уже на стороне борющегося русского студенчества и рабочего класса, — ходить недалеко. Что сербы и болгаре — славяне, этого, кажется, никто отрицать не будет, а между тем всем известно, что в Белграде сербские студенты устроили митинг для выражения симпатии русским студентам, а затем и демонстрацию перед русским консульством, во время которой из уст братьев-славян раздавались возгласы, далеко не лестные для русского царя. О протесте болгар против русского деспотизма читатель найдет ниже особое сообщение.

* * *

Первое мая было отпраздновано с обычным торжеством. Работа нигде не производилась, даже городские работы были приостановлены. Рабочие кварталы носили праздничный характер. Вообще должен заметить, что австрийские, в особенности венские, рабочие знают цену интернациональному празднику, дню первого мая. Утром во всех частях города состоялись массовые собрания, на которых ораторы излагали рабочим цель и значение этого дня. Рабочие явились на собрания в воскресной одежде, у всякого на груди был майский значек и красная роза. На всех собраниях была вынесена одна и та же резолюция, в которой, между прочим, австрийские рабочие выражали свой протест против жестокости и варварства русского абсолютизма и свою солидарность с русским рабочим классом и революционным элементом из учащейся молодежи. После обеда русские устроили манифестацию. Демонстративно прошлись они отдельными организациями по всему городу и, соединившись на одной из главных улиц в один громадный цуг, направились в Пратер, загородный парк, где и провели весь остаток дня. Во многих местах играла музыка, рабочие распевали революционные песни, устраивали танцы и всякими другими способами старались достойным образом отпраздновать этот праздник труда.

В заключение замечу, что первого мая лекции в венском университете не читаются. Студенты социалисты своими демонстрациями добились того, чтобы дать возможность праздновать первое мая не только революционным представителям физического труда, но и революционным представителям труда умственного.

[В. Вегман]

ПОСЛЕДНЯЯ ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ ПОБЕДА АВСТРИЙСКИХ РАБОЧИХ.

На-днях, в первых числах июля, в избирательном венском округе Фаворитен происходили выборы депутата в Нижнеавстрийский ландтаг, доставившие социал-демократам блестящую победу над буржуазными партиями. В этом провинциальном парламенте господствуют безраздельно злейшие, или, вернее, нелепейшие реакционеры Австрии, а, пожалуй, и всего цивилизованного мира, именно— антисемиты. Социал-демократам до крайности затруднен, можно сказать, загражден доступ в него большими ограничениями избирательного права, лишающего, например, в округе Фаворитен 12.000 рабочих возможности участвовать в выборах. Кроме платежа известного налога, нужно еще иметь постоянное местожительство в течение трех лет в данном округе. Таким путем в Фаворитене больше половины взрослых мужчин, т. е. по меньшей мере четверть совершеннолетних рабочих, пользующихся избирательным правом для имперского парламента, лишены его для нижнеавстрийского ландтага. Только сравнительно хорошо поставленное меньшинство рабочего населения может участвовать в выборах для него. Вот почему социал-демократы австрийские и не пытались еще выступать со своими кандидатами при выборах в ландтаг.

На этот раз они решились попытать счастье, — и исход борьбы вполне оправдал их надежды. Борьба была ожесточенная и потребовала со стороны социал-демократов величайшего напряжения сил и энергии. Они выставили кандидатом Виктора Адлера, неутомимого организатора и руководителя австрийской рабочей партии. Но он не только социал-демократ, «потрясатель основ», враг народных эксплоататоров; он еще к тому же и еврей, а его про-

тивник—антисемит, да еще «социальный», т.-е. моргающий невежественной массе мелкого люда ремесленников, лавочников и неразвитых рабочих громкими, хорошими словами и обещаниями разных «реформ». Затем, к услугам антисемитического кандидата были большие средства, доставленные дворянской и поповской партией для ведения широкой агитации и для покупки голосов; за него и в пользу его усердно работала городская управа, мошенническим образом составлявшая избирательные списки, из которых она, под разными предлогами, выключала многие сотни избирателей, заподозренных ею в сочувствии к социал-демократам. Наконец, начало выборов назначено было нарочно в 7 час. утра, когда большинство рабочих должно быть уже на работе. Прибавьте ко всему этому ложь, клевету, всевозможные небылицы, распространявшиеся антисемитами в своих газетах и бесчисленных воззваниях и листках, рассылаемых из дома в дом, — и вы получите представление о трудностях, с которыми рабочей партии пришлось бороться в последней избирательной кампании. И тем не менее она вышла победительницей, благодаря необычайному единодушию, энергии и самоотверженности передовых рабочих.

Недостаток материальных средств, притекавших в изобилии в кассу антисемитической партии, социал-демократические рабочие восполнили энтузиазмом, страстным воодушевлением и горячим желанием видеть своего любимого вождя в ландтаге, лицом к лицу с защитниками и знаменоносцами эксплоататоров, облекающимися в овечью шкуру. И велика же, безгранична была радость рабочего населения в Вене, когда победа стала известной. Рабочие прекрасно понимают, что, будучи единственным их представителем в ландтаге, Адлер не в состоянии будет добиться серьезных уступок для них: они знают, что одна ласточка весны не делает. Да и сам Адлер в собраниях во время избирательной агитации говорил им это. Но воспитанные социал-демократической пропагандой и агитацией передовые слои австрийского пролетариата привыкли оценивать свои освободительные усилия не копейками, даже не рублями, вообще не чистоганом или непосредственными выгодами, а значением их прежде всего для роста политического самосознания народных масс и влияния рабочей партии. А с этой точки зрения последняя избирательная победа австрийской социал-демократии над антисемитами является фактом очень важным и очень знаменательным. Отныне антисемитам [7], этим лицемерным «друзьям народа», работающим на пользу попов и дворян, придется в нижнеавстрийском ландтаге часто выслушивать из уст своего опаснейшего противника горькие истины. Адлер будет разоблачать их двуличную политику по отношению к трудящимся классам народа, он будет вносить разные предложения и законопроекты в пользу этих классов. Обо всем этом будут знать рабочие из газет и отчетов самого Адлера в народных собраниях, — и волей-неволей господствующим в ландтаге и венской думе антисемитам придется все-таки кое-что осуществить из требований рабочей партии. Но, как уже замечено выше, не в уступках главное значение ее последней избирательной победы. Рабочие гордятся ею, как новым проявлением роста своей политической силы, и видят в ней брешь, пробитую им в неприятельской крепости.

ВЫБОРЫ В ЦЮРИХСКИЙ ГОРОДСКОЙ СОВЕТ.

В конце июня происходили выборы гласных в цюрихский городской совет. В Швейцарии, как известно, города пользуются чрезвычайно широким самоуправлением, и все совершеннолетние граждане, начиная с 21 года, о б я з а н ы участвовать в выборах городских гласных. Представительство в этих советах имеет, поэтому для социал-демократов не только агитационное, но и непосредственно практическое значение, как важное орудие для завоевания разных реформ в пользу рабочих. Но это обстоятельство имело своим последствием то, что швейцарские социал-демократы слишком долго на первом плане при выборах ставили вопрос о прямых, материальных выгодах, а из-за него забывали агитационно-пропагандистскую сторону дела. Только в течение девяностых годов они специально в Цюрихе начали изменять свою избирательную тактику, ставя на первый план интересы развития политической самостоятельности и классового самосознания пролетариата. Вместо того, чтобы торговаться или входить в сделки с либеральными или буржуазными демократами, продавая им свои голоса в обмен на обещание получить от них поддержку для социалистического кандидата, социал-демократы начали выступать совершенно самостоятельно, не заботясь о том, дадут им демократы свои голоса или нет. Особенно широко применена эта тактика на последних городских выборах в Цюрихе.

И результаты еще раз наглядно показали, что полная самостоятельность при выборах не только принципиально хороша, но и выгодна с точки зрения непосредственных интересов партии и рабочих масс. Прежде, когда социал-демократическая партия не решалась самостоятельно, без сделок с буржуазными демократами, выступать на выборах, она имела крайне мало представителей в городских и кантональных советах. Да и эти немногие представители считали себя обязанными своим избранием демократам. Трудно, почти невозможно было на основании выборов определить размер силы и влияния социал-демократов в рабочем населении. Последние же городские выборы доставили им 31 место в цюрихской думе. Социал-демократические гласные составляют четвертую долю общего числа советников думы. И — что особенно важно — они знают, что выбраны почти исключительно сознательными рабочими, а не по милости либеральных демократов. Вследствие этого они гораздо смелее, решительнее и резче смогут пред'являть и отстаивать разные требования в пользу рабочих. С другой стороны, и буржуазное большинство гласных, зная, каким влиянием пользуется социал-демократия в рабочих массах, волей-неволей будет считаться с требованиями ее депутатов, из опасения, что в противном случае еще большее число несоциал-демократов перейдет в лагерь социал-демократии. Но пойдут ли думские представители эксплоататорских партий на уступки или нет, — и менее развитые слои рабочих поймут, что истинной защитницей их интересов является одна только социал-демократия. Таким путем борьба самостоятельной рабочей фракции в думе со всеми буржуазными гласными явится орудием и школой политического воспитания все новых и новых масс пролетариата в Цюрихе и его окрестностях, а косвенно и в других кантонах. Последние городские выборы в Цюрихе составят важный этап на пути освобождения швейцарского пролетариата от политической опеки буржуазии. В этом главное значение их результатов для социал-демократии.

БОЛГАРИЯ.

Апрель месяц н. г. ознаменовался в жизни Болгарии рядом событий, заслуживающих особенного внимания.

В день 20 апреля в конституционной Болгарии исполнилось 25-летие «Среднегорской революции», последствием которой было освобождение болгарского народа и дарование ему конституции [8]. Решено было достойно отпраздновать этот великий юбилей. Болгарский народ и его интеллигенция готовились воздать почести своим героям и смелым борцам за независимость, которые своею кровью и целым рядом жертв добились свободы для родной страны.

Центром юбилейного торжества был город Панагюрище, бывший главным пунктом революционной борьбы в прошлую славную эпоху. Все слои народа и все партии послали туда своих делегатов. Сам князь, под влиянием торжественной атмосферы праздника, забылся до того, что сказал несколько сочувственных слов по адресу революционных деятелей, поклонился праху павших революционеров и провозгласил тост за оставшихся в живых их товарищей. Так вел себя тот самый князь Фердинанд, который упорно стремится ввести в Болгарии монархизм своих предков Бурбонов! Это был факт подлого княжеского лицемерия, за которым плохо скрывалось его всегдашнее желание сделаться в один прекрасный день «царем Болгарии и Македонии» (таковой тост и был произнесен одним из присутствовавших полковников).

Присутствие князя и других представителей официальной власти в Панагюрище — этом священном месте бывшей революционной борьбы—внесло нежелательный характер в празднование: патриотические речи, военные парады, княжеские тосты, банкеты, — вот что разыгралось здесь в день юбилея. Зато в остальных городах Болгарии юбилей отпраздновался с должной искренностью и торжественностью и носил чисто народный характер. Болгарская интеллигенция, носительница современных социал-демократических идеалов, принимала везде живое участие в праздновании и воспользовалась удобным случаем, чтобы будить сознание рабочих масс. Воскрешая в своих речах перед народом картины прошлой героической борьбы и образы революционеров-борцов за политическую свободу, она подчеркивала современное экономическое рабство рабочего класса и звала народ воспользоваться добытой политической свободой для завоевания свободы экономической. Ее предшествующая просветительная деятельность среди рабочих масс и горячие речи во время праздника по всем уголкам Болгарии вызывали в народе энтузиазм, и искренние возгласы за освободительную борьбу международной социал-демократии неслись со всех концов страны.

Так отпраздновал болгарский народ 25-летний юбилей славного революционного восстания.

В этом национальном празднике участвовали все города и деревни Болгарии, только столица ее, София, оставалась в этот день спокойной.

Причиною такого явления было странное постановление властей перенести празднование юбилея в столице на 23 апреля, когда была назначена торжественная закладка памятника Александру II, и соединить, таким образом, эти два торжества, ничего общего между собой не имеющие и по характеру своему совершенно исключающие друг друга. Мотивировано было это постановление тем, что в отсутствие князя и официальных сфер, не может состояться празднование юбилея в столице Болгарии. Такого рода официальное распоряжение вызвало бурю негодования в общественном мнении и в печати. Вот что пишет по этому поводу «Работнический Вестник»: «Правительство задумало слить торжества, не имеющие между собой ничего общего. Александр II был человек, олицетворявший мрачную русскую тиранию, которая и по сегодняшний день давит 130 милл. населения России, а Ботев, Левский, Бенковский — герои восстания 70-х годов — были люди, служившие революции. Они говорили, что народ, не умеющий сам завоевать себе свободу, недостоин ее, поэтому они призывали болгарский народ восстать, как один человек, чтобы свергнуть тиранию. Александр же II посылал в Сибирь всякого, кто осмеливался мечтать о свободе. Если бы Ботев, этот бессмертный певец свободы, работал в России, то слуги Александра II наверняка уморили бы его. Левский — республиканец, отрицавший царей и князей, говорил, что когда освободится Болгария, он поедет в Россию бороться за освобождение русского народа от его царя. Так что, если бы ему удалось избежать турецкой виселицы, он не миновал бы русской. Вопреки всему этому, наше правительство приглашает народ низкопоклонничать перед русским царизмом в то самое время, когда он будет воспевать своих героев революции».

Живые элементы столицы встретили резким отпором такое насилие. 22 апреля, накануне предполагаемого двойного торжества, по инициативе студентов, социал-демократических организаций и македонских революционеров, был собран в Софии многолюдный митинг, на котором приняли резолюцию следующего содержания: «Собравшиеся протестуют против соединения революционного праздника с праздником в честь русского монархизма, — особенно в такой момент, когда русское царское правительство убивает мечом и нагайкой всякий проблеск русской свободной мысли; они выражают горячее сочувствие русским рабочим и студентам по поводу событий последнего времени в С.-Петербурге, Москве, Киеве, Харькове, Одессе и т. д.; они осуждают болгарское правительство за его лакейство перед русской тиранией и решают не только не принимать участия в предстоящем празднике по случаю закладки памятника Александру II, но и выразить решительный протест».

На другой день, когда официальная Болгария преклонялась перед русским царизмом и делала овации русскому консулу, тысячная толпа народа, рабочих и студентов с пением революционных песен демонстрировала по улицам столицы. Перед памятником незабвенного болгарского революционера, Василия Левского, демонстранты устроили шумные овации, приветствовали Македонию, в которой теперь кипит революционная борьба, и энергично выраженным протестом против русского царизма приковали его к позорному столбу...

Таким образом, празднование 23 апреля вышло в столице Болгарии, Софии, действительно двойным, но только несоединенным, несмотря на все усилия правительства. Революционный юбилей был торжественно отпразднован народом на улицах столицы, но это празднование было резко отделено от празднования официальных сфер. Первое было решительным протестом против второго. Правительство не могло спокойно проглотить пилюлю, поднесенную ему истинной болгарской демократией и студенческой молодежью, которые подняли свой голос против лакеев русского царизма и высказали братскую солидарность с русскими борцами. Оно решило наказать протестующих. Услужливая полиция арестовала несколько граждан и студентов, которые и были задержаны в участке на сутки, вопреки закону. На другой день арестованные были освобождены. Но особенно жестоко решил расправиться с «виновными» студентами академический совет университета, этот прислужник правительства, оказавшийся в своем усердии еще более русофильским, чем оно само. Он решил уволить из университета трех студентов навсегда и 89 на время от одного до трех семестров. Это обстоятельство вызвало взрыв негодования в обществе. С каких это пор в Болгарии осуждение правительства в лакействе и выражение солидарности с русскими революционерами считается политическим преступлением? Болгарская конституция гарантирует всем гражданам свободу слова, печати и собраний, а студенты прежде всего граждане... Социалистическая и оппозиционная пресса забили тревогу. Было организовано несколько митингов. Вопрос о печати был перенесен в парламент. Здесь социал-демократический депутат сделал запрос министру юстиции, почему сразу не были освобождены арестованные. Министр ответил, что тут произошло недоразумение. Другой депутат сделал запрос министру-президенту, почему студенты уволены. Министр признал, что наказание действительно очень строгое, и сказал, что сделает распоряжение о принятии всех тех, кто подаст прошение о приеме.

ИЗ ПАРТИИ

Номер 11-ый «Рабочей Мысли» содержит очень богатый материал для характеристики положения петербургских рабочих в период промышленного кризиса. Материал этот лучше систематизирован и тщательнее обработан, чем в прежних номерах газеты. Из статей общего характера живо написана статья о мартовских днях «современные события», недурно внутренее обозрение. Передовая («Насущный вопрос») развивает политическую программу рабочего движения. Находя, что «пятилетняя школа» экономической борьбы русских рабочих уже окончилась, автор думает, что настало «время борьбы за права наши, за нашу жизнь (?) и свободу». Наконец-то! облегченно вздыхает читатель, наконец-то и «Рабочая Мысль» нашла, что пора бы уж заняться политической борьбою.

Увы! Оказывается, что программа политической борьбы «Рабочей Мысли» построена на песце. «Мы прежде всего,— говорит он,—будем бороться теперь за свободу стачек, союзов и собраний, личности, слова и печати, потому что такая свобода — это повышение нашего заработка и сокращение рабочего дня» и затем переходит к вопросу о формах борьбы.

Итак, призывая к борьбе с самодержавным правительством, «Рабочая Мысль» не призывает к борьбе за с в е р-

жение самодержавия. Нет, она только желает добиться у самодержавия политических прав для рабочего класса. Каким образом совершится это чудо, каким образом при самодержавном строе могут существовать все указанные свободы, — об этом наш автор не говорит, да едва ли и сам представляет себе, как это случится.

Здесь не место критиковать это удивительное понимание политических задач нашего движения. Этой критики было более чем достаточно, чтобы вразумить тех, кто способен к вразумлению. С теми же, кто, несмотря на опыт нашего движения, продолжает цепляться за пошлую либеральную идейку возможности достижения политической свободы без свержения самодержавия, без завоевания конституции, — с ними нельзя спорить, с ними пора бороться. Глубоко прискорбен и постыден тот факт, что петербургские социал-демократы допускают проповедь на столбцах своей газеты такого рода «программ», несостоятельность которых должна быть ясна всякому сознательному рабочему.

Нам доставлено сообщение о деятельности образовавшейся в этом году в Киеве группы «Рабочей Воли». Согласно этому сообщению, из Киевского Комитета Росс. С.-Д. Партии выделились лица, недовольные направлением его деятельности, и вместе с другими социал-демократами, образовали новую группу, которая «признала необходимым главное внимание обратить на развитие массового политического самосознания в рабочих, признала необходимым самую широкую политическую агитацию». Группа не сочла возможным работать в пределах Комитета в силу его склонности к «экономической» агитации в ущерб «политике».

Мы не знаем, насколько обосновано это обвинение Киевского Комитета в пренебрежении к политическим задачам социал-демократии. Напротив того, сведения, которые мы имеем из других источников, равно как и факт агитации Киевского Комитета во время студенческих волнений, позволяют думать, что «экономизм», одно время процветавший на берегах Днепра, потерял свое обаяние. Приводимые группой «Рабочей Воли» факты, относящиеся к этой стороне дела, по нашим русским условиям, слишком стары и не могут служить для характеристики взглядов теперешнего Комитета.

Нам, конечно, может быть только приятно возникновение новых групп, принимающих ту программу и тактику, которые мы пропагандируем. Поэтому, и выступлению группы «Рабочей Воли» с резкой и несколько юношески-задорной критикой отечественного «бернштейнианства» мы можем только порадоваться, особенно в виду выражения новой группы сочувствия нашему изданию. Однако, наше удовольствие омрачается некоторыми признаками политической незрелости, проявляемой новой группой. «В настоящее время группа особенно заинтересована в том, чтобы дать возможность рабочему классу самому вести свои дела». Благое желание, обязательное для всякого социал-демократа! Для достижения этой цели социал-демократия должна как можно серьезней относиться к своей просветительной деятельности, должна всеми зависящими от нее средствами поднимать уровень самосознания рабочих, должна стремиться поднять рабочего до пониматия сложных вопросов политической деятельности, а не упрощать искусственно эти вопросы, чтобы приспособить их к наличному уровню понимания тех или иных рабочих. Развивая политическое самосознание рабочего класса, мы достигаем того, что он из своей среды вырабатывает действительно рабочую интеллигенцию, которая станет во главе его не для того, конечно, чтобы выбросить за борт интеллигенцию, перешедшую на сторону пролетариата из других слоев общества, но чтобы свой практический опыт соединить с ее теоретическим знанием и революционной выучкой.

Не так, повидимому, полагает новая группа. «С этой целью центральное управление делами поручено самим рабочим. Интеллигенты являются лишь исполнителями того или другого решения».

Хорош или плох этот порядок, читатели? А это смотря по тому, каковы данные интеллигенты. Если они по недостатку ли революционного опыта или политических знаний не могут считаться достаточно зрелыми членами политической организации, то всего лучше им ограничиться ролью «исполнителей того или другого решения». От такого разделения труда дело может только выиграть. Это ясно, как день. Но также ясно, что такое разделение функций должно сообразоваться только со степенью зрелости данного деятеля, а отнюдь не с тем, кто он такой по профессии — рабочий или «интеллигент». Казалось бы, что кроме вреда может произойти для дела от того, что какая-либо ценная сила будет устранена от участия в «решениях» и оставлена в роли «исполнителя» по тому собственно случаю, что сила эта одета в сюртук, а не в рабочую блузу, а между тем «рабочий класс должен сам вести свои дела». Удивительное рассуждение! Вместо того, чтобы энергично работать над ростом пролетарской интеллигенции, предлагается той интеллигенции, которая готова отдать свои силы пролетариату, отдавать их только в той степени, в какой это требуется для того, чтобы «исполнять то или другое решение».

Эта искусственная черта, проводимая между товарищами-интеллигентами и товарищами-рабочими, сближает, как это ни странно, новую киевскую группу с представителями того самого «экономизма», против которого она ополчается. «Экономисты» тоже всегда стояли на том, чтобы интеллигенты только выполняли решения рабочих и не «навязывали» им своего понимания партийных задач. Но у «экономистов» такое требование было совершенно естественно: они ведь к тому и стремились, чтобы деятельность социалистов отражала не их собственное понимание целей движения, а то понимание, которого в данный момент достигли рабочие того или другого района. Но что понятно у сторонников «экономизма», является совершенно непонятным у их противников. И, мы уверены, всякий сознательный социалист-рабочий также горячо запротестует против этого ненужного расшаркивания перед его «мускулистой рукой», как и против всякого барского отношения к пролетарию. Положение человека в организации не должно определяться количеством его дипломов, это несомненно, но оно не должно определяться и количеством мозолей на руках. Только степенью полезности для дела, степенью преданности ему и революционными способностями должно определяться это положение: таков единственный демократический принцип социалистической организации. Отмеченная черта новой группы киевских товарищей представляет крайне нежелательное в партии явление, с которым приходится нынче бороться, как с «модной болезнью». Этой болезни мы надеемся посвятить отдельную статью.

Группа «Рабочей Воли» издала за два месяца (март—май) пять «Листков Рабочей Воли» — гектографированного периодического органа с политической окраской.

ПОСЛЕДНИЕ ИЗВЕСТИЯ.

Петербург. Травля литераторов продолжается. Сверх уже названных высылке подверглись: Г. Фальборк, В. Чарнолусский, Л. Пантелеев и его жена, В. Воронцов (В. В.) и А. Калмыкова.

Относительно одной категории высланных интеллигентов предупреждает местные власти нижеследующий документ:

М. В. Д. Секретно.
Костромского Губернатора
По канцелярии. Циркулярно.
19-го июня 1901 г.
№ 1370. Г. Кострома. Гг. Полицмейстеру г. Костромы, исправникам Костромской губернии.

По рассмотрении в особом совещании, образованном согласно ст. 34 Положения о государственной охране, обстоятельств дела о проживающих в Спб. нижепоименованных лицах, обвиняемых в политической неблагонадежно-

сти, г. министр внутренних дел постановил: воспретить жительство в университетских городах и фабричных местностях литератору Петру Павлову Маслову и доктору философии Михаилу Михайлову Филиппову на три года, лекарю Василию Павлову Воронцову, дворянину Владимиру Адольфову Генейзеру, прис. пов. Владимиру Леонидову Глинке, студенту Института Путей Сообщения Владимиру Александрову Заславскому, помощнику присяжн. поверенного Митрофану Павлову Ульчину (?), фельдшерице Варваре Федоровой Кожевниковой, сыну колежского ассесора Владимиру Павлову Кранихфельду, отставному штабс-капитану Владимиру Викторову Лесевичу, редактору статистического отделения Городской управы Александру Емельянову Ласицкому, инженеру путей сообщения Николаю Георгиеву Михайловскому, лекарю Ефимию Григорьеву Мунблиту, потомственному почетному гражданину Алексею Васильеву Пешехонову, секретарю 3-го отдела Вольно-Экономического Общества Владимиру Владимирову Святловскому и санитарному врачу С.-Петербургского земства Захарию Григорьеву Френкелю на два года и инженер-технологу Иосифу Теофилову Зябицкому на один год, а лекарю Моисею Леонтьеву Хейсину лишь в фабричных местностях на два года.

Об изложенном вследствие отношения департамента полиции, от 13 июня за № 7489, даю знать гг. полицмейстеру и уездным исправникам для зависящих распоряжений к воспрещению означенным лицам жительства во вверенной мне губернии на вышеуказанные сроки, исчисляя таковые с 5 июня 1901 г.

Подписал: Губернатор в должности егермейстера высочайшего двора И. Леонтьев.

ГОЛОД ИДЕТ!*

На горизонте снова голод... Как говорят «Петерб. Ведом.»: «О видах на урожай в настоящее время приходят неблагоприятные, тревожные известия, и то обстоятельство, что оглашает их официальное издание („Торгово-Промышленная Газета"), делает их еще более тревожными, так как опыт предыдущих неурожайных годов показал, что официальные известия о недороде являются самыми запоздалыми, когда уже факт недорода делается слишком очевидным».

«Недород», — или, переводя это канцелярское выражение на человеческий язык — голод грозит Нижегородской, Казанской, Вятской, Пермской, Уфимской, Самарской, Саратовской, Воронежской, Рязанской, Орловской, Тамбовской, Пензенской, Курской, Екатеринославской, Харьковской, Таврической губ. и Донской Области; сверх того части Северного Кавказа, Польши и Прибалтийских губерний.

На горизонте экономической жизни — голод, а на горизонте нашей общественно-политической жизни виднеются знакомые картины: борьба правительства с земством за определение «действительного размера нужды», урезывание министерскими ножницами сметных сумм продовольственной помощи, обычное цензурное урезывание всех газетных сообщений о голоде и голодном тифе, бесшабашное издевательство местных властей над голодающим населением, имеющее целью заставить мужика вкушать лебеду вместо хлеба, и не стонать при этом и — как венец всего — всесторонний поход правительства против помощи голодающим, организуемой общественной благотворительностью: травля деревенской интеллигенции, закрытие кружков для помощи голодающим, запрещение концертов в их пользу, закрытие столовых. Чего следует ожидать в этом отношении — об этом можно судить по ведущейся в настоящее время «кампании» херсонского губернатора против земских врачей, организовавших помощь голодающим Херсонской губернии. Совсем на-днях запретили оказывать помощь голодающим госпожам Успенской, Журавской и другим.

В третий раз за последнее десятилетие России предстоит переживать повальную голодовку. Но если в 1891—1892 годах русская демократия только начинала собираться с силами после долгой летаргии 80-х годов, если к 1897—98 гг. она была всецело поглощена организацией первых кадров борцов за свободы, то к 1901 г. обе ее части — и революционный пролетариат и прогрессивная интеллигенция — значительно лучше организованы и вооружены и могут повести систематический поход против существующего строя. Еще не смолк шум первой открытой схватки с правительством, еще не улеглось волнение мартовских дней, правительство еще не оправилось от нравственных поражений и все усиливающаяся безработица, охватившая громадные районы, каждодневно революционизирует умы пролетариата.

В этот момент на страну надвигается черная туча народного бедствия, и правительство готовится снова разыграть свою гнусную роль бездушной силы, отводящей кусок хлеба от голодного населения, карающей всякое невходящее в виды начальства «оказательство» заботы о голодных людях. Пусть же и русская демократия готовится с честью встретить этот момент новой борьбы царской опричнины с обществом и народом.

«В народ!» Пусть этот лозунг об'единит всех тех борцов за прогресс, которые в силу тех или иных обстоятельств стоят вне революционной борьбы. «В народ!» — несмотря и вопреки тем рогаткам, которые будет ставить правительство; «в народ!» — нравится ли это администрации или нет. Если вам запретят устраивать кружки помощи голодающим, — устраивайте их тайно; если вам запретят печатать в газетах сведения о положении голодающих, — публикуйте их нелегально; если вам запретят призывать открыто к организации общественной помощи, — призывайте через посредство подпольной печати. И на каждый акт правительственного произвола, на каждое правительственное преступление против жизни голодной деревни — отвечайте общественным протестом. Бойкотируйте и подвергайте публичному посрамлению тех общественных деятелей, которые будут стоять за преуменьшение ссуды голодающим; организуйте протесты против правительственных запрещений общественной помощи, демонстраций против администраторов, которые будут отличаться рьяным выполнением гнусных предначертаний высшей власти; поддержите открытым выражением сочувствия тех, кто подвергнется гонению за исполнение гражданского долга.

И прежде всего и главнее всего—обличайте! Обличайте всех чиновников, которые будут греть руки на народном бедствии, обличайте всех расхитителей достояния, предназначенного голодающим, всех героев цензурного намордника и «пресечения» общественной помощи. Обличайте: «Искра» предлагает свои столбцы для начатия обличительной кампании против «продовольственной кампании», которую поведет правительство.

* Номер был уже сверстан, когда в газетах появились известия об ожидаемом повальном недороде.

А вы, товарищи, вы, социалисты всех фракций, должны сделать все возможное, чтобы на гул культурно-либеральной борьбы за накормление голодных ответило грозное эхо революционного протеста. Поддерживая каждый общественный протест за право помогать голодающим, придавайте ему сознательно-политический характер! Революционизируйте общественное мнение и направляйте его против главных виновников бедствия! Организуйте на местах агитацию за расширение ссуд голодающим, призывайте к протестам против урезывания этих ссуд правительством! Покажите рабочим, что государственный строй, который, обострив процесс промышленного развития, отнял у пролетариата всякие средства самопомощи против бедствий кризиса, — что это тот самый строй, который, усиливая и обостряя нищету в деревне, оставил ее беспомощной в деле борьбы с последствиями неурожая. Призывайте рабочих к поддержке протестов общества, зовите их брать на себя инициативу организации таких протестов; через посредство городских рабочих обращайте свой голос к крестьянам и перед ними обличайте преступную политику самодержавия.

И если России суждено еще раз перенести «голодный год», пусть, отходя в вечность, он оставит за собой не одни опустелые хаты вымершего населения, не одно умножение безлошадных и бесхозяйных, не одно усиление бедствий безработицы, созданной нынешним кризисом, не одно увеличение «горя, нищеты, вырождения и одичания», но пусть передаст своему преемнику во стократ усиленное общественное возмущение и кадры готовых к борьбе и победе борцов за низвержение преступного и безнравственного режима.

[Л. Мартов]

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Обещанный нами в прошлом номере отзыв о предисловии г. Р. Н. С. к «Записке» Витте составил целую статью, которая будет помещена во втором номере «Зари».

Получено из-за границы через К. Г. — 209,10 фр., через Д. Д. 70,25 фр. (из них 5 фр. от Ниночки), из М-на 68 мар.

Опечатка. В заметке «Чествование Курицына» вкралась опечатка: вместо Хробязгин надо читать Дробязгин.

Типография «Искры».

ПРИМЕЧАНИЯ.

Прим. 1. «Новое Время» — консервативная газета, издававшаяся Сувориным с 1876 г. Представляла классический пример беспринципности, приспособлявшейся к бюрократическим веяниям (Щедрин прозвал его: «Чего изволите»).

Прим. 2. Из петербургских стачек конца 70-х годов особенно крупную роль сыграла стачка на Новой Бумагопрядильне 27 февраля 1878 г., протекавшая при участии кружка землевольцев среди фабричных рабочих (Гоббст и др.). Рабочие обратились с прошением к царю, жалуясь на фабричные порядки. Стачка была предметом напряженного внимания всех питерских рабочих (не говоря уже о социалистах), и неудача хождения к царю ткачей и прядильщиков с Обводного канала была полезным уроком для широких рабочих кругов. В 1879 г. стачка на Новой Бумагопрядильне повторилась, хотя тоже неудачно. Стачечное движение охватило и некоторые другие фабрики (Шау, Чешера и др.).

Прим. 3. 1895 г. ознаменовался стачками рабочих металлургического и механического производства (в Новом Адмиралтействе и на Путиловском — в Петербурге, у Бромлея, Гужона и у др.—в Москве) и текстильных рабочих (в Центральном районе — напр., на Корзинкинской мануфактуре в Ярославле, у Гандурина в Иваново-Вознесенске, у Прохорова и Мазурина в Москве; в Петербурге — у Торнтона и Лебедева). В 1896 году движение текстильщиков охватило около 30.000 рабочих (на петербургских фабриках Кенига, Воронина, на Сампсониевской и Калинкинской мануфактурах, у Максвеля, Паля и т. д. В стачечном движении принимали деятельное участие в качестве руководителей соц.-демократические организации этого времени: «Петерб. Союз Борьбы за освобождение рабочего класса» (в 1895 г. под руководством Влад. Ильича), «Московский рабочий союз» и др.

Прим. 4. Тотчас же после январской стачки 1897 г. была создана комиссия для выработки нового закона. С изумительной для того времени быстротой проект закона прошел через все инстанции и стал законом 2 июня 1897 г. Сущность закона сводилась к ограничению рабочего дня 11½ часами, ночной работы — 10 часами, сокращению предпраздничного рабочего дня до 10 час. и некоторому ограничению системы сверхурочных работ.

Прим. 5. «Московские Ведомости» — самый махровый черносотенный орган, во главе которого стоял сначала Катков, потом Грингмут и, наконец, известный ренегат Лев Тихомиров.

Прим. 6. Попко, Григ. Анфим., сначала мирный пропагандист (в организации Заславского), потом, после экзекуции, произведенной Треповым над Боголюбовым, выступает с террористической программой и приобретает себе сторонников в лице влиятельнейших революционеров на юге России в конце 70-х годов — Д. А. Лизогуба и Валериана Осинского.

Прим. 7. В оригинале: «социал-демократам»—явная опечатка.

Прим. 8. Освободительное национальное движение в Болгарии достигло своей высшей точки в 1876 г. Вследствие вмешательства России (война с Турцией в 1877 — 78 гг., об'явленная под флагом «освобождения братского народа от турецкого ига», а на самом деле выражавшая империалистическую политику русского правительства, стремившегося к гегемонии на Балканском полуострове), Турция должна была согласиться на образование болгарского вассального княжества. В 1879 г. в Тырнове народное собрание приняло сравнительно либеральную конституцию.

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!"...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину

№ 7 АВГУСТ 1901 ГОДА № 7

УРОКИ КРИЗИСА.

Вот уже почти два года, как тянется торгово-промышленный кризис [1]. И он, повидимому, все разрастается, захватывая новые отрасли промышленности, распространяется на новые районы, обостряется новыми банковыми крахами. Наша газета, начиная с декабря прошлого года, в каждом номере отмечала так или иначе развитие кризиса и его гибельные действия. Пора поставить общий вопрос о причинах и значении этого явления. Для России оно сравнительно ново, как нов и весь наш капитализм. В старых же капиталистических странах, т. е. в таких странах, в которых большинство продуктов производится на продажу, в которых большинство рабочих не имеет ни земли ни орудий труда и продает свою рабочую силу, нанимаясь в чужие хозяйства, нанимаясь к собственникам, владеющим землей, фабриками, машинами и проч., — в капиталистических странах кризис есть явление старое, повторяющееся от времени до времени, как припадок хронической болезни. Кризисы можно поэтому предсказывать, и когда в России стал особенно быстро развиваться капитализм, — в социал-демократической литературе был предсказан и теперешний кризис. В брошюре: «Задачи русских социал-демократов», написанной в конце 1897 г., говорилось: «В настоящее время мы переживаем, видимо, тот период капиталистического цикла (оборота, повторяющего одни и те же события, как повторяются зима и лето), когда промышленность „процветает", торговля идет бойко, фабрики работают во-всю и, как грибы после дождя, появляются бесчисленные новые заводы, новые предприятия, акционерные общества, железнодорожные сооруженія и т. д. и т. д. Не надо быть пророком, чтобы предсказать неизбежность краха (более или менее крутого), который должен последовать за этим „процветанием" промышленности. Такой крах рзорит массу мелких хозяйчиков, бросит массы рабочих в ряды безработных»... И крах наступил — такой крутой, какого еще Россия не видывала. Отчего же зависит эта ужасная хроническая болезнь капиталистического общества, возвращающаяся так правильно, что ее можно предсказывать?

Капиталистическое производство не может развиваться иначе, как скачками, два шага вперед и шаг (иногда и целых два) назад. Как мы уже заметили, капиталистическое производство есть производство на продажу, производство товаров на рынок. А распоряжаются производством отдельные капиталисты, каждый поодиночке, и никто не может в точности знать, сколько именно и каких именно продуктов требуется на рынке. Производят наугад, заботясь только о том, чтобы перегнать друг друга. Вполне естественно, что количество произведенного может не соответствовать потребности рынка. И эта возможность особенно велика, когда громадный рынок внезапно расширяется на новые неизведанные и громадные области. Так именно обстояло дело, когда начиналось недавно пережитое нами «процветание» промышленности. Капиталисты всей Европы протянули лапы к населенной сотнями миллионов части света, к Азии, в которой до тех пор только Индия да небольшая часть окраины была связана тесно со всемирным рынком. Закаспийская дорога стала «открывать» для капитала Среднюю Азию, «Великая Сибирская дорога» (великая не только по своей длине, но и по безмерному грабежу строителями казенных денег, по безмерной эксплоатации строивших ее рабочих) открывала Сибирь. Япония стала превращаться в промышленную нацию и попробовала пробить брешь в китайской стене, открывая такой лакомый кусок, который сразу ухватили зубами капиталисты Англии, Германии, Франции, России и даже Италии. Постройки гигантских железных дорог[2], расширение всемирного рынка и рост торговли — все это вызвало неожиданное оживление промышленности, рост новых предприятий, бешеную погоню за рынком для сбыта, погоню за прибылью, основание новых обществ, привлечение к производству массы новых капиталов, составленных отчасти и из небольших сбережений мелких капиталистов. Неудивительно, что эта бешеная всемирная погоня за новыми неизвестными рынками привела к громадному краху.

Чтобы ясно представить себе эту погоню, надо принять во внимание, какие колоссы участвовали в ней. Когда говорят: «отдельные предприятия», «одиночные капиталисты», то часто забывают, что в сущности эти выражения неточны. В сущности, отдельным и одиночным осталось только присвоение прибыли, а само производство стало общественным. Гигантские крахи только потому и стали возможны и неизбежны, что в подчинении у шайки богачей, ищущих одной наживы, оказались могучие о б щ е с т в е н н ы е производительные силы. Поясним это примером из русской промышленности. В последнее время кризис распространился и на область нефти. А в этой промышленности ворочают такие, напр., предприятия, как «Товарищество нефтяного производства бр. Нобель». В 1899 г. товарищество продало 163 милл. пуд. нефтяных продуктов на сумму $53^1/_2$ милл. руб., а в 1900 г. уже 192 милл. пуд. на сумму 76 милл. руб. В один год увеличение производства в одном предприятии на $18^1/_2$ милл. руб.! Такое «одно предприятие» держится об'единенным трудом десятков и сотен тысяч рабочих, занятых добыванием нефти, переработкой ее, доставкой ее по нефтепроводам, железным дорогам, морям и рекам, занятых постройкой необходимых для этого машин, складов, материалов, барж, пароходов и пр. Все эти десятки тысяч рабочих работают на все общество, а распоря-

жается их трудом горсточка миллионеров, которая присваивает себе всю прибыль, приносимую этим организованным трудом масс. (Тов. Нобель получило чистой прибыли в 1899 г. — 4 милл. руб., а в 1900 г. — 6 милл. руб., из которых акционеры получили по 1300 руб. на пай в 5000 руб., а пять членов правления получили награды 528.000 руб.!) Если несколько таких предприятий бросается в бешеную гонку для захвата места на неведомом рынке, то удивительно ли наступление кризиса?

Мало того. Чтобы получилась прибыль от предприятия, надо продать товары, найти покупателей. И покупателем должна быть вся масса населения, потому что громадные предприятия производят горы и горы продуктов. А во всех капиталистических странах девять десятых населения состоит из нищих: из рабочих, получающих самую скудную заработную плату, из крестьян, живущих в массе еще хуже рабочих. И вот, когда крупная промышленность во время процветания размахивается произвести как можно больше,—она выбрасывает на рынок такую массу продуктов, что за них не в состоянии заплатить неимущее большинство народа. Количество машин, орудий, складов, железных дорог и проч. все возрастает, но это возрастание от времени до времени прерывается, потому что масса народа, для которого в конце концов предназначены все эти улучшенные способы производства, остается в бедности, доходящей до нищенства. Кризис показывает, что современное общество могло бы производить несравненно больше продуктов, идущих на улучшение жизни всего трудящегося народа, если бы земля, фабрики, машины и проч. не были захвачены кучкой частных собственников, извлекающих миллионы из народной нищеты. Кризис показывает, что рабочие не могут ограничиться борьбой за отдельные уступки со стороны капиталистов: во время оживления промышленности такие уступки можно завоевать (и русские рабочие своей энергичной борьбой не раз завоевывали себе уступки в 1894—98 гг.), но приходит крах, и капиталисты не только отбирают назад данные им уступки, но и пользуются беспомощностью рабочих для еще большего понижения платы. И так неизбежно будет продолжаться до тех пор, пока армии социалистического пролетариата не низвергнут господства капитала и частной собственности. Кризис показывает, как близоруки были те социалисты (называющие себя «критиками», должно быть, на том основании, что они без критики перенимают учения буржуазных экономистов), которые два года тому назад шумно заявляли о том, что крахи становятся теперь менее вероятными [3].

Уроки кризиса, разоблачающего всю нелепость подчинения общественного производства частной собственности, так назидательны, что теперь и буржуазная печать требует усиления надзора, напр., над банками. Но никакой надзор не помешает капиталистам основать во время оживления такие предприятия, которые неминуемо потом банкротятся. Алчевский, бывший основателем обанкротившихся земельного и торгового банка в Харькове, доставал себе правдами и неправдами миллионы рублей для основания и поддержки горнопромышленных предприятий, суливших золотые горы. И заминка в промышленности погубила эти банки и горные предприятия (Донецко-Юрьевское общество). Но что означает эта «гибель» предприятий в капиталистическом обществе? Это означает, что слабые капиталисты, капиталисты «второй величины», вытесняются более солидными миллионерами. Харьковского миллионера Алчевского заменяет московский миллионер Рябушинский, который, как более богатый капиталом, будет еще сильнее давить на рабочего. Замена второстепенных богачей первостепенными, увеличение силы капитала, разорение массы мелких собственников (напр. мелких вкладчиков, теряющих с крахом банка все имущество), страшное обнищание рабочих — вот что ведет за собой кризис. Напомним еще описанные в «Искре» случаи, что капиталисты удлиняют рабочий день и стараются при расчете заменить сознательных рабочих более покорными сермягами.

В России вообще действие кризиса неизмеримо сильнее, чем в какой-нибудь другой стране. К застою в промышленности присоединяется у нас голодовка крестьян. Безработных рабочих высылают из городов в деревни, но куда будут высылать безработных крестьян? Высылкой рабочих хотят очистить от беспокойного народа города, но, может быть, высылаемым удастся пробудить хоть часть крестьян от их вековой покорности и поднять их на заявления не одних только просьб, но и требований? Рабочих и крестьян сближает теперь не только безработица и голод, но также и тот полицейский гнет, который отнимает у рабочих возможность соединения и защиты, отнимает у крестьян даже приходящую к ним от доброхотных жертвователей помощь. Тяжелая полицейская лапа становится во сто раз тяжелее для миллионов народа, потерявшего всякие средства к жизни. Жандармы и полиция в городах, земские начальники и урядники в деревнях ясно видят, что ненависть к ним растет, и они начинают бояться не только деревенских столовых, но и газетных об'явлений о сборе пожертвований. Боязнь пожертвований! И вправду, верно, на воре шапка горит. Когда вор видит, что обокраденному им человеку прохожий протягивает подаяние,— вору начинает казаться, что они подают друг другу руки, чтобы общими силами расправиться с ним.

[Н. Ленин]

СЛЕЗЫ СТАРОГО КРОКОДИЛА.

> Когда же оный крокодил жертву свою поглощает, из глаз его льются слезы, и мнится, что он плачет, себя жалеючи, что столько-де труда ему надо, чтобы жертву свою заглотать. Но оным слезам, на них глядючи, никто не верит, ибо слезы-то эти крокодиловы.
>
> Из древнего сказания о крокодилах.

В «Церковных Ведомостях» опубликован всеподданнейший отчет обер-прокурора Синода за 1898 г., заключающий данные об успехах русского сектантства и борьбы с ним православной церкви. Это произведение г. Победоносцева представляет новый обвинительный акт против миллионов «отпавших от православия», против миллионов крестьянского, мещанского и рабочего люда, примыкающих к религиозным сектам, главным образом к штунде.

«Возбужденное и тревожное настроение», — уверяет г. Победоносцев, — внезапно проявилось в сектантском мире. Это настроение «выражалось в необыкновенной дерзости сектантов в отношении к православному населению, особенно же к духовенству, полиции и вообще должностным лицам,— в намеренном глумлении над святынями православия и в открытой пропаганде своего лжеучения как в православном населении, так и в среде старого сектантства».

Это не нам, читатель, принадлежит постановка рядом духовенства и полиции, как родных элементов, против которых проявляется «необыкновенная дерзость» сектантов. Нет, это рука г. Победоносцева бесстрашно сопоставила святыню поповской рясы и полицейского мундира. И мы ниже увидим, что весь иезуитски-кляузный донос Победоносцева проникнут желанием представить сектантов прежде всего врагами... полиции, полицейского государства. «Нам самим ничего не надо», хотят уверить Победоносцев и отцы-миссионеры государственную власть. Нет, прежде всего забота о государстве, об его интересах руководила рукой доносителей.

«На требования полиции прекратить незаконные (молитвенные) собрания, штундисты отвечали систематическим ослушанием, грубостями и даже насилиями, упорно заявляя, что они не желают подчиняться требованиям местной власти, так как уверены в издании нового закона в пользу свободы их веры».

Что ни слово, то явная ложь. Ложь относительно «открытой пропаганды лжеучения», ибо угроза ссылки на поселение с лишением прав всего менее располагает штундистов к пропаганде у всех на виду. Если бы пропаганда штундистов была такой «открытой», то не пришлось бы для осуждения сектантов прибегать к многотрудному делу отыскания «самых достоверных лжесвидетелей», без которых редко удается добиться обвинительного приговора для штундистов, ибо гонимая секта вынуждена распространять свое учение с величайшей опаской.

Рассказ о том, что штундисты грубостью и даже насилиями отвечают на приказ полиции прекратить собрание, принадлежит также к числу самых несомненных вымыслов. Десятки дел о «незаконных» молитвенных собраниях разбираются мировыми судами, и в составленных полицией протоколах никогда не говорится о «бунте» сектантов, и последние никогда не обвиняются в сопротивлении властям.

Но, продолжает г. Победоносцев, «от посещения пастырских и миссионерских собеседований штундисты упорно уклоняются; из народных школ своих детей стараются брать тотчас же после выучки первоначальной грамоте, устраняя тем доброе православно-просветительное влияние школы на молодое поколение секты».

Какой броней лицемерия надо, однако, запастись, чтобы ставить сектантам в вину, что они «упорно уклоняются» от посещения пастырских и миссионерских собеседований! Ведь такие собеседования ведутся сплошь и рядом в невозможно тяжелой для сектантов обстановке: в присутствии чинов полиции, следящих за тем, кто что говорит; в присутствии нафантазированной толпы православных, готовых в своей темноте разорвать «нераскаянных еретиков»; ведь в этих «собеседованиях» одна сторона «беседует», опираясь на покровительство закона, имея возможность в споре с противником развить все свои доводы; другая же сторона должна защищать правоту своего учения под страхом кары за каждое правдивое слово, зная, что раз'яснение ее учения считается по закону тяжким преступлением и сверх закона может навлечь на нее самые неприятные последствия. Мудрено ли, что сектанты «уклоняются» от таких «собеседований», напоминающих щедринский разговор торжествующей свиньи и оголодавшей Правды? Удивительно ли и то, что сектанты не желают держать своих детей в тех школах, где их заставляют учить тот «закон божий», который родители считают неправдой?

Но для гг. Победоносцевых нежелание подчиниться этому принуждению есть одно из доказательств «упорства». Гг. Победоносцевы твердо уверены, что «карась любит, чтобы его жарили в сметане», и когда в крестьянских карасях встречается нежелание безропотно жариться, то начинают кричать об их злой воле, об их упорстве и дерзости.

Этой же верой в то, что карась любит, чтобы его жарили, об'ясняется следующая жалоба Победоносцева. «Агитационный дух современной штунды вызвал у сектантов стремление к кляузам и сутяжничеству, выражающимся в подаче жалоб, заявлений и прошений в разные правительственные учреждения, в скитании по судам». Вот подите ж: всеблагая кроткая церковь неукоснительно предает людей в руки светской власти для наказания «без пролития крови», как некогда выражалась святая инквизиция, отдавая еретиков на сожжение, а они, неблагодарные, защищаются, пишут прошения, «скитаются по судам». Да, г. Победоносцев, «скитаются», но скитаются не только из одного судебного учреждения в другое, не только из одной канцелярии в другую. Недалеко уже от нас то время, когда Россия узнает всю правду о том, как люди, вся вина которых заключалась в поисках нравственной истины, «скитались» из Новороссии в Закавказье, из Закавказья в сибирские тундры, скитались в арестантских халатах с бубновыми тузами, в обществе воров и разбойников, под конвоем и в кандалах. Это время не за горами, и старый крокодил, быть может, уже смутно его предчувствует, когда, пожирая свои жертвы, льет слезы об их упорстве и сутяжничестве, о том, что процесс глотания причиняет некоторые затруднения и вкусная пища грозит стать колом в глотке.

Горькие слезы льет наш крокодил по поводу того обстоятельства, что мужицкое сектантское движение начинает находить отклик на поверхности общественной жизни, привлекая к себе некоторые элементы интеллигенции. «Пропаганда этих ложных идей и воззрений идет в среде народного сектантства на почве сближения интеллигентных последователей этих лжеучений (толстовства) с главарями штундовой секты». И далее: «В числе других причин, порождающих в среде народного сектантства брожение, миссионерские отчеты указывают также и на агитацию в пользу мнимо-угнетенных сектантов («мнимо-угнетенных»! о бедный, несправедливо обижаемый крокодил!) со стороны некоторой, именующей себя либеральной, части нашего общества, в последнее время особенно покровительствующей сектантам, поддерживающей с ними и личные и письменные сношения и тем самым сильно питающей в них уверенность в даровании будто бы полной свободы их лжеучению».

Да, покровители виноваты, это несомненно. По милости этих покровителей теперь уже нельзя в тиши душить и истязать «отпавших от истинной церкви»; нет, нет и проскочит что-нибудь в печать русскую или заграничную. Бедный крокодил вспомнил, должно-быть, неприятный шум, который поднялся по поводу его попытки отнять у мужиков-молокан их детей для воспитания в православной вере. В тот раз заступничество Л. Толстого и его агитация за «мнимо-угнетенных» молокан заставила крокодила захлопнуть уже разверстую пасть. И вы еще удивляетесь, что из его глаз льются неподдельные слезы!

Итак, господствующая церковь угнетена: поощряемые «либералами» сектанты теснят ее со всех сторон. Хуже всего, что от штундистов сами православные начинают заражаться неприличным отношением к церкви и ее смиренным служителям. Вот что пишет, напр., один миссионер в июньском выпуске журнала «Миссион. Обозр.» за 1901 г.: «В некоторых зараженных приходах, особенно где пастыри не на высоте своего служения, миссионер гораздо хуже себя чувствует в беседе с православными, чем с сектантами. Едва начнется беседа, как православные буквально забросают миссионера обвинениями и злословиями на приходского священника. Затем, под давлением раздражения, начинается открытое отрицание истин самого православия. Положение миссионера очень нехорошее: в беседах с сектантами он, по крайней мере, знает, что защищает православие от врагов его, а здесь он должен защищать православие и пастыря от самих православных». Вот беда-то! Приходится защищать православие от самих православных! Трудно, казалось бы, вообразить более тягостное положение православной церкви. И все же, если бедные пастыри призывают на сектантов громы начальственного гнева, они это делают не во имя своего столь тягостного положения. Нет! «нам самим ничего не надо», и вся забота отцов церкви направлена на интересы государства и — собственности.

Послушаем г. Победоносцева.

«Штунда является особенно страшной и грозной силой потому, что мысль современных штундистов, все более и более расширяя область своего отрицания, принимает направление, крайне опасное для социально-политического строя нашего отечества».

Карась любит, чтобы его жарили в сметане. Русский «внутренний враг» предпочитает быть зажаренным под соусом политической неблагонадежности. Г. Победоносцев и вся черная братия, иже с ним, усердно занята изготовлением этого соуса для отпавших от православия. Вот как изображает политическую «подоплеку» штундизма екатеринославский миссионер, мнение которого приводит г. Победоносцев.

«Современный штундист много говорит о своей любви к Христу и усердно читает евангелие, но он любит Христа не как бога-искупителя, но как специально политического деятеля, он любит не евангельского Христа, а „своего“, которого создало его воображение, под влиянием впечатлений материальной жизни». «Но,—поясняет г. Победоносцев, — свобода, к которой стремятся штундисты, есть свобода от всех обязанностей русского человека, как гражданина своего отечества, свобода от всех обязанностей православного христианина, словом, свобода, льстящая одной лишь чувственной стороне человека и посему привлекающая многих».

Отцы-миссионеры приводят доказательства из своей практики. Так, екатеринославский миссионер рассказывает, что один штундист сказал ему: «Мы не желаем итти за вами; мы не любим вашего Христа; вы с вашим Христом меняли людей на собак, а мы с нашим Христом желаем быть свободными». Миссионер Купчевский из Херсонской губернии приводит («Миссионерское Обозрение», июнь 1901 г.) такие слова штундиста Ваганько: «Что это за церковь? Вот в первые времена была церковь, так церковь: там все было общее. А у вас что? Один имеет тысячу десятин, а другой ничего», возмущается Ваганько, намекая на имение одесского городского головы г. Зеленого.

«Но желания сектантов идут гораздо дальше»,—стращает херсонский миссионер и в доказательство приводит ужасную фразу, сказанную якобы «вожаком штунды» в местечке Березовке, Гаврющенко: «Если бы все так уверовали, как баптисты, можно и царя переменять через каждые три года, как старосту».

Вон где таится республиканская опасность. Жалко только, что донос исходит из очень мутного источника. Именно страшную фразу слышали от Гаврющенко два бывших штундиста Шабловский и Дейч, вернувшиеся в лоно православия. А это всем известно, что, когда человек, не устояв перед искушением, отказался от гонимой партии или секты и дает о ней «откровенные» показания,—то в таких случаях мы имеем дело с самым достоверным лжесвидетелем.

Такой же лжесвидетель помог, если верить г. Победоносцеву, раскрыть участие штундистов — в чем бы вы думали?—в социал-демократическом рабочем движении. «Иногда штундисты от слов переходят к делу, что, по свидетельству преосвященного херсонского, подтвердило их участие в тайном движении среди рабочих города Николаева, образовавших т. н. „союз русских социал-демократов“, открытый полицией при содействии одного возвратившегося в православие бывш. штундиста».

Этот «возвратившийся» грешник играл в николаевском деле роль шпиона-провокатора. Участие штундистов в «Южно-Русском Рабочем Союзе» 1897—98 гг. (название преосвященный перепутал) подтверждается авторами брошюры «Рабочее движение в Одессе и Николаеве»[1]. Г. Победоносцев только «забыл» пояснить, что обвиняемые им лица участвовали в «Союзе» не как штундисты, но как социалисты, перестав быть сектантами. В наших рядах насчитывается не мало рабочих, которые до знакомства с социализмом прошли через сектантство. Но делать отсюда вывод, что сектантство есть тот же социализм, могут только преосвященные и Победоносцевы.

Мы здесь не станем касаться интересного вопроса о социально-политическом значении современного сектантства. Вопросу этому мы надеемся вскоре посвятить отдельную статью. Скажем только, что решается он более сложным путем, чем это воображает злостное невежество отцов-миссионеров. Если последние, опираясь на показания самых заведомых лжесвидетелей, выступают с политическим доносом против сектантов, то делается это с явной целью: подготовить общественное мнение и убедить правительство в необходимости новых «мероприятий» против сектантов. «Думаю,—говорит херсонский миссионер,—что к подобным публично высказываемым штунди-

стами коммунистическим принципам и распространению среди народа вредных социалистических идей нужно чутко прислушиваться не одним миссионерам, а и всем, дорожащим спокойствием народа и государства».

Много явлений показывает, что государство готовится к новым жестокостям против отпавших от православия. Вслед за опереточно-торжественным отлучением Толстого последовал бесшабашный разгул церковного кликушества в печати и в проповедях. Православное мракобесие готовится, повидимому, дать генеральное сражение своим врагам. И гг. Победоносцевы искусно подготовляют «политическую обстановку» своим будущим мерам истребления несогласно мыслящих. Мужицкие секты должны будут испытать на себе всю тяжесть начальственного гнева.

Да, старый крокодил не даром заплакал. Подлое чудовище, переваривая только что с'еденные жертвы, вожделеет свежей человеческой крови...

[Л. Мартов]

ИЗ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

ПРАВЯЩАЯ КЛИКА В БОРЬБЕ С «РАЗНУЗДАННОСТЬЮ» НАСЕЛЕНИЯ.

(Картинки русской жизни.)

Двадцать лет назад, при вступлении на престол незабвенного Александра III, апостол русского самодержавия, М. Н. Катков, торжественно провозгласил: «Правительство идет, встаньте, господа!». В переводе на житейский язык эти слова недвусмысленно говорили обывателю: «А вот ужо тебе покажут, как кузькину мать зовут». С тех пор в течение двадцати лет не переставая правящая шайка только и занимается, что «подтягиванием» обывателя. Подтягивают, обуздывают, оглушают, — а он все оказывается распущенным, «разнузданным», неблагонамеренным, и бедные наши «господа жизни» вынуждены измышлять новые меры для борьбы с обывательской «разнузданностью».

В последнее время слово «разнузданность» в применении к обывателям приобрело право гражданства в правительственных документах. Так прямо и заявляют, что такие-то скорпионы придуманы для борьбы не с какой-либо крамолой, а с «разнузданностью» такого-то класса населения.

Так, например, когда понадобилось оповестить публику о сдаче 183 киевских студентов в солдаты, то правительство заявило, что эта кара вызвана «разнузданностью» киевлян. Так же точно за «разнузданность» били нагайками студентов, да кстати и постороннюю публику (в счет будущего!) на Казанской площади 4 марта.

Текущая хроника дает нам не мало образцов того, как начальство ведет борьбу с «разнузданностью» обывателей.

Хотинский (Бессарабской губ.) исправник г. Трубников ведет борьбу с местными мещанами. «Мною замечено, — пишет он в своем приказе, — что мещане в церкви занимают не те места, которые им указываются полицейскими, а после богослужения гуляют по главным аллеям, занимая все скамейки, так что интеллигенции бывает негде сесть, при чем парубки и девки тут же обнимаются и вообще ведут себя непристойно». А потому приказывается мещанам в церкви занимать свои места, а на прогулке не толкаться по главным аллеям. В случае же неповиновения имеют подвергнуться «законной ответственности».

Прочь с дороги, мещане, «интеллигенция» идет! Можете себе представить, из кого состоит эта «интеллигенция» уездного городишка! Подлинная интеллигенция, как известно, покровительством гг. исправников у нас не пользуется. Речь идет, конечно, о г-же квартальной надзирательнице, гг. акцизных и т. п. «чистой» публике. В заботе об этой публике, хотинский помпадур с о ч и н и л новый закон, за неподчинение которому грозит привлечь к «законной ответственности». Ничего не поделаешь: если существующих законов не хватает для борьбы с «разнузданностью» мещанишек, которые «занимают все скамейки», то приходится и исправнику новые законы выдумывать.

О, г-да хотинская, пошехонская и тьмутараканская «интеллигенция»! Решите задачу: сколько придется будущей русской революции пролить крови для того только, чтобы «простым» обывателям приобрести твердое право гулять на «главных аллеях» и «при этом» безвозбранно ухаживать за своими дамами?

Вопрос о праве гулять на тех или иных «аллеях» подымается в нашем отечестве не впервые и не в одном только Хотине. Помнится, года два тому назад полтавские власти гневно указали местным евреям (т. е. опять-таки мещанам, «черной кости») на то, что они, толпясь на главной улице города, мешают прогулке гг. офицеров. И вот полтавский раввин по этому случаю говорил даже проповедь своим прихожанам. Он им доказывал, что все равно где гулять, что на других улицах воздух столь же хорош, как и на Александровской, и что они легко могут отказаться от прогулок по этой улице, чтобы избежать гнева начальства, который может обрушиться на головы всех евреев.

Так взывал благоразумный пискарь. Не знаем, подействовало ли его красноречие на местных евреев, но, несомненно, что еврейское простонародье не переставало огорчать начальство и особенно офицерство. В Минске евреи как-то подрались с солдатами, а когда в ответ на это воинская команда пошла под предводительством офицеров разносить еврейские лавки и бить кого попало, то евреи, соединившись с босяками-христианами, оказали энергичное сопротивление. Кончилось дело осуждением в арестантские роты. Нечто подобное имело место и в городе Шклове. Начальство решило «принять меры» и взялось за дело «серьезно», о чем мы узнаем из документа, опубликованного «Общееврейским рабочим союзом».

Как следует из этого документа, при военном министерстве была «высочайше» учреждена особая комиссия «по вопросу о мерах против разнузданности евреев». Так прямо и пишется: мера, стало-быть, вырабатывается против нескольких миллионов населения. Проект, выработанный комиссией, сводится к увеличению наказания за оскорбления, нанесенные евреями военнослужащим и в передаче в «отдельных случаях» дел о таких оскорблениях в военный суд для суждения по законам военного времени.

Военное министерство нашло, что этого мало, и потребовало, чтобы право передачи в военный суд дел о евреях, виновных в оскорблении военнослужащих, принадлежало не министерству внутренних дел, но генерал-губернаторам, т. е. обыкновенно прямым начальникам оскорбленных офицеров. Сверх того, военное министерство еще предложило административные меры, а именно: предоставить генерал-губернаторам право административно ссылать евреев, налагать штраф на всю еврейскую общину того места, где случилось столкновение, и «применять к таковым поселениям военные экзекуции».

Последние две меры показались слишком «серьезными» даже министерствам внутренних дел и юстиции, и они их отвергли. Но зато министерство внутренних дел, отказавшись передать право административной высылки евреев генерал-губернаторам, «не имеет ничего против того, чтобы при разборе дел об административной высылке евреев за оскорбление военнослужащих в совещание при министерстве внутренних дел приглашался представитель военного министерства «для наибольшего соблюдения интересов военного ведомства». Как просто и как откровенно! Комиссия, упекающая обывателя туда, где Макар телят пасет, должна составляться так, чтобы соблюдались интересы разных «ведомств», т. е. групп чиновников.

Тут высказан весь секрет административных комиссий, заменяющих у нас суд: они созданы не для выполнения дела «правосудия», а для «соблюдения интересов» разных ведомств.

По вопросу об увеличении наказания за оскорбление военных министерства внутренних дел и юстиции нашли, что эти меры «должны быть общими, а не исключительными для евреев», о чем министерство юстиции постарается при выработке нового проекта уложения о наказаниях. Радуйся, «штатский» обыватель, и моли бога, чтобы смертную казнь («по законам военного времени») тебе назначали не за каждую «обиду», нанесенную тобой зарвавшемуся офицеру.

Документ кончается так: «Не считая, однако, возможным удовлетвориться изложенными результатами работ по вопросу о мерах против разнузданности евреев, предположено (военным министерством) настаивать на необходимости установления более серьезных гарантий для военнослужащих против еврейской наглости». Корпусные командиры приглашаются сообщить свои мнения по этим вопросам и «справки о всех выдающихся случаях столкновения евреев с военнослужащими за время с 1897 г.».

Может быть, из этих справок мы узнаем, что слывет в наших правящих кругах под именем «разнузданности» еврейской толпы. Недавний инцидент в Харькове нам показывает что гг. офицеры склонны считать оскорблением со стороны «штатских».

Как известно, в последнее время гг. офицерам приходится выполнять некоторые щекотливые операции: за отсутствием врага внешнего, их посылают усмирять врага внутреннего; вместо роли защитника отечества, приходится работать в роли полицейского, а то и палача. Эта деятельность не очень привлекательна для обывателей, у которых всегда имеются родные или друзья в стане тех внутренних врагов, против которых «действуют» храбрые воины. Естественно поэтому, что обыватель подчас выражает чувства, вызываемые в нем подвигами христолюбивого воинства.

Вот что пишут нам из Харькова:

«На 21 февраля в местном ветеринарном институте была назначена забастовка с применением обструкции. Начальство распорядилось на всякий случай вызвать войска, расположившиеся на Ветеринарной площади, против дома губернской земской управы.

«21-го выдался дождливый день. Пока что, пока не требовалось пустить в дело войска, офицеры, устав стоять под дождем, решили пойти погреться в помещение губернской земской управы. Как говорят, расположиться в управе было им разрешено председателем. Кое-кто из служащих, узнав, что в управе греются офицеры (и полицейские пристава), призванные усмирять студентов, возмутились и предложили товарищам протестовать. Предложение было встречено сочувственно. Работающие в статистическом, страховом, санитарном, земском и кое-кто из других отделений бросали работу, вышли в коридор и заявили: — если офицеры не уйдут, то они, мол, уйдут из управы. Офицерня, разумеется, заартачилась, но в конце-концов решила уйти. Почтенному воинству страсть было неприятно дефилировать перед служащими в коридорах. Вслед уходившим раздавались возгласы: „Снимите шапки, у нас здесь снимают шапки“ и робкий свисток.

«История эта, вероятно, так и заглохла бы, если бы не товарищи изгнанных, которые, почувствовав, что их честь задета, просили Драгомирова наказать примерно виновных в нанесении оскорбления. Говорят, Драгомиров принял сторону офицеров, и дело восходило до министра.

«Дело кончилось следующим: председатель управы, Гордеенко, по распоряжению губернатора, призывал к себе четырех служащих в управе и одного члена управы. Одному служащему был об'явлен выговор и предостережение об увольнении (немедленном) в случае какого-нибудь подобного повода. Двум служащим об'явлено предостережение, — если, мол, будет снова что-нибудь подобное замечено, то с ними распорядятся по всей строгости положения об усиленной охране. Что выпало на долю члена управы и еще одного служащего, — не знаю. Говорят, что член управы не признал за председателем права делать ему, члену, выговор. Говоря с вызванными служащими (с каждым в отдельности), председатель выразил сожаление о том, что он своевременно не узнал о демонстрации. „Я бы немедленно приказал сторожам переписать всех участников и немедленно же их уволил“.

«Честь офицеров восстановлена!

«Но каково же нам, людям „штатским“: мало того, что против наших присных высылают вооруженных башибузуков, мы еще должны терпеть, что они, готовясь к позорной „битве“, располагаются в наших помещениях, как у себя дома и, может быть, тут же похваляются друг перед другом своими подвигами! Не только терпи совершающуюся на твоих глазах бойню, но и гостеприимство окажи ее исполнителям!»

Служащие в земствах вообще давно уже известны как народ «разнузданный» и требующий неусыпного надзора со стороны лиц, власть имущих. В своей «разнузданности» они питаются тем духом, который царит в земстве и против которого власти ведут многотрудную борьбу. По сравнению с земством, городское управление до сих пор было на хорошем счету у начальства. Заседающие в городских думах буржуа отличались умением и готовностью подносить «хлеб-соль» и ознаменовывать разные «чудесные спасения». Но за последнее время и в этой области обывательской покорности начинает проявляться «политическая неблагонадежность». В последние годы на городских выборах появляется так называемая «интеллигентная» партия, которая в борьбе с Кит Китычами проводит то в ту, то в другую думу свежие силы. В виду того, что участие в городском представительстве у нас обставлено весьма крупным имущественным цензом, это возникновение «интеллигентной партии», повидимому, означает политический рост нашей либеральной буржуазии (т. е. ее интеллигентного слоя), из которой формируется новый отряд противников правящей клики в дополнение к интеллигентному дворянству, образующему «неблагонадежный» элемент в земстве, и к разночинной интеллигенции, группирующейся около всяких просветительных учреждений, статистики и т. п. и близко соприкасающейся с «бунтующим» студенчеством.

В Виннице, Подольской губ., гласные-интеллигенты подняли агитацию по поводу подкупов, практикующихся в Винницкой (и не только в этой) думе: торгуют голосами гласных при решении вопросов о подрядах и т. п. делах. В подкупах замешана городская управа вкупе с городским головой. Последний поспешил «забежать» к губернатору. И вот подольский губернатор мчится в гор. Винницу, является в думу и держит речь группе «интеллигентных гласных». Он, губернатор, «пришел к убеждению, что отдельные лица из состава оппозиции вносят смуту в ведение городских дел». Обращаясь к гласным с «просьбой положить самим конец этим смутам», губернатор заявляет, что, «если ход событий не изменится, он должен будет обратиться к самым строгим мерам, предоставленным его власти; при этом он обращает внимание гласных на то, что в Подольской губ. существует положение об усиленной охране. Гласные должны верить ими же избранной управе и дать ей возможность спокойно работать (над чем? над подкупом гласных?); после же этого срока они, если им не нравится настоящая управа, могут выбрать новую». Г. губернатор забыл только прибавить, что, если гласные выберут новую управу не по вкусу губернатора, он может, пользуясь «предоставленной ему властью», ее не утвердить, а назначить ту же старую, что постоянно и делается. И что же? Гласные не выразили коллективного протеста против дикой выходки помпадура, грозящего им «положением об охране» за намерение честно исполнить свой долг перед избирателями? Конечно, нет! Они выслушали почтительно распеканцию, и только один гласный, нотариус, заявил губернатору, что выходит из думы, не желая подвергаться оскорблениям. Это заявление сразу успокоило разошедшегося помпадура, который стал уговаривать гласного остаться на службе и «просил гласных извинить его, если случайно он сказал лишнее слово».

Положение об усиленной охране — этот специальный аппарат для борьбы с «разнузданностью» обывателей — оказывается очень удобным средством защиты городских заправил от контроля представителей городского населения (вернее его имущих классов). Стоит только этим заправилам войти в стачку с администрацией, и городская дума бессильна осуществить свои законные права.

Петербургская городская управа во главе с г. Лелянновым тоже, повидимому, недовольна «разнузданностью» на-

правленной против нее критики. Приказом по полиции градоначальник обратил внимание на то, что на летних театральных сценах допускаются «хотя и разрешенные цензурой, но неуместные остроты по адресу городского управления». Находя в «подобных остротах неуместную дискредитацию государственного учреждения», г. Клейгельс предписывает запретить остроты, в случае же повторения сообщать ему «для дальнейших распоряжений», конечно, на основании положения об усиленной охране.

Бедный русский смех! До сих пор ему запрещено было затрагивать только правительственную свору, и он вынужден был свое преимущественное внимание обращать на состояние городских мостовых, городского освещения, пожарных труб и т. п., на думские глупости и думские скандалы. Теперь и эта область ему заказана. Простым полицейским приказом городские заправилы превращаются в «государственное учреждение», которого да не коснется эта мятежная, разнузданная, словом, революционная сила,— наш обывательский смех.

Да что смех! И другие, менее революционные проявления человеческой природы не ускользнули от ревнивого начальственного ока. Так напр., — жалость. На что уж смирное и, можно сказать, неполитическое чувство. Но в русском государстве и жалости предаваться надо с опаской, и в области проявления человеческого сострадания можно дойти до «разнузданности», которая требует вмешательства власти.

Г. Сипягин вмешался. Он усмотрел, что в газетах в самом тексте часто печатаются приглашения и воззвания о сборе пожертвований в пользу отдельных, бедствующих лиц или местностей, пострадавших от какого-либо бедствия. Так как газетные об'явления должны итти на просмотр полиции, то министр и распорядился, чтобы отныне приглашения к пожертвованиям, хотя бы и помещаемые не среди об'явлений, а в тексте газеты, не печатались без разрешения полиции.

Очень, очень кстати распоряжение г. Сипягина! Русская публика, как ее ни муштруют, не соглашается отдавать свои доброхотные даяния в руки царских чиновников и флигель-ад'ютантов Красного Креста. Она предпочитает передавать свои пожертвования Льву Толстому или другому подобному «неблагонамеренному» организатору помощи нуждающимся, который и отчет представит, и самое дело помощи поставит не по-чиновничьи, а по-человечески. Против такой «разнузданности» жертвователей нельзя было не принять строгих мер. И в таких мерах не было недостатка до сих пор. Новое распоряжение г. Сипягина, ставящее новые препоны организации общественной благотворительности, подоспело тем более кстати, что мы стоим на пороге нового повального крестьянского голода. С свойственной ему «быстротой и натиском» г. Сипягин первый «отозвался» на народное бедствие. Отныне без разрешения полиции частные лица уже не смогут публично собирать пожертвования для голодных.

И мы опять задаем вопрос: сколько же Сипягиных придется будущей русской революции развесить на уличных фонарях, чтобы раз навсегда отвоевать право... свободно распоряжаться своими человеческими чувствами.

Разнузданность в поступках, разнузданность в прогулках, разнузданность в смехе, разнузданность в чувствах... Казалось бы, трудно отыскать еще какую-нибудь область, нуждающуюся в мерах против разнузданности. М-во нар. просвещ. нашло такую область, — это область обывательских мечтаний. Что в мечтаниях не нужно быть разнузданным, об этом узнали недавно каменец-подольские обыватели.

Был у них директор гимназии г. Васильев, которого они почему-то возлюбили. М-во перевело г. Васильева в Новг.-Сев. Обыватели подали начальству прошение об оставлении директора в их городе. А м-во сообщило подлежащим ведомствам, по которым служили подписавшиеся, об их поступке. Что за сим последовало, неизвестно, но, вероятно, обывателям досталось, ибо они стали пенять на неприятный оборот дела, ссылаясь в свое оправдание на «всем известные акты, которые, повидимому, знаменовали поворот в нашем учебном деле и призывали родителей учащихся детей к ближайшему участию в нем», т. е. на известный царский рескрипт и «приказ» ген. Ванновского о «сердечном попечении». И вот министерство «сердечного попечения» об'ясняет в газетах, что донесло оно на подписавшихся обывателей потому, что «подобные заявления, делаемые скопом», запрещаются законом (ст. 112 устава о пред. и пресеч. прест.). Если же обыватели ссылаются на «всем известные акты», то, поясняет ядовито м-во, «не следует при этом забывать, что всем известные акты не отменяют силы приведенного закона». Запомните эти слова, размечтавшиеся обыватели! Разговоры о «сердечном попечении» не отменяют устава о пред. и прес. прест., не отменяют законов Российской империи. Пока законы эти остаются в силе, нелепо мечтать о серьезной реформе школьного дела, о том, чтобы голос родителей принимался к сведению в деле обучения их детей.

А знаете, читатель, как велика наша обывательская «разнузданность»? Одесский градоначальник публикует статистические итоги полицейской борьбы с обывателями в своем районе. В 1900 г. в Одессе отбывали арест по распоряжению администрации (без суда) 43.281 чел. На 10 одесских жителей в течение года отбывал наказание без суда один человек. Из каждых 7 мужчин в Одессе один отсиживает раз в год.

Подведем и мы итоги. Если «разнузданными» оказываются и деревня, и город, и инородцы, и русские обыватели, и мещане, и представители имущих классов, и люди, любящие смеяться, и люди жалостливые, и учащаяся молодежь, и степенные родители, если целая седьмая часть мужского населения крупного города обязательно должна отсиживать в кутузке за свою «разнузданность», то не кроется ли здесь некоторое недоразумение?

Когда вы едете на пароходе, вам кажется, что все кругом движется, а вы одни неподвижны. Не проявляется ли по вопросу о «разнузданности» такой же «обман зрения»? Не может быть, чтобы весь мир был виноват перед маленькой кучкой людей. А ведь, право же, царящая над нами клика есть ничтожная кучка по сравнению с той массой, которую она обуздывает. Не в ней ли, не в этой ли кучке сидит действительное зло «разнузданности», не ее ли пора начать взнуздывать? Не пора ли всему населению повести в свою очередь поход против той грубой, разнузданной, неуклюжей силы, которая шагу ступить не может, чтобы не наступить на какую-либо обывательскую мозоль?

ИЗ ДЕРЕВНИ.

Существует общераспространенный взгляд на наше крестьянство, как на один из самых надежных оплотов русского самодержавия. Известная доля истины тут, конечно, есть, тем не менее такое утверждение требует некоторых оговорок. Естественный ход вещей мало-по-малу революционизирует и деревню. Самодержавие доживает последние минуты, и давление этой громадной умирающей и заживо разлагающейся туши живо чувствуется везде — и в промышленных центрах, и в глухих деревушках. Приведем два знакомых нам факта, иллюстрирующих процесс освобождения деревни от векового гипноза, обусловливавшего до сих пор живучесть царизма. Одно из событий, о котором мы собираемся рассказать, имело место за последнее время в одном из уездов П-ской губернии. У крестьян деревни *** неправильно была оттягана местным купцом земля, которой они очень долго владели до того времени (в конце концов, впоследствии, высшая судебная инстанция решила дело в их пользу, ибо нашлись документы, доказавшие, что крестьяне были правы). Потеряв надежду на возможность найти правду у царских чиновников, которые-де «скрывают от царя-батюшки настоящую крестьянскую правду», мужички подали прошение самому «батюшке», но получили, разумеется, суровый отказ. Отказ этот они об'яснили себе так, что «опять-де чиновники не допустили до царя-батюшки крестьянскую слезницу», и отрядили излюбленного человечка для непосредственного обращения к исконному первоисточнику правды — к «царю-батюшке». Боясь новых козней со стороны «чиновников-министров», ходок нанялся рабочим в царский сад, хитро прятал прошение (держал в сапоге,

ибо при входе в сад рабочие строго обыскиваются) и, выбрав однажды удобный момент, бросился «самому» в ноги, немедленно был схвачен и отправлен на родину. Обескуражились мужички, но злополучной идеи своей о правде у царя не оставили, дожидались нового царствования (Николая II) и, все еще не изверившись в эту царскую правду, («думали, что тогда, прежнему-то царю, наговорили на нас супостаты-министры»), опять повторили свой опыт. На этот раз тот же ходок (кстати сказать, после первого приключения с ним ему был воспрещен в'езд в столицу), одевшись железнодорожным носильщиком (или поступивши в ж.-д. носильщики), подкараулил как-то молодого царя на вокзале и опять бросился к нему в ноги, но снова был схвачен (прошение же на глазах «самого» было у него отобрано и «самому», конечно, не доставлено) и выпровожден этапным порядком в свою деревню. Крестьяне, отчаявшись после этого отыскать царскую правду, решили умереть на своей земле, а не давать ее в чужие руки. В результате — усмирение «бунта» солдатами, экзекуция и высылка на север трех наиболее деятельных протестантов, в том числе и злополучного ходока. Теперь деревенька эта уже окончательно изверилась в чиновничью и царскую правду, в назначение христолюбивого воинства и т. д. Это доказывают, между прочим, бывшие позднее в ней недоразумения с администрацией, и те смелые речи, которые раздавались на сходах.

А вот и другой факт. В деревне Ж., П-кой губ., О. у., один из крестьян проникся мыслью — взять на себя своеобразную миссию спасения деревенского люда от удручающих его бедствий путем пропаганды идеи переселения. С этой целью он достал устав о переселении и, сообразуясь с этим уставом, обращался к местным властям за советом и содействием, но везде наталкивался на холодный прием и на более чем отрицательное к его идее отношение. После долгих тщетных хождений по присутственным местам он решил, наконец, действовать на собственный риск и страх, вооружился карандашом и бумагой и направился по весям собирать подписи желающих переселиться. Исходивши порядочное количество деревень, он набрал уже до 150 таких подписей, как вдруг недреманное око станового усмотрело в этом акте противоправительственную деятельность. В одно прекрасное время усердный не по разуму администратор «орлом налетает» на бедную хижину Николая (так зовется герой рассказываемой нами подлинной истории), хватает его и отправляет в О. в холодную. Николай, однако, не растерялся и стал протестовать против незаконного лишения его свободы в таких приблизительно выражениях: «арестовать меня ты, конечно, можешь, на то тебе и власть дана, но как выпустишь на волю — тогда посмотрим; я этого дела не запущу и буду с тобой судиться». Становой, очевидно, призадумался над этой угрозой, ибо на третий же день ареста поспешил на собственные средства представить его в П. к губернатору. Тут между Николаем и губернатором произошел любопытный разговор в таком роде:

— Может ли становой меня без суда и без всякой моей вины лишить свободы?

— Становой арестовал тебя, потому что я ему это приказал, понимаешь? — внушительно произнес губернатор.

— Ага! Ну, так я против тебя, — обратился Николай к становому, — ничего теперь не имею, потому, значит, ты исполнял только волю начальства, а буду теперь иметь дело с господином губернатором.

Когда губернатор заметил ему, что арестован он не напрасно, а потому, что «волновал население», Николай горячо ему ответил: «Нет, я не волную население, а хочу ему только пособить, потому что начальство о нас не заботится и не хочет знать, что нашему брату-крестьянину жить становится невмоготу. Если не через год, то через два мы переедим горло друг другу из-за земли. Я к крестьянину на помощь иду, а вы называете это бунтовством». Губернатор дальше разговаривать не стал, а велел отправить его на родину и отдать под надзор полиции. Так как Николай в своих об'яснениях с начальством ссылался все на какую-то книгу, из которой он почерпает уверенность в правоте своего дела (вероятно, какую-нибудь юридическую справочную книжечку о переселениях), то у него был произведен тщательный обыск, не приведший ни к каким положительным результатам и только доставивший лишнюю минуту торжества Николаю.

Несмотря на все эти обстоятельства, Николай начатое дело о переселении продолжал, и около 15 мая н. г. назначил всем своим клиентам, будущим переселенцам, собраться в селение, где помещается волостное правление, на сход для того, чтобы выбрать ходоков и собрать деньги. Вся местная полиция, во главе с помощником исправника, явилась в назначенный для схода день на место предполагаемого «бунта».

«Бунт» однако, не состоялся, ибо часть явившихся на сход по приглашению Николая, натолкнувшись на полицию, поспешила возвратиться восвояси, а часть получила еще дорогой сведения о том, что являться не нужно: полиция разгоняет. Николая же после этого отдали под суд земского начальника. Этот последний допросил массу народа, пытаясь установить факт корыстного мотива в затее Николая, но это ему не удалось. При об'яснении с земским начальником Николай, по своему обыкновению, держал себя весьма независимо, доказывал, что его могут судить, осудить, в кутузку сажать, но, отсидев свой срок, он все же будет продолжать действовать в том же направлении. Земский принужден был отказаться от роли обвинителя, пообещал все дело направить к судебному следователю и отпустил Николая на волю, а Николай, рассчитывая, повидимому, встретить поддержку свыше, исчез, как говорят, в Петербург, откуда, по всей вероятности, скоро вернется в сопровождении солдата.

По личным отзывам крестьян и мелко-травчатой полиции, Николай человек неглупый, власти же рангом повыше распускают упорно и настойчиво слух, что это невежественный, сумасшедший мужик, совершающий свои подвиги вследствие простого недомыслия. Личность Николая стала весьма популярной в его округе, и весь этот эпизод заставляет крестьян много толковать о бессовестности начальства, о закрепощении крестьян, о прикреплении их к месту жительства ради помещичьих выгод и т. д.

[П. Лепешинский]

В Костроме в начале июля был распространен листок, выпущенный за подписью «Группы интеллигентов», в котором предостерегают от сношений с техником Александром Ивановичем Врублевским, который, будучи призван в качестве свидетеля в жандармское управление, не только дал обстоятельные ответы на все предложенные ему вопросы, но даже говорил о многом, о чем его вовсе не спрашивали, при чем назвал много лиц, которые, будто бы, давали ему нелегальную литературу. Все это он сделал, повидимому, желая заслужить расположение жандармского начальства, может быть, даже желая поступить к нему в качестве сыщика на службу (хотя он крайне глуп и болтлив для этой роли). В результате же оказалось, что он сам попал в обвиняемые по 318 и 252 ст., угодил под особый надзор полиции. Врублевский оговорил не только интеллигентов, но и многих рабочих.

Весь май начальство сильно боялось рабочих беспорядков, и, начиная с первых чисел мая, каждый день находятся наготове, по распоряжению губернатора, тридцать человек солдат, вооруженных боевыми патронами. По улицам города, собственно в фабричном районе, шляется масса переодетых жандармских и полицейских солдат; говорят, что прибыло много сыщиков из Петербурга. Носятся слухи, что шпионы пущены Кемпе в виде сторожей также в местные учебные заведения: мужскую и женскую гимназию, духовную семинарию, техническое и реальное училище (в последнее поступил новый сторож из бывших жандармских солдат).

В июне губернатор выпустил к полиции два циркуляра: один касается земских статистиков, в нем предписывается исправникам наблюдать, чтобы земские статистики, отправившиеся по уездам на исследование, не оказали дурного влияния на тамошнее общество, т. к. среди них масса лиц, находящихся в списке политической неблагонадежности, под надзором полиции. Другой циркуляр приведен нами дословно в ном 6 (см. «Последние Известия»).

Вильна. Сообщаю подробности об ошмянском «бунте». С год назад в Ошмянский уезд, Вишнев. волости, вернулся с военной службы отставной солдат, который, откопав какое-то положение о крестьянах Западного края 1877 г., отыскал в нем установление крестьянского надела в 8 дес., тогда как в настоящее время он равен прибл. 2—2½ дес. Основываясь на этом положении, он повел усиленную агитацию среди крестьян, напирая на то, что царский указ нарушен повсюду помещиками. Возбуждение среди крестьян (шести волостей) достигло крайнего напряжения, и нужен был лишь толчок для его резкого проявления. Таким толчком явился приезд партии землемеров для с'емки планов. В первый же день их работ они были окружены толпою крестьян из шести волостей (от 2.000 до 3.000 чел.), которые требовали от них, чтобы новые планы составлялись по упомянутому положению, т. е. чтобы из помещичьих земель была сделана прирезка к существующим двухдесятинным наделам. Землемеры разошлись и на другой день явились на место работ в сопровождении всего состава полицейских властей всех шести волостей (свыше ста чел. — становые, сотские, десятники и пр.). Увещания ни к чему не повели, крестьяне полегли на землю и таким пассивным сопротивлением не дали возможности приступить к работам. В особенности выделялись бабы, которые, благодаря уверениям солдата, что в прошлом году вышел царский указ о том, чтобы женщин в тюрьму не сажать и вообще не предавать суду, вели себя весьма вызывающим образом и смелее мужчин. По телеграфу были вызваны две сотни казаков и батальон солдат, пришедшие во главе с губернатором. Немедленно было арестовано 50 «зачинщиков» (в том числе и солдат), после чего крестьяне покорились. Подробностей о «внушениях» на месте пока нет, но будут. Наказание «бунтовщикам» след.: из 50 арестованных — 20 чел., против которых нет прямых улик, в порядке усиленной охраны по распоряжению Сипягина уже отправлены в Восточную Сибирь. Остальные сидят в тюрьме и привлечены к суду за сопротивление властям. Остальная же масса «бунтовщиков» наказана тем, что в бунтовавших деревнях по избам расквартировали две роты солдат до октября месяца, что означает полное разорение крестьян, так как они должны давать солдатам полное содержание.

В тюремных застенках. Ряд «тюремных драм» совершился в течение нынешней весны. В Митавской тюрьме гимназист Крейер, мальчик 15-ти лет, зарезался после того, как угрозами и насилиями жандармского офицера Кладо был вынужден дать компрометирующие других показания. В Лодзи рабочий Янкель Пакула, избитый полицейскими в участке, «найден» в своей камере повесившимся, как говорится в полицейском протоколе; по уверению же соседей, слышавших крики и стоны, Пакула повешен полицейскими после того, как умер от нанесенных ему побоев. Когда шум, вызванный в Лодзи этим происшествием, дошел до ушей начальства, оно напечатало официальное опровержение «слухов» об убийстве Пакулы, уверяя, что покойный повесился «из страха наказания за свое преступление».

6 июня в киевской тюрьме началась голодовка 35 политических заключенных. Голодавшие выставили требование, чтобы в течение недели заключенным были предъявлены определенные обвинения в присутствии прокурора (так водится, и в этом году перед первым мая нахвачено было жандармами до ста человек, при чем только после ареста жандармы стали подбирать «улики»). После четырехдневной голодовки власти должны были сдаться, всем заключенным произведен допрос, и многие выпущены.

Около того же времени в богодуховской тюрьме (близ Харькова) такая же голодовка была проведена 16-ью политическими. Пом. прис. пов. В. Рогачевский с 29 декабря 1900 г. по 24 мая 1901 г. сидел без допросов. После того, как все его юридически обоснованные заявления были оставлены без удовлетворения, Рогачевский «об'явил голодовку», к которой примкнуло еще 15 заключенных. Голодовка длилась 10 дней, пока жандармы решили уступить, допросили Рогачевского и выпустили его.

В харьковской тюрьме, по сведениям «Красного Креста», покушалась дважды на самоубийство Алекс. Андр. Котлярова (служившая в земстве) после пяти месяцев заключения. После второй попытки самоубийства Котлярова выпущена — в психиатрическую лечебницу.

ИНЦИДЕНТ В ЕКАТЕРИНОСЛАВСКОМ ЗЕМСТВЕ.

Г. Родзянко, председатель Екатеринославской губернской земской управы, уже успевший прославиться на всю Россию, снова напоминает о своем существовании следующей выходкой. Он потребовал от статистиков, чтобы они на исследованиях вели дневник работ; цель этой выдумки — контроль за статистиками. Встретив молчанием это требование, статистики отправились на исследование, дневников не вели и, приехав с исследований, оправдательных документов о времяпрепровождении не представили, чем и вызвали гнев действительного статского советника и камергера двора г. Родзянко, который, дабы впредь и другим неповадно было, повелел уволить за ослушание заведующего и трех статистиков. Нужно заметить, что незадолго до разыгравшейся истории сам же г. Родзянко отзывался об екатеринославских статистиках как о людях с достаточной подготовкой для работы, за которую взялись. Таким образом, увольнение статистиков нужно рассматривать как наказание только за неисполнение нелепого требования. В ответ на увольнение товарищей остальные члены бюро подали в управу заявление о том, что они не могут продолжать службу в управе, которая не пользуется их уважением. «Ничего,—сказал г. Родзянко,—пусть уходят; я еду в Москву и привезу оттуда целый вагон статистиков». События показали, однако, что г. Родзянко в своих расчетах на Москву, вероятно, ошибется. Дело в том, что вести о случившемся дошли до харьковских статистиков, которые решили бойкотировать г. Родзянко, о чем оповестили его (см. I), екатеринославских статистиков (см. II) и все 34 статистические бюро России (см. III).

I. М. Г., г. Родзянко!

Преследуя исключительно фискальские цели, вы потребовали от екатеринославских статистиков ведения дневников. Вам, конечно, принадлежит неоспоримое право доверять или не доверять служащим в земстве, но на вас же вместе с тем лежит обязанность, в случае недоверия, прямо заявлять об этом, а не устанавливать оскорбительный полицейский надзор за работниками, — тем более, что в вашем распоряжении для определения право- и работоспособности служащих всегда найдется достаточно данных и помимо измышленных вами дневников. Екатеринославские статистики, естественно, отказались выполнить оскорбляющие их требования, как отказался бы сделать это всякий в их положении, — а вы в ответ на этот отказ не постеснялись уволить от службы некоторых статистиков и тем вызвали коллегиальную отставку бюро. Ваш образ действий, более свойственный лицам, сидящим в бюрократическом, а не земском кресле, заставляет выразить вам свое негодование и об'явить бойкот Екатеринославскому земству — отказом работать у него — до тех пор, пока вы не откажетесь от своего решения по отношению к екатеринославским статистикам или, по тем или другим причинам, не оставите земскую службу.

II. Товарищи!

Глубоко возмущенные поступком председателя Екат. губ. земской управы г. Родзянко, мы харьковские статистики, шлем вам товарищеский привет и свое сочувствие. Мы надеемся, что и товарищи других земских статистических бюро отнесутся столь же сочувственно к вам и с таким же негодованием по адресу г. Родзянко, и потому обращаемся к ним с предложением бойкотировать Екатеринославское земство — отказом работать у него до тех пор, пока г. Родзянко не откажется от своего решения по отношению к вам, статистикам, или не оставит по тем или другим причинам земскую службу.

III. Товарищи!

Вам, наверное, известна участь екатеринославского бюро. Мы, харьковские статистики, обсудив обстоятельства этого дела, пришли к следующему: в виду того, что крах екатеринославского бюро является результатом дикого бюрократического произвола г. Родзянко, произвола, нарушающего элементарные правила отношений земских служащих по выборам к земским служащим по найму; в виду того, что с таким все чаще и чаще повторяющимся явлением возможно бороться только сообща, — мы решили бойкотировать Екатеринославское земство — отказом работать у него до тех пор, пока г. Родзянко не откажется от своего решения по отношению к екатеринославским статистикам или по тем или иным причинам не оставит земскую службу. Сообщая об этом, мы предлагаем вам присоединиться к нашему решению, известив об этом нас, екатинославских статистиков, и г. Родзянко, который должен же знать о том негодовании, какое вызывает в земских работниках его последнее распоряжение и его земская деятельность вообще.

На почве этого инцидента разыгрался другой, уже в Харьковском земстве. Единомышленник г. Родзянко, председатель Харьковской губ. зем. управы, г. Гордеенко, узнав о намерении харьковских статистиков выразить порицание г. Родзянко, предупредил статистиков, что в случае исполнения сего намерения, о котором он осведомлен «по дошедшим до него слухам», им будут приняты меры, т. е. сделан донос, куда следует, и прибавил, что на будущее время никакие совещания служащих по вопросам, не касающимся служебных обязанностей, в стенах управы терпимы быть не могут. Это заявление г. Гордеенко было оставлено статистиками без ответа письменного, устно же ему было заявлено, что свои намерения статистики считают своим частным делом, до которого управе нет дела. В настоящее время в бюро царит сильное напряжение, которое может разразиться новым скандалом. Дело в том, что в управе во многих ее отделениях имеются шпионы, служащие источником тех «слухов», на которые г. Гордеенко не постеснялся сослаться в своем официальном обращении к статистикам. Несомненно, что теми же «слухами» пользуются и жандармы. Один из шпионов сидит и у статистиков, у которых до сих пор не хватало мужества вышвырнуть этого негодяя из бюро, несмотря на то, что об этом вопрос неоднократно подымался: бедняги слишком дорожат своими работами и думают, что изгнание шпиона повлечет за собою раскассирование бюро. Фраза г. Гордеенко о «слухах» снова возбудила вопрос о шпионах, опять статистики волнуются, и неужели опять впустую? Чего доброго! Поразительно малой дозой протеста наделен русский обыватель, даже такой, как статистик, зато терпения ему отпущено не в меру много.

* * *

Мы, с своей стороны, от всей души приветствуем прекрасный почин харьковских статистиков и рекомендуем всем служащим и в земских, и в общественных, и в правительственных учреждениях предавать гласности и публичному позору подобные проявления полицейского произвола и доносчицкого рвения всяческих русских «помпадуров».

Харьков, 2 августа.

После той бумаги, в которой Гордеенко, основываясь на «слухах», грозил статистикам «мерами», статистики тоже решили принять меры против шпионства, свившего себе прочное гнездо во всех учреждениях губернского земства. Они решили требовать удаления Антоновича — шпиона в статистическом отделении. Приведение в исполнение этого решения было отложено до 18 июля, когда в коллегиальном заседании управы должно было рассматриваться заявление одного из членов управы по тем же вопросам. Велико было удивление статистиков, когда они на другой день узнали, что коллегия не только не уволила Антоновича, про которого Гордеенко сказал: «Антонович не шпионил, а исполнял свой долг», но даже сочла необходимым уволить заведующего бюро. Теперь в дело вмешались и остальные служащие управы, до сих пор ведшие себя более чем скромно. Пока заведующий бюро не получил еще официального извещения об отставке, к Гордеенко была отправлена депутация, которая в самых скромных формах предложила Гордеенко взять решение об увольнении заведующего бюро обратно, намекнув, что в противном случае последует увольнение многих служащих из других отделений управы. Гордеенко готов был пойти на уступки — пересмотреть решение об увольнении заведующего бюро. Назначен был срок окончательного решения вопроса — 24 июля. Служащие управы готовы были помириться на возвращении заведующего бюро, забыв, что дело ведь началось с Антоновича — показателя целой системы. Однако, статистики не соглашались сначала, но потом уступили, — отступились от своих основных требований. Но как раз в тот момент, когда статистики пошли на компромисс, Гордеенко получил от губернатора конфиденциальное сообщение с приложением копии с письма, отправленного харьковскими статистиками Родзянко, и предложением «принять меры». Созванное Гордеенко по этому поводу коллегиальное заседание управы потвердило свое решение об увольнении заведующего бюро и постановило предложить всем статистикам уволиться. Статистики, не дождавшись формального извещения о состоявшемся постановлении, 25 числа подали в отставку (19 человек, трое отказались). Примеру их последовало 23 человека из других отделений управы, в том числе губернский санитарный врач, эпидемические врачи, губернский агроном и заведующие и помощники заведующих другими отделами управы (не все, конечно).

В больнице губернского земства одновременно тоже разыгралась история на той же почве, что и в управе: требование служащих об удалении смотрителя больницы, обвинявшегося в шпионстве, было удовлетворено управой.

В родовспомогательном приюте Х. г. зем. тоже была история. Член управы на основании опроса низшего медицинского персонала внес в управу предложение об увольнении врача, заведующего приютом, не спросив у последнего никаких раз'яснений. Это была настолько дикая выходка, что даже почтенная управская коллегия решила уволить не врача, а тех, кто давал показания о нем. Врач же, как говорят, намерен привлечь члена управы за клевету к судебной ответственности.

Получено из Симферополя извещение о крахе статистического бюро. Как сообщают, в этой новой истории принимали участие «губернатор, жандармы и проч. учреждения».

«Доброе слово к русскому народу». Не всегда с «крамолой» борются средствами грубого насилия. В этом можно убедиться из недавно разосланного по фабрикам следующего воззвания:

Затребовать и получить
к 22 июля.

К сведению
Гг. владельцев и управляющих
мануфактур, фабрик и заводов!

Г. министр Императорского Двора от 10 июня 1901 г. за № 4969 приказал разрешить напечатать дешевое народное издание для распространения среди фабрично-заводского населения, для его успокоения, дабы поддержать законный порядок и ход обычных работ и оградить его от происходящих и могущих произойти смут и беспорядков, вследствие умственных брожений и ложных суждений о Предержащей власти.

Издание это предлагается для распространения в возможно большем числе экземпляров как среди сельского населения, так и рабочих мануфактур, фабрик и заводов. Затребованные и полученные экземпляры издания следует раздавать в ближайший праздничный день и при возможно-торжественной обстановке всем рабочим, не исключая женщин и детей:

ДОБРОЕ СЛОВО К РУССКОМУ НАРОДУ

Сочинение религиозно-нравственного содержания, проникнутое высоко-патриотическим духом, с портретами Их Императорских Величеств Государя Императора и Государыни Императрицы.

Издание высылается по следующей расценке:
Цена за: 15 экз. — 1 р.; 30 экз. — 2 р.; 50 экз. — 3 р.; 100 экз. — 5 р.; 500 — 22 р. 50 к.; 1000 — 40 р.; 3000 — 110 р. 4000 и более считаются по 3 коп. экземпляр.

Требования прислать заблаговременно, с получением сего предложения с тем, чтобы издания были получены своевременно.

Затребовать и получить по числу рабочих.

Требования адресовать: в СПБ., книжному магазину «НАРОДНАЯ ПОЛЬЗА», Николаевская, 39.

Адр. для телеграмм: СПБ., магазин «Народная Польза». От С.-Петербургского Комитета Духовной Цензуры печатать разрешается, 19 июня 1901 г. Цензор архимандрит Антонин.

На заголовке красуется царская корона. Другая украшает оборотную сторону листка. Таким образом, обращение к фабрикантам предложение «затребовать» книжку по числу рабочих обставлено достаточно торжественно. Попробуй-ка г. фабрикант отказаться от приобретения сего сочинения, «проникнутого высоко-патриотическим духом»! Издатели, несомненно, обделают выгодное дельце!

Как, однако, должны печально обстоять дела с «законным порядком» среди фабрично-заводского населения, если сторонники этого порядка вынуждены прибегнуть к печатному слову для борьбы с «умственными брожениями и ложными суждениями о предержащей власти»! Ведь печатное слово — палка о двух концах! Познакомившись с «добрым словом», направленным к его вразумлению, рабочий, пожалуй, полюбопытствует познакомиться и с тем правдивым словом, которое сумеет попасть в его руки, — правда, без всякой торжественной обстановки.

* * *

Сейчас мы получили новое «извещение» почтенной фирмы, свидетельствующее о том, какими средствами действуют «религиозно-нравственно-патриотические» борцы с крамолой. Вот текст «извещения»:

ИЗВЕЩЕНИЕ.

«Затребованное Вами издание „Доброе слово к русскому народу“ в количестве 10 экземпляров не соответствует статистическим данным министерства финансов, по спискам которого значится, что число рабочих доходит до 120 человек, а потому по числу их издание и может быть выслано; имея в виду то, что каждое требование заносится в ведомость для представления к сведению. Просим дать ответ».

На заголовке опять царская корона. Предприимчивые патриоты запаслись «статистическими данными» и «с пристрастием» требуют, чтобы фабриканты выписывали не иначе, как по числу рабочих, ибо «каждое требование заносится в ведомость для представления к сведению».

Высылка из России Джорджа Кеннана[6]

Автор известной книги о русской ссылке, вновь посетивший недавно Россию, выслан по распоряжению министра внутренних дел из России в сопровождении полицейского. Высылка последовала в виду его «политической неблагонадежности». Это, конечно, не значит, чтобы правительство считало Кеннана революционером. Но чтобы стать врагом русского правительства, и не нужно быть революционером. Достаточно написать правдивую книгу, в которой рассказано о том, что правительство делает со своими жертвами в каторжных тюрьмах и местах ссылки.

Или, говоря простым русским языком: клади денежки об это место или я «представлю к сведению» самый «религиозно-нравственно-патриотический» донос начальству.

Можно надеяться, что своей выходкой русское правительство восстановит свою честь в глазах цивилизованного мира. Кеннан писал, что в России нет никакой свободы и что каждое проявление свободной общественной деятельности карается как политическое преступление.

Высылка Кеннана, вероятно, имеет в виду доказать Европе и Америке, что свободы у нас вполне достаточно... чтобы наказать иностранца за то, что он иностранцам говорит правду о России.

Пирамидов умер! Владимира Михайловича Пирамидова не стало. Он умер на посту, охраняя своего султана на одном из торжеств в честь постройки нового орудия истребления людей. Царский флаг, сорванный разыгравшейся бурей, раздавил верного жандарма. Нельзя ли видеть в сем некоего предзнаменования?

Начав свою службу в Москве и развернув свои инквизиторские способности в Одессе, Пирамидов в 1897 г. был назначен начальником охранного отделения в Петербурге. В напечатанном в «Листке Работника» (№ 5) «Послужном списке полковника Пирамидова», составленном безвременно погибшим в ссылке товарищем Федосеевым, предсказывалось, что Пирамидов в своей новой должности «намерен производить массовые погромы», захватывая разом не только подозреваемых в революционной деятельности, но и всех знакомых с такими лицами.

Предсказание оправдалось, и «эра Пирамидова» ознаменовалась, действительно, все учащавшимися погромами, захватывавшими каждый раз самую разнообразную публику. В 1897 г. походов на «внутренних врагов» им совершено в Петербурге шесть (в феврале, марте, дважды в апреле, мае, августе), в 1898 г. шесть (в январе, марте, мае, июле, сентябре, декабре), в 1899 г. восемь (в феврале, марте, дважды в апреле, в июне, августе, октябре, декабре), в 1900 г. пять (в марте, апреле, мае, августе, декабре) и в 1901 г. вплоть до кончины — семь (в январе, дважды в феврале, в марте, апреле, мае и июне), при чем апрельский поход затмил количеством взятых в плен все предыдущие и принес победителю неувядаемый трофей — пуд гвоздей, арестованных у одного мирного литератора в предположении, что они назначены для стрельбы картечью из пушек революции.

Само собою разумеется, что при таких массовых погромах случались «ошибочки» вроде заарестования непричастного к революции Костромина, который зарезался в доме предварительного заключения. Самосожжение Ветровой тоже произошло в царствование Пирамидова. Общее количество умерших от нажитых в тюрьме болезней и сошедших с ума не поддается учету; во всяком случае оно не незначительно.

Точно так же не легко подсчитать количество шпионов и провокаторов, пущенных Пирамидовым в обращение в среду рабочих и молодежи.

Герою 30-ти слишком походов против «внутреннего врага» были, само собою разумеется, возданы должные посмертные почести. За гробом несли венки с пикантными надписями, как, например, «от тайной агентуры». До сих пор венки с такими надписями, наверное, не встречались на чьих-либо похоронах. За Судейкиным несли, правда, венок «от сослуживцев», но так, чтобы просто от... шпионов, нет, этого не бывало.

Прогресс нравов подвигается с удивительной быстротой. Нет никакого сомнения, что на гроб Витте будет своевременно возложен венок «от взлелеянных казнокрадов», на гроб Муравьева — «от спасенных мздоимцев» и на гроб Николая Романова — «от тысячи и одной балерины».

Но если похороны Пирамидова отличались от похорон Судейкина большим цинизмом, то трогательны они были не менее их. На гроб Судейкина посланы были венки от царицы, Пирамидова почтили венками некоторые великие князья и сама королева эллинов. Так все прочнее скрепляются узы между царским престолом и жандармским застенком. И будут скрепляться эти узы до тех пор, пока разыгравшаяся буря, сорвав царский флаг, не раздавит на месте многоголовую жандармскую гидру.

Для петербургских рабочих имя Пирамидова будет всегда связано с первым периодом их массового выступления на путь классовой борьбы, как имя бессовестнейшего и беспощаднейшего из царских палачей.

САМОНОВЕЙШЕЕ ОТКРЫТИЕ.

Средство против упорных голодовок! Привилегия принадлежит князю Оболенскому!

Город Елисаветград до сих пор считался очень тихим и скромным городом. Революциями не занимался и против начальства не восставал. Правда, в 1879 г. на елисаветградском вокзале был арестован Григорий Гольденберг с тюком динамита, но это обстоятельство не было поставлено городу в вину. В 1898 г. обнаружена в Елисаветграде социал-демократическая пропаганда, но она оказалась завезенной одесскими агитаторами и пресечена в корне. Местные рабочие пошли за г. Левитским и с разрешения властей устраивают артели... На всякий случай, однако, начальство вот уже два года воспрещает селиться в Елисаветграде людям поднадзорным и тем самым спасло этот город от наплыва радикальной публики. Все бы казалось, хорошо, ан нет...

В Елисаветградском уезде появился голод, который продолжался два года. А раз голод, то не преминула появиться и «агитация» беспокойных людей, организаторов помощи голодающим. Появились письма в газетах о голоде и голодном тифе, наехали в уезд смутьяны из посторонней интеллигенции, словом, поднялся шум.

Кн. Оболенский, губернатор херсонский, сперва помалкивал, потом стал ругаться (обозвал сообщения земских врачей ложными), потом запретил наезжим смутьянам оказывать помощь мужикам, закрыл книжный склад, об'явил несогласным с видами самодержавного правительства открытие яслей для голодающих мужицких детей. Наконец, заявил, что отныне голод в Елисаветградском уезде прекращается... Все не помогло: помощь прекратили, а мужик все как будто вид имеет оголодавший. Тогда херсонский губернатор строчит бумажку в Петербург и получает ответ, который должен его совершенно успокоить. Как сообщают газеты, власти гор. Елисаветграда получили уведомление от херсонского губернского правления, что город об'явлен на положении усиленной охраны.

«Средствие» найдено; теперь-то, надо полагать, хозяйство елисаветградского мужика станет на ноги.

ХРОНИКА РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ
и
ПИСЬМА С ФАБРИК И ЗАВОДОВ

С.-Петербург. О настроении петербургских рабочих в период летних беспорядков можно судить по следующему письму, полученному нашим товарищем от одного ткача. В письме высказано также отношение некоторых рабочих кружков к тому политическому направлению, которому служит наша газета, по поводу получения которой собственно и написано письмо (речь идет о № 1 «Искры»).

...«Я многим товарищам показывал „Искру" и весь номерок истрепался, а он дорог, много дороже „Мысли", хоть и нет там наших строк. Тут про наше дело, про все русское дело, которое копейками не оценишь и часами не определишь, когда его читаешь, тогда понятно, почему жандармы и полиция боятся нас, рабочих, и тех интеллигентов, за которыми мы идем. Они, и правда, страшны и царю, и хозяевам, и всем, а не только хозяйским карманам. Конечно, я простой рабочий и совсем уж не такой развитой, но я очень чувствую, где правда, знаю, что нужно рабочим. Рабочий народ теперь легко может загореться, уже все тлеет внизу, нужна только искра, и будет пожар. Ах, как это верно сказано, что из искры возгорится пламень! Сейчас все рабочие точно керосином облитые, многие даже на лицо переменились, и это все видят: теперь уж мастера многих не трогают, и в праздник полиция вежливенько просит на нашей стороне толпой не стоять, и так просит, будто рабочий завтра свободу получит. Раньше каждая стачка была событие, а теперь всякий видит, что одна стачка ничего, теперь свободы нужно добиваться, грудью брать ее. Теперь все, и старик и малый, все читали бы, да вот горе наше — книжки нет. Я прошлое воскресенье собрал одиннадцать человек и читал: «С чего начать», так мы до ночи не расходились. Как все верно сказано, как до всего дойдено. Я Вам правду сказал на прощанье: часто мы Вас поминать будем. Вот Вы были бы, Вы бы уж, наверное, устроили нам: хочется нам письмо в эту самую „Искру" Вашу написать, чтобы она не только учила, как начать, а и как жить и умереть. Вы, небось, смеетесь и скажете, что всего в газете не напишешь, это так, а все-таки в этот раз я прочитал то, что еще нигде не было написано. Теперь уж нам не кассы нужны, не кружки, даже не книжки, теперь просто учи, как в бой итти, как в бою воевать. И как нарочно никого: Вас нет, вместо Вас никого, союзников словно вымело, а самим, ведь, не справиться; тут у нас затевают, если еще в другой раз в расчет уволят, так итти всем громить фабрику, пусть пропадет, коль кормить не может. А разве сурьезно!? Я, да и другие тоже подбиваем, лучше на Невский выйти, да на знамени написать: работы и свободы, да разве одним совладать? Пусть бы видели, какие русские рабочие. Теперь только начать нужно, а там все пойдет, все движется, везде тлеет. Вот смотрите, было на тракту, было у нас, у балтийцев; а скоро путиловцы такое покажут, что у нас и не видывали. Со многими мы простимся, многих у нас вырвут, много и ошибок наделаем, да в таком деле иначе нельзя, во-первых, а второе — уж дело больно крупное начинается. Это еще не конец, это только первый пожар, и его потушат, но огонь будет так ярок, что и слепые увидят, что кому нужно, кто кому враг, а уж второй пожар солдаты заливать не пойдут. Вы, верно, бранитесь, что не пишу, как у нас, про события. Про В. (убитого) Вы знаете; если вы знали Ф., так ему тоже голову прошибли. В другой раз напишу, если Вам любопытно и если цел буду; ну, да выплыву, может, еще вместе поработаем — то-то бы хорошо».

Как нам пишут, с 7 июля Обуховский завод опять забастовал вследствие того, что уволенный было помощник директора Иванов, виновник первой стачки, снова появился на заводе. 12 июля арестовано до 120 рабочих с этого завода.

В Центральном районе. Обилие штрафов при 12—13 руб. месячной платы для взрослого рабочего, редкая выдача этого заработка (раз в месяц) — таковы условия труда в прядильно-ткацкой фабрике г. Классина в Романове-Борисоглебске, Ярославской губернии. К этому еще присоединяется застарелая язва российской фабрики — хозяйская лавка. Товар в такой лавке недоброкачественный, цены более высокие, чем те, какие значатся в утвержденной фабричным инспектором таксе. При покупке товара в заборной лавке отмечается та цена, которая показана в таксе, надбавка же уплачивается наличными деньгами. В виду редкой выдачи заработка, рабочим часто приходится для покупки товара, не имеющегося в хозяйской лавке, совершать коммерческую операцию: купить какой-нибудь ненужный товар в этой лавке и перепродать его, теряя 20% убытка.

Зато на бумагопрядильной фабрике Франко-Русского общества близ станции Павлово (Московско-Нижегородской ж. д.) теми же доблестями отличается лавка... потребительного общества. «Обвешиваются на целые фунты»,— пишут нам оттуда, а когда обвешенный покупатель, узнав дома об обмане, явится обратно в лавку, то его же обвиняют в непорядочности: сам-де дома отрезал, а потом пришел сюда.

Кострома. Все арестованные в апреле освобождены в июне. Обвинялись в участии в костромской социал-демократической группе (по 318 и 252 ст.). Улик не добыто никаких.

Рабочий Иван Румянцев по делу 1900 г. приговорен к 2 месяцам тюрьмы и году высылки. По тому же делу высланы еще на два года в Вятскую губ. работница Мария Семенова, в Казанскую губ. на два года ее сестра Ольга Семенова; на один год в Саратовскую губернию рабочий с фабрики Зотова Павел Кузбяков и слесарь Андрей Вахов; в Самарскую губ. на один год слесарь Павел Блохин; туда же на два года рабочий Иван Обухов; в Астраханскую губ. на один год конторщик Сергей Зубов (человек, ни в чем неповинный и ни к чему не причастный). В Казанскую губ. на два года: слесарь с фабрики Зотовых Капитон Лапшин, рабочий той же фабрики Иван Данилов, рабочие Никанор Соколов и Иван Барабанов (в Кострому был выслан из Петербурга). Туда же на один год Константин Барабанов. В ночь с 4 на 5 июня у рабочих были опять обыски. Арестован Лапшин, но через несколько дней выпущен. Обыски повторились 21 июня. Все эти события вызывают массу толков среди рабочих, спрос на нелегальную литературу значительно увеличился, ею интересуются такие рабочие, которые прежде не стали бы ее и читать. Даже самым «серым» рабочим, только что пришедшим из деревни, любопытно знать, «за что это людей берут» и что написано в тех книжках, которые «ищет полиция».

На допросах полковник Кемпе некоторым рабочим говорил: знаем мы, чего вы добиваетесь — восьми часов труда; сделай по-вашему, а вы потом голову нам оторвете. Такими фразами очень поднимают дух у всех работающих, так как каждый признает за собой силу, с которой надо бороться и которой боится правительство.

Саратов. Стачечное движение. В среду 6 июня рабочие железно-дорожных мастерских за час до обеда прекратили работу, пред'явив вызванному им начальнику мастерских требование отмены существующей системы штрафов (при этой системе за прогул одного дня у рабочего вычитали двухдневную плату, при опоздании хотя бы на полчаса — вычитали полдня). После неудачной попытки провести рабочих кажущейся уступкой, начальник мастерских удовлетворил их требование, но рабочие, посоветовавшись между собою, пред'явили ряд новых требований, как-то: повышение расценков, понизившихся за последние пять лет по некоторым предметам на 50 проц., затем выбора рабочими старост для разбора мелких недоразумений с управлением. Не решаясь самолично удовлетворить новые требования, начальник мастерских вызвал телеграммой начальника дороги, начальника тяги и жандармского полковника. Последний, впрочем, в первый же день забастовки был на месте «сражения» и говорил рабочим, что он является представителем царской власти, не заинтересованной в притеснении рабочих, что он их отец, а они его дети и т. д.

В четверг рабочие не работали. В пятницу же утром собрались в мастерские выслушать решение начальства, устроившего в этот день военный совет. Надо заметить, что железно-дорожное начальство, видимо, растерялось, и действиями его стал руководить жандармский полковник Сыропятов, человек довольно ловкий. Выйдя к рабочим, полковник стал читать им ответ начальства. Штрафы отменялись, расценок повышен. Рабочие были довольны результатом забастовки, старики благодарили полковника. В субботу работы возобновились, но в 9 часов утра рабочие снова забастовали, сочтя себя обманутыми: по вывешенным правилам — вопреки словесному заявлению полковника — при об'явлении вводимых новым порядком «предостережений» за прогул (после трех таких предостережений) рабочий увольняется. В счет принимались прогулы до завтрака, тогда как полковник обещал, что такие прогулы в счет итти не будут. Жандармский полковник уговорил рабочих не прерывать работ до приезда начальника дороги, на что рабочие согласились. В среду 13-го, по приезде начальника, в мастерских вывешено было об'явление, удовлетворяющее часть требований рабочих. «Предостережения» устанавливаются только за прогул по неуважительным причинам, обещано сокращение рабочего времени и «разрешается каждому цеху иметь своего выбранного старосту для выяснения нужд и желаний рабочих». В конце об'явления добавлено, что рабочие получат плату за дни стачки, но что при повторении стачки мастерские будут закрыты. Рабочие молча согласились продолжать работу. Хотя победа неполная, но рабочие довольны ею. Важно то, что все дни забастовки рабочие вели себя образцово и не было никаких поводов к вмешательству жандармерии. Никаких «зачинщиков» не было и пострадавших пока нет. Старосты уже выбраны и приступили к исполнению своих обязанностей.

Стачка произвела большое впечатление и на рабочих других заводов. Под ее влиянием начали волноваться рабочие механического завода Беринга (работает 250 чел.). Последний завод давно славится неаккуратной расплатой с рабочими. Года два назад там было уже столкновение по этому поводу. Некоторое время назад управление завода вывесило об'явление, что отменяется время на завтрак (полчаса); работа должна начинаться с 6-ти и итти непрерывно до 12-ти, затем дается час на обед (прежде полтора часа); зато общий рабочий день сокращается на один час, т. е. управление завода даровало 1 час рабочим из их же времени (полчаса из завтрака и полчаса из обеда). В пятницу 15 июня рабочие завода собрались перед заводом и потребовали отмены этого нововведения, аккуратной расплаты за прожитое время, ограничение «ученичества» и проч. Все эти требования были помещены в гектографированной прокламации, один экземляр которой был найден у одного ученика и представлен начальству. На место действия уже прибыл пристав второй части и низшая полиция. В пятницу и субботу переговоры ни к чему не привели: работы, однако, не производились. В субботу или в воскресенье от администрации завода было вывешено требование, чтобы рабочие вышли на работу, а нежелающие чтобы брали расчет. 45 человек явились в контору и тут встречены были полицией и жандармами. Всех 45 человек отправили в часть, но дорогой 5 рабочих вернулись на работу. В понедельник с работ взяли еще 23 человека, а во вторник 16 человек. Из них более десятка выслано из Саратова административным порядком. После стачки на заводе были распространены прокламации, выясняющие причину ее неудачи.

Слабые попытки устроить забастовку были и на чугуно-литейном заводе Макарова. Но когда приехал фабричный инспектор, то недовольство выразил один лишь интеллигентный рабочий, а остальные его не поддержали. Недовольному было предложено удалиться с завода.

Саратов. Стачка крестьян-рабочих. В селе Николаевском, Саратовского уезда (в 45 верстах от Саратова), находится земледельческое училище, учителя которого имеют порядочное влияние на ход дел у крестьян этого села. По инициативе инспектора училища Зенкевича при сельском ссудо-сберегательном товариществе была устроена мастерская плугов. В мастерской работало 18 мастеров, а с учениками до 25 человек, большая часть их из местных крестьян. В конце мая рабочие прекратили работу, пред'явив заведующему мастерской следующие требования: увеличение заработной платы, сокращение рабочего дня на 1 час (до 9½ час.), увольнение конторщицы, выдача денег два раза в месяц, правильные часы, прекращение произвольных понижений платы, отмена штрафов (не вычитать за один день болезни), правильное обучение учеников. Стачка продолжалась две недели, пока рабочим надоело ждать и они задумали устроить артельную мастерскую, что и было сделано при помощи небольшого займа. Время для стачки было выбрано неудачное, так как большая часть заказов была уже выполнена.

Ссудо-сберегательные товарищества, как известно, представляют тоже один из излюбленных нашими народолюбцами способов решения рабочего вопроса помимо «грубых» средств классовой борьбы, выдуманных европейским пролетариатом. Как видно из корреспонденции, «товарищество» деревенских хозяйчиков вело свое дело эксплоатации своих «однообщинников»-пролетариев почище любого

фабриканта с мошенническими часами, со штрафами за болезнь (!), с незаконной расплатой менее двух раз в месяц и пр. и пр.

Рабочий в роли попа-увещевателя. В Николаевске (Самарской губ.) возникла стачка на механическом заводе. Заводчик обратился к своему приятелю в Саратове, тоже заводчику Коробову, чтобы тот прислал ему человека, который бы оказал воздействие на рабочих. Коробов отправил в Николаевск рабочего Трусова, административно-высланного в Саратов. Приехав в Николаевск, Трусов остановился у заводчика, который его принял с распростертыми об'ятиями. Трусов уговорил рабочих прекратить стачку, уверяя, что хозяин не враг им, а друг, и что он сам страдает от плохих дел, в силу чего прибавить им плату не может. Увещания подействовали, рабочие прекратили забастовку, а Трусов с благодарностью возвращен обратно.

Симферополь. Приводим рассказ о майской демонстрации этого года в Симферополе.

— Они хотят свободы...

— Что значит: «хотят свободы»?

— А то, что слышите. Развернули вышитое красное знамя, прошлись по Екатерининской, пели за свободу и раздавали какие-то листки...

— Нет, это очень просто. Завтра день рождения государя, евреи-портные взяли да и прошлись по улицам с пением...

— Дурак, они марсельезу пели, да полиция арестовала одного.

Такого рода взволнованные речи вели между собою добрые обыватели нашего тихого, смирного, богоспасаемого города в субботу, 5 мая этого года, около 7 час. вечера. Да и было отчего волноваться, было что не понимать простому обывателю. С тех пор, как стоит Симферополь, он не видел ничего подобного тому, что происходило там 5 мая перед вечером. А происходило вот что:

Толпа рабочих и работниц местных портняжных, сапожных, столярных, слесарных мастерских, табачных фабрик, всего около ста человек, преимущественно евреев, вчерне в Симферополе устроили публичную майскую демонстрацию. Они, действительно, как говорил наш обыватель, с развернутым знаменем, на котором красовались вышитые на русском и еврейском языках слова: «Да здравствует политическая свобода!», «Да здравствует 8-часовой рабочий день», «Рабочие всех стран, соединяйтесь!» и с пением рабочей марсельезы прошлись по главной улице нашего города при громаднейших скоплениях публики, которой раздавались прокламации.

Нужно сознаться, ничего не понимала во всем этом большая публика, но ничего не понимала и полиция, которая по долгу должна была понимать. Да, необходимо достодолжным образом отметить этот факт и обратить на него всеобщее внимание.

Рабочая демонстрация 5 мая беспрепятственно, блестяще прошла при явном и ясном соучастии тамошней полиции, не ведавшей, что творится у нее под носом. Городовые дали дорогу демонстрантам, отстраняя постороннюю публику, мешавшую шествию. Небывалое в России явление!

А между тем, как мы слышали, ни один из чинов симферопольской полиции не посажен в тюрьму, не устранен даже от должности.

Как бы ни было, последуем под охраной полиции за нашими рабочими-демонстрантами. Шествие, прошедшее в образцовейшем порядке, длилось, правда, не долго, минут 25—30 не больше, но впечатление произвело оно сильное. Я указал вначале на непонимание, как следствие невежества обывателя. Но зато я был сам свидетелем следующей сцены. Группа возвращающихся с работы каменщиков наткнулась на шествие. Подхватив несколько листков и пробежав их глазами, рабочие в один голос начали кричать: «Браво! Молодцы, ребята! Ура! Ура!». Послышались лишь шумные рукоплескания. Это я сам видел. Но я, кроме того, знаю, что демонстрация произвела огромнейшее впечатление на большую массу нашего рабочего населения вообще. После демонстрации носились даже упорные слухи, что русские, главным образом, строительные рабочие, каменщики, штукатуры, плотники, не желая отстать от товарищей-евреев, собираются повторить демонстрацию в более широком размере 14 мая, в день «священного» коронования царственных особ. К сожалению, слухи эти оказались только слухами, хотя, правда, в ночь с 13 на 14, несмотря на принятые полициею меры, по всему городу разбросаны были новые, приготовленные, как и первые, на гектографе прокламации.

С другой стороны, демонстрация произвела ошеломляющее впечатление на местные и, вероятно, не только на местные власти (генерал Трубчиков, стоящий во главе таврического жандармского управления, дал по телеграфу немедленно знать о событии в Петербург).

Поэтому, если поставите мне вопрос, нахожу ли я майскую демонстрацию удачной, я отвечу «да», потому что она сделала свое дело, вызвав в нашем рабочем населении готовность к дальнейшей борьбе, возымев чрезвычайно сильное действие на полицию. «Я положительно голову теряю от этих дел»,—заявил симферопольский полицмейстер Кузьменко одному видному обывателю. О шествии рабочих со знаменами дал знать в полицейское управление по телефону один услужливый обыватель. Полиция прибежала, конечно, обезумевшею, но слишком поздно: она почти никого уж не застала, и на «месте преступления» ей удалось захватить одного лишь рабочего-знаменоносца и то по простой несчастной случайности: рабочий, несший огромное знамя, споткнулся и упал. Схваченный (имя его Аншель Дыскин, дамский портной) был страшно избит в участке помощником пристава Ковалевским и немедленно отправлен в тюрьму. Вслед затем началась настоящая охота на ремесленных, а отчасти и других рабочих нашего города. В охоте этой наряду с полицией принимал участие некий обыватель, причисляющий себя, конечно, к «интеллигенции». Виктор Артемьевич Шикин, бухгалтер местного отделения Азовского банка, выказав при этом необыкновенные шпионские способности. Итак, началась охота на наших рабочих. Ночью 5 мая были арестованы и препровождены в местную тюрьму след. лица: Кайнерс, Шухер, Волович, Шидловский — дамские портные; Таноруцкий, Помочников — слесаря. Обвиняемые в участии в демонстрации, они и поныне остаются в тюрьме. В течение двух следующих недель обыскивали, допрашивали и арестовали свыше 250 чел.: приказчиков, рабочих и просто обывателей. Арестованы за это время: акушерка Толчинская, а совсем на-днях В. Г. Громан, помощник заведующего статистическим бюро таврического земства, подлежавшего вместе с двумя другими лицами высылке из Таврической губернии по какому-то делу.

В январе н. г. во всех главных мастерских нашего города вспыхнула стачка. Столяры, в числе 50 чел., бросили работу, выставив требование 10½-часового рабочего дня (от 6 до 6, прежде работали от 6 до 9) с полуторачасовым перерывом на обед: после трех дней правильной и хорошо организованной борьбы стачка увенчалась полным успехом: во всех столярных мастерских введен был 10½-часовой рабочий день. Не обошлось, конечно, как и во всякой борьбе, без жертв. Во время стачки произведено было очень много обысков, и рабочих-столяров Игната Тарчевского, Шифранского и Клюгмана арестовали и продержали в тюрьме три месяца. Теперь Тарчевский и столяр Николай Воробьев сосланы в Вятскую губ на 3 года, Шифранский и Клюгман высланы из Таврической губ.

На-днях арестован Г. Л. Вольфензон, служивший статистиком в Таврическом земстве. Арест этот стоит в связи с демонстрацией 5 мая.

До последних лет гор. Керчь не представлял из себя ничего выдающегося в промышленном отношении, кроме рыбных ловлей, которые производятся больше мелкими промышленниками. Но вот пять лет тому назад там были найдены богатые залежи железной руды, и работа заки-

пела: известное общество Брянских заводов купило рудные земли и начало строить громадный металлургический завод. Затем еще два общества начали разработку руды в окрестностях Керчи для экспортирования на заводы в Таганрог и Мариуполь. Брянское общество также позаботилось извлечь из земли доходы еще до окончания постройки завода и вывезло до 2.000.000 пудов руды на мариупольские заводы, а к постройке завода привлекло новые капиталы и образовало акционерное общество керченских заводов и рудников. Постройка завода, хотя и не особенно быстро, но продолжается: уже готовы две доменные печи (их предполагается пять). Рабочих занято на постройке завода до 4.000 человек.

Завод строится по последнему слову технической науки, но отношения (увы!) к рабочим администрации далеки от последнего слова... даже русских фабричных законов. Они нисколько не заботятся о каких-либо удобствах для рабочих: завод от города отстоит на семь верст, и рабочим приходится тратить по три часа в день на ходьбу на завод и обратно; двухчасовой обед приходится проводить в стенах завода, питаясь в сухомятку, так как близ завода квартир для рабочих совсем нет; таким образом, десятичасовой рабочий день обращается в 15-часовой. Допускается работа малолетних моложе 15-ти лет по десяти часов в сутки и даже ночные сверхурочные работы, которыми вообще страшно злоупотребляют и в отношении к взрослым рабочим: некоторые, кроме семи дней в неделю, еще работают три-четыре ночи. Заработная плата выдается неаккуратно... Да всего и не перечесть. Не заботясь об удобствах рабочих, администрация завода вместе с полицией усиленно заботится об охранении рабочих от влияния сознательных товарищей. После анти-турецких беспорядков рабочих-грузчиков на заводской пристани в июне прошлого года было уволено несколько поднадзорных рабочих, участников рабочих организаций в других городах. Их влиянию приписывали возникновение беспорядков. Но спасти рабочих от «заразы» не удалось. В марте н. г. на заводе появилась прокламация с призывом готовиться к празднованию первого мая. Было уволено несколько человек подозрительных в смысле неблагонадежности рабочих, но это не помогло: накануне первого мая прокламации вновь были распространены по заводу. Первого мая много рабочих не явилось на работу, и администрация вынуждена была распустить с работы и остальных. Опять последовали увольнения. Больших результатов пока появление прокламации не принесло, так как это было еще впервые, но ведь влияние сознательных рабочих на этом не остановится и будет продолжаться. Брешь пробита, и администрации с полицией придется считаться с проявлением сознания рабочих. Что сознание растет, это доказывается появлением требований. Напр., требование директору завода об отмене его распоряжения не давать приставать к заволжской пристани пароходу частного владельца, возившего рабочих на завод и обратно. Остается пожелать, чтобы это сознание проникало и шире и глубже в среду рабочих и чтобы на всякое злоупотребление и самодурство как администрации, так и полиции рабочие отвечали протестом, не давали бы гнать своих товарищей борющихся за общее рабочее дело.

В хронику стачек в Западном крае. За май и июнь в Зап. крае произошел ряд стачек. Наиболее крупной и интересной была стачка разборщиков и составителей плотов (600 чел.) в Ковне и окружающем районе, составляющих самую отсталую часть местного пролетариата. Стачечники требовали увеличения заработной платы, установления нормального рабочего дня, возвращения уволенных агитаторов и пр. Стачка кончилась победой рабочих. 250 еврейских булочников бастовали в Белостоке, требуя выдачи кормовых денег вместо хозяйского содержания, права жить не у хозяев и сокращения рабочего времени. Требования удовлетворены. В Белостоке же бастовали щетинщики. В Витебске и Двинске бастовали рабочие на табачных фабриках, в Витебске, кроме того, 150 кожевников, требовавших сокращения рабочего дня и одержавших частичную победу. — До 800 кожевников (главным образом, христиан) бастовали в Вильне, там же была стачка 400 каменщиков. — В Варшаве был ряд стачек в ремесленных заведениях (портные, позументщики, перчаточники) и у кожевников.— В Гродне христианские и еврейские рабочие на переплетной фабрике (150 чел.) восстали против увеличения рабочего дня. — В Пинске была стачка на фабрике фанер (300 раб.), в Гомеле среди приказчиков и в Могилеве на маслобойном заводе. — В начале июля в Минске забастовало 600 столяров.

ИЗ ПАРТИИ

Изданное Польской Соц.-Дем. Партией в Польше и Литве воззвание «К членам Российской Соц.-Дем. Партии» дает подробное изложение истории социалистического движения в Польше и Литве и его теперешнего состояния. Надеемся в одном из ближайших номеров познакомить читателей с этой историей. Воззвание польских товарищей оканчивается приглашением действующих в России соц.-дем. организаций на общий с'езд для обсуждения вопросов совместной партийной деятельности. Программу с'езда партия предлагает такую:

1) Выработка общих политических требований. Мы предлагаем всем социал-демократам в России выставить требование демократической конституции, гарантирующей полную национальную автономию финляндцам, полякам, литовцам и другим народам, населяющим Россию, и предоставить право полного самоопределения всем национальностям.

2) Организация социал-демократической партии России на федеративных началах.

3) Выборы Центрального Совета всех социал-демократических партий в России.

4) Выработка общего плана действий и организация совместного празднования первого мая.

Воззвание заканчивается следующими строками:

«Товарищи! Тяжелые политические условия, в которых мы живем и работаем, требуют тесной сплоченности каждой из наших организаций и возможно тесного единения нас всех. Сплоченность и существование центрального органа, как показал наш опыт польского рабочего движения, не только не подвергают движение большей опасности, но, наоборот, облегчают противодействие правительственным репрессиям, дают нам возможность сохранить побольше сил в борьбе за существование, не говоря уже об иных неисчислимых выгодах, которые они приносят делу пропаганды и агитации. Сколько фактов, имеющих первостепенное значение для всей России, оставляется без внимания, сколько сил не эксплоатируется, насколько замедляется и затрудняется доставка корреспонденций, сношения между городами, транспортировка литературы и проч. и проч., благодаря именно отсутствию центральных групп».

Вышел отчет о четвертом с'езде «Всеобщего Еврейского Рабочего Союза» («Бунда»), состоявшемся в апреле этого года. На с'езде присутствовало 24 делегата от Центрального Комитета, 12 городов и двух профессиональных организаций. С'ездом рассмотрено много вопросов, имеющих интерес для всей русской социал-демократии (напр., о значении стачек, об экономическом терроре и т. д.).

Наиболее важным является решение с'езда по национальному вопросу. Обстоятельно переданные в отчете дебаты и подробно мотивированная резолюция вносят столько нового в постановку еврейского вопроса для читателей, мало знакомых с внутренней жизнью «Бунда», что критика точки зрения, принятой с'ездом, потребовала бы от нас более места, чем каким мы можем располагать в этой заметке. Откладывая поэтому до другого места обстоятельный разбор позиции, занятой Бундом, мы констатируем только, что с'езд, во-первых, признал, что Рос-

сия должна стать федерацией национальностей с полной автономией каждой из них, независимо от обитаемой ею территорий; что евреи составят одну из этих автономных национальностей и что в настоящее время требовать национальной автономии для евреев «преждевременно» в виду более неотложных политических задач.

Итак, национальной автономии для евреев Бунд не станет требовать от самодержавного правительства, но он ее потребует от будущей освобожденной России. Бунд не говорит, в каких формах можно будет осуществить эту автономию (т. е. самоуправление) для миллионов населения, не занимающих сплошной территории, но рассеянных между сплошным населением России, Польши и Литвы. Не требовать ли выделения в отдельные самоуправляющиеся коммуны тех местечек, которые населены, главным образом, евреями? Ибо во всех местностях «черты оседлости» евреи составляют в целом меньшинство, и для образования «еврейских» округов пришлось бы именно отрезывать городские поселения от сельских.

Или, предполагая, что с разрушением «черты оседлости» евреи расселятся по всей России, не требовать ли самоуправления для каждого городского квартала, населенного евреями?

Как бы то ни было, 4-й с'езд Бунда знаменует собой развитие национализма в еврейской социал-демократии Зап. России и Польши (на юге, как известно, еврейские рабочие работают рука об руку с русскими во имя общих требований русского пролетариата). Еще недавно, на своем третьем с'езде (в январе 1900 г.), Бунд отверг предложение о требовании для евреев «национальных прав», ограничившись требованием гражданского равноправия.

С своей стороны, мы можем только считать крупной политической ошибкой это стремление совершенно искусственно втиснуть еврейское рабочее движение в русло национализма в то время, когда главным злом, от которого задыхается еврейская масса в России, является правительственная политика, задерживающая процесс ее сближения с окружающим ее населением.

Это развитие в сторону национализма отразилось немедленно на отношении Бунда к общерусскому социал-демократическому делу. С'езд занялся вопросом об отношении Бунда к Росс. С.-Д. Раб. Партии. Отношение это определялось до сих пор решениями с'езда 1898 г. Но в то время Бунд представлял собою организацию, не преследовавшую никаких «национальных» задач и созданную только для специальной агитации среди еврейских рабочих на почве протеста против тяготеющего над ними гражданского бесправия (см. статью из органа Бунда, напечатанную в «Работнике» № 5—6). В отчете о последнем с'езде Бунда сказано: «Согласно решению первого с'езда С.-Д. Раб. Партии Бунд вошел в нее как автономная часть. Однако, затруднения для Бунда, создававшиеся иногда таким отношением, и усложнения, могущие возникнуть вхождением в партию других национальных организаций на федеративных началах, побудили с'езд заняться вопросом, не лучше ли Бунду заменить свои автономные отношения федеративными». При этом с'езд нашел, что «подобная замена, во-первых, явится логическим следствием резолюции, принятой по национальному вопросу, и во-вторых, внесет гораздо больше простоты (?) в отношения к партии и другим национальным организациям». Поэтому с'езд принял резолюцию, в которой заявляет, что, «представляя себе Росс. С.-Д. Партию как федеративное соединение социал-демократических партий всех наций, населяющих Российское государство, с'езд постановил, чтобы Бунд, как представитель еврейского пролетариата, вступил в нее как федеративная часть» и т. д.

Надо прежде всего отметить, что, говоря об автономии Бунда в Росс. Партии, «отчет» пропустил одну маленькую подробность. Резолюция с'езда 1898 г. гласит: «Бунд входит в партию как автономная организация, самостоятельная лишь в вопросах, касающихся специально еврейского пролетариата».

Вопрос о том, какое положение впредь должен занимать Бунд в Российской Партии, никак не может считаться вопросом, касающимся специально еврейского пролетариата. Этот вопрос одинаково затрагивает обе стороны, а потому не может быть решен одною из них. А из этого следует, что решение 4-го с'езда Бунда об изменении положения его в Партии совершенно незаконно. Эта незаконность не устраняется заявлением Бунда, что он «представляет себе» Росс. Партию «федеративным соединением» национальных организаций. Представлять себе он может все, что угодно, но на деле партия наша до сих пор федеративным соединением не была. Когда зайдет речь о включении в Росс. Партию новых «национальных организаций», тогда она, может быть, примет и федеративный характер. Тогда же решится и вопрос о том, какое положение занимать Бунду. До тех пор, — т. е. до партийного с'езда, — все остается по-старому. Если же Бунд, одна из договаривавшихся на с'езде в 1898 г. сторон, хочет снова «вступить» в партию на новых началах, то это нельзя понять иначе, как в смысле выступления из партии, как она сформировалась на с'езде 1898 г. «Вступать» в партию может только организация, стоящая вне ее. Это само собой подразумевается, и этого факта не устраняет то обстоятельство, что на заголовке отчета о с'езде стоит «Росс. Соц.-Дем. Раб. Партия».

Таким образом, первый же шаг на пути открытого выставления принципа еврейского национализма ознаменовался ослаблением организационной связи между еврейским и общерусским рабочим движением. Этого и следовало ожидать.

Мы твердо уверены, что националистические увлечения Бунда не найдут отклика среди многочисленных еврейских товарищей южной России, до сих пор боровшихся в одних рядах с русскими товарищами.

[Л. Мартов]

«Непримиримый», непериодическое издание, номер 1, 1901 год (гектографированное).

Как следует из вступительной статьи нового издания, оно вызвано к жизни некоторым кризисом, переживаемым в последние годы нашим «революционным меньшинством». Неудача народовольческого периода в истории революционного движения привела к тому, что стали «верить только в действия масс». Но, рассчитывая на действия масс, наши революционные группы сплошь и рядом, в целях ускорить это действие, были склонны приспособить свою программу к мнению данной массы (рабочей или либерально-буржуазной). «Непримиримый» выступает против этой струи в нашем революционном движении. «Сила всякого революционного меньшинства в непримиримости, в чистоте своей доктрины, в выдержанности своей точки зрения, а отнюдь не в компромиссах... Революционное меньшинство должно признавать одну практичность — высшую практичность революционного пути». Революционное меньшинство должно быть непримиримым, чтобы воздействовать на массу и «в конце концов победить нравственную дряблость, бессилие и малодушие окружающего общества (в широком смысле)».

Мы можем только приветствовать всякую попытку напомнить о великом значении «революционного меньшинства», т. е. организованной революционной партии в стране, политический строй которой парализует всякую самодеятельность широких общественных масс. Но точка зрения нового издания требует важной поправки. Сила революционной партии в непримиримости, в чистоте ее учения — всегда ли это так? Можно ли поддерживать такое общее положение? Не грозит ли такая точка зрения, высказанная в столь общей форме, привести к полному пренебрежению массой? Автор статьи предвидит подобное возражение, когда замечает, что, «говоря о необходимости для революционного меньшинства более резко отграничиться от „общества“, мы имеем в виду прежде всего идейное, теоретическое отграничение своей точки зрения от общественного мнения... Мы вовсе не имели в виду действительного материального отграничения революционного меньшинства от общества, тем более от рабочего народа, так как хорошо понимаем, что общество (в широком смысле слова) есть единственная точка опоры для этого меньшинства». Все эти оговорки, однако, не устраняют могущих воз-

никнуть сомнений. Каким образом «общество» (т.е., как имеет в виду автор, масса народа) может стать точкой опоры для революционной партии, если последняя прежде всего старается «отграничить свою точку зрения от общественного мнения» этой самой массы? Не рискует ли она находиться в отношении к этой массе в хроническом состоянии взаимного непонимания?

Эта опасность не призрачна — ее испытали многие революционные партии, приходившие после тяжелого опыта к убеждению, что «несть пророка в своем отечестве». Противоречие между «чистой доктриной» меньшинства и «общественным мнением» массы могло найти счастливое разрешение только тогда, когда революционная мысль в поисках за «точкой опоры», пошла дальше поверхности «мнений» и обратилась к тому, что является движущей силой, определяющей развитие этих «мнений». Такую движущую силу научный социализм Маркса и Энгельса нашел в социальных классовых интересах, порожденных общественными отношениями производства. Развитие классовых интересов обусловливает развитие «мнений» данного класса. Став на точку зрения классовых интересов данного класса и стремясь их выразить в своей программе, революционная партия может не бояться расхождения в данный момент этой программы с «мнением» данного класса, ибо она знает, что само развитие классовой борьбы неминуемо изменит эти мнения в сторону ее программы. При таком условии «непримиримая» партия, выступающая с этой программой, выражающей действительные интересы класса, может оказать громадное революционизирующее влияние на массу, ускоряя развитие ее «мнений» в направлении соответствующем ее классовым интересам. При таком условии «непримиримость» революционной партии становится, действительно, ее силой. «Практичности» тех, кто в каждый данный момент отражает колебания «общественного мнения» и вместе с последним терпит все самообольщения и неизбежные затем разочарования, революционная партия противопоставляет «высшую практичность революционного пути», практичность, вытекающую из понимания хода развития тех движущих сил, которые создают и изменяют «мнение». Только став на точку зрения интересов того класса, который ходом общественного развития делается носителем высших идей справедливости и свободы, революционная партия может стать и революционной силой, несмотря на свою «непримиримость» и даже именно благодаря ей. И только опираясь на классовые интересы пролетариата, «непримиримая» партия может, критикуя дряблость, половинчатость и шаткость «мнений» и поведения других классов («общества»), как это делает новое издание в трех остальных своих статьях, оказать своей критикой действительно революционное действие и оказаться, вопреки пословице, пророком в своем отечестве. А это значит, что только программа революционной социал-демократии может служить опорой для точки зрения, развиваемой новым изданием, которому мы желаем всякого успеха.

В ном. 5 саратовской «Рабочей Газеты» мы находим заметку под названием: «Несколько слов об „ответе“ Союзу Борьбы». В этой заметке рассказывается, что «некие саратовские господа (?) выпустили листок „Ответ СПБ. Союзу Борьбы“ от имени саратовских рабочих». В этом «ответе» выражается удивление, что Союз не выставил требований политической свободы (собрания народных представителей) в своей прокламации по поводу беспорядков на Обуховском заводе.

Авторы заметки об'являют, что «саратовские рабочие тут совершенно не при чем. Ни один из них не участвовал в „ответе“. Когда этот листок был предложен дважды на обсуждение саратовским рабочим, последние оба раза его провалили. И в самом деле. Нам ли, саратовским рабочим, которые еще настолько несознательны, настолько не привыкли к борьбе, что не могли выдержать простой стачки, упрекать в чем-либо петербургских рабочих, которые давно уже вступили в мужественную борьбу с фабрикантами и правительством» и пр?

Мы не видали ни упоминаемого здесь листка СПБ. Союза, ни «ответа» на него и не знаем, кто писал последний и выражает ли он мнение кого-либо из саратовских рабочих. Поэтому мы оставляем совершенно в стороне вопрос, имело ли в данном случае место то «бессовестное» злоупотребление именем саратовских рабочих, против которого последние протестуют. Нас здесь интересует всего больше странная, чтобы не сказать более, мотивировка саратовцами своего отказа от критики действий Петербургского Союза. Эта мотивировка сводится к известной Молчалинской мысли:

В мои лета не должно сметь свое суждение иметь.

Мы можем ответить на эту мысль словами Чацкого:

Помилуйте! Мы с вами не ребята,
Зачем же мнения чужие только святы?

Но нет! Авторы протеста хотят нас уверить, что они и впрямь ребята, самые невинные социал-демократические ребята. Они, видите ли, «настолько несознательны и не привыкли к борьбе, что не могли выдержать простой стачки». Позвольте вам не поверить, товарищи! Позвольте нам выразить уверенность в том, что вы, от которых происходит протест, во время стачки вели себя, как подобает сознательным рабочим, и, если стачка была проиграна благодаря малодушию несознательной массы, то на сознательных саратовских рабочих эта неудача никакого пятна не бросает и не лишает их «гражданских прав» в нашем государстве — партии, т. е. права критиковать поведение сознательных товарищей в других городах. Вероятно и «господа», писавшие протест, не пытались его навязать бессознательной массе, не умевшей «выдержать простую стачку», точно также как и протест свой они направляли не против массы петербургских рабочих, геройски боровшихся на тракту, а против ее руководителей, издавших по их мнению, плохую прокламацию (повторяем, мы не видели ее). Так о чем же тут огород городить?

В ряде сообщений из Саратова нам пишут о саратовских сознательных рабочих, как о людях, далеко не столь невинных в делах программы и тактики, какими они себя выставляют в своем протесте. Нам сообщают, что в основанной рабочими «Рабочей Газете» пишут одни только рабочие. И никто не задает себе вопроса: «Нам ли, столь бессознательным, что не сумели провести стачку, нам ли писать в газете о задачах рабочего движения?». С другой стороны, нам сообщают, что те же саратовские рабочие сочли излишним присутствие на майском собрании товарищей-интеллигентов. Опять-таки, они, поступая так, вероятно, считали себя не совсем ребятами. Наконец, нам пишут, что некоторыми рабочими в Саратове ведется пропаганда идей «Рабочей Мысли». Опять что-то не похоже на заявленную в протесте скромность. Ведь идеи «Рабочей Мысли» идут в разрез с идеями других рабочих газет, например «Южного Рабочего». И тот, кто пропагандирует первые идеи, тем самым борется против вторых. И не задает себе при этом вопроса: «Нам ли, не сумевшим выдержать простой стачки, нам ли иметь свое мнение относительно идей южных рабочих, которые» и т. д.

Выходит как будто, что скромность Грибоедовского героя применяется только в том случае, когда речь идет о протесте против того направления, которое не признает «политики». Совсем это особенная скромность, очень своеобразное смирение, и нам сдается, что это смирение паче гордости ?

Из области курьезов. В № 12 «Przedstwit'a» за прошлый год некто г. Veto поместил статью о положении революционного дела в России, в которой он полемизирует с сотрудником краковского журнала «Критика». В статье г. Veto мы встречаем такое заявление:

«До такой степени русские (социалисты) чувствуют недостаток в литераторах, что часто обращались они ко мне с просьбой о статьях; недавно, например, меня приглашали в редакционный комитет издания, имеющего появиться за границей, несмотря на то, что мои взгляды на Россию, весьма неприятные для русских, им достоточно известны».

Это бывает. Ведь прискакали же к Ивану Александровичу Хлестакову тридцать тысяч курьеров с приглашением: Иван Александрович, придите управлять департаментом.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Группе «Раб. Воли». Корреспонденция о демонстрации поступила к нам слишком поздно. Просим продолжать корреспондировать. № 5 «Листка» получили.

2аЗб. Письмо по поводу статьи «Рабочая партия и крестьянство» отсылаем, в виду его размера, в «Зарю».

Через московского представителя получено на организацию «Искры»: мес. внос. за апрель от N 15 р., за ном. 3-й 15 р., через Москву 46 р., из волжской столицы 50 р. От Антона через Фурдэля 100 р., Von einem Sarten 100 р., из Брюсселя через «Зарю» 20 фр., от доктора через Г. 25 р. Русские туристы 20 мар., читатели «Искры» 5 мар., через Г. Плеханова 70 фр.

По поводу многократных обращений к нам с вопросом о том, как сноситься с «Искрой» людям, попадающим за границу, мы повторяем, что из-за границы следует посылать все и всякие письма, материалы и деньги на адрес Дитца в Штуттгарте:

Verl J. H. W. DIETZ Nachfolger STUTTGART

для редакции «Зари».

Редакция «Зари» будет всегда немедленно пересылать нам все, получаемое ею для «Искры».

Типография «Искры».

ПРИМЕЧАНИЯ.

Прим. 1. Торгово-промышл. кризис, о котором здесь идет речь, начался в России в конце 1899 г. и продолжался вплоть до 1909 г. Ему предшествовал период промышленного расцвета и грюндерства в связи с притоком иностранного капитала. Начало кризиса в Европе и отлив золота во второй половине 1899 г. за границу вызвали в России сначала денежный кризис (показателем чего служит сокращение ссудных операций русских банков под процентные бумаги: напр., в 5 частных Петерб. банках эти ссуды упали с 474,2 милл. руб. в 1898 г. до 275,4 милл. руб. в 1900 г. и 241,2 милл. руб. в 1901 г.), а потом и промышленный. Кризис имел очень острый характер и ознаменовался целым рядом крахов (крушение предприятий фон-Дервиза, Мамонтова и др., затем в июле 1901 г. крах Харьковского банка, потом Екатеринославского Коммерческого, Петерб.-Азовского и т. д.). Лишь за два года (с 15 окт. 1899 г. по 15 окт. 1901 г.) ценность 98 русских предприятий, котировавшихся на Парижской и Брюссельской биржах, потеряла 3/5 своей стоимости (59%). Цены на товары быстро падают (напр., в тяжелой индустрии в 1901 г. по сравнению с 1899 г. понижение достигает 25—50%). Из общего числа нефтепромышленных заводов в 1901 г. бездействовало круглый год 14—16%. Производство в общем и целом по всей линии сильно сократилось (и в тяжелой индустрии и в текстильной промышленности). На фоне этого тяжелого кризиса ярко вырисовывается картина безработицы: напр., в железной промышленности число рабочих сокращается с 45.416 в 1899 г. до 35.710 в 1902 г., в каменноуг. пром. Дон. бассейна—с 67.526 в 1900 г. до 58.596 в 1902 г., на бакинских промыслах с 33.000 весною 1901 г. до 27.500 весною 1902 г. и т. д. Ужасы безработицы и ухудшение положения рабочих на фабриках и заводах составляют основной мотив почти всех корреспонденций в отделе «Искры»: «Хроника рабочего движения» за все время действия кризиса.

Прим. 2. За пятилетие 1891—1895 гг. протяжение вновь построенных жел. дорог в России выражается цифрою в 15.019 верст (значительно больше, чем за предыдущие 15 лет—с 1881 г. по 1895 г.; в следующее пятилетие 1900—1905 гг. эта цифра сокращается до 7.186 верст новых дорог). Закаспийская и Самарканд-Андижанская ж. д. образовали общую сеть Средне-Азиатской ж. д. с общим протяжением в 2.381 в. Сибирская ж. д. функционирует по частям с 1896 г. Общая стоимость ее постройки исчисляется в 6.500 милл. рублей.

Прим. 3. Известный немецкий ревизионист Э. Бернштейн в 1899 г. (в своих «Предпосылках социализма») выражал надежду, что «по меньшей мере на долгое время следует считать общие кризисы прежнего характера невероятными». Вслед за Бернштейном целый ряд «критиков» теории Маркса пытался опровергнуть теорию кризисов Маркса («Эта теория—лишь проблема, и выводы из нее лишь гипотезы, а не положительные истины»,—заявил Давид на партейтаге в Ганновере в 1900 г.) или об'явить ослабление противоречий капиталистического строя (Кампфмейер).

Прим. 4. Одним из очень видных членов «Южно-Русского Рабочего Союза» в г. Николаеве был штундист Роман Захарьевич Коротков, рабочий, специализировавшийся в качестве пропагандиста-агитатора. Свою пропаганду между рабочими он обыкновенно начинал с разговоров на религиозные темы «с политическим и противоправительственным оттенком» (по выражению жандармского дознания). Предателем и провокатором оказался другой рабочий Ананий Нестеренко, тоже игравший видную роль в организации.

Прим. 5. Корреспонденция «Из деревни» написана П. Лепешинским. Речь идет о Псковской губернии. Заслуживает внимания то обстоятельство, что несколько пессимистический взгляд автора на крестьянство (признание им «известной доли истины» за «общераспространенным взглядом на наше крестьянство, как на один из самых надежных оплотов русского самодержавия») не вызвал оговорки со стороны редакции «Искры». Лишь впоследствии крестьянские волнения на юге России заставили «искровцев» взглянуть более доверчивыми глазами на революционизирующееся крестьянство.

Прим. 6. Джордж Кеннан (род. в 1845 г., умер в 1924 г.) сев.-американский путешественник, об'ехал в 1885—86 г.г. Сибирь с целью ознакомления на местах с условиями русской политической ссылки. Русское правительство, уверенное в его отрицательном отношении к русским «анархистам» и «нигилистам», разрешило ему посещение тюрем и мест ссылки. Из этого непосредственного знакомства с русской политической ссылкой честный американец вынес иной взгляд на природу революционной борьбы в России с самодержавием, чем тот, которого он придерживался раньше, и в своей переведенной на многие языки книге («Сибирь и ссылка», вышла в 1891 г.) вскрыл пред общественным мнением цивилизованных стран картину тех чисто средневековых методов борьбы, посредством которых русское правительство пыталось задушить освободительное движение в России. Вышедшая нелегально за границей на русском языке книжка Кеннана пользовалась огромной популярностью среди учащейся молодежи в 90-х годах.

Прим. 7. Отзыв на эту заметку и ответ «Искры» см. «Искра» № 11: ответ, присланный «Группой саратовских рабочих».